

Władysław Łodyński

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. О. ГОРБУНОВА

Подъ редакцію и съ предисловіемъ

Н. О. Кожи.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

3-е изданіе.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Артистич. заведепіе А. Ф. Маркса, Пізмайл. пр., № 29.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

ОДНЕРКИ И РАБОТНИЦИ

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

I.

Мгла. Слякоть. Не то снѣгъ, не то дождикъ. Городъ весь на ногахъ.* Гостинный дворъ кишмя кишитъ. Приказчики сбились съ ногъ. Невскій проспектъ представляетъ картину города, въ который вторгся непріатель: лица у всѣхъ озабочены, снѣшать, бѣгутъ, ѣдутъ... На Сѣнной площади картина еще ярче: городъ взять; непріатель приступилъ къ грабежу. Шумъ, давка, несвязныя рѣчи.

— Ужъ ежели это не поросенокъ...

— Почтенный, наскрозь всю Сѣнную пройдешь—дешевле не купишь...

— Что, Надежда Павловна, какъ провизія?

— Приступу нѣтъ!..

— Ежели еще денекъ дать постоять—все раскиснетъ.

Птица нѣжная, много ли ей надо.

— Да, маленько прихватить и не удержишь...

— Свиинина выстоитъ, свининѣ ничего не сдѣлается, а птицѣ этакая погода—бѣда.

— Я тебя, каналью, въ санитарную комиссію!—кричитъ на продавца фуражка съ гражданской кокардой:—гусь твой въ періодъ разложенія и воняетъ...

— Напрасно, гусь первый сортъ. Вы извольте посмотреть,—отвѣчаетъ продавецъ:—гдѣ же онъ воняетъ?

— Понюхай!

— Вотъ и нюхаю.

— Ну что?

— Какъ есть гусемъ пахнетъ... чудесно!..

— Постой!.. Городовой!..

— Еще что, мамаша?—обращается молодой торговецъ къ кухаркѣ.

— Есть рябчики, только чтобы не давленные?..

— Какъ ихъ можно давить. Птица летучая, петли на нее не накинешь.

— И что это дума дѣлаетъ... Что она дѣлаетъ!..

— Что тутъ дума—дѣло не въ думѣ, а въ невѣжествѣ.

Внутри Александровскаго рынка сплошная масса толпящагося народа.

— Ивану Семенову, съ наступающимъ!

— И васъ также.

— За обновками?

— Чуйку хотимъ справить.

— Почтенный, у насъ покупали...

— Тетенька, что вамъ требуется?.. Пожалуйте!..

— Послушайте, господинъ! Пять съ полтиной!.. Пять!..

— Три рубля...

— Развѣ можно съ лампасами за три рубля... Помилуйте!..

— Господинъ, у насъ есть брючки случайные...

Въ темной, узенькой, заваленной разнымъ тряпьемъ, лавкѣ приказчикъ сбываетъ мужику кафтанъ.

— Да ты надѣнь!.. Надѣнь, да и посмотришь въ зеркало.

Мужикъ надѣлъ.

— Съ обновкой честь имѣю поздравить! По первой гильдин теперь ходить можешь. Такого фасону...

— Помочи, перчатки, манишки...

— Пожалуйте.

— Послушайте!..

— Продаешь, что ли?

— Продаю.

— Покажи-ко. Краденый?

— Зачѣмъ краденой, свой собственный. Къ празднику деньги требуются.

Въ конторахъ закладчиковъ тѣснота. Деньги требуются!

— Ждали мы наградныя-то къ празднику, а генераль возьми да и захворай, такъ всѣ съ носомъ и остались,—бесѣдуютъ двѣ почтенныя женщины.

— Да-съ! Вотъ и я тоже! Что ты станешь дѣлать, никакъ не обернешься. Ужъ какъ хотите, елку непременно нужно... Въ ломбардъ сунулась...

— Можете принять это кольцо?

— Позвольте!

— Что вы дадите?

— Два съ полтиной.

— Да вѣдь оно съ бюрюзой.

— А ежели бы безъ бирюзы было—цѣна бы ему была полтинникъ.

— Нѣтъ, я не могу.

— Это ужъ ваше разсужденіе.

— Вамъ что угодно?

— Вотъ, батюшка, девять ложекъ столовыхъ, три чайныхъ, ситечко, Станиславъ 3-й степени.

— Пожалуйте направо...

— Вы возьмете лисій салонъ?

— Нѣтъ-съ.

— А гдѣ можно заложить?

— У жидовъ, на Вознесенскомъ.

— Это ужасно!.. Отчего вы не возьмете?

— Мягкой рухлядью не занимаемся...

На углу Кирпичнаго переулка стоятъ извозчики.

— Деньги, деньги, гдѣ ихъ достать?—говоритъ полный отчаянія иззябшій человекъ въ рваной курткѣ.

— А требуются?—иронически спрашиваетъ его лихачь-извозчикъ.

— Ахъ какъ надо, ахъ какъ надо: два дня не ѣлъ...

— Вотъ сейчасъ баринъ два пятналтынныхъ уронилъ—поищи; можетъ найдешь...

— Ему на два пятналтынныхъ не управиться, — замѣчаютъ со смѣхомъ другіе:—ему, по его характеру, пяти рублей теперича мало. Потому, первое дѣло, онъ долженъ къ Дюссѣ идти...

Къ разговаривающимъ подъѣзжаетъ извозчикъ.

— То-есть, кажется... легче бы въ острогѣ сидѣть...—пачаль онъ, подвизывая лошади торбу.

— Накладай сколько хошь—не обидно... Ушелъ!..

— Кто ушелъ?

— Съдокъ ушелъ!.. То-есть, кажется... Нетокма—не заплатилъ—собственныхъ моихъ кровныхъ пять рублей унесъ.

— Что-жъ, праздникъ! Деньги всѣмъ требуются...

— Сѣлъ въ 8 часовъ, гонялъ, гонялъ... То-есть, кажется... Подъѣхали къ киятру, подожди, говоритъ, билетъ выправимъ... часа два стоялъ... То-есть, кажется...

Свечерѣло. Массы спящаго народа разошлись. Невскій проспектъ принялъ обычный видъ. Изрѣдка попадаются

пѣшеходы, экипажей совсѣмъ не видно. Послѣ полуночи торжественный гуль казанскаго колокола нарушается неистовымъ крикомъ какихъ-то гулякъ, возвращающихся на тройкѣ изъ Самарканда.

— Ромаша, выручи!—кричитъ одинъ изъ нихъ извозчику:—выручи! Сдѣлай для великаго праздника!..

II.

На пригоркѣ, окруженномъ сосновымъ лѣсомъ, стоитъ село Кошино. До чугулки черезъ него шла большая дорога. Мужики были богатые. Теперь оно въ упадкѣ. Постоялые дворы полуразрушены; трактира и въ поминѣ нѣтъ; кабакъ едва держится. Народъ разошелся по промысламъ: кто на чугулку пристроился, кто въ Петербургъ сошелъ, а кто такъ доживаетъ дни свои. У села есть преданія. Старики рассказываютъ объ разныхъ значительныхъ господахъ, которые у нихъ остапавливались; что неоднократно проѣзжалъ великій князь Михаилъ Павловичъ «и очень насъ ублажалъ и даже доволенъ былъ. Бывало, ѣдетъ—ужъ мы это чувствуемъ и сейчасъ всѣ къ нему. А старичокъ одинъ двумя дѣтьми его высочеству поклонился—великій князь велѣлъ въ гвардію взять и въ ундера прозвелъ, а со старикомъ чай пилъ». Большая церковь, старинной архитектуры, обнесена вѣковыми липами; барскій каменный домъ стоитъ безъ жилья. Село старинное. Оно принадлежало во второй половинѣ прошлаго столѣтія господину Красноперову, который и похороненъ у церкви. На памятникѣ его можно прочесть слѣдующее:

«Достопочтѣнный господинъ армійскихъ полковъ полковникъ Иванъ Ивановичъ Красноперовъ, служившій въ семилетнюю прускую войну, подкомандою тогда бывшаго генерала порутчика графа Петра Александровича Румянцева и при взятіи имъ крепости Колберха раненъ вногу, отъ которой раны внослѣдствіи времени вполскомъ городе Торуне представилъ 1760 г. и перевезенъ на семь мѣстѣ въ присутствіи пріѣхавшей изъ дону плачевной супруги и малолетняго тогда сына Павла да будетъ ему вечная память».

Садъ заросъ; пруды высохли. Село переходило изъ рукъ въ руки такъ часто, что нѣкоторые помѣщики не бывали въ немъ никогда.

— Мы господь-то своихъ, почитай что и не видывали,—говорятъ крестьяне.

Грамотныхъ въ селѣ очень много; есть даже начетчики.

Про какого-то Филиппа Ильича рассказываютъ, что онъ съ протопопомъ могъ разговаривать «отъ писанія». Просвѣщеніе въ селѣ и въ окрестности насадила и укрѣпила старушка помѣщица Елизавета Осиповна. Она любила благолѣпные храмы Божьяго и имѣла свой хоръ изъ дворовыхъ людей. Есть старики, которые до сихъ поръ поютъ на клиросѣ.

Ночь. Бѣлая снѣжная поляна освѣщена мѣсяцемъ. Село спитъ. Сквозь нѣкоторыя окна просвѣчиваетъ огонекъ. Изъ нѣкоторыхъ трубъ уже виденъ дымъ.

Люблю тебя, святая деревенская тишина. Люблю тебя въ весну роскошную, люблю тебя въ лѣто жаркое,

Въ осень ненастную,
Въ зиму студеную.

Вотъ проскрипѣли сани: запоздалый мужичокъ торопится къ празднику.

— Баушка, а что еще Христось не народился?—спрашиваетъ старуху проснувшійся мальчикъ.

— Нѣтъ, батюшка, еще не ударяли. Какъ въ церкви ударятъ, такъ онъ и народится. Ты спи пока.

— А ты скоро лепешки будешь печь?

— Пеку, батюшка, пеку. Опосля заутрени придешь—первую тебѣ лепешку...

— Съ творогомъ чтобы...

— Розговѣнье—какже безъ творогу-то?..

Раздается ударъ колокола... Мальчикъ бросился съ печи.

— Течерь народился?

— Народился, батюшка, народился Царь нашъ Небесный.

По всему селу засвѣтились огни.

Начетчикъ Филиппъ Ильичъ давно ужъ на клиросѣ. Онъ задаетъ дьячку вопросъ, на который тотъ, по незнанію, едва отвѣчаетъ.

— Вотъ ты и скажи: что значить—«съ небесъ срящите».

— Обыкновенно что...

— Нѣтъ—что?

— Ну, съ небесъ...

— Да это мы понимаемъ... А ты скажи къ чему, какъ? Я тебѣ скажу, что этого слова никто не знаетъ. Покойница Елизавета Осиповна у архирея спрашивала, такъ и тотъ: не могу, говорить, знать, ваше превосходительство. Вотъ какое это слово!

Звонъ умолкъ. Входитъ священникъ и начинается заутреня по чину.

«Дѣва днесъ» пропѣта нотная; регентомъ былъ самъ священникъ, дирижировавшій камертономъ, а прочіе размахивали руками.

Послѣ заутрени священникъ прославилъ въ трехъ богатыхъ домахъ. Особенно торжественное славленье было у бывшаго содержателя постоялаго двора Никиты Михеева. «Дѣва днесъ» пропѣли опять нотную, и самъ Никита Михеевъ подтягивалъ. Когда священникъ окончилъ, начали подходить славить деревенскіе ребята. Никита одѣлялъ всѣхъ цытаками. Одинъ паренъ лѣтъ 20 прочиталъ даже радсю, которая оканчивается такъ:

Я хоть малъ, да понимаю
Сколько радости въ сей часъ.
Итакъ, нынѣ поздравляю
Съ сею радостію васъ.

За что получилъ сразу три гривенника.

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Въ городѣ все шло своимъ порядкомъ, всѣ готовились къ встрѣчѣ новаго года. Надвигалась ночь; вспыхнули электрическіе фонари, замигали газовые, грустнымъ, едва брезжащимъ свѣтомъ озарили себя керосиновые свѣтильники зарѣченскихъ частей. На улицахъ было тихо, не было обыкновеннаго праздничнаго шума. Городовые безмолвно стояли на своихъ постахъ, ближайшіе ихъ помощники, дворники, бдѣли у своихъ воротъ, завернувшись съ головой въ овчинные тулупы, предохраняющіе тѣло отъ холода и уши отъ всякаго слышанія. Пѣшеходы все рѣдѣли и рѣдѣли. Вонъ въ калитку одного дома, незримо для охраняющаго домъ, проникнули два опустошителя пѣтербургскихъ чердаковъ. Вонъ извозчикъ продрогшая отъ холода лошадь оставила въ поливной своего хозяина и пошла домой одна. Вотъ несчастный, у котораго въ жизни нѣтъ никакихъ праздниковъ, а сплошные мрачные дни и ночи, бѣглымъ шагомъ стремится на ночьлечь.

Не пойти ли намъ за нимъ въ его юдоль нищеты, въ юдоль печали и воздыханія, гдѣ безсильны и слово утѣшенія, и самая широкая благотворительность.

— Эхъ, Петя! На горе я тебя родилъ!—говоритъ квартирантъ, укладывая своего сына на узенькую нару:—кому Новый годъ, а намъ съ тобой слезы.

И слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ несчастнаго отца. Лѣтъ семи мальчикъ тоже прослезился.

— На, пяточокъ, — отнесся къ нему сосѣдъ его по нарамъ: — завтра булку ему купишь. Безъ праздника ему тоже нельзя. Хоша и ребенокъ, а все онъ чувствуетъ.

Нѣтъ, лучше проникнемъ вонъ въ ту квартиру, въ которой виднѣется елка... Впрочемъ, тамъ нѣтъ ничего интереснаго. Тамъ бѣдный семьянинъ устроилъ для своихъ дѣтей елку. Ну что мы тамъ увидимъ? Увидимъ золотушныхъ дѣтей, увидимъ нѣсколькихъ гостей, чиномъ не выше титулярнаго совѣтника, увидимъ на столѣ копченаго сига, кусокъ лимбургскаго сыра, селедку съ лукомъ, услышимъ дурно играющаго тапера...

Мимо! Лучше пойдемъ вотъ туда, вонъ въ ту, ярко освѣщенную квартиру. Въ залѣ, за карточными столами, сидятъ мундиры и фраки...

— Что изволите сказать?

— Двѣ черви.

— Пась!

— Пась.

— Два безъ козыря...

— Пась...

Тоска!.. Вонъ!.. Пойдемъ туда, гдѣ весело, гдѣ живутъ... Не тамъ ли?—Балъ! Блѣдныя, изнуренныя танцами и безсонными ночами, дѣвицы, молодые люди, пожилые люди со звѣздами, старые люди безъ звѣздъ; начальникъ отдѣленія, начальникъ эксплоатаціи, директоръ банка, директоръ правленія, директоръ распорядитель, военный врачъ, просто врачъ, инженеръ, генераль, еще генераль, еще, еще... Grand rond! Chaine à droite! Chaine à gauche!

— Двѣ трефы. Три бубны. Пась! Пась! Пась!..

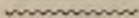
Душно и жарко... Вонъ!..

Ура!—слышится изъ полурастворенной двери одной изъ квартиръ богатаго дома. Блескъ и роскошь. На стѣнахъ дорогія картины. На столѣ масса серебра и драгоценной посуды. Веселыя лица чокаются бокалами, цѣлуются... Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ! Рука хозяйки начинаетъ изнемогать отъ нанесенныхъ ей поцѣлueвъ. Смолкло. Выпрямляется во весь ростъ отставной генераль Дитятинъ и начинаетъ говорить.

«Я буду, по возможности, кратокъ, на столько кратокъ, что не утомлю вашего вниманія и прошу почтительнѣе меня выслушать. Въ средѣ собравшагося общества, усматриваю находящихся здѣсь различныхъ профессій дѣятелей, какъ-то: художниковъ, музыкантовъ, писателей или такъ-называемыхъ литераторовъ и ученыхъ. Всѣхъ васъ я отъ полноты души моей привѣтствую и поздравляю съ новымъ годомъ (*Bravo!*). Позвольте, я еще ничего не ска-

заль. Привѣтствуя васъ, я долженъ вамъ высказать мои благопожеланія и сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, которыя вы, можетъ-быть, примете къ свѣдѣнію. Всѣ вы идете впередъ, дѣлая большую ошибку въ томъ, что по временамъ не оборачиваетесь умственнымъ окомъ назадъ. Мы все время тоже шли быстро впередъ, но до предѣльности. Дойдя до предѣльности, мы отдыхали, осматривались, провѣряли пройденное и съ новыми силами устремлялись уже за предѣльность, которая уже не становилась для насъ предѣльностью. Такъ, атакованная крѣпость составляетъ для воина предѣльность, а взятая предѣльность свою теряетъ. Вы шли впередъ безъ отдыха, обходя крѣпость и оставляя у себя въ тылу враговъ. Такъ, художники имѣютъ теперь въ тылу злѣйшаго врага—олеографію; музыканты бросили родные мотивы и атакованы нѣмцами и, несмотря на всѣ усилія, не могутъ пробиться сквозь вагнеровскую команду, хотя наши родные мотивы начинаютъ уже касаться до чуткаго нѣмецкаго уха. Современные драматурги пользуются драматическимъ фуражомъ въ Германіи и Франціи, хотя любезное наше отечество, при талантѣ и внимательномъ его изученіи, представляетъ для драматурга матеріалъ болѣе обильный и для общества болѣе полезный. Пью за самостоятельное русское искусство, чуждое иностранныхъ заимствованій...»

Генераль осушилъ бокаль. Находившійся въ числѣ гостей драматическій писатель чокнулся съ нимъ, но пить не сталъ.

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ! СЪ НОВЫМЪ СЧАСТЬЕМЪ!

Въ старину было обыкновеніе привѣтствовать новый годъ стихами. Стихи эти печатались въ журналахъ, газетахъ и преподносились даже швейцарами посѣтителямъ клубовъ. Такъ швейцаръ одного московскаго собранія, Семень Кобелевъ, пробряцалъ своимъ членамъ, въ 1844 году, слѣдующее стихотвореніе:

Давно я это зналъ, юнѣйшій сынъ вѣковъ,
Что будешь къ намъ ты послать Фебомъ,
И изольеть свои щедроты Богъ боговъ
На грѣшныхъ жителей подъ небомъ и т. д.

И этотъ же годъ встрѣтилъ покойный Мятлевъ такими стихами:

Новый годъ сорокъ четвертый
Къ намъ пришелъ съ сумой протертой... и т. д.

Впрочемъ, не одинъ новый годъ — прежде и масленица удостаивалась лиры:

Честъ имѣемъ васъ поздравить
Съ сырною недѣлей
И спѣшимъ стихи представить
Въ эти дни веселій.
Да цвѣтетъ на многи лѣта
Славный нашъ московскій!
Врядъ ли гдѣ въ предѣлахъ свѣта
Есть трактиръ таковскій.

Такъ привѣтствовали своихъ посѣтителей половые знаменитаго московскаго трактира.

Теперь это обыкновеніе прошло. Журналы и газеты стиховъ не печатаютъ, а половые подносятъ карточки съ изящно отпечатанными амурчиками и простою надписью: «Съ новымъ годомъ! Поздравительная карточка отъ служителей трактира И. Я. Тѣстова».

Одно только фараоново племя въ татарскихъ ресторанахъ, съ гикомъ, визгомъ и стономъ встрѣчаетъ обожателей безшабашнаго кутежа и неистовства прилаженными на новый годъ куплетами:

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ
Поздравляемъ, госнода.
И желаемъ вамъ съ участьемъ
Жить премногіе года... и т. д.

Итакъ, за отсутствіемъ стиховъ, поздравляю тебя, дорогой читатель, прозой: съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Дай тебѣ его Богъ. А если ты ужъ въ ночь сію ошастливленъ—радуюсь за тебя; если обоидешь—не унывай, крѣпись: не послѣдній это годъ; а если ты ничего не ожидалъ къ новому году—веселись и торжествуй. Пойдемъ на улицу. Обрати окрестъ взоры и смотри какое движеніе: шапки, цилиндры, кивера, треугольныя шляпы, обшитыя золотомъ, серебромъ, не обшитыя ни тѣмъ, ни другимъ, каски, на которыхъ

Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль...

Всѣ спѣшать,

Слѣло свершая назначенный путь.

Къ извозчикамъ лучше не подходи — сегодня ихъ день, теперь ты отъ нихъ зависишь. Онъ не только не подбѣжитъ—не подойдетъ къ тебѣ, будучи вполне увѣреннымъ, что ты въ немъ нуждаешься.

- Извозчикъ, до четырехъ часовъ...
- Семь рублей,—отвѣчаетъ онъ разсѣянно.
- Что ты, очумѣль, что ли!
- Помилуйте, сударь, день-то нынче какой... Опять же закладка...
- А велика ѣзда будетъ?—спрашиваетъ другой.
- Сказано: до четырехъ часовъ.
- Дайте шесть съ четвертью.
- Дуракъ!
- Какъ угодно! День-то нынче... Годъ цѣлый его ждали.

— Извозчикъ, въ Моховую.

— Дайте семьдесятъ пять копеекъ...

— Да вѣдь отсюда три шага...

— Что-жь, сударь, дѣлать: день такой...

Вотъ изъ подъѣзда вышелъ какой-то господинъ въ штатскомъ пальто и форменной треуголкѣ. Онъ спѣшишь. Ему надо — на Литейную, потомъ... потомъ на Фонтанку... Потомъ... Ну, чертъ тебя возьми!.. Въ ту... ахъ ты, Господи! Какъ она называется?.. Въ Коломну!

Извозчикъ все выслушалъ и отвѣтилъ мрачно:

— Занять.

— Тѣфу ты, анаеема,—отрѣзалъ господинъ и побѣжалъ.

— Вотъ те и анаеема? Промнись! Теперь извозчики-то... наплачешься,—проворчалъ ему вслѣдъ извозчикъ.

У воротъ дома стоятъ, облизываясь, дворники. Они вышли на всякій случай, «потому, какъ есть, которые господа даютъ,—можетъ на счастье, что и попадетъ».

Подъѣхалъ солидный баринъ. Дворникъ почтительно снялъ шапку и отстегнулъ полость. Другіе дворники тоже сняли шапки и умильно поклонились. Баринъ вышелъ изъ саней и вошелъ въ дверь.

— Что? Далъ?

— Нѣтъ,—со вздохомъ отвѣчалъ дворникъ:—только поздравилъ. И тебя, говорить, также.

— Народъ! — произнесъ иронически одинъ изъ его товарищей.

— Тутъ такихъ господъ почитай что и нѣтъ,—продолжалъ дворникъ:—вотъ за три часа гривенникъ, да пятакъ. А бывало въ домѣ Калугина, за это время, рубля два наберешь. Пустое дѣло—не стѣить. Уваженье, кажись, дѣлаешь и праздникъ этакой...

— Великій,—подхватилъ другой дворникъ.

— На что ужъ больше! Свѣтлый день, да этоть... Нѣтъ, ужъ это домъ такой... Бывало въ домѣ Калугина всякій давалъ по силѣ возможности...

Подъѣхалъ еще господинъ—дворники всѣ бросились отстегивать полость. Опять та же исторія: опять только поздравленіе получили.

— Значить—совѣсти у человѣка нѣтъ. Для этакаго праздника... Тѣфу!—окончилъ дворникъ и ушелъ въ ворота; другіе послѣдовали его примѣру.

Парадный подъездъ. Роскошная швейцарская. Мраморная лѣстница устлана богатымъ ковромъ.

Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завитымъ дверямъ.

Швейцарь съ булавою то и дѣло отворяетъ дверь и оретъ какимъ-то сильнымъ, дикимъ голосомъ: «Подайвай». На столѣ въ швейцарской груда визитныхъ карточекъ и три листа кругомъ исписанной бумаги. Второй швейцарь въ золотѣ, въ такомъ костюмѣ, про который русскій человекъ говорить, что «такъ нарядить человека, значитъ—осрамить и обругать его на всю жизнь». Онъ нѣкоторымъ почтительно кланяется, приговаривая: «Съ новымъ годомъ, ваше превосходительство»; а нѣкоторымъ просто показываетъ листъ съ нѣкоторой фамильярностью:

— Здѣсь можно росписаться.

Записавшій свое имя и званіе вручаетъ ему переводъ на государственный банкъ и быстро удаляется.

— Что, Алексѣй Савельичъ, какъ дѣла,—обращается къ швейцару выѣздной лакей Павелъ.

— Благодареніе Богу, идетъ хорошо! Хорошо идетъ! Жаловаться нельзя,—отвѣчаетъ швейцарь съ важностью: —вицъ-директоръ только маленько проитрафился: въ прошломъ году пять, а теперь три. Я такъ понимаю, что ошибся... Слава Богу, идетъ чудесно! Не знаю вотъ кто это рубль сунулъ. Это, должно-быть, человеклоубивый кунецъ... больше его не кому.

— Это какой же?

— А изъ человеклоубиваго общества.

— Это со звѣздой-то?

— Вѣдь она у него персидская, не наша. Опъ вмѣстѣ съ прокуроромъ вышелъ. Прокуроръ даль три... Ну, да это онъ и есть.

Просто подъѣздъ. Швейцарская скромная и швейцарь скромный. Нѣтъ той внушительной важности, какъ у швейцара параднаго подъѣзда, а что-то подло-занскивающее, что-то умильно-противное. Изъ-подъ лѣстницы, гдѣ его обитель, выглядываютъ трое ребятишекъ, поминутно спрашивая:

— Тятенька, сколько даль?

— Сорокъ копеекъ.

— Манька, сорокъ копеекъ.

Въ этой швейцарской не та публика и цѣна не та: здѣсь за рубль швейцарь вздрагиваетъ всѣмъ корпусомъ. Но все-таки разложенъ листъ бумаги и валяются пять-шесть карточекъ. На листѣ записались: Иванъ Павловъ, Павлинъ

Меліоранскій. Чиновникъ на усиленіе средствъ Дымченко. Николай Изразцовъ и т. п.

На углу Большой Морской такое движеніе, что полиція едва успѣваетъ направлять экипажи. Смотрите, сколько лицъ свѣтлыхъ, веселыхъ, мрачныхъ, равнодушныхъ, разсѣянныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ эту ночь осчастливлены. Вотъ этотъ, напримѣръ, непременно осчастливленъ. Смотрите, какъ онъ весело глядитъ по сторонамъ. Онъ сегодня въ новомъ украшеніи будетъ играть въ карты въ благородномъ собраніи.

— Позвольте васъ поздравить, Иванъ Степановичъ, — говорить ему партнеръ.

— О, полноте пожалуйста! Для человѣка служащаго это вещь неизбѣжная, — отвѣчаетъ онъ равнодушно.

Неправда! Онъ всю ночь примѣривалъ у зеркала.

А вотъ этотъ ждалъ въ 12 часовъ пополудни, ждалъ къ двумъ, ждалъ къ девяти утра и въ двѣнадцать пополудни узналъ, что сорвалось! Смотрите, какой онъ сердитый.

— Я думалъ васъ встрѣтить сегодня въ новомъ украшеніи, — говорить ему партнеръ.

— О, полноте пожалуйста, я служу не для того... .

Неправда! Эта ночь была для него мучительна.

Теперь пойдѣмъ къ нищѣ и у ней тоже новый годъ сегодня. Еще не стемнѣло, она теперь на улицѣ. Узкій переулочекъ. Высокіе дома, всѣ въ вывѣскахъ: «Кофейная на правахъ трактира», «Ресторація», «Трактиръ Любимъ», «Портерная лавка», «Пивная лавка съ разныхъ заводовъ», «Русскій буфетъ съ продажею пива и меда», «Погребъ иностранныхъ винъ купца Кривоногова». У воротъ дремлютъ дворники, несмотря на шумъ и движеніе.

— Съ новымъ годомъ! — говорить, едва держась на ногахъ, коренастый приземистый столяръ.

— Выпилъ?

— Порядочно! Больно праздникъ-то великъ, ну и выпилъ!

— Спать теперь пойдешь?

— Никакъ нѣтъ-съ. Спать намъ нельзя.

— Почему же?

— Потому у насъ положеніе...

— Какое?

— Обнаковенное положеніе: пеп, пока не трогаютъ. Отнимутъ ежели — тогда не надо. Тсперича я наскрозь буду интъ... Городовой ежели скажетъ...

— А городского боишься?

— Страсть! Околоточный тише... Иванъ Павловичъ... а городской—страсть! Теперича всё вышмши: портные, сапожники... вся мастеровщина какъ есть вся пьяная... Потому какъ есть новый годъ и, значить, дай Богъ, къ примѣру, всёмъ...

— Спать бы шель.

— Невозможно!

Изъ Москвы я прибылъ въ Питеръ
Все по собственнымъ дѣламъ...

запѣлъ пьяный человѣкъ и направился къ питейному заведенію.

Дѣйствительно, мастеровщина вся пьяная. Всё заведенія торгуютъ бойко. Городовой сосредоточенно смотритъ на обѣснующуюся толпу и изрѣдка дѣлаетъ замѣчанія.

— Шумять,—обращаюсь я къ нему.

— Никакъ, ваше благородіе, сообразить не могутъ. Хуже нѣтъ этого народу. Простой мужикъ лучше. Тотъ напьется, ткнется гдѣ попало и бери его живого; а мастеровой народъ не дай Богъ, особливо который въ пальтѣ ходитъ. Станетъ изъ себя доказывать — ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

— А долго будутъ шумѣть?

— Какъ все пропьютъ, такъ и кончено. Который самъ поползетъ, а котораго товарищи поведутъ. Больно, ваше благородіе, въ этомъ участкѣ рвани много, и на что она пьеть, даже удивительно. Теперича она вся по трактирамъ, да по пивнымъ, а вотъ къ вечеру-то полѣзеть... Нѣтъ никакой возможности.

— Чѣмъ они живутъ?

— Воруютъ, али такъ, побираются... Протестутки эти тоже... тыфу!—окончилъ городской, быстро бросившись къ толпѣ, въ которой началась драка: схватились портные. Это, по счету дежурнаго дворника, была десятая.

— Дерутся,—замѣчаютъ дворнику.

— Пуцай для новаго года погрѣются, это имъ хорошо,— отвѣчаетъ дворникъ:—съ утра стонъ стоитъ. Для новаго года не напиться—не каторжные,—заклучилъ онъ, завертываясь въ тулупъ.

Смеркло.

Мы не пойдѣмъ въ ворота дома, по той грязной, вонючей лѣстницѣ, питомнику тифа, лихорадки и т. п., гдѣ

ютится и скрывается отъ взоровъ полиціи рваная-рвани. голая-голя, беспаспортная. Тебѣ странно сдѣляется. Тамъ у человѣка нѣтъ образа и подобія Божія; тамъ ужъ слезы нѣтъ; тамъ грязь, рубища, удушливый кашель, на лицахъ кровяные подтеки, но и у нихъ, у этого несчастнаго отребья, тоже сегодня новый годъ. Поздравимъ и ихъ мысленно, пожелаемъ и имъ въ новомъ году счастья и обновленія жизни.

— Пойдемъ лучше...

— Куда?

— А вонъ видишь залитый огнями этажъ. Тамъ сегодня раутъ. Только вѣдь тамъ скучно. Хотя... все такъ прилажено и тальи все тамъ узки, а тоска безысходная. Не идти ли намъ въ какой-нибудь клубъ или собраніе; но и тамъ завинтились до одуренія: тамъ тоже скучно...

— Гдѣ же весело-то?

— Не знаю.

ВЪ ДОРОГЪ.

Мы ѣхали проселкомъ. Ночь была темная, непроглядная.

— А вы что думаете, сударь, вѣдь мы, кажись, пѣликомъ ѣдемъ и дорога-то отъ насъ ушла,—заговорилъ тревожно ямщикъ, соскакивая съ передка.

— Сбились?

— Да такъ-то сбились, что лучше требовать нельзя. Надо бы теперича, по настоящему-то, ужъ въ Тѣшиловѣ быть, а мы середь поля пугаемся. Слава Богу, выюга-то утихла, а то бы...

— Въ своихъ-то мѣстахъ, да дороги ты не знаешь!..

— Ничего не сдѣлаешь! Я разъ вплоть до свѣту около своего села ѣздилъ... Вы смотрите, какъ занесло-то — лошади не чувствуютъ.

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ и окончательно убѣдился, что мы не на дорогѣ.

— Вотъ поди-жъ ты, — началъ онъ, подбирая вожжи:— все, главная причина, оттого—задремалъ я маленько... Согрѣшилъ грѣшный — на горохъ навалился, горохомъ-то меня и разморило...

— Что-жъ ты теперь будешь дѣлать?

— А вотъ, надо полагать, къ заутренямъ скоро ударять, я въ тѣ поры сейчасъ пойму... сейчасъ намъ дорога обозначится. Вы не сумѣвайте.

— Да я и не сомнѣваюсь.

— Точно, что пріятности мало въ такой большой праздникъ въ снѣгу застрять...

— Дѣла своего ты не знаешь!

— Дѣло свое я очень хорошо знаю, а это ужъ несчастье

такое. Должность наша трудная! Я снова тоже красновидовскую экономку Матвѣвну въ пролуби потошилъ.

— Какъ потошилъ?

— Окунумши была значительно.

— Что-жь тебѣ за это было?

— Да ничего не было! Не по характеру своему слѣлалъ, а такъ Богу угодно. Плюхи три отъ управляющаго влетѣло...

Лошади шли съ трудомъ. Мнѣ становилось «страшно среди невѣдомыхъ равнинъ». Ямщикъ развлекалъ меня рассказами изъ ямской практики. Какъ онъ везъ купца и изъ-подъ моста на нихъ выскочили разбойники; какъ онъ на тройкѣ проскочилъ сквозь стадо волковъ; какъ провезъ становой черезъ лѣсной пожаръ, ужъ въ колесахъ спицы стали дымиться и пристяжнымъ хвосты опалило. Воображеніе его разыгралось до того, что онъ пересталъ чувствовать, что говоритъ необычныя вещи. Я не мѣшала ему.

— А вы смоляного дожда не видали?

— Нѣтъ.

— А я видала... Страсть! Гоню это я проськой-то, лѣсть-то горитъ, смола раскипѣлась такъ и брызжетъ, такъ и брызжетъ!.. И такой трескъ идетъ... Становой кричитъ: выручай! Сиди, говорю, ваше благородіе, на своихъ лошадей я въ надеждѣ...

— Ну, и выручилъ?

— Какъ есть выручилъ! Да со мной и не такіе разы бывали: на Окѣ на льдинѣ меня съ тройкой пятнадцать верстъ несло. Хотѣли мнѣ за это медаль пожаловать...

Я усомнился въ правдоподобности его рассказовъ и замѣтилъ ему это.

— Что вы, помилуйте! Зачѣмъ мнѣ врать, мнѣ душа нужна.

— Какъ же это было?

— А вотъ видите: дѣло было опосля благовѣщеньева дня. Хорошо! И между прочимъ долженъ я былъ везти одного купца, значительнаго.

Вдругъ онъ прервалъ рассказъ, привсталъ на передкѣ и, указывая кнутомъ на темное пространство, заговорилъ въполголоса:

— Видите?

— Что?—спросилъ я, пристально вглядываясь въ непроницаемую темь.

— Волки! — отвѣтилъ онъ шопотомъ.—Къ лѣсу ударились.

— Я ничего не вижу.

— Непривычка ваша. А я волка за пять верстъ распознаю, какой онъ такой есть. Я разъ порожнемъ ѣхалъ и только сейчасъ смотрю, а онъ, значить, на самой дорогѣ возрился и стоитъ. Коли ежели бы, значить, ружье у меня было...

— А ты стрѣлять умѣешь?

— Не пробовалъ.

— Такъ что-жь бы ты съ ружьемъ-то сдѣлалъ?

— Все, значить, ему острастка.

Вправо отъ насъ зашевелились темныя силуеты, только это были не волки, а люди. Чувствовалось, что ямщикъ сконфузился: эффектъ, которымъ онъ хотѣлъ меня поразить, пропалъ.

— Что, братцы, такъ мы ѣдемъ на Тѣшилово?—обратился я къ нимъ.

— Такъ, родимый, такъ,—послышался отвѣтъ.

— Стало-быть, мы на дорогѣ?

— Цѣлика маленько забрали. Поправѣи маленько возьмите...

Мы свернули на торную дорогу, хотя очень занесенную снѣгомъ. Ямщикъ не вдругъ убѣдился, что мы на дорогѣ, и ворчливымъ тономъ отнесся къ прохожимъ:

— Вы здѣшніе?

— Здѣшніе. Сами идемъ въ Тѣшилово къ утрени.

— А то мы знаемъ, какъ дорогу-то показываютъ. Миѣ разъ вѣдьмежью указали.

— Какъ медвѣжью?—спросилъ я.

— По которой вѣдьмедя ходятъ: она имъ нигдѣ не указана. Оба уха я въ тѣ поры отморозилъ.

— Одна у насъ здѣсь для всѣхъ дорога. Поѣзжай съ Богомъ.

Раздался унылый отдаленный звукъ колокола.

— Это въ Тѣшиловѣ?—обратился я къ ямщику.

— Не узнаешь,—отвѣтилъ онъ:—можетъ, въ Тѣшиловѣ, а можетъ, въ Новоселкахъ. Рядомъ, почитай, села-то. Надо-быть, въ Тѣшиловѣ: въ Новоселкахъ колоколь, словно, погуще. Трактирщикъ петербургскій слилъ. Тамошній онъ крестьянинъ былъ, раздышался въ Петербургѣ, въ кунцы произошелъ и слилъ. Кто говоритъ, что онъ пьянаго хозяина своего ограбилъ, а кто говоритъ—своимъ

умомъ деньги нажилъ, неизвѣстно. Возилъ я его. Ужъ очень ругается... Такъ ругается—нѣтъ никакой возможности! То предьясняется, что въ С.-Петербургѣ онъ очень значительный. Я, говорить, при своемъ капиталѣ, кого хоня въ острогъ посажу.

— А вы и вѣрите?

— Какъ же не вѣрить? Можетъ, права такія имѣть... Мы этого не знаемъ... С.-Петербургъ отъ насъ далеко. Которые вотъ съ нашей стороны живутъ тамъ въ половыхъ, али по мастерству по какому—придетъ въ деревню и сейчасъ себя такъ означаетъ, что съ нашимъ мужицкимъ разговоромъ и не подступишься. Но только и имъ попадетъ. Новоселковскій старшина одному такому дикому барину, при всемъ селѣ, такую трепку задалъ, что любодва! Я, говорить, тебѣ покажу, какъ съ начальствомъ слѣдуетъ... Куцая штука на емъ была надѣта — спинжакъ, что ли по-ихнему—и такъ онъ понималъ, что въ спинжакѣ въ этомъ вся сила, никто до его дотронуться не можетъ. Что смѣху было! Особливо дѣвки... Такъ и визжать. Бѣда эти санктпетербургскіе спинжаки. Другой горечь, а доказываетъ...

— А старшина у васъ сердитый?

— Баловства не любить, но только очень человѣкъ правильный.

Звукъ отдаленнаго колокола становились рѣзче и рѣзче. Изъ подъ сугроба начали показываться вершинки загорода, овины, заколоченная избенка. Ямщикъ мнѣ рассказывалъ, что въ этой избенкѣ жилъ колдунъ, портилъ бабъ, напускалъ страхъ на всю округность, что нашелся смѣлый человѣкъ: на вожахъ протащилъ его по всему селу и, при всемъ народѣ, убилъ дубиной, «но только его, между прочимъ, за это за самое сослали на каторгу». Въ окнахъ мерцали огоньки, изъ трубъ валилъ дымъ, около храма уже толпился народъ. Мы остановились у постоялаго двора.

— Сергѣевна, ты на чистую половину води,—обратился ямщикъ къ женщинѣ, освѣщавшей намъ путь салнымъ огаркомъ:—народу, поди, у васъ много скучилось?

— Къ утрени которые пришли... много...

— Что мудренаго: приходъ вашъ большой.

— Да есть ли еще гдѣ такой приходъ...—подтвердила съ достоинствомъ Сергѣевна.

Мы вошли въ довольно опрятную комнату. Столъ былъ

накрыть бѣлымъ столешникомъ, передъ образами горѣла краснаго стекла лампада, на стѣнѣ московскаго издѣліи картинки, изъ которыхъ одна обратила мое особенное вниманіе: фигура въ синемъ фракѣ и желтыхъ брюкахъ виситъ въ петлѣ, подъ ногами у него разсыпаны деньги, внизу подпись: «желалъ самъ нѣкто быть удушенъ для спрятаннаго серебра». Необходимыхъ обывателей всякаго постоялаго двора—таракановъ не существовало. Воздухъ былъ чистый. Пока я раздѣвался, пока разсматривалъ картины, Сергѣевна втащила огромный самоваръ, изъ котораго могутъ достаточно напиться двадцать человѣкъ. Ямщикъ внесъ мои дорожныя вещи.

— Что ты какой большой самоваръ-то принесла,—обратился я къ ней.

— Это, батюшка, у насъ середній, господскій, а для ямщиковъ который, такъ тотъ мнѣ и не поднять, мужику съ тѣмъ внору управляться.

— Самоваръ здоровенный,—вмѣшался ямщикъ:—пота четьре сойдетъ, пока его осилишь. Да вѣдь мы, сударь, пьемъ не по вашему, мы пьемъ по тѣхъ мѣсть, пока тоска одолветъ.

— Сергѣевна, а ты вотъ что: торгуете?

— Чѣмъ?

— А энтимъ самимъ... понимаешь? Теперь бы съ морозу-то хорошо.

— Торгуемъ.

— А пакентъ у васъ есть?

— Какъ же возможно безъ пакенту.

— Ну, такъ давай... Съ пакентомъ завсегда лучше, словно бы какъ разрѣшенное; а безъ пакенту ежели пьешь, да оглядываешься: влетитъ тому, кто подноситъ, да и кто пьетъ-то и того тоже не похвалятъ. А ты мнѣ дай осьмушечку съ печатью, сейчасъ мы ее вышьемъ—нутренности-то у насъ и отойдутъ.

Вошелъ самъ содержатель постоялаго двора, благообразный, среднихъ лѣтъ мужикъ, щеголевато, на купеческую ногу, одѣтый.

— Не чайли мы, сударь,—началъ онъ:—въ такой великій праздникъ гостей къ себѣ.

— Да, въ дорогѣ. Иванъ Никоничъ, чуть не застряли. Съ самыхъ вечерень вчерашняго дня вьюга была и, между прочимъ, такъ дорогу занесло и въ тѣмъ числѣ я маленько проиштрафился... на горохъ навалился...

— Въ церковь нашу не пожалуете ли? У насъ нынче престольный праздникъ,—отнесся ко мнѣ хозяинъ.

— Поютъ у нихъ, ваше благородіе, очень хорошо,—подхватилъ ямщикъ:—такъ поютъ, что, кажется, и невозможно...

— Поютъ у насъ чудесно, такъ что въ окружности нашей нигдѣ такъ не поютъ,—поддакнулъ хозяинъ.

— Изъ кого же хоръ составленъ?—спросилъ я.

— Да изъ нашего села пять человѣкъ, да фабричныхъ отъ Карла Ивановича человѣкъ десять, племянники поповскіе, трое ихъ, двое-то въ обученіи въ Москвѣ, а одинъ такъ... утокъ у насъ стрѣляетъ, фельдшеръ Петръ Пиктичъ, а всѣмъ дѣломъ заправляетъ отецъ дяконъ. Вчера у меня спѣвались, концертъ по нотамъ слаживали... превосходно! Мальчика одного, шнитомка, обучили дишкантомъ пѣть... такъ тонко выводитъ, что даже удивительно.

— Какой же они концертъ пѣли?

— Не могу ужъ вамъ доподлинно доложить, только мальченко этотъ съ фабричнымъ очень выручаютъ. Фельдшеръ пробовалъ было подставать къ нимъ, но только нѣтъ, голосомъ такъ дѣйствоваться не можетъ, а разовъ пять принимался. Ну, а на лѣвомъ крылосѣ дячокъ орудуетъ, у него тоже человѣкъ пятокъ мужичковъ, да бывший нашего барина дворецкій слѣпой... при баринѣ онъ тоже на крылосѣ пѣлъ. Поютъ складно. Приходъ нашъ очинно богатый и храмъ у насъ великолѣпный.

— А что же это у васъ колоколь...

— Колоколь жидокъ, это истинная ваша правда. Колокольня не дозволяетъ, а то мы бы такого батушку подняли... міру на удивленіе! Ахтиторъ изъ Москвы были, размѣръ дѣлали—никакъ невозможно.

— А вотъ въ Новоселкахъ, говорятъ—отличный.

— Да онъ, сударь, не звонитъ.

— Отчего?

— Да какъ вамъ доложить? Нечистыя руки его подымали. Колоколь не обманешь, онъ знаетъ... Другой годъ съ нимъ бьются—ничего нельзя сдѣлать. Кто позвонитъ, сейчасъ и оглохнетъ дня на три.

— Неужели это правда?

— Вѣрно вамъ говорю. Трактирщикъ поусердствовалъ. Спервоначалу своего хозяина дурманомъ опомилъ, кашигаломъ его завладѣлъ, а послѣ того колоколь слить.

Я пошелъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. Свѣтало, Небо было

чистое. Звѣзды тускли. Небольшая каменная церковь не могла вмѣстить всѣхъ молящихся. Несмотря на довольно крѣпкій морозъ, многіе стояли на паперти съ непокрытыми головами.

— Ты бы мальчику-то шапку надѣла, — обратился я къ одной женщицѣ, державшей на рукахъ лѣтъ четырехъ ребенка:—простудится.

— Мы, сударь, простуды не имѣемъ, — отвѣтилъ за нее осанистый мужикъ съ совершенно голою головою.

Оказалось, что хозяинъ мой былъ въ селѣ человѣкъ почетный: ему всѣ почтительно кланялись и давали дорогу. Мы стали у праваго клироса. Ризы на священнослужителяхъ золотыя, очень богатая. Зажжено паникадило и всѣ мѣстные свѣчи. По полу разбросанъ ельникъ. Обѣдня началась тотчасъ послѣ заутрени. Крестный ходъ съ хоругвями и образами направился къ Иордани, послышалось дружное пѣніе: «днесъ водъ освящается естество и раздѣляется Иорданъ»... Миновавъ деревню, ходъ остановился подъ горой у ручья, на которомъ былъ вырубленъ четырехконечный крестъ, обсаженный ельниками. Началось служеніе. Всѣ сосредоточенно ожидали погруженія въ воду св. креста. «Во Иорданѣ крещающаея тебѣ Господи» — запѣлъ дребезжающимъ старческимъ голосомъ священникъ, погружая св. крестъ въ воду. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, упили на колѣни. Угрюмыя лица просвѣтлѣли. По окончаніи священнодѣйствія, крестный ходъ тѣмъ же порядкомъ направился обратно. Мужики, бабы, дѣвки, мальчики затѣснились у Иордани, добывая святую воду. Кто обмакивалъ руку и мочилъ голову и глаза, кто черпалъ пригоршней и пилъ, кто лѣлъ съ кувшиномъ, кто съ бутылкой. Началась свалка. Затрепала хрушкая посуда.

Ямщикъ мой взялъ у бабы кружку, выпилъ всю, не цередуя духа, примолвивъ:

— Совсѣмъ другой вкусъ!.. Что значить...

Около проруби, изъ которой обыкновенно берутъ воду для домашняго обиходу, собралась толпа мужиковъ.

— Ты погѣзешь? — спрашиваетъ плѣшивый мужикъ одного коренастаго парня.

— Надо бы словно, да боязно.

— Коли рядился, такъ надо: по крайности очистишься.

— Холодно очень...

— Холодъ въ такомъ случаѣ не дѣйствуетъ. Я почитаю

цѣлый кувшинъ выпилъ, — ничего, — замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Да надо лѣзть, дѣлать нечего, — рѣшилъ парень, снимая полушубокъ.

— Посторонись!

— Пуцай лѣзетъ, мы тоже опосля.

— Бабы ступайте по домамъ.

— Хотимъ посмотрѣть, какъ окунаться будутъ, — проговорила одна бойкая бабенка.

— Ахъ, Мароушка, сколько въ тебѣ этой глупости, не приведи Богъ. Учить-то тебя некому. Не въ одежинѣ окунаться будутъ! Эхъ ты, образованіе!.. А еще мужъ въ солдатахъ служить!..

— Вы тутъ долго торговаться будете, — заговорилъ, протискиваясь сквозь толпу, уже раздѣвшаго парень: — а нашему во какъ!.. — И бросился въ прорубь.

Бабы взвизгнули... Черезъ мгновеніе на поверхности проруби показалась голова съ посинѣвшимъ лицомъ и блуждающими глазами.

— Держи, держи, — закричала толпа, хватая за руки окунувшагося парня.

— Давай скорѣй сапоги!..

— Накидывай ему скорѣй полушубокъ-то!..

— А гдѣ-жъ рубаха-то?..

— До рубахи ли ужъ тутъ. Ишь стужа какая! Въ кабакѣ надѣнетъ.

Очистившагося бросился бѣжать.

— А ты, Оeranoшка, будешь окунаться?

— Я не былъ ряженымъ...

— Какъ не былъ?

— Въ кабакѣ только меня маленько сажей намазали, а не своей волей.

— Пусти, пусти!..

Толпа опять разступилась, тѣмъ же порядкомъ бросился другой парень, за нимъ третій.

— Которые рядимшіе ступайте, — вызывалъ одобряющимъ тономъ илѣвшій мужикъ.

— Сейчасъ, Микита Микитичъ, — отозвался ряженькой паренекъ изъ фабричныхъ: — я тебѣ это удовольствіе сдѣлаю. Долженъ я свои грѣхи смывать... Только ты полушубокъ держи и какъ я сейчасъ — вылѣзу, такъ ты меня и покрывай. — Полураздѣвшись, онъ подошелъ къ проруби,

попробовалъ рукой температуру воды и отошелъ, промолвивъ:—нѣтъ, не пользу.

Всѣ разсмѣялись.

— Эко, дуракъ! Вѣдь ты рядился!

— Такъ что-жъ что рядился! Тулупъ выворачивалъ! Какой же въ этомъ есть грѣхъ? У насъ въ прошломъ году на фабрикѣ одинъ мѣщанинъ ухнулъ тоже въ прорубь, да такъ тамъ и остался... Цѣлый день мы пытали его ловить...

— Не поймали?

— Двухъ судаковъ поймали, а его нѣтъ. Въ полою воду у плотины всплылъ.

Когда я вернулся на постоянный дворъ, очистившіеся ужъ сидѣли, какъ ни въ чемъ не бывало, за щами со свиной.

— А что, братцы, должно быть холодно?—спросилъ я.

— Ничего, сударь!—Енекитъ оносилъ очень превосходный.

КУПЕЧЕСКОЕ ЖИТИЕ.

Отрывокъ.

9-го іюня.

Милка! Я совершенно неожиданно получила мѣсто гувернантки въ отъѣздъ, въ провинцію. Это мнѣ устроила наша милая начальница. Мѣсто очень богатое, у одного богатаго купца, у котораго миллионъ денегъ, миллионъ дѣтей, миллионъ мельницъ и заводовъ. Подробно писать некогда: завтра выѣзжаю изъ Петербурга. Цѣлую тебя, моего милого голубя, мою чернушку. Душой буду жить съ тобою. Sophie.

Зарѣченскъ, 5-го іюля.

Ну вотъ, сокровище мое, я приѣхала въ нашъ богоспасаемый городъ, осмотрѣлась, устроилась и пишу тебѣ. Вотъ какъ все случилось. Въ одно прекрасное утро Аврора Карловна пригласила меня явиться къ ней немедленно.

— Хотите, ma chère, мѣсто?

— Хочу!

— На Волгу?

— Хоть на край свѣта!

— Мнѣ написали письмо —ской губернаторъ. Онъ проситъ рекомендовать гувернантку въ домъ одного почтеннаго купца въ его городѣ. Съ письмомъ этимъ была у меня сестра этого купца. Я указала ей на васъ. Не бойтесь, вы будете находиться подъ покровительствомъ губернатора, съ женой котораго мы вмѣстѣ воспитывались. Я вамъ все это устрою.

Я заплакала, бросилась къ ней на шею и не успѣла еще успокоиться отъ волненія, какъ въ гостиницу вошла необыкновенно толстая купчиха, на лицѣ у которой, вмѣсто

носа, воткнута маленькая луковка (цыбулька), а вмѣсто глазъ—вложены двѣ испанскія вишни; отвислыя жирныя щеки и подбородокъ довершали ея безобразіе; но, несмотря на это, она не произвела на меня ничего отталкивающего, напротивъ—показалась мнѣ очень симпатичной.

— Позвольте васъ познакомиться,—обратилась къ памѣ Аврора Карловна:—это ваша будущая гувернантка, а это ваша будущая хозяйка.

— Ну, хозяйка-то, матушка, еще далече, мы только сродственницы. Что-жъ, ежели вы согласны, милости просимъ, поѣдемте,—обратилась она ко мнѣ.

— Угодно вамъ будетъ посмотрѣть мой дипломъ?

Аврора Карловна должна была объяснить, что значитъ дипломъ.

— Мы вамъ и такъ вѣримъ. Наши губерніи начальникъ знаетъ, гдѣ васъ искать. Молоденька только,—лукаво замѣтила она Аврорѣ Карловнѣ:—наши подростки ужъ большіе. А вы на фортопьянахъ можете распорядиться?

— Могу.

— У насъ старшая давно ужъ учится, только дойти никакъ не можетъ. А по нынѣшнимъ временамъ это требуется. Насъ вотъ ничему не учили, а слава Богу, вѣкъ свой свѣковали. А иначе народъ-то другой сталъ—пляшутъ, поютъ, на разные языки... Выйдетъ замужъ и на кучиху-то не похожа: попададя—не попададя, барыня—не барыня и обществомъ своимъ торгующимъ гнушается. Много этой наукой нашей сестры перепортили.

И долго она говорила на эту тему, порицая образованіе, но очень наивно, безъ всякой злобы.

Вечеромъ, въ тотъ же день, я была у ней. Она оставалась въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ. Я пришла въ ужасъ! Грязнѣе, душнѣе, мрачнѣе комнаты никогда не рисовало мое воображеніе. Неужели, подумала я, здѣсь можетъ жить сестра милліонера? Что если и милліонеръ такъ же живетъ?

— Клоны, матушка, ваши санктпетербургскіе очень одолѣли! И какая ихъ у васъ сила!—обратилась она ко мнѣ.

— Вы бы остановились въ другой гостиницѣ.

— Привычка, душечка моя, привычка. Всѣ съ нашей стороны здѣсь останавливаются. Первое дѣло—дешево, второе дѣло—знакомство: всѣ насъ здѣсь знаютъ—и хозяйки, и прислуга.

— А какъ же клопы-то?

— Э, матушка, то ли святые отцы терпѣли. На одного— житіе мы читали—жуки были напущены... Терпѣли! Точно что неприятно...

На сборы мнѣ дано было три дня, и въ эти три дня я, какъ говорится, не присѣла: бѣгала, ѣздила, укладывалась, покупала всякую дрянь, прощалась, плакала, смѣялась, наконецъ, совсѣмъ измученная, пріѣхала на желѣзную дорогу. Хозяйка моя, Дарья Ипатьевна, окруженная купцами «русскаго житія», какъ она выражалась, сидѣла въ залѣ на диванѣ.

— Поджидала васъ,—встрѣтила она меня:—думаю, гдѣ моя красавица мыкается.

— Еще рано.

— Лучше оно... пораньше-то добратся... Мало ли что...

Ты не подумай, чернушечка, что я шаржирую языкомъ, передавая рѣчь Дарьи Ипатьевны. Нѣтъ: здѣсь всѣ такъ говорятъ. Этотъ языкъ я усвоила въ совершенствѣ и могу на немъ говорить такъ же свободно, какъ по-французски.

Передъ отходомъ поѣзда, на платформѣ показались Аврора Карловна съ Марьей Ивановной. Я не ожидала такой чести отъ моихъ наставницъ и совершенно растерялась. Аврора Карловна передала мнѣ письмо ея къ губернатору и обѣ меня перекрестили, а Марья Ивановна дала мнѣ маленькій медальончикъ съ образкомъ Божьей Матери. Чудная, высокая женщина! Всѣмъ я ей обязана.

Пока мы разговаривали на платформѣ, Дарья Ипатьевна сидѣла уже въ вагонѣ, у окна, и дѣлала наставленіе находившемуся въ числѣ ея провожатыхъ молоденькому, бѣлокуренькому, краснощекому, съ одутловатымъ глупымъ личкомъ купчику.

— Ты, Микитушка, старайся,—становись на свои ноги. А вы его берегите, чтобы онъ тутъ въ Питерѣ-то у васъ не завертѣлся.

— Будьте покойны, матушка, Дарья Ипатьевна. Баловать не дадимъ,—отвѣчалъ старый, солидный купецъ, погладивъ Микитушку по плечу:— у насъ на Галашиниковой дѣла много, баловать некогда.

Когда я проходила въ вагонъ мимо провожавшихъ Дарью Ипатьевну, одинъ изъ нихъ сказалъ такъ громко, что я слышала: «Какую, Иванъ Семеновъ, важную штуку Дарья Ипатьевна приспособила».

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Я сѣла противъ Дарьи

Ипатьевны, которая столько внесла въ вагонъ всякой рухляди, что мнѣ пошевелиться было невозможно. Съ ней были мѣшки, узлы, узелки, двѣ огромныхъ подушки и т. п.

— Это вамъ сродственница будетъ толстенъкая старушка?—спросила она меня про Марью Иванову.

— Нѣтъ, это моя воспитательница.

— Значить, вы сирота?

— Сирота. А кто этотъ молодой человекъ, который васъ провожалъ?

— Это нашъ племянникъ. Подростъ маленько — баловаться сталъ съ приказчиками, такъ вотъ мы его сюда къ знакомому купцу, на Калашникову, пускай въ чужихъ людяхъ поживетъ, почувствуется. Материню молоко еще на губахъ не обсохло, а ужъ онъ попивать сталъ. Нашъ ужъ и билъ, и на баржу ссылалъ.. Ну, придетъ маленько въ себя, одумается, да опять... Думали, думали, да и порѣшили отдать его на чужую сторону. Жалко было, поплакали. Маленькаго его макомъ опонли. Блажкой быть, не спать, кусался все—его макомъ на сонъ грядущій и опонли. Одурманится и заснетъ. Не отъ этого ли, думаемъ, и пить-то онъ сталъ. Сирота вѣдь онъ, голубушка, съ сестрой своей сиротами послѣ отца-матери остались.

— Стало-быть, онъ у васъ въ опеку?

— Да, матушка, до полного возраста изъ нашей воли выходить не могутъ. Самъ-то ужъ немножко побанвадается: капиталъ-то ихній весь у него въ торговомъ дѣлѣ, выдуть на свою волю и потревожить его могутъ... капиталъ-то. Одна скажетъ: я замужъ хочу—отдай мою часть, а другой скажетъ: своимъ дѣломъ основаться хочу—отдай! Народъ-то нынче чувства никакого не имѣетъ! Очень даже побанвадается... Разорить могутъ.

Долго говорила Дарья Ипатьевна на эту тему, наконецъ, почувствовала голодъ и стала доставать изъ своихъ мѣшечковъ провѣсную бѣлорыбицу, яйца, какую-то вяленую рыбу, достала изъ-подъ скамейки бутылку квасу и предложила мнѣ раздѣлить съ ней ея трапезу. Я отказалась, не потому, чтобы не чувствовала въ ней необходимости, но мнѣ совѣстно было окружающихъ. Дарья же Ипатьевна не стѣснялась: лушила яйца, бросала скорлупу на полъ, пила квасъ прямо изъ бутылки черезъ горлышко, обсасывала пальцы... Просто прелестъ!

— Ну, славу тебѣ Господи! — промолвила она, окончивши свою трапезу.—Богъ нашиталъ, никто не видалъ.

Это она сказала не совѣмъ справедливо: всѣ обращали на нее вниманіе, когда она кушала.

— Теперь и соснуть можно. Въ деревнѣ говорятъ: у бабы нѣтъ тягла, поѣла да спать легла... — и, склонивши голову на подушку, въ одинъ мигъ разлучилась съ окружающимъ міромъ.

«Неожиданный репримандъ», хлопоты по сборамъ не давали мнѣ времени сосредоточиться, теперь мнѣ вдругъ страшно стало! Куда я ѣду? Зачѣмъ я ѣду? Несмотря на усталость, я не могла спать, всю ночь меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Видѣла непроглядную темь, видѣла восходъ солнца, видѣла лѣса, рѣки, огромные мосты и, несмотря на то, что это случилось въ первый разъ въ моей жизни, я оставалась совершенно равнодушной. Дарья Ипатьевна по временамъ просыпалась, пила квасъ и снова погружалась въ крѣпкій сонъ. Въ Клину она проснулась и съ необыкновенно ласковой улыбкой обратилась ко мнѣ:— хорошо, піенчикъ мой, спали?

— Я совѣмъ не спала. А вы?

— Какъ убіенная! Хошь укради меня, и не слыхала бы. Вотъ мы и въ Москвѣ.

Здѣсь намъ была встрѣча болѣе торжественная, чѣмъ проводы: здѣсь насъ встрѣтили, если можно такъ выразиться, «очищенные» кушцы, не длиннополые, какъ въ Петербургѣ, а франты—въ жакеткахъ, въ цилиндрахъ. Намъ подали коляску, въ которую, кромѣ меня и Дарьи Ипатьевны, положили весь нашъ скарбъ—подушки, мѣшки, корзинки и т. п. и повезли насъ въ Зарядье—такъ называется улица. Москва произвела на меня очень сильное, подавляющее впечатлѣніе: на извозчикахъ странные поярковые цилиндры, пахнетъ вездѣ соленой рыбой, возы съ сѣномъ, возы съ живыми телятами, возы съ какими-то кулями, крикъ разносчиковъ, трескъ извозничьихъ экипажей, звонъ разнотонныхъ колоколовъ, пыль, препятствующая дыханію, изящныя зданія рядомъ съ развалившимися деревянными домишками, щегольскіе экипажи перегоняютъ ободранныхъ извозчиковъ, по узкимъ тротуарамъ бѣгутъ, толкаются, сталкиваются—ужасъ! Мы проѣхали Красныя ворота, вдали я увидала Сухареву башню, проѣхали мимо старинной городской стѣны, въѣхали въ ворота, надъ которыми поставлена большая чудотворная икона, и опустились подъ гору—это Зарядье, мѣсто моихъ двухдневныхъ страданій.

Пока довольно, мой ангелъ. Хоть и въ три приѣма я на-

писала тебѣ это письмо, все-таки устала. На-дняхъ буду продолжать. Крѣпко тебя цѣлую.

Здравствуй, милая Танюша. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ я сажусь писать тебѣ. Не сердись, что пишу длинно — это плодъ моей тоски и одиночества. Я съ отчаяніемъ гляжу впередъ и успокаиваюсь только тогда, когда бесѣдую съ тобой. Ты не знаешь, что значить тоска, ты не испытала ея. Впереди я буду говорить о ней, а теперь продолжаю прерванное письмо.

По узкой, крайне неопрятной лѣстницѣ мы вошли въ зловонный коридоръ, черезъ который проникли въ четырнадцатый номеръ, считающійся по удобству и обстановкѣ самымъ лучшимъ въ гостиницѣ. Удобство это состоитъ въ томъ, что въ немъ двѣ комнаты — въ одной двухспальная кровать и тусклое, ничего не отражающее зеркало, а въ другой — комодъ, грязный диванъ и нѣсколько такихъ же стульевъ. Дарья Ипатьевна мгновенно принялась за бѣлорыбицу, а мнѣ принесли полпорціи рыбной селянки и что-то еще, отъ чего я отказалась — кажется телячьи ножки, но ужасныя!

Но Дарья Ипатьевна не побрезговала: съѣла все блюдо, обсосала косточки, облизала свои пальцы. Я все смотрѣла и удивлялась: можно ли, думала я, при миллионномъ состояніи быть такой круглой невѣжей?

Послѣ завтрака намъ стали дѣлать визиты. Первымъ пріѣхалъ солидный купецъ, сѣдой какъ лунь, Иванъ Осиповичъ, за нимъ молодой купецъ, одѣтый въ послѣднее слово парижской моды, но говорящій «оттедѣ», «покеда», «теперича ежели трафитесь когда», «теинька», вмѣсто те-тенька; пріѣзжали и еще какіе-то торговые люди.

Всѣ обращались съ Дарьей Ипатьевной необыкновенно почтительно: «на-долго сюда изволили пожаловать?» «Смѣю ли васъ просить сегодня къ намъ кушать!» «оченно рады будемъ, если вы удостоите насъ своимъ посѣщеніемъ». Всѣмъ она на-отрѣзъ отказывала, ссылаясь на усталость; не устояла только передъ приглашеніемъ Ивана Осиповича.

— Такъ ты теперь, кума, въ монастырь панафиду служить?

— Первымъ долгомъ, батюшка.

— Ну, а по окончаніи всего этого, пріѣзжай къ Тѣстову въ трактиръ... Я къ тебѣ сейчасъ пришлю Петрушку съ экипажемъ: онъ тебя и въ монастырь доставитъ, и въ трак-

тирь привезеть. А мы тебя убоготворимъ московскимъ поросенкомъ, да уху стерляжью составимъ съ растегаями, али солянкой ублажимъ. И васъ милости просимъ,—обратился онъ ко мнѣ:—вы въ первый разъ въ Москвѣ?

— Въ первый.

— Вотъ и чудесно!

Черезъ часъ явился молодой приказчикъ, усадилъ насъ въ коляску, самъ вскочилъ на козла. Мы поѣхали по набережной Москвы-рѣки, долго ѣхали по какой-то улицѣ въ гору, наконецъ подѣхали къ старинному монастырю, съ колокольни котораго раздавался благовѣстъ къ вечернѣ. Видъ съ горы на Москву очаровательный, я ничего подобного не могла себѣ представить. Изъ-за зелени садовъ виднѣются дома, надъ садами высятся церкви и колокольни, съ ярко освѣщенными солнцемъ золотыми главами и крестами. Такого сильнаго впечатлѣнія я никогда не испытывала. Мы вошли въ святые ворота и направились прямо къ кладбищу. Дарья Ипатьевна остановилась у одного сѣраго гранита памятника, на которомъ я прочла слѣдующую надпись:

«Господи прими духъ мой съ міромъ!

«Подъ симъ камнемъ погребено тѣло умершаго почетнаго гражданина, первостатейнаго фридрихсгамскаго купца, фабриканта, заводчика и оптоваго торговца Ильи Аксеновича Заваруева, родившагося въ городѣ Ярославлѣ, а скончавшагося въ семь царствующемъ градѣ Москвѣ, 1839 г. января 5-го дня, житія его было 75 лѣтъ.

О вы, друзья мои любезны,
Не ставьте камня надо мной:
Всѣ ваши бронзы бесполезны,
Онѣ души не скрасятъ злой».

— Дѣдушка намъ по нашей матери доводится,—сказала мнѣ Дарья Ипатьевна:—богатѣйшій былъ человекъ, онъ и капиталъ-то весь нашъ скопировалъ... Онъ, матушка, все онъ... Ницую братію какъ обожалъ, сколько колоколовъ слилъ, по монастырямъ какой благодѣтель былъ, что этой бѣдности замужъ повыдалъ, а сродственниковъ всѣхъ въ люди повывелъ, которые даже ничего не стоящіе—и тѣмъ хлѣбъ далъ...

Послѣ вечерни монахи отслужили панихиду и «Петра» повезъ насъ по назначенію. Мы ѣхали кривыми переулками, миновали нѣсколько великолѣпныхъ бульваровъ, очутились опять около древней городской стѣны, только съ другой

стороны, и наконецъ подъѣхали къ трактиру Тѣстова. Представь себѣ, душа моя, я въ трактирѣ! Какое-то странное чувство овладѣло мной, когда мы шли по коридору и намъ почтительно кланялись мужики въ бѣлыхъ, необыкновенно чистыхъ рубашкахъ—это трактирные слуги, которыхъ называютъ половыми. Насъ ввели въ отдѣльный большой кабинетъ, гдѣ мы встрѣтили общество челоуѣкъ изъ пятнадцати, все купцы. Начались представленія.

— Это, кума, — говорилъ Иванъ Осиповичъ: — Гаврила Мироновичъ, Мирона Карпыча сынъ... помнишь бакалейщика...

— Родителя-то помню... Сватался за меня.

— А ты и промгала!..

— Не судьба, значитъ...

— А это, знаешь ли, кто? Иванъ Ильичевъ сынъ... Павлуша... въ коммерческомъ судѣ обучался...

Павлуша улыбнулся.

— Что вы, Иванъ Осиповичъ! Я учился въ коммерческомъ училищѣ...

— Все одно, къ тому же клонить.

— Какъ же Павлушеньку не знать! Махонькой-то такой вострый былъ, все кусался... А ужъ какой придумщикъ былъ, такія дѣла придумывалъ,—я ужъ и сказать не умѣю.

— А теперь вотъ большимъ дѣломъ орудуетъ. Невѣсту сталъ приглядывать... Ну, теперь, кума, закусьте милости просимъ.

Мы подошли къ столу, который представлялъ изъ себя гастрономическій магазинъ: осетрина, бѣлуга, бѣлорыбца, ветчина, сыръ, селедка, редиска, копченая стерлядь, цѣлый, неразрѣзанный вареный поросенокъ, на который Дарья Ипатьевна обратила особенное вниманіе.

— Ахъ, какъ это безподобно!—сказала она, и на лицѣ ея проявилась такая милая улыбка, которая проявляется только на лицѣ нѣжной матери, смотрящей на свое спящее дитя.

Послѣ закуски подали стерляжью уху, съ растегаями, потомъ какія-то особенныя котлеты, потомъ огромную разварную стерлядь, потомъ какую-то сладкую кашу съ фруктами. Я сидѣла рядомъ съ Павлушенькой, который въ теченіе всего обѣда не обращалъ на меня никакого вниманія, не оказалъ мнѣ не только какой-нибудь любезности, но даже не проронилъ ни одного слова; ухаживалъ за мной мой vis-à-vis, пожилой купецъ; онъ поминутно предлагалъ

мнѣ пить шампанское, и когда я отказывалась, онъ говорилъ, что «это не во вредъ»; спрашивалъ, кто я, кто мои родители и т. п.

И когда я ему сказала, что вышла изъ института съ золотой медалью, онъ всталъ, съ особеннымъ уваженіемъ чокнулся со мной бокаломъ и крѣпко пожалъ мою руку.

— Значить, которымъ и изъ женскаго сословія даютъ медали?

— Да.

— Значить, вы всю науку произошли,—теперь другихъ обучать будете... по писанію: ежели тебѣ много дано, подѣлись съ другимъ. Дай вамъ Богъ!

Иванъ Осиповичъ сидѣлъ рядомъ съ Дарьей Ипатьевной и очень фамиллярно велъ съ ней разговоръ. Называлъ ее «кума моя почтенная», «Христова невѣста», «какой товаръ-то залежался», «а тебѣ бы, по твоему дѣвичьему положенію, въ монастырь бы идти, сейчасъ бы тебя игуменьей сдѣлали, только по корпусу своему не подходишь—тѣ всѣ тощія». Дарья Ипатьевна отвѣчала отрывистыми фразами: «гдѣ ужъ намъ!» «Что ужъ я»... «насмѣшникъ ты старій!».. Послѣ котлетъ она окончателно замолчала и только послѣ каши, глубоко вздохнувши, произнесла: «Слава тебѣ Создателю... ухъ, тяжело!» И я устала. Прощай.

ДЬЯВОЛЬСКОЕ НАВОЖДЕНІЕ.

Одно лѣто я жилъ на Волгѣ, въ деревнѣ у покойнаго Н. А. Некрасова, верстахъ въ двѣнадцати отъ Ярославля. Большую часть времени мы проводили на охотѣ. Мѣста въ той сторонѣ живописныя и для охоты необыкновенныя. Покойный Николай Алексѣевичъ былъ страстный охотникъ и отличнѣйшій стрѣлокъ. На охотѣ онъ не зналъ усталости. Случалось такъ, что мы выходили на восходѣ солнца и возвращались домой около полуночи. Обыкновенно хмурый и задумчивый, на охотѣ онъ былъ неузнаваемъ: живой, веселый, разговорчивый, съ мужиками ласковый и добродушный. Мужики его очень любили. Про собаку его, Оскара (я никогда не видывалъ такого умнаго пса), ходили слухи, что она прислана какимъ-то королемъ «значительному въ Петербургѣ генералу», что тотъ подарилъ ее Некрасову и назначилъ ей по смерти семьсотъ рублей пенсіону.

Охотились мы по обѣимъ сторонамъ Волги и оставляли домъ иногда дней на десять, переночевывая въ разныхъ селахъ и деревняхъ. Кромѣ весьма удобнаго, приспособленнаго къ охотѣ, тарантаса, съ нами шла верховая арабская лошадь.

Пріѣздъ нашъ въ какую-либо деревню для ночлега для мужиковъ былъ праздникъ.

Въ избѣ толпа. Кто разбираетъ вещи, кто любитъ ружьями, а кто, по бывшимъ примѣрамъ, ожидаетъ угощенія.

— Давно ужъ, сударь, въ нашихъ мѣстахъ не бывали, — заговорилъ кто-то изъ толпы: — дичи у насъ теперь такая сила, что кажется...

Выступилъ впередъ Можжуха, мужикъ-охотникъ, постоянно сопровождавшій Некрасова на охотѣ. Лицо его было завязано тряпичей.

— Что это у тебя ликъ-то перекосило.

— Все это моя охота, сударь, Николай Алексѣичъ! Все она! Поползъ я третьеводни въ осоку... въ заводинкѣ утки сидѣли. Выползъ, почитай, на самую наружу—сидятъ. Думало: подожду маленько—пуцай скучатся. Ждалъ, ждалъ, да, признаться, надошло... Приложился—бухъ! Индо перевернулся!

— Зарядъ великъ положилъ?

— Не мѣрялъ, только много. Миѣ влетѣло, но ужъ и уткамъ я уваженіе сдѣлать... Какъ горохъ посыпались... Подбиралъ, подбиралъ...

— А куда мы завтра пойдемъ?

— Спервоначалу, Николай Алексѣичъ, на озеро. Тамъ теперича этого бекасу!.. А опосля тетеревьевъ...

— Куда?

— А туда, сударь, къ Чудинову, гдѣ въ прошломъ году ваниленовъ били. Тамъ охота расчудесная!.. Становой только тамъ маленько балуетъ, да онъ вѣдь стрѣлять не умѣетъ, на нашу долю много еще осталось.

— Становой теперича не ходитъ, — замѣтилъ одинъ мужикъ.

— Видѣлъ его, — возразилъ Можжуха.

— Мы вѣрно знаемъ, что не ходитъ: онъ своей собакѣ задъ отшибъ.

— За что?

— Не можемъ знать. Изъ праваго ствола по птицѣ ударилъ, а изъ лѣваго по ей. Собака ихняя не дѣйствуетъ, это вѣрно.

— Ну что-жъ, братцы, четверти-то, пожалуй, вамъ мало будетъ?

— Много довольны, сударь! — отозвался одинъ мужикъ: — бабы не пьютъ, а намъ хватить.

— А полведерочка ежели пожалуете, ваше благородіе, — занскивающимъ тономъ вмѣшался другой: — такъ и оченно даже... за ваше здоровьеце... Можетъ и бабы которыя пригубять. Есть тоже баловницы-то...

— Ну, ступай, нейте.

Рано утромъ мы были на озерѣ. Дѣйствительно, всякой дичи оказалось многое множество. Закатъ солнца засталъ

насъ въ Чужиновскомъ лѣсу. Тьма, тишина, благоуханіе сосноваго лѣса и только-что скошенной травы!

— Тутъ мы и жить будемъ,—воскликнулъ Некрасовъ:— разводи огонь.

Затрещалъ костеръ. Одинъ мужичокъ разыскалъ тарантасъ и поставилъ его на просѣкѣ. Сладили изъ вѣтвей большой шалашъ. Изъ тарантаса принесли самоваръ и ужинъ.

Какъ обыкновенно бывасть, темнота располагаетъ человѣка къ разговору о страшныхъ происшествіяхъ, о таинственномъ; такъ и теперь это случилось.

— Поди-жь ты вотъ,—заговорилъ Можжуха:— въ каніаніи ежели въ лѣсу—ничего, одинъ ежели—жутко.

— Чертей, что ли, боишься?

— Что ихъ бояться-то; мы ихъ видали. У насъ въ селѣ свой есть.

— Какъ свой?

— А старшина нашъ Ивацъ Петровъ—чортъ какъ есть. Рога ежели ему приставить—такъ точно и будеть.

— Строгій человѣкъ?

— Чортъ—одно слово

— Тѣснить?

— Не дай Богъ!

— А что, сударь, осмѣлюсь я вамъ доложить,—началь одинъ очень скромный мужичокъ:—я однова видѣлъ его явственно.

— Страшный?

— Спервоначалу-то я не понялъ, онося ужъ это мнѣ...

— Видѣлъ ты!—возразилъ Можжуха:—видѣть его невозможно. Вонъ въ Алешинѣ колдунъ, кажется ужъ...

— Да онъ не взаправду колдунъ.

— Онъ-то? Настоящій! Онъ у насъ въ селѣ семь душъ испортилъ. Петровна-то у него въ ногахъ валялась, чтобъ снялъ. Потерпи, говоритъ. Меня, говоритъ, онъ самого давно не посѣщаль; какъ посѣтить, въ тѣ поры сниму. Ребята спрашивали: какъ онъ есть такой? Я, говоритъ, самъ его никогда не вижу, а мнѣ, говоритъ, приказано.

— Ну, а ты какъ же его видѣлъ?

— Батюшка уюкойникъ билъ меня оченно, чтобы я въ Москву шелъ, а я въ тѣ поры только годъ женивши былъ, дѣтенокъ у меня народился—оченно мнѣ не желалось, а онъ бьетъ. Тятенька, говорю, помилосердуй! За что ты меня бьешь? Схватилъ за волосы, трепалъ, трепалъ...

Жена взвыла! Титенька, кричить:—руки на себя наложу, коли ты мужа бить будешь. Терпѣль я, терпѣль—не вмоготу стало, думаю:—утоплюсь. И сейчас мнѣ легче стало! Жена, все одно, хоть бы ее не было; на дѣтенка посмотрѣль—словно бы онъ не мой. Только одно въ умѣ содержу: утоплюсь! И такая это мнѣ радость, только и жду поскорѣй бы ночь пришла, что ужъ не жить мнѣ. Поужинали. Батюшка заперъ калитку, опять въ избу пошелъ, а я въ сараѣ легъ. Всталъ ночью, вышелъ на дворъ, смотрю—калитка маленько отворена. Что за оказія! Самъ видѣль, какъ батюшка запираль. Пришелъ на рѣку, снялъ сапоги, перекрестился, а мимо меня словно пролетѣло что... черное.

— Что значить крестъ-то!—многодумно замѣтилъ одинъ мужикъ.

— Дрожь меня прохватила, очень дѣтенка стало жалко.

— Онъ тебѣ, значить, и калитку-то отворилъ...

— Какъ домой оборотилъ, не помню. Черезъ три года батюшку Господь прибралъ. Теперь ты меня обложи золотомъ—на рѣку ночью одинъ не пойду.

— Ну, а вотъ которые не крещенные?..

— Заговоръ, можетъ, какой есть...

Долго на эту тему продолжалась бесѣда.

МЕДВѢДЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Посвящается А. К. Кузнецову.

Паче же почитайте сію книгу, красныя и славныя охоты, прилежныя и премудрыя охотники, да многія вещи добрыя узрите и разумѣете.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

I.

Въ роскошно-убранномъ кабинетѣ очень богатаго молодого человѣка, въ изящномъ креслѣ сидѣлъ мужикъ; у двери, заложивши назадъ руки, стоялъ франтоватый лакей.

— Долго Александръ Ивановичъ проклажается,—заговорилъ мужикъ послѣ продолжительнаго молчанія:—пожалуй, и на чугунокъ не попадешь.

— Эхъ вы, егоря! — язвительно променталъ лакей:— нечего вамъ дѣлать-то!

— Ты, Николай Петровъ, понимать нашего дѣла не можешь, потому твое дѣло больше у тарелки.

— Что говорить! Дѣло ваше хитрое!

— Наше-то?! Хитрое дѣло! Хитрѣе твоего. Ты поди-ка, попутайся по лѣсу-то, животъ-то тебѣ и подведетъ

— Для какого это расчету я пойду?..

Послышался звонокъ. Мужикъ всталъ. Въ дверяхъ показался баринъ.

— Здравствуй, Кузьма,—заговорилъ онъ, ласково протягивая руку.

— Здравствуйте, Александръ Ивановичъ.

— Что скажешь? Николай, ты бы водки ему даль.

— Подносили, благодаримъ покорно, выкушаль... Вѣдьмедя, сударь, обложили.

— Чудесно! Большого?

— Порядочный. Не мы его обкладали: онъ легъ въ пицалинскомъ косякѣ, а уже опосля къ намъ перешель.

— А мѣсто хорошее?

— Первый сортъ мѣсто; на самой на простѣкѣ станемъ.

— А если на берлогу?

— Неспособно: оченно ломы, 'опасно. Одному ежели—ничего, а съ господами не справишься.

— Спасибо, что вспомнилъ меня.

— Оченно даже мы вами благодарны, Александръ Ивановичъ, и завсегда...

— Такъ ладно, по рукамъ!

— Приѣзжайте, сударь. Я попѣ поѣду; завтрашняго числа съ кумомъ мы обойдемъ, провѣримъ и сейчасъ вашей милости денешу. .

— А пицалинскіе не прогонять его?

— Ничего, мы съ ими сдѣлаемся. Шумъ-то промежду нами пожалуй что будетъ, а ничего.

— Даромъ бы не приѣхалъ?

— Какъ возможно. Вѣдьмедь вѣрный. Дѣйствительно, онъ спервоначалу у ихъ лежалъ, но только важность небольшая...

— Если мы послѣзавтра приѣдемъ, успеешь ты?

— Безпремѣнно. Сейчасъ какъ приѣду, народъ соберу и сейчасъ и въ лѣсъ.

— Такъ ужъ ты денешу не посылай: мы приѣдемъ. Только насчетъ пицалинскихъ — у васъ, должно-быть, неладно.

— Безъ сумлѣнія! Охоту нашу портить имъ не дадимъ. Мы, сударь, все эти резоны знаемъ... Какъ возможно!..

— Ну, съ Богомъ!—окончилъ баринъ, касаясь нѣжными пальцами корявой руки мужика.

На другой день утромъ Кузьма уже былъ въ деревнѣ. Оповѣстивъ всѣхъ о предстоящей утромъ охотѣ, они съ кумомъ Акимомъ отправились въ лѣсъ провѣрять медвѣдя. Пицалинскіе мужики не зѣвали. Около вечеренъ они съ шумомъ вошли въ деревню и засѣли въ кабакъ.

II.

— Ну ужъ и стужа же на дворѣ, то-то страсть!—говорилъ Герасимъ, входя въ избу:—вьюга такая—свѣту Божьяго

не видать!.. Ежели теперича наши ребята подь выселками въ оврагъ влопаются — тамъ имъ и помирать—не выльзуть.

— Тыфу! Типушь те на языкъ-отъ!—перебила его старуха.

— Что?! Истинная правда, — подтвердилъ парень: — въ экую стужу какая охота—однѣ слезы.

— Вся и жизнь-то наша слезы, — отозвался съ печью старикъ: — родимся мы во слезахъ и померемъ во слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ,—и сказать нельзя! Бывало хопъ въ некрутчину; и мать-то воесть, и отецъ-то воесть, и у жены-то у некрутковой изъ глазъ словно горячая смола капаетъ...

Старикъ тяжело вздохнулъ.

— Это ты, дѣдушка, насчетъ чего?—спросилъ его Герасимъ.

— Самъ про себя говорю,—отвѣчалъ старикъ.

— А я думалъ—насчетъ нашего положенія... А насчетъ нашего положенія я те вотъ что скажу: грѣха тутъ не оберешься! Вѣдьмедь нашъ, мы его обложили, а пицалинскіе мужики говорятъ, что съ ихней межи перегнали. Я такъ понимаю—безъ драки тутъ нельзя... И такъ намъ эти пицалинскіе накладываютъ въ загривокъ, такъ они насъ обрабатываютъ...

— Вольный звѣрь, не по пачпорту ходить—гдѣ захотѣлъ, тамъ и легъ,—вмѣшалась старуха: —запрету ему нигдѣ нѣтъ.

— Да, ты вонъ поди, съ ними поговори, — продолжалъ Герасимъ:—ужъ они теперь, оглашенные, два ведра почитай выхлестали, ничего съ ними не сдѣлаешь. Пуцай, говорить, судъ намъ разрѣшеніе сдѣлаеть, коли возможно съ нашей земли вѣдьмедевъ стонять. Намъ, говорятъ, все единственно!.. Мы, говорятъ, тутъ въ кабакѣ и жить будемъ, пока господа не прїѣдутъ...

— И все-то братцы, какъ я погляжу, — перебилъ старикъ:—брань у васъ, да все другъ противъ дружки.

— Это дѣйствительно, дѣдушка! Главная причина, мужики сердитые, опять же это—налопаются, настоящего-то и не могутъ, какъ должно. Ежели теперь по настоящему—какъ? Обложили ты его, народъ сколотили, господъ поставили... бухъ! Честь имѣемъ поздравить! И вѣдьмедю хорошо, и господамъ лестно, и самъ ты, примѣрно... и народъ тобой доволенъ.

Въ избу ввалился пьяный, оборванный пицалинскій

мужичонка Миронъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ былъ весь въ снѣгу.

— Это за нашу-то добродѣтель,—пачалъ онъ, ткнувшись раза два о печку:—способо! Вѣдьмедь нашъ—пищалинскій! У насъ онъ лежалъ; Кузьма Микитинъ съ нашей земли его перегибалъ...

— Крѣпостной онъ твой, что-ли?—проворчала старуха.

— Вѣдьмедь онъ Божій... это мы все очень хорошо...

— Спать бы, дядя, тебѣ,—сказалъ Герасимъ.

— Спать мы пойдемъ, потому мы маленько... потому мы пьяные... спать намъ требуется безпремѣнно, а этого дѣла мы такъ не оставимъ...

— Ружье-то, съ пьяныхъ глазъ, не потеряй,—заворчала опять старуха:—а то еще застрѣлишь кого...

— Могу! Стволь у насъ французскій—долбанеть—своихъ не узнаешь. Волку намедни такую ваканцію показалъ... Эхъ, Петровна, понимать моей дуни ты не можешь!

— А нализался ты здорово, дядя,—отозвался съ печи дѣдушка.

— Въ самый разъ!.. А насчетъ вѣдьмеда все мы завтра обозначимъ.

— А можетъ, Богъ дастъ, проспишь, дѣло-то обойдется,—проговорилъ Герасимъ.

— Никакъ этого нельзя! Всю ночь наскрозь ходить буду, потому вѣдьмеда намъ Богъ даровалъ!—горланилъ Миронъ.—Онъ все лѣто, батюшка, на нашихъ овсахъ питался...

— Эхъ, Миронъ Мосенчъ, голова-то у тебя не съ того конца затесана! Ступай-ка ты, откуда пришелъ,—окончилъ Герасимъ, выводя подъ руки Мирона изъ избы.

— Вѣдьмедь нашъ! Нашъ онъ, батюшка, пищалинскій!—продолжалъ тотъ орать за дверью.

Отъ крику зашевелились проснувшіеся на полатяхъ ребятишки.

— Что, дѣдушка, господа еще не бывали?—заговорила, почесываясь, желтая какъ ленъ, хохлатая головенка.

— Нѣту, батюшка, спи спокойно,—отвѣчала дѣдушка.

— Я въ загонъ пойду.

— Какъ те нейти!—подхватила бабушка.

— Вѣстимо, пойду.

— Съ чѣмъ ты пойдешь-то, дурашка? Махонькой ты челоуѣгъ...

— Хворостинку возьму, да и пойду.

— Сиди-ко лучше на печи, да таракановъ загоняй—не страшно!

— Ну, ладно!

— Нѣтъ, Матрена Петровна,—ввязался въ споръ Герасимъ:—ты намъ не препятствуй. Васютка, пойдемъ.

— Пойду и есть!

— На мерлогу ежели,—продолжалъ Герасимъ:—страшно, а въ загонъ ничего. Дѣвки ходятъ, стало-быть намъ можно. Но только я такъ понимаю: хоша господа и прѣдутъ, а на охоту имъ идти неспособно: въ экую стужу, да жидкому человѣку... бѣда!

III.

Намаялись бѣдные развѣдчики, день-денской ерзая на лыжахъ по лѣсу. Медвѣдь лежалъ крѣпко. Ужъ темнѣло, когда они вышли изъ лѣсу. Посвистывалъ вѣтеръ, подымалась мятель, до деревни, по мужицкому счету, три версты, а мужицкая верста длинная, длиннѣе казенной. Приунылъ Акимъ, запечалился и Кузьма. Холодъ самъ по себѣ мужику ничего—дѣло привычное, а вотъ какъ вьюга въ полѣ разыграется—горе великое!

— Не застрять бы какъ...—заговорилъ тревожно Кузьма.

— Возможно,—соглашался Акимъ:—хитраго нѣтъ! Подемъ тамъ даже оченно...

— Съ Богомъ ничего не сдѣлаешь!..

— Его святая воля, что сдѣлаешь...—рѣшили они, мпновавъ лѣсную просѣку.

Вьюга въ полномъ ходу. Въ полѣ зги Божьей не видать. Залѣшило глаза, заледенило бороды.

— Господа, пожалуй-что не прѣдутъ, — премоливъ тоскливо Акимъ.

— Ужъ до господъ ли теперь! Помогъ бы Богъ вылѣзти. Въ экую пургу какая охота, пропади она совсѣмъ!..

— Сосну бы намъ не прозѣвать. На сосну попадемъ—дома.

— Вишь, вьюга какая—у лошади хвоста не видать, а ты сосну!

Лошадь, побуждаемая и кнутомъ, и лаской, и бранью, едва передвигала ноги, наконецъ, выбившись изъ силъ, остановилась.

— Должно сбились!

— Ужъ давно по цѣлому ѣдемъ. Сбились какъ есть.

— Бѣда!..

— Поди-жь ты!..

Акимъ сунулся въ сугробъ и, пройдя шаговъ двѣсти, воротился назадъ.

— Что Богъ даль?

— Ничуть!

— Постой-ка, я потопчу; можетъ, Господь дастъ...— сказалъ Кузьма, опускаясь по поясъ въ снѣгъ.

И Кузьма пришелъ ни съ чѣмъ.

— Столько этого снѣгу наворотило— не выдерешься.

— Въ оврагъ бы не влетѣть?

— Тамъ и душу свою оставишь... въ оврагѣ... Такъ ты это и понимай!

Долго молча и сосредоточенно стояли они, придумывая, на что имъ рѣшиться.

Акимъ хотѣлъ было посоветовать ѣхать прямо, да, вспомнивъ, что лошадь потому и остановилась, что прямо ѣхать нельзя, удержался. Кузьма былъ рѣшительнѣе: онъ что есть мочи сталъ хлестать кнутомъ несчастное животное. Лошадь тронулась.

— Ну, ну, ну,—кричалъ Кузьма, учащая удары.

— Трогай, трогай,—подбадривалъ Акимъ, ухватившись за оглоблю.

— Господи, да вонъ она сосна-то!—закричалъ съ радостью Кузьма.

— Она и есть!

— Батюшки мои!.. Вотъ какое дѣло. Помирать ужъ собралась.

— Это мы, значить, все около ея барахтались! Ну, оказія! Что же это огневъ-то не видать? Озерецкос, должно, вотъ оно... направо?

— Да теперь все село разожги, никакого огня не увидишь.

Отъ сосны уже недалеко до деревни и по торной дорогѣ, какъ ее ни занесло, все-таки добраться можно.

— Дома теперь... Слава те Господи!..

— Ужь теперь что... теперь ежели... А то какъ возможно...

— Само съ собой, коли... Эхъ!..

— Горе!

— Вотъ ты и думай!

Безсвязныя эти фразы произносили мужики съ большими паузами.

Овингъ... другой... избенка... Въ деревнѣ!..

Все забыто: и страхъ быть запсеннымъ, и стужа, прохватившая до костей. Миновала бѣда, и слава Богѹ!

— Кабакъ, поди, еще не запертъ.

— Надо полагать...

— Одной косушкой, пожалуй, не понравилъся?

— Какая косушка! Много ли въ ей, въ косушкѣ! Теперича, ежели очувствоваться какъ должно, и полигофа мало, рѣшилъ Акимъ.

Изъ кабака слышался шумъ: безобразничали пищалинскіе мужики, ожидавшіе пріѣзда господъ изъ С.-Петербурга. Больше всѣхъ заинтересованъ былъ Миронъ. То онъ хвастался своимъ ружьемъ, то репетировалъ рѣчь, которой онъ встрѣтитъ охотниковъ.

— Сейчасъ пріѣдутъ и сейчасъ... воля милости вашей!.. Вѣдьмеда намъ Богъ даровалъ! Собственно они съ нашей земли его перегнали... Какъ вашей милости угодно!..

— Это точно,—поддакивалъ спившійся пищалинскій ех-старшина:—а коли что—два ведра на все наше общество. Тогда и дѣйствоваться можно.

— Два ведра!.. Вѣрую, Господи! Такъ ли я говорю? Два ведра пожалуйте на столъ, а мы выкушаемъ...

— А вы, ребята, не кричите,—вмѣшался въ разговоръ рыжій мужикъ:—а то въ прошломъ году Демьянъ Иванычъ налетѣлъ тоже на барина, сталъ права доказывать, да послѣ недѣли двѣ скулы растиралъ...

— А въ судъ?

— Судись тамъ! Такъ огрѣветъ...

— Меня?!—закричалъ съ бахвальствомъ Миронъ.

— Ты-то первый наскочишь!

— Я!

— Ты!..

— Не надѣюсь! Вотъ что!..

— Пожалуйте намъ осьмушечку, — окончилъ онъ, подходя къ стойкѣ.

Было около девяти часовъ вечера. Утомленные, продрогшіе до костей развѣдчики миновали кабакъ и задами вѣхали въ деревню.

— Живы ли вы тутъ? — заговорилъ Кузьма, входя въ избу.

— Ай, батюшки! Ужъ мы не чаяли васъ,—заторопилась старуха.

— То-есть такъ-то прохватило, такъ-то прохватило, что, кажись...

— Порядочно! — перебилъ Акимъ: — маленько бы еще, тамъ бы, пожалуй, и заночевали на полѣ...

— Хотѣли-было согрѣшить по стаканчику, да пиццалинскіе въ кабацѣ галдятъ.

— Слѣдовасть, а то никакъ не раздынишься.

— Я сейчасъ къ честной вдовѣ схожу: у ей водка безъ пакенту, — вызвался Герасимъ.

— Не дастъ!

— Мнѣ-то? Даже оченно... Съ великимъ удовольствіемъ! Вотъ и водка на столѣ. Выпили медвѣжатники, раздышались, оцувствовались и стали отходить ко сну. Акимъ сымировизировалъ подушку: обернулъ полѣно полушубкомъ и растянулся на голомъ полу.

— Ты бы, бабушка, салогн-то въ печь сунула... да смотри, не изжарь, завтра потребуются, — проговорилъ Кузьма, влѣзая на полати.

Вьюга успокоилась. Сквозь рванья облака, по временамъ, показывался мѣсяцъ. Кабакъ смолкъ. Общее спокойствіе нарушалось изрѣдка бродившимъ по деревнѣ Миронь: онъ разыскивалъ свою шанку.

— Безъ шанки мнѣ невозможно! Безъ шанки я не человѣкъ, — кричалъ онъ во всю глотку.

IV.

Рано утромъ, на зарѣ, по деревнѣ послышались бубенцы. Къ избѣ Кузьмы подъѣхало нѣсколько саней, нагруженныхъ людьми, ружьями, рогатинами, чемоданчиками, корзинами и т. п. Кузьма уже былъ на ногахъ. У воротъ встрѣтилъ пріѣхавшихъ Миронъ; онъ всю ночь пропутался на улицѣ.

— Все благополучно, ваше сіятельство, вѣдьмедь какъ есть... васъ дожидаетъ, — отрапортовалъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, выходявшему изъ саней полковнику.

— Что это? Ни свѣтъ-ни зоря, а ужъ ты откушалъ, — замѣтилъ полковникъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство! Не я пью — горе мое пьетъ, — отвѣчалъ Миронъ.

— Полно-ко ты, непутный человѣкъ, мутить-то, — отозвался Кузьма, отряхивая снѣгъ съ полушубка полковника: — всю ночь спать не давалъ, старій чортъ!..

— А что, медвѣдь лежитъ? — подскочилъ къ Кузьмѣ молодой человѣкъ въ изящномъ черномъ полушубкѣ, съ красивымъ ружейнымъ ящичкомъ подъ мышкой.

— Лежить, сударь.

— Большой?

— Да вѣдь Богъ его знаетъ: мѣрить его нельзя.

— Большущій, ваше сіятельство! Лапа съ ведро, а то и больше. Потому какъ онъ есть вѣдьмедь нашъ пиццалинскій, у насъ онъ все лѣто кормился,—вмѣшался опять Миронъ, поддерживая подъ руку уходившаго въ избу полковника.

Сани разгружались. Вытѣзали, отряхаясь, охотники, мужики вытаскивали ружья, рогатины и т. п. Къ избѣ мало-по-малу подходили любопытные. Пиццалинскіе всѣ собрались въ кучу и стояли у избы молча. Нѣкоторые разговаривали шопотомъ.

— Я такъ понимаю,—говорилъ онъ:—битва у насъ будетъ великая.

— Безъ рвани тутъ ничего не сдѣлаешь, дѣло видимое,—соглашался другой.

Полковникъ, войдя въ избу, привѣтствовалъ хозяевъ, прилаживаясь къ ихъ обиходной рѣчи.

— Здравствуйте, добрые люди,—началь онъ, низко кланяясь старухѣ.

— Здравствуйте, батюшка, господинъ честной, ваше благородіе.

— А таракановъ-то у васъ порядочно!

— Сила, сударь! Такая сила этихъ таракановъ—ничего съ ними не сдѣлаешь,—отвѣчалъ Кузьма.

— Морить надо...

— И морили, сударь, и морозили, изъ С.-Петербурга былъ какой-то, мазью смазывалъ, но между прочимъ, кури всѣ передохли, а тараканы остались.

— Здравствуй, Божій человекъ,—обратился онъ къ слѣпому старику.

— Здравствуйте, батюшка,—отвѣчалъ старикъ, поднявши къ небу незрячіе, черные, какъ уголь, глаза.

— Давно на Божьемъ свѣтѣ маешься.

— Годовъ восемьдесятъ есть, баринъ.

— Много!

— Что дѣлать, сударь,—и не хочется, да живешь.

— Ужъ и мы, сударь, говоримъ,—вмѣшался шутливо Кузьма:—пора бы, мѣсто ему тамъ ужъ заготовлено. Ты бы, тятенька, пошелъ, ослобонилъ тутъ господамъ. Васютка, сведи дѣдушку.

— Погоди, дай намъ со старикомъ побесѣдовать,—оставилъ полковникъ.—Крѣпостной былъ?

— И подь господами жилъ, и волю сподобилъ Господь увидѣть.

— А чьихъ былъ?

— Господь-то? У меня былъ господинъ большой; такихъ нынче и господь-то нѣтъ, да и въ тѣ поры пожалуй-что не было.

— Аракчеевскіе наши-то были,—подсказалъ Кузьма.

— Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева дворовый я человекъ былъ—спервоначалу фалеторомъ, и опосля того кучеромъ,—подтвердилъ старикъ съ достоинствомъ.

— Хорошъ онъ для васъ былъ?—продолжалъ допрашивать полковникъ.

— Строгой былъ человекъ, горя нашего не чувствовалъ.

— Потерпѣли наши-то при немъ на порядкахъ...

— Лютой былъ человекъ, пошилъ нашей крестьянской крови вволю.

— А жить намъ за нимъ было хорошо,—продолжалъ старикъ:—страхъ былъ, баловства не было, пьянства этого, кабаковъ... Мужикъ былъ сытый.

— Это что говорить,—вернулъ отъ себя Акимъ:—мужикъ былъ въ тѣ поры форменный... какъ есть... Теперича народъ горькій, всѣ пропимшись... Теперича только пьютъ да на погорѣлое мѣсто собираютъ.

— А пожары часто бываютъ?

— Бываютъ и пожары, а больше такъ.

— Какъ такъ?

— Пропьются, оглоблю обожгутъ, значить погорѣли.

— Царство ему небесное,—окончилъ старикъ, оцупывая висѣвшій на стѣнѣ полушубокъ, и вышелъ съ Васей изъ избы.

Пока Акимъ бѣгаетъ по деревнѣ, сколачивая народъ въ загонъ, пока господа осматриваютъ ружья, надѣваютъ сапоги, услаждаются чаемъ и напитками, врутъ всякую охотничью небывальщину, я отвлекусь отъ разказа и познакомлю съ ними читателя. Вы не думайте, что это приѣхали охотники по ремеслу, по страсти. Изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы въ холодную осень окунулся въ воду, доставая убитую птицу; который бы въ палящій зной безъ воды, безъ нищи оставался цѣлый день въ болотѣ для того, чтобы положить въ сумку двѣ пары бекасовъ; который бы изнурялъ себя, бродючи въ лѣсу по ломамъ, по корягамъ, отыскивая тетеревиный выводокъ; который

бы въ грозу, въ ливень, промокшій до костей, пробирался спокойно по изрытому сохой грунту, чтобы принять ночлегъ въ лѣсу, въ наскоро сдѣланномъ изъ листьевъ шалаши. То поэты, а мои охотники просто милые, прелестные люди, едва умѣющіе держать ружье въ рукахъ. Приѣхали они просто подышать свѣжимъ воздухомъ, а въ случаѣ подвернется подъ руку медвѣдь, то лишитъ его жизни, если не будетъ предстоять къ тому большой опасности и если пуля нечаянно его задѣнетъ. Такихъ охотниковъ очень много. У иного не знаешь, что въ кабинетѣ: оружейный магазинъ, или зоологическій музей? Шкапъ съ ружьями. Какихъ тамъ системъ нѣтъ: заряжающіеся и сзади, и сбоку, и сверху... Какихъ къ нимъ нѣтъ приспособлений!.. А вотъ ножи, пистолеты, свистки, рога, рогатины и всякая охотничья утварь. Все чисто, какъ говорится, съ иголки. А на стѣнахъ, а на шкапахъ!—Чучелы глухарей, вальдшнеповъ, дупелей... а вотъ стоитъ рысь... а вотъ оскалившій зубы волкъ... а вотъ всталъ во весь ростъ и сложилъ лапы по-наполеоновски медвѣдь, и ни въ одной дуплѣ владѣлецъ этихъ чучель неповиненъ.

Снарядились мои охотники. Полковникъ одѣвался и подтягивался очень долго. Въ скобкахъ замѣчу, что называемый мною полковникъ — не полковникъ, а совсѣмъ штатскій господинъ. Мужики его прозвали полковникомъ за солидную фигуру и за необыкновенную способность кричать и браниться безъ всякой злобы.

— Шибче полковника никому не изругаться, — замѣчаютъ о немъ мужики: — такъ обложить, лучше требовать нельзя.

Молодой человекъ въ изящномъ полушубкѣ, подпоясанный кавказскимъ поясомъ съ серебрянымъ наборомъ, видимо безпокоился и начиналъ жаловаться на зубную боль, когда одинъ изъ мужиковъ совралъ ему, что онъ медвѣдя видѣлъ, что онъ большой и, должно-быть, медвѣдица съ медвѣжатами лежитъ на чистомъ мѣстѣ и, пожалуй, «потрепать» можетъ.

Одинъ изъ пріѣхавшихъ охотниковъ былъ одѣтъ черкесомъ: на немъ накинута бурка, а на головѣ огромная баранья шапка:

Онъ весь обвѣшалъ былъ ремнями,
Железомъ ржавымъ и кремнями,
На поясъ широкій ножъ.

Онъ вралъ отъ самаго Петербурга вплоть до мѣста охоты и, наконецъ, до того заврался, что заставилъ усумниться даже мужиковъ. Онъ разсказалъ, какъ онъ убилъ медвѣдя изъ пистолета.

— Мертваго?—живо спросилъ полковникъ. Всѣ засмѣялись.

— Иѣтъ, не мертваго!—возразилъ черкесъ.

— Ну, такъ нечаянно,—промолвилъ молодой человекъ.

— Словно бы баринъ-то маленчико...—замѣтилъ лукаво Акимъ...

И посыпался на бѣднаго черкеса градъ насмѣшекъ.

— Ты, можетъ, въ звѣринцѣ,—говорилъ полковникъ.

Черкесъ уже начиналъ обижаться, но вошедшій Кузьма доложилъ, что подводы готовы и народъ дожидается.

На улицѣ толпа. Мужики, бабы, одна съ груднымъ ребенкомъ, дѣвки, мальчишки, съ дубинками, съ хворостинками, съ палками, съ ружьями, въ рваныхъ полушубкахъ, въ кафтанишкахъ, въ сапогахъ, въ лаптяхъ, въ валенкахъ стоятъ смирно. Одинъ мужичокъ заряжаетъ ружье, перевязанное около курка веревкой, выдергивая изъ шапки паклю для пыжа.

— А мое давно заряжено,—заговорилъ стоящій съ нимъ рядомъ:—подъ самый подъ Покровъ я его зарядилъ... господа въ тѣ поры пріѣзжали. Ружьишко оно ничего, только стволъ сталъ отскакивать.

Вышли охотники.

— Здорово, ребята,—воскликнулъ полковникъ.

Загонщики молча поклонились.

— Это что такое?—закричалъ онъ, увидавши бабу съ ребенкомъ.

— Бабеночка, сударь, наша...

— Что-жъ, она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ?

— Мужъ, сударь, у ей замерзъ, такъ, значить, кормится... въ чужихъ людяхъ живетъ.

— Ничего, сударь, мы привычные,—робко проговорила бабенка.

Пищалинскіе всея кучей выступили впередъ заявлять свою претензію.

— Что вамъ нужно? Вы загонщики?—обратился къ нимъ полковникъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство,—выступилъ впередъ красный, какъ кирпичъ, мужикъ:—мы пищалинскіе.

— Что значить?

— Вы какъ насчетъ вѣдьмеда этого понимаете?—заговорилъ онъ вкрадчиво.

— А что?

— Онъ легъ, значить, въ нашемъ косякѣ, а они теперича его перегнали... перегнали они его, а мы, значить...

— Обижены,—подхватилъ другой.— Надо говорить по-божьему—обижены!..

— За нашу добродѣтель,—закричалъ Миронъ.

— Ты, кажись, рвань ты эдакая, еще не проспался,—замѣтилъ Кузьма.

— Кузьма Микитичъ! Живъ Богъ, жива душа моя! Помялъ? Ну, и больше ничего,—отрѣзалъ Миронъ.

Заговорили всѣ вдругъ.

— Мы, теперича, значить, ницалинскіе, все наше общество...

— Сдѣлайте вашу такую милость...

— Собрамши, теперича, все наше общество... мы, ваше степенство, люди бѣдные...

— Опосля этого они и скотину нашу угонять будутъ.

— Вѣдьмеда намъ Богъ дароваль, мы съ имъ живы не разстанемся...

— Ежели ихъ, теперича, не сократить...

Крикъ увеличивался. Охотникамъ становилось неприятно, полковникъ не зналъ, кого слушать и кому отвѣчать. Разлилось море нескладнаго мужицкаго шуму. Раздались оплеухи. Бабы завизжали. Загонщики ринулись.

— Стой—кричалъ черкесь.

— Стрѣлять буду,—кричалъ полковникъ.

Миронъ, раненый въ глазъ, прислонился къ воротамъ и оралъ во всю глотку:

— Помираю! Деревню спалю! Все выжгу!

Бой длился не долго. Неистовая брань полковника оставила нападающихъ. Кто подымалъ сбнтую съ головы шапку, кто расчесывалъ бороду, кто потиралъ разбитыя скулы. Изъ переговоровъ выяснилось, что они желаютъ получить свою долю, т. е. ведро водки.

Охотники согласились:—будь по вашему,—сказалъ полковникъ.

— Ну, вотъ и дѣлу конецъ! Трогай, ребята!..

— Коли ежели ведро—всѣ мы согласны! Шабангъ! Согласны! Ведро мы, господа-мужички, выпьемъ за ихнее здорье, а тамъ ежели что—твори Богъ волю!.. Всѣ подь

Богомъ! Такъ ли я говорю? Все я пропилю, а Бога я люблю! Вѣрую, Господи!.. Вотъ я какой человѣкъ! Вѣдьмедь мени боится! У меня ходи круче!..

Кузьма дѣлалъ распоряженія.

— Ты, Акимъ Ивановичъ, съ бабами иди по ручью...

— Что-жъ я тамъ съ бабами буду дѣлать?

— Постой! Опосля вамъ всемъ отъ меня разрѣшеніе будетъ. Пойдешь ты съ бабами къ ручью, да тамъ мени и ждите. Ребятъ тоже возьми. Бабы, трогай! А ты, Микитичъ, веди народъ къ старой плотинѣ.. Дойдешь до старой плотины и сейчасъ стой!.. А вы, пищалинскіе, ступай все за бабами.

Загонъ тронулся. Осталось нѣсколько мужиковъ въ качествѣ тѣлохранителей. Миронъ пристроился къ полковнику.

Охотники подѣхали къ густому лѣсу и стали на просѣкъ. Видно было, какъ вереницей тянулись по поясъ по рыхлому снѣгу бабы, прокладывая нуть сзади идущимъ пищалинскимъ мужикамъ.

— Что же это они, черти, бабъ-то впередъ пустили,— замѣтилъ кто-то изъ охотниковъ.

— Потому, сударь, баба всегда помягче, потяжеле мужика, промнать ей дорогу способнѣе,—отвѣтилъ шутливо Кузьма.

Вынули нумера и пошли все въ непроницаемую чащу лѣса, задѣвая и отряхая пушистый снѣгъ съ густыхъ вѣтвей сосенъ. Полковника вели двое подъ руки. Вышли на поляну.

— Первый нумеръ?—спросилъ шопотомъ Кузьма.

— Мой,—отвѣтилъ молодой человѣкъ въ измятомъ полушубкѣ.

— Пожалуйте тутъ.

Пошли дальше.

— Второй нумеръ?

— Я,—отвѣчалъ мрачно черкесь.

— Извольте тутъ становиться.

Третьимъ нумеромъ сталъ полковникъ, четвертымъ какой-то господинъ въ очкахъ, никогда не бывшій на охотѣ и не имѣющій о ней никакого понятія; пятымъ—не знаю кто. Кузьма пожелалъ добраго часа и пошелъ въ лѣсъ дѣлать дальнѣйшія распоряженія.

Охотники стояли другъ отъ друга на разстояніи сорока шаговъ. Тѣлохранители сзади, то присѣдая, то выпря-

мляясь, слѣдили за малѣйшимъ шорохомъ, за малѣйшимъ движеніемъ каждаго прутика.

Тихо.

Молодой человекъ въ изящномъ полушубкѣ любовался своимъ новенькимъ штуцеромъ, обтирая батистовымъ платкомъ его стволы. Черкесъ пилъ водку изъ фляжки и дѣлалъ соображенія на случай непріятнаго столкновенія съ жильцомъ сосноваго лѣса. Полковникъ прислонился къ дереву и осматривалъ мѣстность. Господинъ въ очкахъ безучастно смотрѣлъ на все окружающее и разъ только полюбопытствовалъ узнать отъ мужика—«на заднихъ лапахъ выходитъ медвѣдь или просто». «Всячески,—отвѣчалъ мужикъ:—какъ ему лучше, бываетъ—и на лапы подымается».

Надъ головами охотниковъ пронеслась стая птицъ. Изъ-за лѣса послышался собачій лай. Выстрѣлъ! И мертвая тишина сосноваго бора смѣнилась нескладнымъ, безобразнымъ крикомъ загоищниковъ. Всѣ схватились за ружья; тѣлохранители понятились назадъ.

Кричатъ...

Съ притаеннымъ дыханіемъ всѣ смотрятъ впередъ. Черкесъ сбросилъ съ себя бурку.

— Ваше сіятельство, подайтесь маленько, способнѣе будетъ,—сказалъ мужикъ полковнику, взявши его за руку и передвигая его съ мѣста.

Полковникъ молча повиновался.

Мужики, стоящіе около молодого человека, держали рогатины на перевѣсь. Самъ онъ, блѣдный, безпокойно глядѣлъ впередъ.

Господинъ въ очкахъ стоялъ до наивности храбро. Казалось, что ему схватиться съ звѣремъ—дѣло за обычай.

Миронъ всталъ на цѣпь и туло глядѣлъ на линію охотниковъ.

Кричатъ...

Черкесъ поминутно скидываетъ ружье. Вотъ онъ присѣлъ и прицѣлился. Всѣ встрепенулись. Полковникъ взялъ быстро на прицѣль. Оказалось: фальшивая тревога.

— Баловники!—сказалъ тѣлохранитель.

Крикъ на лѣвой сторонѣ усилился. Ужъ ясно слышится слова: Аяя! Береги, береги!.. У-ту-ту!.. Идетъ, идетъ... Батюшки, береги! Кричи, кричи... Лай собачій превратился въ отчаянный визгъ, и на полянѣ, въ виду всѣхъ охотниковъ, показался во всей своей красотѣ большой бурый медвѣдь.

Тафъ! тафъ! тафъ! раздались глухіе выстрѣлы.

Медвѣдъ мгновенно повернулъ и скрылся въ чупыгѣ.

Тафъ! Тафъ! отсалютоваль ему вслѣдъ черкесь.

Господишь въ очкахъ выстрѣлили два раза въ воздухъ.

Пятый номеръ закричалъ: «тиро!»

Полковникъ былъ убѣжденъ, что онъ медвѣдя ранилъ: ему показалось, что медвѣдъ перевернулся. Черкесь былъ убѣжденъ, что онъ медвѣдя убилъ, потому что, послѣ его выстрѣла, медвѣдъ привскочилъ. Но ни того, ни другого не совершилось: не перевертывался медвѣдъ и не привскакивалъ, а просто цѣлымъ и невредимымъ вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ...

Полковникъ начиналъ сердиться; ему казалось, что лѣвая сторона кричить слабо.

— Что у васъ, чертей проклятыхъ, лѣвое крыло спить! Эки анаемы! Убью!—закричалъ онъ на весь лѣсъ.

— Сударь, что же это вы кричите? Вы вѣдьмедя сбиваете,—замѣтилъ ему тѣлохранитель:—онъ долженъ опять выйти.

Медвѣдъ между тѣмъ метался по лѣсу изъ стороны въ сторону, стараясь прорвать цѣпь загонщиковъ. Вотще! Загонщики стояли кучно и кричали немилосердно. Звѣрь рѣшился на отчаянное средство: онъ бросился на загонщиковъ, повалилъ бабу и вырвался на полную волю съ правомъ лечь въ новую берлогу и дожидаться новаго обрѣтенія, новой дачи, по которой будутъ вызваны болѣе умѣлые охотники, которые влѣмятъ ему пулю подъ самую лопатку и украсятъ его чучелой кабинетъ или парадную лѣстницу.

Хотя крикъ замѣтно смолкалъ, чувствовалось, что медвѣдъ изъ круга вышелъ, но полковникъ не хотѣлъ этому вѣрить. Онъ послалъ Мирона подбодрить загонщиковъ. Крикъ приближался. Уже изъ лѣсу слышался разговоръ. Вотъ изъ чащи показалась пара лаптей... вонъ мальчишка вышелъ съ разстегнутымъ воротомъ, вонъ баба... а вотъ и Кузьма съ Мирономъ.

— Что же ты, долговязый чортъ,—набросился на него полковникъ:—чего смотрѣлъ?

— Что дѣлать, сударь! За хвостъ его не ухватишь,—отвѣчалъ уныло Кузьма.

— За хвостъ! Тебя за бороду надо!

— Воля милости вашей, какъ угодно, а что вѣдьмедя дѣйствительно выставили.

— А онъ куда ушелъ?—спросилъ господинъ въ очкахъ.

— Да вѣдь Богъ его знаетъ,—отвѣчалъ неохотно Кузьма.

— Онъ теперича бѣжитъ... Онъ теперича... съ нимъ теперича, ничего не сдѣлать. Хоть на лошади—его никакъ невозможно...—пояснилъ Миронъ.

На полянѣ разсуждали вышедшіе изъ лѣсу загонщики.

— Ужъ какъ старались—страсть!

— Мы въ кругу были. Онъ какъ прыснетъ, да влѣво и ударился... Ударился онъ влѣво, а мы...

— Онъ мимо меня два раза пробѣгъ.

— Снѣгу сколько я наглотался, полонъ ротъ.

— Какой звѣрища-то здоровенный!

— Да, этакой подберетъ подъ себя—пить запросишь.

— Такъ озябъ, пропади эта охота совсѣмъ! Ноги такъ задервенѣли—на печь, пожалуй, не влѣзешь.

Молодой человекъ въ изящномъ полушубкѣ пошелъ въ лѣсъ, думая найти убитаго медвѣдя. Выстрѣлили тамъ два раза въ дерево и опять вышелъ на поляну.

Всѣ поѣхали обратно. Черкесъ, при вѣздѣ въ деревню, убилъ въ упоръ пѣтуха, промолвивъ: «тебѣ этого, что-ль, хотѣлось?»

ПТИЦЕЛОВЪ.

День воскресный. Обѣдни отошли. Обыватели захохустья сѣли за столъ.

Царь надъ щами тучей носится. Точно взбитая перина глядитъ жирная кулебяка, начиненная ливеромъ, сердцемъ, яйцами, кашей, куриными пунками и т. п.

— Чудесно!—говоритъ хозяйнѣ.

— Распревосходнѣйшая кулебяка, — поддакиваетъ ему одна изъ бѣдныхъ родственницъ:—по всей Москвѣ такой не сыщешь. Я въ спасскія казармы къ одному майору вхожу: ну, что говорить, хорошія кулебяки бываютъ, намедни даже съ семгой была, а противъ этой ничего не стоятъ. Эту кулебяку царю не стыдно подать.

— На этой кулебякѣ спать можно, а не то что, къ при-мѣру... Пухъ!—перебиваетъ дѣдушка...—Намедни квартальный отъ обѣдни зашелъ, такъ его насилу оттащили отъ нея. Ну, говоритъ, Семенъ Ивановичъ, тебѣ меня хоропить послѣ придется.

— А что вы думаете?! Бываетъ!—подхватила родственница:—у насъ въ Винникахъ стряпчій одинъ, благочестивый человѣкъкъ былъ, съчугомъ объѣлся. До дому не доѣхалъ—померъ.

Отъ кулебяки остаются однѣ крошки. Остальные блюда—гусь съ кашей—уже не производятъ никакого впечатлѣнія: его ѣдятъ только потому, что онъ поставленъ—не бросать же. Моченые яблоки замыкаютъ трапезу. «Ухъ», да «охъ» вылетаютъ изъ груди отяжелѣвшихъ сотрапезниковъ.

— Что значитъ гусь-то! — замѣчаетъ хозяйнѣ, поковыривая пальцемъ въ зубахъ.

— А что?—спрашиваетъ хозяйка:—гусь, кажется, хороший, жирный...

— Память отшибаетъ.— Отъ обѣдни шелъ, помнилъ, какую батюшка проповѣдь говорилъ, за столъ сѣлъ—все въ размышленіи имѣлъ, а какъ этого гуська прикончилъ—все позабылъ.

— Боже, очисти меня грѣшнаго! — перекрестивъ ротъ, произноситъ тихо дѣдушка.

То же самое совершилъ и купеческій сынъ, пропившійся до тла потомственный почетный гражданинъ Володя.

Вотъ его біографія. (Что я описываю — было въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ дни достойнаго памяти графа Закревскаго). Отецъ Володинъ былъ богатый купецъ, занимавшійся казенными подрядами. По обычаю того времени, одну дочь пристроилъ онъ за маіора, а другую сдалъ кому-то изъ своей братіи богачей. Володя былъ единственный сынъ, надежда, какъ говорится, «прошенный-моленный», и соотвѣтственное сему получилъ воспитаніе. Съ семилѣтняго возраста онъ пристрастился къ птицамъ. Родитель устроилъ ему голубятню. И лежитъ себѣ Володя на спинѣ, да пошвыстываетъ, и выются въ глазахъ его въ поднебесномъ пространствѣ турмана и чистые. И ни для кого незамѣтно — ни для окружающихъ, ни для отца, ни для самого себя—просвисталъ онъ до двадцатилѣтняго возраста. Грамота едва коснулась его. Въ училище мать не хотѣла отдать—жалко; домой учителей приглашать тоже боялась—по головѣ будутъ бить. Читать его выучилъ дьячокъ, за что получилъ двѣ синенькихъ, да полубархату на жилетку; а писать — конторщикъ. Имѣя постоянное общеніе съ голубятниками и птицеловами, онъ еще въ дѣтствѣ постигъ вкусъ въ мадерѣ, а къ совершеннѣйшю сталъ совершеннымъ пьяницею. Безжизненное, безъ всякаго выраженія лицо его опухло. Въ такомъ видѣ, безъ предварительнаго съ нимъ соглашенія, его привезли въ одинъ купеческій домъ смотрѣть невѣсту. Послѣ «политичнаго разговора» о погодѣ, о томъ, что въ прошлую ночь подъ самыми окнами караулъ кричали, что въ крутицкихъ казармахъ одна вдовствующая купчиха кантониста украла и нигдѣ пхъ найти не могутъ, что одному барину въ пятницу части бороду обрили — дѣло было порѣшено: Володя былъ объявленъ женихомъ. — Повѣнчали съ помпой. На правомъ клиросѣ пѣли въ полномъ составѣ чудовскіе, на лѣвомъ — синодальные пѣвчіе, апостоль читалъ соборный протоіакоу. Послѣ пиръ горой. Чиновники комиссаріатскаго вѣдомства съ супругами, мѣстный полиціймейстеръ, частный

приставъ со всеѣмъ подвѣдомственными ему квартальными надзирателями и ихъ помощниками, совѣтники губернскаго правленія и управы благочинія, секретари магистрата, сиротскаго и иныхъ судовъ, духовенство близлежащихъ церквей, именитое купечество съ супругами и дочерьми радушно были встрѣчены гостеприимнымъ хозяиномъ. Музыка «двухъ сортовъ», какъ говорилъ хозяинъ. Кулинарная часть во всеѣмъ блескѣ, — даже, — рѣдкое въ то время блюдо, — жареный лосъ былъ, къ которому, однако, рѣдко кто прикасался. Только частный приставъ съѣлъ два куска ошибкой, но, узнавши, что это было за блюдо, обругалъ офиціанта собачьимъ сыномъ.

— Ты долженъ говорить, братецъ, что подаешь...

Офиціантъ «взялъ смѣлость доложить», что у графа За-
кревскаго очень часто подается лосъ.

— Графъ миѣ не ука...

«Не указъ» разсчитывалъ сказать частный, но, спохватившись, остановился на полусловѣ и, обозвавши еще разъ офиціанта «скотиной», приказалъ подать себѣ шампанскаго.

Баль кончился. Все съ благопожеланіями разѣхались домой. Остались только одни ближайшіе родственники для исполненія нѣкоторыхъ статей уложенія Домостроя пона Сильвестра.

Печальные, горькіе дни наступили для молодой женщины. Дикій свекоръ, дура свекровь и безпросынный пьяница мужъ. Не выдержала бѣдная, зачахла. Попробовали лѣчить подручными средствами: грудь какимъ-то масломъ смазывали, винными ягодами кормили, поили разными травами и какимъ-то цѣлебнымъ пескомъ; наконецъ, наканунѣ смерти, пригласили доктора, т. е., собственно, подлѣкаря изъ какой-то больницы, имѣвшаго огромную практику въ купеческомъ сословіи. Докторъ выписалъ изъ аптеки шанскую мушку, вынулъ съ мужемъ бутылку портвейна и рѣшительно сказалъ, что опаснаго ничего нѣтъ. На утро жертва родительскаго невѣжества и денежнаго расчета тихо простилась съ жизнью. Похороны совершены были архіерейскимъ служеніемъ. Опять тотъ же составъ общества, который ликовалъ за свадебнымъ столомъ, съѣлъ тѣмъ же порядкомъ за поминальный столъ и съ чувствомъ соболѣзнованія по усопшей началъ трапезу миндальнымъ киселемъ и кончилъ какимъ-то кондитерскимъ печенемъ. Ликовала нищая братія, получившая обѣдъ

натурой. Радостно вздохнули въ острогѣ «тюремные сидѣльцы»: имъ послано было на поминъ души двѣсти бычачьихъ печенокъ. Выбывшій членъ семейства не произвелъ въ домѣ никакого безпорядка. Свекровь говорила, что покойницу Богъ наказалъ за непокорность. Свекоръ говорилъ, и что у покойной были понятія не купеческія, своимъ умомъ хотѣла жить. Мужъ ничего не говорилъ. Смерть молодой кроткой жены не потревожила его сердца. Онъ только разсердился на подлѣкаря за то, что тотъ его обманулъ, сказавши, что опасности никакой нѣтъ, и за это публично въ трактирѣ оттащала его за волосы.

— Самъ когда-нибудь издыхать будешь!—кричалъ обиженный врачъ.

— И буду!—шумѣлъ пьяный купецъ.

— И издохнешь!

— И издохну!

— Вызолоти ты меня тогда, такъ я къ тебѣ не приду.

— Да ты развѣ докторъ?

— А кто же я?

— Въ родѣ какъ бы словно коноваль. Да и коноваль-то лучше тебя! Ты сколько въ Таганкѣ народу-го перепортилъ? У всѣхъ зубы новыкрошились, кто у тебя лѣчился; а у Еремѣй Назарыча рыло на сторону свело отъ твоего лѣкарства.

Ссора, впрочемъ, продолжалась недолго. Поссорившіеся помирились и поѣхали въ Марьину рощу.

— Я зла не помню,—говорилъ въ дорогѣ Володя.—Давай поцѣлуемся.

— Я тоже, — отвѣчалъ подлѣкарь: — съ удовольствіемъ! На васъ, вѣдь, кушцовъ, и сердиться-то нельзя: очень ужъ пародь-то дикій и необразованный. Еремѣй Назаровичу я микстуру прописалъ принимать по утру по одной ложкѣ, а онъ въ два дня всю выпилъ. Это и быку шею сведеть. А меня ругаютъ, главному доктору хотѣтъ жаловаться. Съ вашимъ характеромъ ни одинъ докторъ не сообразится. Пропиши тебѣ средство, да чтобы въ водкѣ его принимать, да чтобы оно въ два дня подѣйствовало. Вѣдь, я мученикъ между вами. Вонъ, у Федоси Кашионовны чирій теперь: сидѣть не можетъ. Вытяжнымъ пластыремъ пробовалъ—не помогаетъ. Позвольте, говорю, посмотреть. Что ты, говорилъ, очумѣлъ, что ли? Мой мужъ по первой гильдїи. Вотъ ты и поиди съ ней!

Старикъ-отецъ не заговаривалъ съ сыномъ о второмъ бракѣ, да ему и не до того было: надъ его головой соби-

ралась туча. Шла она изъ-за Москвы-рѣки, изъ московскаго комиссаріата. Нагонялъ ее Зевесъ въ густыхъ эполетахъ, присланный изъ Петербурга. Къ старику по ночамъ приходили чиновники, читали объяснительныя записки, разсматривали какіе-то ордера, что-то переписывали, что-то подскабливали, вшивали въ «Дѣло» какіе-то счета и записки. Одинъ разъ привезли отставнаго губернскаго секретаря, согласившагося принять за пять рублей фальшивую присягу, которая, по ходу слѣдствія, могла оказаться нужной. Наконецъ, туча разразилась, грянулъ громъ! Ночью, подъ величайшимъ секретомъ, частный приставъ, съѣздившій на свадьбѣ, по ошибкѣ, кусокъ лоса, свезъ старика въ тверскую часть. Надъ женой его и надъ сыномъ «впредь до распоряженія» учрежденъ полицейскій надзоръ, а «дворы и животы описаны до указа». Старуха не перенесла срама своего мужа и вскорѣ умерла. Петербургская слѣдственная комиссія съ остервенѣніемъ набросилась въ московскомъ трактирѣ на уху, на растегаи, на раковый супъ. Три года она ѣла, три года писала, три года счета сводила; наконецъ, кончила товарищескимъ обѣдомъ въ троицкомъ трактирѣ и уѣхала въ Петербургъ. Вскорѣ, по отъѣздѣ ея, стали попадаться на улицѣ комиссаріатскіе чиновники, содержавшіеся въ теченіе трехъ лѣтъ въ секретныхъ номерахъ московскихъ полицейскихъ домовъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ одиночное заключеніе произвело сильное впечатлѣніе: одинъ похуďлъ и осунулся, у другого выступила просѣдь, а третій — вышелъ какъ встрепанный, точно онъ въ теченіе трехъ лѣтъ сидѣлъ не въ заключеніи, а въ московскомъ трактирѣ. Выпустили черезъ калитку частнаго дома и одряхлѣвшаго стараго подрядчика. Онъ былъ разоренъ совсѣмъ. Домъ, въ которомъ благодумствовали комиссаріатскіе, полицейскіе и иныхъ вѣдомствъ чиновники, пришелъ въ полное разрушеніе и назначенъ былъ въ продажу за казенные долги. Добрые люди пріютили старика, обременившаго ихъ впрочемъ не надолго. Онъ умеръ, на глазахъ своего духовника, съ полнымъ сознаниемъ своей правоты и невинности. Впереди гроба съ образомъ шель, по собственному побужденію, отставной губернской секретарь, согласившійся принять, по просьбѣ чиновниковъ, фальшивую присягу. Онъ же разносилъ и кутью на бѣдныхъ поминкахъ.

Володя, во время ареста отца, перекочевывалъ изъ дому въ домъ: гдѣ переночуетъ, гдѣ пообѣдаетъ.

— Кто это тамъ въ кухнѣ на лавкѣ свернулся?—спрашиваетъ хозяйка.

— Это, матушка, почетный гражданинъ у насъ почи-ваетъ, — отвѣчаетъ кухарка: — вчера вечеромъ пришелъ мокрехонекъ. Губы посинѣли, дрожить. Ужъ я согрѣшила, грѣшная: — шкальчикъ ему кушила... Тоже жалко. Подумаешь: изъ этакаго богатства... Ужъ я и поплакала. Цѣ-лый часъ штаны выжималъ, а ужъ сакъ-пальто его словно бы тебѣ кисель расплзся. Кучерамъ сунуть отдала. Вы-жимали, выжимали... страсть!

На свадьбахъ и на поминкахъ у своихъ многочислен-ныхъ знакомыхъ по кунечеству онъ всегда являлся безъ приглашенія и, разумеется, не шелъ въ передній уголъ, а выбиралъ за столомъ позицію — на свадьбѣ около пѣв-чихъ или бѣдныхъ родственниковъ, а на поминкахъ—около дьяковъ. Несмотря на голую нищету, въ душѣ его тлѣла поэтическая искра: онъ до обожанія любилъ птицъ и по цѣлымъ недѣлямъ ловилъ ихъ въ заброшенныхъ барскихъ садахъ, раскинутыхъ по берегу рѣки Язуы.

Вотъ собралась цѣлая компанія ловцовъ: на лужайкѣ раскинулъ сѣтку отгуливающій уроки гимназистъ; подъ ракушковымъ кустомъ растянувшійся на брюхѣ отецъ-дья-конъ подсвистываетъ синицу; Володя сосредоточенно смо-трить на западню. Въ кустахъ что-то щелкнуло,—это чи-жикъ влетѣлъ въ западню.

— Ты меня, подлець, вчера цѣлый день промаялъ, — кто-то говоритъ въ кустахъ.

— Что Богъ далъ?—спрашиваетъ отецъ-дьяконъ.

— Чижъ!—отвѣчаетъ тотъ же голосъ.

— Рѣдки здѣсь хорошіе. Вотъ, на Воробьевыхъ горахъ попадаются необыкновенные,—замѣчаетъ отецъ-дьяконъ:— мѣсто высокое.

— Чижи-то настоящіе въ Разумовскомъ саду,—вмѣни-вается Володя.

— Нѣтъ, вамъ неудобно ли пройти съ западкомъ въ Тюфелеву рощу, такъ останетесь довольны... Три моихъ синицы и теперь въ Кудринѣ въ трактирѣ висятъ. Загля-дѣнье! А ужъ пѣночку какую въ Андронсевъ архимандриту предоставилъ — невозможная!.. Благословилъ и полтняникъ далъ. Великое, говоритъ, это мнѣ утѣшеніе.

— Мнѣ Богъ помочь въ этомъ году, — перебиваетъ Во-лодя:— весной девять соловьевъ поймалъ.

— Почему взяли?—спрашиваетъ отецъ-дьяконъ.

— Раздарилъ. Я не продаю.—отвѣчаетъ Володя.

— Не основательно! — замѣчаетъ отецъ-дьяконъ: — бѣдный вы человекъ и драгоценную птицу дарите! Вѣдь попадаются такіа, которымъ и цѣны нѣтъ.

— Это точно, — соглашается Володя: — голофтеевскому приказчику за соловья триста рублей дадутъ, онъ говорить — тысячи не возьму. Въ жизнь я такого не слыхиваль.

Наконецъ, отецъ-дьяконъ перехитрилъ синицу: западня ее захлопнула.

— Вотъ вы изволите говорить про соловьевъ,—началь, выходя изъ куста, худенькій человекъ въ казинетовой сибирочкѣ.—Нынче соловьи-то кусаются... Нынче ихъ поискать, да поискать хорошихъ-то, да гдѣ-то еще ихъ найдешь. Вотъ въ С.-Петербургѣ я жилъ, такъ у частного пристава, можно сказать, соловей былъ! Первый соловей по всей нашей еперіи! Нѣтъ такихъ соловьевъ! — всю жизнь я съ ними, а такого не слыхиваль, да и не услышу. И, вѣдь, главная причина, даромъ ему достался. Потому — владыка, ну и дарятъ! Онъ, изволите видѣть, на садкѣ на живорыбномъ былъ у Ивана Киселева. Ну-съ, хорошо-съ!.. Пришелъ частный приставъ, а онъ, какъ на грѣхъ, и заливаается. Чей, говоритъ, такой? Собственный нашъ. Это, говоритъ, даже удивительно!.. —Продай!.. —Никакъ невозможно, въ томъ разсужденіи, что по всему Питеру одинъ соловей. — Подумай, говоритъ, потому, какъ очень мнѣ нравится. Городовой пришелъ: — Тебѣ бы, говоритъ, Киселевъ, лучше отдать, мало ли что можетъ случиться: всѣ подъ Богомъ... все лучше!.. Жирно, говоритъ, будетъ. Хорошо-съ!.. Недѣли черезъ двѣ, утромъ, только что садокъ отперли, а городовой на панели ужъ и стоитъ.— Что это, говоритъ, Киселевъ у тебя тутъ дѣлается? — А что, говоритъ? — Посмотри-ка. Глядь, около самага садка ноги чьи-то торчатъ. Утопимшіи!.. Какой, говоритъ, это человекъ? — Не могу знать! — Кто же, говоритъ, знаетъ? Затрясся мой Киселевъ... Нельзя ли, говоритъ, Ермаилъ Ив... — Ступай скорѣй къ самому, а мы покуда рогожкой прикроемъ, чтобы народъ не толнился. Прибѣжалъ—почиваетъ. Въ другой разъ толканулъ—съ лепортомъ уфхаль, къ часу пожалуетъ. Въ часъ пришелъ — дома. Вышелъ, перышкомъ въ зубахъ поковыриваетъ. — Что скажешь? — Соловья въ тѣ поры желали, ваше высокоблагородіе. — Одумался, говоритъ.—Сдѣлайте ваше такое одолженіе, важ-

ности это намъ не составляетъ. А у самого сердце на части разрывается!—Спасибо, говорить, присылай. Снесъ!.. Ну, ночью этого утоиншаго пониже по Фогтанкѣ перепелки, а на утро, при всемъ честномъ народѣ, вытащили да въ газетахъ публиковали: «всилью мертвое тѣло, какого званія неизвѣстно». Вотъ те и соловей!.. А вотъ, те перича который у меня перепелъ — удивленія достойно: вабенье самое миниатюрное... органное... Опять же и разстановить, и хринецъ степной есть. Перепелъ во всей формѣ.

— Я вчера перепела поймалъ, — съ живостью отозвался гимназистъ.

— А неправда ли, что оную птицу легче поймать, чѣмъ выучить спряженіе латинскаго неправильнаго глагола? — отнесся къ нему отецъ-дьяконъ.— Повидимому, вы отъ оныхъ спряженій уклоняетесь, ибо я ежедневно встрѣчаю васъ здѣсь.

Гимназистъ зардѣлся.

— Я самъ въ семинаріи родителя обманывалъ и отбывалъ уроки на рыбной ловлѣ, но не столь часто.

Гимназистъ совсѣмъ растерялся.

— Конечно, — продолжалъ дьяконъ: — *Radix studiorum amara*... Ну-ка, какъ *genitivus*-то отъ *radix*?

— *Radicis*,—отвѣчала гимназистъ.

— *A studiorum* начало.

— *Studium*.

— Познанія у васъ есть. Это хорошо! Только одно другому мѣшать не должно: уловляя синицъ, должно памятовать, что наука тоже требуетъ непрестаннаго уловленія. Вы не огорчайтесь на меня: я простой человѣкъ, мнѣ жалко васъ стало. Дай, думаю, поговорю. Вижу, вы сконфузились. Большая мнѣ это радость. Значитъ, слова мои «не мимо идутъ». Приходите по праздникамъ, вмѣстѣ ловить будемъ. А теперь вотъ вамъ отъ меня парочку синичекъ.

— Зачѣмъ, — сквозь слезы произнесъ гимназистъ.

— Бери! Я вижу, ты охотникъ. Ну, уклоняешь тебя охота отъ занятій... самъ я такой былъ!.. Если бы не страсть моя, я бы давно въ фіолетовой щеголялъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

I.

На лугу.

Ночь! Божественная ночь!

Очаровательная ночь *) —

Спи, кто может — и спать не могу,

Я стою потихоньку, безъ шуму,

На покрытомъ стогами лугу

И невольную думаю думу **).

И уносить дума меня далеко: уносить она меня въ «пышный» Петрополь, въ «очаровательный» Павловскъ, съ его «восхитительной» иллюминаціей, съ его «обворожительнымъ» оркестромъ. Я какъ будто вижу «волшебную» налочку Главача... Мысль моя переносится въ Новую деревню съ ея увеселительными притонами. Воображеніе вводитъ меня и въ Ренесансъ, и въ Каскадъ, и въ русскій семейный садъ, и въ Зоологическій садъ, и въ Крестовскій садъ, и вообще во всѣ сады, кругомъ опоясывающіе «славный городъ Петербургъ». Я какъ будто сижу въ какомъ-то загородномъ театрѣ, гдѣ играютъ какую-то безмысленную піесу, поютъ, какіе-то невыносимо глупые куплеты...

А надо мной

Открылась бездна, звѣздъ полна.

Звѣздамъ нѣтъ счета, безднѣ дна... ***)

А кругомъ меня «святая тишина».

Ня гласа на брегѣ, ни зыбн на влагѣ — все тихо. ****)

Боже, какъ хорошо здѣсь. А докучливая фантазія все отвлекаетъ меня, все уносить меня изъ міра поэзін въ

*) Гоголь. **) Некрасовъ. ***) Ломоносовъ. ****) Гвѣдить.

театръ—въ міръ суеты, въ міръ озлобленнаго самолюбія и самомифнія, въ міръ мелкихъ интригъ и всякихъ дрызгъ... Въдь здѣсь лучше, въ этомъ чарующемъ безмолвіи!.. Но я не властенъ надъ ней. Она ведетъ меня все дальше и дальше... Вотъ показался на сценѣ, завитый въ колечки театральнымъ шарикмахеромъ, чтець. На рукахъ у него бѣлыя перчатки, въ рукахъ складная шляпа. «Солимская гетера», произноситъ онъ съ апломбомъ. На половинѣ стихотворенія голосъ его достигаетъ высшихъ предѣловъ. Онъ начинаетъ кричать, мускулы въ напряженіи, лицо краснѣетъ и кривится, лѣвая ладонь сжата въ кулакъ, правая разсѣкаетъ шляпой воздухъ. Послѣдній стихъ:

«И онъ сказалъ ей кротко: встань!»

произноситъ онъ съ какимъ-то остервенѣніемъ, какъ будто:

«И онъ сказалъ ей: пошла вонъ!»

Браво! разносится по всему театру. Чтець раскланивается и уходитъ за кулисы. Какъ я взволновался, произноситъ онъ тамъ: — эки у меня нервы проклятые! Сцена на мгновеніе остается пуста. Вотъ изъ боковой кулисы сверкнулъ лаковый самогъ и исчезъ... Еще сверкнулъ и опять исчезъ...

— Что дразнишь-то! Ступай скорѣй!—говоритъ кто-то въ заднихъ рядахъ.

— Кулетчикъ, что ли, теперь пойдетъ?

Вотъ показалась наконецъ странная, толстенькая фигура во фракѣ. Лицо его выражаетъ полнѣйшее отсутствіе какой-либо мысли; оно только до нельзя гладко выбрито. Онъ быстро подбѣжалъ къ рамѣ, скроилъ принужденно-веселую гримасу, положилъ ладони одну въ другую, потеръ ихъ такъ, какъ обыкновенно трутъ руки, когда въ нихъ находится кусокъ мыла, шепнулъ что-то дирижеру, тотъ далъ знакъ оркестру, и зала огласилась кулетами, не тѣми милыми, веселыми, подчасъ ѣдкими кулетами, которыми восхищала публику даровитый и симпатичный Монаховъ, а кулетами глупыми, грубыми, не литературными. Въ залѣ подымается буря аплодисментовъ. Браво! Bis! Кулетистъ начинаетъ снова. Bis! снова кричитъ удовлетворенная публика. Кулетистъ продолжаетъ. «Бисы» не прерываются. Наконецъ, сѣвши съ дюжину кулетовъ, онъ усталъ. Красный, какъ ракъ, онъ откланивается публикѣ и сѣвшино бѣжитъ за кулисы; но неистовое «bis» снова тащитъ его на сцену. Въ недоумѣніи онъ останавливается. Репертуаръ его

истоцентъ. Всѣ имъ обруганы: и кассиры, которымъ судъ воздать «коемуждо по дѣломъ его», и кассиры—кандидаты скамьи подсудимыхъ, и банки съ ихъ бухгалтерами, и присяжные повѣренные, и желѣзнодорожные дѣятели, и инженеры... Кого бы еще обидѣть? думаетъ онъ. И не имѣя болѣе подходящаго куплета—передразниваетъ двухъ астраханскихъ армянъ, судящихся у мирового судьи.

Я въ Москвѣ, въ Эрмитажѣ... Садъ освѣщенъ электричествомъ... Налѣво театръ, направо буфетъ, прямо эстрада; тамъ, гдѣ-то въ кустахъ, еще фантастическій театръ. Въ одномъ театрѣ раздаются звуки Корневильскихъ колоколовъ, въ другомъ—актеры треплютъ «Каширскую старину». «Bis», раздается въ одномъ театрѣ. «Браво», кричатъ неистово въ другомъ. У эстрады тѣснится публика. Идетъ разговоръ.

— Вы не слышали?

— Кого?

— Егорова.

— Нѣтъ.

Вотъ, батюшка, по-собачьи-то лаетъ! Изумительно! На эстрадѣ показался г. Егоровъ и тотчасъ закричали пѣтухи, залаяли собаки, замыкали кошки. Bis! — кричитъ публика. «Кукурику», выкрикиваетъ въ удовольствіе ей г. Егоровъ.

— Bis! Пѣтуховъ довольно! Валяй по-собачьи!— говоритъ кто-то у эстрады.

На дворѣ лежатъ двѣ собаки,—начинаетъ имитаторъ.

— Пѣтуха!—раздается рѣзкій голосъ.

— Пѣтуха!—подхватываютъ энергически нѣсколько голосовъ.

— У одной собаки,—продолжаетъ имитаторъ, не обращая вниманія на требованія публики...

— Пѣтуха!—кричитъ крайняя лѣвая и центръ.

— Пѣтуха! Bis! Пѣтуха!—поддерживаетъ московская сибирка, въ суконномъ картузѣ.

— А я, можетъ, собаку желаю слушать,—протестуетъ господинъ въ цилиндрѣ.

— Это сколько вамъ будетъ угодно, мы не пренебрегаемъ... Пожалуйста къ намъ, на Запѣлу, тамъ ихъ сколько угодно, на разные голоса могутъ,—отвѣчаетъ сибирка.

— Ты мнѣ дерзостей не говори! — вскрикиваетъ цилиндръ.

— Мы вамъ ничего такого не говоримъ, даже не можемъ знать, какой на васъ чинъ,—уклоняется сибирка:—

можетъ повыше сапожника, пониже портного... Мы за свой рубль. Bis! Пѣтуха!

Къ центру присоединились прогрессисты. Начинается буря! Стоящій вдали участковый приставъ уже начинаетъ подумывать о распущеніи собранія.

Имитаторъ уступаетъ.

— По двору ходитъ индѣйскій пѣтухъ,—начинаетъ онъ.

— Не надо индѣйскаго! Нашего, обнакновеннаго!—закричала вновь сибирка.

— Шиши!—грозно раздается со всѣхъ сторонъ.

— Ну, какъ угодно! Намъ все равно! Вася, пойдемъ выпьемъ по штучкѣ, — говоритъ, отходя отъ эстрады, сибирка:—мы пѣтуховъ-то довольно слышали, важности это не составляетъ! У насъ, у нашей бабушки, можетъ, по Москвѣ первые пѣтухи! Индѣйской-то пѣтухъ какой онъ? Его и ѣсть-то невозможно. Вся сила у него въ хвостѣ! Хвостъ дѣйствительно! А больше ничего! Глухой пѣтухъ!

Представленіе на эстрадѣ вдругъ прерывается. Публика, какъ одинъ человѣкъ, повскакала съ своихъ мѣстъ и ринулась въ одну сторону.

— Пожаръ?

— Боже сохрани!

— До тѣхъ поръ, пока у насъ будутъ деревянные театры...

— Да театръ вонъ гдѣ...

— Куда же это бѣгутъ?

— Не знаете, что случилось?

— Я давно слышала, что гарью пахнетъ.

Изъ отрывочныхъ фразъ ничего нельзя понять.

— Какой же это пожаръ, —успокаиваетъ кто-то.—Шаръ надъ прудомъ лопнулъ и самъ воздухоплаватель въ воду упалъ.

— Спасли?—пронзительно восклицаетъ одна барыня.

— Надъ самымъ надъ прудомъ, —вмѣшивается сибирка.—

Разъ! Яко прославился!

— Вы видѣли?

— Да, тутъ стояли... Разъ! И сейчасъ въ пучину!.. Мы бросились, думали, откачивать будутъ... Докторъ подбѣжалъ къ нему: ничего, говоритъ, вы такого въ себѣ не чувствуете?

— Если бы повыше маленько вознесся—бѣда!—подхватываетъ другая сибирка: — и потроха бы его не собрать! У насъ одинъ пьяный съ третьяго этажу сверзился...

Наконецъ, публика успокоилась. На опустѣвшихъ сто-

лахъ опять появились бутылки съ краснымъ виномъ и ии вомъ. Буфетъ пошелъ полнымъ ходомъ.

— Я больше къ поповкѣ прилежаніе имѣю, — говоритъ одинъ московскій обыватель. — Смирновскую пробовали... да въ груди что-то этакое опосля ее... дыханіе, значить...

— Тѣснить, — поддакиваетъ другой: — это вѣрно! А поповку хоть не закусывай... ровно идетъ, чисто!.. Палей-ка намъ, миленькій, поповочки три штуки.

— А ты попробуй-ка смирновскую-то, — вмѣшивается третій: — свѣжимъ огурцомъ закусывай — такъ она себя покажетъ! Говорять, отъ нея огурецъ свертывается, опять, какъ есть, цѣльнымъ дѣлается...

Къ одному изъ столовъ подошелъ молодой, очень тучный господинъ, румяный и бѣлый, какъ севастьяновская булка. Одѣтъ онъ очень изящно, но лѣтнему, весь въ бѣломъ, начиная отъ шляпы и кончая ботинками. Человѣкъ онъ должно-быть, здѣсь свой, потому что лакеи со всѣхъ сторонъ бросились къ нему съ предложеніемъ услугъ.

— Семенъ Ильичъ, — началъ бѣлый господинъ, относясь къ старшему слугѣ: — самъ служи и еще кого-нибудь поумиѣ поставь. Двѣ бутылки Помри; ну а для меня ты знаешь что... только холоднаго. Потомъ ты позови Василья Яковлевича и честеру мнѣ. Скажи Буданову — иѣтъ ли свѣжаго, а то я буфетъ разнесу, онъ меня знаетъ. Да вотъ что... Впрочемъ, ничего, ступай. Живо! Или иѣтъ: кликни Сережу, не здѣсь ли она гдѣ пугается.

— Она въ шереметевской больницѣ другую недѣлю лежить, — отвѣчаетъ старикъ.

— Ну, царство ей небесное. Виновать: дай ей Богъ добраго здоровья! Говорилъ ей — не пей! Да, Семенъ Ильичъ! пошли къ Ечкину за четверкой. Чтобы Гараська ѣхалъ...

Этотъ бѣлый господинъ, т. е. отецъ этого бѣлаго господина, очень богатый. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ пришелъ въ Москву, перенесъ всю страшную тяготу фабричной жизни и впоследствии нажилъ огромное состояніе. На воспитаніе единственнаго своего сына онъ употребилъ всѣ средства: училъ его дома, отдавалъ въ самые дорогіе пансіоны, посылалъ его за границу. Природа щедро надѣлила его здоровьемъ: онъ можетъ не спать «ночей по десяти». Онъ можетъ выпить шампанскаго море. Щедрый и расточительный для домовъ терпимости и другихъ приютовъ разврата, онъ никогда ни одного гроша не пожертвовалъ

на дѣла благотворенія. Своимъ поверхностнымъ образованіемъ онъ поражаетъ всѣхъ: бѣгло и нагло говоритъ по-французски, знаетъ почти наизусть нѣкандныя мѣста изъ романовъ Зола, насвистываетъ на губахъ всѣ скабрёзныя оперетки. Каждодневно восходъ солнца встрѣчаетъ у Яра, а закатъ—въ одномъ изъ московскихъ ресторановъ.

Покончивши съ шампанскимъ, бѣлый господинъ садится съ двумя иностранками въ коляску, запряженную въ четверку ухорскихъ лошадей.

— Ну-ка, Гарасимъ, уважь кунца! Не огорчи!

— Слушаю, Никандра Ивановичъ! Развѣ это лошади? Это феверки! Ухъ вы, милыя!..—дикимъ голосомъ крикнуть ямщикъ. И понеслась бѣшеная тройка по неопрятной московской мостовой. Понеслась она къ Яру, гдѣ хоръ русскихъ пѣвицъ поетъ не по-русски, гдѣ цыганскій хоръ поетъ не по-цыгански, гдѣ всю ночь на-пролетъ «бушуетъ вѣтреная младость».

— Гараська, пали! — кричитъ изъ коляски Никандръ Ивановичъ.

— Палю! Стараюсь! — отвѣчаетъ, вынятивши бѣльма, Гараська.

Мечта ведетъ меня все дальше... Сквозь растворенныя двери театра я, какъ будто, слышу звуки Корневильскихъ колоколовъ.

Диги, диги, донъ! Диги, диги, донъ. А на яву влетаютъ въ мои уши звуки разбитой чугунной доски.

Тикъ, тикъ, тикъ... тикъ, тикъ, тикъ. Сторожъ Ананій Михайловичъ часы бьетъ.

Прочь мечта! Вонъ изъ этихъ увеселительныхъ заведеній, съ ихъ наркотическими оперетками, съ ихъ пошлыми куплетами и унижающими человѣческое достоинство имитациями. Вонъ изъ этихъ увеселительныхъ заведеній, гдѣ, вмѣсто веселья, царитъ нравственное удушье, гдѣ вмѣсто смѣха раздается какое-то неистовое ржанье.

— А вѣдь хорошо у насъ на лугу-то, сударь, — заговорилъ, подходя ко мнѣ, усадебный сторожъ Ананій Михайловичъ, восьмидесятилѣтній старикъ, бывший дворовый челоуѣкъ.— Сѣно-то теперь косятъ, духъ какой чудесный! Въ Пруднѣ тоже вчера закосили, опять же и въ старомъ селѣ... Со всѣхъ сторонъ тянетъ. Этакого духу въ городу-то у васъ чай, въ С.-Петербургѣ-то, нѣтъ?

— Нѣтъ, Ананій Михайловичъ,—отвѣчаю я.

— То-то, я думаю, что нѣтъ. А у насъ, вишь ты, какая благодать! Тихо, чудесно!.. Небо чистое...

— Всѣмъ хорошо, только комары очень одолеваютъ,— замѣтилъ я.

— Комаръ, сударь, ничего; комаръ нашъ лѣкаръ.

— Какъ лѣкаръ?

— А какъ же,—серьезно отвѣчалъ Ананій Михайловичъ.— Это нашъ первый лѣкаръ: онъ изъ человѣка простуду высасываетъ. Вотъ ежели слѣзни, то бѣда! Да мы, сударь, по нашей кожѣ, комарей этихъ и не чувствуемъ, потому ему что лыко сосать, что кожу нашу—удовольствіе одно. Вотъ бабъ, гдѣ въ низинахъ, тѣхъ забираютъ.

Пока мы разговаривали съ Ананіемъ Михайловичемъ, на старосельской колокольнѣ продолжали бить часы и уже пробило ихъ больше двадцати.

— Да что же это? Который же теперь часъ?—обратился я къ старику.

— А вы, сударь, этимъ часамъ не вѣрете, тамъ безъ счету звонятъ,— отвѣчалъ Ананій Михайловичъ.— Пономарь тамъ старый, глухой. Онъ бьетъ, какъ ему вздумается. Инный разъ на дворѣ два часа, а онъ разъ пятнадцать отпустить... Считаешь, считаешь, инда надоѣсть.

— А ты вѣрно бьешь?

— Я-то?—съ гордостью произнесъ старикъ.—Я, сударь, *самъ часы*, повѣрять по мнѣ можно. Пѣтухъ скорѣй ошибется, а я нѣтъ. Я съ девяти часовъ до трехъ вѣрно бью, а послѣ за меня пѣтухъ старается, а передъ солнышкомъ пастухъ на рожкѣ... Такъ у насъ время-то и идетъ.

— А богатое, должно-быть, было прежде ваше помѣстье.

— Большое, сударь, было помѣстье... богатое. Кругомъ дремучіе лѣса были на моей еще памяти. Все оголили. Вотъ этотъ дугъ-то—это прежде все садъ былъ, вплоть до рѣки онъ шелъ... Пруды какіе были богатѣйшіе, рыбы сколько въ нихъ саженой было, и пруды теперича всѣ позатянуло. Все въ разоренье пришло!.. Лѣсъ-то купцы свели, ну, а все прочее мужики разорили, и свой-то лѣсъ до послѣдняго прутика проиши.

— А шибко пьютъ мужики-то?

— Пьютъ шибко, и бабы не отстаютъ.

— Неужели и бабы пьютъ?

— Не брезгуютъ! Съ другой, пожалуй, и мужику не сладить. Извѣстное дѣло, у бабы нѣтъ тягла—напилась, да спать легла, съ нея не взыщется,

— А ты давно въ этой усадьбѣ живешь?

— Я, сударь, здѣшній и родимши здѣсь. Я при покойныхъ господахъ садовникомъ былъ, да въ старостахъ десять годовъ ходилъ. Равжерен у насъ свои были; купецъ все нарушилъ. Какъ раздумаешься это, когда что было...

— А француза ты помнишь?

— Чуть помню. По девятому годочку я былъ. Помню конница черезъ нашу деревню проѣхала, а матушка упала на полъ и воетъ. А у барскихъ хоромъ все пушки стояли... Это я помню. Да еще помню—одного значительнаго генерала подъ руки въ хоромы провели... Въ хоромашъ онъ и умеръ. Да помню, упокойникъ батюшка два ружья принесъ, а казаки у него отняли. А ночью-то зарево, кругомъ все горить... А тутъ намъ батюшка бѣжать велѣлъ. У матушки на рукахъ годовалый ребенокъ, да я малолѣтокъ. Не шимши, не ѣвши всю ночь мы бѣжали. Лютое сраженье было. Я, сударь, за четырьмя господами былъ. Послѣ француза-то насъ продали другому барину Нерыгину... Двадцать пять годовъ онъ нами владалъ, а отъ него мы достались сестрамъ его. Двѣ дѣвочки старыя были, богомольныя такія. ни во что не входили, нѣмецъ нами командовалъ, вотъ онъ лѣсъ-то весь господскій и свелъ. А послѣ ужъ насъ Людмила Владиміровна купила, при ней мы и на волю вышли.

— А крутые господа-то были?

— Всякіе, батюшка, были,—всего натерѣлись. За своими-то не сладко было, а ужъ за нѣмцемъ какъ мы были, какъ онъ-то насъ тѣснилъ—не приведи Богъ.

— А жена-то у тебя жива?

— Не даль ей Госнодь вѣку большого, молоденькая померла. Вотъ этотъ самый нѣмецъ ее и извелъ. Пять годовъ только и радости мнѣ съ ней было. Воззрися онъ на нее и сталъ сманивать на грѣхъ. Та, что вы, говорить, сударь, помилуйте, я мужняя жена. А онъ: мы, говорить, мужа по пачпорту пошлемъ, а тебѣ положенье хорошее будетъ. У кого пойдешь защиты искать? Сидимъ оба, да и плачемъ. Нѣмка узнала про его дѣла-то. Ко мнѣ:—если, ты, говорить, свою жену не сократишь, я тебя въ Сибирь упеку. Матушка, говорю, Матильда Карловна, ни въ чемъ мы съ женой не причинны: супругъ вашъ на баловство идетъ. Та его бить — злая такая была, — а онъ меня изъ садовниковъ на скотный дворъ сослалъ. Безъ малаго годъ мы тамъ бѣдствовали. Растенія безъ меня всѣ рѣшились, деревья всѣ позасохли... Иршелъ какъ-то къ памъ на

скотный, меня не было — онъ къ женѣ: покорись, — говорить. А та схватила топоръ, да на него! Связали ее, да въ острогъ свезли, тамъ, батюшка, ее и замучили, тамъ въ острогѣ и померла. И ему Господь не продлилъ вѣку: въ тотъ же годъ, въ самый сочельникъ, его бѣшенный волкъ искусалъ. Дѣтей много оставилъ: нѣмцевъ четыре человекъ, да нѣмокъ пять. Барышни наши отъ нихъ отступились. Ужъ мужики Христа ради свезли ихъ въ Москву. Такъ я, батюшка, въ тѣ поры мучился, въ монастырь на тяжкую работу просился, ея душу замаливать хотѣлъ, да Людмила Владиміровна, царство ей небесное, купимши насъ, всѣ дѣла-то узнала, меня старостой сдѣлала, а за ея душу велѣла батюшкѣ цѣлый годъ часть вынимать. Добрѣйшая была барыня, благороднѣйшая. Досталось ей имѣніе-то разоренное. Одной дворни двадцать человекъ, и все-то воръ на ворѣ. Мужики-то послѣ нѣмца, два года кто такъ по міру ходилъ, кто на погорѣлое мѣсто собиралъ. И все это она, черезъ свой умъ, въ порядокъ привела, и церковь разукрасила, и избы мужикамъ выстроила и садъ хотѣла съизнова поднять, да воля-то намъ пришла... не успѣла. Ну ужъ, говорить, теперь сами собой владѣйте. Старухъ которыхъ дворовыхъ — нянюшку, Катерину Егоровну, экономку Петровну, въ Москву свезла до самой смерти жить у себя, а всѣхъ прочихъ наградила. Молебень матушка съ нами на полѣ отслужила. Простите, говорить, православные, если я для васъ не хороша была. А батюшка проповѣдь говорилъ: вамъ, православные, говорить, надо вамъ вашей помѣщицѣ монументъ поставить.

— Что-жь, поставили?

— Четыре кабака черезъ годъ на своей землѣ поставили, вотъ все туда и тащатъ. Горе, сударь, въ этакомъ кабакѣ, какъ посмотришь! Другой придетъ, нечего ужъ заложить-то — все пропиль — плачетъ, въ ногахъ у кабатчика-то валяется. Смотрѣть на него жалко. Ахъ, вотъ и Цыганъ за мной пришелъ. Что, дуракъ, смотришь.

Черная собака, шевеля хвостомъ, легла у ногъ его.

— Прощенья, сударь, просимъ, — окончилъ Ананій Михайловичъ: — погуляйте по лугу-то... Хорошо!..

На рыбной ловлѣ.

— Эхъ, ты!.. Образование! Кто васъ, дурь, на свѣтъ-то родить!.. Развѣ возможно бабѣ черезъ дорогу переходить, когда на охоту ѣдутъ?.. — ворчалъ спутникъ мой и товарищъ по рыбной ловлѣ Силантій Сергѣевичъ.

— Что такое?—спросилъ я.

— Да вонъ, бабенка черезъ дорогу перешла. Ты стоять должна, пока не проѣдутъ,—окончилъ онъ внушительно: — не учили тебя этому, что ли?

Баба конфузливо поклонилась и прошла.

— Невозможный народъ! Хоть колъ имъ на головѣ теши — все свое!.. Это ужъ первое несчастіе, когда баба дорогу перейдетъ!—продолжалъ онъ ворчать, похлестывая лошадей.

Крестьянинъ Силантій Сергѣевичъ страстный охотникъ и ужасный суевѣръ. У него на все примѣты.

— Ежели, напримѣръ, теперича,—говорить онъ:—собака ночью спала на брюхѣ—непремѣнно надо быть дуелею; а ежели ты вышелъ на охоту, да она у тебя скучить, да подъ ногами вертится—тутъ сейчасъ прямо на куропадокъ ступай.

Дунеть легкій вѣтерокъ, онъ его приурочиваетъ къ утѣ:

— Обожаетъ утка этотъ вѣтеръ! Теперича ее луци безо всякаго милосердія.

Прыснетъ мелкій дождь:

— Самый это дупелиный дождикъ... Дупелю теперь чудесно! И собакѣ лестно подходить къ нему: не жарко.

Силантій Сергѣевичъ живетъ, что называется, богатой рукой. Домъ его, по деревенскому, полная чаша. Между мужиками, во всей округности, онъ первый человѣкъ.

— Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ,—говорять про него:—ужъ на что баба — и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни будь, а ужъ все ей влетитъ—либо съ сердцовъ, либо съ-пьяну.

Веселый, добродушный, онъ постоянно окруженъ деревенскими ребятишками, которые копаются у него въ огородѣ, сопровождаютъ его въ лѣсъ, бѣгаютъ съ нимъ на рѣку осматривать верши.

— Одно мое горе,—говорилъ онъ мнѣ:—Господь Богъ дѣтенкомъ не благословляетъ. Ежели бы мнѣ теперича

сынка, ужъ я бы его произвелъ... Сродственниковъ у насъ съ женой никакихъ нѣтъ; попремъ—все мужики пропьютъ. Работашь, работашь, а на кого? Намъ съ женой не много требуется. Еще мое горе — все меня теперича мужики въ старшины налаживаютъ... Полное это мнѣ разореніе!..

— Какъ же ты отдѣлываешься?

— Какъ? Извѣстно, какъ: два ведра выставишь, ублаготворишь ихъ аппетитъ...

— А большой у нихъ аппетитъ?

— Извѣстно, мужицкій аппетитъ — пока съ ногъ не слетитъ...

Мы ѣхали густымъ сосновымъ лѣсомъ. Путь намъ лежалъ къ Полуининому озеру. Бричка наша имѣетъ свою исторію и видала виды. Въ старину въ нее впрягалась тройка откормленныхъ лошадей; кожухъ ея блестялъ; ми-моходящіе, при ея появленіи, почтительно сходили съ дороги; когда она вѣзжала въ московскую заставу, къ ней почтительно подходилъ солдатъ и, выстроившись во фронтъ, спрашивалъ, откуда она изволить ѣхать и куда проѣзжаетъ? Потомъ ее эксклоатировалъ капитанъ-исправникъ. На какихъ только она слѣдствіяхъ не перебувала! Сколько она убитыхъ, опившихся, утопившихся, удавившихся людей видала. Далѣе она перешла къ какой-то небогатой помѣщицѣ, у которой стояла въ сараѣ десять лѣтъ безъ всякаго употребленія. По освобожденіи крестьянъ, вмѣстѣ съ имѣніемъ и каретнымъ сараемъ, она поступила въ собственность одного куица; имъ подарена, за исполненіе отъ залога, сельскому фельдшеру, а отъ него, покупкою, приобрѣтена отцомъ іереемъ. Потерявши красоту и удобство, порыжѣвши и наслонивши на себѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ ничѣмъ не отчищаемую грязь, она все-таки была удобнѣе душу вышибающей мужицкой телѣги. Отецъ іерей отпущалъ ее всѣмъ, имѣющимъ въ ней надобность, а на богатой крестьянской свадьбѣ она всегда идетъ подъ невѣсту. Тутъ ее мужики приводятъ въ порядокъ: окачиваютъ водой, смазываютъ сохшіяся втулки дегтемъ, подвинчиваютъ ослабшія гайки и т. п., и бричка опять принимаетъ видъ экипажа до новаго ремонта.

Лѣсъ становился все гуще и гуще. Стройныя сосны уже не пропускали лучей заходящаго солнца, наступалъ мракъ.

— Эка благодать лѣсъ-то!—заговорилъ Силантій.—Весной, когда вздохнетъ да загудетъ — сердце радуется... не

вышелъ бы... Только, между прочимъ, не долго стоять ему, голубчику.

— Отчего?

— Купецъ сводить. Всѣмъ имѣніемъ теперича купецъ владаеть. Енеральскія дѣти все купцу продали: и лѣсъ, и луга, и домъ который... все! Въ этомъ лѣсу не токма топора—топорнища никогда не бывало, а теперь...

Онъ съ грустью махнулъ рукой и, помолчавъ немного, продолжалъ разговоръ.

— Въ этомъ лѣсу, сударь, меня разъ медвѣдь драгъ...

— Ну!—воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— Драгъ, апаема! Вотъ изволите видѣть: ходилъ я за тетеревами, а тетеревей здѣсь было... Господи!.. Фабричныя теперь перевели, стали петлей ловить, а прежде—страсть! Фабричный ежели гдѣ заведется—добра не жди. Рыбу тоже... Сколько въ нашей рѣкѣ рыбы было—всю отравили... Ну, вотъ, хорошо-сь. Иду я по лѣсу-то, и такая-то сила брусники! Смотрю, словно бы что черное. Ужали, думаю, медвѣдь? Какъ онъ вскочить... Въ ломовище какой! Какъ фыркнетъ! Твори Богъ волю! Приложился, да съ обѣихъ стволовъ въ морду ему какъ дуну!..

— Блиско?

— Миленькій мой, ужъ подъ ногами у меня былъ. И пошелъ это онъ морду въ кочку совать. Лѣсъ гудеть, какъ онъ заревѣлъ. Я сейчасъ отскочилъ, ружье жеребьемъ зарядилъ, да не успѣлъ и шонпола вынуть, получай, думаю, со всѣмъ потрохомъ. Потрафилъ подъ лопатку, да опять съ обѣихъ стволовъ бу-бу!.. Какъ онъ прыганетъ, да цапъ меня, индо зеленые огни изъ глазъ посыпались. А ужъ силы-то у него нѣтъ, такъ и покатился... Ужъ и медвѣдище же былъ!.. Необыкновенный! А вѣдь хоша плечо маленько подралъ, а педѣль шесть меня лѣчили.

— Въ больницѣ?

— Нѣтъ, дома. Спервоначалу къ доктору возили, да что-жъ эти доктора! Для господъ они, можетъ, хороши, а намъ они ни къ чему... Нашу натуру они не знаютъ, порошки ихніе на мужика не дѣйствуютъ. Жена меня лѣчила.

— Чѣмъ?

— Медвѣдемъ же и лѣчила, саломъ его, значить, медвѣжьимъ прикладывала. Отошаль я въ тѣ поры очень: на фду не тянуло. Глазомъ пишу-то берешь, а нутро-то не примаеть. Ну, ничего—выправился. А то вотъ еще какой случай со мной былъ. Разъ меня въ рѣкѣ сомъ за ногу ухватилъ..

Кончивши рассказъ о сомѣ, началъ рассказывать, какъ онъ отъ волковъ зимой отбивался. Наконецъ, мы выѣхали на широкую поляну; налѣво, вдали показалось озеро, направо, на пригоркѣ, барская усадьба.

— Озеро-то прежде въ лѣсу было, это ужъ вотъ теперь купецъ оголилъ его. Дремучій лѣсъ были! — замѣтилъ Силантій. — Купецъ ничего... хорошій... Сталовѣръ, только не настоящій. Намъ бы теперича Александра Петровича дома захватить — ловля у насъ будетъ чудесная.

— А кто это Александръ Петровичъ?

— Да какъ вамъ доложить? — Должно что изъ благородныхъ. На рѣчахъ очень хорошъ. Хозяинъ, купецъ-то, завсегда предпочитаетъ съ нимъ чай пить и обѣдать. Когда ежели прошение какое или въ судъ ежели требуется — все онъ. Только со временемъ съ нимъ та самая ошибочка бываетъ, маненничко хмѣлемъ зашибается. Купецъ ему не препятствуетъ. Мужика ежели котораго у мирового оправить — сейчасъ къ нему. Дастъ кто за это — возьметъ, а нѣтъ — и не спроситъ. Мужики его очень обожаютъ.

Густой липовой аллеей мы въѣхали въ усадьбу, проѣхали мимо сада, мимо развалившихся теплицъ, съ заколоченными окнами каменныхъ построекъ и наконецъ подъѣхали къ старинному барскому дому. На фронтонѣ дома виднѣлся щитъ, но герба въ немъ разобрать было невозможно. У подножя крыльца расположены симметрично два льва. Одинъ еще придерживаетъ правой лапой щитъ, а у другого нѣтъ ни щита, ни правой лапы. На спинѣ у одного льва сидѣлъ пожилой плѣшивый купецъ, передъ которымъ стояли на колѣняхъ два тощихъ мужичка; на спинѣ у другого льва сидѣлъ верхомъ купеческій сынъ, лѣтъ тринадцати, около него стояла бабенка, держа въ рукахъ деревянную чашку съ бѣлыми грибами. Силантій остановилъ бричку, слѣзъ съ козелъ и направился мимо дома.

— Куда? — спросилъ купецъ.

— Къ Александру Петровичу, ваше степенство.

— Ну, такъ какъ же? — обратился купецъ къ мужикамъ.

— Вся воля милости вашей! Вы наши отцы, мы ваши дѣти, — отвѣчали уныло мужики, падая купцу въ ноги. — Бѣдность, ваше степенство, не сами собой. Ради праздника ужъ простите.

— Ты два бревна увезъ?

— Махонькія два бревешка.

— А ты?

— Бабенка моя, по глупости... Я ужь, признаться, побилъ ее...

— И мировой васъ телерича засудилъ? Ну, ладно, ступайте. Съ мировымъ я переговорю. Но только ежели, на примѣръ, въ другой разъ когда—все имѣніе описать прикажу и въ дальнюю губернію ушлю.

Мужики встали на ноги, опять поклонились въ землю и пошли.

— Такъ и всѣмъ скажите,—продолжалъ имъ вслѣдъ купецъ:—терпѣть, молъ, этого не можетъ, коли ежели когда воруютъ.—И потомъ отнесся ко мнѣ:—жалко, а поугубать надо. Всѣмъ помогаю, а отучить, чтобы, на примѣръ, не воровали, нельзя.

— Ну, Богъ съ ними!—сказалъ я въ его тонъ.

— Само собой—Богъ съ ними, не разорять. Да и мировой-то у насъ строгій: такіе законы пригоняетъ, что мужику и дышать нельзя.

— Грибковъ не прикажете ли? — перебила его продавщица.

— Что-жъ я съ ними дѣлать буду?

— Скушаете...

— Такъ ты должна, по этому случаю, къ повару моему идти, къ Никитѣ Пароену. Вонъ онъ тебя проводить. Вася, проводи ее къ Никитѣ Пароену. А самому мнѣ какой расчетъ у тебя покупать: я стряпать не умѣю. А онъ, ежели ему потребуется, сейчасъ съ тобой въ коммерцію и вступить, — проговорилъ онъ мягко, съ добродушной улыбкой, но давая бабѣ понять, какая она глупая: обращается къ *самому*, когда у него есть на это поваръ, Никита Пароеновъ.

Вася соскочилъ со льва и сказалъ бабѣ:—пойдемъ. Только ты иди рядомъ со мной, близко къ собакамъ не подходи—на части разорвутъ. У насъ Шарикъ съ волкомъ сраженіе имѣлъ.—Баба послѣдовала за провожатымъ, который ее на дорогѣ три раза останавливалъ, рассказывая съ пафосомъ о сраженіи Шарика съ волкомъ. Баба только приговаривала: Ахъ, батюшки! Ахъ, Господи! А на самомъ страшномъ мѣстѣ рассказа, какъ Шарикъ ухватилъ волка за горло, даже взвизгнула. Мальчикъ ее успокоилъ, сказавши: не бойся, со мной онъ не тронетъ.

Никита Пароенычъ встрѣтилъ продавщицу строгимъ замѣчаніемъ и наговорилъ дерзостей.

— Должна ты понимать, что подходитъ вамъ къ глав-

ному дому нельзя. Грибы ли, птицы ли, ягоды, все прочее— должны вы прямо ко мнѣ нести. Эки идолы!

— Непривычные мы... деревенскіе,—оправдывалась баба.

— Такъ вотъ васъ и учать!—горячился Никита Пареновъ и

Давъ волю словъ теченю,
Не находилъ конца правоученю.

Но прибѣжавшая горничная дѣвушка его остановила.

— Никита Пареновичъ,—заговорила она впопыхахъ: — Прасковья Карповна приказала, которые эти грибы—обжарить къ ужину, и какъ есть однѣ шляпки, только засолить покруче и сейчасъ, какъ есть на сковородкѣ, такъ и подать и чтобы мукой обсыпать.

Баба въ умѣ полагала взять за свой товаръ пятнадцать копеекъ, но услышавши, что на него есть спросъ, подняла цѣну вдвое.

Поварь вытаращилъ глаза. Ужъ онъ ее и ругаль, и усовѣщиваль, и велѣль смотрѣть на образъ, и пугаль собаками, если она посмѣетъ въ другой разъ придти,—баба стояла на своемъ.

— Ходишь по лѣсу-то, ходишь, спины не разгибаючи...—доказывала баба.

— Да тебѣ самой, со всѣмъ твоимъ потрохомъ, цѣна-то два пятиалтынныхъ,—возражалъ Никита Пареновъ.

То онъ выдергиваль изъ ея рукъ чашку съ грибами и ставилъ на столъ, то опять бралъ со стола и соваль ей въ руки; то баба сама протягивала къ столу руки за чашкой и, получивъ по нимъ ударъ, отскакивала. Наконецъ, оба выбились изъ силъ. Вбѣжавшій Шарикъ, видя смятеніе, хотѣлъ заступиться за повара, залаялъ и готовъ былъ ринуться на бабу. Баба, предувѣдомленная хозяйскимъ сыномъ о необыкновенныхъ боевыхъ качествахъ Шарика въ сраженіяхъ, исторгла изъ груди вопль отчаянія. Поварь плюнулъ...

— На! Чортъ съ тобой!—крикнулъ онъ, бросая на столъ деньги.—Но только ты сюда больше и не показывайся: или кипяткомъ ошпарю, или... Останешься довольна!

— Какой у васъ прекрасный домъ,—обратился я къ купцу, сидя въ бричкѣ.

— А вы по какой части? Въ здѣшнихъ мѣстахъ живете?

— Иѣтъ. Рыбу на озеро ѣдемъ ловить.

— Коли кому время есть, да не скучаетъ—занятіе хощее. Апостолы рыболовы были... грѣха въ этомъ нѣтъ.

А что про домъ вы говорите—первый домъ по здѣшнимъ мѣстамъ. Старинный... Въ немъ, я вамъ доложу, въ двѣнадцатомъ году французы жили, генералы ихніе. Теперь вотъ мы замазали, а то въ одной комнатѣ стѣна была вся словами ихними исписана, вся сплонъ словами была исписана и такъ вотъ до меня, пока я не кушилъ, никто и трогать не смѣлъ, отъ господъ такой приказъ былъ. Одинъ ученый человекъ изъ Москвы пріѣзжалъ списывать. И портреты все висѣли: у кого глазъ прострѣленъ, у кого носъ, это они все въ цѣль изъ пистолетовъ орудовали.

— А портреты у васъ цѣлы?

— Нѣтъ. Намъ для Божьяго милосердія мѣста мало, а портреты эти намъ къ чему... Небель которую оставили... Идолы разныхъ тоже въ саду много было, книгъ... Къ Сухаревой баннѣ мы въ лавку продали. Домъ чудесный, помѣстительный. Не прикажете ли посмотрѣть?

— Очень вамъ благодаренъ. Позвольте.

— Семень, поди поддержи лошадей.

Подошедшій конюхъ сѣлъ на козлы.

Черезъ обширную переднюю мы вошли въ залу.

— Это ужъ я оклеивалъ, а то все расписано было. Потолокъ только, коли Богъ приведетъ, на будущій годъ украсимъ. Мы думали, что тамъ разрисованъ Иосифъ Прекрасный, а на дѣлѣ-то выходитъ совсѣмъ другое... нехоршее... Намъ это не годится.

На потолокъ были написаны—Ипполитъ и Федра.

— Хлопотъ много было. Все было надо къ нашему, купеческому характеру приспособить. Вотъ тоже... пожалуйте сюда.

Просторная, въ четыре окна, комната. По стѣнамъ пустые краснаго дерева шкапы. Была прежде библіотека.

— Тутъ у насъ свояченица наша располагается... старушка. А вотъ это моя контора. Вся штофомъ была обита... Это ужъ я все переклеивалъ. А вотъ, не угодно ли сюда.

Мы вышли на террасу, окруженную баллюстрадой. Съ террасы веда каменная лѣстница къ пруду. Вдали свѣтлѣло озеро, изъ-за лѣсу высилась стройная монастырская колокольня.

— Чай здѣсь пить пріятно,—замѣтилъ купецъ:—только комары очень, да и лягушки изъ пруда донимають. А вотъ тутъ у насъ дѣдушка существуетъ...

Онъ отворилъ комнату, которая, вѣроятно, была будуаромъ хозяйки. На кровати сидѣлъ сѣдой старикъ, съ чер-

ными, потерявшими блескъ глазами, попирая ногами драгоценный гобеленовскій коверъ.

— Вотъ, дѣдушка, заѣзжій господинъ нашимъ домомъ любитъся.

— Всѣмъ корпусомъ здоровъ, а ноги вотъ... — прошамкалъ старикъ. — Пятнадцать годовъ сижу. Берется теперь одинъ докторъ вылѣчить, да не знаю...

Хозяинъ не далъ ему договорить, затворилъ дверь и повелъ меня далѣе.

— А это вотъ столовая.

Посрединѣ стоялъ огромный круглый, краснаго дерева столъ, по стѣнамъ старинная тяжелая мебель, на потолокъ была написана Венера, окруженная амурами, но смѣлая кисть костромскаго академика покрыла ее жидкимъ растворомъ мѣлу. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что была написана «нинфа», а подошедшая Прасковья Карповна объяснила болѣе подробно.

— Знаете, нинфа, а кругомъ купидоны, въ родѣ какъ бы херуимчики съ ножками. Женщинамъ не очень-то это пріятно, опять же у насъ дочери... гости пріѣзжаютъ.

— Изъ-за гостей, главная причина, и замазали, — пояснилъ хозяинъ. — Соберутся, грѣшнымъ дѣломъ — вышьютъ и пойдутъ насчетъ ся слова говорить; ну, женщины-то и стыдятся... У другого такое слово вылетитъ — у пьянаго-то, такъ фукнетъ, что съ нимъ сдѣлаешь! Хоть бы Иванъ Прокофьевъ въ тѣ поры, какъ всю компанію ублажилъ?!

— Были ли мы живы! — воскликнула хозяйка: — просто сгорѣли всѣ!

— Ну, вотъ, по этому случаю и замазали. А живо была написана... какъ есть живая.

— Т. е. полное это съ вашей стороны безобразіе! — слышался сзади голосъ. — Это вошелъ племянникъ владѣльца, молодой человекъ, съ развязными, но угловатыми манерами. — Высочайшее, какое только есть невѣжество! Живописецъ, можетъ, ночи не спалъ, расписывалъ, подгонялъ, какъ бы все лучше, а вы сразу!..

— Жалко, что тебя не спросили! — возразилъ строго дядя.

— Въ Римѣ теперича каждой камушекъ подбираютъ, да на то же самое мѣсто кладутъ, гдѣ онъ, можетъ-быть, до Рождества Христова лежалъ, а у насъ...

— Опоминись, дуракъ! Какія ты слова-то говоришь! Очувствуйся!

Племянникъ тяжело вздохнулъ и вышелъ.

— Книгъ маленько зачитался, — замѣтилъ хозяинъ: — въ головѣ-то у него и тово... Что денегъ на эти книги изводитъ!

— Наверху тоже много комнатъ, — обратилась ко мнѣ хозяйка: — мы ужъ ихъ и не отпираемъ. Сами согласитесь, не къ чему. И внизу-то вечеромъ заблудишься.

Я молча согласился. Вошелъ пожилой человекъ, худой, съ небольшою, съ просѣдью, рѣдкою бородкою, съ очень умными и выразительными чертами лица. Одѣтъ онъ былъ очень бѣдно, но по манерамъ сейчасъ было замѣтно, что онъ когда-то одѣвался у лучшихъ портныхъ. Это былъ Александръ Петровичъ.

— Очень приятно, — началъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — мнѣ Силантій еще прошлымъ годомъ говорилъ, что вы хотите прѣхать на здѣшнее озеро... Данилинъ.

Я назвалъ свою фамилію.

— Что-жъ это вы, на ночь-то глядя, поѣдете, — отнеслась хозяйка къ Данилину: — вы хоть бы закусили маленько. Хоть грибовъ, вотъ сейчасъ подадутъ.

Мы отказались. Данилинъ даже замѣтилъ, что грибы ѣсть вредно, на это хозяинъ возразилъ ему очень рѣзко:

— Ну, ври еще! въ монастыряхъ-то окромѣ грибовъ ничего не ѣдятъ, а какіе все тучные. Хоть бы теперича взять отца Геронтія...

Данилинъ поспорилъ съ нимъ немножко и доказалъ, что это не отъ грибовъ, и мы вышли. На лѣстницѣ намъ встрѣтилась горничная съ жареными грибами, которые на раскаленной сковородѣ чуть не подпрыгивали. Силантій, сядя на козлы, сказалъ, что онъ убоготворенъ экономкой: поднесла и дала конецъ пирога. Данилинъ оказался умнымъ и приятнымъ собесѣдникомъ. Коснулся вопросъ литературы, онъ оказался въ ней поклонникомъ изящнаго, хотя сужденія его нѣсколько поотстали. Замѣтно было, что онъ давно уже ничего не читаетъ.

— А что, не заночевать ли намъ на посадѣ? — обратился онъ къ Силантію, когда мы вѣзжали на гору, на которой былъ расположенъ монастырь.

— Да гдѣ тамъ?

— А на постояломъ дворѣ?

— Что вы, помилуйте, сударь? Тамъ теперича клонъ со всего свѣту собрался... Съѣсть! Богомольцевъ-то какая сила! Намедни я мирового возилъ, мы тамъ приставали.

такъ онъ посередѣ ночи выскочилъ да запрягать велѣлъ. Какъ возможно! Мы до Полушина дождемъ. По кочкамъ тамъ не способно будетъ, а дождемъ.

Мы поднялись на гору, проѣхали мимо монастыря, проѣхали посадомъ, съ его постоялымъ дворомъ, на воротахъ котораго была такая вывѣска: «Постоялый дворъ и при ономъ лавка съ продажей хомутовъ, кнутовъ, веревокъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ» и направились къ Полушину. По кочкамъ дѣйствительно ѣхать было трудно, но къ полуночи кое-какъ добрались. Тоже густая, тоже липовая аллея привела насъ къ бывшему барскому дому. Залаяли псы, изъ небольшого каменнаго флигеля выскочила баба, хотѣла освѣтить насъ салнымъ огаркомъ, но уронила его, псы залились еще болѣе, вышелъ плѣшивый необыкновеннаго роста старикъ съ фонаремъ.

— Что за люди?—спросилъ онъ.

— Да что ты, Семень Ильичъ, аль не узналъ? — отвѣтилъ Сплантій.

— Здравствуй, Семень Ильичъ. Ночевать къ тебѣ проѣхали,—заговорилъ Данилинъ, вылѣзая изъ брички.

— Ахъ, батюшки, Александръ Петровичъ! Не узналъ... Темно... Милости просимъ. Сейчасъ домъ отопру... Ставни прикажете открыть?

— Нѣтъ, мы только до утра... переночуемъ.

Семень Ильичъ открылъ крыльцо, запертое всячимъ замкомъ, и отворилъ дверь въ переднюю. Насъ обдало сырватымъ, затхлымъ воздухомъ. При свѣтѣ фонаря и салной свѣчки, вставленной въ бутылку, мы вошли въ просторную залу. Пусто, тихо, мертво, нѣтъ жизни. Казалось, что висѣвшій на стѣнѣ портретъ бывшаго барина, въ военномъ мундирѣ, испугался насъ и свернулъ глаза въ сторону. Греческая героиня Бобелина, съ обнаженной саблей, глядѣла на меня тупыми, вытаращенными глазами. Вхожу въ другую комнату: старинная этажерка, со множествомъ шкапиковъ и ящичковъ, съ выпавшею мѣстами инкрустаціею, огромная ободранная софа, изломанное вольтеровское кресло и та же мертвая тишина... А вотъ и проявленіе жизни. Толстый, чуть не съ гречкій орѣхъ, паукъ, увидавши свѣтъ, быстро сталъ втягиваться къ потолку. Отворяю одинъ шкапикъ въ этажеркѣ—пусто; другой—аптечная сигнатурка съ надписью «наружное». Открываю одинъ ящичекъ—сухой тараканъ; другой—бураго цвѣта пятно. Кто здѣсь жилъ? Когда? Такъ археологъ, раскопавши кур-

ганъ и открывъ въ немъ невѣдомую никому гробницу, ломаетъ голову, кому принадлежитъ находящійся въ ней прахъ и уцѣлѣвшія отъ разрушенія вещи. Вступаю въ узенькій коридоръ, съ отставшими отъ стѣны обоями, повертываю зъ комнату направо—къ стѣнѣ приклонена трехугольная вывѣска: «Домовая его высокоблагородія, господина отставного ротмистра и кавалера Артемія Лаврентьевича, Контора»; въ углу, въ разрушившейся плетеной корзинѣ, связки бумагъ. За позднимъ временемъ, я оставилъ археологическія изысканія и легъ на софу. Данилинъ долго еще не ложился, дѣлая распоряженія къ предстоящей ловлѣ, которую онъ задумалъ въ большихъ размѣрахъ.

— Ты, Семень Ильичъ, пошли сейчасъ на озеро кого поумнѣй, чтобы воду изъ лодки выкачалъ, — говорилъ онъ старику. — Да чтобы два мужика — порасторопнѣе выбери — съ нами находились. Чтобы они тамъ побольше хворосту заготовили: мы завтра къ ночи костеръ зажжемъ. Скородку съ ними отправь, да котелокъ для ухи. Луку, десятка три яицъ... Ну, ты тамъ знаешь. Да чтобы къ нашему приходу они навѣсь изъ хворосту сгородили попросторнѣе... днемъ-то жарко будетъ. А за водкой самъ утромъ смахай верхомъ въ Пузыриху да къ намъ и привезешь. Да захвати, голубчикъ, два шкалика рому, только скажи, чтобы отпустилъ хорошаго, а то онъ, чортъ его возьми, прошлый разъ прислалъ какого-то настою на волчьей ягодѣ.

Семень Ильичъ на каждую фразу отвѣчалъ: будьте покойны.

Мы встали съ восходомъ солнца... Семень Ильичъ уже открылъ оконныя ставни. Оказалось, комната, въ которой я спалъ, выходитъ въ садъ. Садъ, въ цвѣтущемъ его положеніи, должно-быть, былъ превосходный. Видны заросшіе курганы, на одномъ курганѣ каменный столбъ, вѣроятно, на немъ были солнечныя часы. Видна совершенно развалившаяся бесѣдка. Липы вышли изъ своихъ подстриженныхъ шапокъ и высятся кверху. Широкая аллея прямо съ балкона ведетъ къ небольшой каменной, упраздненной церкви. Противъ алтаря лежитъ нѣсколько обросшихъ жесткимъ зеленымъ мхомъ надгробныхъ кампей. На одномъ изъ нихъ съ трудомъ можно только разобрать: скончался отъ ранъ при Башѣ-Кадикъ-Ларѣ...

Отъ Полушина озеро находится въ одной верстѣ. Мы застали на немъ кипучую дѣятельность. Надъ нимъ кружились чайки, перемѣшались съ мѣста на мѣсто утки, изъ

осоки стадами пронеслись турухтаны, жалобно тютюкали кулички. Отряженные Семеномъ Ильичемъ «расторопные мужики» ужъ были на мѣстѣ, устроили намъ на четырехъ жердяхъ навѣсъ изъ березовыхъ вѣтвей и, въ ожиданіи насть, сидѣли на веслахъ. Мы рѣшили ловить щуку «на блестну». Силантій не сѣлъ съ нами въ лодку, а пристроился съ своими самодѣльными снарядами на берегу, въ камышахъ, на камнѣ.

— Щукѣ первое это ей удовольствіе у камней пнырять, потому она вору, подлая! Паука ежели раздавить—сорокъ грѣховъ прощается, а за щуку, пожалуй, что и больше...— замѣтилъ онъ.

Ловъ нашъ былъ очень удаченъ, но на водѣ долго оставаться было нельзя—начинало сильно припекать. Мы сошли на берегъ и укрылись подъ навѣсомъ. Данилинъ собственноручно изготовилъ яичницу и ужасно обрадовался пріѣхавшему изъ Пузырихи Семену Ильичу.

— Въ самый разъ, старина, попалъ! Спасибо! — произнесъ онъ, трепля его по плечу.

Силантій не терялъ времени даромъ. Онъ взялъ свое коротенькое ружьишко и скрылся въ густой осоцѣ.—Теперь жарко,—сказалъ онъ:—утки въ полномъ расположеніи, пойду, постукаю маленько.—Семень Ильичъ, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, съ легкостью кавалериста вскочилъ на клячу и, пожелавъ намъ счастливаго лову, поѣхалъ домой. Гребцы, получивши по двѣ порціи водки, растянулись на травѣ, подъ палящими лучами солнца. Бесѣда съ Данилинымъ становилась скучной. Отъ чрезмѣрнаго количества и сквернаго качества водки, онъ пришелъ въ возбужденное состояніе, сталъ терять нить разговора и перебѣгать съ одного предмета на другой. Я узналъ, что онъ въ пятидесятыхъ годахъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и былъ любимымъ студентомъ у своихъ профессоровъ.

— А теперь чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ я.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и съ чувствомъ продекламировалъ:

Не сблизь, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей.

На глазахъ его выступили слезы.

— Вы спрашиваете, чѣмъ я занимаюсь?—Пью! Да, пью!

Утромъ пью, и днемъ пью, и ночью пью! Но вы не презирайте меня!..

— Помилуйте!..

— Не презирайте! Передъ вами несчастный человѣкъ, у котораго нѣтъ никакихъ надеждъ, никакого утѣшенія. Впрочемъ, есть одно утѣшеніе,—продолжать онъ, помолчавъ:—той средѣ, въ которой онъ погибъ, и той средѣ, въ которой онъ доканчиваетъ свои печальные дни — сказать прямо и смѣло въ лицо фразу Любима Торцова: «О люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ!»—Онъ задумался на минуту, потеръ лобъ. — Нѣтъ, не лучше! Я свинья!..

Мысли его совсѣмъ спутались.

— Помните, въ одномъ мѣстѣ Шекспиръ говорить... Вспомать... Шиллеръ... Какъ это?.. Забылъ! Ну, все равно! «О люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ!» Какъ произносилъ эту фразу Садовскій! Помните? А Васильевъ! Великіе были артисты! Когда я былъ студентомъ, я ни одной повой пьесы не пропускалъ, когда они играли. Гдѣ эти богатыри искусства? Шумскій... да... Отличный актеръ... но онъ актеръ, а Садовскій—геній!.. «Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ!» Я хуже Любима Торцова: тотъ промоталъ деньги, а я промоталъ идеалы! Вы помните Граповскаго?

— Нѣтъ.

— А Никиту Крылова.

— Тоже, нѣтъ.

— Какъ живые они передо мной стоятъ! Когда Никита читалъ римское право... *jus romanum*... о сервитутахъ... Помните, о римскихъ сервитутахъ... Это мое!.. *servitus prospectus*... Я свободный римлянинъ. Вы знаете, что я съ кухаркой живу... съ кухаркой! Хорошо это? Я васъ спрашиваю: хорошо это?

Я молчалъ... Грустно мнѣ было смотрѣть на человѣка, потерявшаго разсудокъ. Я не зналъ, какъ мнѣ выйти изъ тяжелаго положенія. Отъ кухарки Данилинъ неожиданно перешелъ опять къ римскимъ сервитутамъ и наконецъ заснулъ. Жаръ началъ спадать. Пернатые обыватели осоки и болотныхъ мочевинъ снова закружились надъ озеромъ, снова съ пискомъ засверкали надъ синевой его бѣленькія чайки. Къ шалашу, въ бѣговыхъ дрожкахъ, на ворономъ жеребцѣ, подвѣзжалъ купеческій племянникъ.

— Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра,—сказалъ

онъ, увидавши въ полномъ безпорядкѣ лежащаго Данилина, а потомъ обратился ко мнѣ.

— Береть?

— Очень хорошо!

— А я въ рошу фздилъ, да, думаю, дай зафду васъ провѣдать. Скоро Александръ Петровичъ настоялся... Это, значить, жаръ его одолѣлъ, а то онъ крѣпокъ по этой части. Никита, развяжи кулечикъ тамъ... Я съ собой троечку ледерцу привезъ. Да ты вотъ что: поди окуни ихъ на полчасика въ родничокъ, живо озябнутъ. Теперь по стаканчику холодненькаго-то самое настоящее дѣло... Позвольте васъ просить для перваго знакомства. Я думаю, вамъ непріятно вчера было смотрѣть на моего дядю.

— Отчего?

— Какъ же, помилуйте! Памятники искусства уничтожаегъ. Семерыхъ греческихъ мудрецовъ—въ саду были разставлены—опредѣлилъ въ конюшнѣ поставить. Помилуйте, говорю, всѣмъ имъ есть описаніе въ книгахъ... Аполлонъ, теперича, бельведерскій... Какъ возможно! Всѣ ему говорили, что стыда тутъ нѣтъ никакого, а напротивъ того, даже стихами есть описаніе. Александръ Пушкинъ описывалъ...

— А вы читали его стихи?

— Первое это мнѣ удовольствіе. Только его стихи... надо ума постигнуть...

— Т.-е. какъ?

— Такъ, не всякій ихъ понимать можетъ. Я самъ по этой части немножко.

— Стихи пишете?

— Да, когда вздумается... Я много книгъ прочиталъ... Вы читали «Исторію умственнаго развитія Европы»?

— Читалъ.

— Скажите, пожалуйста, что это за книга? Пять съ полтиной даль.

— Книга очень хорошая...

— Не могу понять, а хочется. Какъ обидно! Другой безъ сапогъ ходить, да на разныхъ языкахъ говорить, а тебѣ вотъ и денегъ дѣвать некуда, да и свои-то слова не всё понимаешь...

Купчикъ глубоко вздохнулъ.

Силантіій воротился со срамомъ—съ одной только уткой, хотя на озерѣ было ихъ тьма и слышно было, что онъ стрѣлялъ очень много. Объяснилъ онъ свою неудачу тѣмъ,

что «утка птица вороватая, близко къ себѣ не подпускаетъ, да и осока очень высока—стрѣлять не способно». Я разсказалъ ему о печальномъ положеніи Данилина, но не возбудилъ въ немъ сочувствія.—Ничего,—отвѣтилъ онъ равнодушно:—отойдетъ. Это съ нимъ часто... И Данилинъ дѣйствительно отошелъ. Лишь хлопнула пробка изъ нахолодѣвшей бутылки шампанскаго, онъ вскочилъ, какъ отъ выстрѣла, мгновенно оправился, выпшелъ изъ-подъ навѣса совершенно трезвый, только темнаго сконфуженный.

— Извините, пожалуйста, — обратился онъ ко мнѣ: — скверный этотъ порокъ, но что-жъ дѣлать! Невыносимыя страданія! Скверно! — окончилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. — Вы купали когда-нибудь щуку «по-мужицки».

— Какъ, «по мужицки»?

— Вотъ мы вамъ сейчасъ приготовимъ. Ребята, очистите щуку, которая покрупнѣй. А ты, Силантій, разложи огонь, да поставь котелокъ.

Блюдо вышло необыкновенное. Данилинъ сдѣлался веселымъ, пилъ шампанское, называя этотъ напитокъ «купецкой погибелью».

— Я тебя люблю, Петя! — говорилъ онъ купцу: — ты человекъ съ нѣжнымъ сердцемъ, а только Дрепѣра ты не читай: не поймешь.

— А можетъ пойму? — обижался купецъ.

— Нѣтъ, не поймешь! Ты, сидя у себя въ Рогожской, опоздалъ къ раздачѣ мозговъ. Когда Богъ людямъ мозги раздавалъ, тебя бабушка въ это время въ Таганкѣ кормила оладьями, да пряженцами. Ты вотъ лучше намъ стихи свои почитай.

Купецъ долго отиѣкивался, наконецъ прочелъ:

Станетъ весна наступать,
Станутъ грачи прилетать,
Станутъ лѣса опушку свою давать,
Станутъ сѣбѣ изъ себя сокъ выпущать.

— Петька, скоро ли я тебя выучу соблюдать размѣръ въ стихахъ!..

— Развѣ не вѣрно? — съ удовольствіемъ воскликнулъ купецъ.

— Убить за эти стихи мало!

— Что же, коли не дано! — съ полнымъ огорченіемъ произнесъ купецъ.

— Петька, будь умнымъ, — серьезно сказалъ Данилинъ: — не пей, стиховъ не пиши, книгъ свѣше твоего понятія не

читай, а то ты, какъ смѣшаешь Дренера съ шампанскимъ, да у тебя въ мозгу-то Читминой отъ бабушки мѣсяца три застрялъ, да какъ разведешь все это хересомъ—прямо тебя въ сумасшедшій домъ и повезутъ.

Видно было, что подобныя наставленія Данилина были за обычай: купчикъ не сердился.

Въ вечерини мы снова сѣли въ лодку и пошли по озеру.

Здѣсь я долженъ остановиться и рассказать странную судьбу Данилина.

Сынъ невѣдомыхъ родителей, онъ былъ взятъ на воспитаніе вдовой одного московскаго священника. До десятилѣтняго возраста онъ воспитывался на улицѣ: игралъ съ мальчишками въ бабки, ловилъ на Яузѣ синиць, дѣлалъ пабѣги съ своими сверстниками на купеческіе сады за яблоками, получалъ иногда за это потасовки; въ свободное отъ этихъ занятій время, ходилъ къ отцу діакону Сергію Взорову учиться чтенію часослова и псалтири. Двѣнадцати лѣтъ онъ ужъ читалъ въ церкви шестопсалміе и кафизмы и обращалъ на себя вниманіе обывателей заходустья. Одинъ благочестивый, находившійся подъ судомъ, комиссаріатскій маіоръ, такъ восхищался чтеніемъ мальчика, что взялъ его на свое попеченіе. Маіоръ былъ очень бѣдный человѣкъ, хотя имѣлъ собственный деревянный домикъ въ три окна, съ виду болѣе похожій на полицейскую будку, чѣмъ на домъ. Онъ былъ человѣкъ одинокій, днемъ куда-то ходилъ, а вечеромъ читалъ духовно-нравственныя книги: «Путь ко спасенію», «Училище благочестія» и др., или игралъ на гитарѣ; гитаристъ онъ былъ отличный. Мимоходящіе часто останавливались передъ его окнами и слушали, какъ онъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, пѣлъ:

Свѣча, чуть теплясь, догорала,
Каминъ, дымяся, погасалъ,
Мечта мнѣ что-то напѣвала,
И сонъ меня околдовалъ.

Нахожденіе свое подъ судомъ маіоръ тщательно скрывалъ, говорилъ, впрочемъ, иногда: «пожалуй, придется за штатомъ остаться». Онъ былъ человѣкъ скромный и совѣстливый и хотя былъ убѣжденъ въ своей правотѣ и невинности, но любилъ возбуждать въ людяхъ къ себѣ сочувствіе.

Мальчикъ сдѣлался серьезнымъ, принялся отлично учиться. Маіоръ зналъ хорошо математику и сталъ его учить по тому же самому руководству, по которому въ старину самъ

учился, находя все другіе учебники негодными. Руководство это носило заглавіе: «Курсъ чистой математики, сочиненной артиллеріи штыкъ юнкеромъ и математики партикулярнымъ учителемъ Ефимомъ Войтяховскимъ».

Какъ ни мудренъ этотъ учебникъ, но черезъ два года ученикъ ужъ рѣшалъ, напр., такія задачи: «Нововѣзжей въ Россію французской мадамъ вздумалось цѣнить свое богатство въ чемоданѣ: новой выдумки нарядное фуру и прозаичный ченець а ла Фигаро; оцѣнщикъ былъ русакъ, сказалъ мадамъ такъ: богатства твоего первая вещь фуру въ полчетверти дороже ченца Фигаро; въ общемъ стоятъ по съ половиною четыре алтына, но настоящая имъ цѣна только сего половина. Спрашивается каждой вещи цѣна, съ чѣмъ французенка къ россамъ привезена?»

Маіоръ радовался успѣхамъ своего ученика, а иногда даже разводилъ руками, когда онъ рѣшалъ задачи въ родѣ слѣдующей: «для сиракузскаго царя Іерона сдѣлана была золотая корона въ 12 фун. Государь, подозрѣвая мастера, приказалъ изслѣдовать Архимеду, не положено ли въ ту корону серебра. Спрашивается, сколько въ той коронѣ было серебра и чистаго золота?»

Эта была задача на «Правило смѣшенія вещей», которое маіоръ очень любилъ, ибо оно входило въ кругъ его служебной дѣятельности.

Или: «Двѣ торговки разговаривали о количествѣ своихъ яиць...» Впрочемъ, довольно! Всѣхъ задачъ, которыя съ маху рѣшалъ Данилинъ, и не перечесть.

Отецъ діаконъ, по просьбѣ «матушки», посадилъ его за латинскую грамматику Цумита и аттестовалъ его маіору въ такихъ выраженіяхъ: «трудностію склоненій овладѣваетъ и подвигается стремительно, хотя не незамѣчается въ ономъ мальчикѣ нѣкоторая вѣтренность».

Съ міру по питкѣ—голому рубаха. Старичокъ, отставной учитель Герасимъ Ивановичъ, предложилъ маіору свои услуги и началъ учить его воспитанника русской грамматикѣ и географіи. Этого учителя особенно полюбилъ Данилинъ. Старикъ заставлялъ его «твердить наизусть» стихи, заставлялъ его читать вслухъ книги и раскрывалъ ему красоты поэзіи Державина, котораго онъ боготворилъ. Данилинъ сталъ неузнаваемъ: изъ уличнаго мальчишки онъ превратился въ серьезнаго, не по лѣтамъ развитаго мальчика.

— Учись, Саша, учись! — говорилъ ему старикъ. — Ты

счастливецъ! Другіе, на твоёмъ мѣстѣ, на улицѣ погибають, а ты окруженъ попеченіями добрыхъ людей. Почему знать, можетъ и съ синимъ воротникомъ будешь ходить и шпагу да треуголку надѣнешь. Примѣры эти бывали. А главное, дружокъ, какъ вырастешь — не пей. Возьми вонъ лѣчебникъ Матвѣева и прочитай, что тамъ о пьянствѣ сказано.

Мальчикъ бралъ лѣчебникъ и читалъ вслухъ:

«Цвѣтущій юноша, яко кринъ тлетворнаго мраза коснувшійся, внезапно увядаетъ, ибо предаваясь оному пороку, истощаетъ свои силы, данныя ему Создателемъ для прославленія Его благодати».

— Памятуй это всегда,—говорилъ старый словесникъ.

Счастье Данилину везло. Послѣ долгихъ хлопотъ маіору помѣстилъ его въ гимназію, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ числѣ первыхъ учениковъ и поступилъ въ университетъ. Маіору не удалось порадоваться на своего воспитанника: его не было въ живыхъ; матушка тоже скончалась. Данилинъ уже жилъ своими средствами отъ уроковъ. Герасимъ Ивановичъ, разбитый параличомъ, прикованный къ смертному одру, со слезами радости встрѣтилъ новаго студента:

— Встать-то я, дружокъ, не могу. Нагнись, я хоть одной рукой обниму тебя. Ай да Саша! Шпагу надѣлъ! Это, братъ, Овидіевы превращенья! На какой факультетъ поступилъ?

— На словесный.

— Чудесно! Я самъ словесникомъ былъ. Профессора-то теперь не тѣ... Намъ краснорѣчіе Мерзляковъ читалъ. Великій ораторъ былъ!.. Марлинскаго побольше читай!.. Какіе тамъ перлы!.. «Дико-прекрасенъ гремучій Терекъ въ Дарьяльскомъ ушелѣ... Индѣ свѣтелъ и прямъ»... Учись такъ же писать... И умирающій старикъ дрожащею рукой перекрестилъ своего бывшего ученика.

Даровитый студентъ скоро обратилъ на себя вниманіе ректора и профессоровъ. Ему предсказывали блестящую будущность. Частныхъ уроковъ у него было столько, что ему едва хватало времени справляться съ ними. Разъ его на лѣстницѣ остановилъ ректоръ.

— Данилинъ, много у васъ уроковъ?

— Много, ваше превосходительство. Ужасно много.

— Не можете ли вы, въ особое мнѣ одолженіе, взять еще одинъ. Меня просили, и я указалъ на васъ. Если вы одинъ изъ вашихъ уроковъ оставите и передадите кому-либо изъ вашихъ товарищей, вы, въ матеріальномъ отношеніи,

ничего не потеряете, а, думаю, выиграете. Явитесь отъ моего имени къ Степану Ѳедоровичу Соснису, онъ живетъ въ Старой Басманной, въ своемъ домѣ.

— Слушаю, ваше пр—ство.

— Пожалуйста,—окончилъ ректоръ, протягивая Данилину руку, пожатія которой ни одинъ студентъ не достаивался.

На другой день Данилинъ подъѣхалъ къ воротамъ большого съ колоннами барскаго дома, обнесеннаго съ улицы желѣзной рѣшеткой. Такіе дома попадаются теперь въ Москвѣ очень рѣдко, всѣ они перестроены на новый ладъ. Не выступаютъ на улицу изъ оконъ нижняго этажа пузатая рѣшетки, объ которыя мимоходящіе разбивали носы; нѣтъ болѣе надворныхъ флигелей, въ которыхъ, бывало, ютилась барская челядь; нѣтъ щитовъ съ гербами; нѣтъ львовъ на воротахъ... Да многого нѣтъ. Пройдя огромный дворъ, онъ позвонилъ въ колокольчикъ у подъѣзда. Лакейказачокъ отперъ ему дверь. Въ передней два лакея—одинъ крѣпостной, другой вольнонаемный—спорили о преимуществахъ соціального положенія каждаго изъ нихъ отдѣльно. Споръ ихъ уже перешелъ въ ссору.

— Это вы холопъ, а я природный лакей!—горячился старичокъ-лакей, сѣденькій, съ слезящимися сѣрыми глазами, въ сѣромъ фракѣ, красномъ жилетѣ и штиблетахъ.—Моя душа барская, а ваша окладная, потому вы несчастный мѣщанинъ. Я коли какой непорядокъ на улицѣ сдѣлаю—должны меня къ моему барину съ будочникомъ предоставить, а васъ на веревкѣ въ часть поведутъ. Вы на заняткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ завсегда въ комнатахъ.

— Что вы выражаетесь!—вскрикнула окладная душа.

— Я не выражалось, а правду говорю! Вы холопъ, а не я!..—отрѣзала барская душа.

Данилинъ приказалъ доложить о себѣ. Старый лакей ввелъ его въ залъ и попросилъ обождать. Съ полчаса онъ ходилъ по залѣ и, наконецъ, былъ введенъ въ барскій кабинетъ. Степанъ Ѳедоровичъ сидѣлъ въ большихъ мягкихъ креслахъ, на головѣ его былъ густой черный парикъ, съ круто подвитыми висками. Онъ куритъ изъ необыкновенно длиннаго съ огромнымъ янтаремъ чубука. Едва замѣтнымъ движеніемъ лѣвой руки, онъ пригласилъ Данилина сѣсть.

— Я просилъ вашего ректора,—началъ Степанъ Ѳедоровичъ:—вы вѣдь по его приказанію?

Данилину не понравилось слово «по приказанію». Онъ отвѣчалъ:

— Да, меня ректоръ просилъ взять у васъ урокъ.

Степану Ѳедоровичу не понравилось слово «просилъ». Оно на его ухо подѣйствовало такъ же, какъ на ухо дирижера дѣйствуетъ едва замѣтная фальшь какого-либо инструмента. Онъ далъ почувствовать это Данилину.

— Такъ вы по его просьбѣ?—сказалъ онъ, очень тонко подчеркнувши послѣднее слово. Данилинъ не замѣтилъ этого.

Степанъ Ѳедоровичъ, помолчавъ немного, выпустилъ два-три клубка дыма и продолжалъ:

— У меня два сына будутъ готовиться у васъ для поступленія въ московскій университетъ. Они ужъ достаточно подготовлены, и вамъ особаго труда не предстантъ. Вы должны будете жить у меня и быть постоянно при нихъ.

— Извините, Степанъ Ѳедоровичъ, если въ качествѣ гувернера—я не могу. Я могу только посвящать имъ нѣсколько часовъ для науки, а остальное время я самъ долженъ учиться.

Степанъ Ѳедоровичъ задумался. Вошли здороваться съ отцомъ двое юношей съ рыжимъ курляндцемъ гувернеромъ, за ними вошелъ также породистый черный водолазъ. Гувернеръ почтительно остановился у двери. Дѣти поцѣловали у отца руку.

— Вотъ вашъ будущій учитель,—сказалъ имъ Степанъ Ѳедоровичъ, указывая на Данилина.

Дѣти шаркнули ногами и изящно наклонили головы. По манерамъ ихъ было видно, что они прошли танцевальную школу въ совершенствѣ.

— Проведите его къ матери, а оттуда, вы будете добры, опять зайдете ко мнѣ,—окончилъ онъ, обращаясь къ Данилину.

Одинъ изъ юношей сказалъ:—не угодно ли?—Они прошли залу, увѣшанную портретами, прошли гостиную, уставленную прихотливой мебелью, прошли въ комнату, украшенную севрскимъ фарфоромъ, прошли еще нѣсколько комнатъ съ разными украшеніями, наконецъ вступили во внутренніе апартаменты хозяйки.

— Мaman,—началъ старшій изъ сыновей:—Papa nous a chargé de te presenter notre nouveau precepteur.

Наталя Николаевна, супруга Степана Ѳедоровича, красивая женщина, лѣтъ на двадцать моложе своего мужа, си-

дѣла за чайнымъ столомъ. Чай разливала Анна Никитишна, теперь выродившійся типъ стараго времени. Въ каждомъ барскомъ домѣ была своя Анна Никитишна. Анны Никитишны обыкновенно бывали оберъ-офицерскаго званія престарѣлыя дѣвцы, богомольныя, злющія, наущницы. Онѣ разливали чай, но не смѣли его въ присутствіи господъ пить; онѣ вмѣстѣ съ господами обѣдали, но не смѣли за столомъ говорить. Анны Никитишны были сортомъ выше обыкновенныхъ приживалокъ и смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ. Приживалки у нихъ заискивали; съ горничной, состоящей при особѣ барыни, у Анны Никитишны были всегда натянутыя отношенія. Какъ бы ни была горничная близка къ барышѣ, какъ бы барыня ее ни любила, Анна Никитишна давала ей понимать, что она все-таки горничная, одной ногой стоитъ въ будуарѣ барыни, а другой на скотномъ дворѣ. Горничная и вообще вся дворня ненавидѣли этотъ типъ. Горничныя называли Анну Никитишну «судорогой», «сывороткой»; лакеи—«барыней съ одной душой и то съ собственной», а кучера такъ называли, что и сказать нельзя. Жестокъ кучерской языкъ!

— Очень рада!—произнесла привѣтливо Наталья Николаевна, увидавши вошедшаго Данилина.—Садитесь, пожалуйста. Вы должны теперь учиться отлично,—обратилась она къ дѣтямъ:—а то васъ Карлъ Адамовичъ избаловалъ.

— Nu! warum doch, madame.

— Избаловали, избаловали,—шутливо продолжала Наталья Николаевна.—Вы съ ними въ деревнѣ воробьевъ стрѣляете... Я все знаю!

Нѣмецъ растерялся и только говорилъ: Nu! warum doch, madame...

— Вамъ мужъ говорилъ, что они будутъ служить по дипломатическому корпусу? Мой деверь служить посланникомъ въ Штутгартѣ. Я ихъ пошлю къ нему.

Дѣти во время разговора пристально смотрѣли на Данилина, думая, что это за человекъ? Можно ли при немъ будетъ воробьевъ стрѣлять, карасей въ пруду ловить? Ну, какъ онъ прекратитъ всѣ эти занятія? Визитъ Данилина длился недолго. Наталья Николаевна еще повторила нѣсколько разъ «очень рада», и Данилинъ долженъ былъ откланяться. Наталья Николаевна, прощаясь, обратилась снова къ воробьямъ и къ рыбной ловлѣ.

— Когда мы будемъ въ деревнѣ,—сказала она:—вы пожалуйста не позволяйте имъ бѣдныхъ воробьевъ стрѣлять

и рыбу съ церковными дѣтьми (Наталья Николаевна называла такъ дѣтей священника) ловить. Они всегда испачкаются, приходятъ мокрые.

Данилинъ замѣтилъ, что онъ самъ рыболовъ и просить не лишать ихъ этого удовольствія. У дѣтей заблестѣли глаза. Младшій сдѣлалъ изящное движеніе всѣмъ корпусомъ и сказалъ, что у нихъ въ пруду необыкновенные караси.

— Ну, я съ вами буду тогда ссориться,—окончила Наталья Николаевна, любезно подавая Данилину руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ. Степану Ѳедоровичу хотъ и не совсѣмъ студентъ понравился съ перваго взгляда, но онъ положился на рекомендацію ректора и заключилъ съ нимъ условіе. Черезъ недѣлю Данилинъ переѣхалъ въ домъ Степана Ѳедоровича. Ему отвели двѣ комнаты окнами въ садъ и назначили для прислуги мрачнаго, соннаго, недовольнаго, неповоротливаго крѣпостного человѣка. Данилину было жалко и совѣстно употреблять это несчастное существо для своихъ услугъ и онъ безпокоилъ его лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Крѣпостной человѣкъ скоро это почувствовалъ, потому что ему открылась возможность спать подъ лѣстницей цѣлыя сутки.

— Добрый человѣкъ,—говорилъ онъ про Данилина:—не тревожить, самъ знаетъ, какъ трудно нашему брату господамъ служить. Одно только въ немъ не хорошее: скупъ очень, на чай хонь бы когда гривенникъ далъ. Это ужъ не годится... Крѣпостному человѣку взять не откуда...

Степанъ Ѳедоровичъ былъ добрый московскій баринъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, но во взглядахъ его была какая-то смѣсь Домостроя съ крайнимъ либерализмомъ. Онъ не притѣснялъ мужика, брезговалъ крѣпостнымъ правомъ, называлъ себя плантаторомъ; но и часто заставлялъ трепетать передъ собою «старого Гаврилу» и за маловажный проступокъ брилъ лбы своимъ покорнымъ и вѣрнымъ слугамъ. Никогда не ходилъ въ церковь, смотрѣлъ свысока на служителей алтаря; но на груди носилъ ладонку съ мощами и соблюдалъ посты. Домъ его былъ открытый. У него бывали балы, рауты и каждый четвергъ вечернія собранія.

Наталья Николаевна, по происхожденію «отъ добраго корени», княжна, была очаровательная женщина, ее любили всѣ отъ сановника до мрачнаго лакея. Данилинъ, какъ говорится, пришелся ко двору. Степанъ Ѳедоровичъ сначала относился къ Данилину съ важностью, поглядывалъ

исподлобья, когда тотъ въ его присутствіи осмѣливался выражать какое-либо мнѣніе, но скоро сдѣлался снисходительнымъ, позволялъ даже вступать съ собою въ споръ и, оставаясь побѣжденнымъ, говорилъ: «можетъ-быть по вашему и такъ, а я все-таки остаюсь при своемъ убѣжденіи». Дѣти такъ привязались къ своему учителю, что бѣдный курляндецъ заревновалъ. Они перестали даже ходить съ нимъ гулять, предпочитая бесѣду съ Данилинымъ.

Наступило лѣто. Данилинъ кончилъ курсъ кандидатомъ и поѣхалъ къ Степану Ѳедоровичу въ имѣніе. Наталья Николаевна, убѣдившись въ нравственныхъ качествахъ Данилина, вѣрила ему окончательно образованіе своихъ дѣтей и не вмѣшивалась въ его дѣйствія. Дѣти ловили съ нимъ рыбу, ходили стрѣлять утокъ, катались на лодкѣ, ѣздили верхомъ и т. д., и если мать иногда замѣчала что-нибудь, дѣти прямо говорили «намъ Александръ Петровичъ разрѣшилъ», и она смолкала. Въ имѣніи Степанъ Ѳедоровичъ жилъ такъ же открыто, какъ и въ Москвѣ. Къ нему съѣзжались почти все окрестныя помѣщики—и крупныя, и мелкія. Въ торжественные дни, во время заздравныхъ то-стоу, панихи изъ пушекъ, вечеромъ домы и садъ освѣщали иллюминаціи, на лугу пускали ракеты. Артиллерійской и пиротехнической частью завѣдывалъ Карлъ Адамовичъ. Три года въ полномъ довольствѣ, безъ малѣйшихъ лишениій и безпокойства, прожилъ Данилинъ въ домѣ Степана Ѳедоровича и, когда дѣти поступили въ университетъ, онъ оставилъ его домъ. Степанъ Ѳедоровичъ обѣщался прискаты ему мѣсто и наградилъ его по-барски. Казалось бы, при важномъ общественномъ положеніи, при связяхъ Степана Ѳедоровича, найти мѣсто отлично образованному молодому человѣку ничего не значить, но вышло совсѣмъ не такъ. Отъ кого только и къ кому только ни ходилъ Данилинъ съ письмами!

— Очень хорошо-сь! Очень радъ! Я увижу сегодня Степана Ѳедоровича въ клубѣ и переговорю съ нимъ. Все, что отъ меня зависитъ, я готовъ,—говорилъ одинъ московскій сановникъ, которому Данилинъ вручилъ письмо Степана Ѳедоровича.

— Вотъ, изволите видѣть, молодой человѣкъ, мой старинный другъ Степанъ Ѳедоровичъ ходатайствуетъ объ васъ. Я не могу отказать ему въ его просьбѣ, но въ настоящее время—и т. д., говорилъ другой.

— Графиня Авдотья Петровна ставитъ меня въ крайне

непріятное положеніе. Она требуетъ у меня для васъ мѣсто. Согласитесь сами, вы не писарскаго мѣста желаете. Съ одной стороны, я желалъ бы исполнить ея просьбу, а съ другой—и т. д., встрѣчалъ третій.

«Любезный другъ, Степанъ Ѳedorовичъ (острить на письмѣ четвертый). Являлся ко мнѣ отъ тебя окончившій здѣшняго университета курсъ кандидатъ, сколько могу упомянуть, Данилинъ, съ просьбою о мѣстѣ. Ты самъ знаешь, что въ настоящее время свободныя мѣста, даже для людей изъ дворянъ происходящихъ, есть только на скамейкахъ Тверскаго бульвара. Вчера неожиданно посѣтилъ нашъ англійскій клубъ графъ Закревскій, а тебя не было. Жалко. Посылаю тебѣ статью «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», написанную въ вольномъ духѣ. Не думаю, чтобъ третьимъ отдѣленіемъ не было обращено на оную вниманія».

Отъ нечего дѣлать, Данилинъ сталъ проводить время въ кофейной большого московскаго трактира, пристрастился къ бильярдной игрѣ и сдѣлался любимцемъ собиравшагося тамъ веселаго общества. Скоро позабылъ онъ и завѣтъ стараго словесника: не пей, Саша! «Отъ пьянства цвѣтущій юноша, яко кринъ тлетворнаго мрака коснувшійся, внезапно увядаеть». Сначала сталъ пить водку трехиробную, потомъ специальную, потомъ прилѣпился къ коньяку. «Ренсковые погребки» и увеселительные притоны глухихъ московскихъ переулковъ, замѣнявшіе въ прежнее время съ большимъ успѣхомъ оперетку, предъявили ему всѣ винныя фабрикагы, каковы суть: лиссабонъ, тенерифъ, санта-анна двойной, гобарзакъ и т. п.

Средства его быстро истощились, уроки онъ всѣ растерялъ и долженъ былъ существовать на счетъ ближняго, на счетъ веселаго купца. Наталья Николаевна явилась къ нему на помощь: она пригласила его провести лѣто у нихъ въ деревнѣ. Данилинъ сначала не соглашался, но домашній докторъ Степана Ѳedorовича «приказалъ» ему ѣхать.

— Странно, Александръ Петровичъ,—сказалъ онъ ему:—вамъ предлагаютъ чистый воздухъ, а вы желаете оставаться въ тифозномъ отдѣленіи. Поѣзжайте.

Докторъ былъ человѣкъ совершенно особенный, оригинальный. Онъ былъ красавецъ собой, имѣлъ большую практику, особенно между барынями, и лѣчилъ «не столько медикаментами», сколько остроуміемъ. Степанъ Ѳedorовичъ любилъ и уважалъ его, но лѣкарствъ его никогда не при-

нималъ, потому что былъ тайный гомеопатъ и въ особомъ, одному ему извѣстномъ, потаенномъ ящичкѣ письменнаго стола содержалъ пузырьки съ разной ганемановской жидкостью и крупинками. Даже Наталья Николаевна не знала, что супругъ ея принадлежитъ къ сектѣ гомеопатовъ: онъ тщательно скрывалъ это и въ присутствіи ея даже трунилъ надъ гомеопатією, какъ говорится—отводилъ глаза. Докторъ зналъ его слабость къ этому способу лѣченія и трунилъ надъ нимъ. Онъ говорилъ: «грань мышьяку, растворенный въ количествѣ воды, равномъ земному шару, увеличенному въ семь разъ, составляетъ тридцатое гомеопатическое дѣленіе, одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ гомеопатіи, употребляемое въ самыхъ крайнихъ случаяхъ».

Степанъ Ѳедоровичъ молча сердился.

— У меня голова третій день болитъ,—говорить доктору барыня.

— Это непріятно,—сочувствуетъ докторъ.

— Что мнѣ дѣлать?

— Ждать, пока пройдетъ,—отвѣчаетъ докторъ.

— А когда она пройдетъ?

— Никто, вѣроятно, этого не знаетъ.

— Помните, вы мнѣ давали капли...

— Помню. Вѣдь онъ вамъ тогда не помогъ и теперь тоже не помогутъ. Зачѣмъ же мы съ вами будемъ безпокоить провизора?

Или:

— У меня ужасно нервы разстроены.

— Позвольте мнѣ ихъ посмотрѣть.

— Какъ посмотрѣть? Я чувствую...

— Да вѣдь чувства бываютъ обманчивы. Можетъ это и не нервы.

— А что-жъ это?

— Я не знаю. Чего не вижу, того не ощущаю...

— Профессоръ Варвинскій...

— Позовите профессора Варвинскаго, и пока онъ будетъ собираться пріѣхать къ вамъ, у васъ и такъ все пройдетъ. Можно, пожалуй, вамъ выписать капли, порошки, пилюли; аптекаръ Феррэйнь будетъ вамъ за это благодаренъ, но, по моему, это лишнее. Не сердитесь на вашу горничную, которая васъ огорчила, и будете совершенно здоровы.

Или:

— Думаю ѣхать на воды,—говорить предсѣдатель одной изъ московскихъ палатъ.

- Это зачѣмъ, ваше превосходительство?
- Какъ зачѣмъ? Смотрите, какой у меня животъ-то!
- Чудесный! Какой вамъ, по вашему чину, по штату полагается. Не совѣтую! Что это пѣмецкія воды—вздоръ!
- Нѣтъ, говорятъ, Эмсъ...
- Да тамъ и воды совѣмъ никакой нѣтъ: еще древніе римляне ее всю выпили.

— Виновать, не Эмсъ, а Карлсбадь...

— Соответствующее лѣченіе и здѣсь въ Москвѣ можно найти. Накажите валъ животъ: оставьте его мѣсяца на два безъ кулебякъ съ паличыми печенками, безъ поросенка съ кашей и съ мозгами, безъ севрюжины, такъ никакія карлсбадскія воды его такъ не подтянутъ, какъ эти лишенія. Да и зачѣмъ его мучить? Животъ русскому человѣку украшеніе... да въ нашемъ-то чинѣ... прелесть! Не совѣтую, ваше превосходительство... Мы здѣсь вась починимъ. Вы только представьте себѣ: если бы вся Москва со своими животами тронулась въ Карлсбадь—что бы это было?—Повѣрите, мытищенская вода такъ же хороша, какъ и карлсбадская.

Деревня Данилину не показала, какъ прежде, раемъ, онъ тосковалъ и, въ тини ночной, пилъ водку, которую ему съ удовольствіемъ добывалъ его бывший мрачный лакей, для чего подвергалъ, если не жизнь свою, то брренное тѣло крайней опасности, ибо въ домѣ Степана Ѳеодоровича напитокъ этотъ строго былъ воспрещенъ. Лѣнивый и неподвижный, онъ оживлялся, откуда бралась энергія: ночью перелѣзаль черезъ заборъ сада, переплывалъ рѣчку, перебѣгалъ черезъ поле, попирая ногами золотистую рожь, отбивался отъ собакъ и возвращался домой задолго до восхода солнца. Проявлялъ онъ эту энергію не столько изъ привязанности къ Данилину, сколько изъ собственныхъ интересовъ.

Въ одинъ праздничный день къ Степану Ѳеодоровичу съѣхались гости, въ числѣ которыхъ была сосѣдка-помѣщица Прасковья Петровна съ дочерью. Прасковья Петровна имѣла усадьбу въ трехъ верстахъ отъ Степана Ѳеодоровича—нѣсколько десятинъ земли, двадцать душъ крестьянъ, которые ее и прокармливали, двухъ дворовыхъ людей: повара, онъ и кондитеръ, и лакея, онъ же и управляющій.

Дочь уже была въ такомъ возрастѣ, въ которомъ обыкновенно, подъ звукъ унылый фортепіано, съ чувствомъ поютъ романсъ: «Уймитель, волненія страсти, засни безнадежное сердце»... За отсутствіемъ молодыхъ людей, Данилинъ не-

волью сдѣлался ея кавалеромъ. Прасковья Петровна пригласила его къ себѣ въ деревню. Данилинъ съѣздивъ къ нимъ разъ, съѣздивъ два, потомъ сталъ ходить пѣшкомъ, а потомъ Наталья Николаевна сказала доктору, что Данилинъ, кажется, хочетъ жениться.

— Это изъ огня да въ полямя!—разсѣлся докторъ.— Впрочемъ такіе случаи въ моей практикѣ бывали. Знаете что, Наталья Николаевна: очень можетъ быть, что женитьба его встряхнетъ, онъ будетъ работать. А въ такомъ положеніи онъ совсѣмъ сохнетъ. Если бы онъ ко мнѣ обратился за совѣтомъ, я бы благословилъ его обѣими руками. Вѣдь онъ облѣнился, раскисъ... Мнѣ очень его жалко, онъ прекрасный человѣкъ.

— А чѣмъ они жить будутъ?

— Захотятъ ѣсть—найдутъ средства. Я не вѣрю въ неизмѣніе средствъ.

Крѣпостной человѣкъ, замѣтивши перемѣну въ Данилинѣ,—затосковалъ.

— Что бы это значило,—думалъ онъ,—словно обрѣзали! Шабашъ! Двѣ недѣли хоть бы шкалики! Удивительно это для меня!.. Пилъ какъ слѣдуетъ... положенное... Это, надо полагать, либо докторъ ему не велѣлъ, либо что хуже... Полушинская барыня его закручиваетъ. А теперь лукъ поспѣлъ. Хорошо бы съ лукомъ-то... посолить, да... Тьфу! Помрешь теперь...

Онъ не ошибся. Данилинъ сдѣлалъ предложеніе полушинской барыни, которое она приняла безъ всякаго смущенія. Выйти ей замужъ было все равно—за кого угодно и когда угодно. Данилинъ не зналъ, что онъ дѣлаетъ, онъ былъ въ какомъ-то чаду. Онъ сказалъ доктору, что его гнететъ тоска, что онъ не знаетъ выхода изъ своего положенія... Докторъ прочиталъ ему такой монологъ:

— Простите меня, Александръ Петровичъ, что я выскажусь прямо, можетъ-быть, даже для васъ непріятно. Одумайтесь. У васъ въ жизни два пути. Одинъ, на которомъ вы теперь стоите: лѣнь, пьянство, погребки, трактиры, биллиарды, развратъ, затѣмъ нищета, продолжительная болѣзнь, а при счастья и то только при счастья—позорная смерть гдѣ-нибудь на улицѣ или въ какомъ-нибудь увеселительномъ заведеніи и анатомическій театръ, въ стѣнахъ той же *almae matris*, которая васъ воспитала. И есть другой путь, на который вы, въ ваши молодые года, легко можете вступить—путь труда и нравственной отвѣтствен-

ности. Какъ докторъ, я бы посовѣтовалъ избрать вамъ этотъ путь въ видахъ гигиеническихъ и діететическихъ, а какъ обыкновенный смертный... вы, я слышалъ, думаете жениться?

— Да,—отвѣчалъ Данилинъ.

— Вы сдѣлаете или непростительную глупость, или вы переродитесь и надѣлаете много умнаго. Это отъ васъ зависитъ. Если у васъ хватаетъ здоровья и энергій проиграть, не спавши три ночи на билліардѣ, отчего же у васъ не хватитъ того же самаго матеріала для полезной работы. А пьянство—это гадость, Данилинъ! Оно только увеличиваетъ медицинскій каталогъ новыми названіями болѣзней и помрачаетъ врачебную науку. Богъ съ вами! Женитесь.

Данилинъ женился и переѣхалъ осенью въ Москву. Теща-помѣщица весьма круто повернула вопросъ о принсканіи мѣста зятю. Она обшаркала всѣ палаты, всѣ канцеляріи, перебивала у всѣхъ начальствующихъ лицъ, доходила даже до митрополита, и хлопоты ея увѣнчались успѣхомъ: Данилинъ поступилъ на службу. Первые годы онъ служилъ усердно, но потомъ у него въ семьѣ что-то случилось, жена его бросила, онъ занялъ, уѣхалъ въ ея деревню, да такъ тамъ и остался. Деревня эта была продана, онъ прислонился сначала къ одному помѣщику, въ качествѣ гувернера, потомъ къ другому, въ другомъ какомъ-то качествѣ, потомъ къ купцу «по судейской части», да такъ и теперь проживаетъ.

Цѣлую недѣлю мы занимались рыбной ловлей на озерѣ, возвращаясь на ночь въ Полушино. Наконецъ я выбралъ время и приступилъ къ осмотру бумагъ бывшей полушинской конторы.

Связка первая. «О состояніи атмосферы при полушинской экономіи за 1828 годъ».

Связка вторая. «Приказы по полушинской экономіи за 1828 годъ».

Останавливаюсь на этой связкѣ.

«Приказъ по полушинской экономіи № 20. Мая 30.

«Имѣть полушинской экономіи контора съ полученіемъ сего, предложить священнику с. Полушина отслужить молебень по случаю дарованія мнѣ сына Григорія, благополучно совершившагося въ двадцать пятый день мая сего 1828 г. Отставной ротмистръ и кавалеръ Отрадинъ-Клещевъ.

Въ копіи въ главной конторѣ оставленъ. Завѣдующій Груздевъ».

Слѣдующіе приказы написаны по той же формѣ, т. №, годъ, мѣсяцъ, число и подпись.

«Въ удовлетвореніе просьбы крестьянина Ивана Зуйкова, объявить ему, что сынъ его въ фореиторы зачисленъ 29 іюня сего года».

«Назначается скотницею при полушинской экономіи вдова бывшаго моего крѣпостного человѣка, а нынѣ вольноотпущеннаго Ивана Никитина, Анисья Петрова, и при оной дочь Клавдія. Довольствіе по штату».

«Отставной завѣдывающій хлѣбными амбарами и дровяными складами лейбъ-гвардіи преображенскаго полка унтеръ-офицеръ Іосифъ Чероховичъ, по просьбѣ его, увольняется въ отпускъ для свиданія съ матерью въ Могилевскую губернію на двадцать восемь дней. Въ его отсутствіе имѣтъ неослабное наблюденіе за оными».

«Въ четвергъ приступитъ къ сѣнокосу, для чего разбить мою палатку на мокровской пустоши, яко центрѣ полушинской экономіи. Управляющій Павелъ Грибковъ верхомъ имѣеть сопровождать крестьянъ на пустошь, гдѣ, по отслуженіи молебна, я буду находиться самъ и лично дѣлать распоряженія. Выступитъ въ четыре часа утра. Старосты верхомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи десятскихъ. Крестьяне деревни Пузыриха, какъ болѣе отдаленной отъ пустоши, выступаютъ съ вечера. Въ случаѣ дождя, не выходя, ожидать дальнѣйшихъ приказаній».

Въ особой обложкѣ. «Дѣло о Фокѣ».

«Вслѣдствіе возникшихъ пререканій между поваромъ Фокой и прочими дворовыми людьми при нетрезвомъ поведеніи, препровождается оный Фока въ полушинскую экономію для содержанія на скотномъ дворѣ впредь до распоряженія и имѣтъ за нимъ надзоръ и доносить въ главную контору».

«Приказомъ отъ... за № — препровожденъ въ полушинскую экономію поваръ Фока для содержанія на скотномъ дворѣ, а нынѣ тотъ Фока оказался въ Москвѣ и взятъ полиціею яко бродяга. Имѣеть полушинской экономіи контора немедленно сообщить, кто виновенъ въ упущеніи онаго Фоки и котораго числа?»

«Изъ рапорта полушинской экономіи въ главную контору усматривается, что поваръ Фока скрылся тайно и, по наказанію скотницы, ночью, ибо, вставъ по утру, онаго Фоки не было и она въ контору про побѣтъ донесла. При побѣтъ его похищенъ топоръ, который проданъ куракинскому мужику за рубль пять коп. ассиг. и вновь, яко похищенный, въ экономію отобранъ. За таковое нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ управляющаго полушинской экономіи Павла Григорьева Грибкова предписывается ему выдержать себя на скотномъ дворѣ двое сутокъ подъ присмотромъ старосты».

«Главная московская контора увѣдомляетъ такую-жъ при полушинской экономіи, что пойманный въ Москвѣ поваръ Фока, и, по наказаніи въ Музской части, будучи водворенъ въ барскомъ домѣ, опять неизвестно куда скрылся и, если появится въ Полушинѣ, то онаго связавъ, свезти въ Москву для отдачи въ рекруты безъ зачета».

«Изъ донесенія твоего видно, что поваръ Фока появился въ Новоселкахъ и скрывался у цѣловальника, то сей крестьянинъ-цѣловальникъ и не укрываетъ ли Фоку и теперь. За неисполненіе сего приказа ты будешь подлежать строгой отвѣтственности».

Въ главную московскую контору.

«Возвратившіеся изъ Москвы куракинскіе крестьяне Климъ Петровъ, да Мартынъ Косои сказывали скотницѣ Анисѣ, что они видѣли Фоку въ Москвѣ на Смоленскомъ рынкѣ въ трактирѣ и оный Фока имъ говорилъ, что онъ человекъ вольный и къ зимѣ хочетъ бѣжать въ Одесъ и купленъ имъ на рынкѣ пистолетъ. Въ полушинской экономіи все обстоитъ благополучно».

«По твоему несмотрѣнію оказалось, что поваръ Фока лѣтомъ проживалъ въ кондитерской итальянца Питаде по украденному имъ венгерскому пачпорту и яко черный быкъ неузнаваемъ, и неоднократно бывалъ въ вѣренной тебѣ экономіи за покупкою ягодъ, которыя и покупалъ у крестьянъ по дешевой цѣнѣ. Имѣешь съ полученіемъ сего явиться въ Москву».

«Имѣю честь донести вашему высокоблагородію, что покупающій ягоды Иванъ Павловъ венгерецъ—вольноотпу-

щелный кондитеръ князя Четвертинскаго—бываетъ въ Полушинѣ за годами каждый годъ, а Фока поваръ находится въ бѣгахъ и прислалъ цѣловальнику письмо. Оное письмо цѣловальникъ стѣлъ при многочисленныхъ крестьянахъ, боясь быть въ отвѣтѣ».

«Извѣтъ на тебя по появленіи повара Фоки въ полушинской экономіи оставленъ мною безъ послѣдствій, но я требую отъ тебя неослабнаго наблюденія, чтобы оный Фока не появился вновь. Что появились крысы въ хлѣбныхъ амбарахъ, относится къ твоему несмотрѣнію».

Въ главную московскую контору изъ конторы полушинской экономіи.

«Сего числа въ контору полушинской экономіи изъ нижняго земскаго суда препровожденъ съ сотскими въ кандалахъ человекъ, именующій себя Фокою, но оный Фока оказался звенигородскій мѣщанинъ Фока Петроховъ, то и слать обратно».

«Вчера пузинскими крестьянами и прочими крестьянами полушинской экономіи былъ окруженъ устиновскій лѣсъ, ибо видѣли явившагося Фоку съ ружьемъ и заходилъ въ Пузырихъ къ проживающему кузнецу пить молоко, но поймать не могли и деревня Пузино въ отсутствіе крестьянъ сгорѣла».

Изъ московской главной конторы въ полушинское ея отдѣленіе.

«Основываясь на ложныхъ слухахъ о появленіи въ Пузинѣ повара Фоки, для поимки онаго тобою окруженъ устиновскій лѣсъ и деревня Пузино сгорѣла, а оный Фока, накануне пузинскаго пожара былъ пойманъ въ Москвѣ на Варваркѣ. Въ отвѣтственность за сіе ты отрѣшаешься отъ должности и имѣешь, по полученіи сего приказа, явиться въ Москву».

«Канцелярія Басманной части, 5 квартала. Сегодня ночью полицейскимъ обходомъ былъ задержанъ на Варваркѣ дворовый человекъ господина Отрадина-Клещеева Фока безъ прозвища. При обыскѣ у него оказалось семь копѣекъ мѣдью, тумпаковый крестъ и въ карманѣ молитва о въ бѣгахъ находящихся, повидимому—скопческая или иной какой законами воспрещенной ереси, ибо написана гражданскими словами. Бывъ отправленъ въ часть, дорогою неиз-

вѣстно куда скрылся и найденъ вечеромъ того дня во ввѣренномъ мнѣ кварталѣ удавившимся на берегу рѣки Яузы противъ фабрики кушца Рогожина на ивѣ. О чемъ имѣю честь вашему высокоблагородію донести. Квартальный надзиратель Херувимовъ». Съ боку рукою частнаго пристава: «Въ дневной рапортъ генералу, а также поставить въ извѣстность владѣльца». Рукою Отрадина-Клещеева: «Пріобщить къ дѣламъ конторы полушинской экономіи, такъ какъ побѣгъ совершенъ изъ Полушина. Августа 3-го дня 1829 года».

Въ главную контору изъ полушинской экономіи:

«Сего числа, на храмовомъ праздникѣ въ Новоселкахъ, становымъ приставомъ арестованъ странникъ изъ Іерусалима и при ономъ найдено письмо отъ бывшаго повара Фоки къ цѣловальнику Карпу Савельеву и нынѣ тотъ Фока живъ и проживаетъ въ г. Одессѣ, а удавился за него какой-либо другой его соумышленникъ и назвался Фокою облыжно. Письмо въ копіи представляется на благоусмотрѣніе главной конторы и писано бѣглымъ кантонистомъ, ибо Фока грамотѣ не умѣетъ. Причемъ г. становымъ приставомъ сдѣлано сношеніе съ одесской полиціею о поимкѣ онаго и доставленіи въ Москву. Мая 20, 1831 г.».

Письмо бѣглаго повара Фоки:

«И увѣдомляю я васъ, любезнѣйшій другъ, Карпъ Савельичъ, какъ ушелъ я съ Москвы и находился въ Кіевѣ въ монастырѣ въ квасникахъ, а пачпортъ досталъ у одного богомольца за три рубля ассиг. и жилъ въ поварахъ у полковника и торговалъ мороженымъ и ушелъ въ Одессу на молдаванку. Здѣсь пачпортовъ не спрашиваютъ и бѣглыхъ много и начальства надъ ними нѣтъ, а арбузовъ и дынь очень много и я открылъ лавочку и торговлю лимонадомъ, а требуется много, потому сторона жаркая и господъ здѣсь нѣтъ, живутъ все греки и корабли приходятъ съ разными товарами, а на корабль можно уйти въ Турцію, въ городъ Константинополь. Какъ дѣла пойдутъ хорошо—припишусь здѣсь въ кушцы, денегъ нужно сто рублей. Извѣстный вамъ Фока. А кто здѣсь попадется безъ пачпорта и съ этапу можно уйти за шесть рублей и бѣгаютъ отойдя сто верстъ отъ Одессы и бѣгаютъ въ Кишиневъ. Письмо сіе вручить вамъ странникъ изъ Стараго Іерусалима, идетъ на родину въ Москву и я просилъ его побывать у васъ въ Новоселкахъ. Человѣкъ онъ вѣрный и ити ему отсюда три мѣсяца. По личной просьбѣ Константиинъ Сергѣевъ».

На бланкѣ:

«Г. становому приставу 2-го стана. На отношеніе вашего благородія отъ 10 мая 1831 года, за №... имѣю честь отвѣтствовать, что по розыскамъ въ городѣ Одессѣ бѣжавшаго двороваго человѣка г. Отрадина-Клещеева Фоки безъ прозвища на жительствѣ не оказалось, а несомнѣнно съ нимъ живущая жена его, бывшая дочь дьячка г. Одессы, Дарья Алексѣева, показала, что мужъ ее Фока бѣжалъ въ Молдавію и женился на ней, назвавшись московскимъ канцеляристомъ. Бывъ посажена въ острогъ за укрывательство, нынѣ по этапу препровождается къ своему помѣщику. Января 29. 1834 г.» Подпись.

«Ваше высокоблагородіе,
Милостивѣйшій государь,
Артемій Лаврентьевичъ!

«Изъ почтовой конторы полученъ мною денежный пакетъ со вложеніемъ ста рублей ассиг. По вскрытіи онаго оказалось кромѣ денегъ вложенное письмо съ раскаяніемъ отъ бывшаго повара Фоки. Чувствуя приближеніе смерти, онъ поручилъ одному довѣренному лицу препроводить свою жертву по почтѣ, съ просьбою употребить ее на храмъ Божій по моему усмотрѣнію и простить ему содѣянный имъ вольный грѣхъ и умиленно представительствовать передъ вашимъ высокоблагородіемъ о его всепрощеніи. Съ глубокопочитаніемъ и пр. Іоаннъ Мерцаловъ. Сент. 14. 1842».

Рукою Отрадина-Клещеева:

«Переговорить съ архіереемъ, ибо въ бѣгахъ находится съ 1827 года».

На этомъ кончается дѣло о Фокѣ.

Я обратился къ Семену Ильичу съ разспросами о немъ.

— А что, Семень Ильичъ, ты старожиль здѣшній — помнишь ты повара Фоку?

— Фоку?.. Ахъ, это волшебникъ-то?

— Развѣ онъ волшебникъ былъ?

— Какъ же, батюшка, волшебникъ! Очень я его хорошо помню. Волшебникъ!.. Вотъ изволите видѣть: баринъ нашъ былъ крутой, строгій, хотѣлъ его на поселенье сослать, а онъ и бѣжалъ, и никакъ его поймать было невозможно. Поймаютъ въ Москвѣ, а онъ сейчасъ въ Полушинѣ объявится. Поймаютъ въ Полушинѣ, а онъ сейчасъ въ барскомъ домѣ очутится. Изъ петли разъ его вынули мертваго — смо-

трать, а онъ въ трактирѣ сидитъ, чай пьетъ. Въ лѣсъ къ намъ разъ пришелъ. Стали его ловить, а онъ деревню спалилъ. Не барскій, кричитъ, я человекъ, а чей-нибудь другой. Къ становому разъ пришелъ, словно какъ бы купецъ, чай съ нимъ шелъ. Становой призналъ его, да и говоритъ: а вѣдь ты не купецъ, а бѣглый!.. Хватъ его за шиворотъ, смотреть, а въ рукахъ-то ничего нѣтъ. «Слово» зналъ, ничего съ нимъ сдѣлать нельзя было. Какъ пришло это ему время нечистому свою душу отдавать—священнику письмо написалъ и денегъ на храмъ прислалъ...

— Такъ, по-твоему, онъ чорту душу продалъ?—пересбилъ его Данилинъ.

— А какъ же, батюшка, Александръ Петровичъ? Продать!..

— А не знаешь, что онъ ему за нее заплатилъ?

— Шутникъ вы, сударь, завсегда были!.. Ужь я вамъ, сударь, вѣрно говорю.

— Вотъ какъ легенды-то составляются, — замѣтилъ Данилинъ.

III.

Рыболовъ.

Не важная ловля, а ужъ жарко становится. Рѣка, какъ зеркало. Пискарки и ерши весело снуютъ по чистому песчаному дну не широкой рѣки. Вонъ тихо направляется къ кустамъ лещъ; пискарки почтительно даютъ ему дорогу, разступаясь въ разныя стороны. Вонъ свергнула серебряная плотичка, наткнулась на спущеннаго на удочкѣ червяка и свильнула въ сторону. Лещъ тоже подошелъ къ червяку, толкнулъ его носомъ и, съ презрѣніемъ махнувъ хвостомъ, поплылъ далѣе, знаемъ мы, дескать, что это значитъ!.. Солнце все выше и выше. Царство насѣкомыхъ въ полномъ движеніи.

— Ахъ, вы, кровопивцы проклятые! — ворчитъ сидящій въ кустахъ на противоположной отъ меня сторонѣ страстный до самозабвенія рыболовъ, крестьянинъ Прохоръ Силантычъ, закадычный мой другъ по охотѣ и по рыбной ловлѣ. Его начинаютъ одолѣвать комары.

— Ахъ, ты, проклятый! Зачѣмъ же ты мнѣ глазъ-то укусилъ, глазъ-то вѣдь мнѣ нуженъ!—Около моего уха раздается пронзительный крикъ мухи: она попала въ изящно соткан-

ную сътъ огромнаго лѣснаго паука. Съ какой яростью онъ бросился на свою жертву! Съ какой жадностью высосалъ кровь изъ головы несчастнаго насѣкомаго и, повѣсивъ трупъ его, въ видѣ окорока, на тончайшую шелковинку, быстро скрылся въ кусту ожидать новой жертвы. Вотъ что-то булькнуло... Это лягушка прыгнула въ воду. Пугливые караси заметались въ разныя стороны. Вонъ на мгновенье выпрыгнулъ изъ воды шерстоперъ—или просто изъ любопытства, взглянуть, что дѣлается въ надводномъ царствѣ, или съ предвзятою цѣлю—осмотрѣть позиціи рыболововъ.

— Ишь ты, хитрый, ишь хитрый!—говорилъ Прохоръ Силантычъ, насаживая на крючокъ свѣжаго червяка:—да ужъ какъ ни прыгай, а завтра въ омуту я тебя спапаю... Развѣ что самъ живъ не буду, а то ужъ ты отъ моихъ рукъ не уйдешь.

Жарко. Пора домой. Слѣпки начинаютъ прохватывать сквозь платье.

Смотрю: Прохоръ Силантычъ сосредоточенно глядитъ на поставленную жерлицу... Мигъ!.. Свистнула леска, согнулось удилище, быстро завертѣлась рогулька. Значить—щука.

— Ну вотъ, теперича мы, голубушка, съ тобой поговоримъ!—начинаетъ словоохотливый рыболовъ.—Поговоримъ мы съ тобой! Вашу сестру я довольно хорошо знаю...

Щука начинаетъ бороться, леска натянута, какъ струна.

— Да никакъ тебѣ сорваться невозможно! Видишь, я тебѣ всякое удовольствіе дѣлаю... Что? Впередъ хочешь? Ну, ступай впередъ, а теперь опять сюда, милости просимъ... Какъ тебѣ лучше... Ну что ты мечешься-то! Въ кусты хочешь? Врешь! Должна ты посередь рѣки погибать! А то я тебя въ кусты-то пуцу, ты у меня леску перервешь... Ты вотъ здѣсь поговори со мной... Ахъ ты... какъ тянетъ подлая!.. На ногахъ стоять невозможно! Въ полую воду меня одна такая-то въ рѣку съ собой стащила... Итъ, стой!..

Около получасу продолжался подобный разговоръ у Прохора Силантевича съ рѣчной разбойницей. Наконецъ она, выбившись изъ силъ, сдалась. Онъ ловко подхватилъ ее сачкомъ и вытащилъ на берегъ.

— Говорилъ я, что тебѣ сорваться невозможно, а ты сомнѣвалась...

Щука была огромная. Прохоръ Силантычъ собралъ свои удочки, съѣлъ въ челночокъ и переплылъ на мою сторону.

— Челнокъ-то я здѣсь въ кустахъ пристрою, потому завтрашняго числа опять сюда съ жерлицами приду,—заговорилъ онъ, прикрѣпляя челнокъ къ кусту:—а щучку я къ вамъ во дворъ снесу.

— Спасибо,—отвѣчалъ я:—у насъ щукъ не ѣдятъ.

— Ну?!—воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.—Зачѣмъ же я старался-то? Вѣдь я вашу барыню убоготорить хотѣлъ.

— Спасибо, Прохоръ Силантъичъ.

— Ну, такъ я Лизаветѣ Павловнѣ снесу, учительница тутъ у насъ, милый очень она человѣкъ, такъ я къ ней. Она либо сама скушаетъ, либо ребятамъ своимъ стравить. Баринъ тутъ у насъ есть, дворянскій производитель, Владиміръ Карлычъ, вотъ онъ велитъ сейчасъ по нашей окружности набрать ребятъ и сейчасъ ихъ къ себѣ въ училище, а ужъ Лизавета Павловна тамъ орудуетъ. Обучить ихъ всему, обломаетъ паршишку какъ слѣдуетъ, начальство со священниками изъ городу пріѣдетъ, прослушаетъ, какъ что должно, и сейчасъ, которые ежли хорошо обучались, похвальные листы даютъ. Чудесно! Иная мать опосля своего сына-то стыдится, потому народъ темный, а тотъ, какъ откроетъ книжку, да какъ пойдетъ помахивать, только держись! Вотъ ежли бы кабаки въ нашей сторонѣ маленько сократить...

Мы вошли въ село. Щука, перекинута на поясъ за плечи, занимала своей длиной всю спину Прохора Силантъича.

— Щука! Щука!—закричали, обступая насъ, желтоголовые мальчишки.

Выскочила изъ избы старуха съ ухватомъ, потрогала щуку и ушла. Подошелъ съдой, какъ лунь, старикъ, подоспѣла красноносая бабенка, потомъ почти все село, такъ какъ день былъ праздничный, высыпало на улицу...

— Петровна, а ужъ ты, для праздника-то, опять носъ-то раскрасила,—замѣтилъ Прохоръ Силантъичъ красноносою бабенкѣ...

— Не осуди,—отвѣтила она, прикрывая носъ передникомъ.

Мы съли отдохнуть на заваленкѣ.

— Куда-жь ты теперь се опредѣлишь? — спрашиваетъ Прохора Силантъевича молодой парень. Ежели ее теперь въ городъ везти — не стоитъ, а по здѣшнему мѣсту — что тебѣ за псе дадутъ...

— Ее теперича посолить ежли...—замѣчаетъ другой.

— Первый сортъ! — поддакиваетъ третій.—Посолить и сейчасъ... На что лучше! Рыбина старая все одно—щепка...

— Прохоръ Силантычъ, я тебѣ вотъ что скажу,—вмѣшался опять молодой парень:—ты ее къ жиду тащи!.. Мыловарь этотъ... арендатель. Такъ щукъ обожаютъ—страсти!

Совѣтовъ преподано было много, но ни одинъ изъ нихъ не былъ принятъ, потому что Прохоръ Силантычъ твердо рѣшилъ нести свою добычу къ столу милаго человѣка, Елизаветы Павловны.

— Такъ что-жъ, сударь, вечеромъ на мельницу за налимами угодно? — обратился онъ ко мнѣ, снова закидывая щуку за плечи.

— Далеко: лучше на тетеревей...

— И это чудесно! У священника я гарантасикъ выпрошу, а Васютка племянникъ за вами пріѣдетъ.

Мы согласились.

— А что, осмѣлюсь я васъ спросить,—началь, подходя ко мнѣ, солидный, съ окладистой черной бородой мужикъ:—вамъ пушки не требуются?

— Какія пушки?

— Пушка у насъ есть... настоящая... непріятельская... нодъ Бородинымъ мы ее выпахали. Фельшеръ нашъ въ свои минины, въ Петровъ день, стрѣлялъ—одобряетъ.

— Много въ тѣ поры пушекъ было... Аѣ, много!..—замѣчаетъ низенькій старичокъ.

— А ты помнишь войну-то?

— Махонькій былъ, а помню. Сгоняли въ тѣ поры всѣхъ тѣла убирать, такъ я батюшкѣ хлѣбъ туда на поле носилъ. Черный народъ эти французы... низкій... Противъ нашихъ далеко... Паши всѣ высокіе, а они низменные,—отвѣтилъ, покашливая, старичокъ.

Пушка оказалась дѣйствительно французская, очень небольшая, похожая на тѣ пушки, изъ которыхъ въ прежнее время въ своихъ усадьбахъ въ высокаторжественные дни налили російскіе помѣщики.

Батюшкинъ гарантасъ, на которомъ пріѣхалъ за мной племянникъ Васютка, оказался очень удобнымъ. Такіе гарантасики уже теперь повывелись и ихъ можно встрѣтить только или у какого-либо сельскаго батюшки, или въ заколочномъ сараѣ покинушаго свое имѣніе помѣщика. Онъ прежде былъ устроенъ для проселочныхъ дорогъ, а на большихъ никогда и не показывался. Батюшки изрѣдка, по

консистерской надобности, въѣзжали въ нихъ въ Москву и то къ консисторіи въ нихъ не подѣзжали, а оставляли ихъ на постояломъ дворѣ у той заставы, въ которую въѣжали. Такъ поступали они страха ради секретарскаго: пожалуй, увидить да скажетъ: «отецъ Розовъ тарантасикъ ужъ имѣть а консисторію посѣщаетъ лѣбно».

Племянникъ Васютка, мальчикъ лѣтъ 14, бодро сидѣлъ на козлахъ, какъ заправскій кучеръ. Поѣхали.

— Грамотѣ умѣешь?—обращаюсь я къ нему.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчаетъ онъ нѣжнымъ, ласковымъ тономъ.

— Отчего же?

— Да какъ вамъ доложить? Самъ не знаю!

— Что-жъ ты не учишься?

— Сирота я... дядя не желаетъ.

— Прохоръ Силантычъ?

— Нѣтъ, другой, Потапъ Силантьевичъ. Тотъ-то меня ужъ давно бы произвелъ. Ежели, говорить, тебѣ въ ученье отдать, ты забалуешься. Опять же, говорить, въ нашемъ роду никто грамотѣ не умѣлъ, а богатой рукой всѣ жили.

— А онъ богатый?

— Знамо, богатый: въ городу двѣ лавки у него. Въ лавку тоже не пушаютъ—воровать, говорить, обучишься.

— А учиться хочется?

— Само собой, кто грамотѣ умѣть... Какъ же!..

— Что-жъ ты дѣлаешь въ деревнѣ-то?

— Да что... обнаковенно...

— Рыбу съ дядей ловишь?

— Ловлю... за пчелами съ нимъ... Ну, въ лѣсъ когда пошлетъ... Птиць я очинно люблю!—воскликнулъ онъ вдругъ съ живостью.

— Птиць любишь?!

— У меня четыре скворешника да десять паръ турмановъ. Дядя это мнѣ не препятствуетъ, только чтобы я въ училище не просился.

Разговоръ нашъ продолжался да самага села.

Прохоръ Силантычъ встрѣтилъ меня у своей избы, обнесенный съ одной стороны довольно обширнымъ палисадникомъ, тынъ котораго весь сплошь былъ покрытъ рыболовными сѣтями; а изъ-за него, вдали, во все лицо, глядѣли подсолнухи.

— Милости просимъ, дорогой мой гость! Спасибо, что мной не побрезговалъ. Я ужъ, грѣшный человѣкъ, поду-

маль: не прїдетъ, думаю... да такъ маленько и огорчаться сталь... Гляжу по дорогѣ—нѣтъ! А ты, Васютка, значить, въ бродъ ѣхаль?

— Въ бродъ,—отвѣчалъ Васютка.

— Растерзать тебя за это мало!—шутя продолжалъ Прохоръ Силантычъ.—Влопался бы тамъ—и барина-то бы выкупаль, да и батюшка за тарантасикъ-то насъ съ тобой бы не похвалилъ.

Мы вошли въ обширную избу. Меня поразила прежде всего чистота и опрятность, которую рѣдко можно встрѣтить въ избѣ, даже у очень богатаго крестьянина. Столъ былъ накрытъ бѣлой скатертью, стояла на немъ бутылка паливки, сотовый медъ, нарѣзанный кусками ситчикъ и огромный жареный лещъ. Жена, еще очень молодая женщнна, внесла самоваръ. Мы сѣли и повели бесѣду.

— Вотъ племянникъ-то учиться жelaеть,—началъ я.

— Я не препятствую, да вотъ старшій-то братъ не жelaеть. Бездѣтный онъ—и жалко. Пущай, говорить, въ деревнѣ хорошенько выходится, за свое дѣло его посажу, а въ ихнемъ дѣлѣ грамоты не требуется.

— Балуютъ, сударь, они въ училищѣ-то,—вмѣшивается хозяйка:—такіе сорванцы—не приведи Богъ!

— За это ихняго брата и за вихры можно, что ты пустое говоришь,—возражаетъ хозяинъ:—а, главная причина, точно, что теперича безъ науки нельзя. При господахъ, дѣйствительно, этого не требовалось: баринъ за тебя, бывало все сдѣлаеть: и подушные за тебя заплатить, и въ солдаты отдать, а нынче ты самъ на своихъ ногахъ стой, да думай какъ тебѣ лучше. А братъ именно ту причину пригоняеть, что безъ грамоты онъ бойчѣй торговать будетъ. Я не знаю... его дѣло... онъ старшій... Я до него не касаюсь.

Послѣ чаю мы отправились на тетеревой. Путь нашъ лежалъ черезъ Бородинское поле, на которомъ я никогда не бывалъ.

— Большой ты, Прохоръ Силантычъ, охотникъ,—началъ я дорогой.

— Довольно хорошо, сударь,—двухъ работниковъ нанимаю, не могу самъ управиться. У меня это, какъ весной ледъ пройдетъ, такъ мнѣ жена на глаза не показывайся, такъ бы вотъ и жилъ на рѣкѣ. Люблю, надо правду говорить. Да вѣдь какіе со мной случаи бывали. Раза два тонулъ, со льдины разъ сорвался—шесть недѣль вылежалъ... И все это мнѣ ничего!..

Мы ѣхали по чистому полю, вдали показалась роща, изъ-за которой сіялъ золотой крестъ.

— Тамъ, значить, гдѣ крестъ-то — Бородинское поле... памятникъ, значить. А вотъ это самое село. Вотъ церква-то бѣленькая. Какъ въ тѣ поры въ кунполь ядро ударило... такъ его и не задѣлываютъ. Извольте смотрѣть!..

Во главѣ дѣйствительно отверстіе, пробитое ядромъ. Невольное, подавляющее чувство благоговѣнія овладѣваетъ душою, когда подѣвжаешь къ памятнику. Старый инвалидъ огнеръ рѣшетку.

— А вотъ тутъ генераль Баграціонъ лежитъ, — заговорилъ онъ, подводя меня къ надгробному памятнику бородинскаго героя. — Вотъ онъ, батюшка... тутъ онъ и лежитъ. А вотъ пожалуйста сюда...

Мы сошли съ кургана и повернули вправо, въ небольшую рощу.

— Вотъ это братская могила. Вотъ она-съ!.. Тутъ всѣ и лежатъ. Наполеонъ вонъ отсюда забиралъ, а наши здѣсь стояли. Да-съ!.. Пожалуйте въ домъ, тамъ въ книжкѣ всему описаніе есть.

Въ небольшомъ, одноэтажномъ, расположенномъ противъ памятника домикѣ, живутъ два очень старые инвалида. Они не были участниками бородинскаго боя. На рукахъ у нихъ находится книга для посѣтителей, учрежденная послѣ большихъ маневровъ 1839 года.

Многіе участники бородинскаго боя и простые посѣтители занесли въ нее свои имена. Дѣлаю нѣкоторыя выписки:

«Корпуса жандармовъ подполковникъ баронъ Тизенгаузенъ, временной комендантъ г. Можайска, съ благоговѣніемъ видѣлъ мѣста, гдѣ за 27 лѣтъ назадъ генераль К. П. Бистромъ съ храбрыми гвардейскими егерями оказалъ чудеса храбрости.

Участвовавшій въ сраженіи 1812 г. муромскаго пѣхотнаго полка капитанъ Илья Прокофьевъ Шишкинъ осматривалъ монументъ 9-го сентября 1839.

Былъ въ сраженіи августа 26-го дня на главной батарее, гдѣ поставленъ памятникъ, прапорщикъ Борисъ Петровъ сынъ Петровъ на ту пору еще рядовымъ имѣю сильную контузію лѣваго плеча. Жительство имѣю въ г. Можайскѣ.

Воронежскаго гарнизоннаго батальона майоръ Константи-

повъ съ партією кантонистовъ 464 человекъ состоящего посѣтилъ памятникъ февраля 1 дня 1840.

Можайскій уѣздный врачъ имѣлъ счастье быть на незабвенныхъ поляхъ бородинскихъ и воздвигнутаго памятника.

Надежда Аристова, какъ патриотка, должна была воздать славу Всевышнему и подивиться славѣ русскихъ.

Памятникъ Бородина въ первый разъ въ жизни своей привѣтствовалъ дворянинъ Антонъ Яниславскій.

Пятеро русскихъ съ благоговѣніемъ смотрѣли на памятникъ памятный всей Европѣ.

Съ благоговѣніемъ поклонился мѣсту славы любезнѣйшаго отечества губернский секретарь П. вмѣстѣ съ возлюбленною своею невѣстою, дочерью полковника Б.

Смотрѣлъ и удивлялся. А. П.»

И т. п.

IV.

Уѣздный городъ.

Нашъ уѣздный городъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ уѣздныхъ городовъ срединной полосы русскаго государства; но едва ли гдѣ есть другой городъ, въ которомъ бы лѣтомъ было такъ жарко и пыльно, осенью такъ дождливо и грязно, зимой такъ сугробисто,—гдѣ бы мостовыя съ такой тщательностью и стараніемъ были приспособлены для прикусыванія языковъ и переламыванія реберъ, какъ въ нашемъ городѣ. Жителей въ немъ, по арсеньевской географіи, изд. 1842 года, значилось восемь тысячъ. Въ продолженіе сорока лѣтъ, разумѣется, эта цифра значительно увеличилась, но людей на улицѣ совсѣмъ не видать. Между тѣмъ въ городѣ все есть, чему быть надлежитъ: и городское училище, и полицейское управленіе, и почтовая контора, и телеграфъ, и чугушка подъ бокомъ. Гдѣ же люди? Вѣдь ходитъ же кто-нибудь въ училище?.. Ну, положимъ, оно лѣтомъ закрыто. А на телеграфъ-то непремѣнно надо ходить... Ну, если не на телеграфъ, то ужъ

съ почтой то надо имѣть сношеніе? Ни у одного изъ этихъ учрежденій не видать ни души. Даже у полицейскаго управленія, которое обязательно должны посѣщать обыватели, влекомые туда или собственной надобностью, или стараніемъ полицейской власти, — и у того каменное крыльцо поросло травой, и если бы не рваный городовой, свертывающій изъ клочка рѣшеной полицейской бумаги папирску, можно было бы подумать, что и полиціи въ городѣ не существуетъ.

— Арестанты есть? — спрашиваетъ его проѣзжающій мимо въ бѣговыхъ дрожкахъ писмоводитель исправника.

— Удавимши тутъ одинъ... привезли, ваше благородіе, а арестанты всѣ снушены, — отвѣчаетъ съ расторопностью городовой.

— Если Иванъ Ѳомичъ спросить, такъ я тамъ буду... знаешь, на базарѣ.

— Знаю, ваше благородіе.

— Летомъ тогда за мной!

— Слушаю, ваше б-діе.

Да не на базарѣ ли городское-то движеніе? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ представить себѣ городъ безъ жителей.

Слѣдую за дрожками. Они повернули налево. Иду по тому же направленію. Дрожки остановились у аптеки. Сравнялся съ ними. Секретарь заходилъ за бумагой для истребленія мухъ. Аптекарь Беккеръ выходитъ съ нимъ на крыльцо и даетъ ему наставленіе, какимъ способомъ уловлять мухъ на эту бумагу. Дрожки снова тронулись, повернули въ переулокъ, я за ними... Вотъ и базаръ!

Довольно обширная площадь, вымощенная разбитымъ булыжникомъ, острыми краями котораго сопротивляться могутъ только мужицкіе сапоги съ гвоздями: всякая другая обувь, особенно женская, дѣлается черезъ полчаса негодной къ употребленію, даже лапти и тѣ страдаютъ. Посреди площади выкрашенный желтой краской гостинный дворъ, одинаковой архитектуры со всѣми гостинными дворами русскихъ уѣздныхъ городовъ. Такъ что, если бы смѣщать всѣ уѣздные гостинные дворы и велѣть ихъ снова поставить на свои мѣста, то муромскій гостинный дворъ попалъ бы въ Можайскъ, а можайскій въ Угличъ и т. д. Тѣ же самые товары, тѣ же самыя вывѣски, даже запахи въ гостинныхъ дворахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на сотни верстъ, совершенно одинаковъ. Какъ въ муромскомъ гостинномъ дворѣ отдаетъ соленой рыбой и дегтемъ, такъ и въ углицкомъ такъ и въ Сергіевскомъ посадѣ. Стоя въ лавкѣ му-

ромскаго гостиннаго двора, очень легко вообразить, что находишься въ городѣ Кашинѣ или Звенигородѣ.

Въ домахъ, окружающихъ гостинный дворъ, помѣщаются магазины и трактиры. На одной, совершенно полинявшей отъ времени вывѣскѣ, значится: «Въ новъ открытая белая харчевня Русскій пиръ». На другой: «Трактиръ Константинъ Нополь». На третьей: «Ресторанъ-буфетъ Нѣаноль» и т. д. «Ренсковый погребъ собственнаго разлива». Магазины деликатесовъ и гастрономии тоже имѣютъ соответствующія ихъ товарамъ вывѣски. Напр., «Магазинъ московскихъ деликатесовъ и гастрономическихъ припасовъ». «С.-Петербургскій колоніально-бакалейный магазинъ съ продажью всехъ предмѣтовъ химической лабораторіи и прочаго». «Magazin mode rob Moscou» и т. д.

Захожу въ колоніальный магазинъ. Ничего! Магазинъ какъ магазинъ. За прилавкомъ стоитъ хозяинъ съ усами, въ московскомъ картузѣ съ суконнымъ козырькомъ, въ бѣлой коломянковой жакеткѣ.

— Позвольте мнѣ папирсъ,—обращаюсь къ нему.

— Какихъ прикажете?—спрашиваетъ онъ тѣмъ особеннымъ, изысканнымъ тономъ, который слышится почти во всѣхъ колоніальныхъ лавкахъ и въ московскихъ, и въ Петербургѣ въ милютинскихъ, и въ Казани, и въ Касимовѣ, и въ Саратовѣ. Этотъ тонъ и вообще эту словесность можно называть коммерческими. Вѣдь существуетъ же особенный коммерческій почеркъ, которымъ только пишутъ въ купеческихъ конторахъ.

— Бостанжогло.

— Бостанжогло у насъ нѣтъ. А не угодно ли вамъ будетъ получить нашей выписки—Шалшаль?

— Шалшаль я не курю, не нравятся.

— А многіе восхищаются!—У насъ требованіе на нихъ большое. Такъ не прикажете ли Габай и Мичри нашего заказа, а то шоколадныя имперіаль?

— Это можно.

— Листархъ, папирсы Габай и Мичри вчерашняго полученія. Изъ другихъ элементовъ ничего не желаете?

— Нѣтъ.

— Просимъ милости всегда, если будете имѣть касательство до нашей спеціальности.

— Благодарю васъ.

Захожу въ ренсковый погребъ. На полкахъ стоитъ и лежить въ бутылкахъ «собственный разливъ». Страшно

дѣлается! Что-то зловѣщее въ этомъ разливѣ! Какихъ, какихъ жидкихъ фабрикатовъ не нацѣжено въ эти «элементы». Какой сильный токъ пройдетъ по нервамъ потребителя и разрядится въ кишкахъ его отъ неосторожнаго къ нимъ прикосновенія. При входѣ моемъ прикасался къ элементу съ хересомъ письмоводитель исправника. «Несчастный,— подумалъ я:—какія предстоятъ тебѣ мученія!..»

— Этотъ помягче будетъ,—говоритъ онъ приказчику:—а третьяго дня, вѣрите ли, Василій Ивановичъ, всю внутренность сожгло.

— Мудренаго нѣтъ,—отвѣчаетъ ласково приказчикъ:—не та бутылка попалась, спирту, должно-быть, перепущено.

— Ужъ я не знаю тамъ что, только, по утру, руки трясутся, а тутъ привели двоихъ арестантовъ...

— Ну такъ, теперича вѣрно. Это который хересь для подрядчика слѣдуетъ—вамъ отпустили. Хересь онъ дивный, только къ нему надо приспособиться.

— Да этотъ много мягче... сравненія нѣтъ.

— Домой не прикажете завернуть бутылочку?

— Что-жъ, давай.

Я выпилъ сельтерской воды и вышелъ. На площади движеніе. Ходятъ мужики, чиновники, купецъ проѣхалъ въ пролеткѣ на сѣрой лошади, отецъ протоіерей въ камлавкѣ прошелъ въ колониальный магазинъ; изъ магазина Mode gov вышла очень, даже очень миловидная барыня съ собачкой, къ ней подошелъ армейскій офицеръ, она ему любезно раскланялась, подала руку и сказала:—«пріѣзжайте къ намъ вечеромъ въ деревню винтить». Тучный исправникъ ѣдетъ, купцы ему кланяются, телеграфистъ останавливаетъ его и подаетъ ему депешу, тотъ, сидя въ дрожкахъ, прочиталъ ее, пожалъ плечами и произнесъ вслухъ: «что-жъ я могу сдѣлать?!» Увидавши барыню, онъ поспѣшно вышелъ изъ экипажа, съ ловкостью совершенно военнаго человѣка, несмотря на свою тучность, подбѣжалъ къ ней, снялъ фуражку, весьма почтительно поцѣловалъ у нея руку, а та коснулась губами его пухлой румяной щеки.

— Вы, кажется, чѣмъ-то взволнованы, Иванъ Омичъ,— обратилась она къ нему.

— Помилуйте, ваше превосходительство, совершенно потерялъ голову! Вотъ извольте видѣть, ваше превосходительство, какую получилъ телеграмму: «По линіи желѣзной дороги горитъ лѣсъ. Пожаръ угрожаетъ Ивашкинской стан-

ци. Просятъ немедленно помощи». А съ чѣмъ я поѣду? Двѣ трубы только и то одна безъ рукава!

— Какъ безъ рукава?—съ недоумѣніемъ спросила генеральша...

— Т. е., попросту сказать: безъ кишки.—Генеральша и этого не поняла и съ большимъ недоумѣніемъ посмотрѣла ему въ глаза.

Исправникъ продолжалъ:

— Ну что я теперь буду дѣлать? Вѣдь нельзя же городъ оставить безъ пожарныхъ инструментовъ. Ну, вдругъ, сохрани Богъ...

— Да, при нынѣшнемъ жаркомъ времени, — произнесъ подошедшій отецъ протоіерей:—весьма и весьма надо быть бдительнымъ относительно огня. Сухо, жарко. Геомюръ показываетъ двадцать семь градусовъ.

— Какое же теперича ваше распоряженіе будетъ, Иванъ Ѳомичъ, — вмѣшивается въ разговоръ хозяинъ колоніальнаго магазина.

— Какое распоряженіе, я ужъ и не знаю! Надо ѣхать...

— Если вы уѣдете, мы, торгунце, въ большой будемъ опасности находиться. Я, напримѣръ, теперича, гласный и, значить...

— Ахъ, вы гласный! Что вы пожарный обозъ-то мнѣ не укомплектуете?..—сказалъ съ сердцемъ Иванъ Ѳомичъ:—ну, что мнѣ теперь дѣлать?

Бакалейщикъ обидѣлся.

— Помилуйте, Иванъ Ѳомичъ, это до насъ не касается... Ежели, теперича, управа... Я всегда говорю... И Ильѣ Петровичу докладывалъ... Вѣдь мы что же? Намъ, теперича, говорятъ: господа гласные... Я такъ къ примѣру говорю, ну и мы... конечно... А я Ильѣ Петровичу именно докладывалъ!..

— Докладывали вы! — прервалъ его Иванъ Ѳомичъ.—Честь имѣю кланяться, ваше превосходительство. А его превосходительство?

— Его министръ въ Петербургъ вызвалъ. Опять тамъ у нихъ какіе-то вопросы разрѣшать надо... не знаю...

Группа вся разошлась. Отецъ протоіерей понесъ домой купленный чай, генеральша сѣла въ шарабанъ, городничій поскакалъ въ полицейское управленіе, а гласный отошелъ къ своему магазину и составилъ новую группу изъ сосѣднихъ торговцевъ и приказчиковъ.

— Смѣшно даже слушать! — началъ онъ, обращаясь къ

группѣ. — Городъ оставить въ нынѣшней опасности! Я, какъ гласный, именно говорю...

— Какъ, теперича, возможно,—подакиваетъ ему продавецъ московскихъ деликатесовъ:—трубы городъ для себя имѣть.

— А они, теперича, Иванъ Ѳомичъ, даже при генеральшѣ меня оконфузили. Меня всѣмъ обществомъ vybrали! Я говорю: какое ваше распоряженіе будетъ... какъ есть я гласный, а они, какъ бы, словно, обидѣлись и даже... вниманія не хотѣли имѣть...

— А, сохрани Богъ, загорится... Слизнетъ городъ-то такъ, что его и не увидишь.

— Да вѣдь, Назаръ Мартынычъ, и я къ тому же. Я долженъ былъ имъ свои слова сказать. Коли бы, ежели я не былъ гласнымъ, а то общество, можно сказать, съ полнымъ довѣріемъ... А ежели я при полномъ нашемъ засѣданіи скажу, что я докладывалъ г. исправнику... Что тогда? Они еще моего характеру не знаютъ! Общество даже можетъ телеграмму къ губернатору, какіе исправникъ поступки дѣлаетъ!..

— А можетъ еще и не поѣдетъ...

— Коли ежели такъ, намъ, гласнымъ, да и вамъ, обывателямъ, самимъ придется съ ведрами у воротъ сидѣть. Ну, и будемъ сидѣть!.. — горячился гласный: — багры въ руки возьмемъ и лавки закроемъ... Пущай потребитель остается безъ жизненныхъ предметовъ...

— Чужую крышу кроетъ, а своя течетъ,—подакивали ему обыватели.

Пока обыватели, подъ предсѣдательствомъ гласнаго, обсуживали дѣйствія г. исправника, Ивашкинская станція была ужъ вся въ огнѣ и помощь исправника была бесполезна, хотя онъ и выѣхалъ съ двумя спринцовками и тремя бочками на главную станцію желѣзной дороги.

Итакъ, жители-то въ городѣ отыскались, даже и особы есть, которыхъ министръ къ себѣ вызываетъ, и купцы есть, и гласные есть, стало быть, городъ какъ быть слѣдуетъ.

На-дняхъ городъ нашъ оживился. Движеніе на всѣхъ улицахъ, во всѣхъ переулкахъ. Петровская ярмарка. Базарная площадь кишитъ народомъ. Товару «мужику нужнаго» навезено много: горшки, грабли, косы, сухой судакъ, хомуты, оглобли, лопаты, вообще предметы первой мужицкой

необходимости. Московскіе торговцы разбили палатки съ краснымъ и суровскимъ товаромъ и галантереей. Торгуютъ бойко.

На улицѣ, въ трактирахъ, въ харчевняхъ, въ питейныхъ домахъ стоить стоить. Кричатъ, спорятъ, цѣлуются, поютъ, вонъ подрались трое, вонъ одинъ женѣ ухо укусилъ...

— Не я пью — горе мое пьетъ... Горе мое горецкое! — декламируетъ съ пафосомъ хохлатый, съ растегнутымъ воротомъ, босой мужиченко, стоя на порогѣ бѣлой харчевни.

— Какое твое горе?

— Горе? Хуже быть невозможно: погорѣлъ! По той причинѣ, были всѣ выпимши... Вишь ты! Но только, между прочимъ...

— Я къ тому, главная причина, — понимать, моей души никто не можетъ, какая есть она у меня душа. Вотъ что! — бормочетъ другой.

— Въ кабакъ вся ваша душа-то мужицкая! — рѣзко замѣчаетъ толстая лавочница.

— Напрасно! Матушка, Прасковья Петровна! Ты, голубушка, за нашей душой въ кабакъ не ходи, вотъ я тебѣ что скажу! Въ кабакъ мы только блажимъ, а душа наша у насъ въ грудяхъ заросла... не доберешься ты даже... Поднеси стаканчикъ, вотъ я тебѣ и покажу свою душу...

— Подобно мы теперича, какъ бы, напимѣрь, пчелы къ колодкѣ, такъ и мы къ кабаку. Такъ что ли? Они со сластью, а мы за сластью...

— Умница, поди, я настоящій покажу, коли этотъ не ндравится, — зазываетъ приказчикъ молодую щеголеватую одѣтую крестьянку: — вѣдь мы видимъ, что тебѣ надобно-то. Другой которой того не покажемъ. Вотъ смотри товаръ! Ужъ что мило будетъ такъ мило!.. Смотри! — И онъ вертитъ передъ ея глазами полотнище красного ситца... Женщина что-то ему сказала.

— Какой же онъ линючій?.. Вѣдь онъ сквозь галандру пропущенъ, должна ты это понимать! Вѣдь я полагаля, что ты съ понятіемъ, оттого такой тебѣ и товаръ показываль. Товару-то этому не въ этомъ бы городѣ быть...

— Что, мамаша, покупаете? — обращается другой приказчикъ къ какой-то городской обывательницѣ.

— Да ты помѣрай, денегъ я съ тебя за это не возьму, — кричитъ третій, нахлобучивая силой на парня картузь. — Иди теперича куда хошь, хошь на бульваръ, хошь на гулянье...

— Да коли ежели онъ не лѣзеть,—возражаетъ парень.

— Какъ же онъ не лѣзеть, милая душа, вѣдь это мнѣние твое пустое!..

— Мавруха,—вдругъ во всю глотку закричалъ рыжій большой мужикъ:—другой-то сапогъ у тебя, что ли?

— Нѣтути,—отвѣчаетъ...

— Идѣжь онъ? Голубчики! Новый сапогъ... четыре рубля...—взвыль мужикъ.

— А ты не зѣвай,—замѣчаетъ ему урядникъ.

— Тѣлохранитель ты нашъ, батюшка. Что-жь я теперь съ однимъ сапогомъ дѣлать буду?..

Сцены продолжаютъ все въ томъ же родѣ.

На лавочкѣ у ресторана-буфета «Нѣаполь» сидитъ довольно пожилой человѣкъ, плѣшивый, слѣпой, съ большими сѣрыми усами, въ изношенной до-нельзя синей венгеркѣ, обхваченной по талин узенькимъ ремешкомъ; рядомъ съ нимъ, въ плисовой, порыжѣвшей курточкѣ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Мальчикъ держитъ въ рукахъ торбанъ. Торбанъ — музыкальный инструментъ, по конструкціи очень схожій съ мандолиной, только гораздо больше ея и съ большимъ количествомъ струнъ *). Сидятъ они очень скромно, не обращая никакого вниманія на суету ярмарочной толпы. Старикъ изрѣдка беретъ инструментъ, пробуетъ ощупью колки, проводитъ пальцами по струнамъ и опять отдастъ мальчику. Изъ растворенныхъ оконъ бѣлой харчевни слышится нескладное пѣніе расхолодившагося мѣщанина или, какъ ихъ здѣсь называютъ, гражданчика:

Я въ Москвѣ у васъ бывалъ,
Енераловъ всѣхъ знавалъ,
Енераловъ и судей,
И всѣхъ прочихъ людей.

Изъ ресторана-буфета несутся звуки арфы. Дикіе, пестрые крики цыганскаго табора, расположившагося въ трактирѣ «Константинополь», начинаютъ старика оживлять. Прежде онъ сидѣлъ сосредоточенно.

То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія бѣлыя очи.

По когда хоръ грянуль:

Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза,
Изъ-подъ вязава коренья,

*) Бываетъ торбанъ въ двадцать восемь струнъ и въ сорокъ двѣ струны.

онъ приподнялся, расправилъ рукой усы и сталъ въ позу.
Мой батюшка во хмѣлю,
А матушка во пиру,
продолжали цыгане.

Сестра въ терему,
Та не скажетъ никому,

подхватилъ онъ, притопнувъ ногою, и сѣлъ.

— Поютъ чудесно! Сдѣлалъ бы... кабы зрѣніе! Остались бы довольны,—проговорилъ онъ со вздохомъ.

— Берегись!.. Берегись! Да берегись, чортъ! — кричалъ кучеръ, проникая сквозь толпу въ какомъ-то допотопномъ шарабанѣ, запряженномъ въ пару лошадей.

— Кнутомъ его, каналью,—внушительно закричалъ сидѣвшій въ шарабанѣ баринъ.

Толпа то разступалась, то опять сходилась, кучеръ и баринъ продолжали кричать. Это прѣхалъ на ярмарку дворянинъ Комягинъ. Прежде онъ былъ богатый помѣщикъ, теперь онъ такъ... живетъ у себя въ маленькой усадьбѣ, никакихъ общественныхъ должностей не занимаетъ, ему шестьдесятъ пять лѣтъ, морщины, которыми избороздила лицо его бурная жизнь, примазываетъ бѣлилами и румянами, волосы на головѣ и усахъ чернѣе смолы, потому что онъ, по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, примачиваетъ ихъ какимъ-то липкимъ растворомъ, онъ былъ красавецъ, и теперь, несмотря на преклонныя лѣта, смотритъ молодцомъ и пользуется прѣтущимъ здоровьемъ, зовутъ его Иванъ Ильичъ. Въ полку онъ былъ ремонтеромъ, разъѣзжалъ по всѣмъ лошадинымъ ярмаркамъ, отлично игралъ на гитарѣ, счастливо игралъ въ карты, нилъ все, имѣлъ нѣсколько романовъ, изъ которыхъ одинъ очень скверный: онъ былъ причиною смерти одной очень талантливой провинціальной актрисы, которая застрѣлилась въ его квартирѣ изъ его же пистолета, оставивъ ему въ наслѣдство двухлѣтняго ребенка. Иванъ Ильичъ отдалъ этого ребенка на попеченіе одной бѣдной женщины и совершенно спокойно забылъ о его существованіи. Въ продолженіе тридцатилѣтней войны на полѣ жизни, при постоянныхъ стычкахъ съ пьянствомъ и съ оргіями, не раненъ ни катаромъ, ни подагрой, вышелъ въ отставку такимъ же здоровымъ, какимъ вышелъ изъ чрева матери. Проживъ собственное состояніе, состояніе, оставшееся послѣ смерти жены, и еще нѣсколько мелкихъ состояній, достававшихся ему по наслѣдству отъ родственниковъ, онъ сохранилъ себѣ маленькую усадьбную

осѣдность и прозябаетъ въ ней въ сожителствѣ съ какой-то Елизаветой Петровной, которой никто въ уѣздѣ никогда не видалъ, хотя всѣ знаютъ, что есть какая-то Елизавета Петровна, у которой Иванъ Ильичъ находился подъ пятою. На какія средства онъ живетъ—неизвѣстно. Наши уѣздныя сплетницы говорятъ, что Елизавета Петровна женщина со средствами, что она не хороша собою, какъ смертный грѣхъ, что она не прочь вышить на воздухъ рюмочку-другую бѣлаго портвейну и т. п. Но все это вздоръ! Елизавета Петровна прекрасная женщина. Объ ней впереди будетъ мое слово.

Наконецъ шарабанъ Комягина кое-какъ протискался сквозь шумѣвшую толпу и остановился у крыльца ресторана-буфета «Нѣаполь». Этотъ ресторанъ посѣщается только уѣздной интеллигенціей—помѣщиками, чиновниками, наѣзжими офицерами; простой смертный, такъ называемый «суконное рыло», туда не заглядываетъ, ему тамъ дѣлать печего, тамъ все на барскую ногу: вмѣсто половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ—служать лакеи въ невообразимо грязныхъ, засаленныхъ фракахъ; вмѣсто простоты и ласковаго обращенія, простой смертный встрѣчаетъ тамъ холодный пріемъ и между нимъ и лакеемъ тотчасъ возникаютъ натянутыя отношенія. Фракъ, какъ бы онъ грязенъ ни былъ, простой сибирскій всегда даетъ себя чувствовать.

— Необразованность! — говорить съ важностью фракъ сибирскій.

— Холуй несчастный! — говорить съ презрѣніемъ сибирка фраку.

Комягинъ вышелъ изъ шарабана и вступилъ на крыльцо.

— Что за чортъ! Да неужели это Порфирій?—произнесъ онъ, всматриваясь въ лицо торбаниста.—Да, конечно, Порфирій... Это ты?—обратился онъ къ нему.

— Лица вашего не вижу,—отвѣтилъ торбанистъ.

— Да тебя зовутъ—Порфирій?

— Такъ точно, Порфирій.

— А по голосу ты меня не узнаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Помнишь, въ Лебедяни, когда трактиръ горѣлъ.

— Иванъ Ильичъ?..

— Узналъ?

— Теперь узналъ, сударь... по голосу по вашему...

— Вѣдь я тебя, подлеца, лѣтъ тридцать не видалъ..
И ты все съ торбаномъ ходишь?

— Что дѣлать-то! Пить-ѣсть надо...

— А это мальчикъ кто?

— Покойницы дочери моей сынъ... По третьему годочку на рукахъ моихъ остался... Кабы не онъ, гдѣ бы нибудь меня, слѣпого человѣка, собаки растерзали... Тоже помогаешь мнѣ: плясать обучень.

— Откуда же ты теперь идешь?

— Въ Кременчугѣ два года въ больницѣ вылежалъ, пугреная болѣзнь была, теперь въ Нижній пробираемся...

— На какія же деньги ты идешь?

— Да, вотъ, гдѣ въ трактирѣ поиграешь, гдѣ на паперти въ праздничный день постоишь, гдѣ покойника производишь... Намъ не къ сѣху... дойдемъ.

— Ахъ, Порфирій, Порфирій!

— Богъ вотъ смерти не даетъ, а ужъ какъ измаялся... Думаешь такъ: прибери ты меня, Господи... Опять же зрѣнія никакого не имѣю.

— А давно глазъ лишился?

— Давно. Въ острогѣ долго сидѣлъ, въ острогѣ и ослѣпъ.

— Вѣдь тебя тогда въ Тамбовѣ посадили...

— Въ Тамбовѣ... это еще при васъ было... тогда по убойству, въ трактирѣ... изволите помнить... А то послѣ въ Коренной меня взяли да въ Курскъ. Въ Курскѣ я семь лѣтъ высидѣлъ...

— За что же?

— Купецъ одинъ фальшивую бумажку далъ... Богъ съ нимъ! Погубилъ меня напрасно. Много черезъ него тогда въ Сибирь пошло, меня только Богъ помиловалъ: въ подозрѣннн оставили.

Порфирій въ старые годы былъ знаменитый торбанистъ. Ни одна ярмарка не обходилась безъ его присутствія. Слава его гремѣла отъ Ирбита по всей Волгѣ, захватывала часть Оки, неслась отъ Тамбова на Воронежъ, проникала въ Курскъ, Полтаву, Кременчугъ и стихала гдѣ-то далеко на Украинѣ.

Уныло стоять заколоченныя лавки; тоскливо выглядываетъ деревянный театръ съ наклеенными на стѣнахъ въ прошлогоднюю ярмарку афишами; изъ-подъ булыжника пробилась трава на театральной площади; свалился подгнившій фонарный столбъ и растянулся во весь ростъ у театрального подъѣзда. Огромная лужа около торговыхъ ря-

довъ, остающаяся каждагодно послѣ весенней распутицы, начинаетъ подсыхать. Совсѣмъ вода изсякаетъ въ ней уже послѣ окончанія ярмарки. Но вотъ, мало-по-малу, начинается оживленіе: трактиры приводятъ себя въ порядокъ: оклеиваются обоями, отскребаютъ на лѣстницахъ прошлогоднюю окаменѣвшую грязь и т. п. Какъ грачъ, первый предвѣстникъ весны, въ городѣ появляется торбанистъ— первый предвѣстникъ ярмарки. Въ одно мгновеніе онъ обѣжалъ всѣ трактиры, сдѣлалъ визиты знакомымъ купцамъ и расположился съ своимъ торбаномъ въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ трактировъ. Вслѣдъ за нимъ движется фараоново племя, чуть ли не въ тѣхъ же самыхъ колесницахъ, въ которыхъ оно догоняло въ пустынѣ евреевъ. А вотъ и сами евреи запрыгали, какъ блохи, по улицамъ богоспасаемаго града. Затѣмъ показываются прибывающіе съ товарами купеческіе приказчики. Лавки постепенно расколачиваются и открываются. Спертымъ въ нихъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ затхлымъ воздухомъ обхватываетъ мимоходящаго. На фонарныхъ столбахъ, на заборахъ, на домахъ показались афиши:

«Съ дозволенія начальства.

«Прошу покорно обратить благосклонное вниманіе на мои почти пятилѣтніе въ семь городѣ заслуги, труды и хлопоты, удостоить нынѣшнею ярмарку своимъ полнымъ собраніемъ, это будетъ величайшею помощью мнѣ больному старику почтеннѣйшая публика не лишитъ же доброй надежды, а благодарность моя увянетъ только съ жизнію моею.

Антрепренеръ К. Зеленскій.

Въ первый разъ.

«Разбойники богемскихъ лѣсовъ

или

Паденіе фамиліи графовъ Мооръ».

Трагедія въ 5 дѣйств. сочиненіе знаменитаго въ свое время Шиллера».

Каждое дѣйствіе раздѣляется на нѣсколько картинъ. Такъ дѣйствіе 4-е озаглавлено такъ:

«Богиня голода

или

Мертвецъ съ того свѣта.

Гробовой голосъ изъ башни и разбойники».

«Въ непродолжительномъ времени. Братья Мальчугины, изъ коихъ одна сестра, будутъ имѣть честь дать концертъ

изъ повѣйшихъ и любимѣйшихъ русскихъ романсовъ, имѣвшихъ огромный успѣхъ на нижегородской ярмаркѣ и удостоившихъ подарка».

«Представленіе черной магіи Жанъ Мольдуано, чревъщатель его величества короля сардинскаго».

Ярмарка закипаетъ. Сѣзжаются купцы. Показались помѣщики, сверкають франты-ремонтёры, городской мостъ унижаетъ нищій братіей, каліками переходжими.

Городскія церкви съ соборнымъ причтомъ, съ образами и хоругвями, вышли крестнымъ ходомъ на городскую площадь и отслужили молебень. Полиціймейстеръ города торжественно поднялъ ярмарочный флагъ и поздравилъ купцовъ съ открытіемъ ярмарки.

Въ то блаженное время на сценѣ не было ни оперетокъ, ни куплетовъ, ни рассказчиковъ разныхъ сценъ — царил трагедія и водевиль, а оперетки, куплеты и рассказы замѣнялъ въ трактирѣ торбанъ, отчего хорошіе торбанисты, къ числу которыхъ принадлежалъ и Порфирій, были въ большой славѣ. Ни одна литература въ мірѣ не имѣетъ такого рода произведеній, которыми торбанисты услаждали слухъ своихъ почитателей. Это что-то чудовищное, безобразное, дикое, но вмѣстѣ съ тѣмъ образное, поэтическое, мѣстами доходящее до паэоса. Ошеломленный ярмарочнымъ хересомъ, мадерой, лиссабонскимъ или иной какой одуряющей жидкостью купецъ наслаждался пѣніемъ торбаниста въ такой же степени, какъ наслаждается любитель изящнаго аріей великой пѣвицы. Да и не одинъ купецъ: прежніе помѣщики и пріѣзжавшіе ремонтёры находили въ этомъ великое удовольствіе. Комягинъ былъ почти самъ торбанистъ, только клалъ свои персты не на торбанъ, а на гитару.

«Левъ вырвался изъ клѣтки, быкъ съ бойни сорвался!»

кричить купецъ, смотрѣвшій въ театрѣ драму Кукольника:

— Левъ я теперича! Быкъ, можно сказать, бодающій! Ежели меня теперича связать, я не дамся, а ублагоотворить меня можно. Семенычъ, сдѣлай ты мнѣ на своемъ струментѣ... знаешь...

Тирири, тирири,
Какъ въ городѣ Твери...

или вотъ эту:

Во лѣсу было лѣсу,
Во двѣнадцатомъ часу...

Порфирій бралъ торбанъ, расправлялъ усы и скверно-словилъ.

— Жизнь!—кричалъ обезумѣвшій купецъ.

— Самое-то это настоящее и есть! — подхватывали другіе.

Не моему слабому перу, да и красокъ у меня такихъ нѣтъ, изобразить прежнюю ярмарку, а для будущаго бытописателя это было бы весьма любопытно и поучительно.

— Ахъ, Порфирій, Порфирій,—повторялъ Комягинъ, и въ головѣ его тѣснился цѣлый рой воспоминаній молодости.

— Ступай за мной и рассказывай,—окончилъ онъ, направляясь въ ресторанъ.

Мальчикъ взялъ Порфирія подъ руку и повелъ его вслѣдъ за Комягинымъ.

V.

Жанъ Бургесъ.

И затерянный въ пародѣ
Вдругъ исчезъ Иванъ...
Какъ живешь ты на свободѣ?
Гдѣ ты? Эй, Иванъ!

Искрасовъ.

— Я здѣсь, сударь! Не прикажете ли что?—заговорилъ хриплымъ голосомъ, подходя ко мнѣ, въ какомъ-то странномъ костюмѣ, очень пожилой человекъ, съ бритой бородой, съ приподнятыми кверху взъерошенными усами...

«Что за странный костюмъ, что за странная фizioномія!.. кто же это?—думаю.—Да ужъ не одинъ ли это изъ оставшихся въ живыхъ крѣпостныхъ Ивановъ?»

Смотрю: пьянъ... Смотрю: въ ухѣ бѣлая серьга... Да, конечно, это—Иванъ! Вматриваюсь пристальнѣе:

Не прикрыты, голенищи
Рыжіе торчатъ.

Да и костюмъ-то чуть ли не тотъ же самый, въ которомъ онъ осынилъ себя крестнымъ знаменіемъ въ великій день освобожденія.

Вступаю съ нимъ въ разговоръ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Жанъ Бургесъ, сударь.

— Вы иностранецъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: бывшій господскій человѣкъ отставного надворнаго совѣтника и орденовъ кавалера Петра Осиповича Дубнина, доставшійся ему въ приданое за супругой его княжной Людмилой Владиміровной... А при покойномъ князѣ...

— Почему же у васъ фамилія иностранная?

— Такъ какъ покойница барыня завсегда изволили меня такъ называть, такъ я долженъ ихъ волю до гробовой доски... потому, какъ онѣ были мои благодѣтельницы — изъ петли меня приказали вынуть, не дали помереть безъ покаянія, опять же на поселенье хотѣли сослать и ужъ кандалы на руки наложили, да возсіяло солнце правды... на волю было приказано всѣхъ отпустить. Очень плакали и именно говорили, что безъ господъ намъ будетъ жить невозможно.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Все могу! По поварской части... Часы ежели — мое это дѣло. У священника вчера вычинилъ. А портной я природный: десять лѣтъ на Тверской у старика Бургеса на каткѣ сидѣлъ и даже не то что господамъ — покойницѣ барынѣ платья шилъ... Ружье починить могу. Вотъ извольте спросить Анаанья Михайловича, онъ знаетъ, — окончилъ онъ, указывая на стоявшаго тутъ же усадебнаго сторожа.

— Все это ты можешь, — подтвердилъ Анааній Михайловичъ: — золотыя у тебя руки; одно вотъ: не знаешь ты — на которомъ стаканѣ остановиться.

— Я знаю! Я очень хорошо это знаю, Анааній Михайловичъ, — возразилъ Бургесъ съ достоинствомъ.

— Шелъ бы ты спать... Дѣло-то лучше будетъ...

— Я, Анааній Михайловичъ, кажется, ничего такова вамъ не дѣлаю, ежели съ господиномъ разговариваю. Я завсегда при господахъ былъ: и за столомъ служивалъ, и въ камердинерской должности, и жокеемъ съ барыней ѣздилъ... Обращеніе, стало-быть, знаю... а поварскую часть... пять лѣтъ въ аглицкомъ клубѣ въ ученьи былъ.. И сервировку, и колеровку, и какъ подать, и насчетъ бланжиру... Ида-съ! Опять же консервы, ланшингъ... все прочее!.. Тортю, те-перича, маіонезъ соусъ пикантъ, барделезъ аля фушетъ, натурель съ гарниромъ... Субисъ!.. — окончилъ онъ, рассчитывая на полный эффектъ, на полное пораженіе Анаанія Михайловича. Но эффекта не произошло. Анааній Михайловичъ добродушно посмѣивался надъ его несвязной рѣчью. Бургеса это разсердило. Онъ поднялъ топь и продолжалъ.

— Не послѣдній я человекъ при господахъ-то былъ, можетъ, сами знаете. А вы ничтожный были. Я даже, такъ будемъ говорить, и въ передней-то васъ никогда не видывалъ, а мы завсегда у господъ на глазахъ: и рыбу съ барчатами ловилъ, и за утками... Бывало, сейчасъ... Бургесь, аляшаст! И сейчасъ я это понимаю! Педра, пси! Анаванъ! Пильпортъ!.. Такъ вы меня не учите, какъ съ господами разговаривать... Вотъ что-съ!..

— А проспишься, можетъ, еще складнѣе заговоришь.

— Мнѣ просыпаться нечего, вы мнѣ не подносили.

— Вотъ мининникъ буду — приходи поднесу, а теперь ступай.

Бургесь вышелъ изъ себя. Онъ приподнял плечи, сталъ въ уморительную позу, и злобно посмотрѣлъ на Ананія Михайловича.

— Ужь ты не бить ли меня хочешь, Бургесь? — спросилъ съ удивленіемъ старикъ.

— И надо васъ бить! — произнесъ, скрипнувъ зубами, Бургесь.

— То-то, я смотрю, ты ужъ принаравливаешься... Ахъ ты чудаки! Всѣ ребра у тебя, за твой характеръ, переломаны, въ чемъ ты только душу-то свою носишь, а чуть малю-малюски не по шерсти тебя погладятъ, сейчасъ ты и драться лѣзешь. Кажись, третьяго дня тебѣ клѣчка-то была, а ужъ ты и забылъ!

— Какая клѣчка? Ну, говорите—какая клѣчка? — горчился Бургесь.

— Слышали мы, какое тебѣ угощеніе въ трактирѣ-то было. Говорятъ, часа два на солнышкѣ отогрѣвали. Насилу отошелъ, — отвѣчалъ хладнокровно Ананій Михайловичъ.

— Ужь это вы при себѣ оставьте! — перебилъ сконфуженный и растерявшійся Бургесь.

Мнѣ жаль его стало, онъ былъ совершенно уничтоженъ. Чтобы окончить это непріятное столкновеніе, я обратился къ нему.

— А что, добрый былъ вашъ баринъ? — спросилъ я его.

— Онъ до насъ не касался, — отвѣчалъ Бургесь: — всѣмъ Людмила Владиміровна заправляла, а онъ ни во что не входилъ. На покось ли, на житво ли — все она. Цѣлый день, бывало, съ лошади не сходила... Гдѣ верхомъ, гдѣ въ шарабанѣ. Строгая была барыня!

— А баринъ-то что-жь дѣлалъ?

— Тотъ больше по рыбной ловлѣ. Сидитъ, бывало, съ

барчатами цѣлый день съ удочкой, пискарчиковъ ловить. Разъ она приказала ему верхомъ съ собой ѣхать. Только что выѣхали въ поле, онъ и упалъ. Съ тѣхъ поръ и мимо конюшни боялся ходить. Тихій былъ баринъ. Бывало, увидитъ, грѣшнымъ дѣломъ, когда не въ порядкѣ идешь... Бургесь, говоритъ, спрячься лучше: сама увидитъ — бѣды наживешь. А барыня королева была! Мужественная этакая женщина... Голосъ такой простой имѣла... Слова эти, какъ вамъ доложить, все обнаковенныя, не барскія... Бывало, примется мужиковъ гонять... Господи! Только, бывало, и словъ: всѣхъ на поселенье ушлю! А намъ, сударь, дворовымъ, такъ-то жутко было, такъ-то она насъ маяла — не приведи Богъ! Ну, да еще ничего, а вотъ махонькимъ какъ отъ нея доставалось! Бывало мальчику или дѣвочкѣ, какъ минуло семь годочковъ — ужъ онъ либо въ саду травку пощипываетъ, либо на скотномъ дворѣ сливки въ бутылкѣ сбиваетъ, али за грибами въ лѣсъ бѣгаетъ, а ужъ должность у всякаго есть... Даромъ хлѣба никто не ѣлъ.

— А хорошо васъ содержали?

— Хорошо — что Бога гнѣвить! — содержание было отличнѣйшее, — отвѣчала Бургесь съ ироніей: — собакамъ ихнимъ не въ примѣръ лучше нашего было! Вотъ какое намъ содержание отъ нашей госпожи было! Вотъ извольте спросить Ананія — онъ знаетъ.

— Я сытъ былъ, — проговорилъ Ананій Михайловичъ. — И при господахъ былъ сытъ и теперь сытъ, слава Богу...

— Съ однихъ зайцевъ-то сытъ не будешь! — возразилъ Бургесь.

— Какъ съ зайцевъ? — спросилъ я.

— По здѣшнимъ, сударь, мѣстамъ очень много зайцевъ было; ну, зайцами всю дворню и кормили. Бывало и щи изъ зайцевъ и вяленый заяцъ, и соленый заяцъ... Ну-ко, круглый-то годъ поѣшь-ко ихъ! — Скрючить!.. А помнишь, какъ Ваську фалетора исполосовали, когда онъ сказалъ, что зайцевъ ѣсть не согласенъ?

— Вотъ что я, Бургесь, тебѣ скажу, — перебилъ Ананій Михайловичъ: — ты мою рѣчь послушай, а господинъ вотъ насъ разсудитъ. Поминать тебѣ свою госпожу лихомъ не за что. Барыня была дѣйствительно строгая, а всѣхъ она насъ наградила и землю своимъ мужикамъ всю даромъ отдала. Всѣхъ дворовыхъ малолѣтокъ въ ученье пристроила. И тебѣ, халую неблагодарному, барское ружье подарила. Помнишь! Гдѣ оно? Что, пропилъ?

— Ну, пропиль! Еще что будетъ? — опять загорячился Бургесъ.

— Ничего, я такъ, къ слову. Не тебѣ бы барыню ругать! Какъ при ней ты не путный былъ, такъ и теперь остался. Хорошіе-то люди все по мѣстамъ пристроились, а ты всю жизнь путаешься гдѣ день, гдѣ ночь.

Бургесу, видимо, неприятно было слушать укорительную рѣчь Ананія Михайловича. Онъ вдругъ переѣвилъ разговоръ.

— Господинъ, не будетъ ли съ вашей стороны?— обратился онъ ко мнѣ.

— Что вамъ угодно?

— Что-нибудь въ родѣ пятиалтыннаго? Бургесъ вамъ заслужить, кого хотите извольте спросить. Мирового извольте знать—Ивана Васильевича?

— Нѣтъ.

— Теперь я у него пребываю: новую подушку на бѣговья дрожки дѣлаю... Краснымъ трипомъ будетъ... Очень они меня хорошо знаютъ. Брею я ихъ... Чудака такой! Вчера говоритъ: если ты, Бургесъ, опять пить будешь, я тебя, говоритъ, въ смирительный домъ засужу.

— Давно ужъ тебя тамъ ждуть,—ввернулъ Ананій Михайловичъ.

Бургесъ искоса злобно посмотрѣлъ на него и продолжалъ:

— А супруга ихняя, Любовь Сергѣевна, ты, говоритъ, Бургесъ, платье мнѣ сшей, только я мѣрки съ себя снимать не позволю. Стыдится!.. Полная она такая...

— Это барыня-то тебя стыдится?—воскликнулъ Ананій Михайловичъ.

— Да, барыня меня стыдится!—отвѣтилъ рѣзко Бургесъ.

— Не похоже бы словно, чтобы барыня стала такой рвани стыдиться,—усумнился Ананій Михайловичъ.

Бургесъ растерялся. Онъ опять сталъ въ свою уморительную позу, опять забормоталъ иностранныя слова безъ всякаго смыслу, опять послышалось и тортю, и сервировка, и субись, и еще какое-то новое слово «пате флендоранакъ».

Я далъ ему пятиалтынный.

— Куда же вы теперь пойдете?

— А туда-съ...

— Куда?

— Сами извольте знать!.. У священника заработалъ пятиалтынный, да вашъ теперича... Такъ точно оно и будетъ. Позвольте мнѣ, сударь, съ вами на охоту идти. У

меня три вывода тетеревей есть. Мировому я ихъ готовилъ, да онъ стрѣлять не умѣеть.

— А вы хорошо стрѣляете?

— Я-то-съ? — воскликнулъ онъ съ достоинствомъ. — Бывало: Бургесъ, десять паръ дупелей къ столу! Бацъ, бацъ, бацъ! Готово! Въ кострюльку, въ духовой шкапъ... Извольте кушать.

— Хорошо, пойдете.

— Слушаю, сударь. Счастливо оставаться, — окончилъ онъ, направляясь къ рѣкѣ.

— Куда же это онъ пошелъ? — спросилъ я Ананія Михайловича.

— Въ кабакъ, сударь. Больше идти ему некуда.

— Какъ онъ черезъ рѣку-то?

— Переплыветъ. На село ему идти дальше, а черезъ рѣку-то близехонько, а время-то ужъ ему пришло и выпить-то. Сейчасъ онъ переплыветъ... Въ этомъ разѣ онъ ни грозы, ни бури не боится. Вотъ, сударь, — человекъ-то, — со вздохомъ заключилъ Ананій Михайловичъ: — до скончанія дней его всѣ битъ будутъ и умрутъ въ кабакъ безъ покаянія.

Снѣгъ валилъ хлопьями, застилалъ проторенную дорогу, не давая пути ни пѣшему, ни проѣзжему, садился кучами на крышахъ, овинахъ, прилипалъ къ окнамъ, заметалъ всѣ деревенскіе входы и выходы. А деревня готовилась къ встрѣчѣ великаго праздника. Жанъ Бургесъ развинтилъ и вычистилъ церковное паникадило и подсвѣчники и, приведя все въ порядокъ, пошелъ къ батюшкѣ въ кухню бесѣдовать съ кухаркой.

— Глупая ты женщина, хошь и у священника живешь, — говорилъ онъ ей: — можешь ли ты понимать, какія завтра слова будутъ пѣть?

— Ты много понимаешь! — отвѣчала кухарка.

— Я-то?! Ахъ, Маланья! Почтенная ты женщина, по обличью-то тебѣ бы кучихой быть, а умъ у тебя сорочій! Какъ же мнѣ не понимать, когда я, при покойницѣ барынѣ, на клиросѣ по нотамъ пѣлъ. Священникъ отецъ Василій со скрипкой меня училъ. Возьметъ, бывало, скрипку... до, ре, ми, фа, соль, ля...

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, для такова великаго праздника...

— Что? Вѣдь это по нотамъ... До, ре, ми, фа...

— Въ глазахъ-то у тебя...

— Ты думаешь насчеть моей слабости? Нѣтъ, у меня правильно! Я до звѣзды ни Боже мой! Ты мнѣ хоть ведро теперича поставь, я до звѣзды не буду. А это со вчерашняго числа, можетъ-быть, маленько... Вотъ постой, мы съ тобой на святкахъ рядиться будемъ.

— Какъ рядиться?

— Распишу я тебѣ ликъ твой, выворочу шубу, поставлю на четверинки, и поведу въ трактиръ, словно бы медвѣдя. А теперича въ деревню много изъ Москвы понаѣхало—что смѣху будетъ. Поповская кухарка за медвѣдя!..

— Шель бы ты отсюда...

— Да куда я теперь пойду, глупая! Видишь, снѣгомъ все завалило. Ты думаешь, пріятность, что ли, какая съ тобой разговаривать? Вѣдь это мнѣ наказанье божеское! Я за стыдъ считаю съ вашей сестрой разговаривать

— Ужли наша сестра не человѣкъ?

— Человѣкъ-то она человѣкъ... сказалъ бы я тебѣ, да дуэль, пожалуй, между нами произойдетъ, да и огорчать тебя для праздника не хочется. Вотъ поднесешь завтра—скажу. Ты вотъ посмотри лучше, какъ деревню-то занесло, народъ къ заутрени-то, пожалуй, и не отгребется, а въ догори теперича, которые застрявшіе—не выльзутъ.

Но стихія все-таки не мѣшала православному человѣку поспѣвать домой къ празднику. То и дѣло выбивавшіяся изъ силъ лошаденки подвозили къ избамъ своихъ хозяевъ. Вонъ Мартынъ подѣхалъ и привезъ къ празднику задохъ свининки, а вонъ и Силантій изо всей мочи бьетъ чуть не дубиной свою измученную клячу. Дешево купилъ онъ полпудика соленой коренной рыбки, которая, можетъ-быть, завтра же отправить его на тотъ свѣтъ со всѣмъ семействомъ.

— Маленько и поѣли-то, и отчего бы это, кажется... Оно точно, начальство не велить ее сырую ѣсть, да развѣ удержаться, когда тебѣ элекить придетъ...—Такъ заключить деревня, а Бургесь скажетъ: «спервоначалу надо было ее порохомъ вытереть хорошенько, а не то въ щелокъ окунуть, тогда—ничего».

Къ ночи погода стихла, небо прояснилось и обсыпалось звѣздами. Въ два часа ночи дьячокъ ударилъ въ колоколь, а Бургесь зажегъ на колокольнѣхъ плашки. Священникъ подошелъ къ окну, взглянулъ на ярко горѣвшую звѣзду и торжественно произнесъ: «и ста звѣзда вверху идѣже бѣ отроча».

Великій наступилъ праздникъ.

Тотчасъ послѣ обѣдни Бургесъ пошелъ по сельской интеллигенціи славить Христа. Былъ у волостного старосты, былъ у учительницы, былъ у земскаго фельдшера, былъ у урядника, у нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, наконецъ пришелъ въ трактиръ. Въ трактиръ еще никого не было; всѣ сидѣли смирно, слушая рассказы одного мѣщанина, пришедшаго изъ Москвы въ деревню на праздникъ. Мѣщанинъ то и дѣло вынималъ изъ кармана серебряные часы, постукивалъ по столу металлической папиросницей и вообще развязностью манеръ и изысканнымъ тономъ разговора подавлялъ, такъ сказать, свою бывшую деревенскую братію и «рядовыхъ мужиковъ». Лица нѣкоторыхъ изъ нихъ выражали какъ бы удивленіе. «Нашъ братъ, простой человѣкъ, а теперь его и рукой не достанешь», — думали они. Мѣщанинъ это чувствовалъ.

— Давно уже я собирался въ вашу провинцію, — говорилъ онъ: — да все московскія дѣла не пушали. Къ заутрени хотѣлъ давеча идти, да признаться, проспалъ, да и обѣдню-то на концѣ ужъ захватилъ. Ну, да Богъ съ меня не взыщеть. За московскими дѣлами иной разъ и цѣлый годъ въ церкву-то не попадешь. Тетка Матрена разговляться къ себѣ звала, а я ей: мы, тетушка Матрена, круглый годъ наскрозь разговляемся. У насъ этого нѣтъ положенія, чтобы постное потреблять... Заругалась какъ... страсть! Не по закону, говоритъ, ты жить сталъ. А я ей: ты, говорю, тетушка, надѣнь спинжакъ-то, и ты по другому заживешь.

— Въ мое время бекешы все носили, а теперь вотъ спинжаки пошли, — замѣтилъ Бургесъ: — сколько этихъ я бекешей перешилъ — невозможно! А то еще пальто пальместромъ были... длинные... Сакъ-пальто, визитки теперича... Ажуръ, ералашъ пальто съ перехватомъ... да много!..

— Какое же теперь твое положеніе? — обратился одинъ мужикъ къ мѣщанину.

— А положеніе таперича мое такое: жилъ бы ежели я въ деревнѣ — пропалъ бы совсѣмъ, ну а таперича я человѣкъ на виду и могу, значить, довольно слободно. Главная причина: никто мнѣ ничего не можетъ, самъ я по себѣ. Хозяинъ у насъ какой? Онъ тебя впередъ пятками ходитъ заставить! Я ужъ теперь всякаго человѣка наскрозь вижу, какой онъ есть такой... Въ деревнѣ за сохой всему этому не обучишься. Извѣстно, соха — соха она и есть. Простой кто ежели человѣкъ...

— А ты господишь, что ли?—вдруг озадачил мѣщанина вопросомъ одинъ корявый мужичонко Карпуха. Мѣщанинъ сконфузился.

— Хотя и не господишь,—отвѣтили онъ, понизя тонъ:— а себя выше простого мужика понимаю. Первое то, по своему положенію, я на линіи купца, а второе...

— Что-жъ нашу соху-то позоришь?—перебилъ мужикъ:— соху-то намъ Богъ въ руки далъ. Мы съ ней впередъ пятками не ходимъ, а идемъ какъ должно. А тебѣ пятки впередъ вывернули, въ кудюю штуку нарядили—ты думаешь, уже ты и человѣкъ сталъ!

Скрипка да гудокъ
Разорили нашъ домокъ,
А соха да борона
Нажили наши дома.

Прошѣлъ Бургесъ и обратился къ мѣщанину:

— Ты насчетъ сохи напрасно! Я всѣ степени произошелъ, на охотѣ съ господами за однимъ столомъ сидывалъ, все господское серебро на моихъ рукахъ было, а сохой я не гнушаюсь! Соха, братецъ ты мой, попятъ только надо, что она значить! Дмитрій Семенычъ, поднеси для праздника стаканчикъ! Мѣщанинъ, что значить! Мѣщанинъ—горе! Земли у него нѣтъ, мѣста тоже не про всякаго приготовлены, ну, и пошелъ воровать! Вѣрно это, истинно! Вотъ я теперича мѣщанинъ: самый я есть несчастный человѣкъ!

— Съ образованнымъ человѣкомъ разговаривать мы слова знаемъ,—началъ оправившійся мѣщанинъ:—а съ тобой говорить все одно—съ медвѣдемъ. Всѣ прочіе, которые сидятъ слушаютъ благородно, а ты сейчасъ свой умъ доказывать сталъ. Темный ты человѣкъ, вотъ что! Я и вниманія не возьму съ тобой говорить!

— Мѣщанинъ ты, вотъ что: ты поставь намъ что слѣдуетъ, а мы этого Карпушку каряваго прогонимъ, чтобы онъ не мѣшался,—проговорилъ кто-то изъ бесѣдовавшихъ.

— Вѣрно!—подакнулъ Бургесъ:—поднеси для праздника.

— А мы тебѣ такое разрѣшеніе сдѣлаемъ, чтобы тебѣ врать сколько желаешь,—добавилъ корявый мужичонко.—И пятками впередъ ходи, какъ тебя хозяинъ обучилъ, и колесомъ ежели... какъ тебѣ лучше. И наши мужички радоваться будутъ, что хонъ одинъ изъ ихняго брата въ люди вышелъ. Товарища мы тебѣ такого же кудяго приведемъ, по этапу къ намъ въ волость прислали, замокъ у своего хозяина сломалъ.

— Карпуха, ты вотъ что: уйди!—заговорилъ Бургесь:— за что, братецъ, обижать человѣка? Можетъ, сейчасъ драка случится... не хорошо! И тебѣ попадетъ, и намъ непріятно. А мы вотъ что... мѣщанинъ, ставь!.. Ставь, голубчикъ, ставь, не задумывайся. Вишь народъ горячиться сталъ.

— Рваная всякая душа заблудящая придетъ въ деревню...—шутить Карпушка.

— Точно это, — вторили ему его сторонники:—народъ избалованный сталъ.

— Карпуха, не мути народъ!—суетился Бургесь.—Мѣщанинъ, ставь! Вонъ ужъ Калюпатра Петровна рукава засушила—наливать хочеть. Буфетчица она у насъ первый сортъ!

— Пожалуйте намъ сюда по полutorному стаканчику,—обратился мѣщанинъ къ буфетчицѣ.

— Вотъ и чудесно!—воскликнулъ Бургесь. — Сейчасъ видно, что человѣкъ полированный! Карпуха, лучше уйди.

— Ты ужъ давно за стаканъ-то продалъ свою душу, жалѣть ее тебѣ нечего,—сказалъ Карпъ и отошелъ въ сторону.

— Я души своей не продавалъ! Это покойница барыня мою дуну раза два продавала, да никто не купилъ.

Всѣ засмѣялись.

— Съ праздникомъ честь имѣю поздравить!—окончилъ Бургесь, выпивъ стаканъ водки.

VI.

Елизавета Петровна.

Прежній статскій совѣтникъ, московскій статскій совѣтникъ, былъ совсѣмъ не то, что теперь. Въ Москвѣ онъ уже былъ особа и величался въ своемъ кругу, за картами въ клубахъ, на именинахъ у чиновниковъ низшихъ ранговъ не иначе какъ: ваше превосходительство. Московскій чиновникъ уже съ чина надворнаго совѣтника начиналъ впускать къ себѣ въ подчиненныхъ нѣкоторый трепеть. Ужъ у него и животъ выдавался впередъ и голосъ дѣлался внушительнѣе и жестъ былъ свободнѣе. Чувствовалось, что человѣкъ переплылъ рѣки и ручьи, перелѣзъ черезъ овраги и буераки и твердо вступилъ на торную дорогу. Ужъ онъ не подаетъ руки титулярному совѣтнику, а коллежскаго регистратора заставляетъ застегивать виць-мундиръ и дер-

жить его на вытязку. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника онъ спѣшетъ, утучняется. Въ чинѣ статскаго совѣтника ужъ онъ созрѣлъ и останавливается въ ростѣ. Теперь ужъ онъ все! Онъ и ваше превосходительство и даже полковникъ, такъ по крайпей мѣрѣ начинаютъ его величать сторожа присутственныхъ мѣстъ. Я, разумѣется, говорю о тѣхъ статскихъ совѣтникахъ, изъ которыхъ, по своему происхожденію и воспитанію, достигалъ до этого чина только одинъ изъ двухъ тысячъ коллежскихъ регистраторовъ и губернскихъ секретарей.

Бушуетъ ли на дворѣ вьюга, разверзаются ли надъ Москвой хляби небесныя и ливень стремительно со всѣхъ семи холмовъ льется на низкія улицы и переулки—для коллежскаго регистратора все равно! Онъ совершаетъ каждодневно свое предопредѣленіе—стремится къ центру—къ Иверскимъ воротамъ. Тамъ былъ и магистратъ, и управа благочинія, и разные суды, и палаты, и знаменитая «Яма». Занявши за столомъ, въ какомъ-либо изъ этихъ учреждений, свое мѣсто и разложивши сандаракъ и другіе канцелярскіе инструменты, коллежскій регистраторъ становился несокрушимой силой, о которую разбивались не только кушцы, но даже и чиновныя особы.

А какъ дѣль-то самъ не знаешь,
Да въ законахъ не смѣлашь—
Не поможетъ важный чинъ!
И не справившись одинъ,
Поневоѣ всякой мошкѣ
Поклонись чернильной въ ножки.
Иначе тебя подъ судъ
Эти мошки упекутъ.

Такъ разсуждаетъ *майоръ* Федотова.

Сила эта не была у него благопріобрѣтенная, она была преемственная: онъ получалъ ее вмѣстѣ съ вице-мундиромъ, она передалась ему отъ праотцевъ его, московскихъ подьячихъ XVII столѣтія, которые тоже вѣдали «московскія разбойныя, и татинныя и всякія воровскія приводныя дѣла, и кто будетъ изыманъ на разбоѣ или въ татыбѣ, или въ зломъ дѣлѣ, смертномъ убійствѣ, и въ поджогѣ, и въ иныхъ воровскихъ статьяхъ». Эту силу не могло сокрушить строгое Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которое брало съ нея «крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, чтобъ посуловъ не имати и дѣяти въ правду, по царскому указу и уложенію: но ничто ихъ есть вѣра и заклинательство и наказанія не страшатся, отъ

прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои ко взятію скоро допускаютъ» *). Эти руки не могла отшибить дубина Петра Великаго. Не особенно страшень былъ имъ и сводъ законовъ XIX ст.

Сила!

Всѣ лѣстницы, всѣ переднія присутственныхъ мѣстъ были наполнены людьми, искавшими прикосновенія къ этой силѣ. И простирала эта сила «руки свои ко взятію». И вотъ изъ этой-то силы выдѣляется счастливецъ. Изъ двухъ тысячъ коллежскихъ регистраторовъ судьба обратила вниманіе въ какомъ-то архивѣ на одного изъ нихъ, взяла его на руки и понесла по лѣстницѣ чиновъ и отличій. Донесши до площадки, на которой обыкновенно пребываютъ статскіе совѣтники, поставила его на ноги и сказала: полѣзай выше, если можешь!

Такой счастливецъ изъ массы коллежскихъ регистраторовъ былъ Петръ Васильевичъ. Никакихъ особыхъ даровъ природы онъ не имѣлъ. Воспитанный въ какомъ-то, ниже средняго, учебномъ заведеніи, онъ былъ посаженъ въ какой-то архивъ. Архиваріусъ полюбилъ его за аккуратность и прилежаніе, и сталъ называть его сначала Петрухой, потомъ — Петюпей, а потомъ «сынокомъ». Сынокъ своевременно достигъ до чина коллежскаго регистратора, своевременно сталъ пить водку и своевременно на Мясницкой, въ церкви Флора и Лавра, сочетался законнымъ бракомъ съ дѣвицею, дочерью вѣчнаго цехового кислочейнаго цеха Дарьей Зайцевой. Дѣлю это было такъ. Архиваріусъ повезъ его одинъ разъ къ своимъ знакомымъ въ Красную слободку. Въ чистенькомъ деревянномъ домикѣ жила-была мать съ дочерью. Разумѣется, напились чаю. Архиваріусъ осадилъ бутылку мадеры, а сынокъ одиннадцать рюмокъ рябиновки, съѣли по два куска ветчины съ горошкомъ, поговорили о трудныхъ временахъ, что все дорого стало, что дѣти не почитаютъ родителей, что трудно найти хорошихъ жениховъ...

На этомъ мѣстѣ архиваріусъ ударилъ сынка по плечу и воскликнулъ: а чѣмъ мы не женихи?

Сынокъ сконфузился, принялъ для возбужденія еще три рюмки рябиновой, простились и вышли.

— Сынокъ, ты умный человѣкъ или нѣтъ?—началъ на другой день архиваріусъ.

*) Котошихинъ.

— Что прикажете—я все,—отвѣчалъ смиренно сынокъ.

— Ничего ты вчера не понялъ?

— Нѣтъ-съ.

Архивариусъ всталъ, притворилъ дверь, положилъ руку на плечо сына и подвелъ его къ образу.

— Видишь святой ликъ?

— Вижу.

— Побожись, что не разболтаешь, что я тебѣ скажу.

Сынокъ побожился.

— Ты Ивана Антоновича знаешь?— началъ старикъ, сдѣлавъ важную мину.

— Знаю-съ.

— Кто онъ такой?

— Товарищъ пред....

— Довольно! Знаешь! Ну, согрѣшилъ старикъ, эка важность! Всѣ подъ Богомъ! Такъ вотъ тебѣ, если ты умный... Она дѣвушка чудесная и мать у нея...

— А гдѣ же средства...—робко возразилъ сынокъ.

— Ну, дуракъ! Объ средствахъ ли тутъ думать, когда не нынче, завтра у нея ребенокъ запищитъ... Иди смѣло, по-геройски: прошу благословенія вашего превосходительства. Черезъ годъ Станиславъ въ петлицѣ твоей, за крѣпостнымъ столомъ стулъ твой... Ну, а тамъ... Да нѣтъ! Ты, я вижу, дуракъ!—горячился архивариусъ.

Сынокъ, ошеломленный, прислонился къ шкапу и молчалъ.

— У тебя нѣтъ ни отца, ни матери, объ чемъ тебѣ беспокоиться? Умрешь вѣдь въ архивѣ, дальше тебѣ ходу нѣтъ. Много вашего брата по Москвѣ-то...

— А съ ихъ стороны,—безсознательно проговорилъ сынокъ.

— Все сдѣлано! Все конечно! Положилъ еси на глаза—и счастье на всю жизнь!

Сынокъ упалъ на колѣни. Архивариусъ заплакалъ.

— Конечно?—спросилъ онъ торжественно.

— Конечно,—отвѣтилъ сынокъ.

— Миѣ передалъ Иванъ Петровичъ твое желаніе вступить въ законный бракъ съ моею крестницей,—началъ товарищъ предсѣдателя вошедшему къ нему счастью коллежскому регистратору:—я очень радъ! Что будетъ отъ меня зависѣть... Я конечно... Ну, если тамъ что... въ вину ей не надо ставить... Бракъ—дѣло святое!... Отсюда я тебя переведу служить въ другое мѣсто... Съ Богомъ!—окончилъ

онъ, подставляя ему свою гладко выбритую щеку. Благословлю я васъ самъ.

Вотъ и все.

И пошелъ по службѣ Петръ Васильевичъ, и домикъ въ Хамовникахъ съ садикомъ купилъ и парочку лошадокъ имѣеть и дочку Елизавету Петровну, очень милую, о которой я начинаю свой рассказъ.

До тринадцатилѣтняго возраста воспитывалась дома. У нея была гувернантка, которая учила ее всему и наукамъ, и пѣнію, и танцамъ, рисованію, и ходила съ ней гулять, получая за это двадцать рублей въ мѣсяцъ и каждодневное внушеніе о томъ, что она должна чувствовать, въ какомъ домѣ она живетъ и какого она происхожденія. Гувернантка это волей-неволей чувствовала и смиренно переносила капризы московскаго генерала и его супруги, хотя у самого генерала родословная начиналась такъ: «тоя-жъ церкви у почталіона Дмитрія Николаева родился сынъ и нарѣченъ во св. крещеніи Петромъ. Восприемникомъ были заурядъ коллежскій регистраторъ и т. д.». Но генераль тщательно скрывалъ это... Однажды онъ вечеромъ, въ полумракѣ, въ порывѣ чувствъ, обнялъ ее и хотѣлъ

«Слить лобзанія струю въ пламя поцѣлуя».

Гувернантка выскочила на улицу и произвела скандалъ. Въ приходѣ, въ Хамовникахъ, всё узнали. Гувернантка, разумѣется, ушла, генеральна обрела себя на долгую печаль и вздыханіе, а генераль ѣздилъ по Москвѣ да отрещивался, что ничего подобнаго не было.

— Я не зналъ, что вы еще до сихъ поръ баловникъ, Петръ Васильевичъ,—замѣтила ему лукаво одна очень значительная особа, отъ которой онъ былъ въ зависимости.

— Не вѣрьте, ваше превосходительство,—возразилъ, со слезами на глазахъ, московскій генераль.—Богомъ вамъ клянусь, это—шантильяжъ.

— Да миѣ-то ничего,—продолжалъ начальникъ:—да графъ Арсеній Андреевичъ узналъ. Скажи ты, говорить, ему, что я этого не люблю.

— Не съѣздить ли миѣ самому, ваше превосходительство,—подобострастно спросилъ гонимый судьбою.

— Ну, ибѣтъ, я думаю—не надо. Экій вы какой,—перешелъ на шутливый тонъ начальникъ:—статскій совѣтникъ... чкъ! и генераль! и вдругъ... Когда я былъ чиновникомъ особыхъ порученій у князя Дмитрія Михайловича, ужъ

какой въ то время женскій соблазнъ-то былъ, а мы знали, что онъ этого не терпитъ, ну, и крѣпились. Такъ вѣдь мы юноши были, а вы статскій совѣтникъ!

— Ваше превосходительство, съ колокольнымъ звономъ въ казанскій соборъ подь присягу пойду,—что это клевета,—продолжалъ оправдываться Петръ Васильевичъ.

Тѣмъ дѣло все и кончилось. Всякіе скандалы въ то время очень скоро забывались. Мировыхъ учрежденій тогда не было, газета была только одна, да и та скандалами не занималась, да и дотронуться до статскаго совѣтника было невозможно. Тутъ помогъ еще Петру Васильевичу новый скандалъ, случившійся въ приходѣ: какой-то богатый купецъ сына на веревкѣ въ часть отправилъ... Такъ дѣло Петра Васильевича и заглохло. Генеральша успокоилась, съѣздивши въ сумасшедшій домъ къ Ивану Яковлевичу, а дочка была отдана въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ. Этотъ пансіонъ считался однимъ изъ лучшихъ. Дочери простого смертнаго вступить туда было почти невозможно: нужно было имѣть, хоть совсѣмъ опшпанное, но все-таки родословное дерево. Даже на вступившую какъ-то туда дочь протоіерея подружки смотрѣли косо и называли ее попадѣй. «Ну, зачѣмъ вы такъ, mesdames,—нехотя замѣчала классная дама:—чѣмъ же она виновата, что у нея отецъ попъ». Коверкали воспитаніемъ тамъ дѣвицы на столько, на сколько позволяло отсутствіе педагогическихъ познаній въ самихъ воспитательницахъ. Но спаружи все было чисто и изящно. Швейцаръ въ треугольной шляпѣ съ булавой. Широкая лѣстница, обкуренная какой-то душистой смолкой. Инспекторъ, въ черепаховыхъ очкахъ, постоянно шилъ кофе у одной изъ семи классныхъ дамъ. Дѣвицы въ коричневыхъ платьяхъ, съ бѣлыми перелинками. Французскій языкъ слышался и въ классахъ, и въ коридорѣ, и въ столовой, и въ спальнѣ. Учителя самые лучшіе и все авторитеты: учитель математики, напр., разрѣшилъ квадратуру круга; учитель русской словесности, хотя не оказалъ никакихъ услугъ россійскому парнасу, но зато лично знакомъ съ Гоголемъ; учитель исторіи на диспутѣ поставилъ втушикъ Погодина; учитель французскаго языка написалъ «L'art de la grammaire française». Однимъ словомъ, все авторитеты, такъ по крайней мѣрѣ рекомендовали ихъ классныя дамы. Мораль преподавала сама содержательница пансіона со своими классными дамами. Катехизисъ этой морали былъ весьма несложный. Напр., Зачѣмъ ты родилась?

Отвѣтъ. Я родилась для того, чтобы, получивши образованіе, быть украшеніемъ общества.

Вопросъ. Что значить общество?

Отвѣтъ. Собраніе людей одинаковаго происхожденія съ моими родителями.

Вопросъ. А если общество стоитъ ниже на нѣсколько степеней вашихъ родителей?

Отвѣтъ. Я должна чуждаться его, хотя относиться къ нему снисходительно, зная, что не всѣ люди одинаковаго со мною происхожденія, и т. д.

Кромѣ весьма солидной платы за ученіе, въ пансіонѣ полагались еще, для желающихъ, особенныя приплаты за англійскій языкъ, за особенныя уроки на фортепіано, за приватныя занятія съ учителями, за практическія уроки французскаго языка. Были и косвенныя налоги. Это: подношеніе подарковъ содержательницѣ въ день ея рожденія и именинъ, таковыя-жъ поминки класснымъ дамамъ. Классныя дамы, впрочемъ, не дорого стоили: онѣ брали конфетами, изъ Пожевой линіи подвязками, черспаховыми гребенками, а какая-то Аврора Карловна брала даже сухарями отъ Василія Блаженнаго, сливками, чухонскимъ масломъ и вообще жизненными припасами. А такъ какъ эти предметы, при крѣпостномъ правѣ, ничего не стоили, то она ими пользовалась и въ день именинъ, и въ день рожденія, и по всѣмъ годовымъ праздникамъ, и даже по табельнымъ днямъ.

Каждый годъ въ пансіонѣ бывалъ публичный экзаменъ и актъ. На этихъ торжествахъ присутствовала значительная публика. Барышни, разумѣется, отвѣчали хорошо. Родители радовались. Содержательница маленькихъ цѣловала въ голову, а отличившимся большимъ подставляла щеку. На актѣ, обыкновенно, барышни играли на фортепіано, нѣли иногда кантату, учителемъ російской словесности сочиненную, читали стихи,—имъ раздавали книги съ золотой надписью на переплетѣ, «за отличные успѣхи», потомъ онѣ обѣдали, потомъ танцевали, потомъ, окончивши курсъ оставляли навсегда пансіонъ и уходили украшать то общество, къ которому принадлежали.

Вотъ въ этотъ-то пансіонъ въ одно прекрасное утро и поступила Елизавета Петровна. Ея привезъ самъ родитель. Содержательница провела его по всему заведенію, показала его до мельчайшихъ подробностей.

— Я именно это и желалъ,—говорилъ Петръ Васильевичъ,

сходя съ лѣстницы, провожавшей его классной дамѣ.— Прекрасно! Это именно то, объ чемъ я думалъ. Ну, что вы хотите—терпѣть не могу замарашекъ!

Швейцарь вытянулся и стукнулъ булавой.

Петръ Васильевичъ съ значительной миной вручилъ ему два стертыхъ полтинника, на, дескать, чувствуй. Швейцарь повертѣлъ въ рукахъ эти полтинники и, не будучи знакомъ съ нумизматикой, все-таки рѣшилъ, что они настоящіе.

— Уйдутъ! Эти уйдутъ! Эти въ любомъ трактирѣ возьмутъ,—заключилъ онъ, отправляя ихъ въ карманъ.

Рѣзкія, нѣсколько угловатыя манеры Елизаветы Петровны тотчасъ обратили на себя вниманіе всего пансіона, гдѣ было «все такъ приглажено и тальи всё такъ узки...»

Содержательница пансіона и воспитательницы въ ужасъ приходили. Цѣлыхъ два мѣсяца онѣ прямили ея станъ и внушеніями, и замѣчаніями, и строгими выговорами, наконецъ, выбились изъ силъ. Елизавета Петровна не уступала. Въ то время, когда подруги ея торчали, какъ стрѣлки, она сидѣла какъ-то бокомъ, откинувъ голову въ сторону. Вѣчно съ испачканными чернилами руками, она производила на воспитательницъ удручающее впечатлѣніе; подруги же чувствовали къ ней нѣжную любовь.

Добродушная улыбка, открытые большіе глаза, мягкій тонъ рѣчи невольно заставляли любить ее.

Черезъ годъ уже нельзя было узнать Елизаветы Петровны. Она выросла и казалась больше своихъ лѣтъ. Угловатыя черты сгладились, ихъ замѣнили изящная, оригинальная поступь и благородные привлекательные манеры. Механической кликсень былъ доведенъ у ней до художества. Въ классѣ ее «обожали». Воспитательницы были отъ нея въ восторгѣ. Учитель русской словесности, для котораго она старательно зубрила «Слово о полку Игоревѣ», называлъ ее не иначе, какъ «Елизавета Петровна».

— Вполнѣ увѣренъ, даже убѣжденъ, что никто, кромѣ Елизаветы Петровны, сегодня урока не приготовилъ.

Такъ начиналъ онъ свой урокъ. Классъ молчалъ, потому что дѣйствительно ничего не зналъ.

— Я такъ и думалъ,—продолжалъ учитель.—Потрудитесь, Елизавета Петровна, прочесть заданную пѣснь изъ великаго историческаго памятника русской письменности.

Елизавета Петровна безъ запинки читаетъ:

«...Гримлють сабли о шелома, въ полѣхъ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ коньиты костью была посѣяна, а кровію поляна: тугою взыдоша...»

— Довольно! Я васъ спросилъ только для очищенія совѣсти, а главное, чтобы пристыдить вашихъ подругъ.

— Очень трудныя слова, Андрей Андреевичъ,—замѣчала какаля-либо вострушка съ задней скамейки.

— Что тутъ труднаго,—восклицалъ, поднявшись съ кафедры, учитель:—что тутъ труднаго? «Не лѣпо ли ны блещеть, братіе, начать старыми словесы трудныхъ повѣстій о пѣяку Игоревѣ, Игоря Святѣславича...» Удивляюсь! Садитесь, Елизавета Петровна. Ставлю вамъ баллъ, какой я только въ состояніи поставить, именно: нять съ крестомъ. (Въ пансіонѣ была пятибалльная система). Не стыдно ли, мм. гг., такъ неряшливо относиться къ историческимъ памятникамъ.

— Да замѣмъ они намъ?—сорвалось шопотомъ у первой ученицы.

Андрей Андреевичъ пожалъ плечами.

— И вы, Вругъ!—произнесъ онъ укоризненно, взглянувъ на нее.—Грустно!

Учитель французскаго языка восхищался выговоромъ Елизаветы Петровны. Выговоръ онъ ставилъ выше всего.

— Мнѣ ненадѣ *grammaire*! *La grammaire après...* Послѣ. Менѣ надѣ *prononciation*! *Voyez vous!* Надѣ такъ скорѣ, *comme fleuve coule...* *Voilà.*

Остальные учителя всѣ были довольны Елизаветой Петровной, исключая учителя математики, который былъ всѣми вообще недоволенъ и говорилъ, что женщинамъ математику нужно преподавать только до дробей.

— И на кой она имъ чортъ!—говаривалъ онъ въ учительской комнатѣ:—математика требуетъ вмѣстительной головы; сорочьими мозгами ее не возьмешь. У меня съ ними непрерывная брань,—говорилъ онъ:—до непрерывныхъ дробей, а ужъ послѣ я молчу. Ври, что хочешь!..

— А какъ же,—замѣчали ему его товарищи:—у насъ одна ученица во второмъ классѣ любого студента осилить изъ математики.

— Это не доказательство! Замужъ выйдетъ—приведеніе дробей не будетъ въ состояніи сдѣлать.

Онъ не любилъ женщинъ, и только нужда заставляла его преподавать въ женскомъ училищѣ.

Незамѣтно пролетѣло три года. Елизавета Петровна

отлично выдержала выпускной экзаменъ. Она написала сочиненіе на тему: «Истинная привязанность никогда не остается безъ награды»; она начертила и раскрасила карту Испаніи; она нарисовала акварелью букетъ цвѣтовъ, наконецъ на большомъ ватмановскомъ листѣ написала тушью, готическими буквами, пропись. Всѣ эти труды были признаны достойными. На торжественномъ актѣ они были разложены на столѣ и ими любовались. Одѣтая въ роскошное бѣлое платье, она публично, съ большимъ чувствомъ прочитала монологъ изъ «Орлеанской дѣвы» Жуковского:

«Ахъ почто за мечъ вопиственный» и т. д.

Этотъ монологъ шелъ къ ея фигурѣ и голосу. Нѣкоторые изъ посѣтителей акта нашли въ ней драматическій талантъ. Она бойко сыграла какое-то «Nocturno» на роялѣ. Профессоръ университета, присутствовавшій на актѣ *ex officio*, въ умныхъ и красивыхъ выраженіяхъ поблагодарилъ ее, какъ за примѣрное прилежаніе во время пребыванія въ пансіонѣ, такъ и за эстетическое наслажденіе, доставленное ему на актѣ. Робко подошелъ учитель русской словесности:

— Позвольте мнѣ,—началъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — позвольте мнѣ, Елизавета Петровна, пожать вашу руку... Теперь ужъ я могу это сдѣлать! Я всегда съ величайшею радостью слѣдилъ за вашими успѣхами. Дай вамъ Богъ счастья на пути жизни, чтобы ногами вашими вы не наступали на терніе и волчцы. Я всю жизнь буду гордиться вами, какъ одной изъ лучшихъ моихъ ученицъ. Да-съ!—съ пафосомъ воскликнулъ учитель:—какъ одной изъ лучшихъ во время всей моей тридцатилѣтней практики...

— Чудакъ,—замѣтилъ своему сосѣду, учителю чистописанія, зонль, учитель математики: — зачѣмъ же кричать-то? Зачѣмъ же стулья-то ломать? А еще—говорятъ—съ Гоголемъ знакомъ. Неосновательно!

Содержательница пансіона взяла Елизавету Петровну за руку и подвела къ отцу. Такъ садоводъ, долго трудившійся надъ произрастаніемъ рѣдкаго цвѣтка, съ гордостью выставляетъ его на показъ.

Матан'ы столбовыхъ дворянокъ не безъ зависти посматривали на Елизавету Петровну, удостоившуюся овацій на актѣ.

Одна матанъ даже очень разсердилась, потому что ея дочь, по ея мнѣнію, была красивѣе Елизаветы Петровны

и прочла французскіе стихи гораздо лучше ея, и когда Елизавета Петровна, проходя мимо нея, сдѣлала ей книксенъ, мамап отвернулась, не удостоивши ее поклономъ. Дочь замѣтила и думала, что это ошибка со стороны матери.

— Мамап, это моя первая подруга,—шепнула она съ живостью.

— Я твоихъ подругъ не знаю, я кланяюсь только моимъ знакомымъ,—отвѣтила мамап такимъ сухимъ тономъ, что дочь должна была мгновенно опустить глаза въ землю.

Нѣжное было разставанье у Елизаветы Петровны съ воспитательницами и подругами. Тутъ были и слезы радости, и слезы печали. Адель Александровна перекрестила ее и съ увѣренностью сказала: вамъ, *ma chère*, предстоитъ блестящая будущность. Она, конечно, не могла прозрѣть, что передъ Елизаветой Петровной уже отверзаются двери нищеты и неутишнаго горя, она не знала, что очень скоро

...въ лицѣ ея, полною движенья,
Полною жизни—появятся вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И бессмысленный вѣчный испугъ.

Теперь мы пойдемъ за Елизаветой Петровной въ Хамовники.

Успокоившись отъ овацій и осмотрѣвшись кругомъ, Елизавета Петровна, къ ужасу своему, увидала, что въ Хамовникахъ украшать ей некого. Общество, которое группировалось около ея отца, оказалось гораздо ниже ея образованія. Оно не только не имѣло никакого понятія о «Словѣ о полку Игоревомъ», даже не читало ничего, кромѣ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Это все были люди занятые, почтенные чиновники разныхъ вѣдомствъ, казначеи, бухгалтеры, секретари, попадались и столоначальники, былъ и толстый маіоръ, котораго всѣ величали полковникомъ и который гордился тѣмъ, что онъ въ арачьевскомъ корпусѣ былъ первымъ по росту и долженъ бы быть въ преображенскомъ полку, но такъ сложились обстоятельства... и т. п. По воскресеньямъ они собирались съ женами и родственницами у Петра Васильевича. Онъ былъ большой хлѣбосоль. Мужчины играли въ табельку, а дамы разговаривали о своихъ интересахъ.

Иногда составлялась кадрили. Аккомпанировалъ на фортепіано молодой чиновникъ Ураносовъ, онъ же услаждал слухъ и игрою на гитарѣ,—инструментъ, на которомъ онъ игралъ превосходно.

Въ одиннадцатъ часовъ ставили закуску, къ которой сначала подходили дамы, выпивали по рюмкѣ кагеру или лиссабонскаго, закусывали семгой или паюсной икрой, разсуждали о дороговизнѣ этихъ предметовъ и уступали мѣсто мужчинамъ.

— Закусить прошу покорнѣе, — провозглашалъ Петръ Васильевичъ, кладя на столъ карты.

— Да время! — взглянувъ на часы, соглашался маіоръ.

— По единой можно, — подхватилъ бухгалтеръ.

— Ваше превосходительство, почему вы семгу изволили брать? — спрашивалъ секретарь, забивши въ ротъ кусокъ семги.

— А, право, не знаю, — отвѣчалъ Петръ Васильевичъ.

— Говорять, будто бы по первой-то не закусывають, — замѣчаетъ кто-то изъ гостей.

— Да вы заряжайте всю багарею, а мы на нее и пойдёмъ, — остритъ маіоръ: — а ужъ я и пыжъ себѣ приготовилъ. Вонъ онъ!

— Ха, ха, ха... прекрасное сравненіе бутерброда съ пыжомъ? — хохочетъ во все горло бухгалтеръ.

— Ну, что, какъ у васъ тамъ, — спрашиваетъ, отведя въ сторону и заложивши руки подъ фалды виць-мундира, старенькій, прилизанный, съ ехидными, сѣренькими глазками отставной статскій совѣтникъ секретаря какого-то вѣдомства.

— Замучилъ, ваше превосходительство, не знаемъ, что дѣлать, — отвѣчаетъ секретарь.

— Слышалъ, слышалъ... Да вѣдь уходится!

— Иванъ Петровичъ, вѣдь ужъ ядъ былъ человекъ, сами знаете, ваше превосходительство, да и тотъ!.. Помилуйте!.. вы сами, ваше превосходительство, изволили служить у насъ...

— Правовѣдь! — иронически произноситъ старичокъ: — хе, хе, хе... правовѣдь!

— Да помилуйте, ваше превосходительство, развѣ мы-то не правовѣды? Гдѣ-жъ имъ столько знать, сколько мы знаемъ! Вѣдь онъ зелько изъ яйца вылутился, — уже и оберъ-секретарь, а мы... Ей-Богу, обидно, ваше превосходительство!.. Ну, за что онъ хромого, несчастнаго, семейнаго человека Ильина съѣлъ? За что? Вѣдь нужно правду сказать — сами изволите знать — дѣлецъ былъ!

— Дѣлецъ, — поддакнулъ статскій совѣтникъ.

— Вчера ко мнѣ приходилъ — рыдаетъ, какъ ребенокъ!

Что же мнѣ, говорить, теперь къ Иверскимъ, что ли, идти. Виповать, ваше превосходительство, я человѣкъ чувствительный — самъ заплакалъ. Подбивалъ, говорить, на фальшивую присягу! Да кто же это слышалъ? И хромого человѣка!

— Изъ Петербурга задуло! Ну, да и племянникъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство: онъ на него кричитъ!

— Политикъ! Опытный вы человѣкъ, а не понимаете.

— А можетъ быть, — согласился секретарь и перемѣнилъ тему разговора.

— Какое дѣло-то наклюнуло, ваше превосходительство! Если припомните, въ ваше время это было, объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства князя Муратова.

— Помнитса, что-то... Ахъ, да, помню, помню!

— Онъ оказывается незаконнорожденный!!

— Аяяя!

— Да-съ!.. Такъ въ лоскъ всѣхъ насъ и положили!..

Пока дѣльцы разсуждали, батарея, подъ командою майора, была взята и войска церемоніальнымъ маршемъ пошли къ столу.

За ужиномъ общій разговоръ, ветчина съ горшкомъ, телятина съ почками, малиновое желе и отпустить.

Домой уходили всѣ вдругъ.

Въ передней дѣлалась тѣснота и начинался оживленный разговоръ.

— Эки ночи-то темныя наступили.

— Да, теперь...

— Далеко вамъ ѣхать-то...

— Доѣдемъ...

— А воровать ужъ пачали. Вчера въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ»...

— Мнѣ протодьяконъ Александръ Антонычъ сказывалъ... идетъ онъ...

— Ваше превосходительство, а вы безъ калонъ?

— Всегда!

— Нѣтъ, я...

— Привычка!..

— Положимъ, что привычка, а все-таки...

— Въ четвергъ къ намъ милости просимъ.

— Не чужую ли я шляпу-то взялъ... нѣтъ, мол...

— Не безпокойтесь пожалуйста...

На улицѣ тьма. Провожавшему лакею, лишь только онъ

отворилъ дверь, задудло свѣчу. Свистъ вѣтра сливался съ собачьимъ лаемъ.

— Ишь ты заливаются,—произнесъ статскій совѣтникъ, закинувъ ногу въ пролетку.

— Въ нашей сторонѣ тоже, ваше превосходительство, какая сила этихъ собакъ... проходу нѣтъ!

Елизавета Петровна начинала чувствовать вокругъ себя пустоту. Самый лучшій пансіонскій другъ ея, съ которой она четыре года рядомъ спала, сидѣла за обѣдомъ и въ классѣ, вышла замужъ, даже не извѣстивши ее о своемъ счастьи. Это ее ужасно огорчило. Она цѣлую подѣлю плакала. Другая ея подруга, встрѣтившись съ ней въ магазинѣ русскихъ издѣлій, очень жеманно ей поклонилась и проворчала какую-то общую фразу. Елизавета Петровна задумалась. Что же это значитъ? Что же дальше - то будетъ?

«Бѣдная! лучше впередъ не гляди!»

Чѣмъ больше падала духомъ Елизавета Петровна, тѣмъ больше поднимался духъ у титулярнаго совѣтника Уранова. Онъ съ перваго же воскресенья, въ которое встрѣтился съ ней по выходѣ ея изъ пансіона, возмнилъ и возмечталъ. «Красавица,—думалъ онъ,—воспитанная, единственная дочь, домъ...» Онъ въ полной порѣ, титулярный совѣтникъ, дядя у него архіерей, кресло секретаря консисторіи когда-нибудь будетъ вдовствовать, очень можетъ быть и т. д. Онъ постоянно являлся въ вицъ-мундирѣ и какомъ-нибудь необыкновеннымъ галстукѣ. Одинъ разъ онъ запуталъ себѣ шею чуть не станиславской лентой первой степени. Елизавета Петровна не обращала на него никакого вниманія. Пробовалъ онъ вступить съ ней въ разговоръ, но, встрѣтивъ ея умный взглядъ, сейчасъ же терялся, да и темы для разговора, кромѣ Марьиной рожи и бильярдной московскаго трактира, не находилъ. Въ одинъ изъ журфиксовъ онъ игралъ на гитарѣ венгерку и превзошелъ самого себя. Случись это въ концертномъ залѣ, онъ вызвалъ бы бурю аплодисментовъ. Чиновники подергивали плечами, пристукивали каблуками... Елизавета Петровна подбѣжала къ нему, пожала руку и съ восторгомъ сказала: прекрасно!

— Что-жъ, Киръ Алексѣевичъ, показывать искусство, такъ показывай все,—обратился къ нему отставной статскій совѣтникъ:—пропляши!

— Пожалуйста,—подхватила одна дама.

— Кирь Алексѣвичъ, утѣшь!—присоединился хозяинъ.

Ураносовъ долго ломался, но, наконецъ, вышелъ на середину залы. Одна изъ дамъ сѣла за фортепіано и заиграла «по улицѣ мостовой». Ураносовъ сталъ въ позу и началъ жестами и ногами продѣлывать, какъ «шла дѣвица за водой»; потомъ аккомпаниаторъ ударилъ тренака. Въ Ураносовѣ заходили всѣ суставы. Онъ пошелъ въ присядку, потомъ вскочилъ на носки и весьма быстро прошелся на пихъ по залѣ. Зрители были въ восторгѣ.

— Ай да Кирь Алексѣвичъ!

— Санковская!

— Нѣтъ, на носкахъ - то оиъ, на носкахъ - то что сдѣлалъ!

— Ну, спасибо, Кирь Алексѣвичъ! Удружилъ,—проговорилъ, заключая его въ объятія, оставной статскій совѣтникъ.

— Отдадимъ ему, господа, батарею безъ выстрѣла! Кирь Алексѣвичъ, берите ее! Мы сдаемся вамъ военноплѣнными,—хохоталъ во все горло маіоръ, подводя Ураносова къ столу съ закуской.

Елизавета Петровна выбѣжала въ свою комнату, бросилась на кушетку и до истерики хохотала. Ее очень разсмѣшило, какъ Ураносовъ прыгалъ на носкахъ. Она два раза выходила изъ-за стола, будучи не въ состояніи безъ смѣху смотрѣть на него. Ураносовъ замѣтилъ это и понялъ это по-своему. «Теперь,—думалъ онъ,—обращено вниманіе: послѣ небольшой демонстраціи, можно прямо идти на приступъ». Черезъ два дня онъ началъ демонстрировать мимо ея оконъ на лихачѣ. Разъ проѣхалъ, два проѣхалъ, три... А что вдругъ,—подумалъ онъ, Петръ Васильевичъ покажется на брустверѣ, да откроетъ огонь? Нѣтъ, надо идти тихой сапой. И тихая сапа ни къ чему не привела, къ твердынѣ подойти было невозможно.

— Что это ты, Кирь Алексѣвичъ, въ нашъ приходъ къ обѣднѣ зачастилъ,—спросилъ вдругъ, неожиданно, Ураносова Петръ Васильевичъ.

— Поютъ у васъ хорошо, ваше превосходительство,—сдавливая въ себѣ конфузъ, отвѣчалъ Ураносовъ.

— То-то! Я ужъ думалъ не по родственному ли къ отцу протоіерею...

— Нѣтъ!

Попробовалъ-было Ураносовъ не подходить къ батарее, прежде чѣмъ Елизавета Петровна не пригласитъ его, мо-

жетъ ей не нравятся его частыя вылазки. Только себя
измаялъ: весь вечеръ остался безъ водки; за ужиномъ ужъ
кое-какъ навесталъ, подь предлогомъ зубной боли. Отсту-
пилъ. И прекрасно сдѣлалъ, потому что маіоръ давно ужъ
окопался и только ждалъ ключей крѣпости и съ Петромъ
Васильевичемъ ужъ у нихъ давно написанъ проектъ капи-
туляціи, не соглашались они только относительно контри-
буціи. Разумѣется, Елизавета Петровна ничего объ этомъ
не знала. Она только спрашивала себя: да гдѣ же люди?
Неужели это все такъ будетъ

.
.
.

МИЛАЯ ДѢВУШКА.

Теперь ужъ нѣтъ такихъ чиновниковъ, то-есть того типа канцелярскихъ чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ будетъ предметомъ моего повѣствованія. Пренній чиновникъ какъ будто и рождался въ томъ самомъ присутственномъ мѣстѣ, въ которомъ служилъ. Разумѣется, я говорю о тѣхъ канцелярскихъ чиновникахъ, которые въ чинахъ далѣе титулярнаго совѣтника не восходили и надъ которыми трунили водвилъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, выставляя ихъ въ смѣшиномъ и жалкомъ видѣ «на народныя очи». Рѣдко кто изъ нихъ безболѣзненно оканчивалъ свою долготѣнную службу. Обыкновенно съ каждымъ новымъ чиномъ какъ будто по шкату полагалась какая-нибудь хроническая болѣзнь: у губернскихъ секретарей, на примѣръ, развивался желудочный катаръ, у коллежскихъ секретарей удушье, а у титулярныхъ совѣтниковъ грыжа.

Герой моего разсказа Василій Ивановичъ Васютинъ принадлежалъ къ вышеписанному типу чиновниковъ. Онъ служилъ въ одной изъ многочисленныхъ того времени канцелярій и сидѣлъ въ такомъ столѣ, за которымъ, какъ говорили чиновники, не пообѣдаешь, то-есть просительская «благодарность» обходила его. Въ немъ вернулись дѣла, интересныя только для начальства. На примѣръ: «Дѣло о найденныхъ костяхъ, повидимому солдатскихъ» или: «Дѣло о сличеніи чертъ младенца съ предполагаемымъ родителемъ» и т. д. Онъ и стоялъ-то гдѣ-то въ углу. Чиновники этого стола только издали созерцали, какъ въ другіе столы писала просительская благостыня.

Тихій, робкій, работающій, Васютинъ у непосредственнаго своего начальства былъ на отличномъ счету. Старикъ сто-

лоначальникъ Захаръ Ивановичъ Кедровъ удивлялся его аккуратности и нерадивымъ чиновникамъ ставилъ его въ примѣръ.

— Ну, Вася,—говорилъ онъ ему:—самъ я службу люблю, много черезъ мои руки чиновниковъ прошло, а такихъ, какъ ты, на моей памяти нѣтъ. Быть тебѣ съ этимъ!..

При этомъ онъ указывалъ на свой станиславскій крестъ.

— Покорно васъ благодарю,—почтительно произнесилъ Василій Ивановичъ.

— Вѣрно тебѣ говорю!—продолжалъ Кедровъ:—чиновникъ ты удивительный! Можно сказать—артистъ. Такихъ, какъ мы съ тобою, теперь только двое: ты да я. Намъ бы съ тобой при Сперанскомъ служить. Я его помню: перья ему чипилъ. Ума былъ необыкновеннаго! Тоже нашъ братъ—изъ духовнаго званія. Что значитъ семинарія-то, вездѣ себя покажетъ! А ты вотъ смотри теперь: мой помощникъ—лицеистъ кажется... ученый, а чиновникомъ никогда не будетъ: закваска не та. Нѣтъ этого... понимаешь? Жидель все!.. Мы съ тобой какъ поидемъ работать—искры летятъ, а этотъ поллистика написалъ—головка заболѣла. Не люблю! Дай-ко табачку понюхать.

Василій Ивановичъ вынималъ табакерку.

— Подержи, голубчикъ, надо оба ствола зарядить,—шутилъ Кедровъ, втягивая въ ноздрю щепоть табаку.

Молодой помощникъ столоначальника, лицеистъ, тоже по временамъ прикасался къ табакеркѣ Василя Ивановича, показывая ему тѣмъ свое расположеніе.

— А что, Василій Ивановичъ, не найдете ли возможный дать мнѣ понюхать табачку.

— Осчастливьте.

— Съ бобочкомъ?

— Съ фіалкой!

Подержавши не безъ отвращенія около носа щепоть табаку, лицеистъ вступалъ съ нимъ въ разговоръ.

— Ну что, Василій Ивановичъ, супруга ваша здорова ли?

— Слава Богу-съ!

— Дѣтки? Ахъ, виновать! Я забылъ, что у васъ нѣтъ ихъ. Отчего это, Василій Ивановичъ, у васъ такая красивая жена, а дѣтей нѣтъ?—подшучивалъ лицеистъ.

— Богъ не дастъ,—отвѣчалъ застѣнчиво Васютинъ.

— Возьми у меня штуки четыре,—предлагалъ ему архивариусъ Фаворовъ, у котораго, несмотря на преклонныя лѣта, дѣти рождались ежегодно, такъ что начальникъ его

сталъ отказываться у него крестить, а другъ его Кедровъ замѣчалъ ему:

— Что это, Назарушка, стыдно читать твой формуляръ— весь онъ дѣтми замаранъ. Въ графѣ о службѣ только четыре строки, а эта вся исписана, точно поминанье какое: и Клавдія, и Надежда, и Ардаліонъ, и какихъ тамъ нѣтъ еще. Ты хоть бы Бога-то побоялся. Новому предсѣдателю твой списокъ попался, такъ онъ глаза вытаращилъ!.. Хорошъ, говорить, гусь! Не жалѣетъ казны-то! Помретъ, говорить, всѣ эти Ардаліоны-то на шеѣ у нея останутся. Ты бы остененился. Бери съ меня примѣръ: вѣкъ холостымъ прожилъ.

Захаръ Ивановичъ говорилъ не совсѣмъ правду: онъ тридцать лѣтъ жилъ съ своей прислугой-чухонкой «якобы въ бракѣ» и находился въ полной отъ нея зависимости. Можеть-быть, даже начальство было обязано ей, что у него на службѣ такой исправный чиновникъ. Утромъ она разбудить, напоить чаемъ, отправить въ присутствіе, по возвращеніи сниметъ съ него сапоги, надѣнетъ туфли, накормитъ, уложитъ спать, послѣ провѣтрить его въ садикѣ и посадить за работу. Ни къ нему никто никогда не ходилъ, ни онъ ни къ кому никогда не заглядывалъ. Причитавшееся ему жалованье и деньги, благопріобрѣтенныя отъ просителей, всѣ полностью шли въ кассу его сожигательницы.

— Вотъ это жалованье, а это... да не много... семь рублей только... Справку одинъ дѣлалъ...—говорилъ онъ, выкладывая деньги на столъ.

— Вы что-то мало стали носить, Захаръ Ивановичъ,— замѣчала ему подруга его сердца.

— Лѣто, матушка!—отвѣчалъ Кедровъ.—Секретарь тоже морщится... Ау, братъ! Наклюнулось тутъ одно дѣло—консисторія намъ напакостила, тамъ тоже ѣсть хотятъ. Да съ голоду не умремъ, Богъ милостивъ.

Все носильное платье Захара Ивановича состояло изъ никогда не снимаемаго вицъ-мундира, камлоговой шинели и бывшей когда-то енотовой шубы, которая уже болѣе не грѣла, а только кололась.

— Всѣ событія, которыя тогда совершались въ Петербургѣ, прошли имъ незамѣченными. Только два эпизода остались у него въ памяти. Онъ помнилъ наводненіе и какъ Телушкинъ лазилъ на шпиль Петропавловскаго собора. О послѣднемъ онъ любилъ очень рассказывать и, когда шелъ изъ присутствія съ кѣмъ-либо изъ сослу-

живцевъ, всегда на набережной останавливался и начиналъ такъ:

— Видишь, какая вышина! Иду я въ присутствіе, погода была сѣрая, а у меня немножко голова болѣла. Смотрю: лѣзетъ! Ахъ, чортъ его возьми! думаю. Индо мурашки у меня въ подонвахъ пошли. Послѣ ужъ узнали, что онъ лазилъ туда крыло чинить. Ты смотри, вышина-то какая! Медаль дали... и слѣдуетъ!..

Въ другой разъ, когда ему приходилось рассказывать о Телушкинѣ, онъ опять начиналъ такъ же точно: иду я въ присутствіе, погода была сѣрая, а у меня голова болѣла и т. д.

Василій Ивановичъ жилъ на Петербургской сторонѣ, въ Малозелениной улицѣ, въ мезонинѣ одного деревяннаго домика. Кабинетъ его состоялъ изъ очень маленькой комнаты. На одной стѣнѣ висѣлъ въ золотой рамѣ портретъ какого-то стариннаго сановника въ красномъ мундирѣ (портретъ этотъ достался ему за четвертакъ въ лотерей, которую разыгрывалъ курьеръ), на другой—двѣ литографическія картинки. Подъ портретомъ стояло фортепіано, не издававшее никакихъ звуковъ. На столѣ въ порядкѣ были разложены всѣ инструменты канцелярскаго мастерства: въ мѣдной оправѣ чернильница и песочница, маленькая пальмовая линейка для подчеркиванія выдающихся мѣстъ: «слушали, справка, приказали»; транспарантъ, выпущенный въ свѣтъ съ разрѣшенія цензора Елагина, перочинный ножикъ, нѣсколько гусиныхъ перьевъ, моточекъ форменнаго шелку и перазлучный спутникъ всякаго того времени чиновника—завернутый въ бѣленькую тряпочку сандаракъ. Кедровъ по сандараку составлялъ мнѣніе о канцелярскихъ труженикахъ.

— Этотъ у меня безъ сандараку валяется... Художникъ!—отзывался онъ о прилежномъ.—Или: этотъ безъ сандараку исповѣдываться не пойдетъ,—замѣчалъ о нерадивомъ.

Жена Васютина добрая, красивая, веселая, несмотря на нужду и лишенія, была предметомъ зависти его сослуживцевъ. Даже Захаръ Ивановичъ, погрѣпавъ однажды Васютина по плечу, ласково сказалъ: хоть бы не тебѣ, Вася! Береги! А помощникъ столоначальника, молодой лицеистъ, усиленно посѣщалъ Васютина и говорилъ, что онъ посредствомъ своего дяди, товарища министра, можетъ улучшить его положеніе и приглашалъ Софью Ивановну (такъ звали Васютину) въ итальянскую оперу и вообще распускалъ,

какъ говорится, «нюни», но долженъ былъ прекратить свои посѣщенія.

— Дочь сенатскаго курьера, а разыгрываетъ изъ себя барыню,—сказалъ онъ Кедрову.

— А вы завидѣли хорошенькую женщину, да сейчасъ и мертвую стойку... Иишь вы какіе!—заступился Кедровъ. Серьезный на службѣ, дома Васютинъ превращался въ юношу, особенно тогда, когда за обѣдомъ предстояло какое-нибудь особенное блюдо.

— Соня! Сейчасъ я прошелъ мимо лавки Елисева: свѣжіе огурцы—вотъ какіе!.. Редиска! какой-то красный ракъ въ поларшина!.. Такъ бы, кажется, стекла въ дребезги и пошелъ!.. Сначала бы на свѣжую икру навалился. Ужъ бы ей задалъ!

— А вѣдь ты дуракъ, какъ я посмотрю! Ей-Богу, дуракъ!—со смѣхомъ прерываетъ его Софья Ивановна.

— Да вѣдь другіе ѣдятъ же!—восклицаетъ Васютинъ.— При мнѣ двое прошли... Если бы мнѣ теперь редисочку, я бы ее посолилъ... И знаешь, подлецы какіе: рубль пучокъ!

Помечтавши объ омарахъ и о редискѣ, онъ закусилъ рѣдью и сталъ уписывать гороховый супъ.

Кухарка Мавра съ торжествующимъ лицомъ поставила на столъ жаренаго окуня. Она тоже очень любила, когда въ крайне незатѣливомъ меню Васютиныхъ встрѣчалось что-нибудь особенное. Она даже хвасталась передъ обѣдными жильцами, а иногда и привирала.

— У насъ сегодня рябчики были... Ццинала-ццинала, измучилась...—говорила она, хотя рябчиковъ никакихъ не было, а были просто голуби.

— Батюшки, окуни!—воскликнулъ Васютинъ, пораженный неожиданностью.—И вѣдь какъ я ихъ люблю!

— Да ты что думаешь: по случаю купила!—замѣтила Софья Ивановна.

— Какъ по случаю?

— Угадай!

Окунь дѣйствительно былъ купленъ по случаю.

— Окунь, сударыня, случайные, не прикажете ли парочку,—предложилъ Софѣ Ивановнѣ проходившій разносчикъ.

— Какъ случайные?

— Енeraldъ заказывалъ, но только, между прочимъ, въ Кронштадтъ уѣхалъ.

— Да вѣдь они сонные...

— Зачѣмъ сонные!.. Окунѣ во всей формѣ!..

— Они даже не шевелятся...

— Зачѣмъ имъ шевелиться. Это, сударыня, смиренный сортъ. Такой ужъ это сортъ смиренный... Вы не сумнѣвайтесь—живые... Къ енералу нельзя сонныхъ носить.

Вотъ одинъ изъ этого смирнаго сорта и поданъ былъ на столъ Васютину.

Вообще въ Малозелениной улицѣ въ то время жила большею частью бѣдность. Чиновницы сами ходили на рынокъ, а если у кого была кухарка, то она подвергалась или сожалѣнію, или осмѣянію отъ кухарокъ людей зажиточныхъ.

— И какъ это, матка, вы живете, даже намъ удивительно!—говорила Васютинской кухаркѣ Маврѣ, встрѣтившись съ ней на рынокѣ, кухарка мѣстнаго отца протоіерея:—шнче вирголодь, завтра вирголодь...

— Что-жъ дѣлать, живемъ!—отвѣчаетъ уныло Мавра:—барыня очень ужъ у насъ неподобная. Последній тебѣ кусокъ отдастъ... Не всѣмъ, голубушка, по вашему жить.

— У насъ хорошо живутъ,—не безъ гордости говорить кухарка отца протоіерея.—Живутъ, можно сказать, чудесно. Ты то возьми—мы и квась-то дома варимъ, а не то что за каждой бутылкой въ лавку бѣгать. Опять же и то: десять человѣкъ за столъ садятся, а въ праздникъ съ племянниками, то и всѣ пятнадцать... Надоть ихъ ублатворить!.. Да все народъ-то молодой, семинаристы... Наголодаются за недѣлю-то, волкамъ на подобіе сдѣлаются. Поставишь на столъ кулебяку-то, отецъ протоіерей благословить ее не успѣетъ, а ужъ они на части растерзали. Вымя теперича... Обожаютъ! Какъ пойдутъ хватать—только держись!.. И запрету имъ нѣтъ, пускай, говоритъ, кушаютъ во славу Божію... Хорошо дѣлать, въ полное свое удовольствие.

— Достатки, значить, матушка, хороши.

— Это ужъ что говорить, достатки хорошіе! Безъ достатковъ ничего не сдѣлаешь. Сама вотъ только прогопоница-то прижимиста.

— Нѣтъ, матушка, наша барыня все тебѣ отдастъ. Сколько ужъ я мѣстовъ произошла, а такой не видывала.

— Нѣтъ, ты бы у моей пожила—вотъ такъ сахаръ!—вмѣшалась кухарка какого-то чиновника.—Картофель счетомъ выдаетъ!

— Картофель?..— выкликнула протоіерейская кухарка.— Да у насъ картофель-то... Да что это... Господи!

— Да я у армянина жила,—перебила Васютинская кухарка.

— Какой армянинъ, другой армянинъ... — перебила въ свою очередь кухарка отца протоіерея.

— Да вотъ какой армянинъ, дай Богъ ему здоровья, этому армянину-то. Отецъ, а не армянинъ! — закончила Мавра, направляясь въ мелочную лавку.

Оставшіяся кухарки еще немножко посудачили и разошлись.

Понездоровилось какъ-то Василью Ивановичу. Дни стояли осенніе, сырые, вѣтряные. Не пошелъ онъ въ присутствіе. Захаръ Ивановичъ тоже болѣлъ, не спасла даже шуба: ему надудо флюсь—и онъ, заложивши за щеку разваренную въ молокъ винную ягоду, сидѣлъ дома, разговаривалъ съ сожительницей жестами и сердился. Ужъ если такой канцелярскій столбъ сидѣть дома, такъ ему-то и Богъ велѣлъ, успокаивалъ себя Васютинъ. Онъ взялъ кѣтку своего любимаго скворца, сказать ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ, что онъ скворецъ умный, что онъ любитъ его больше другихъ птицъ, что канарейка дура и сталъ насыпать ему муравьиныя яйца.

— Да вотъ вы тутъ толкуете, а не знаете, какая у насъ бѣда въ кухнѣ стряслась, — завизжала Мавра, опрометью вбѣгая въ комнату: — только-что отвернулася, подъ самыя, почитай, подъ носъ подкинули.

— Что подкинули!—вскрикнулъ Васютинъ, уронивши на полъ банку съ муравьиными яйцами. — Тьфу ты, дура проклятая! Подбирай теперь!..

— Вотъ вы въ кухнѣ-то теперь дѣла-то подбирайте, — продолжала визжать Мавра:—въ лавочку побѣжала... я въ калитку, а она мнѣ навстрѣчу... Мнѣ бы ее опросить... Известно, наша сестра глупая—неведомѣкъ. Вся воля вапа, я ни въ чемъ не причина,—извольте сами раздѣлываться!

Васютины бросились въ кухню: на столѣ лежалъ завернутый въ старое одѣяло младенецъ. Изъ-подъ свивальника торчала записка: «некрещеная, ради Бога не оставьте». Василий Ивановичъ обомлѣлъ. Мавра металась изъ угла въ уголь, выкрикивая:

— Хопъ огни подо мной разжигайте! Вотъ запекись мол горганъ кровью, коли я... Господи, сколько я мѣстовъ произошла!.. На чердакъ въ тѣ поры саножникъ удавился!..

Таскали-таскали меня, а чѣмъ я причина... Я пошла бѣлье вѣшать... Какъ стали изъ петли-то вынимать — душеньку всю мою разворотило, замертво меня съ чердака-то стащили... Я подъ присягу пойду! Вотъ дай мнѣ Богъ святой воды не пить...

— Молчи, дура сумасшедшая, — прервалъ ее наконецъ Васютинъ и понесъ младенца въ комнату.

— Соня, мы ее у себя оставимъ! Ей-Богу! — обратился онъ къ женѣ: — не объѣсть насъ!.. А, можетъ, это наше счастье будетъ. Не подкинули къ богатому — къ бѣдному принесли... Своихъ Богъ не даетъ — чужую возьмемъ. Возьмемъ, Соня, ей-Богу!..

— Если теперъ и мать за ней придетъ, я и матери не отдамъ, — отвѣчала Софья Ивановна. — Ты смотри — одни глаза чего стоятъ! Смотри-ко, словно вишни.

Глаза у ребенка были дѣйствительно необыкновенные.

Изъ кухни все еще доносились вопли кухарки: — Экая сука подлая! Свое рожденье, словно котенка какого, прости ты меня Господи!.. И къ кому подкинула-то: самимъ жрать нечего...

Смирный и нѣжный Васютинъ разсвирѣпѣлъ.

— Убью, подлая! — закричалъ онъ, подбѣгая къ двери. — Молчать! Вонъ изъ моего дома! Ты забыла, кто я!

Кухарка мгновенно смолкла.

Несмотря на нездоровье, Васютинъ тщательно побрился, надѣлъ вицъ-мундиръ и сталъ писать заявленіе въ кварталъ. Мавра въ это время обѣгала всѣхъ жильцовъ дома и ближайшихъ сосѣдей. Несмотря на слякоть, у воротъ дома начала собираться толпа и ужъ двѣ пары старухъ проникли въ кухню, а одна даже пріотворила дверь въ комнату.

— Что вамъ угодно? — съ удивленіемъ воскликнулъ Васютинъ.

— Ребеночка, батюшка, полюбопытствовать пришли, — отвѣчала старуха.

Васютинъ подъ носомъ у нея захлопнулъ дверь. Старуха заворчала. — И не въ такія хоромы вхожа, — зашампила она, опускаясь съ лѣстницы.

Вслѣдъ за ней вышелъ и Васютинъ. У воротъ встрѣтилъ его городской.

— Случай тутъ у васъ, ваше благородіе, — началъ онъ. — Ребеночка прикажете въ часть взять?

— Зачѣмъ?

— Это ужь завсегда. Эти примѣры у насъ въ кварталѣ часто бываютъ. Мѣсто глухое, все сюда и несутъ. Изъ части его въ вопиительный... тамъ его въ шитомки оборотятъ. Можетъ, когда и человѣкомъ будетъ, коли счастье ему...

— Я съ квартальнымъ поговорю,—окончилъ Васютинъ, направляясь въ канцелярію квартала.

— Расходитесь! Что вы тутъ столпимши, чего не видали!..—обратился городской къ собравшейся кучкѣ зрителей:—на Сѣнную ступайте, тамъ бѣлугу въ триста пудовъ привезли, не въ примѣръ любоньгиѣ.

— Бѣлугу-то въ триста пудовъ? Да что ты, очумѣль, что ли? — возразилъ кто-то изъ толпы: — пятьдесятъ если пудовъ—и то много, а то въ триста!

— Проходи, проходи!—настаивалъ городской.

Кучка мало-по-малу разоплась.

Васютинъ отворилъ дверь канцелярїи въ тотъ моментъ, когда квартальный размахнулся, чтобы нанести ударъ по скулѣ провинившагося чѣмъ-то обывателя. Обыватель ужь съежился и прищурился. Мигъ! и у него изъ глазъ полетѣли бы изумрудныя и сапфирныя искры, задрожала бы челюсть... Но дверь отворилась, квартальный опустил руку: молнія ударила въ землю...

— А, Василій Ивановичъ!—встрѣтилъ его ласково квартальный.—Милости просимъ! А ты, погоди, скотина! Я до тебя еще доберусь,—отнесся онъ къ обывателю: —пошелъ вонъ, да помни!..

Обыватель поклонился квартальному въ ноги, проговорилъ: «покорнѣйше благодарю, что поучили» и вышелъ.

— Счастливъ твой Богъ, что ему некогда, а то бы онъ тебя пригладилъ,—сказалъ ему на лѣстницѣ будочникъ.

— Ахъ ты, кислая шерсть! — отвѣтилъ ему обыватель.

— Что прикажете, Василій Ивановичъ? — началъ квартальный, вводя Васютина въ свой кабинетъ.

Васютинъ подалъ заявленіе, въ которомъ изъявлялъ желаніе оставить младенца у себя.

Квартальный прочиталъ.

— Э, батюшка, вонъ оно что! Да вы, тово... не собственную ли свою подкинули, — заговорилъ онъ иронически: — согрѣшили гдѣ-нибудь на сторонѣ — ребенка-то жалко, а жены-то страшно!

— Что вы, Порфирій Алексѣевичъ! — возразилъ сконфуженный Васютинъ.

— Да примѣры-то эти бывали! — продолжалъ тѣмъ же тономъ квартальный. — Вы ужъ мнѣ-то сознайтесь, я-то васъ не выдамъ.

Скромный Васютинъ началъ теряться.

— Шучу, шучу! — ободрилъ его квартальный. — А знаете, что я вамъ скажу: вѣдь это все штабные писаря накосятятъ. Сколько вѣдь ихъ здѣсь чертей живетъ? Что вы станете дѣлать съ этимъ народомъ! Перетянетъ талю, нафабричь усы, я, говорить, экзаменъ на офицера держу. Да вотъ я теперь объ одномъ такомъ молодцѣ произвожу дознание. Три мѣсяца его женихомъ считали, мать однихъ ихъ съ невѣстой въ театръ отпускала... Ну, да изъ моихъ рукъ онъ не вывернется! Шпоры анаема привинчивалъ! Писарь-то!.. Я самъ въ старинные годы на конѣ сидѣлъ! Кавалерію въ обиду не дамъ. Дѣло доброе, Василій Ивановичъ! Не ценка берете — человекъ. Все, что отъ меня зависитъ — сдѣлаю. Разумѣется, для очищенія совѣсти, мы немножко мамашу-то поищемъ, можетъ опять какой-нибудь и писаренокъ тутъ попадется, — окончилъ Порфирій Алексѣевичъ, провожалъ Васютина до двери.

При пожатіи руки, Васютинъ оставилъ въ рукѣ квартальнаго рублевую бумажку.

— Да напрасно, не стѣить, — сказалъ квартальный: — а впрочемъ, вы сами служащій — понимаете. Не мнѣ вѣдь — труженикамъ моимъ канцелярскимъ. Одного вотъ недавно въ острогъ посадили: фальшивый паспортъ написалъ. А гдѣ ты ихъ найдешь... честныхъ-то?.. Да и у оберъ-то полиціймейстера въ канцеляріи за этимъ народомъ тоже гляди да гляди... Рвутъ съ живого и съ мертваго. Охъ, эта полицейская служба! Да! Не сосводничаєте ли вы мнѣ письмоводителя. Отличный у меня былъ — снился подлецъ! Въ бѣлой горячкѣ на кушца одного бросился, насилу оттащили.

Васютинъ обѣщался поговорить съ однимъ чиновникомъ.

По соблюденіи всѣхъ формальностей, подкинутый ребенокъ былъ окрещенъ, нареченъ Вѣрой и оставленъ на воспитаніи у Васютина. Захаръ Ивановичъ пришелъ въ удивленіе отъ поступка своего подчиненнаго и обѣщался ему, но выходя въ отставку, уступить свое кресло.

— Старъ я, Вася; изломанъ, — говорилъ онъ ему: — къ Назарушкѣ въ архивъ на полку пора. Третью кожу на стулѣ протираю. Сорокъ лѣтъ, братъ! Хочу на покой проситься, объ тебѣ тогда... Да некого и назначить! Назаръ племянника хочетъ изъ консисторіи, да онъ кривой, въ

консistoriи-то сидитъ гдѣ-нибудь за шкафомъ, тамъ его не видать, а здѣсь вѣдь анфилада... Видишь! Ужъ хлопотать буду! Вотъ, скажу—человѣкъ! У предсѣдателя ты тоже на хорошемъ замѣчаніи. Намедни путкой мнѣ говоритъ: кажется, говоритъ, Васютинъ-то у васъ безъ сандараку? Такъ точно, говорю, ване превосходительство. Засмѣялся. Молодецъ ты, Василій! Хвалю! Моя тоже очень тобой довольна. Умная вѣдь она у меня женщнна... простая, но министерскій умъ.

Дни пошли за днями, Вѣрочка стала воспитываться. Васютинны сосредоточили на ней всю свою любовь. Тутъ мы ее оставимъ и встрѣтимся съ ней въ ея расцвѣтъ, т. е. въ то время, когда она стала поражать своей красотой Малозеленину улицу, и называлась уже не Вѣрочкой, а Вѣрой Васильевной.

Повѣствую. Много воды утекло, много переменъ случилось во время ея воспитанія. Захаръ Ивановичъ уступилъ свое кресло племяннику товарища министра и три года донанивалъ свою шубу въ качествѣ отставнаго коллежскаго ассессора, а потомъ переселился въ вѣчное упокоеніе, завѣщавъ Васютину камлотовую шинель. Могильный холмъ его уже сравнялся съ землей. На мѣстѣ старенькихъ домиковъ, во многихъ мѣстахъ появились очень красивые новенькіе. Прежніе штабные писаря смѣнились поколѣніемъ новыхъ, съ болѣе развязными манерами и съ выпущенными изъ-подъ борта бронзовыми цѣпочками. Бывшій квартальный Порфирій Алексѣевичъ жилъ уже частнымъ человѣкомъ, но все-таки ходилъ въ форменной шинели и въ картузѣ съ краснымъ околышемъ. Его можно было встрѣтить и въ мелочной лавкѣ, и въ табачной лавкѣ, и въ трактирѣ, гдѣ онъ бесѣдовалъ о былыхъ временахъ полицейскихъ.

— Разъ мнѣ приказано было задержатъ одного фальшиваго монетчика,—начиналъ онъ. — Я въ Ижору—пѣтъ! Я въ Красненскій—сейчасъ только на лхачѣ удралъ. Галаховъ тогда оберъ-полиціймейстеромъ былъ: кричитъ на меня — подь судъ отдамъ! И гдѣ-жъ мы его взяли? На Сѣнной! Монахомъ переодѣлся и идетъ... Ну, тутъ его сейчасъ... пожалуйте!..

— Трудная ваша служба была,—замѣчаетъ ему молодой лавочникъ.

— Трудная! Теперь что! Теперь городовые ходятъ, да отъ скуки въ свисточки посвистываютъ, а я еще трещетки помню!

— Какъ трещотки?

— Трещотки были, а послѣ колотушки, ну а теперь вотъ свистки. Ужъ это безъ меня.. Теперь все не то! Бывало въ часть-то приведуть человѣка, онъ дрожить, словно передъ смертью, знаетъ, что онъ отсюда безъ полутора ста не выйдетъ. А теперь приведуть: какъ тебя, голубчикъ, зовуть? Павелъ Семеновъ. Извини, что побеспокоили, ступай на всѣ четыре стороны.

— Строгое ваше время было.

— Строгое, чудесное время было!.. Въ нашей части арестантскія-то въ подвалѣ были, арестанты такъ и звали ихъ «склепомъ». Если, бывало, мазурикъ попадетъ туда на недѣлку, на двѣ — долго послѣ не попадется. Я и по службѣ-то туда только два раза спускался. Юдоль! Разъ какой-то графъ своего камердинера, гордый этакой холуей былъ — на недѣлку къ намъ погостить прислалъ. Его и посадили... Умеръ! Не выдержалъ!.. Вонь! Духота!..

Пробесѣдовавши съ лавочникомъ, Порфирій Алексѣевичъ шелъ въ табачную лавку и тамъ тоже начиналъ бесѣду.

— Въ мое время, бывало... тогда на улицѣ курить ни-ни! Иду я разъ по Малой Невкѣ, тогда мы еще въ трехъ-угольныхъ шляхахъ ходили — смотрю какой-то гусь идетъ съ сигаркой въ роту. Я къ нему. Это, говорю, что значить? А онъ идетъ да покуриваетъ. Постой, думаю, до будки дойдешь, и тебя тамъ раба Божьяго... Глядь — за нимъ кучеръ ѣдетъ, спина золотымъ позументомъ вынита... Посланникъ!

— Попались,— замѣчаетъ торговецъ.

— Попался, попался, вѣрно попался! Ну! думаю... Ни-чего, прошло!..

Если вечеромъ онъ попадалъ въ трактиръ, то рассказъ его не было конца.

— Вотъ потемнѣе-то будетъ, пойдутъ, — начиналъ онъ, заглядывая въ окно.

— Это насчетъ чего вы изволите, Порфирій Алексѣевичъ?—спрашиваетъ буфетчикъ.

— Да вотъ... насчетъ мазуриковъ. Всѣ вотъ скоро повывѣзутъ... Кто по чердакамъ за бѣльемъ нойдетъ, кто...

— Сколько этого народу въ Санктъ-Петербургѣ, — замѣчаетъ буфетчикъ.

— Ловить ихъ теперь не умѣютъ. У меня разъ вотъ какъ случай былъ, — одушевлялся Порфирій Алексѣевичъ и рассказывалъ какой-нибудь страшный случай изъ своей

полицейской практики: как онъ накрылъ въ пустой баркѣ цѣлую шайку мазуриковъ и т. п.

Софья Ивановна скончалась. Васютинъ сторбился и по-сѣдѣлъ. Вѣрѣ Васильевнѣ исполнилось двадцать лѣтъ. Ужъ въ двери ея сердца постучался купидонъ — прапорщикъ Ластоваго экипажа лѣтъ пятидесяти. «Господь, по неисповѣдимой своей благодати, сотворилъ человѣка, сотворилъ ему и помощницу», такъ начиналось его письмо къ ней... Онъ давно искалъ дѣвушку «съ красотой и скромностью» и оба эти качества нашелъ въ ней. Онъ родился въ Новороссійскѣ, первоначальное воспитаніе получилъ тамъ, «въ училищѣ малолѣтнихъ черкесовъ», служилъ въ черноморскомъ флотѣ и т. д.

Ходить ей по улицѣ безъ провожатаго стало неудобно, потому что военные писаря стали ей «подкашливать». Это особенный пріемъ заставлять обращать на себя вниманіе. Одинъ попробовалъ вступитъ съ ней въ разговоръ. Откинувши лѣвую руку за спину, а большой палецъ правой заложивши за пуговицу, онъ обратился къ ней съ слѣдующими словами: «вотъ мы сейчасъ толковали съ моимъ сослуживцемъ, въ чемъ состоитъ счастье каждой женщины: онъ говоритъ—въ дѣстаткахъ, а я говорю—въ непорочной любви».

Другой писарь написалъ письмо: «Если вы думаете, что съ моей стороны дурачкія намѣренія, то вы жестоко ошибаетесь. Я согласно своему официальному положенію долженъ искать предмета, съ которымъ предъ алтаремъ наложу надѣть брачный вѣнецъ, но при всемъ томъ, не желая впутывать въ это дѣло свахи, я хотѣлъ узнать доказательства вашего расположенія. И такъ до свиданія. Съ правомъ на чинъ 14 класса Скворцовъ».

Третій писарь начиналъ свое письмо такъ: «Находясь въ лабиринтѣ несчастія, отдавши руль жизни судьбѣ, я долго бился и мучился отъ несправедливости высшей сферы начальства и т. д.»

Волей-неволей Вѣра Васильевна должна была сидѣть дома, подругъ у нея не было. Темные осенніе вечера повергали ее въ отчаяніе. Въ комнатѣ тишина, какъ въ могилѣ, на улицѣ тоже тишина и непроглядная темь, потому что, хотя освѣтительный матеріалъ — спирто-скипидарная жидкость—для Малозелениной улицы и полагался, но между фонариками находились химики, которые отдѣляли спиртъ отъ скипидара для внутренняго употребленія и огню, не-

смотря на все его всеокрушающее начало, трудно было справиться съ мокрой свѣтильной и обезсилившею жидкостью. Фонари то мигали, то на мгновеніе вспыхивали, то испускали черезъ свои отверстія зловонный дымъ.

Изрѣдка къ Васютину заходилъ приходскій отецъ дьяконъ, пилъ у него чай и игралъ съ нимъ въ шашки. Это нѣсколько оживляло Вѣру Васильевну. Она подсаживалась къ играющимъ и хохотала до упаду.

— Преумнѣйшая игра, барышня, — говорилъ отецъ дьяконъ, многотумно смотря на шашки. — Преумнѣйшая игра! Нѣтъ, вы эту-то кушайте, Василій Ивановичъ, а то я фукну.

— Фукнете вы...

— Фукну!...

— Теперь я васъ понимаю...

— Трудно меня понять, ибо я особенное вамъ удовольствіе въ лѣвомъ углу намѣреваюсь устроить.

— Въ лѣвомъ углу? Не думаю!

— Пожалуйте, пожалуйста.

— А вотъ такъ! — восклицалъ Васютинъ, подвигая шашку.

— Да, этакъ-то вы... — задумывался отецъ дьяконъ. — А мы вотъ какъ!

— Вы такъ!

— Мы такъ!

Сыгравши партіи четыре, обыкновенно «ни въ чью», потому что оба были отличные игроки, они приступали къ графенному графинчику.

— Пора, пора! ужъ девятый въ началѣ, — говорилъ, наливая рюмку, отецъ дьяконъ.

— Часы-то у насъ впереди, — замѣчалъ Васютинъ.

— Нѣтъ, ужъ я свои часы знаю, они у меня вотъ гдѣ! — При этомъ онъ тыкалъ себя большимъ пальцемъ въ животъ. — Это у меня такой Брегетъ — никогда не обманетъ.

Выпивши рюмочки по двѣ, они начинали бесѣду.

— У васъ тоже, говорятъ, Василій Ивановичъ, доходы теперь пообрѣзаны.

— Какіе наши доходы! — уныло отвѣчалъ Васютинъ.

— Слышали! У насъ тоже плохо стало. Голосу съ дьяконовъ не спрашиваютъ, а по родственному больше мѣста даютъ. Хоть динкалтомъ многолѣтіе говори, а коли ты родственникъ — тебѣ и мѣсто. Мнѣ, по моему голосу, надо въ Казанскомъ соборѣ быть, потому у меня и середина, и октава, и верха есть! Въ Москвѣ, говорятъ — не бывалъ я

тамъ—за такой голосъ отъ купцовъ сотни летать, подбѣрай только.

— Не тѣ ужь времена, — продолжалъ тѣмъ же тономъ Васютинъ.

— Не тѣ, — окончилъ отецъ дьяконъ, вставая изъ-за стола.— Пора! И не дальній путь, а за тьмою-то, хоть и малая опасность, а все-таки есть. Сіянье-то это фонарей очень слабое. Освѣщая себя, не освѣщаютъ того, что освѣщать должны. Прощайте, барышня. Прощайте, Василій Ивановичъ. У насъ завтра богатые похороны—чревонасыщеніе будетъ большое. До скорого свиданія, — заключилъ онъ, спускаясь по узкой лѣстницѣ. Черезъ минуту раздался густой басъ отца дьякона:

— Извозчикъ!

— Экой голосъ-то прекрасный, — сказалъ Васютинъ и пошелъ заниматься дѣлами. Вѣра Васильевна тоже удалась въ мертвящую тишину своей комнаты, въ которую изрѣдка доносился скрипъ пера строчащаго Васютина.

Иногда, по праздникамъ, заходила къ нимъ дальняя родственница Васютина, вдова отставнаго титулярнаго совѣтника, способная убить самое веселое расположеніе, разстроить самые крѣпкіе нервы. То она жаловалась на какую-то «внутреннюю болѣзнь», которую ни одинъ докторъ лечить не можетъ, то говорила о своей нищетѣ, то объ обѣдахъ, которыя наносятъ ей въ различныхъ установле-ніяхъ, въ которыхъ она ищетъ пособія.

— Представьте себѣ, — говорила она: — мы, говорить, не можемъ принять ваше прошеніе, оно не по формѣ написано. Помилуйте, говорю, я болѣзненная женщина. Все равно, говорить, и ушелъ. Что же это такое, — я васъ спрашиваю: — мой мужъ государственный человѣкъ былъ, два ордена въ петлицѣ имѣлъ... Докторъ тоже какъ меня обидѣлъ! Порошки мнѣ прописалъ. А не будетъ, говорю, отъ нихъ вреда? Ступайте, говорить: Да такимъ голосомъ, словно на горючнюю. Но крайней мѣрѣ, говорю, въ какой ихъ водѣ принимать? — Въ морской, говорить. Приняла я два поронка, у меня такъ заболѣло горло, что я и сказать вамъ не умѣю. Я опять къ нему. У меня, говорю, г. докторъ, отъ валихъ порониковъ горло горитъ. Что же, онъ, говорить, ужь и дымъ показался? Мнѣ совѣтовали на него въ физикатъ подать.

Васютинъ во время ея монологовъ ходилъ изъ угла въ уголь да посвистывалъ.

— Я пришла посоветоваться съ вами, Василій Ивановичъ, по родственному: не подать ли мнѣ въ комиссію прошеній?..

— Откажутъ, — отрывисто отвѣчалъ Васютинъ.

— То-есть, почему же это откажутъ? — тоже отрывисто спросила она.

— Потому что туда съ такими пустяками не ходятъ.

— Какъ пустяки?! Болѣзненная я женщина!.. Всѣ родственники противъ меня! У сестры Настасьи была. Ну что бы, кажется, ей стоило... Вѣдь знаетъ мое положеніе... Ну что-жъ, будемъ терпѣть, будемъ страдать!..

— Да вы всякій день гдѣ-нибудь да просите, вѣдь вы денегъ много набираете...

— Что-жъ, въ комитетъ къ Рождеству десять рублей мнѣ вышло, да вѣдь, сколько я ходила-то!.. Три года! Да и то сказали, что это въ послѣдній разъ. Въ благотворительное общество подавала прошеніе — рубль дали. И разговѣться не на что было. Вамъ хорошо разговаривать. Вошь и не родной дочери, а платья-то какія...

— Ну, ужъ это вы оставьте! — вспылилъ Васютинъ.

— Да что — оставьте! Завсегда правду скажу. И дочерей такъ не одѣваютъ! А то на-ко поди! Не благородную какую подкинули!..

— Да какое вамъ до этого дѣло?

— Дѣло! Родственницы съ отрепаннымъ подоломъ ходятъ, а она...

— Хотѣлъ-было я вамъ рубль серебромъ дать, а теперь гривенникъ у меня попросите, и того не дамъ! Ступайте съ Богомъ! Вы скверная женщина! Вы попрошайка! — горячился Васютинъ. — Вы не можете смотрѣть спокойно, когда человѣку есть что пообѣдать.

— Не могу! Чужихъ съ вѣтру кормятъ, а родственницъ...

— Какая вы мнѣ родственница? Седьмая вода на киселѣ! Ступайте вонъ!..

Родственница разрыдалась и ушла. Вѣру Васильевну подобныя сцены не огорчали: она привыкла къ нимъ; но на Васютину онѣ дѣйствовали. Чтобы успокоиться, онѣ одѣвался и шелъ въ трактиръ посидѣть въ бильярдной.

По высокаторжественнымъ днямъ постоянно приходилъ къ Васютину съ поздравленіемъ отставной сенатскій курьеръ, родной дядя покойной Софьи Ивановны, добрый старецъ, сѣдой, какъ лунь, унтеръ-офицеръ Михеичъ. Васютинъ и Вѣра Васильевна любили его за необыкновенное добросердечіе. Онъ всегда приходилъ съ узелкомъ, въ ко-

торомъ находилось нѣсколько яблоковъ, изюмъ, мятные пряники—это гостинецъ Вѣрѣ Васильевнѣ, которую онъ любилъ съ дѣтства.

— Здравія желаю, ваше скородіе. Съ праздникомъ честь имѣю поздравить!—произносилъ онъ, вытянувшись во фронтъ.

— А, здравствуй, Михеичъ,—встрѣчалъ его Васютинъ:—ты еще больше состарѣлся.

— Лѣта, васкородіе: припадать сталъ.

Съ радостью выбѣгала къ нему изъ своей комнаты Вѣра Васильевна.

— Михеичъ, голубчикъ!

— Съ праздникомъ честь имѣю поздравить, ваше скородіе. Пожалуйте гостинчика.

— Что ты, Михеичъ! Я уже не маленькая...

— Ужъ пожалуйте, ваше скородіе!

— Спасибо, голубчикъ.

— Садись, Михеичъ,—предлагалъ ему Васютинъ.

— Постоймъ, ваше скородіе!

— Садись, садись...

Михеичъ усаживался на диванъ.

— Трубочку не хочешь ли?—спрашивалъ его Васютинъ.

— Пожалуйте-съ. Признаться сказать, съ утра не курилъ. Обѣдню у Вознесенья отстоялъ, да и къ вамъ.

— Ты озябъ, Михеичъ. Сейчасъ чай будемъ пить. Трубочку послѣ покуринишь,—предупреждала Вѣра Васильевна.

— Нѣтъ, спервоначалу трубочку.

— Ну, какъ хочешь.

Послѣ чаю онъ дѣлался развязнымъ, осматривалъ васютинскій вицъ-мундиръ, говорилъ, что воротникъ надо «отпарить», что онъ его возьметъ съ собой, а его знакомый портной даромъ ему сдѣлаетъ. Увидавши въ комнатѣ Вѣры Васильевны старые башмаки, онъ тоже говорилъ, что возьметъ съ собой, что у него есть знакомый башмачникъ, починить ихъ и они опять будутъ новыми. Послѣ обѣда онъ шелъ въ кухню, спалъ тамъ, курилъ свой собственный табакъ, который только и можно было курить въ кухнѣ и то при условіи, чтобы труба въ печкѣ была открыта, что кухарка и дѣлала.

— Ну ужъ, Михеичъ, наладилъ ты у меня тутъ!—замѣчала она ему.

— Въ другой разъ приду, цыгарку для тебя закурю, та много легче.—шутливо отвѣчалъ старикъ.

— Такъ я мундиръ-то, ваше скородіе, возьму и башмаки

возьму,—говорилъ онъ, вернувшись въ комнату:—онъ его отпарить и все сдѣлаетъ...

— Банмаки-то не стойт!—замѣчала Вѣра Васильевна.

— Какъ не стойт, матушка, новые будутъ!

Забравши вещи, онъ становился во фронтъ и форменнымъ тономъ говорилъ: «счастливо оставаться, ваше скородіе», и уходилъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, Михеичъ какъ-то особенно суетился. Онъ осмотрѣлъ всѣ вещи, могущія идти въ починку, вбилъ въ стѣну гвоздь въ передней, наконецъ улучилъ минуту, оставшись одинъ съ Васютинымъ наединѣ, притворилъ дверь въ его кабинетъ и началъ:

— А что, ваше скородіе, я съ вами давно поговорить хотѣлъ, да все случаю не было.

— Что, батюшка, Михеичъ?

— Извините вы меня, вашескоблагородіе, — замаялся Михеичъ...

— Что, голубчикъ, что?

— Да вотъ, извольте видѣть — старъ я... Съ Кузьмы Демьяна восьмой десятокъ пошелъ... Можетъ, скоро Богъ и приберетъ, а у меня деньги есть, большія деньги — триста рублей. Ну помру, — кому онѣ? Одинъ я, какъ перстъ. Вотъ я и хочу поговорить съ вашимъ скородиємъ. Какъ я покойницу Софью Ивановну... родная какъ она мнѣ племянница была, и по сейчасъ я, за доброту ея, всякое воскресенье свѣчи ставлю, душу ея поминаю. Такъ вотъ не обидьте вы меня — возьмите эти деньги. Вамъ нужно, а онѣ у меня такъ въ ломбардѣ лежатъ.

Васютинъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я съ простоты своей, а не то что, къ примѣру... Да и вотъ и Вѣру Васильевну, все равно, какъ покойницу почитаю... Махонькую на рукахъ носилъ. Бывало: «дѣдушка, дѣдушка!..» Въ церкву думалъ положить, да опять же думаю... Не погнушайтесь, возьмите... Своими трудами скопилъ.

Васютинъ заплакалъ.

— Я Михеичъ, — началъ онъ: — твоихъ денегъ не возьму. А ужъ коли ты рѣшился отдать ихъ — отдай Вѣрочкѣ, это ей счастье.

— Главная причина, ваше скородіе, въ томъ расчетъ — помру скоро. Сенаторъ одинъ на наперти меня увидалъ. Живъ, говоритъ, Михеичъ? — Такъ точно, говорю, ваше високопревосходительство. — Ну, говоритъ, живи!

— Дѣлай, какъ хочешь — твое дѣло. Ты знаешь, я Вѣрочку люблю, хоть она и не дочь моя...

— И я, ваше скородіе... все равно, какъ родная она мнѣ. Вотъ такъ бы все глядѣлъ на нее. Намедни безъ васъ заходилъ: поплакали мы съ пей. Какая, говорить, моя жизнь будетъ, Михеичъ? Ничего кругомъ меня нѣтъ! И васъ-то ей, ваше скородіе, жалко, тоже говорить, состарѣлся, а все работасть.

— Да, Михеичъ, какъ подумаю я объ ней—сердце поворачивается. Вдругъ, сохрани Господи!.. Куда она пойдетъ. За нее больше мнѣ отвѣту, чѣмъ за родную дочь: самъ взялъ на свое попеченіе. Можетъ быть, къ другому бы пошла—счастливей бы была.

— Истинныя ваши слова, истинныя! — согласился Михеичъ, глубоко вздохнувши.

— А работа моя что! Работать буду до послѣдняго издыханія.

— Дай вамъ Господи добраго здоровья. Такъ извольте взять...

— Нѣтъ, ты самъ ей отдай.

— Не могу. Извольте сами отдать.

Михеичъ вынулъ засаленный ломбардный билетъ и положилъ его на столъ. Васютинъ обнялъ Михеича и горячо расцѣловалъ его.

— Спасибо, добрый человекъ, — произнесъ онъ сквозь слезы.—Родной того не сдѣлаетъ, что ты сдѣлалъ.

— Ваше скородіе, вѣрно вамъ говорю—люблю ее, какъ родную. А вы не извольте ей говорить, пускай ничего не знаетъ. Все равно, покойница была бы жива—ей бы отдалъ.

Васютинъ ничего не сказалъ Вѣрѣ Васильевнѣ, но она стала замѣчать, что онъ повеселѣлъ, сталъ чаще ходить въ бильярдную и даже воротился однажды «какъ слѣдуетъ», чего она, конечно, не замѣтила, потому что онъ прошелъ въ свою комнату тихо, утромъ вышелъ огуречнаго разсолцу, пожевалъ гвоздички и «отошелъ». Онъ радовался, что на первое время, послѣ его смерти, Вѣрочка не выскочитъ на улицу нагишомъ. «Не велики деньги,—разсуждалъ онъ самъ съ собой:—а все-таки обернуться можно». Старикъ Михеичъ какъ будто предугадывалъ свою кончину. Онъ завѣщалъ Васютину свой георгиевскій крестъ и нѣсколько медалей отдать въ церковь, а на могилѣ поставить крестъ. Горько оплакала Вѣра Васильевна почтеннаго старика, узнавши о его благодѣяніи уже послѣ его смерти. Васютинъ не вытерпѣлъ—сказалъ.

Годъ прошелъ съ кончины старика. Въ жизни Васюти-

ныхъ никакихъ переменъ не произошло, но Малозеленина улица начала понемногу украшаться: кое-гдѣ перестали мостовую, потому что не было возможности проѣхать пожарному обозу; обыватели, разумѣется, о своихъ ребрахъ не помышляли, прикусывали на рытвинахъ языки, но все-таки ѣздили. Кое-гдѣ покрасили заборы, наконецъ выстроили новый домъ противъ дома, въ которомъ жилъ Васютинъ. Въ окнахъ второго этажа этого дома показались штофныя портьеры; по вечерамъ слышались звуки рояля; къ воротамъ стали подъѣзжать экипажи, которыхъ до того времени не видно было въ Малозелениной улицѣ. Васютинъ рѣшилъ, что, должно-быть, въ домѣ поселилась какая-либо важная особа, потому что въ числѣ пріѣзжавшихъ онъ видѣлъ одного значительнаго чиновника. Пріѣздъ на жительство важной особы произвелъ въ небольшой улицѣ, имѣвшей свои нравы и обычаи, сенсацию. Стали доискиваться: кто?.. Лавочникъ Соколовъ говорилъ, что пріѣзжала разъ къ нему горничная за огурцами, но «ничего такого» не говорила. Дворникъ дома говорилъ, что въѣхала генеральша, а кто она такая—Господь ее знаетъ, «это до насъ не касающее». Трактирщикъ говорилъ, что ходятъ ихніе люди на бильярдѣ играть, водку пьютъ «и даже очень», особенно поварь, но какіе господа—неизвѣстно. Владѣлица одного крошечнаго деревяннаго домика, вдова придворнаго арапа Миროнова, проникавшая во всѣ щели Малозелениной улицы, попробовала спросить кучера, назвавши его милостивымъ государемъ, тотъ ее обругалъ, «какъ не надо быть хуже». Родственница Васютина не преминула тотчасъ же толкнуться со свидѣтельствомъ о бѣдности. «До самой ее не допустили», а черезъ горничную выслали рубль.

— Горничная, матушка,—послѣ говорила она:—этакая барственная особа, Анной Матвѣвной зовутъ. Я говорю: я, матушка, болѣзненная женщина и вотъ свидѣтельство о моей бѣдности отъ отца моего духовнаго. Она сейчасъ положила и вынесла. А въ передней-то, матушка, офицерская шинель висѣла... Сама видѣла... На красномъ подбоѣ. Миѣ бы, дурѣ, подать свидѣтельство отъ квартала, можетъ-быть больше бы выслали, потому оно чувствительнѣе написано, а я думала, что отъ отца духовнаго дѣйствительнѣе, потому какъ онъ всѣ тайныя грѣхи мои знаетъ

.

ОТЖИВШІЕ ТИПЫ.

Богатый былъ кунецъ Иванъ Гавриловичъ. Большой домъ былъ у него въ одномъ изъ московскихъ захолустій, старинный, барскій, съ колоннами, принадлежавшій въ концѣ прошлаго столѣтія какому-то генералъ-анисфу. Жилъ онъ по старымъ отеческимъ преданіямъ и капиталъ имѣлъ «темный», несчитанный. Помѣщался онъ съ сыномъ внизу, а безчисленный женскій полъ ютился въ верхнемъ этажѣ, окнами въ огромный заросшій садъ. Живущихъ въ домѣ никогда не было видно, и, если бы по вечерамъ не раздавался изъ-за воротъ на всю окрестность собачій лай, можно было подумать, что домъ стоитъ пустой. По субботамъ, впрочемъ, постоянно запертыя ворота отворялись: вывозилъ жирный жеребецъ крытую пролетку, въ кузовъ которой втиснуто было необыкновенно толстое существо въ черномъ бурнусѣ, съ покрытою чернымъ платкомъ головой. И если бы не виднѣющіеся изъ-подъ платка кусочекъ носа и часть отвислаго подбородка, можно было подумать, что вывезли какую-нибудь кладь. Это выѣхала «сама». Дворникъ почтительно приговаривалъ: «дай Богъ часъ добрый!» И по возвращеніи съ бѣльшимъ почтеніемъ приговаривалъ: «Съ легкимъ паромъ честь имѣемъ поздравить!»

Старикъ никогда единственную свою лошадь не безпокоилъ — ходилъ пѣшкомъ или приторговывалъ такого рваного извозчика, на котораго садятся только въ крайности.

Сынъ Ивана Гавриловича, Гаврила Ивановичъ, нигдѣ не учился, ничего не дѣлалъ, полавливалъ въ окрестныхъ садахъ синицъ и чижей, да удилъ въ Яузѣ рыбу. Вздумалъ было разъ прочесть Юрія Милославскаго, — семинаристъ одинъ, товарищъ по ловлѣ синицъ, посовѣтовалъ, да при чтеніи «очень сонъ сталъ одоѣвать — бросилъ». По мѣрѣ

того, какъ родитель приближался къ «оставленію мірскаго мятежа и временныя сая жизни», кругозоръ Гаврилы Ивановича расширялся: ужъ къ его услугамъ стоялъ у трактира лихачъ-извозчикъ, ужъ онъ сидѣлъ по вечерамъ «подъ машиной» Московскаго трактира, выслушивая мотивы изъ Роберта, Аскольдовой могилы и т. п. Ужъ опъ позналъ предельть увеселительныхъ московскихъ притоновъ, былъ свой человекъ въ «Волчьей долинь»^{*)}, заставлялъ тамъ московскихъ пропойць «потерянныхъ людей» за стакань водки лаять по-собачьи, лазить подъ бильярдъ и т. п. и былъ другомъ московскихъ торбанистовъ (теперь вымершій типъ, которому на смѣну явился куплетистъ, только съ меньшимъ остроуміемъ). Сынь онъ былъ почтительный и не шелъ противъ воли родительской; его только безнокоила люстриновая сибирочка съ крючками, да стѣсняли сапоги «бутылками», костюмъ, безъ котораго, по мнѣнію родителя, нельзя было достигнуть вѣчнаго блаженства.

По вотъ, въ одну ночь, раздается въ домѣ плачь и рыданіе: старикъ скончался; житія его было 69 лѣтъ, три мѣсяца и одиннадцать дней.

Тучный прахъ его заключили въ огромную дубовую колоду «ржевскаго дѣла», снесли на кладбище, ницую братію накормили и одѣлили деньгами. Шесть недѣль раздавалось въ домѣ заунывное женское пѣніе и чтеніе псалтири, затѣмъ «время плачу и рыданію прости» — сама удалилась на два года въ одинъ изъ керженскихъ скитовъ и по возвращеніи оттуда уже не нашла въ домѣ того благочестія, въ какомъ она его оставила, даже вывѣтрился тотъ специфическій запахъ — смѣсь ладану, воску, деревяннаго масла и разныхъ пахучихъ травъ, который составлялъ его необходимую принадлежность. Въ залѣ, гдѣ, подъ гнусавое чтеніе начетницъ, отбрасывались по лѣтоставѣ земные поклоны — ставились ломберные столы; гдѣ пѣлись большіе стихи изъ праздниковъ и тріодей и другія венцы со всякимъ благочиіемъ, раздавалась подъ акомпанементъ гитары ухарская пѣсня цыгана; оліамъ кадильный замѣнила «злосмрадная и богоненавистная воия табаки, еже отъ травы высирь прозябающей». Гаврила Ивановичъ уже оставилъ, по его словамъ, «невѣжество», т.-е. снялъ прежній костюмъ и одѣлся по модному, завелъ коляску, позировать въ которой училъ его какой-то танцовщикъ, съ которымъ онъ никогда не разлучался. Кромѣ способности пить вино ка-

*) Трактиръ у Каменнаго моста, теперь не существующій.

кое угодно и въ какое угодно время, быть готовымъ «въ отъѣздъ» (такъ назывались загородные кутежи въ Царичинѣ, въ Марьиной роцѣ и т. п.) по первому требованію— онъ зналъ нѣсколько фразъ по-французски и хотя не могъ поддерживать разговоръ, но извѣстныи ему фразы произносилъ съ большою развязностью, и, во всякомъ случаѣ, познанія его въ языкѣ простиралась настолько, что онъ могъ, не стѣсняясь, пригласить французенку выпить стаканъ шампанскаго. Гаврила Ивановичъ чувствовалъ къ французенкамъ особенную нѣжность.

— Мадамъ, поставлено,—обращался онъ къ одной изъ нихъ, указывая на стаканъ вина.—Алеша, переведи, чтобы кушала.

— Madame, voulez vous boire?—переводилъ танцовщикъ.

— Ah, merci!—отвѣчала французенка, залпомъ выпивая стаканъ вина.

— Люблю!—воскричалъ Гаврила Ивановичъ, поглаживая ея руку.

— Qu'est ce qu'il dit?—быстро спрашивала французенка.

— J'aime!—переводилъ танцовщикъ.

— Aussi!—весело подпрыгнувъ, восклицала она.

— Это насчетъ чего?—спрашивалъ Гаврила Ивановичъ.

— Да ужъ хорошо,—помалчивай!

— Можетъ, деньгами желаетъ попользоваться, такъ можно немножко... три сипенькихъ...

Когда же французенка начинала болтать, переводчикъ потерялся и на вопросы Гаврилы Ивановича: «что она говорить?»—отвѣчалъ безъ запинки: шампанскаго запросила.

— Вели подавать!—разрѣшалъ Гаврила Ивановичъ.

Долго жилъ Гаврила Ивановичъ «въ этомъ направлеиіи», но безсонныя ночи, засидки и отъѣзды стали отзываться на его натурѣ. «Нечистая сила», такъ называемые «чортики», ужъ являлись ему во всѣхъ видахъ: и въ видѣ шмелей, жуковъ, вареныхъ раковъ; наконецъ, въ самый разгаръ нижегородской ярмарки, въ одномъ изъ веселыхъ заведеній, въ Кунавинѣ, его обвинялъ зеленый змій и не сходилъ съ него три дня. Эта послѣдняя галлюцинація сильно на него подѣйствовала.

— Вѣришь ли ты, — рассказывалъ онъ потомъ: — змій, вотъ какъ на паперти на страшномъ судѣ нарисованъ... зеленый, братецъ ты мой *).

*) Кажется, съ этого времени вошло въ поговорку—папиться до зеленого зміа.

Съ этихъ поръ онъ одумался и остепенился и, вспоминая минувшіе дни, говорилъ:

— Ежели разяить по бутылкамъ все, что я со своимъ переводчикомъ вынулъ, можно у Тверскихъ воротъ погребокъ открыть и торговать три года.

Старуха мать предлагала ему жениться и невѣсту нашла съ большимъ капиталомъ, но Гаврила Ивановичъ разсудилъ такъ:

— Ежели, матушка, жениться мнѣ изъ своего общества, такъ ужъ я съ малыхъ лѣтъ не на тотъ фасонъ себя опредѣлилъ; а ежели Матильду какую (Матильдами Гаврила Ивановичъ называлъ всѣхъ женщинъ не купеческаго круга) къ намъ въ домъ пустить, такъ она порядковъ нашихъ не выдержитъ — уйдетъ. Лучше я поѣду посмотрю, какъ въ чужихъ земляхъ люди живутъ.

И, взявши съ собой какого-то еврейчика въ качествѣ переводчика, уѣхалъ за границу. Былъ въ Египтѣ, вздымался на пирамиды, восходилъ на Везувій, «кружился», по его выраженію, два мѣсяца въ Парижѣ и вернулся въ свое московское захолустье такимъ франтомъ, такимъ парижаниномъ, что всѣ ахнули! Прошелъ по захолустью даже слухъ, что его вызывалъ оберъ-полиціймейстеръ и виушалъ ему, «чтобы онъ не срамилъ себя и одѣвался, какъ купцу подобаетъ», а онъ «не токмо что не послушался, а, напротивъ того, сталъ по Соколынкамъ верхомъ ѣздить». По смерти матери Гаврила Ивановичъ окончательно порвалъ всѣ связи съ обществомъ, къ которому принадлежалъ. Всѣ ютившіяся около «самой», въ верхнемъ этажѣ стариннаго дома, матушки-старинны и пачетчицы отрясли прахъ отъ погъ и разошлись питаться около другихъ благодѣтелей. Домъ совсѣмъ преобразился. Извились лакеи, появился поваръ въ бѣломъ колпакѣ, радушію и гостепримству хозяина не было конца. Высокій, стройный, безукоризненно одѣтый, лицо важное, сѣрые на выкатѣ глаза, тщательно расчесанная на двѣ стороны борода, — ну, просто лордъ, членъ парламента, когда молчитъ, а заговоритъ, такъ и отдастъ московскимъ ткачомъ: оттеда, покеда, коли ежели я, значить, напрімѣръ, теперича такъ будемъ говорить и т. п. О заграничномъ путешествіи у него остались смутныя воспоминанія. Любилъ онъ, впрочемъ, рассказывать о египетскихъ пирамидахъ въ такомъ родѣ:

— Три тысячи годовъ строили, пойми изъ этого!..

— Много выше Ивана Великаго?

— Какія твои пустыя слова! Не то что Ивашъ Великій, а можетъ... Даже удивительно! Жара, братецъ ты мой! Ну, сейчасъ этакія, значитъ, палки большія, чтобы ловчѣй идти. Ну, Египеть, самъ понимаешь! Только бедуимъ одинъ подошелъ къ намъ... черный этакій, ежели въ лѣсу гдѣ у насъ такой попадетъ — въ погахъ у него навалеешься... пусти душу на покаяніе... и глаза такіе — сейчасъ зарѣжетъ... Ну вотъ, подошелъ онъ къ намъ, а съ нами три бутылки портеру... въ Александріи на случай взяли... Опять же, нужно тебѣ сказать, англичане эти тамъ, какъ вѣкши по камнямъ бѣгаютъ и проч.

Широко закилъ Гаврила Ивановичъ. Какіе только секретари и кое-кто выше секретарей не обѣдали у него въ домѣ! Сколько стерлядей выловили въ Волгѣ, сколько осетровъ распоролы для услады ихъ животовъ.

— Завтрашняго числа вся иверская палестина у насъ будетъ кушать (иверской палестиной Гаврила Ивановичъ называлъ присутственныя мѣста), такъ ты постарайся, — приказывалъ онъ повару.

И старался поваръ, и кушала, и пила всласть вся иверская палестина.

Гаврила Ивановичъ за столъ почти не садился, а ходилъ и распоряжался.

— Г. полковникъ, пожалуйста! Вамъ первое мѣсто, какъ вы есть начальникъ всей нашей округности. Человѣкъ! Подай, братецъ, на тотъ конецъ сексу. Ты видишь, ужъ тамъ бутылку развертали... и т. п. все въ томъ же родѣ.

Но нѣтъ такого капитала, на который можно было вдосталь убогаторить утробы бывшихъ полковниковъ и секретарей отъ иверской палестины. Капиталъ Гаврилы Ивановича пошатнулся. «Въ городѣ» заговорили... Мигъ — и захоластный Лукуллъ очутился въ «Ямѣ», въ которую въ одинъ прекрасный день отвезъ его мѣстный кварталный надзиратель, любившій у него ѣсть кулебяку съ налимьими печенками.

— Вѣрьте мнѣ, — говорилъ онъ ему дорогой: — никогда мѣстная полиція васъ не забудетъ! А ужъ угощенья ваши...

Квартальный понадавилъ немножко лѣвый глазъ, но слеза не выступила.

Не знаю, долго ли соблюдался Гаврила Ивановичъ въ бывшей юдѣли купческаго срама, но я знаю, что онъ живъ и понынѣ: я видѣлъ его на-дняхъ. Онъ очень состарѣлся и бѣдно одѣтъ.

ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ СТАРАГО МОСКВИЧА.

Тетрадь сія предназначается для вписыванія моихъ мимолетныхъ мыслей и замѣтокъ и составляетъ продолженіе первыхъ тетрадей, на сей предметъ учиненныхъ.

Годъ 1875. Мѣсяць іюнь.

Несмотря на нѣкоторое въ умахъ броженіе, у насъ на Петербургской сторонѣ тихо, чему не мало способствуетъ, какъ дѣятельность полицейской власти, такъ и отдаленность мѣстности.

Нѣкоторое сомнѣніе возстаетъ въ умѣ моемъ о томъ, не обманываютъ ли насъ наши союзники. Газетныя статьи разнорѣчиво говорятъ о семъ предметѣ.

Мѣсяць іюль.

Оставилъ Петербургъ для слѣдованія по Николаевской желѣзной дорогѣ въ подмосковное имѣніе внучки моей, Настасьи Петровны.

Несообразности усматриваются на желѣзной дорогѣ относительно размѣщенія пассажировъ. Что хорошо въ Америкѣ, гдѣ всѣ равны и всѣ, начиная съ президента, служатъ по вольному найму, не всегда съ пользою примѣнимо у насъ. Отчего бы не отдѣлать одинъ вагонъ для лицъ, имѣющихъ право на уваженіе общественное?

Волховская станція.

Многое вспомнилось. Неподалеку отъ сей станціи было имѣніе покойнаго графа Алексѣя Андреевича Аракчеева—

село Грузино. Вспомнился мнѣ одинъ грѣхъ моей юности, вызванный, разумѣется, моею молодостью и неуставовившимися въ то время понятіями. Дѣло уже принимало оборотъ, грозившій мнѣ бѣлой лямкой, но чистосердечное раскаяніе, принесенное мною архимандриту Фотію, проѣзжавшему въ Грузино къ графу, утишило грозу. Фотій, назвавъ меня дерзновеннымъ офицеромъ, взялъ подъ свое покровительство. Графъ приказалъ примѣрно наказать содержателя постоялаго двора за попустительство, а меня выдержалъ мѣсяць, и то по предстательству почтеннѣйшей Настасьи Федоровны, на гаутвахтѣ, при военномъ поселеніи находившейся. Что же касается до нея... кладу храненіе устамъ. Иногда и пріятныя воспоминанія дѣлаются непріятными вслѣдствіе минувшей молодости.

Въ воспоминаніяхъ о прошломъ заснулъ и видѣлъ во снѣ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева: сидитъ въ бѣломъ одѣяніи и съ добродушной улыбкой перелистываетъ какую-то книжку.

Въ Твери проснулся и былъ на платформѣ привѣтствованъ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ весьма пожилымъ человекомъ, но очевидно меня знающимъ. Стремясь мысленно къ дѣли моего путешествія, я его не разспрашивалъ. Въ Твери я былъ послѣдній разъ въ 1830 году, бывъ командированъ туда съ весьма щекотливымъ секретнымъ порученіемъ. Въ Петербургѣ стали ходить нелѣпые слухи, что въ Твери проживаетъ секретно дочь Наполеона I, родившаяся въ Москвѣ уже послѣ изгнанія его изъ предѣловъ Россіи. Сначала говорили шопотомъ, а потомъ стали говорить вслухъ. Былъ посланъ одинъ изъ благонадежнѣйшихъ въ то время сыщиковъ для производства негласнаго дознанія. Сыщикъ, ужъ теперь не упомяну, какъ его фамилія, отвѣчалъ рапортомъ, что онъ пришелъ къ всесовершеннѣйшему убѣжденію въ томъ, что дочь Наполеона находится въ Твери и отъ преслѣдованія скрывается. Бывъ командированъ, я прибылъ въ Тверь... Впрочемъ, все сіе дѣло, какъ на ложныхъ слухахъ основанное, кончилось ничѣмъ, хотя съ мнимой дочери Наполеона и была отобрана мною подписка въ томъ, что она дочь французскаго парикмахера Наполеона Круве, въ распускаемыхъ о ней ложныхъ слухахъ не участвовала и впрередъ, подъ опасеніемъ наказанія, участвовать не будетъ, которую она чистосердечно, со

слезами, подписала. Французское посольство выразило удовольствие.

Москва.

По странному стеченію обстоятельствъ, я въѣхалъ въ Москву въ тотъ же самый день, въ который, тридцать лѣтъ тому назадъ, изъ оной въѣхалъ. Не есть ли это какая-либо тайна руководящаго меня Провидѣнія? Хотѣлъ, по старому, остановиться на Тверской, въ гостиницѣ Шевалдышева, но она, какъ оказалось, болѣе не существуетъ. Вся Тверская улица перестроена, дворянскихъ домовъ нынѣ уже не видно, лишь на воротахъ англійскаго клуба сохранились львы — эмблема силы и власти. Не безъ грусти проѣхалъ я по этой улицѣ, направляясь къ Прѣсенскимъ прудамъ, къ старинному другу своему, Ивану Максимовичу Невзорову. Сохранивши до преклонныхъ лѣтъ зрѣніе и умъ, столь необходимый для всякаго человѣка, старикъ удалился отъ современнаго общества и живетъ уединенно въ собственномъ домѣ, въ которомъ прежде тайно собиравлись масонскія ложи. Старикъ несказанно мнѣ обрадовался. Стали пересчитывать живыхъ. Оказалось, что пасть осталось только четверо: я, онъ, Степанъ Васильевичъ Прозинъ, проживающій въ собственномъ домѣ у Донского монастыря, да еще какой-то знакомый ему протоіерей. Разговорились о современномъ положеніи дѣлъ. На тотъ случай, что сія тетрадь можетъ попасть кому-либо въ руки — сужденія наши, касавшіяся, разумѣется, строя политическаго, я здѣсь опускаю, хотя нѣкоторыя мысли старика и слѣдовало было записать. Не могу не выразить удивленія передъ неосмотрительностью одного извѣстнаго мнѣ генерала, съ полнымъ откровеніемъ напечатаннаго въ «Русскомъ Архивѣ» свои записки и критически коснувшася нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ. Зачѣмъ?

Былъ у Степана Васильевича Ворлянскаго (помнится, фамилія его упоминается въ комедіи Грибоѣдова). Въ молодыхъ лѣтахъ былъ масонъ. Теперь не узнаетъ никого, и меня не узналъ. Рассказывала мнѣ безотлучно находящаяся при немъ женщина, что онъ раза три въ годъ приказываетъ подавать себѣ мундиръ, въ намѣреніи ѣхать на дворянскіе выборы и, одѣвшись, засыпаетъ. Къ удивленію моему, онъ принялъ меня за графа Закревскаго, и когда

я ему на сіе возразилъ, онъ погрозился на меня пальцемъ.

Бывъ при открытіи памятника гражданину Минину и князю Пожарскому, нарочно пошелъ на Красную площадь. Къ сожалѣнію, надпись на памятникѣ, объясняющая значеніе сего мавзолея, обветшала и обсыпалась, самый же памятникъ окруженъ ломовыми извозчиками и мелкими торговцами, что и препятствуетъ быть ему величественнымъ.

Былъ на Вшивой горкѣ. Въ бывшемъ, поражающемъ своимъ великолѣпіемъ, дворцѣ Шепелова помѣщается для черноработаго класса больница. Домъ сей, по великолѣпію убранства и барской пышности, былъ въ Москвѣ однимъ изъ первыхъ. На воротахъ дома супруги генераль-аншефа Варвары Алексѣевны Болдиной нынѣ написано: купчихи Ефремовой. Что сказать о семь? Иванъ Максимовичъ говорить: погоди, еще не то будетъ!

Былъ въ Сокольникахъ. Густой вѣковой соснякъ на половину вырубленъ. Причина тому — передача этой рощи изъ казеннаго вѣдомства въ вѣдѣніе городской думы, которая и пожелала изъ онаго сдѣлать подобіе парижскаго булонскаго сада. Напрасно. Въ старину здѣсь цари занимались соколиной охотой, отчего и роца получила названіе роци Сокольниковой. Любопытствующіе могутъ прочесть о семь въ книгѣ г. Любецкаго.

Иванъ Максимовичъ говорилъ, что французскій языкъ, прежде достояніе одного высшаго общества, сталъ нынѣ проникать и въ дома купеческіе. Несогласенъ я съ этимъ.

Въ одномъ изъ первѣйшихъ московскихъ барскихъ садовъ, на Самотекѣ, нынѣ засыпанной, устроено гулянье народное, именуемое Эрмитажемъ. Большая часть деревьевъ вырублена, пруды затянуло иломъ. Въ двадцатыхъ годахъ, садъ этотъ принадлежалъ Корсакову, въ коемъ собиралась московская знать, угощаемая роскошнымъ ужиномъ, при спускѣ на прудахъ фейерверка, и домашнимъ оркестромъ. Осталось еще нѣсколько деревьевъ, бывшихъ свидѣтелями прежняго барскаго житья. Гуляя въ семь Эрмитажѣ, съ

глубокимъ сожалѣніемъ вспомнилъ я о временахъ минувшихъ.

Подъ Новинскимъ, въ домѣ, бывшемъ князя Ивана Львовича, гдѣ была свадьба покойной княгини Анны Борисовны, помѣщается нынѣ трактиръ, и въ ономъ виситъ портретъ Фридриха Великаго, во весь ростъ, на конѣ, принадлежавшій князю. Что приличествуетъ барскому дому—неумѣстно въ трактирѣ. Не это ли одна изъ причинъ, что нынѣшнее, такъ называемое, молодое поколѣніе, взирая безъ должнаго уваженія... Впрочемъ, разсужденіе сіе оставляю до деревни.

Былъ на Воробьевыхъ горахъ, со стороны Москвы-рѣки, по своей крутизнѣ, почти неприступныхъ. Въ первый разъ я былъ здѣсь съ моимъ гувернеромъ. Въ то время еще видѣлись слѣды разрушенія, оставшіеся послѣ отступленія Наполеона, и это возбудило во мнѣ страсть къ службѣ военной, хотя бабка моя, по своимъ связямъ, предназначала мнѣ карьеру дипломатическую. Не знаю, было ли бы это лучше: Нессельроды не часты.

Приобрѣлъ покушкою у Сухаревой башни весьма сходственный портретъ Дибича, и другой, кажется, Платова; оба писаны масляными красками.

Не во всемъ я съ мнѣніемъ «Московскихъ Вѣдомостей» согласенъ.

Посѣтилъ меня одинъ молодой человѣкъ, въ трехъ училищахъ бывшій и нигдѣ курса не окончившій, съ просьбою о пособіи. Возымѣлъ онъ непреодолимое желаніе поступить въ оперетку Оффенбаха, посеку и домъ родительскій оставилъ, и отъѣзжаетъ въ Саратовъ, гдѣ оная оперетка публикою любима. На совѣтъ мой возвратиться къ родителю—разсердился. Не малое удивленіе сей молодой человѣкъ мнѣ доставилъ своимъ свободомысліемъ. На вопросъ мой, почему онъ является ко мнѣ, незнакомому ему человѣку, отвѣтствовалъ: для артиста всѣ двери открыты. Не зналъ этого, что для подобныхъ артистовъ всѣ двери должны быть открыты. Въ наше время артистъ было званіе почетное и почетное, большимъ трудомъ достигавшееся, а

нынѣ кто играетъ на гитарѣ «Чижика», уже артистомъ именуется и концертъ даетъ.

Тоже дама, мужемъ оставленная, просила о пособіи. Не-обыкновенная потребность развилась въ современномъ обществѣ на пособія, всѣ нуждаются въ ономъ: протягиваетъ руку швейцарь, подающій тебѣ шинель, парикмахеръ, обрившій у тебя бороду, дама, имѣющая возможность ѣздить на извозчикѣ, полный здоровья и силы молодой человекъ и т. п. Благотворительныя общества не успѣваютъ давать концертовъ и спектаклей для удовлетворенія просьбъ своихъ потребителей. «Подымаю завѣсу сѣдой старины» и вижу, что въ наше время пособія бѣдными людьми испрашивались токмо на паперти церковной. Одинъ изъ благотворителей, самъ живущій на счетъ благотворимыхъ, у Ивана Максимовича за обѣдомъ говорилъ, что сія причина есть обновленіе общества. Можетъ. Не спору. Но не отвлекаютъ ли сіи пособія отъ труда личнаго? Не усматриваю я никакого обновленія въ томъ, что даже сытый швейцарь, несущій одинъ изъ налегчайшихъ въ мірѣ трудовъ, является паразитомъ общественнымъ. Впрочемъ, вопросъ сей требуетъ обстоятельнаго разсужденія.

У Ивана Максимовича было вчера собраніе московскихъ ученыхъ, толковали о масонахъ и въ немалое удивленіе пришли, узнавши о личномъ знакомствѣ моемъ со Сперанскимъ и Аракчесвымъ. Нѣкоторыя неправильныя разсужденія въ современныхъ журналахъ о сихъ сановникахъ мною исправлены. О привязанности Сперанскаго къ нюхательному табаку никто изъ нихъ не зналъ.

Простившись съ Иваномъ Максимовичемъ, выѣхалъ въ деревню.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

Я нашелъ очень интересную записную книжку. Кому принадлежала она, кто писалъ ее — я не знаю. Каждое воскресенье я хожу по рынку у Сухаревой бапти, въ полной увѣренности, что найду когда-нибудь что-либо въ родѣ слова о полку Игоревомъ или Краматорской рукописи. Случалось мнѣ находить цѣлыя связки любовныхъ писемъ, альбомы съ засохшими въ нихъ цвѣтами; разъ нашелъ латинскую грамматику Цумта, подаренную на экзаменѣ «за благоправіе и успѣхи» одному юношѣ, въ настоящее время большому сановнику. Съ какой благодарностью онъ принялъ отъ меня эту книжку, напомнившую ему лѣта его юности!

Въ прошлое воскресенье, я, по обыкновенію, пришелъ на рынокъ, думая: не разстрепалъ ли въ теченіе этой педѣли какой-нибудь судебный приставъ, гдѣ-либо у Благовѣщенья на бережкахъ или на Сивцовомъ вражкѣ, какого-нибудь книгохранилища. Если—да, то часть этого книгохранилища непременно должна въ первое же воскресенье появиться у Сухаревой.

— Что новенькаго? — спрашиваю у одного пріятеля-книжника.

Онъ мнѣ предложилъ порыться въ корзинѣ, въ которой лежали разные растрепанные книги, учебныя тетради, аспидная доска и почему-то попала чайная чашка безъ ручки. Я взялъ въ руки въ осьмушку сшитую тетрадку, на лицевой сторонѣ которой четко написано: «Записная книжка, тетрадь третья». Сталъ искать другихъ тетрадокъ—не нашелъ, но есть надежда отыскать и ихъ. Пока предаю тисненію то, что есть.

Какъ ученые до сихъ поръ не открыли, кто творецъ

слова о полку Игоревомъ, такъ, по настоящему отрывку, невозможно узнать, кто авторъ этой книжки. Слогъ его то напоминаетъ знаменитаго Фотія, то сбивается на простую рѣчь. Ни года, ни мѣсяца, ни числа, даже мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе, не обозначено; можно только догадываться, что то-то было въ Петербургѣ, а то-то въ Москвѣ.

«На Страстномъ бульварѣ былъ у *самого*. По кабинету ходить одинъ. У меня, говорить, какъ у Петра Великаго, мозоли съ рукъ не сходятъ, а они меня не боятся. Много говорено было. Вышелъ на бульваръ, городской мѣ подъ козырекъ сдѣлалъ, свистнулъ три раза.

Опять былъ. Гнѣвенъ. Далъ письмо въ Питеръ, рабу Божию Владиміру. На словахъ велѣлъ сказать, чтобъ не угасалъ.

У купца былъ. Угощалъ меня ананасной водой; настоящая, говорить. На *самого* сердитъ: торговать, говорить, мѣшаетъ; разносную торговлю совсѣмъ остановилъ. Въ головы хочетъ баллотироваться. Если выберутъ, говорить, всѣ свои глупости брошу, по родителю пойду.

На Воробьевы горы ѣздилъ. Высокія. Молоко двадцать копѣекъ стаканъ.

У купца въ складѣ былъ, газету читалъ, уснулъ и страшный сонъ видѣлъ, будто въ меня изъ пушки стрѣлять хотягъ. Купецъ говорить, что водка располагаетъ. Мудренаго нѣтъ.

Сырой день въ Петербургѣ. У А. былъ. Злымъ духомъ обуянъ. Скрежещеть. Два года, говорить, я его за хвостъ держу.

У раба Божія Владиміра былъ. Втроемъ сидятъ. Мягутся. Подалъ письмо отъ *самого*. Хорошо, говорить, ему тамъ разговаривать-то!

Былъ у извѣстнаго мнѣ человѣка. Чай пили и разговоръ былъ.

У Б. былъ. Черный. Ходитъ по комнатѣ, мухъ ловить. Читалъ мнѣ по секрету нѣкую записку. Любопытная.

Въ Пушкинскомъ кружкѣ былъ. Удивленія достойно! Отроки съ отроковицами въ коридорѣ подъ ручку ходить; у буфета нелѣпно подвизаются пожилые и старцы. Овъ простираетъ руки къ питію, овъ чревонасыщенію предается. Нѣкій отрокъ взялъ книгу, вступилъ на помость и сталъ стихи читать на разные голоса. Что симъ достигается? Недоумѣваю...

У дружка своего, вологодскаго купца Ивана Петровича, моего милаго земляка, былъ. Тесомъ здѣсь торгуетъ. Про Петербургъ разговорились. Это, говоритъ, огромная кузница, въ которой, если не обожжешься, то непременно замарашься. Вѣрно!

Рабъ Божій Владиміръ книжку свою для прочтенія прислалъ. Отъ мудрости слово поставлено! Смѣлымъ слогомъ написана, отважнымъ.

У Виктора былъ. Дѣла его пошатнулись. Печаловался. Все, говоритъ, по судамъ хожу, измышлять некогда. Хотя за лѣто и создалъ нѣчто съ иностраннаго, но встрѣчаю препоны.

У Л-на чай пилъ. Липовый медъ былъ и варенье. Велѣлъ послѣ лошадей заложить и прокатилъ меня по Невской перспективѣ до Думы, самъ пошелъ внутрь оной объ нѣкоторыхъ важныхъ городскихъ дѣлахъ разговаривать. Сильный человекъ!

Съ нѣкимъ молодымъ учителемъ познакомился—ввѣренныхъ ему учениковъ бьетъ. Похваляю. Меня самого били.

У нѣкоторой значительной дамы на дачѣ многостротная трапеза была и я былъ. Съ рабомъ Божиимъ Владиміромъ рядомъ сидѣлъ. Говорили «о проникновеніи» и объ *самомъ*. А, съ умиленіемъ къ жаркому салату стряпалъ. Въ чужихъ земляхъ, говоритъ, научился. Послѣ обѣда сидѣлъ съ другомъ своимъ Владиміромъ въ саду подъ смоковницею и фрукты ѣли. Открылъ онъ мнѣ нѣкоторую тайну о французской политикѣ.

Собираюсь въ Москву.

У П. былъ. Было многое злохуленіе всѣмъ. Послѣ всѣ пошли въ трактиръ Тѣстова селянку ѣсть, а я отправился къ нѣкоему дружку своему, первостатейному купцу, на Таганку.

Свѣтъ не видывалъ такого пьянства, какое я засталъ вчера у дружка своего на Таганкѣ, по случаю тезоименитства его дочери, вдовствующей благородной особы. П. съ частнымъ приставомъ обнявшись ходили, и, какъ видно, онъ въ большой силѣ.

нѣкоего простеца былъ, въ думѣ служить—шары въ ящики раскладываетъ. Разговоръ былъ. Объ освѣщеніи Невской перспективы электричествомъ спрашивалъ. «Не знаю,—говорить,—шары у насъ давно разложены, чтобы

таковому освѣщенію быть и храмину для сего нарочитую устроили, но нѣкоторыя есть препоны».

У онаго-жъ простеца спрашивалъ: коея ради вины онъ, природнымъ разумомъ простоватый и на отговоры не смышленный, въ думѣ служить? Невѣдѣніемъ отрекся.

Человѣкъ одинъ, изъ Москвы пріѣхавшій, сказывалъ: нѣкоторый шумъ былъ слышенъ въ Петровскомъ паркѣ и мнить, что нѣкіе кушцы, хмѣльному питію прилекаціе, дрались.

Созерцателя одного театральнаго видѣлъ на Фонтанкѣ. Лентовскаго не одобряетъ, вкупѣ и новоотдѣланный театръ «Фантазію» весьма порицаетъ. «Кормленія ради козлявъ, говорить, устроены, а не для утѣшенія ищущаго утѣшенія». Правда. Видѣлъ я онаго Лентовскаго, въ странномъ одѣяніи по Москвѣ ходящаго и тоскующаго ради несоотвѣтствія между предложеніемъ грѣховныхъ зрѣлищъ и ихъ потребленіемъ. Зарваться можно.

Познакомился съ мужемъ нѣкіимъ. Видѣніемъ благообразнѣ, браду имѣя и умъ не весьма проникновенный, глаголанію же его нѣсть предѣла.

Читалъ нѣкоторую газетную статью въ «Гражданинѣ»... Однако! Ниже сего поговорю.

Нѣкто академическія вѣдомости издавать хочетъ. Лжемудрствующимъ — страхъ, слабодушію — укрѣпленіе. Одобряю».

МЫСЛИ ВСЛУХЪ НА ПАРАДНОМЪ ПОДЪЪЗДѢ.

Въ передней бывшаго великосвѣтскаго дома, перешедшаго со всей мебелью, картинами, **фамильными** портретами, мраморными изваяніями, севрами, гербовой посудой во владѣніе одного банкира, сидѣлъ старый, сѣдой, какъ лунь, съ важной осанкой, швейцаръ Сила Андреевъ Богатыревъ. Онъ также вмѣстѣ съ домою перешелъ къ банкиру. Лицо его изображало полнѣйшее отвращеніе къ занимаемому имъ посту: онъ считалъ себя выше того общества, которому служилъ. Онъ нехотя подымался съ своего мѣста, когда кто-нибудь спрашивалъ, принимаютъ или нѣтъ, и грубо отвѣчалъ: «пріему нѣтъ». Передъ нѣкоторыми, отъ которыхъ онъ не чаялъ особенной благостыни, даже не вставалъ, а просто указывалъ пальцемъ на листъ бумаги:— «тамъ можно расписаться». Полувѣковая практика въ швейцарской до того развила въ немъ чувство осязанія, что онъ, опуская въ карманъ врученную ему бумажку, не глядя, на ощупь, зналъ, какого она достоинства. Если сумма превышала норму, установленную для вознагражденія швейцаровъ въ высокаторжественные дни (обыкновенно эта норма колеблется между двугривеннымъ и тремя рублями, глядя по рангу швейцара и по тамбуру, въ который онъ впускаетъ), онъ провожалъ посѣтителя до тротуара, помогая ему сѣсть въ экипажъ; но когда даваніе далеко превышало норму, когда, напримѣръ, какой-нибудь счастливецъ, въ первый разъ, въ новый годъ, оттитоловавшийся Богатыревымъ «вашимъ превосходительствомъ», въ порывѣ восторга, вручалъ ему десять рублей, лицо почтеннаго швейцара тотчасъ оживлялось, строгое выраженіе

переменялось на благоговѣнно-умильное, потухавшіе глаза на мгновеніе вспыхивали, и онъ съ чувствомъ устремлялся отворять дверь новому «превосходительству». Врученная ему бумажка производила на него сильное впечатлѣніе. «Вотъ это я понимаю,—говорилъ онъ мысленно,—а ужъ кинарейки-то, признаться сказать, надоѣли». Кинарейками онъ называлъ рублевые кредитные билеты.

Передъ военными генералами онъ вытягивался во весь ростъ, и въ голосѣ его слышались трепетъ и подобострастіе.

— Принимають?—спрашиваетъ генераль.

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—во: поѣхали къ министру финансовъ,—отвѣчаетъ онъ съ важностью. Мы, дескать, вотъ какіе—къ министру финансовъ ѣздимъ. Ты какъ насъ понимаешь?

— А Фанни Августовна?

— Поѣхали къ мамѣ, къ Адельфинѣ Ѳеодоровѣ.

Пока генераль добываетъ карточку, онъ дѣлаетъ замѣчаніе: «сегодня холодно, ваше пр—во», или: «какой новый годъ-то сердитый, холодный». Когда генераль выходилъ, онъ его провожалъ на тротуаръ и, вскрикнувъ хриплымъ голосомъ кучеру «давай», помогалъ ему сѣсть въ карету и захлопывалъ дверцы. Возвращаясь, онъ говорилъ: «свой человекъ, маленькаго его мы пажомъ къ себѣ брали. Не помнитъ меня! Да и гдѣ помнитъ—лѣтъ-то много. А я очень хорошо его помню. На плацъ-парадѣ имъ съ покойнымъ графомъ и производство въ офицеры было».

Старикъ говорилъ это для поддержанія своего престижа: генераль ни въ пажахъ никогда не былъ, ни дома этого никогда не посѣщалъ и онъ его видѣлъ въ первый разъ.

— Двѣ звѣзды заслужилъ,—замѣтилъ кто-то изъ прислуги.

— У нашего покойнаго ихъ было...

— Много?

— Да если съ турецкими считать, такъ пожалуй и счетъ потеряешь. Своихъ пять штукъ, да тамъ еще... пойдутъ иностранныя: Марія Тверезвія, св. Парламеритъ. Много регальевъ этихъ было...

День клонился къ вечеру. Движеніе экипажей мало-помалу прекращалось. Измученный бесполезной ѣздой и бѣганьемъ по лѣстницамъ городъ сталъ приходить въ себя. Курсъ на извозчиковъ мгновенно упалъ. Торговля въ буфетахъ Невскаго проспекта быстро оживилась: начали появляться трехуголки, цилиндры, бобровыя и бараны

шапки, фраки, мундиры, всё спѣшили отогрѣть продрогшіе члены. Идетъ оживленный разговоръ.

— Съ новымъ годомъ...

— Благодарю васъ...

— Что это такой парадный?..

— А какъ же? Порядокъ! Ужасъ какъ усталъ, если бы вы знали!.. Къ самому... У Льва Савича по старинѣ... расписался. Я его люблю, онъ человѣкъ хорошій!.. Отъ него къ старику... Какъ хотите, старика обижать не слѣдуетъ!.. Обрадовался! Всѣ, говорить, меня позабыли. Потомъ... Дайте мнѣ бѣлой померанцевой и бутербродъ со свѣжей икрой. Пожалуйста, чтобъ зеленый лукъ былъ... Скорѣй! Фу, какъ иззябъ!.. Отъ старика къ этой подлой... Ну, не могу! Самъ знаю, что дрянъ, а все... Ну, что ты станешь дѣлать!

— Вы гдѣ встрѣчали?

— Дома.

— Человѣкъ, да давайте-жь мнѣ водки скорѣй. Вѣдь это-жь нельзя. Полчаса-жь я сижу, и все водки нѣтъ. Вѣдь это-жь безобразіе!..

— Батюшка, въ какихъ вы украшеніяхъ!

— Да-съ, имѣлъ честь поздравить съ новымъ годомъ швейцаровъ! Ыздилъ внушать къ себѣ за рубль серебромъ уваженіе. Михаилъ Валентиновичъ, позвольте мнѣ водки и, если есть, сухарной. А закуска будетъ зависѣть отъ вашего ко мнѣ расположенія. Съ своей же стороны, я полагаю бы закусить пирогомъ. Ей-Богу! Вѣдь это ужасно глупо ѣздить поздравлять швейцаровъ и вносить имъ деньги.

— А вы зачѣмъ ѣздите?

— Ахъ вы либераль этакой! Да швейцаръ-то можетъ обидѣться. Посмотритъ въ прошлогодній листъ, ахъ, скажетъ, онъ въ прошлый годъ былъ, а нынче не удостоилъ, и сейчасъ приметъ мѣры...

— Какія мѣры?

— Разумѣется административныя: будетъ отказывать, когда придешь по дѣлу, не будетъ принимать пальто, будетъ, наконецъ, грубить глазами.

— Какъ глазами?

— А ты не знаешь, какъ швейцары грубятъ молча, глазами?

— Въ первый разъ слышу!..

Разговоры шли оживленнѣе. Буфетъ стоялъ на высотѣ своего назначенія.

На парѣ кровныхъ рысаковъ, покрытыхъ коричневыми съ голубой оторочкой попонами, въ шорахъ, возвратился банкиръ отъ министра финансовъ. Сіявшая на его груди звѣзда Льва и Солнца отражала лучи свои на самодовольномъ лицѣ его.

— Всѣмъ бы генераль, только чего-то не хватаетъ,— говорилъ про него швейцаръ.

Онъ тихо поднялся на лѣстницу. Черезъ нѣсколько минутъ послышался повелительный голосъ банкирскаго камердинера: «никого не принимать!»

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!..— произнесъ иронически Богатыревъ, подкладывая въ сдва тлѣвшій каминъ каменнаго угля.

Весело запылалъ каминъ, повеселѣло и на душѣ у стараго швейцара.

— Вотъ теперь и отдохнуть можно, — произнесъ онъ, усаживаясь въ кресло противъ камина.— Это дель такой сумасбродный — никакого порядку въ немъ нѣтъ, точно съ дѣли сорвавшіе бѣгаютъ. А нельзя! Такіе порядки заведены — и не хочешь да бѣги... Ужъ это что говорить!

Глядя на разгоравшійся каминъ, онъ предался размышленію. Ему вспомнилось его дѣтство, какъ онъ взялъ былъ изъ деревни въ барскій домъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Какъ онъ плакалъ, когда его остригли и нарядили въ казакинъ съ красными сердцами на груди. Какъ онъ прислуживалъ на половникѣ старой барышни: сопровождалъ ее на прогулкахъ, и съ утра до ночи чесалъ ей собачонку... Какъ ѣздить съ ней въ Юрьевскій монастырь къ архимандриту Фогію и т. п.

— Добрая была, прекрасная женщина, богомольная, если бы не эта у ней собачья слабость,— произнесъ онъ со вздохомъ.

Воображеніе его все разыгрывалось и разыгрывалось. Ему живо представилась страшная картина петербургскаго наводненія. Онъ былъ свидѣтелемъ того момента, когда

Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клопоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась..

Передъ нимъ, какъ живые, встали его растерявшіеся господа, смогрѣвшіе въ окно на проявленіе Божьяго гнѣва. Ему какъ бы слышались стоны и вопли несчастныхъ,

застигнутых грозной стихіей. «Помираемъ, помогите! Православные, умираемъ! Хоть ребеночка-то возьмите!..» кричалъ кто-то съ рыбацкой лодки, потерявшей весла. Но вотъ лодка мигомъ перевернулась, по дну ее гребнемъ скользнула волна и помчалась дальше за новыми жертвами. Ему представились плывущія бревна, лошади, однимъ словомъ, передъ нимъ возсталъ вся ужасная картина ужаснаго дня.

— Страшный, можно сказать, день былъ! Именно ужъ страшный, не видашый, забыть его невозможно!..

Мало-по-малу мрачные эпизоды въ его воображеніи начали смѣняться болѣе отрадными. Онъ уже молодой человѣкъ: въ ливрейномъ фракѣ, въ чулкахъ и банникахъ, прислуживаетъ на балу кавалерственной дамѣ; на парадномъ обѣдѣ стоитъ «съ раболѣзствомъ пѣмымъ» за стуломъ князя Циціанова; набиваетъ въ кабинетѣ трубку какой-то знатнѣйшей особѣ; командируется съ посылками въ Грузію къ умирающему льву графу Аракчеву.

— Госюди, что это за особы величественныя были, — восклицаетъ Богатыревъ и опять предается размышленіямъ.

Въ домѣ балъ. Лѣстница убрана тропическими растеніями. Ароматъ живыхъ цвѣтовъ и благовонныхъ куреній распространился по всему дому. Онъ стоитъ въ парадной швейцарской красной ливреѣ, на плечѣ у него генеральская эполета, на головѣ трехугольная шляпа, въ рукахъ тяжелая булава. Съ улицы слышится шумъ подъѣзжающихъ экипажей. Вотъ два гайдука вносятъ какую-то важную особу женскаго пола. Вотъ влетѣлъ въ звѣздахъ и въ голубой легкѣ, съ совершенно голой головой, низенькій, бойкій старичокъ. Вотъ изъ-подъ тяжелой шинели показалась усѣянная звѣздами, крестами и медалями грудь стараго воина. Вотъ быстрѣ лани вскочилъ на лѣстницу длинный, тощій господишъ во фракѣ. Направо и налево лакен снимаютъ бархатные сапоги съ прекраснаго пола. Съ улицы дверь шумно растворилась, вбѣжалъ придворный лакей въ сѣрой шинели съ волчьимъ воротникомъ и широкими красными оторочками на капюшонѣ. «Фельдмаршалъ», произнесъ онъ рѣзкимъ тономъ.. «Фельдмаршалъ!» разнеслось мгновенно по лѣстницѣ и быстрѣ телефона достигло до ушей хозяина, и лишь фельдмаршалъ переступилъ порогъ передней, какъ хозяинъ былъ уже на половникѣ лѣстницы. Какъ-то все принизилось, приталось. «Ухъ, какой бы отличный тамбуръ-мажоръ былъ», произнесъ фельдмаршалъ, обративъ невольное вниманіе на высокую, статную фигуру швейцара.

— Мнѣ бы тогда сказать:—рады стараться, ваша свѣтлость, а мнѣ не въ догадь. И вышелъ съ моей стороны какъ бы конфузъ,—опять подумалъ вслухъ Богатыревъ.

Промелькнула въ его воспоминаніяхъ и смерть стараго графа, похороны его въ Невской лаврѣ, послѣдовавшій затѣмъ перемѣны въ домѣ, наконецъ мечта довела его до великаго историческаго событія—освобожденія крестьянъ.

— Такъ все и рухнуло, такъ все и покатилося подъ гору! И удержать ужъ теперь никакъ невозможно!.. Такъ мы всѣ и опустелись! Спервоначалу даже словно бы страшно стало. Годъ-другой прошелъ—привыкать стали, стали понимать, что безъ господъ не померемъ. А то ухъ, какъ жутко было!.. Слышимъ-послышимъ—Прасковьино купецъ купилъ и въ графскомъ домѣ ткацкую фабрику завелъ. Слезы, ей-Богу, слезы! А тамъ смотримъ въ спасской роцѣ ужъ топоръ гуляетъ. И пришлокъ липовый, а ему лѣтъ двѣсти будетъ, тоже сняли... А тутъ добрался и до дому. Молодой графъ уѣхалъ за границу и управляющаго опредѣлилъ изъ благороднаго званія. Какъ пошли это талчить да разносить—ниде сердце кровью обливалось. Господи, думалось, старики-то конили-конили, старались-старались и все это прахомъ!.. И какіе это воры, на мою примѣту, ласковые: по плечу тебя гладить, а самъ что-нибудь, глядишь, и уволокъ. Одинъ пришелъ со стекляшкой въ глазу, все съ управляющимъ обнявшись по дому ходили, смотрю—въ графскомъ кабинетѣ турецкаго пистолета съ серебряной насѣчкой ужъ нѣтъ! А тутъ и мнѣ, прирожденному въ этомъ домѣ слугѣ, разрѣшеніе идти на всѣ четыре стороны. Хорошо, что этотъ оставилъ на прежнемъ положеніи. Ну, куда бы я, на старости лѣтъ, пошелъ? Опять же какъ привыкли я къ этой должности... Само собой, очень обидно, послѣ такихъ великихъ господъ, служить у незнатнаго человѣка, да къ дому-то этому, я, можно сказать, приросъ и умереть въ немъ мнѣ хочется...

На дворѣ стемнѣло.

Камниъ, дымяся, погасалъ. Погасало и воображеніе Силы Богатырева. Его околдовалъ сонъ. Онъ захрапѣлъ.

ДНЕВНИКЪ ДВОРЕЦКАГО.

Четвергъ.

Сегодня исполнилось ровно два года со смерти покойной ся сятельства графини Софьи Александровны. Заупокойная литургія была въ Донскомъ и въ Андроньевомъ.

Понедѣльникъ.

Сегодня цѣлый день шелъ снѣгъ. Никого принимать не приказано. Графъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ. Вечеромъ поѣхалъ въ клубъ.

Вторникъ.

Графъ воротился на разсвѣтъ. Будить не приказано. Проснулся въ четвертомъ часу. Читалъ въ постели смѣнную книжку. Вечеромъ на дому была всенощная. Служилъ священникъ отъ Іоанна Предтечи. Послѣ всенощной игралъ съ батюшкой въ шашки.

Пятница.

Графъ до трехъ часовъ стрѣлялъ въ оранжереѣ изъ пистолета, потомъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ. Вечеромъ поѣхалъ въ Грузины въ таборъ. Воротился въ двѣнадцать часовъ. Стоялъ на молитвѣ до чаю. Будить не приказано.

Суббота.

Проснулся въ часъ. Приказано достать моченныхъ яблоковъ. Вечеромъ поѣхалъ въ Сукопныя бани. Парили четверо. Григорій, Лаврюшка, да два банщика. Лаврюшку вытащили замертво. Отпили квасомъ.

Вторникъ.

Роговская вся выгорѣла. Говорятъ—подожгли ямщики.

Суббота.

Померъ скоропостижно покойнаго графа камердинеръ Григорій Никитинъ, отъ угару. Похоронили за Рогожской

заставой, позади медвѣжьей травли. Жену приказано отпирать на скотный дворъ, а малолѣтнихъ дѣтей раздать въ ученье. Квартальному за хлопоты десять рублей и сукна на брюки.

Понедѣльникъ.

Приказано наказать Лаврюшку въ оранжереѣ.

Среда.

Всталъ въ восемь часовъ. Терли спину льдомъ. Читалъ Четь-Миннею, а послѣ стрѣлялъ изъ пистолета. Передъ обѣдомъ, для аппетита, тянулся съ кучеромъ Глѣбомъ на палкѣ. Послѣ обѣда спалъ до десяти часовъ и въ таборъ.

Пятница.

Утромъ былъ докторъ Топоровъ и дѣлалъ выговоръ. Цѣлый день лежалъ на диванѣ, примачивалъ голову укусомъ. Приказано, чтобы въ домѣ кошекъ не было.

Воскресенье.

Вздилъ съ тетенькой Натальей Алексѣвной къ донскому архимандриту Теофану. Весь вечеръ ходилъ въ картинной залѣ и вздыхалъ. Стоялъ на молитвѣ до часу.

Понедѣльникъ.

Утромъ ѣздилъ въ Грузины къ пыгану крестить. Вечеромъ весь таборъ былъ у насъ въ домѣ. Плясалъ съ цыганками и пѣлъ.

Суббота.

Пасмурно. Лаврюшкѣ приказано лобъ забрить, а онъ сбѣжалъ.

Воскресенье.

Сегодня день моего ангела. Подносилъ крендель. Благодарилъ и пять рублей. Вечеромъ пріѣхала съ отцомъ изъ театра Вѣра Аоонасѣвна. Ужинали до свѣту. Графъ игралъ съ ней на фортепiano и пѣлъ. Отецъ благодарилъ, что графъ имъ не гнушается. Графъ подарилъ ему лягаваго кобеля.

Понедѣльникъ.

Весь день не выходилъ изъ дому. Разрисовывалъ красками птицу въ клѣткѣ.

Вторникъ.

Повара Ваську на двѣ педѣли въ Троицкій трактиръ учиться готовить селянку въ кострюлкѣ. Вечеромъ были дѣвицы. Прислугѣ быть не приказано. Были танцы.

Пятница.

Утромъ былъ отецъ актрисы Вѣры Аоонасѣвны. Графъ потребовалъ его къ постели и пилъ съ нимъ чай. Пода-

рилъ ему пѣнковую трубку, которая съ покойнымъ графомъ была подъ Бородинымъ, а ему подарена фельдмаршаломъ. Къ обѣду пріѣхалъ князь. Вечеромъ графъ шкуда не ѣздилъ—разрисовывалъ птицу.

Суббота.

У меня пала корова отъ неизвѣстной причины. Снѣгъ.

Воскресенье.

Приказано вечеромъ доставить на тройкѣ, за Тверскую заставу, Вѣру Аоонасьевну. Возилъ Глѣбъ.

Четвергъ.

По случаю рожденья его сіятельства, исполнилось двадцать четыре года, былъ въ нашемъ домѣ молебень съ водосвятиемъ. Апостолъ читалъ отецъ Вѣры Аоонасьевны. Вечеромъ были танцы съ дѣвцами, а таборъ пѣлъ пѣсни. Кончили забавляться съ солнышкомъ.

Воскресенье.

Вчерашняго числа, графъ въ театрѣ одному купцу далъ плюху. Хочетъ судиться. Графа потребовали къ военному губернатору, а онъ, по болѣзни своей, не поѣхалъ. Ея сіятельство Наталья Алексѣевна пріѣзжала и плакала. Графъ отправилъ съ ней просьбу къ губернатору: просить отъ купца защиты.

Суббота.

Пріѣзжалъ полиціймейстеръ, поѣхали съ графомъ къ военному губернатору, а оттуда свезли графа на Ивановскую гаунтвахту, а купца забрала въ Тверскую часть. Графиня Марья Алексѣевна хочетъ подать просьбу, чтобы графа на Кавказъ, а имѣніе въ опеку. Подушки и бѣлье на гаунтвахту возилъ Владиміръ.

Вторникъ.

Купца заставили помириться. Графъ прямо съ гаунтвахты поѣхалъ въ Троицкую лавру. Графиня Настасья Алексѣевна ѣздила по этому дѣлу къ митрополиту.

Среда.

Нянюшка Дарья Филиппевна волею Божією помере на восемьдесятъ шестомъ году своей жизни. Къ удивленію всѣхъ, третій день на Спасскихъ воротахъ часы не бьютъ. Въ сей день собирали въ часть дворниковъ присутствовать при наказаніи двухъ портныхъ за неповиновеніе властямъ.

Пятница.

Графъ воротился изъ лавры съ отцомъ Вѣры Аоонасьевны. Приходилъ квартальный, отбиралъ съ графа подинску, что онъ впрядь драться не будетъ и купца прощаетъ. Дано три рубля.

Вторникъ.

Поѣхалъ на цѣлый день къ Яру. Кучеръ Глѣбъ ностъ отморозилъ, докторъ говоритъ—безвозвратно. Въ больницу идти не желаетъ. Приказано гдѣ-нибудь въ трактирѣ купить самаго лучшаго соловья. Стоялъ на молитвѣ не долго.

Среда.

Фореиторъ Семенъ ѣздилъ въ одиночкѣ за докторомъ Топоровымъ, и привезъ онаго. Поваръ Никита впалъ отъ пьянства въ бѣлую горячку и зарѣзался. Въ эту ночь пойманы на Лубянкѣ, въ домѣ Шипова, фальшивые монетчики, а одинъ поддѣлываетъ пачпорта. Вѣроятнѣе всего—будутъ наказаны.

Воскресенье.

Третью недѣлю графъ не выѣзжаетъ. Сегодня приѣзжала графиня Наталья Алексѣевна съ игуменіей. Графъ не принялъ. Наталья Алексѣевна плакала.

Четвергъ.

Графъ въ первый разъ послѣ болѣзни выстрѣлилъ изъ пистолета. Чувствуетъ слабость. Лаврюшка изъ бѣговъ явился. Графъ простилъ: велѣлъ наказатъ въ оранжереѣ и выдать пачпортъ. Кучеру Глѣбу приказано выдать вольную: безъ носу не кучеръ.

Пятница.

Видѣлъ удивительный сонъ: будто покойный графъ назначенъ творскимъ губернаторомъ и весь домъ переѣзжаетъ туда. Была графиня Наталья Алексѣевна. Удостоился поцѣловать ручку. Ты, говоритъ, одинъ вѣрный рабъ, и плакала.

Понедѣльникъ.

Графъ послѣ болѣзни пробовалъ силу: разсѣкъ въ саду пополамъ живую собаку.

Вторникъ.

Сегодня ѣздили за Рогожскую заставу на травлю, разстрѣливать стараго медвѣдя, заплачено тридцать рублей. Ночью былъ слышенъ на улицѣ необычайный крикъ

Четвергъ.

При полномъ освѣщеніи всего дома былъ балъ. Ужинъ накрывали на шестьдесятъ персонъ. Мороженое и питье съ Кузнецкаго, отъ Дубле. Прислуга въ новыхъ ливреяхъ. Теплоискіе музыканты играли за тюлевой занавѣсью въ малой гостиной. Отецъ Вѣры Аюнасевны былъ доущепъ сидѣть съ музыкантами. За хозяйку была старая генеральша. Танцы происходили въ портретной залѣ. Графъ танцевалъ

съ княжпой, дочерью Ольги Николаевны, супруги Василя Владиміровича, и, какъ думается, не намѣчаетъ ли генеральша княжпу ему въ певѣсты. Все въ рудѣ Божіей! Марья Дмитріевна выговаривала его сіятельству московскому генераль-губернатору, что онъ въ карты играть не умѣеть, а онъ ей, противъ ея словъ, тоже выговаривалъ. Знатные люди! Высокаго чину! Подумасишь, до какой высокой степени Богъ можетъ вознести человѣка! Съли кушать въ четвертомъ часу. Разъѣхались въ пять. Актрисинъ отецъ ушелъ послѣ танцевъ, но только стащилъ ананасъ.

Суббота.

Послѣ покойнаго графа остался лѣкарственный порошокъ «кремартакторъ». Принимаю оный съ большой для себя пользою.

Попедѣльникъ.

Недѣля мясопустная.

Приказано завтра блины на весь таборъ. Весь день игралъ на гитарѣ.

Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства графа Павла Павловича дворовому его человѣку Емельяну Дырку. Приобрѣтена покупкою, пятьдесятъ копеекъ ассигнаціями. Описывалъ собственноручно крѣпостной дворовый его человѣкъ своею охотою Емельянъ Дыркувъ 1847 году.

Вторникъ.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Пріѣзжала Наталья Алексѣевна. Графъ почивалъ. Изволила ходить въ оранжерею. Въ три часа съли за столъ: художникъ отъ Мясницкихъ воротъ изъ училища, невѣдомый мнѣ купецъ, театральнй актеръ, отецъ Вѣры Аюнасьевны и весь таборъ. Блины были грѣшныя и прѣсныя. Удостоился отъ графа пить за мое здоровье шампанское. Всѣ были пьяные. Поѣхали неизвѣстно куда. Родителю Вѣры Аюнасьевны приказано подать графскій бекешъ и шляпу.

Среда.

Графъ не возвращался. Вечеромъ пріѣзжали за бѣльемъ. Съ четверга начнутся поклоны. Господи! владыко живота моего.

Пятница.

Графъ совсѣмъ оправился. Отпустилъ весь домъ съ суботы до понедѣльника.

Суббота.

Былъ у племянницы своей, на Поварской улицѣ, услышалъ, что господа ея отправляются по веснѣ на тенлыя

воды, а ее отдають замужъ за выѣздного лакея Родіона Михайлова, а ей есть желаніе, по нелюбви къ нему, выкупиться на волю. Плачетъ. Совѣтовалъ господамъ покориться. Противъ моихъ словъ говорила: «Лучше утоплюсь». Она дѣвица молодая, красивая, а онъ кривой. Вся причина въ барынь, желаетъ, чтобъ ей господскаго приказанія слушались.

Воскресенье.

Наступаютъ дни страшные. Ей Господи царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія! Весь домъ въ расходѣ. Приказано быть лошадямъ къ театру къ тремъ часамъ. На завтрашнее число приказано къ завтраку: капуста, отварные грибы, грибной бульень съ пирожками, жареный картофель съ лукомъ, свѣжая бѣлуга. Накрывать на двѣнадцать человѣкъ.

Понедѣльникъ.

По всей Москвѣ раздается рѣдкій звонъ къ часамъ. Всталъ въ восемь часовъ. Никодимъ былъ съ постной молитвой. Приказалъ всѣмъ быть, до послѣдняго фалетора. Молитву читалъ въ картинной залѣ, а послѣ говорилъ чувствительное внушеніе дворнѣ, какъ своихъ господъ въ такіе великіе дни почитать. Умный человѣкъ! Дано три рубля. Послѣ также съ постной приходилъ іерей отъ Іоанна Предтечи, но какъ она молитва была читана Никодимомъ, то такъ дано два рубля. Съли за столъ въ часъ. Были тѣ же, что и на масляницѣ, еще докторъ изъ дома Разумовскаго съ Гороховаго поля, да гитаристъ изъ благороднаго званія, остальные мнѣ неизвѣстные. Графъ рыбы не кушалъ и вина не пилъ. У куща былъ глазъ завязанъ. Пилъ онъ квасъ и молчалъ. Послѣ завтрака собрались у фортепіано и пѣли «Помощникъ и покровитель». Въ третьемъ часу графъ поѣхалъ въ Донской на ефимоны. Вечеромъ въ Суконыя бани. Въ сомнѣніи нахожусь: дадена ли актрисину отцу бекенка совсѣмъ или только на поддержанье? Онъ назадъ не приносить, а вещь дорогая. Думаю намекнуть.

Вторникъ.

Графъ внезапно уѣхалъ въ лавру. Велѣно всему дому говѣть.

Святыхъ и великихъ четыредесятиницы, недѣля четвертая.

Образъ житія нашего безъ перемѣнъ. Чувствую отягченіе погъ.

Четвергъ.

Невѣдомый мнѣ купецъ оказался Маракушевъ. Прини-

мать его больше не велѣно за его безобразіе и что съ графомъ на одну ногу хочеть встать, забывая свое крѣпостное происхожденіе.

Воскресење.

Племянница моя и крестная дочь Любовь Ивановна, дворовая дѣвушка господъ Т. (*фамилія не разобрана*), отъ грозящей ей неминуемой бѣды быть замужемъ за выѣзднымъ лакеемъ Родіономъ Михайловымъ, проглотила три булавки и скончалась въ судорогахъ, въ чемъ священнику на духу и покаялась. Упокой, Господи, душу ея въ селеніяхъ праведныхъ! Вчера цѣлый день плакала. Мать ея, сестру мою Надежду, свезли въ больницу: чувствуетъ приближеніе живота.

Среда.

Пріѣзжала тетенька Марья Алексѣевна со стряпчимъ Бабушкинымъ, просила подписать какую-то бумагу. Графъ послалъ ее къ чорту, а на стряпчаго замахнулся чубукомъ: ты, говоритъ, мошенникъ. Думала, что графъ, по молодости лѣтъ, въ кляузныхъ дѣлахъ не понятенъ, а дѣла ея въ разстройствѣ. Кричала. Хочеть на высочайшее имя.

Четвергъ.

Графу прислали чинъ, ибо онъ значится по канцеляріи.

Воскресење.

Пріѣзжалъ отецъ Герасимъ изъ лавры съ письмомъ отъ графини Марьи Алексѣевны и для увѣщанія. Не принялъ и письма не принялъ. Не интрига ли въ этомъ дѣлѣ игуменіи? Похоже.

Вторникъ.

Было веселье—танцы. Посылали къ Серпуховскимъ воротамъ въ винный погребокъ за приказчикомъ и привезли онаго: превосходно пѣсни поеть.

Суббота.

Сегодня разрѣшеніе икры. Послапо въ Донской Θεофану десять фунтовъ и свѣжій огурецъ турецкій. Поѣхалъ ко всеобщей съ вербой стоять въ университетъ, и я стоялъ у Ильи пророка, что на Воронцовомъ полѣ, а послѣ чай пилъ съ липовымъ медомъ на Земляномъ валу въ трактирѣ съ другомъ своимъ, дворецкимъ княгини Вибарсовой. Необыкновенный дьяконъ служилъ, а нездѣшній; параміи читалъ прокофьевскій пѣвчій Николай, пѣлъ необыкновенно, ибо только-что изъ больницы вышелъ и голосъ очистился. Пѣли два хора—синодальный и прокофьевскій: кто громче—не умѣю сказать.

Великая суббота.

Приказано къ вечеру форменный вице-мундиръ. Поѣдетъ къ заутрени въ домъ московскаго главнокомандующаго, тамъ и разговляться будетъ.

Свѣтлое.

Христось воскресе! Ликуй нынѣ и веселися! На Болвановкѣ ударили къ заутрени прежде Ивана Великаго, и звонъ разсыпался по всей Москвѣ не во время. Говорятъ—вина болвановскаго трапезника. Христосовался со всѣми по три раза. Денежное положеніе роздано, какъ при покойномъ графѣ: по три рубля. Трѣмъ семействамъ дворовыхъ людей объявилъ вольную: повару Герасиму, камердинеру Владиміру и старой горничной покойной графини, Егоровиѣ, съ племянникомъ. И могутъ они вольными жить въ нашемъ домѣ и служить его сіятельству попрежнему. А на повара разставляла зубы графиня Марья Алексѣевна, хотѣла его вымѣнять у графа на садовника Филиппушку: Богъ не попустилъ. Вечеромъ съ художникомъ отъ Мясницкихъ воротъ рисовали. Посылали въ Троицкій трактиръ за поросенкомъ къ ужину.

Понедѣльникъ.

Сегодня у насъ цѣлый день духовенство. Вышло четыре кулича и три пасхи—двѣ съ кардамономъ и одна простая,—ветчину и осетрину почти всю скушали безъ остатка, айцы—безъ счету. Были монахи изъ Донскаго, изъ Андроньева, изъ Новоспасскаго, игуменія была съ двумя странами; причтъ отъ Іоанна Предтечи, изъ Шереметевской больницы, отъ Успенья на Покровкѣ, отъ Спаса въ Чигасахъ и многія другія были духовныя особы. Благодарили графа, что онъ для духовенства ведетъ тѣ же порядки, какъ было при покойной графинѣ. Завтра ожидаемъ лаврскихъ монаховъ. Необыкновенный дьяконъ оказался тверской; сюда его выписалъ одинъ купецъ для пробы, а у насъ былъ съ іоанновскимъ причтомъ и говорилъ октавою графу многолѣтіе. Особо ему пять рублей.

Вторникъ.

Пріѣзжала Вѣра Леонасьевна съ своимъ родителемъ, похристосовалась съ графомъ шелковымъ ящичкомъ, а графъ вручилъ ей золотое съ брилліантовымъ кольцомъ. Пробыли недолго, ибо графъ ожидалъ лаврскихъ монаховъ, которые и прибыли въ часъ пополудни. Были Анастасій, Герасимъ, Савватій и протодіаконъ Іоаннъ. Отпѣли канонъ пасхѣ. Іоаннъ сказалъ многолѣтіе. Такъ какъ въ сей день объ-

ѣздъ имъ большой, то закуска была малая. А такъ какъ въ залѣ, на большомъ столѣ, стояло много мясного соблазну, то и была она подана въ желтой гостиной. Иоаннъ налегалъ на малагу, говорилъ—для очищенія голоса и что въ лаврѣ у Колькова такой малаги достать невозможно, а она! малага стоитъ въ нашемъ погребѣ больше тридцати лѣтъ. Графъ вечеромъ выѣхалъ, изъ табора прѣвзжали за гитарой. Большихъ денегъ стоитъ графу эта цыганка!...

Воскресенье.

При такой расточительной жизни графъ можетъ разориться.

Вторникъ.

Про бекешъ докладывалъ. Извоилиль сказать: «чортъ съ нимъ, пускай носитъ». Какъ соболью вещь не носить!

Суббота.

Ужъ третью недѣлю графъ ходитъ пасмурный. Причина не иначе та, что смущеніе съ тетками, ибо Марья Алексѣевна... *(Здѣсь вырвано болше половины всей тетради, такъ что неизвѣстно, что дѣлалось льтомъ. Следующая за тѣмъ страница начинается съ переносу)*,—а она склонности къ нему не имѣетъ и какъ, по замѣчанію, хочетъ себя соблюсти и выговаривала насчетъ жизни и что въ карты играетъ, а онъ стоялъ на колѣнкахъ, плакалъ и божился цыганскій духъ изъ дому вывести и образокъ покойной графини цѣловалъ, а она его по головѣ гладила и какъ бы словно сама прослезилась. Всего этого я самъ не видѣлъ, а камердинеръ Владиміръ за ними подсматривалъ и въ кучерской рассказывалъ.

Среда.

Великій сегодня шумъ былъ у насъ въ домѣ. Слава Богу, что графъ не былъ въ игру замѣшанъ. Великое будетъ несчастіе, коли графъ себя не сократитъ.

Суббота.

Отгеньель.

Вторникъ.

Изъ клуба воротился въ пятомъ часу. Проснулся въ три. За столъ сѣли послѣ завтрака. Металъ Линевъ. Съ Петромъ Васильевичемъ во время игры сдѣлалось какъ бы трясеніе всего тѣла. Повезли домой и на Яузскомъ мосту въ каретѣ скончался

Среда.

Послѣ покойнаго Петра Васильевича осталась супруга Екатерина Павловна, при ней шестеро барчатъ, двое въ

кадетскомъ корпусѣ. Имѣнье все заложено въ опекуномъ совѣтѣ.

Пятница.

Похоронили Петра Васильевича въ Даниловомъ. Отпѣвалъ съ Савинскаго подворья архіерей Агапитъ. Въ этотъ день картъ въ домѣ не было. Не принималъ никого; сидѣлъ у камина и жегъ письма и старья бумаги покойнаго графа.

Воскресенье.

Портной съ Кузнецкаго моста Сатіасъ снималъ мѣрку съ родителя Вѣры Аонасьевны: приказано шить новый коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и бѣлый жилетъ для концерта Вѣры Аонасьевны въ залѣ Римскаго-Корсакова по фортепіанной игрѣ.

Вторникъ.

«О дивное чудо! Невидимыхъ Содѣтель за челоѣколюбіе плотію пострада»... Вспомнилъ Любушку, такъ какъ великая скука въ нашемъ домѣ. Никто къ намъ изъ знакомыхъ не ѣздитъ и подобный нашъ домъ сталъ обыкновенному дому, если не хуже. Помяни, Господи, во царствіи твоемъ раба твоего графа Павла и рабу твою графиню Софію. Большіе господа были!

Четвергъ.

Вторые сутки нѣтъ дома.

Пятница.

Сегодня святыхъ безсребренниковъ и чудотворцевъ Козьмы и Даміана. Наборъ. Кирюшка находится подъ сомнѣніемъ; кажется, ему не уйти.

Суббота.

Видѣлъ во снѣ Любушку. Пришла ко мнѣ въ кисейномъ платьѣ, на головѣ золотой вѣнецъ, а въ рукахъ два херувима. Не зоветъ ли это она меня къ себѣ? А тошно жить становится. Господи! вѣдомишь, что нашъ за домъ былъ! Да, пожалуй, что ниже предводителя и господъ-то у насъ не бывало.

Воскресенье.

Отецъ Вѣры Аонасьевны пріѣзжалъ на лихачѣ пьяный Графа не было дома. Пошелъ въ кабинетъ: Владиміръ не допустилъ. Обругалъ насъ всѣхъ, прирожденныхъ дворовыхъ графскихъ слугъ, холоуями, а Владиміра наладили бить, но только тотъ присутствія своего духу не потерялъ и сказалъ: тропы! Велѣлъ выслать извозчику три рубля, но оныхъ денегъ у насъ не было, а извозчикъ ме-

жду тѣмъ кричалъ на весь дворъ и собралось стеченіе публики и одинъ мимошедшій говорилъ: «львовъ на воротахъ поставили, а бѣдному извозчику денегъ не платять», не знаячи того, что вся сила въ пьяномъ человѣкѣ не нашего дому.

Вторникъ.

Въ залѣ Римскаго-Корсакова былъ концертъ. Вѣра Аонасьевна разыгрывала на фортепиано при всей публикѣ. Графъ посылалъ Линева къ Финтельману въ садъ за букетами и за вѣнкомъ изъ лавроваго листу. Послѣ концерта всѣ поѣхали къ Яру, а оттуда пріѣхали въ домъ въ два часа ночи. Графъ и Линева ввели Вѣру Аонасьевну на лѣстницу подъ руки. Она хохотала и была, какъ бы въ шутку, Линева вѣромъ,—говорила, что у нея голова кружится, что она пьяная, и дѣйствительно, какъ мною замѣчено, глаза у нея помутнились. Приказано въ шампанское налить мараскину. Графъ стоялъ на колѣнкахъ и цѣловалъ у нея руки, а она то расхохочется, то заплачетъ. Все спрашивала—гдѣ отецъ? А Герасиму приказано возить его пьянаго по всей Москвѣ и изъ саней не выпускать. На рукахъ снесли въ желтую гостиную и заперлись. Какъ ударили къ заутрени, вырвалась изъ гостиной развращенная, металась по всему дому, кричала и кусала руки. Графъ былъ въ безчувствіи. Бросилась въ переднюю, хотѣла бѣжать на улицу: прислуга не допустила. Линева съ кучерами завернула ее въ салонъ и велѣла кучеру Трифону везти домой, а тотъ пьяный, не появивши дѣла, свезъ ее въ Екатерининскую больницу.

Четвергъ.

Вчера графъ проснулся въ пять часовъ, походилъ по залѣ и опять легъ. Всталъ въ девять часовъ. Посылалъ въ дворянскій клубъ за Линевымъ. Не нашли. Одѣлся и уѣхалъ. Въ два ночи пріѣхали съ Линевымъ. Допрашивали Трифона.

Воскресенье.

Объ случаѣ въ нашемъ домѣ говорить вся Москва.

Понедѣльникъ.

Вѣра Аонасьевна скончалась въ Екатерининской больницѣ и. какъ полагають, отъ какихъ-то порошковъ.

Четвергъ.

Линева посадили въ острогъ. Трифонъ сидитъ въ Басманной части.

Пятница.

У нашего дома сталъ останавливаться народъ. Графъ съ утра до ночи куда-то ѣздить. Никого у насъ не бываетъ. Видѣлъ во снѣ покойнаго графа: верхомъ ѣздить въ картинной залѣ. Что бы это значило?

Понедѣльникъ.

Графа свезли на гауптвахту. Завтра весь домъ будутъ пригонять къ присягѣ. Трифонъ всёхъ запутать. Упокой Господи душу раба Твоего графа Павла и рабу Твою графиню Софію, сестру мою рабу Надежду и дочь ея Любовь и меня грѣшнаго совокупи съ ними! Глаза бы на свѣтъ не глядѣли!

Суббота.

Отца Вѣры Аоонасьевим схватили у Серпуховскихъ воротъ въ трактирѣ.

ЦАРЬ ПЕТРЪ ХРИСТА СЛАВИТЬ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ).

«Они (дьяки) учинили то дуростию своею не гораздо и такого безстрашія никогда не бывало, чтобы его государевыхъ пѣвичихъ дьяковъ, которые отъ него великаго государя Христа славить ѣздятъ, во дворъ къ себѣ не пуцать и за такую ихъ дерзость и безстрашіе — быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно и никакихъ имъ почестей и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать».

Тяжелое время переживали москвичи въ послѣдній годъ XVII столѣтія. Пять мѣсяцевъ съ ужасомъ натыкались они на стрѣлечкіе трупы, висѣвшіе на стѣнахъ Вѣлаго и Земляного города и валявшіеся на Красной площади... «Блудозрѣлищное нечестовство» являли собою въ глазахъ благочестивыхъ людей обритые, въ венгерскихъ кафтаняхъ, бояре. Кремлевскій дворецъ, дворъ великаго государя московскаго, былъ запертъ. Святѣйшій патріархъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Великій государь не показывался больше народу, подобно своимъ предкамъ, во всемъ блескѣ и величіи царскаго сана, «въ большомъ царскомъ нарядѣ», въ сопровожденіи сановитыхъ бояръ «въ золотыхъ ферезяхъ»: въ селѣ Преображенскомъ онъ стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ иноземнаго покроя во главѣ своего лейбъ-регимента, салютуя князю Кесарю.

Наступилъ праздникъ Рождества Христова. Невылазные

сугробы снѣга покрывали всю Москву, не было дороги ни пѣшему, ни проѣзжему, по все-таки, по первому удару Ивановскаго колокола. Кремль сталъ наполняться народомъ. Въ окнахъ боярскихъ домовъ замелькали огоньки, не свѣтился только огонь изъ оконъ опустѣвшаго дворца великаго государя. Нищіе сплошной стѣной стояли у сѣверныхъ дверей Успенскаго собора.

— Для праздника какая стужа-то на дворѣ, — говорилъ одинъ калѣка, ползая у стѣны собора:— не согрѣешься!

— Теперь который и на ногахъ-то, и тому не въ мочь, а тебѣ, безногому, не приведи Богъ! Совсѣмъ застынешь.

— Застынешь и есть!

— Ползъ бы ты, Божій человекъ, къ Архангельскому, тамъ, можетъ, теплѣе, — спутилъ безрукій калѣка.

— Вчера мы на Красной цѣлый день зябли — хоть бы те копеечку кто. Сболтнулъ кто-то, что на земскомъ дворѣ подають: рванулись мы туда — ничуть!

— Вотъ те и праздникъ!

— Толкались мы у Двѣнадцати *), такъ думали, что у патріарха кормить будутъ: ничего, говорятъ, у насъ для вальшей брати не припасено.

— Подай, батюшка, слѣпому-убоному...

— Сотвори свою святую милостинку темному человекъ.

— Христось народился! Подай, милостивецъ, спрому, незрячему.

— Дѣва днесъ рождаетъ... — голосилъ, подпрыгивая на одной ногѣ, нищій идіотъ: — подай бѣдному, безъ роду — безъ племени, помянутся родители ваши въ царствіи небесномъ.

— Ишь ты! Даромъ что на одной ногѣ, а поди ужъ весь Кремль опрыгаль! — замѣчаетъ кто-то изъ нищей братіи.

— А что ты сдѣлаешь, стоячи на одномъ-то мѣстѣ? Ну, вотъ и стой!.. Какъ звонъ отойдутъ — мы къ Казанскому.

— Скобленный народъ сталъ! Вѣрь ты мнѣ: кто бороду оскоблнлъ, того душа въ рай не попадетъ...

— Подайте, милостивцы, денежку пытанному — застѣночному...

— Посторонись, посторонись!.. — послышалось въ толпѣ: — подають!

*) Соборъ двѣнадцати апостоловъ.

Неистовые крики, визгъ и стонъ смѣшались съ трезвомъ Ивановскою колокольнію. Толпа нищихъ охватила патриаршаго боярина, раздававшаго милостыни отъ свѣтѣйшаго патриарха.

— Не напирайте, не напирайте,—кричали стражчіе, но ихъ никто не слушалъ. Издрогшая на холоду, рваная, голодная толпа бросалась, какъ бѣшеная.

— Батюшки, слѣпенькаго раздавили!

— Тутъ и зрячаго не помилосердуютъ! Вчера у Лобнаго-то и подачи не было, да семь челоувѣкъ до смерти замяли.

— Батюшки! Святители! Иона митрополить! Душа съ тѣломъ разстается! — дикими, нечеловѣческими голосами кричали раздавленные. Патриаршій бояринъ едва вырвался изъ толпы.

Заутрениа, совершавшаяся при прежнихъ государяхъ съ особой торжественностью и блескомъ, шла по обыкновенному церковному чину. Патриархъ не служилъ: за него священнодѣйствовалъ Крутицкій митрополить. Невольно принявшіе на себя «блудопосный образъ» бояре и царедворцы стояли какъ бы сконфуженные. Одна только, какъ бы оставленная для образца, окладистая московская борода патриаршаго боярина, важно стоявшаго у посоха Петра митрополита, обращала на себя вниманіе.

Праздникъ пошелъ по обычаю. Изъ воротъ въ ворота переходили славельщики, нищіе, странники; на людныхъ площадяхъ и перекресткахъ безобразничали халдеи, подпаливая встрѣчнымъ борода; на улицахъ валялись пьяные гуляки, оралъ пѣсенники и бѣгали въ вывороченныхъ тулусахъ и неуклюжихъ маскахъ ряженые; на Москвѣ-рѣкѣ съ утра до ночи кнѣпи кулачные бои; бражныя тюрьмы гостепріимно отворяли свои двери для пропойцы; убогіе дома принимали опившихся и замерзшихъ. Благочестивые люди съ сожалѣніемъ смотрѣли на проявленіе народныхъ привычекъ и характера.

На Земляномъ валу, въ полуразвалившемся домишкѣ, короталъ свои дни бывшій «верстанный» подьячій одного изъ московскихъ приказовъ, у котораго отъ приказнаго сидѣнья ослабло зрѣніе. Лишенный возможности продолжать службу великому государю, онъ билъ челомъ, чтобъ его, «сироту, за долголѣтнее сидѣнье государь пожаловалъ — велѣлъ ему быть, гдѣ онъ похочеть». И государь его пожаловалъ. Съ однимъ глазомъ, которымъ еще онъ

кое-какъ видѣлъ, конечно немного паработаешь, но онъ все-таки работалъ: строчилъ на Варварскомъ крестцѣ челобитныя, помогалъ совѣтами, — однимъ словомъ, продолжалъ свою практику и поддерживалъ свое существованіе.

На третій день праздника посѣтили его бывшіе сослуживцы по приказу: одинъ «въ приказѣ посѣдѣлый», трезвый, серьезный, другой молодой и пьющій. Посидѣли, выпили и повели бесѣду.

— Вотъ жисть-то! — началъ старый подьячій: — на старости лѣтъ обругать человѣка! Паренекъ, ты бы шелъ отсюда: видишь, большіе говорятъ, — обратился онъ къ мальчику, племяннику хозяина.

— Дема, поди въ ту горницу. Когда нужно — я кликну, — поддакнулъ хозяинъ.

— Такъ вотъ я и говорю, — продолжалъ старый подьячій: — на старости лѣтъ бороду соскоблили, да сказываютъ къ Велику-дню по нѣмецкому одѣнуть.

— Слышалъ, сказывали... — со вздохомъ произнесъ хозяинъ.

— А пуще всего надо уповать на Бога, — подхватилъ молодой подьячій, съ жадностью проглатывая оловянный стаканчикъ водки: — одно упованіе и больше ничего! Воля царская! Меня во что хошь одѣвай, только души моей не трогай! Борода-то на томъ свѣтѣ опять должна вырасти, а душа ежели — та не вырастетъ.

— Тебѣ, съ пьяныхъ-то глазъ, все единственно! Тебя хошь арапомъ облачи...

— А хошь бы и арапомъ! Ну, пуцай арапомъ облачаютъ, но только чтобы душа моя...

— Много ты объ своей душѣ думаешь! Тотъ мало объ душѣ думаетъ, у кого руки трясутся, а у тебя ипъ ты какъ онѣ...

— А отчего онѣ у меня трясутся? Это значить — душа моя робѣетъ, «не пей!» говоритъ. А я ей говорю: я пью тебѣ на утѣшеніе.

— Съ тобой говорить-то, только слова терять даромъ. Не въ приказѣ бы тебѣ сидѣть...

— Мало, Илюша, мало хорошаго въ этихъ новыхъ порядкахъ, — многотумно замѣтилъ хозяинъ. — Ты говоришь, тебѣ все равно хошь арапомъ: а арапы-то на страшномъ судѣ на которой сторонѣ стоять?

— Да вѣдь и приказные, которые себя не соблюдаютъ, на той же сторонѣ стоять. А я себя соблюдаю! Сказано:

«повинуйтесе властямъ и покоряйтесе». Ну, я и покоряюсь. Вотъ ежели такой указъ выдетъ—впередъ нятками ходить, я тогда скажу: не умѣю, обучите. А насчетъ одежды—все одно. Еще нѣмецкая-то лучше—смѣшнѣе.

— И шелъ бы ты въ нѣмецкую слободу, тамъ бы свой у нихъ былъ...

— Былъ и тамъ! Бояринъ Тихонъ Никитичъ двухъ пѣтуховъ со мной къ одному нѣмчину посылалъ. Живутъ чудесно! Водка какая у нихъ важная—съ перцемъ... Насчетъ закуски только въ недостаткѣ: нѣмка всего двѣ картофельки вынесла. Дѣвки какія у нихъ жирныя, здоровенныя, рыла красныя, словно бы какъ олифой смазаны.

— Патриархъ-то батюшка разнедужился отъ его дѣловъ, видючи, какое поруганіе творится. Господи, вспомнишь, прежній-то бывало выдетъ—Богъ земной. Бояръ-то, бояръ-то!.. Да все-то въ золотахъ, какъ жаръ горять, а этогъ... не глядѣли бы глаза!.. Ну бывало ли когда на Москвѣ, чтобы царевновъ, сестеръ родныхъ, по монастырямъ разсылали.

— А онѣ не балуй!

— Кто?

— А царевны. Хоть бы Софья Алексѣевна: зачѣмъ она смуту заводила? Ея дѣло сидѣть, сложивши руки, а она мутить пошла! И въ нашемъ быту, коли бабенка замутить...

— Много ты знаешь?

— Да какъ же не знать-то? Нѣтъ, царь справедливо! Много черезъ нея кровища-то по Москвѣ потекло, много народу-то располосовали. Стрѣльцы служили съ полнымъ усердіемъ, пока бабы не вмѣшивались...

— Полно, Илюша, пустяшныя-то рѣчи говорить,—замѣтилъ хозяинъ:—хмельнымъ дѣломъ ты это.

— Нѣтъ, не хмельнымъ! Я пью, а разуму своего не теряю. Я царя Петра Алексѣевича во какъ почитаю! Царь справедливый! Ты еще посмотри, какъ онъ боярамъ нузо-то попустилъ... Больно зажирѣли!.. Намъ такого царя и надо, чтобы правду соблюдалъ.

— Сохрани Богъ и насъ съ тобой въ застѣнокъ потащутъ,—окончилъ старый подьячій, подымаясь съ лавки:—пустяшныя твои рѣчи и больше ничего!

— Я и въ застѣнкѣ эти рѣчи буду говорить,—горчился молодой подьячій.

— Полно, Илюша,—останавливалъ его хозяинъ:—такія страшныя слова говорить—дѣло-то къ ночи.

— Отъ слова ничего не подѣляется! Ежели бы теперича самъ царь объявился на этомъ самомъ мѣстѣ...

У воротъ бѣдной лачуги остановилось четверо саней. Послышался стукъ въ калитку.

— Дѣма, — закричалъ хозяинъ: — отопри калитку, да спроси кто? Должно гулящие какіе, или ряженые.

— Ежели бы теперича самъ царь объявился на этомъ самомъ мѣстѣ,—продолжалъ, ударяя по столу кулакомъ, возбужденный хмелемъ подъячій...

— Дядюшка, — вѣбгая впопыхахъ, заговорилъ Дѣма:—государевы пѣвчіе Христа славить пріѣхали.

— Господи, вотъ напасть-то!—засуетился растерявшійся хозяинъ:—что тутъ дѣлать-то? Скажи, батюшка, здѣсь живеть подъячій, а дьякъ дальше, нанесоски отъ насъ... Богатый, моль, тамъ дьякъ живеть, посольскій...

Черезъ нѣсколько секундъ Дѣма вѣбжалъ со слезами на глазахъ.

— Дяденька, серчаютъ. Велятъ отирать, а не то царю хотять жалиться.

— Ну, такъ отирай, дѣлать нечего... Наказанье жестокое! Двѣ гривны да пять алтынъ всего и денегъ-то... и угощать-то нечѣмъ...

— Ежели бы теперича самъ царь объявился...

Черезъ порогъ низенькой двери, нагибая голову, переступилъ самъ государь, за нимъ бокомъ протискался тучный Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, за нимъ Никита Моисеевичъ Зотовъ и еще два боярина, въ венгерскихъ кафтанахъ.

Собесѣдники оцѣпенѣли.

Князь обратился къ образу и заплѣлъ «Рождество твое, Христе Боже насъ»... Царь подхватилъ густымъ басомъ. Пропѣвши «Дѣва днесъ», Ѳеодоръ Юрьевичъ обратился лицомъ къ предстоявшимъ и началъ читать *рацею*:

Азь отроча младо,
Пришедъ въ домъ твоего стада
Рождество Христово прославить,
А тебя, господинъ честный, съ праздникомъ поздравить.
Сей день свѣтлѣйшій,
А ты, господинъ честнѣйшій,
Буди здравъ въ покоѣ,
Да милость Божія будетъ съ тобою.
Днесъ праздникъ прославляю,
Главу свою преклоняю,
Многая лѣта желаю.

Прочитавши, онъ низко поклонился подьячимъ.

— Какъ ты осмѣлился не пускать насъ, государевыхъ пѣвчихъ, Христа славить? Знаешь указъ?—обратился государь къ подьячему.

Подьячій трясся всѣмъ тѣломъ.

— Ну, мы тебя для такого великаго праздника прощаемъ. А ты что бы сдѣлать, если бы царь объявился на этомъ мѣстѣ?

Подьячій, не мигнувъ глазами, отвѣчалъ:

— Я бы твоему пресвѣтлому царскому величеству сказалъ всю правду, что бы ты меня ни спросилъ. Они говорятъ—въ застѣнкѣ страшно, а я говорю—съ правдой нигдѣ не страшно.

Петръ долго и пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты пьешь?

— Пью.

— Много?

— По расчисленію: по праздникамъ даже довольно достаточно.

— А гдѣ ты служишь?

— Въ разрядномъ приказѣ.

— Верстаинный?—прохрипѣлъ князь Федоръ Юрьевичъ.

— Нѣтъ, изъ инсчей деньги.

— А любишь ты своего государя?—продолжалъ спрашивать царь.

— Люблю и всѣми твоими порядками доволенъ. И сейчасъ здѣсь всѣ твои порядки одобрялъ.

Царь положилъ руки къ нему на плечи и, еще разъ пристально посмотрѣвши въ глаза, сказалъ:

— Ну, ладно! Вотъ его величество князь Кесарь тебя поверстасть, а за любовь твою ко мнѣ мы съ тобой сочтемся. Мнѣ нужны люди, которые бы меня любили. А тебѣ,—сказалъ онъ, обратившись къ хозяину:—пожалуй нечѣмъ платить за славленье-то? Ну, мы тебѣ сами заплатимъ. На возьми! И давай ему пять рублей. А тебѣ бы не слѣдовало давать, — отнесся онъ къ Демѣ: — у калитки ты насъ долго проморозилъ, ну да ужъ такъ и быть, вотъ и тебѣ на сосульки, на! И давай мальчику рубль. А подрастешь—приходи ко мнѣ, я тебя въ люди выведу. Ну, Богъ съ вами, прощайте. А гдѣ дякъ-то житье?

— Нанесокки отъ насъ, за переулкомъ,—пробормоталъ растерявшійся хозяинъ.

— Ты говоришь, богатый?—спросилъ царь Демѣ.

— Страсть какой богатый! — отвѣчалъ наивно мальчикъ:—въ самый сочельникъ гусей къ нему таскали, таскали, почитай со всей Москвы.

— Ну, вотъ мы къ нему и тронемся,—окончилъ государь, выходя въ сѣни. Подьячїе выскочили за ворота и усадили его въ сани.

— Батюшки, насилу раздышался,—входя въ комнату, заговорилъ хозяинъ:—Госноди, да что же это такое! Ежели бы и во снѣ приснилось...

— Вѣрь Богу,—перебилъ его старый подьячїй:—вѣрь ты Богу, гортань моя кровью занеклась отъ страху!

— А миѣ,—весело подхватилъ молодой подьячїй:—ничего! Словно бы я наскрозь всю землю произошелъ! Вотъ еще здѣсь на доньникѣ осталось маленько, вотъ я сейчасъ и вышью за здоровье великаго государя Петра Алексѣевича, его пресвѣтлаго царскаго величества.

О НѢКОТОРОМЪ ЗАЙЦѢ.

I.

Мингеръ графъ.—Зазаеца благодарствую і тово заеца немешкаоѣ на асамблеи съели і івашку хмельниѣкава многогажды пеленосно тревожили понеже заецѣ вельми жырентъ былъ и шнѣгусомъ зело чинентъ, часли и животу не бытъ да сілою ідѣйствиємъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшего Кура живы суці и о здравіи пребываемъ і отомъ подлинно вамъ отъ пісываю.

Piter.

II.

Фотій—князю А. Н. Голицыну.

Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія, въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своима и вѣждама своима дреманіе. И се гласъ нечеловѣчь, а собаки пѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопроситъ—какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человекъ, подобіемъ мнооологическій центавръ, отвѣтствовалъ—яко бы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ зѣ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ (писано бо есть: «камень прибѣжище зайцемъ») и кормилъ я его рукама своима, и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а пѣкоторая нестрая псица старцу Досиеюю рясу, подаренную Анной *), изорвала. Защити, другъ великій.

*) Извѣстной графиней Анной Орловой-Чесменской.

III.

Князь А. Н. Голицынъ—Фотію.

На письмо вашего высокопреподобія имѣю честь отвѣтствовать, что я не преминулъ написать новгородскому губернатору о семъ крайне огорчившемъ меня происшествіи. Очень грущу, что нарушили ваше безмолвіе, необходимое для спасенія души, но врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и несть иже укрывается отъ него, а я

Есмь и пр.

IV.

Новгородскій губернаторъ—князю А. Н. Голыцину.

На письмо вашего сіятельства высокопочтительнѣйше имѣю честь отвѣтствовать, что по собраннымъ мною свѣдѣніямъ—вышеупомянутаго зайца заравили дворовые люди его сіятельства, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, по приказанію Анастасіи Θεодоровны **), для ея стола и сдали его повару Порфирію. Они же застрѣлили въ Волховѣ трехъ частныхъ гусей, принадлежащихъ села Взгорья діакону Островидову, и, разложивъ въ полѣ огонь, изжарили и съѣли крестьянскую овцу, и все то дѣлали именемъ Анастасіи Θεодоровны. Вмѣстѣ съ тѣмъ мною поручено исправнику, подъ личпою его отвѣтственности, произвести строжайшее разслѣдованіе.

Съ глубочайшимъ и пр.

V.

Капитанъ-исправникъ—новгородскому губернатору.

Получивъ словесное повелѣніе вашего превосходительства о разслѣдованіи затравленнаго зайца, оный заяцъ, по негласнымъ свѣдѣніямъ и присяжнымъ показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по поймашии онаго, будетъ доставленъ отцу архимандриту. Касательно гусей, то отецъ-діаконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ.

*) Минкиной, извѣстной фаворитки графа Аракчеева.

Władysław A. H. [illegible]

The main body of the document contains several paragraphs of text, which are extremely faint and difficult to read. The text appears to be a formal report or a letter, possibly related to the subject mentioned in the header.

[Illegible Section Header]

Below the second header, there is another block of text, also very faint. It seems to continue the narrative or provide additional details related to the main subject.

The middle section of the document contains a large block of text, which is mostly illegible due to fading. It likely contains the core information or findings of the document.

The bottom section of the document contains a final block of text, which is also illegible. It may represent a conclusion, a signature block, or a list of references.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

БРАНАТИПЕЧЕНЕ СТОБЕЛ

УТРО ХОЛОСТОГО ЧЕЛОВѢКА.

Обширный, роскошно убранный кабинетъ. Посрединѣ круглый столъ, на которомъ въ большомъ порядкѣ разложены книжки и альбомы. Стѣны увѣшаны портретами, писанными масляными красками, гравированными, литографированными и фотографическими. Въ средѣ ихъ есть и генералы, и штатскія персоны, и духовныя особы, и дамы, и младенцы, и какой-то турецкій сановникъ въ парадной формѣ. Въ простѣнкахъ, между оконъ, латы, кольчуги и вообще старинное оружіе. Письменный столъ въ большомъ безпорядкѣ. На столѣ, между шапками съ книгами, телефонъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юрій Дмитріевичъ Аксановъ, изящный мужчина, лѣтъ 30.

Прасковья Ѳедоровна, его родственница, богатая московская барыня. Бердыбаевъ, лѣтъ 40, истасканная фізіономія, съ развязными манерами, въ весьма поношенномъ, но изящно сшитомъ платьѣ.

Ѳедоръ Лукичъ, старый слуга, низенькій и толстенный, совершенно сѣдой.

Евстигней, камердинеръ, молодой человекъ, въ платьѣ съ барскаго плеча.

Иванъ Прохоровъ, крестьянинъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ БЕРДЫБАЕВЪ, за нимъ ѲЕДОРЪ ЛУКИЧЪ.

Бердыбаевъ. Неужели до сихъ поръ не вставали? Въдѣ это чортъ знаетъ что такое—спать до сихъ поръ! (*Подходитъ къ столу и перелистываетъ альбомъ*). Не понимаю! Кто это такой? (*Вматривается въ фотографическую картинку*). Ты не знаешь, кто это?

Лукичъ. Не могу знать.

Бердыбаевъ. Ничего ты, старый хрѣтъ, не знаешь.

Лукичъ. Да гдѣ-жѣ намъ, сударь, знать! Юрій Дмитричъ пришелъ, вставили... это ихнее дѣло.

Бердыбаевъ. Давно?

Лукичъ. И этого, сударь, доложить не могу, потому мы сюда не касаемся. Не касаемся потому, что это не наше дѣло. И зачѣмъ намъ входить въ барскія дѣла, когда у насъ своего дѣла много.

Бердыбаевъ. Какія это у тебя дѣла?

Лукичъ. А какъ же, сударь! То, другое, пятое, десятое... Помилуйте, не управисься. Хотя взять теперича лампы—четырнадцать ихъ штукъ надо заправить. Ну-съ, теперича все прибрать... Пыль теперича... А вѣдь я одинъ.

Бердыбаевъ. А Евстигней что дѣлаешь?

Лукичъ. Что Евстигней дѣлаешь?—папиросы набиваетъ и неудовольствіе его въ томъ, что не въ такомъ бы званіи ему быть—не въ лакейскомъ. И теперича вотъ повадился въ нѣмецкій клубъ въ барскомъ фракѣ ходить—бѣда да и только! А ужъ я, сударь, старъ становлюсь. Скажешь когда, а онъ сердится. Ну, а до Юрья Дмитрича доводить не хочется, потому какъ онъ, по добротѣ своей души, ни во что не входить. *(Оглядывается кругомъ и понижаетъ тонъ).* Теперича то возьмите: у Юрья Дмитрича деньги несчитанныя; пріѣдетъ изъ клуба, али откуда—все разбросаетъ; ну такъ я самъ ихъ раздѣваю, одного его не допускаю... боюсь! А онъ сердится: я, говорю, камердинеръ, а не вы. Какой ты, говорю, камердинеръ? Ты, говорю, зарайскій мѣщанинъ! А я, говорю, прирожденный камердинеръ! Покойному Дмитрію Борисовичу служилъ... за старостію лѣтъ только...

Бердыбаевъ. Такъ, ты думаешь, онъ похватываетъ. *(Дѣлаетъ рукой жестъ).*

Лукичъ. А какъ же-съ! Кабы, сударь, не мой глазъ—весь бы домъ разнесли. Вѣдь Юрья Дмитрича оберни съ ногъ до головы—не почувствуетъ! *(Тихо).* Теперь повадилась какая-то курносая изъ клуба къ нему ходить... Пока еще, по моему замѣчанію, варенье да сахаръ воруютъ, да въ носовыхъ платкахъ недочетъ, а вѣдь пожалуй... Вотъ я посмотрю, посмотрю, да такъ турну, что и своихъ у меня не узнаютъ! Накость этакую въ домъ заводятъ!..

ЯВЛЕНИЕ II.

Входитъ ЕВСТИГНЕЙ и кладетъ на письменный столъ визитную карточку.

Бердыбаевъ *(взглянувъ на карточку).* Куда онъ поѣхалъ: направо или налево?

Евстигней. Сказали кучеру на Конюшенную.

Бердыбаевъ. Что-жъ ты не сказалъ, что я здѣсь?

Евстигней. Они не спрашивали.

Бердыбаевъ. А у самого у тебя догадки-то нѣтъ? (*Евстигней уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

БЕРДЫБАЕВЪ и ЛУКИЧЪ.

Бердыбаевъ (*посвистывая*). А что, Ѳедоръ Лукичъ, есть у Юрія Дмитрича деньги?

Лукичъ (*многодумно*). Да какъ вамъ доложить... По моему замѣчанію... не должно быть.

Бердыбаевъ. Да вѣдь ты вчера раздѣвалъ его?

Лукичъ. Дѣйствительно я ихъ раздѣвалъ, но только что-то мнѣ не въ домекъ. А такъ, повидимому, словно бы нѣтъ... Духъ у нихъ не тотъ. По моему замѣчанію, когда у нихъ денегъ нѣтъ — они очень въ то время долго почиваютъ. Опять же вчера на ночь книжку въ постели чигали — это значить: нѣтъ. Когда при деньгахъ — они сейчасъ засыпаютъ.

Бердыбаевъ. Ужасно глупо! (*Надвѣваетъ шляпу*). Я сейчасъ назадъ приѣду.

Лукичъ. Слушаю-сь. (*Бердыбаевъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лукичъ. Тоже много имъ на прожитіе требуется!.. Вотъ третій годъ моихъ двадцать пять за нимъ пронадеваетъ. Спросить — словно бы какъ совѣстно, а самимъ имъ не въ догадъ. (*Звонитъ въ телефонъ, подставляетъ къ уху трубку и отвѣчаетъ*). Я-сь... Ѳедоръ... Почиваютъ... Никакъ нѣтъ-сь... Въ четвертомъ часу... Слушаю-сь... Аркадій Дмитричъ... (*Закрываетъ телефонъ*). Къ Медвѣдю просятъ завтракать. Будить надо, а какъ будить?.. Я ужъ и не знаю. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ АКСАНОВЪ, за нимъ слѣдуютъ огромный санбернардскій песъ «Султанъ» и ЕВСТИГНЕЙ съ чайной сервировкой.

Аксановъ (*беретъ исписанный кусокъ сухой бумаги*). Когда это принесли?

Евстигней. Въ восемь часовъ. Мужикъ принесъ. На кухнѣ дожидается.

Аксановъ. Позови его. (*Евстигней уходитъ*). «Милостивому государю Юрья Митричю что я тебѣ пишу Иванъ Прохоровъ Рощковъ изъ деревни Акишева съ Карякинской еганди что лоси стоять и 18 сего проверяли и стоять и медвѣдь лижить крепко и крухъ небольшой»... (*Входитъ Иванъ Прохоровъ*). Ну, что?

Рожковъ. Думалъ: можетъ не застану и въ томъ случаѣ письмо написалъ. Надо бы ѣхать, Юрья Митричъ, оказія-то очень хорошая. Три круга, помилуйте! И выгнн некуда. А медвѣдь... Господи! Я такихъ и не видывалъ. Согнали мы его—за дровами ѣздили—такъ даже необнакповенно!.. Думали: не лошадь ли въ лѣсу запугалась! Черный! Ланица страсть... Пожалуйте, у насъ все готово.

Аксановъ. Да вѣдь холода стоять...

Рожковъ. Да вѣдь холода что! Холода ничего!..

Аксановъ. Что это у тебя рука-то?

Рожковъ. А рука моя, почитай, никуда не годится: палець отрубилъ. Въ самое заговѣнье.

Аксановъ. Совѣмъ отрубилъ?

Рожковъ. Да вотъ, все одно, какъ собакъ хвостъ рубять, такъ и я отхватилъ.

Аксановъ. Какъ же это ты?

Рожковъ. Такъ ужъ, грѣху бытъ! Слабость это наша... няный.

Аксановъ. Жалко?

Рожковъ. Спервоначалу-то миѣ жалко было... Разовъ пять плакать принимался, а теперь ничего, привыкъ...

Аксановъ. Какъ же это Петръ Сергѣевичъ медвѣдя-то пропустилъ?

Рожковъ. А вотъ извольте видѣть, Юрья Митричъ... Миѣ душа нужна... Всю вамъ правду скажу... Морозъ былъ очень. Ихъ нумерь пришелся какъ разъ на опушкѣ и мѣсто эдакое чудесное. Хорошо! Ежели, говорю, Петръ Сергѣичъ, онъ въ тотъ уголъ вдарится, такъ опричь какъ на васъ ему выгнн не на кого, мы его отсюда на васъ такъ и поворотимъ; а вы только берегите, чтобы онъ скрозь не прошелъ, потому сзади чаща большая... такая чаща, даже до невозможности. (*Одуривляясь*). Ну вотъ сейчасъ... А они были башлыкомъ закрывши. Ну, вотъ сейчасъ, стали какъ быть должно и сейчасъ я бабъ разстанавивать пошелъ, потому скучимии очень были. Жмутся, подья, одна къ другой, хоть ты что хочешь! Потому, пуганья. Одну бабелочку въ зашршломъ году медвѣдь потрепалъ маленько.

Аксановъ. Закусаль?

Рожковъ. Нѣтъ, а такъ, значитъ... маленько прищемиль... Ничего! Выходилась. Мальченко съ ней рядомъ стояль, того шибко задраль... Ну вотъ сейчасъ подшелъ я къ бабамъ-то, а Павлуха кривой на лыжахъ, смотрю, бѣжить. Ты, говорить, что знаешь? — Что? — Медвѣдь-то ушоль! — Какъ ушелъ? — Вотъ те, говорить, и какъ!.. Ну, думаю: ужъ отъ Петра Сергѣича живой я теперича не уйду. — Молчи, говорю... *(Звонитъ телефонъ)*.

Аксановъ *(подставляетъ трубку къ уху)*. Да, всталъ... Сейчасъ прѣйду. Голландскихъ я не ѣмъ... Не хочу... И мнѣ тоже. Лукичъ! *(Входитъ Лукичъ)*. Что-жъ ты мнѣ не сказалъ, что меня зовутъ къ Медвѣдю завтракать...

Лукичъ. Шель докладывать...

Аксановъ. Сани мнѣ. А ты ступай къ Петру Сергѣичу. Если онъ поѣдетъ, и я поѣду. Прощай!

Рожковъ. Прощенья просимъ. А что медвѣдь дивный идетъ. *(Султанъ вытягивается во весь ростъ и кладетъ ему переднія лапы на плечи)*. А что, Юрья Митричъ, волка ежели онъ живо обрабатаетъ?

Аксановъ. Я думаю.

Рожковъ. Я такъ понимаю—дохнуть не дастъ. Въ деревню бы намъ такого... Прощенья просимъ!.. *(Уходитъ)*.

Аксановъ *(у телефона)*. Однако это надоѣсть можетъ! *(Подставляетъ трубку)*. Какой Книримъ? Чортъ знаетъ, что такое! Какія магистральныя трубы? Ничего не понимаю!—Кто говоритъ? Да слышу, что Книримъ! Откуда говорятъ?—Ну такъ вы съ Бердовымъ заводомъ и разговаривайте! *(Закрываетъ телефонъ)*. Это просто ужасно!

Лукичъ *(входитъ)*. Сейчасъ подадутъ.

Аксановъ. Какой-то Книримъ въ телефонъ разговариваетъ!

Лукичъ. А меня, сударь, разъ тоже кто-то, по ошибкѣ, спрашивалъ: въ которомъ часу скончался и когда панафида будетъ?..

ЯВЛЕНИЕ VI.

АКСАНОВЪ и ПРАСКОВЬЯ ѲЕДОРОВНА.

Аксановъ *(спѣшно идетъ навстрѣчу)*. Bon jour, ma tante... *(Цѣлуетъ руку)*.

Прасковья Ѳедоровна. Я къ тебѣ на минутку... не задержу...

Аксановъ. Сдѣлайте милость... я не тороплюсь... Ну какъ ваше здоровье?

Прасковья Федоровна (*садясь въ кресло*). Что мое здоровье!.. Плохо! Приѣхала съ тобой посоветоваться. Ты знаешь, я на *Матеи* перешла, гомеопатію оставила. Никакой она мнѣ пользы не приноситъ...

Аксановъ. Ma tante, простите меня! Мнѣ кажется—вы совершенно здоровы!

Прасковья Федоровна. Нѣтъ, Юрушка, чувствую такую слабость, такое изнеможеніе...

Аксановъ. А вы бросьте и *Матеи*, и гомеопатію, всѣ эти крупишки, зернушки.

Прасковья Федоровна. Что-жъ, вы меня тогда черезъ недѣлю въ Невскую лавру свезете... Ахъ, Юрушка, во мнѣ болѣзнь страшная, необыкновенная... Мой докторъ говоритъ: ужъ я, говоритъ, и не знаю, какія вамъ средства давать.

Аксановъ. А вы бы къ Боткину...

Прасковья Федоровна. Это микстуру-то пить!.. Мнѣ нуженъ хорошій гомеопатъ... Я свою натуру знаю.

Аксановъ. Ma tante, смотрите—какая вы полная...

Прасковья Федоровна. Вотъ полнота-то и есть моя болѣзнь. Мой докторъ говоритъ: я вамъ даю самыя сильныя средства, которыя, какъ онъ выразился, которыя не всякая лошадь...

Аксановъ. Полноте, ma tante, лошадь всю гомеопатическую аптеку выпьетъ и съ ней ничего не сдѣлается... Простите меня, пожалуйста!

Прасковья Федоровна. Мнѣ очень грустно, Юрушка, что вы всѣ мнѣ не вѣрите. А на княгиню я даже разсердилась! Какъ это не вѣрить человѣку, когда онъ боленъ?

Аксановъ. Гомеопатъ вамъ дастъ грань мышьяку, растворенный въ количествѣ воды, равномъ земному шару, увеличенному въ семь разъ...

Прасковья Федоровна. Ну ужъ пожалуйста! Ты такой же, какъ твоя тетка Пастасья Алексѣевна: вы ничему не вѣрите. Та меня и за Пашкова ругала...

Аксановъ. Что-жъ, вамъ церквей, что ли, мало въ Петербургѣ?

Прасковья Федоровна. Оставьте меня, ради Бога! Напрасно я къ тебѣ приѣхала. Ты знаешь, какъ мнѣ вредно волноваться...

Аксановъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ, ma tante, поѣхалъ въ Ниццу, сѣлъ бы подъ пальму...

Прасковья Федоровна. А курсъ-то какой?

Аксановъ. Неужели васъ, при вашемъ огромномъ состоянiи, можетъ беззаконить курсъ? Ma tante, вѣдь вы одиѣ...

Прасковья Ѳедоровна. Ты хочешь сказать, что умру я — все останется?

Аксановъ. Пѣтъ, я этого не хочу сказать... Дай вамъ Богъ долго жить.

Прасковья Ѳедоровна. Вы всѣ думаете, что я жадная, а я совсѣмъ не жадная и помогаю очень много. Да вотъ ты считай: тетка твоя Настасья устраиваетъ концертъ въ пользу бродячихъ малютокъ и выманила у меня за билетъ десять рублей. Княгиня заставила меня заплатить двадцать пять рублей за столовую, гдѣ мужиковъ кормятъ. Да вчера мой докторъ присталъ, затѣваетъ какое-то общество—ему... Да! Прочти пожалуйста, что это за общество... Онъ мнѣ далъ и афишу печатную... Я никакъ понять не могу... (*По-даетъ*).

Аксановъ (*читаетъ*). «При скученномъ населенiи столицы. при громадномъ наплывѣ рабочаго класса, ютящагося въ сырыхъ подвалахъ и грязныхъ углахъ, дороговизна жизненныхъ предметовъ первой необходимости является бичомъ челоѳчества. Одна медицина не въ состоянiи бороться со зломъ: она ждетъ къ себѣ на помощь щедрую благотворительность. Предполагая учредить благотворительное общество «введенiя въ организмъ людей рабочаго класса мясныхъ суррогатовъ», докторъ Арзиль просить»...

Прасковья Ѳедоровна. Я тридцать рублей дала...

Аксановъ. Это, ma tante, хорошо.

Прасковья Ѳедоровна. Хорошо? Признаться тебѣ, сказать, жалко было. Все-таки, какъ хочешь, сумма не малая. А ты знаешь, вѣдь я домъ-то московскiй продала.

Аксановъ (*съ удивленiемъ*). Какъ, тетушка!

Прасковья Ѳедоровна. Продала куницу одному. Ужъ и по-вѣренный отъ него прiѣзжалъ съ задаткомъ.

Аксановъ. Какъ же это, ma tante, вы вѣдь это продали историческiй памятникъ!

Прасковья Ѳедоровна. Что-жъ, сама я въ немъ не живу.

Аксановъ. Вѣдь кунецъ въ немъ трактиръ откроетъ! Неужели вамъ, ma tante, не жалко будетъ, когда въ залахъ, гдѣ перебивала вся старинная Москва, гдѣ бывали и Кутузовъ и Барклай, заведется обжорный рядъ... Что вы, ma tante! Позвольте мнѣ не вѣрить...

Прасковья Ѳедоровна. Ужъ и самой теперь жалко, да дѣлать нечего... Ты ко мнѣ не ѣздишь, тетка твоя Настасья

какъ была вертушка, такъ и осталась вертушкой... Посовѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, и при болѣзни моей, меня всякій можетъ обмануть... а тутъ подвернулся добрый человекъ, уговорилъ...

Аксановъ. Это ужасно!

Прасковья Федоровна. Что-жъ тутъ ужаснаго, я не понимаю. Не разстраивай меня пожалуйста: я очень больна и вѣрь мнѣ, Юрушка, болѣзнь моя неизлѣчима. Ахъ, ты знаешь, какъ меня Бердыбаевъ вашъ надулъ.

Аксановъ. Денегъ взять?

Прасковья Федоровна. Тысячу рублей! Да вѣдь какой хитрый! Такъ поддѣлался, такого туману напустилъ!.. Большимъ притворился, сталъ ко мнѣ ходить, изъ моихъ пузырьковъ капли принималъ. Потомъ... Ну, Богъ съ нимъ, ему, говорятъ, вѣсть нечего. И вѣдь его вездѣ принимаютъ. Ну, прощай, голубчикъ. Поѣду къ княгинѣ. Брашнѣ она меня, а я ее люблю. *(Встаетъ)*. Ахъ, ты знаешь, Алиша разводится съ мужемъ, пятьдесятъ тысячъ даетъ ему...

Аксановъ. Отступного?

Прасковья Федоровна. И ѣдетъ въ Парижъ. *(Идетъ)*. Я всегда говорила, что это тѣмъ кончится... Ты знаешь, вѣдь она... *(Въ дверяхъ показывается Бердыбаевъ и быстро она навливается)*. Прощай! *(Аксановъ цѣлуетъ у ней руку; Прасковья Федоровна проходитъ, отвернувшись отъ Бердыбаева)*.

ЯВЛЕНИЕ VII.

АКСАНОВЪ и БЕРДЫБАЕВЪ.

Бердыбаевъ. Я къ тебѣ во второй разъ... Чортъ меня принесъ!

Аксановъ. Почему?

Бердыбаевъ. Ты видѣлъ, какъ она...

Аксановъ. Да! Что это значитъ?

Бердыбаевъ. Долженъ! Сердится...

Аксановъ *(надѣвая перчатки)*. Скажи пожалуйста, какъ ты умудрился даже у моей тетки занять денегъ?.. Вѣдь она гроша мнѣ никогда не давала...

Бердыбаевъ. Не спрашивай, сдѣлай милость, вспоминать противно...

Аксановъ. Говорятъ, у тебя въ этомъ случаѣ гомеопатія была въ ходъ пущена.

Бердыбаевъ. А ты почему знаешь?

Аксановъ. Слышалъ. Не скажу, чтобы хорошо было сдѣлано...

Бердыбаевъ. Разумѣется, скверно! Ты думаешь, я самъ этого не знаю. Что-жъ было дѣлать? Мимо Бореля пройти нельзя, у Дюссо Симонъ кривить рожу, дома съ утра до ночи рвутъ колокольчикъ. Наконецъ, этотъ мерзавецъ пускаетъ мировымъ. Ну, согласись самъ...

Аксановъ. Положеніе дѣйствительно отчаянное...

Бердыбаевъ. Ну, печаянно, безъ всякаго умысла сказать, что вѣрю въ гомеопатію. Ей это понравилось. Пригласила обѣдать. Вижу, больная женщина, я ее успокаивать, говорю, что самъ нѣсколько разъ вылъчивался. Просидѣлъ весь вечеръ. Черезъ два дня навѣститъ пришелъ. Вижу, я въ домъ становлюсь первымъ человѣкомъ. Опять разговоръ о гомеопатіи. Въ пять сеансовъ я постигъ всю гомеопатическую рецептуру; узналъ, что если болитъ високъ, надо принимать извѣстнаго средства десять капель, а если чешутся пятки—того же средства пять капель. Повѣрь мнѣ, если бы я былъ безчестнымъ человѣкомъ, я бы могъ завладѣть всѣмъ ея состояніемъ—такъ она въ меня вѣрила—а я только за мѣсяцъ убійственно проведеннаго времени взялъ займы тысячу рублей. Вѣдь ты только представь себѣ: сидѣть съ больной женщиной цѣлый день и смотрѣть, какъ она глотаетъ круиники, отсчитывать въ рюмку капли... Только и слышишь! разъ, два, три, четыре, пять, шесть... Застрѣлиться можно!

Аксановъ. Однако, ты меня извинишь, мнѣ надо ѣхать.

Бердыбаевъ. А ты не можешь мнѣ...

Аксановъ. Если очень немного—пять рублей.

Бердыбаевъ. Дай шесть.

Аксановъ. Могу и шесть. (*Даетъ деньги*). Шель бы ты куда-нибудь служить.

Бердыбаевъ. Куда я пойду? Ты знаешь мои взгляды на службу. Я не сочувствую...

Аксановъ. Мало ли кто чему не сочувствует!

Бердыбаевъ. Здѣсь служить—я долженъ перековеркать всѣ свои традиціи; въ провинцію ѣхать—я заклятый врагъ всѣхъ губернаторовъ и вопросы ставлю ребромъ...

Аксановъ. Да тебѣ не предложить ставить никакихъ вопросовъ: они всѣ давно поставлены; а дадутъ тебѣ занятіе, которое и будетъ тебя отвлекать отъ изученія гомеопатической рецептуры. Ни губернатору до тебя, ни тебѣ до губернатора никакого дѣла не будетъ.

Бердыбаевъ. Однакожъ, долженъ же я буду проводить свои взгляды. Если я до мозга костей либераль, не могу же я согласиться...

Аксановъ. Евстигней, дай мнѣ другія перчатки.

Бердыбаевъ. Ты богемскихъ цыганъ не слыхалъ?

Аксановъ. Слышалъ.

Бердыбаевъ. Не правда ли?

Аксановъ. Хороши.

Бердыбаевъ. Какой вчера бѣгъ былъ... Фіу!..

Лукичъ. Сани годаны.

Аксановъ. Холодно сегодня? *(Подходитъ къ окну и смотритъ на градусникъ)*. Десять градусовъ, однако...

Бердыбаевъ. А Фаитонъ не видалъ?

Аксановъ. Нѣтъ. *(Идетъ)*.

Бердыбаевъ. Ну, такъ ты ничего не видалъ. Вѣдь это прелесть! *(Проходя мимо письменнаго стола, закуриваетъ папироску и кладетъ въ карманъ три сигары. Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Лукичъ *(одинъ)*. Вѣдь вотъ и благороднаго званія, а если плохо гдѣ что лежитъ—не брезгаютъ. А съ насъ взыщется. Эхъ, сударь! Тьфу!

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сергѣй Ильичъ Боркановъ, генераль отъ кавалеріи, безвыѣздно живущій въ своемъ помѣстьѣ, 70 лѣтъ.

Татьяна Васильевна, его дальняя родственница, институтка, только что окончившая курсъ въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ.

Серафима Александровна Ртищева, вдова сановника, двоюродная сестра Борканова, 50 лѣтъ.

Анатоль — 16 лѣтъ } ея сыновья.

Жоржъ — 15 лѣтъ }

Аркадій Николаевичъ Чугрѣвъ, отставной корнетъ, 40 л.

Евграфъ Матвѣевичъ Гусаковъ, маіоръ, управляющій вѣднѣями Борканова, бодрый, живой, крѣпкій старикъ, лѣтъ 70-ти.

Семень Петровичъ, крестьянинъ, мельникъ, 85 лѣтъ.

Егоровна, его жена, старуха.

Настя, ихъ родственница, 20 лѣтъ.

Иванъ Андреевичъ Тѣльновъ, торгующій крестьянинъ, 40 лѣтъ.

Пахомка, мальчишъ, слуга.

Пароень Сергѣевичъ, старикъ, бывшій барскій поваръ.

Большая поляна въ густомъ сосновомъ лѣсу, на которую ведетъ узкая просѣка, налѣво избушка.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕМЕНЬ ПЕТРОВИЧЪ выноситъ столъ, накрываетъ его скатертью, **ЕГОРОВНА** кладетъ ковригу хлѣба, **НАСТЯ** ставитъ чашку съ медомъ.

Семень Петровичъ. Ну, все въ порядкѣ, какъ быть слѣдуетъ... Авось, не проштрафимся. (*Осматриваетъ столъ*). Хлѣбъ-отъ я подниму, а ты медъ носи, а ты, Настасья, стой да причитай: «милости, молю, просимъ, ваше превосходительство, благодаримъ покорно, что нами не побрез-

говали... оченно намъ это... примѣрно... все одно, какъ отца родного»... И сейчасъ въ ноги...

ЯВЛЕНИЕ II.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА показывается на просьбѣ въ амазонкѣ.

Татьяна Васильевна. Здравствуйте, Семень Петровичъ. Здравствуйте... *(Всѣ почтительно кланяются).*

Семень Петровичъ. Спасибо, родненькая, что не погнушалась нами—пожаловала. Люди мы темные, въ лѣсу живемъ, а ты намъ просвѣтъ сдѣлала... Пошли тебѣ, Господи. Садитесь милости просимъ. *(Обтираетъ рукой скамейку).*

Татьяна Васильевна. Какъ у васъ здѣсь темно.

Семень Петровичъ. Лѣсъ, матушка, Божій лѣсъ,—завсегда въ немъ темно. Еще теперь солнышко стоитъ, а какъ закатится—тьма тьмущая, зги не видать! Мы ужъ привычные, а и то осенью жутко бываетъ.

Татьяна Васильевна. А волки здѣсь есть?

Семень Петровичъ. Заходятъ когда, по осени, — освѣдомляются.

Татьяна Васильевна. Я никогда волковъ не видала.

Семень Петровичъ. Гдѣ-жъ, матушка, тамъ у васъ въ Питерѣ-то! Онъ въ лѣсу живетъ. Пріятности въ немъ никакой нѣтъ: воръ, разоритель!

Татьяна Васильевна. А вы не боитесь волковъ?

Егоровна. Нѣтъ, сударыня.

Татьяна Васильевна. Какъ же? Они къ самому вашему дому подходятъ?

Семень Петровичъ. Нѣтъ, голубушка, онъ хитрый, близко не подходитъ, а кругомъ все ходитъ, да озирается, нѣтъ ли чего по близности — теленка, или овцы, а то и собаки, ежели зазѣвается, ну, ужъ тутъ шабашъ... готово! А ежели нѣтъ ничего—обижается, воетъ.

Татьяна Васильевна. Какъ страшно! Это дочка ваша?

Егоровна. Въ плюмянницахъ у насъ живетъ. Сирота,—ни отца, ни матери нѣтъ. Спервоначалу они погорѣли, а тамъ Господь и по душу по ихнюю послалъ. Самъ-то близъ Петрова дни отошелъ, а мать-то въ самый Покровъ.

Семень Петровичъ. Мы ее къ себѣ и приспособили. Жалко!

Егоровна. Сиротка...

Татьяна Васильевна. Какая хорошенькая!..

Егоровна. Какая ужъ, матушка, хорошенькая—чумазая!..

Семень Петровичъ. Всѣмъ бы дѣвка хорошая, и грамотѣ дошница—письмо ежели написать, все прочее... просьбу—большое ей Богъ далъ понятіе. Намедни отъ всего міра губернатору просьбу составила, такія слова подобрала, плакали даже. Пѣсни пѣть ежели теперича, плясать—первая по всей волости, а ужъ работы—не хвали.

Настя. Я работаю, дѣдушка.

Егоровна. Надо правду говорить—не работница. Въ книжку все читаетъ.

Семень Петровичъ. Да коли бы ежели божественную какую, а то...

Татьяна Васильевна. Какую же книжку читаете?

Настя (*застычиво*). Такъ-съ!..

Семень Петровичъ. Ну, говори, коли барышня спрашиваетъ.

Татьяна Васильевна. Какую?

Настя. Курсъ акушерства.

Семень Петровичъ. Вишь ты, какія слова-то!

Настя. Меня земскій врачъ въ акушерскій институтъ готовитъ, въ Санктъ-Петербургъ.

Семень Петровичъ. Вотъ ты и поди съ ней! И что это, матушка, за народъ теперича сталъ. Молодые ребята изъподъ отцовской воли повышли, въ церковь Божью не ходятъ, а придетъ ежели—статуемъ стоитъ и лба не перекреститъ, а такъ—одному святому кивнулъ, другому моргнулъ, а третій самъ догадается. И святые у нихъ не наши, а ихніе—симоны-гулимоны, да погуляи-мученики. Да ужъ и ваша-то сестра норовитъ...

Настя. Что-жъ, дѣдушка, я обучусь, да опять въ деревню приду.

Семень Петровичъ. Да, ищи тебя тамъ по Питеру-то!.. Тамъ тебѣ такъ хвостъ-то прищемятъ, что ты и не вырвешься. Какая ужъ тебѣ послѣ Питера-то деревня! Ты бы насъ, стариковъ, успокаивала, ничѣмъ пустыми дѣлами заниматься. На эту должность и безъ тебя много...

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ ЧУГРЪЕВЪ, въ военной фуражкѣ, въ крайне изношенной венгеркѣ, въ болотныхъ сапогахъ.

Чугръевъ. Правда, Семень, я слышалъ, что у тебя сегодня на мельницѣ генераль будетъ?

Семень Петровичъ. Ожидаемъ его, батюшку, съ покосу

хотѣлъ заѣхать, да вотъ что-то замѣшкаться... Барышня пріѣхала, а его нѣтъ...

Татьяна Васильевна. Сейчасъ пріѣдетъ. Его какіе-то крестьяне погорѣлые остановили, прошенье подали.

Семень Петровичъ. Это, должно, гривскіе, двадцать дворовъ у нихъ выгорѣло. Пора рабочая, всѣ на полѣ, долго ли грѣху быть.

Чугрѣвъ. Позвольте мнѣ имѣть честь представиться: бывший здѣшній помѣщикъ, обломокъ, такъ сказать, разбитаго корабля. (*Татьяна Васильевна молча кланяется*). Изъ Петербурга изволили пожаловать?

Татьяна Васильевна. Да.

Чугрѣвъ. Никогда въ здѣшнихъ мѣстахъ не бывали?

Татьяна Васильевна. Нѣтъ.

Чугрѣвъ. Да! Я вамъ не завидую. Прямо съ роскошнаго бала въ благородномъ собраніи попасть на водяную мельницу—переходъ ощутительный. Не правда ли? (*Татьяна Васильевна молчитъ*). Быть окруженной блестящею молодежью, роскошными дамами, фрейлинами, звѣздоносцами, кавалергардами и—вдругъ очутиться въ мурѣ! Разумѣется, вы сюда не надолго пріѣхали? (*Татьяна Васильевна молчитъ*). И здѣсь было весело, и здѣсь, т. е. и въ здѣшнихъ мѣстахъ, гремѣла музыка, рѣкой лилось шампанское, но когда? (*Закуриваетъ папироску*). Но когда? Когда здѣсь жили люди со вкусомъ, люди родовитые, люди образованные, прошедшіе, если такъ можно выразиться, черезъ прессъ воспитанія, когда не были осушены рѣки, не были вырублены лѣса, когда на барскихъ домахъ развѣвались флаги съ гербами, когда къ крыльцу подѣвжали экипажи, запряженные рысакими. А теперь что? Гдѣ баринъ? Да вотъ недалеко ходить: вотъ теперешній баринъ, теперешній помѣщикъ—вотъ онъ! (*Изъ простки выходитъ Тѣльновъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣльновъ. Такъ точно, здѣшній помѣщикъ,—Иванъ Андреевъ Тѣльновъ.

Татьяна Васильевна. Семень Петровичъ, можно посмотреть мельницу? Я никогда не видала.

Семень Петровичъ. Пожалуй, красавица, пожалуй. Настасья проводить.

Настя. Пожалуйте, сударыня, тутъ недалечко.

Чугрѣвъ. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы вы позвали мнѣ вамъ сопутствовать.

Татьяна Васильевна (*сухо*). Благодарю васъ.

Семень Петровичъ. Нѣтъ, баринъ, не ходи: у меня при-
мѣта—у тебя глазъ не хорошгъ. Намедни ты за утками на
плотинѣ охотился, такъ онося тебя такъ жернова заба-
ловали, насилу справили. (*Татьяна Васильевна уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же.

Чугръевъ. Такъ ты помѣщикъ?

Тѣльновъ. Вѣрное ваше слово—помѣщикъ.

Чугръевъ (*осматриваетъ его съ ногъ до головы*). Не по-
хоже!

Тѣльновъ (*осматривая себя*). Чѣмъ же-съ?

Чугръевъ. Да всѣмъ!

Тѣльновъ. Спинжакъ такой же, какъ и у другихъ про-
чихъ, палталоны такъ же навыпускъ носимъ.

Чугръевъ. Ну, какой ты помѣщикъ? Ты—орясина.

Семень Петровичъ (*смѣется*). Послѣ дяди Герасима.

Тѣльновъ. Напрасно! Если я на своей землѣ орудую,
значитъ—я помѣщикъ форменный. Чинами насъ только не
жалуютъ, а что торговья права мы платимъ и торговлю,
значитъ...

Чугръевъ. Какая твоя торговля—кабакъ!

Тѣльновъ. Безъ кабака никакъ невозможно, потому въ
немъ вся сила. Точно что если баловникъ другой, по глу-
пости своей, черезъ силу наши матерьялы потребляетъ—
тому вредъ; а ежели кто пьетъ резонно, съ разумомъ, тому,
окромѣ пріятности, ничего нѣтъ. Возьметъ сороковочку,
обольетъ свою душеньку, ему и свѣтъ-то Божій съ другой
стороны покажется.

Чугръевъ. Мужикъ послѣдній кафтанъ къ тебѣ несетъ...

Тѣльновъ. Зачѣмъ? Цѣны у насъ, супротивъ другихъ про-
чихъ, самыя унизительныя.

Чугръевъ. Напьется, исколотятъ его.

Тѣльновъ. Напрасно! Мы никакой революціи въ своемъ
заведеніи не доушаемъ.

Чугръевъ. Мошенникъ!

Тѣльновъ. На все, сударь, мозги требуются.

Чугръевъ. Какіе у тебя мозги?

Тѣльновъ. Мозги у меня, по нашему дѣлу, очень боль-
шіе. Еще когда я маленькій былъ, въ ученыи, такъ хо-
зяинъ даже очень моими мозгами любовался: я изъ фунта
нкры чтыреста ботнибрововъ выгонялъ. Тенерь здѣсь у

меня въ окружности десять кабаковъ, да вотъ у генерала хочу просить, чтобы раздѣлющіи онъ не дѣлалъ—одинадцатый на его землѣ поставить. Такое дѣло безъ мозговъ нельзя, тутъ мозгами только пошевеливай. Земля ихняя, значить, клиномъ на большую дорогу вышла — тутъ намъ мѣсто самое способное—и трактиръ можно, и постоянный дворъ—торгуй только!

Чугрѣвъ. И ты думаешь, чтобы полный генералъ, георгиевскій кавалеръ, заслуженный воинъ, благодѣте^{ль}, всей окрестности, позволилъ тебѣ поганить его землю ка^к какомъ?

Тельновъ. Вы нашихъ дѣловъ не понимаете... И утку безъ мозговъ не убьешь, а народъ ублаготворить...

Чугрѣвъ. Кабакомъ?

Тельновъ. Не въ кабакъ сила... Тутъ, главная причина, торговая операція.

Чугрѣвъ. Спаивать мужика?

Тельновъ. Да мы за воротъ его къ себѣ не тянемъ. Идраться кому этотъ предметъ, онъ своей волей идетъ.

Чугрѣвъ. Да, такъ ты думаешь? Если въ лѣсу поставить кадушку съ медомъ, такъ медвѣдь мимо пройдетъ?

Тельновъ. Такъ вѣдь онъ спервоначалу обнюхаетъ,—такъ просто онъ ѣсть не станетъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Пахомка (*входитъ*). Что же это ты свои бѣгунцы-то поперекъ просѣки поставилъ. Какъ же генералъ въ шерабантъ-то пройдетъ?

Тельновъ. А ты поверни, да выведи на лужайку.

Пахомка. Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же! Самъ промнись. Мы генералу служимъ.

Тельновъ. Горечи! Стракулисть—точепы ланки. Вся цѣла тебѣ пятналтинный.

Пахомка. Генералъ! Бѣги живо! (*Тельновъ уходитъ*).

Чугрѣвъ. Развѣ генералъ не верхомъ?

Пахомка. Нѣтъ, они съ Серафимой Васильевной въ вѣнскомъ шерабантъ, Татьяна Васильевна верхомъ, Евграфъ Матвѣичъ на бѣговыхъ, а барчаты въ долгушѣ.

Чугрѣвъ. Такъ, значить, генералъ со всѣмъ семействомъ...

Семень Петровичъ. Праздникъ у насъ нынче большой. Конюха съ неводомъ пришли, на берегу костеръ зажгутъ, новара уху дѣйствовать будутъ, а барчаты за рѣкой фелерки спущать. Веселье у насъ большое.

Чуртѣвъ. Ну, значить, я здѣсь лишній, долженъ ретироваться. Прощай, старикъ.

Семень Петровичъ. Съ Богомъ, милый человекъ, съ Богомъ. (*Чуртѣвъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

На просьбу въѣзжаетъ **БОРКАНОВЪ** съ **СЕРАФИМОЙ** **ВАСИЛЬЕВНОЙ**. **СЕМЕНЬ ПЕТРОВИЧЪ** беретъ хлѣбъ, **ЕГОРОВНА** медъ и идутъ навстрѣчу.

Боркановъ. Здорово, старики мои почтенные! Здравствуй, Семень Петровичъ, старина моя стародавняя.

Семень Петровичъ. Здравствуйте, батюшка, ваше превосходительство. Полюбви нашу хлѣбъ-соль. (*Подаетъ хлѣбъ, генералъ принимаетъ и передаетъ Пахомкю. Старикъ кланяется въ ноги*).

Боркановъ. Что ты, что ты, старикъ! (*Приподнимаетъ и цѣлуетъ въ лобъ*). Ну, вотъ мы съ сестрой къ тебѣ въ гости пріѣхали.

Семень Петровичъ. Ужъ такая-то намъ радость, такая-то радость, что кажется... Садитесь милости просимъ... Пожа-луйте, матушка, сударыня.

Боркановъ. Ну, какъ дѣла, дѣдъ?

Семень Петровичъ. Ужъ такъ-то, батюшка, хорошо, что не придумаешь, за что насъ взыскалъ Господь Царь небесный. Яблоковъ, всего прочаго, уродилась такая-то сила... меду теперича... Пчелы такъ стараются... Господи! И годовъ такихъ не помню... Покушайте, сударыня, нашего медку-то...

Боркановъ. Ты бы, Семень Петровичъ, вотъ что:—ты бы намъ молочка по стаканчику далъ. (*Къ Серафимъ Александровнѣ*). Хочешь?

Серафима Александровна. Иѣтъ, мнѣ вредно. Я недавно лѣкарство принимала.

Боркановъ. Брось ты этотъ вздоръ! Какое теперь лѣкарство? Теперь только дыши. А гдѣ Татьяна Васильевна?

Семень Петровичъ (*къ Егоровнѣ*). Бѣги скорѣй! На мельницу, батюшка, пошла полюбопытствовать.

Боркановъ. Вотъ, матушка, человекъ-то: въ свое время подковы разгибалъ, на медвѣдя верхомъ садился. Было это, Семень Петровичъ?

Семень Петровичъ. Было, батюшка, ваше превосходительство, было. На упокойника Митрія Иваныча онъ изъ мер-

логи выскочилъ, а я на нѣ съ ихней пистолеткой стоялъ... выскочилъ, а я прыгнулъ на него верхомъ, схватилъ за ухо, да въ загривокъ ему—бухъ! Такъ онъ и распластался. Въ станovouю жилу, значить, ему попалъ. Митрій Иванычъ въ тѣ поры, дай ему Богъ царство небесное, на волю меня выпустилъ, а товарищъ его, князь какой-то значительный, два золотыхъ мнѣ даль... лобанчики въ тѣ поры ходили.

Серафима Александровна. А теперь ты здоровъ?

Семень Петровичъ. Лучше требовать нельзя, матушка. Вотъ, бывастъ, что плечо ломить. Это годовъ сорокъ тому, тоже Митрія Иваныча съ супругой съ ихней, въ коляскѣ четверкой, я въ городъ повезъ. Только-что на пришекетъ выѣхали, лошади-то и прихватили. Вижу, что погибать мнѣ господамъ надо. Намоталъ вожжи—разъ! Такъ всю четверку и зарѣзалъ. Господа изъ коляски-то вышли, а меня садовники съ козель-то сняли, да подъ руки домой и сволокли. Мѣсяца три оносилъ этого я руками не дѣйствовалъ, а тамъ прошло. Теперича ежели когда что—вышарнишься въ печи, а лѣтнее дѣло старуха плечи-то крапивою похлещетъ, али дегтемъ натретъ и любѣхонько.

Серафима Александровна. Въ печкѣ париться ужасно вредно. Ты знаешь, что тамъ температура...

Боркановъ. О, матушка, знаютъ они, что такое температура!..

Семень Петровичъ. Мы, сударыня, по-Божьему. Настасья у насъ тоже эти хитрия слова говорить.

Серафима Александровна. Можно простудиться.

Семень Петровичъ. Мы, матушка, простуды не имѣемъ. Это ежели жидкій какой человѣкъ, котораго отъ рожденья его въ хлопки завертываютъ, а мы на снѣгу родились, подъ снѣгомъ и косточки наши лежать будутъ.

Серафима Александровна. И тебѣ, на всякій случай, лѣкарства пришло. Это такія зернышки, маленькія, какъ макъ. Взять четыре зернышка...

Семень Петровичъ. А дѣйствительно онѣ, сударыня?

Серафима Александровна. Удивительно! Удивительно!

Семень Петровичъ. А то вотъ тоже, парень у меня на мельницѣ жерновъ передвигалъ, да и надорвался, такъ его тоже барыня изъ Алешина крупинками лѣчила...

Серафима Александровна (*восторженно*). Ну, что?

Семень Петровичъ. Померъ! Спервоначалу его солдатъ лѣчилъ, толченымъ кирпичемъ поилъ.

Боркановъ. Вѣроятно, вы хотите ему дать ваше излюбленное средство—[apix](http://rcin.org.pl)?

Серафима Александровна. Ну да, аріс.

Боркановъ. Грань цѣлебнаго вещества, растертаго въ кускъ сахара, равнаго земному шару, увеличенному въ семь разъ. Это средство дѣйствительное! Ахъ, Серафима Александровна! Вы только посмотрите на этого мастодонта. Да онъ всю вашу гомеопатическую аптеку проглотитъ и ему ничего не сдѣлается. Всѣ! И бріонію, и анисъ, и иппеакавану, и еще какія тамъ у васъ сильно дѣйствующія вещества. Да вы его мышьякомъ не проймете!..

Семень Петровичъ. У насъ, ваше превосходительство, одна бабенка съ ундеромъ однимъ въ грѣхѣ была, такъ она своему мужу, въ работникахъ у меня жилъ, въ лешку мышьяку подсыпала—мы его на мельницѣ молокомъ отходили. Опосля того зимой въ прорубь попалъ — вытащили, откачали и теперь работаетъ.

Боркановъ. На медвѣдя люди верхомъ садятся, четверку бѣшеныхъ лошадей осаживаютъ, изъ проруби живыми выходятъ, а вы имъ крупишки... Тебѣ, Семень Петровичъ, сколько лѣтъ?

Семень Петровичъ. Не считалъ, батюшка, не знаю.

Боркановъ. Да француза-то помнишь?

Семень Петровичъ. Махонькой былъ, младенецъ, почитай, годковъ шести. Чуть помню, вошелъ родитель въ избу, а мы обѣдали: «сряжайтесь, говорить, скорѣй всѣ — Москва горитъ». Тутъ меня матушка въ лѣсъ и потащила. Чуть помню... (*Слышится выстрѣлъ*).

Боркановъ. Кто это стрѣляетъ?

Серафима Александровна. Вѣроятно, Жоржъ — я его съ ружьемъ видѣла.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА входитъ съ **НАСТЕЙ**.
Выходитъ ТЪЛЬНОВЪ.

Боркановъ. Ахъ, вотъ и Татьяна Васильевна. Здравствуй, Настя, здравствуй, будущій докторъ медицины. Занимаешься у доктора-то? (*Настя молчитъ*). Учись, учись... Въ Москву тебя отправимъ. (*Къ Татьянѣ Васильевнѣ*). Ну, рассказывай, что ты видѣла?

Татьяна Васильевна. По порядку?

Боркановъ. По порядку.

Татьяна Васильевна. Во-первыхъ, меня понесла лошадь, потому что м-г Жоржу угодно было выстрѣлить въ ворону.

Боркановъ. Ай да егеря!

Серафима Александровна. А я думаю, отъ того васъ по-
несла лошадь, что вы ѣздить не умѣете.

Боркановъ. Она-то? Это, матушка, такой кавалеристъ,
что ой, ой, ой! Ну, потомъ?

Татьяна Васильевна. Здѣсь я встрѣтила какого-то го-
сподина...

Боркановъ. Кто же это такой?

Семень Петровичъ. А вотъ этотъ... изъ Пищалина... Какъ
онъ прозывается?

Боркановъ. Ахъ, это Чугрѣвъ. Значить, онъ опять въ
нашихъ мѣстахъ показался... Третью тетку пришелъ объѣ-
дать.—Что онъ еще похожъ на человѣка-то? Образъ-то
Божій на немъ есть еще?

Семень Петровичъ. Да ужъ на барина почитай что не
похожъ...

Боркановъ. Несчастный!

Татьяна Васильевна. Да встрѣтила я здѣсь какого-то по-
мѣщика...

Боркановъ. Какого помѣщика...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Выходитъ ТЪЛЬНОВЪ.

Тѣльновъ. Это меня, ваше превосходительство.

Боркановъ (*смотритъ съ изумленіемъ*). Помѣщикъ?!

Тѣльновъ. Здѣшній помѣщикъ, Иванъ Андреевъ Тѣльновъ.

Боркановъ. Всѣхъ своихъ добрыхъ сосѣдей-помѣщиковъ
знаю, а такого не слыхивалъ. Давно въ нашихъ мѣстахъ?

Тѣльновъ. Отъ самаго отъ рожденія.

Боркановъ. Фамиліи такой не слыхивалъ. Странно!

Тѣльновъ. Оченно можетъ быть, потому что съ малыхъ
лѣтъ воспитывался въ Парижѣ. Спервоначалу папаша нашъ
все скопировалъ, меня свезли въ Парижъ, и въ тѣмъ числѣ,
какъ они померли...

Боркановъ. Кго?

Тѣльновъ. Папаша.

Боркановъ. Ничего не понимаю! Вы говорите, что вы
воспитывались въ Парижѣ...

Тѣльновъ. Такъ точно, на Солянкѣ, у купца Евстигнѣева.

Боркановъ. Ахъ, это значитъ трактиръ Парижъ?

Тѣльновъ. Точно такъ-съ!

Боркановъ. Ну, теперь понятно! (*Хохочетъ*). Что же вамъ,
г. помѣщикъ, отъ меня нужно?

Тѣльновъ. Какъ, значитъ, теперича у васъ есть участокъ

земли и упирается онъ клиномъ подь самое село Гривки, такъ намъ желательнo этотъ клинушекъ у васъ купить.

Боркановъ. Не продаю.

Тѣльновъ. За цѣной не постоимъ.

Боркановъ. Не продаю.

Тѣльновъ. Очень бы намъ лестно учредить тамъ торговое заведеніе.

Боркановъ. А чѣмъ ты торгуешь?

Тѣльновъ. Всякими крестьянскими потребностями.

Семень Петровичъ. Насчетъ кабаковъ больше орудуетъ.

Тѣльновъ. Въ тѣмъ числѣ, ваше превосходительство...

Боркановъ. Съ Богомъ! Вотъ если бы ты вздумалъ на моей землѣ часовню поставить, я бы тебѣ даромъ отдалъ, а подь питейное заведеніе...

Тѣльновъ. Что-жъ... Часовня, ежели она...—Такъ будемъ говорить...

Боркановъ (*строго*). Ступай съ Богомъ.

Тѣльновъ. Счастливо оставаться...

Боркановъ. И тебѣ тоже... (*Тѣльновъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Боркановъ. Хорошъ помѣщикъ!.. Ну, такъ что-жъ ты на мельницѣ видѣла?

Татьяна Васильевна. Видѣла я плотину, видѣла я огромное колесо, на него падаетъ вода, это колесо вертитъ жернова, а жернова мельчатъ муку...

Боркановъ. Которую мы съ тобой ѣсть будемъ.

Татьяна Васильевна. Которую мы съ тобой ѣсть будемъ. Потомъ я видѣла, какъ садовники пewardь закидывали, видѣла я развѣзжающаго верхомъ по берегу Евграфа Матвѣевича... Ну, вотъ и все, что я видѣла... (*Раздается выстрѣлъ*).

Боркановъ. Фу ты, Господи!..

Серафима Александровна. Что-жъ, если у него страсть.

Боркановъ. Скверная страсть! Отвратительная! Что ворона ему сдѣлала? Надо быть совершенно пустымъ и глупымъ человѣкомъ, чтобы лишать жизни несчастную птицу. Ну, что, скажите пожалуйста, что ему ворона сдѣлала?

Серафима Александровна. Коли вамъ поведеніе дѣтей моихъ не нравится, они могутъ отсюда уѣхать.

Боркановъ. Никуда они не уѣдутъ, здѣсь будутъ балбесничать. Мальчишки по два года въ одномъ классѣ сидятъ...

Серафима Александровна. Не забудьте пожалуйста, эти мальчишки—мои дѣти.

Боркановъ. Тѣмъ хуже! Дѣти знатной дворянской фамилии...

Серафима Александровна (*къ Пахомкѣ*). Лошадей мнѣ!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и ЖОРЖЪ.

Жоржъ. Матап, какъ я сейчасъ ворону ссадилъ! На самой макушкѣ сидѣла... я ее восьмымъ номеромъ... Разъ!.. и она...

Боркановъ. Что она тебѣ мѣшала?

Жоржъ. Нѣтъ, она на самой макушкѣ сидѣла.

Боркановъ. Я знаю. За что-жъ ты ее убилъ? Что она тебя обидѣла, что ли?

Серафима Александровна. Ну, довольно!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Пахомка. Лошади поданы.

Серафима Александровна. Жоржъ, ты со мной домой поѣдешь.

Жоржъ. Матап, я никогда не видалъ, какъ рыбу ловяты.

Серафима Александровна. Нисколько неинтересно. А гдѣ Анатолю?

Жоржъ. Онъ тамъ, на берегу, съ деревенскими бабами разговариваетъ.

Серафима Александровна (*къ Пахомкѣ*). Поди, скажи Анатолю Алексѣвичу, чтобы онъ ѣхалъ со мной домой.

Жоржъ. Матап, я никогда не видалъ, какъ рыбу ловяты.

Серафима Александровна. Я ужъ тебѣ сказала, что это нисколько неинтересно.

Жоржъ. Отчего ты не хочешь, чтобы я смотрѣлъ?

Боркановъ. Зачѣмъ вы лишаете его удовольствія! Ловля рыбы—занятіе благородное, это не воронъ стрѣлять.

Серафима Александровна. Позвольте мнѣ...

Жоржъ. Матап, позволь мнѣ смотрѣть, какъ рыбу ловяты.

Серафима Александровна. Ты меня выводилъ изъ терпѣнія.

Жоржъ. Матап, я только посмотрю.

Пахомка. Анатолий Алексѣвичъ на ту сторону въ лодкѣ переѣхали.

Серафима Александровна. Ахъ, Господи! (*Идетъ*).

Жоржъ (*слѣдуетъ за нею*). Анатолю будетъ смотрѣть, а я не буду смотрѣть... Матап, это несправедливо... Ты сама говорила. (*Уходятъ*).

Боркановъ. Несчастная мать! Несчастныя дѣти!

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Гусаковъ (*входя*). Ваше высокопревосходительство, пожалуйте! Мржи брошены, костеръ пылаетъ, берегъ усѣялъ окрестными поселянами, покинувшими свои убогія жилища для эстетическихъ наслажденій. Позвольте представить ваше высокопревосходительство оперную труппу майора Гусакова. (*Выходятъ двурики и парии. Впереди идетъ Парень Сергѣичъ со скрипкой. Становятся въ рядъ*). Пахомка, дай мою цѣвлицу. (*Пахомка подаетъ кларнетъ*). А сей старецъ, ваше высокопревосходительство, мой дирижеръ и первая скрипка. Несмотря на свои преклонные годы, онъ играетъ на ней, какъ Паганини. Былъ онъ у своего барина поваромъ. Слава о его кулебякахъ гремѣла далеко за предѣлами здѣшней губерніи. Старики говорятъ, что его кулебяки дышали, когда ихъ подавали на столъ. Былъ драматическимъ актеромъ, былъ опернымъ пѣвцомъ, былъ... еще къмъ ты былъ, Парень Сергѣевичъ?

Парень. Всѣ должности у своихъ господъ произшель. Поварскому искусству господа въ англичской клубъ обучаться отдавали, а на скрипкѣ и всему прочему самъ баринъ натаскивать.

Боркановъ. А чей ты былъ?

Парень. Господинна Бениметева, Александра Дмитрича.

Гусаковъ. А что ты у него въ театрѣ игралъ?

Парень. Больше все царей игралъ, потому голосъ у меня былъ басистый. Цампу опять же, Александра Македонскаго... да много... ужъ теперь не помню. Выѣздной у насъ лакей былъ Родивонъ, косою на одинъ глазъ, хорошо Александра Македонскаго разыгрывалъ и меня обучалъ. Бывало, соберутся господа, графы, начальство всякое, а мы мѣсяца два все твердимъ, чтобы какъ лучше, чтобы все въ понятіе взять. Ну вотъ, бывало...

Боркановъ. А стряпать еще можешь?

Парень. Нѣтъ, ваше превосходительство, только вкусъ у меня чувствительный остался: могу разобрать, что хорошо, а самъ сдѣлать не могу. Да ужъ теперь такъ господа не кушаютъ, да и господъ настоящихъ-то мало осталось, все купецъ забралъ. У нашего Александра Дмитрича какое имѣніе-то было!—Двѣ церкви—теплая, да холодная. Домъ-то дворець, шестьдесятъ комнатъ, театръ... Въ Бозѣ почивающая императрица Екатерина у дѣдушки нашего барина въ гостяхъ была... Наполеонъ со своими генералами въ

нашемъ домѣ два дня жилъ, когда на Москву шелъ. И те-
перича еще въ диванной на стѣнахъ патреты висятъ—всѣ
пулями прострѣляны. Это въ тѣ поры народъ-то весь ушелъ,
а они, со злости, по патретамъ стрѣлять стали. За столъ
у насъ сѣли по сту человѣкъ, а то и больше. Бывало,
покойникъ съ генералами придетъ ко мнѣ въ кухню. «Пар-
оень, говоритъ, убоготвори! Сдѣлай такъ, чтобы всѣ чув-
ствовали, какой ты у меня поваръ есть». (*Сквозь слезы*).
Ну, ужъ тутъ душу свою и кладешь! Какая есть у тебя
душа—вся она на плитѣ да въ кострюлѣ. Одинъ значи-
тельный графъ—бужанину я ему съ чеснокомъ потрафилъ—
при всѣхъ меня, крѣпостного человѣка, въ лобъ поцѣло-
валъ, купить меня у Александра Дмитрича хотѣлъ, большія
деньги давалъ, а тотъ ему:—«нѣтъ, говоритъ, мы съ Пар-
оеномъ умремъ вмѣстѣ». Очень меня обожалъ, дай Богъ
ему царство небесное. Купцу теперича это имѣние доста-
лось—все разорилъ: аллею вырубилъ, флигеля кавалерскіе
сломалъ, половину дома подъ товаръ занялъ.

Гусаковъ. А ты такъ при имѣніи и остался?

Пароень. Такъ и пребываю. Онъ добрый купецъ, и она
дама хозяйственная, подъ барыню подражать желаетъ, а
крылья-то коротки, летать высоко не можетъ. Вотъ когда
гости соберутся, хочется ей себя показать, сейчасъ ко мнѣ:
ну-ка Пароень Сергѣичъ, уברי столъ по-господскому. Ну,
и уберешь—сервировку сдѣлаешь, цвѣты на столъ поста-
вишь, духами покуришь... А гости у нихъ бываютъ самые
обыкновенные. Какъ вспомнишь, кто въ этой самой залѣ
кушали, кому мы служили—графы, князья, фрешины... Съ
трепетомъ, бывало, кушанье на столъ отпущаешь.

Гусаковъ. Что-жъ, при должности какой-нибудь у купца-то?

Пароень. Вся птица на моихъ рукахъ. На скрипкѣ когда
играю. Самъ-то музыку любить, и какъ ежели случится
запеть, безъ музыки спать не ляжетъ. Сперва ему играй
танцы, а послѣ заплачетъ и запоетъ «Помощникъ и покро-
витель», а ты ему на скрипкѣ подлаживай!

Гусаковъ. Ну, хоръ!

Татьяна Васильевна. Какую вы пѣсню будете пѣть?

Гусаковъ. «Молодку».

ДВЛЕНІЕ XIV.

Жоржъ (*входитъ*). Матан разсердилась и приказала мнѣ
идти сюда.

Боркановъ. Значить ты свою шапан довелъ до бѣлаго каленья.

Жоржъ. Я только говорилъ, что это несправедливо: Анатоль будетъ смотрѣть, какъ рыбу ловятъ, а я нѣтъ.

Гусаковъ. *(Запѣваетъ).*

Молодка, молодка молодая,
Разлапушка, свѣтикъ, дорогая!

(Всѣ направляются къ ркѣ; Боркановъ съ Татьяной Васильевной идутъ за хоромъ. Навстрѣчу имъ изъ кустовъ выходитъ Тѣльновъ).

Тѣльновъ. Можетъ, раздумаете, ваше превосходительство?

Боркановъ. Отстань! Тутъ поэзія, а онъ съ кабакомъ лѣзетъ...

Тѣльновъ. Слушаю, ваше прев.....

ПОДРАЖАНІЯ СТАРИННОЇ
ПИСЬМЕННОСТІ.

INSTITUT RESEARCH
INSTITUTE

ПОДРАЖАНІЯ СТАРИННОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

I.

Письмо изъ Эмса.

(XVII вѣка).

Бьетъ челомъ сирота твой, государевъ (имя рекъ). Въ нынѣшнемъ 377 году прислана мнѣ твой, великаго государя, грамота. Написано: ѣхать тебѣ, Ивану, въ розныя города нѣмецкаго государства и смотрѣть тѣхъ городовъ люди и намъ, великому государю, отписывать. И взять тебѣ животовъ сколько мочно. И ѣхати землями нѣмецкаго государства, не грабить, не пьянствовать, и съ нѣмцы разговорныя слова говорить и отвѣтъ держать примѣрившись, съ вымысленіемъ, боясь нашей опалы и жестокаго истязанія безо всякія пощады. А будетъ который начальный нѣмецкій человекъ спросить, какия ради нужды посланъ отъ великаго государя, говорить: посланъ для его великихъ государевыхъ дѣлъ. А даровъ ему не давать. А прилучится который нѣмчинъ просить будетъ—и тому дать кормы небольшіе да деньгами на пиво, по три алтына на человека.

И по твоему, государя, указу, мѣсяца мая въ 17-ый день, на память св. (имя рекъ), переѣхалъ я за рубежъ московскаго государства. Направо объявилоси море пространное, а на немъ корабли, а на берегу стоитъ городъ Канюсбрекъ. И тогъ городъ и земля были допрежъ того подъ державою короля польскаго, а нынѣ всѣ тѣ польскіе люди поверстаны въ нѣмцы и жить имъ велѣно нѣмецкимъ обычаемъ, а вѣру держать католицкую, какъ допрежъ было. А будетъ кто похочетъ въ люторство, и тому прибавить чести. А городъ Эмда не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ живая вода, а та вода шипитъ, а течетъ та вода изъ горы каменная, растетъ на ней лѣсъ несчастый. И у котораго человека нутро болитъ, али утинъ, али порча, али ина хворь,—и дохтуры тоя болѣзни своимъ дохторствомъ смотреть, и ту живую воду пить велеть и въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бывають. А ренское вино доброе, и я про твое, государево, здоровье пью ежедень. Палата построена каменная, большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и вралетку вертитъ и прыгунца пушаетъ:—бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчина народное множество—иныхъ государствъ люди—и жиды, и езовиты, и жонки, и старыя бабы, и воров-

скіе заблудные люди, и кладуть тому нѣмчину золотые амбургскіе п угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту. А въ свѣяхъ трубятъ въ трубы и въ бубны бьютъ и на стрелентахъ и на свирѣляхъ—на искушеніе.

II.

Челобитная XVII ст.

(По титулѣ).

«Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твоя, государевъ, разбойнаго приказа писчикъ Павликъ. Въ прошлыхъ годѣхъ велѣно мнѣ сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія разбойныя и татинныя дѣла списывать, а жалованье мнѣ противъ другихъ подъячихъ вполы, да сапоги, да однорядка, да шапка. И я, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоёмъ великаго государя дѣлѣ радѣлъ. А нынѣ та однорядка износилась и сапожники поистѣбли — въ приказъ ходить чудно: пальцы прихватываетъ и пяткамъ тягота великая. Царь Государь! смилуйся для своего многолѣтняго здоровья и всемірныя радости царевича (имя рекъ) вели меня, сиротишку, обути».

Помысла: «Объявлено государеву жалованье: дать однорядка, да сапоги, да шапка».

Челобитная XVIII ст.

(По титулѣ).

«Его сіятельство генерал-аншефъ, генералъ-адъютантъ, преображенскаго полку бригадиръ приказалъ мнѣ, нижайшему, быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока. И я, будучи въ юстицъ-коллегіи, ея императорскаго величества интересу служилъ. А нынѣ мнѣ, нижайшему, отъ юстицъ-коллегіи резолюція: отъ юстицъ-коллегіи оставить, на основаніи указовъ ея императорскаго величества. А мнѣ, нижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи ея императорскаго величества невозможно. А посему...»

Резолюція: «Опредѣлить ея императорскаго величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою».

Прошеніе XIX ст.

«Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ и не имѣя возможности, при настоящей дороговизнѣ хлѣба и миса...»

Резолюція: «По непредставленію марокъ, оставить безъ послѣдствій».

III.

Изъ челобитной по судебному дѣлу XVII ст.

(По титулѣ).

Въ нынѣшнемъ, Государь, 378 г. изыманъ я пристава и волоченъ пѣшь до губныя избы и великіе отъ того ихъ волоченья мнѣ, сиротѣ твоему, чинены убытки: однорядку вишневою, твое государеву жалованье, изодрали всю безъ остатка и однорядочка къ свѣтлому дню у меня пѣть. И губной староста да подъячій учали меня бить и за

волосья таскать и истерзавъ довольно, стали говорить распросныя рѣчи съ пристрастіемъ: на Москвѣ живучи, Ивашка, ты лихихъ людей звалъ-ли и за пьянствомъ съ ними ходилъ-ли? И будетъ ты лихихъ какихъ людей звалъ и еретичество и б...лю ихъ вѣдать—самъ съ ними на..... ходилъ-ли? Онь, Гурій, убойну ѣлъ-ли и смердящую бѣ-совскую богоненавистную табакку пилъ-ли? Да онъ-же Гурій, на Москвѣ живучи, ежедень скрывался—и то тебѣ кто скрывалъ и наровиль ему вѣдомо-ль?

И я, сирота твой, памятуючи страшный судъ, противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей сказалъ прямо вправду: на Москвѣ живучи въ ско-морохахъ, лихихъ людей не зналъ, всякихъ заблудныхъ и зерщиковъ и скомороховъ и мнищенкаго чина и гостинной сотни запойныхъ людей зналъ довольно, и за пьянствомъ съ ними ходилъ, и составныя затѣй-ныя слова говаривалъ, а кто Гурія легчилъ, то мнѣ невѣдомо. А онъ, Гурій, человекъ смиренный

IV.

Челобитная скомоороха потѣшнаго приказа (XVII ст.).

Бьетъ челомъ сирота твой Государевъ. Потѣшнаго приказа скомо-рохъ Ивашка Оедоровъ. Жалоба мнѣ, Государь, того-жъ приказа на скомоороха, на Оедьку Алексѣева, на Бурдина. Въ нынѣшнемъ, Госу-дарь, 377 году сошелъ я на стругъ внизъ по Волгѣ рѣкѣ до Перми великія для своихъ сиротскихъ промыслишковъ и плывъ по Волгѣ рѣкѣ, близко будетъ Нижняго, у Работокъ, вышелъ тамъ Оедька съ женщишкою своею съ Анищею, да съ дѣтишками своимъ—съ сыниш-комъ своимъ съ Алешкою и со многими крестьяны, да съ посадскими людьми, да съ кабацкаго двора съ цѣловальники и бражники и будетъ ихъ человекъ двадцать и больше, со свистаніемъ, и ключемъ, и во-племъ. И съ нимъ животы и рухлядъ разная и пищали и иное всякое. И сошедъ на стругъ, онъ, Оедька, ирестъ цѣловалъ, чтобъ ѣхать намъ до Перми великія вмѣстѣ и что Божіей помощію испромыслимъ дѣ-лать на двѣ стороны равно, а ему чтобъ развратныя рѣчи не говорить и м..... не ругаться. А мнѣ, Ивашкѣ, ѣдучи съ нимъ, съ Оедькою, Камою рѣкою, на берегъ и въ лѣса не сбѣжать. И выиѣ тотъ Оедька, забывъ страхъ Божій и ирестное цѣлованіе, умышляетъ мнѣ дурно: въ расчетахъ творить хитрость, а себѣ корысть; ѣсть пенину и мер-твечину и иное старедное и бьетъ почасту; да онъ же, Оедька, рей-тарскаго строя съ маеоромъ играетъ въ зернь и отъ той его игры сталъ онъ безъ портокъ. Царь Государь! смилуйся! пожалуй, чтобъ мнѣ отъ того Оедьки не приидти въ конечное раззореніе.

V.

Бой съ афганскимъ мурзою на Кушкѣ.

донесеніе царскаго воеводы.

(По титулѣ).

Въ нынѣшнемъ, государь, 392 году, стоялъ я съ твоими, великаго государя, ратными и конными и пѣшими людьми на Кушкѣ рѣкѣ. И мѣсяца марта въ 20 день вѣдомо мнѣ учинилось, что англійскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобы тотъ мурза со своими татарами слединачасъ

къ злomu воровству ихъ присталъ и противъ твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей учинилъ бой. И мурза, предався въ неискусень умъ, тѣхъ воровскихъ рѣчей слышалъ. И я, жалѣючи того мурзу, сдѣлалъ съ нимъ ссылку и писалъ:—не пригоже-де тебѣ, мурзѣ, слушать богоотступникова и противъ государевыхъ ратныхъ людей чинить злой умыселъ. Мы-де не для смуты пришли, а стоимъ на своей землѣ для береженья, чтобы кровь невинная не проливалась. А будешь ты, мурза, противъ государевыхъ ратныхъ людей будешь чинить дурно и тебѣ быть отъ насъ въ жестокомъ наказаніи, а отъ владѣтели твоего въ отвѣтъ.

И мурза говорилъ: велѣно-де мнѣ отъ моего владѣтели ссылаться съ англійскими людьми и рѣчей ихъ слушать.

И королевнѣ англійской капитанъ прислалъ мнѣ письмо съ воровскою мыслью. И я, выразумѣвъ то письмо, послалъ полуполковника Алиханова съ товарищи говорить съ тѣмъ капитаномъ и со всѣми англійскими людьми.

И смедчись, говорили.

Англійскіе люди говорили: вы-де въ Индею идете? А полуполковникъ съ товарищи говорили: мы-де въ Индею будемъ, когда нашъ великій государь похочетъ. А таперьво мы въ Индею не идемъ, а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ великому государю, чтобы быть имъ со всѣми людьми подъ его высокою рукою.

А будешь государь вамъ похочеть и вы въ Индею пойдете ли?

Кои великій государь, его пресвѣтлое царское величество похочетъ, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею поидемъ того жъ числа, какъ указъ будетъ.

А зачѣмъ-де вамъ идти въ Индею: у вашего государя земли довольно?

У государя нашего земель много, и въ умъ не вмѣстится, а въ Индею намъ идти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ и прочимъ королевнымъ англійскимъ людямъ въ московскомъ государствѣ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Индею и вамъ то будетъ за страхъ, а московскому государству утѣшеніе.

И нивъ боевой часъ ренское, разошлись.

На утро мурза ударилъ съ татарами на твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей и милостию Божіею и твоимъ государевымъ счастьемъ, твои ратные люди блись крѣпкостоятельно и били татаръ безо всякия пощади. И видя татары надъ собою твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей проумыселъ и жестокой приступъ и пожарное раззореніе—побѣжали розно, а англійскіе люди, снявъ порченки, тожь побѣжали и городъ Пинжа отъ татаръ и англійскихъ людей очистился.

И мурза англійскаго королевина капитана за бороду дралъ: въ своей-де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводитъ смуту. И англійскіе люди, видючи надъ собою отъ мурзы и отъ татаръ жестокое изгнание, прислали ко мнѣ гонца просить заступы и я послалъ на споможенье казаковъ сколько пригоже. И къ вечеру того дни казаки воротились и говорили, англійскихъ людей татары угнали въ свои улусы.

А городъ Пинжу, я взялъ для прищипленія онаго къ твоему великодержавному скиутру.

Указъ отъ государя, царя и великаго князя окольничему нашему Анатолю Федоровичу.

(XVII вѣка).

Были намъ челомъ всякихъ чиновъ люди, емлютъ-де съ нихъ въ разбойномъ приказѣ подъячье деньги не малыя, волочать и убытчать безъ разсудку. И намъ бы, великому государю, ихъ пожаловати—велѣти для сыску татинныхъ и разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ быти человѣку доброму, кому бѣ въ такихъ дѣлѣхъ можно было вѣрять. И мы, великій государь, всякихъ чиновъ людей пожаловали, велѣли тебѣ, Анатолю, сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія татинныя и разбойныя дѣла вѣдати. И кому грѣшною мѣрою учинится смерть, или который челоуѣкъ удавится или, вина опився, сторгить, или кто межъ собою подерется хмельнымъ дѣломъ и убьетъ, и про то сыскивать подлинно—и которые людей волочать и убытчать, и тѣхъ людей вѣдати и оберегати и расправу промежъ всякими людьми чинити безоукитно—и въ покленныхъ искѣхъ, и въ подметѣ, и въ бою, и въ грабежу, и кто крадетъ, и разбиваетъ, и до смерти людей убиваетъ, и въ какой сларѣ зубомъ ухватить и носъ отъять,—и женскій полъ и дѣвичь, которые, по насредкѣ, на великихъ чиновъ людей б...лю сказываютъ для своей бездѣльной корысти потому жъ сыскивати накрѣпко всякими сыски. И кто въ городѣ корчму держитъ и татинною ружлядью промышляетъ,—и мнищецкаго чину и гостинвой сотни запойныхъ людей и чаровницъ и которыя дѣвки и животы описывати и сажати въ тюрьму до указа. И будетъ воровство его и въ какихъ причинахъ оуъ бывать сыщется до прямиа, вынявъ изъ тюрьмы, судити въ разбойномъ приказѣ при всенародномъ множествѣ, а въ помощь ему ставити подъячаго добраго, который бы вины его очищаль. Да для сидѣнья жъ въ разбойномъ приказѣ пожаловали мы, великій государь, велѣли выбирать судей по двѣнадцати челоуѣкъ да по два изъ лучшихъ, среднихъ и молодичьхъ людей, добрыхъ, небражничковъ, которые бѣ были душою прямиа и въемъ людямъ лобы. И тѣхъ людей приведчи къ крестному цѣлованію, а доводчику велѣти воровы вины честь. А какъ доводчикъ вины его прочтетъ и тебѣ, Анатолю, ставити его съ видоки на очи и допрашивать накрѣпко. А какъ подъячій учнетъ воровы вины очищать и противъ того подъячаго потому жъ говорить. А слушавъ вашихъ рѣчей, выборные судьи пойдутъ въ другую палату, за прѣставы, чтобъ сговору какого промежъ ихъ съ народомъ не было. А пришедъ въ палату судять сонча боевой часъ и больша, чего воръ доведется. И будетъ вышедчи скажутъ, что за воровъ вина есть и тебѣ судити по уложенію. А будетъ учинивъ ты не по уложенію, а тотъ воръ или тать или убойца или корчемникъ ударить челомъ въ нашу царскую дѣму, что учинилъ ты не по уложенію и того вора судити вdrugорядъ иными судья. А тебѣ, Анатолю, будетъ учинилъ ты не по уложенію съ простоты—вины нѣтъ,—а будетъ учинилъ ты по насредкѣ на того вора, или тать, или убойцу, или корчемника—наша царская опала съ записью въ разрядной книгѣ.

VII.

Грамота московскимъ людямъ. (XVII ст.).

Вѣдомо намъ учинилося, что у васъ на Москвѣ, по бражнымъ станамъ, въ Бѣломъ городѣ у Ивашки Тѣстова, да въ Бѣломъ же городѣ, на Устрѣтенькѣ, въ саратовскомъ стану у Васки Дубровина, да въ Бѣломъ же городѣ, въ большомъ московскомъ стану, бывшемъ Ивашки Гурпина, противу московскихъ приказовъ, да въ Китай-городѣ, на Микольской, въ черкасскомъ узилищѣ, въ Ивановомъ стану Арсентьевича, да въ Китай же городѣ, въ Варварскомъ стану, у Алешки Лопашева и во всѣхъ московскихъ бражныхъ станахъ, во всю мясопустную седмицу пьянство преумножается: дворяне, и дѣти боярскіе, и жильцы, и гостинной сотни люди, и посадскіе людишки и бобыли—крестнаго знаменія не кладутъ и правило не держатъ, женъ и дочерей дѣвокъ по бражнымъ станамъ за собою водятъ, а дѣти боярскіе къ зазорнымъ бабамъ ходятъ, а бабы тѣ по глухимъ переулкамъ и захолустнымъ слободамъ станы поставили, а въ тѣхъ станахъ на стремянтахъ играютъ и на свиреляхъ и въ бубны бьютъ. А гостинной сотни люди за посадъ въ бражныя становища къ пѣмчину Яру, да къ цѣловальнику Ивашкѣ Натрускину ѣздятъ, а тамъ плущіе цыганы и ряженныя дѣвки бѣсовскія пѣсни поютъ со свистаніемъ и кличемъ и воплемъ, и лпанское торговаго чловѣка Ланина пьютъ и женокъ силой поятъ и раздѣвають, какъ въ Грецкихъ Афинѣхъ было, и даже до восхода солнца пребываютъ и утренняго къ пѣнію клепанія не слышагъ, а инѣи въ домѣхъ своихъ опиваются и объедаются и чревоненстовствуютъ и всякимъ страстямъ безчестія прилежатъ и бездѣль грѣховнѣи валяются, и посяхъ въ ноги кланяются, чающе въ покаяніи и воздыханія чрезъ всю великую четыредесятницу путь совершить. А посадскіе людишки и бобыли и черной сотни на площади боярина Хитрова и на иныхъ площадяхъ по кабакамъ валяются и всякою непотребною лаею ругаются и бороду другъ другу рвутъ и носы скусываютъ и увѣчатся, до смерти убиваются, и будутъ въ мясопустную седмицу на Москвѣ все убогіе дома и бражныя тюрьмы полны увѣчными, избитыми, опившимся и умопомраченными.

И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бы заказывали накрѣпко, чтобы Московскіе люди отъ горькаго пьянства отстали и во всю мясопустную седмицу въ домѣхъ своихъ сидѣли и во всякомъ благочестіи пребывали, а кому, по нуждѣ, сидѣть не мочно, и тѣ бы мимо бражныхъ становъ не ходили, а дучится ити мимо бражныхъ становъ, шли бы не озираючися, памятию жену Лотову. А которые боярскіе дѣти не послушаютъ и по бражнымъ станамъ ходить будутъ и тѣхъ изъ бражныхъ становъ выбивать силою и сапоженки сымать и платьишко отбирать до указу.

VIII.

Письмо при посылкѣ портрета. (XVIII ст.).

Присылаемая при семь персона сукпессора въ надлежащей конфирденціи находитися у Васъ имѣть и никому генерально оную не объявлять и отъ подлыхъ всячески скрывать надлежитъ, дабы какой бездѣльный и мизерабельный чловѣкъ, малоуміомъ своимъ, сатисфакціи не учинилъ и въ тайную канцелярію о семь не донесъ. А я со

всякою охотою, сколько моего слабого смысла есть, Вамъ, моему милостивцу, служить впредь готовъ...

Письмо языкомъ XVII ст.

Непреборимыя письменныя хитрости трудолюбивому подвижнику, риторскія любомудрыя трапезы причастнику, эллипсискія словесныя цѣвницы любителю, любвеобильному учителю и наставнику моему, Государю Тертію Ивановичу, мысленно кланяясь честнымъ стопамъ твоимъ, много челомъ бью. А пишешь, Государь, о посылочкѣ и я ту посылочку благородію твоему съ вѣрнымъ человѣкомъ отправляю и извѣствую, что я по сіе число, по неизрѣченной милости присногремящаго надъ водами многими, тѣлесне здоровъ и тебѣ, Государю моему, здоровымъ быти желаю. Нѣкто, зовомый Ивашка, пресвѣтлаго царскаго Величества верховый скоморохъ, писалъ своеручно.

Приглашеніе (XVIII ст.).

Высокородный госнодинь.
Случился я, нижайшій, 14 Сентября, въ часъ пополудни, ямянникъ и соберутся ко мнѣ, нижайшему, нѣкоторые гости и будетъ тракція пирогомъ съ грибами и разною конфитурою и Вашему Высокородству меня, нижайшаго, пожаловать—не презрѣть моей хлѣба-соли, а я, нижайшій,

Есмь
Вашего Высокородства, моего
Милостивца, худородный и худородный рабъ

Иванъ Горбуновъ.

Тоже (XVII ст.).

Худородный рабъ благородія твоего, зовомый Иванецъ, Ѳеодоровъ сынъ, Тимоѣевича, низменне касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьетъ и извѣтствуетъ, что онъ, Иванецъ, во Воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста Господня (въ понедѣльникъ, въ первомъ часу пополудни) прилучился быть ямянникъ. И тебѣ бы, государю, меня, Иванца, пожаловать—моего хлѣба-соли прикушать и впредь меня, Иванца, въ своей милости держать до окончанія моего жпвота, а я тебѣ, государю, рабъ и служебникъ твоего благородства съ женишкою своею Марылею и съ дѣтишками.

Тоже (XVII ст.).

Присносіятельнаго російскаго синклита служебнику, мужу благородному и отъ Царя вознесенному и звѣздами яко Оріонъ осіяному, судии крѣпкостоятельному, чадомрачныхъ дѣяній искоренителю, литорскаго наученія и философскаго любомудрія сопричастнику, Государю моему Анатолю Ѳеодоровичу. Рабъ твоего благородія, худородный въ человѣцѣхъ, царскій скоморохъ Ивашка Ѳеодоровъ, низменно касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьетъ.

Проту благородіе твое придти ко мнѣ, худородному, на мянпшиши. завтра, въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, о второмъ часу по полудни. А будутъ къ ѣствѣ сослужебникъ твоего благородія Николай Степановичъ, да Царскія Казны оберегатель (да не имуть царское) Тертій Ивановичъ. А ѣства будутъ Московская и иныхъ городовъ, и съ Дону, и отъ рѣки великія.

Проектъ челобитной графу С. Д. Ш-ву въ 1894 году.

(Языкомъ XVII столѣтія).

Благочестиваго корени отросли благодѣвѣтущей, вѣтви позлащенной, благоразумному и благоизрядному и пресвѣтлому, благочестіемъ сіяющему, по царской милости заступнику нашему отъ сильныхъ враговъ, доброправному благочестію, Господину честнѣйшему, неліпе-мѣрному о насъ печальнику, графу Сергію Дмитріевичу.

Мы государевы верховые пѣвчіе всѣхъ станицъ—вершинки, нижнии, демествянники и путники—Константинъ Бражниковъ, Сергій Ляпуновъ, Степанъ Смирновъ, Евстафій Азѣвъ, Евгенийъ Мамьковъ, Константинъ Варгинъ, Нѣмчинъ Гейслеръ, Юрія Второвъ, Александръ Копыловъ, Вася Папковъ, нлзмѣнно касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьемъ и просимъ тебя держать насъ государевыхъ сиротъ въ своей милости до скончанія живота и никомъ обычаемъ насъ не оставлять.

Роспись столовому кушанію

мѣсяца ноябра, въ 20 день.

Въ навечерн въ шестомъ часу.

Коврыга монастырская.

Хлѣбцы нѣмецкіе, калачи хомутинные.

Сельди соловецкія, икра астраханская.

Тѣлеса еришова въ студнѣ.

Звѣно бѣлуги ставное, свѣжее.

Пирогн долгіе, на московское дѣло.

Уха стерляжья, изъ живыхъ.

Коза дикая.

Артышока заморская, грѣтая.

Гусь лапчатый, московскій, чиненый.

Яндива кудрявая съ чеснокомъ.

Кашка сладкая боярина Гурьева.

Водка бѣлая, да померанцовая, да рябиновая, да

анисовая, да сахарная, да мятная, да калуферная,

да бонбарисовая.

Вина фрижскія.

А подасть къ столу фразинъ Понсе съ товарищи, а служить въ столѣ будутъ татары: крымскіе да касимовскіе.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ ПРИДВОРНЫЕ КОМЕДИАНТЫ.

I.

Федоръ Григорьевичъ Волковъ.

(Род. 1729 г. февраля 9-го, † 1763 г. апрѣля 4-го).

По кончинѣ Императрицы Анны Иоанновны, при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ (1741 г.), нѣмецкая придворная комедія Нейбера, приглашенная изъ Лейпцига Вирономъ, была распущена. Прїѣзжія нѣмецкія труппы Гильфердинга, Агермана и Сколири давали свои представленія въ нарочно устроенномъ театрѣ на Большой Морской, и на придворный театръ приглашались изрѣдка. «1750 года октября 10,—записано въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ,—Ея Императорское Величество изволила идти въ оперный театръ, гдѣ началась нѣмецкая интермедія, причеиъ отъ дѣйствующихъ происходило: ходили и перевертывались по канату».

Вмѣсто нѣмецкой труппы, по порученію Левенвольда, балетмейстеромъ Лаиде были вызваны ко двору французскіе комедіанты и открытъ постоянный французскій театръ; въ итальянскую оперу тоже были приглашены отличные пѣвцы и пѣвицы, а балетъ былъ поднятъ на такую высоту совершенства, что могъ равняться съ иностранными балетами. Императрица особенно любила балетъ, потому что сама была превосходная танцовщица. «Кто хочетъ видѣть, говорить балетмейстеръ Лаиде, какъ правильно, и нѣжно, и непринужденно мепуэть танцовать надобно, тотъ долженъ прїѣхать къ Императорскому россійскому двору». «Сіе изреченіе, говоритъ Штелинъ, конечно, не происходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту извѣстно, что Императрица Елизавета Петровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая собой всему двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго танцованія»¹⁾.

Чтобы имѣть понятіе о той роскоши и великолѣпнн, съ какииъ обстанавливались въ то время спектакли въ только-что возникавшемъ въ Россіи театрѣ, приводимъ здѣсь «Описаніе театральнаго увеселенія чрезъ французскихъ комедіантовъ Ея Императорскаго Величества представленнаго».

...По обрученіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, благовѣрнаго

¹⁾ С.-Петербургскій Вѣстникъ 1769 г. ч. IV, стр. 245.

Государя, великаго князя Петра Осодоровича и благовѣрныхъ Государыни, великия княгини Екатерины Алексѣевны, въ Богохранимомъ Петроградѣ великія торжества произошли. Между прочимъ и французскіе комедіанты, привлеченные въ Россійскую для науки и художества наилучшею страну милостями и щедротами Сѣверной Минервы, устроили, по случаю ожидаемаго торжественнаго Ихъ Императорскихъ Высочествъ бракосочетанія, театральное увеселеніе, которое не мало къ увеселенію высокиихъ зрителей послужило. Сіе театральное увеселеніе, 16-го числа сего мѣсяца, во вторникъ, въ зимнемъ Ея Императорскаго Величества дворцѣ произошло, и то театральное увеселеніе отъ 7 до 10 часовъ продолжалось, а по семь послѣдовала музыка и произошли танцы, которые до 3-хъ часовъ ночи продолжались, и дворецъ весь и площадь Дворцовая и близкіи улицы предивно иллюминованы были. При театральномъ увеселеніи присутствовали: Ея Императорское Величество, Ихъ Императорскія Высочества, весь Россійскій именитый дворъ, и чужестранные послы, въ Петроградѣ въ сіе время бывшіе.

Сначала представлена «Принцесса Элидская, комедія героическая и любовная».

Послѣ сей комедіи воспослѣдовала балетъ. (Во французской землѣ балетомъ такое представленіе называютъ, въ коемъ комедіанты чувствованія свои разными тѣлодвиженіями изображаютъ). А назывался балетъ—«Балетомъ цвѣтовъ», поелику въ немъ актрисы цвѣтками были. Имена актеровъ въ балетѣ: Роза—Аксинья. Ранункуль—Елизавета, Анемонъ—Граньякъ, Анемонъ—Аграфена, цвѣтки маргаритки и іасписы—три танцовщицы маленькія, Борей—Симонъ.

Театръ представлялъ нѣкоторый цвѣтникъ, въ которомъ танцовщицы цвѣтками были и каждая изъ нихъ въ платьѣ такого цвѣта одѣта была, какой представляла сама.

Роза представляла своимъ другинямъ сладость, каковую она имѣть въ томъ, что живетъ подъ законами вѣтра Зефира, такъ же и нетерпѣливость, чтобы скорѣе увидѣть своего любезнаго любовника. Но увеселеніе ея было приведено въ смятеніе чрезъ прибытіе вѣтра Борей, крайняго неприятели. Увидѣвши Борей, все цвѣтки схоронились. Роза старалась также отъ него убѣжать, но онъ за нею гнался такъ жестоко, что она, напоследокъ, уянувши, упала. Борей радовался своей мести и, изъявивши свое чувство прелестнымъ танцемъ, ушелъ. Зефиръ, смотря на оплакуемое состояніе своей любезной Розы, сжалился надъ нею, началъ ее къ ожитію возбуждать, и отъ того мало-по-малу ожила. Прочіе цвѣтки собрались къ Розѣ и легкимъ своимъ танцемъ объявили радость, каковую они имѣютъ, что удалился Борей и что Зефиръ началъ царствовать.

По окончаніи «Балета цвѣтовъ», была представлена «Зенейда», новая комедія въ одномъ дѣйствіи, стихами сочиненная, которая еще недавно трогала и забавляла весь французскій дворъ.

Примѣтитъ надлежитъ, что одѣнія, въ кои актеры и актрисы одѣты были, весьма богатая и щегольскія были, и надиралъ надъ сею частью театральнаго увеселенія г. Чулковъ и г. де-Сериньи.

Послѣ комедіи «Зенейды», началось театральное увеселеніе, нарочито для празднествъ составленное, а называлось сіе театральное увеселеніе: «Соединеніе Любви и Брака», а сочинено оно было стихами. Дѣйствующія лица въ семъ представленіи были: Гимень,—г. де-Сериньи, Любовь—г. де-Сериньи младшій, Венера—г-жа де-Дурепъ, Ефрозина—г-жа. Душальмонъ, Цана—г-жа Лебрюнь, Аглая—

г-жа Лаконтъ, Марсъ—г. де-Роземонтъ, Минерва—г-жа де-Преплюри. Театръ представлялъ нѣкоторое мѣсто изъ садовъ Ея Императорскаго Величества убранныхъ для веселаго празднованія. Въ срединѣ стояло великое пальмовое дерево, которое доставало до самыхъ облаковъ. Съ одной стороны покрывало оно своими вѣтвями лавровое, а съ другой—миртовое. Пальма, которая значитъ—честь, великость, имперію, побѣду и торжество—посвящена была славѣ Ея Императорскаго Величества; лавръ, который значитъ—науку, достоинство, таланты, храбрость и завоеваніе—посвященъ былъ имени Ея Императорскаго Высочества, благовѣрнаго государя великаго князя; мирта же, которая значитъ—тихость, нѣжность, приятность и красоту—посвящена была чести ея Императорскаго Высочества, благовѣрной государыни великой княгини. На самомъ верху пальмоваго дерева виденъ былъ пренесуено сдѣланный орелъ, у котораго на грудяхъ, вмѣсто обыкновеннаго герба, изображено было солнце, окруженное сіяющими лучами, а въ срединѣ у него написано было вензелевое имя Ея Императорскаго Величества, съ надписью:

Quid melius?

Нѣкоторый шууръ, убранный цвѣтами, протянуть былъ изъ солнечныхъ лучей и казался, что связывалъ лавръ и мирту. Подъ пальмою стоялъ гименовъ жертвенникъ, надъ которымъ Гименъ и Любовь клялись сохранить ненарушимый миръ. Служившіе Гимену, всѣ украшены были разными цвѣтками, окружали жертвенникъ. Венера и всѣ три граціи, слѣдующія всегда за Любовью, стояли напередѣ театра и изъвивали радость, ими, отъ соединенія Гимена и Любви чувствуемую. Сила представленія, «Соединеніе Любви и Брака» названнаго и всего болѣе зрителя увеселявшаго, въ семь состояла: Венера и Ефрозина между собою разсуждали о великомъ днѣ пребыванія Брака въ мирѣ съ Любовью, соединія съ симъ наискреннѣйшее желаніе о благополучномъ соединеніи достойнаго принца съ наипривлекательнѣйшею принцессою. По семь Любовь и Бракъ, обизависивъ клятвою жить въ ненарушимомъ мирѣ и совѣтѣ, объяли другъ друга и шли посреди театра утверждать свой союзъ. Пришедши же къ жертвеннику, Бракъ и Любовь обѣщались потишиться позабыть свою ссору и представить свою ревность предъ очами государыни, которая въ сихъ странахъ владычествуетъ. «Чтобы каждый старался ей угодить, восклицали они:—Ея милость превосходитъ еще сіише ея красоты, подданныхъ своихъ она есть мать». Здѣсь вдругъ послышались звуки литавръ и трубъ, отчего Любовь и Бракъ пришли въ смѣтеніе, особенно видя Марса и Венеру къ нимъ идущихъ. Однако же, не только имъ войны не объявили, но еще и увѣряли, что они торжествовать купно съ Бракомъ и Любовью торжественный сей день пришли. Марсъ повторилъ, что можно все своей власти подвергнуть, если соединить храбрость съ благоразуміемъ. Наисильнѣйшіе побѣдители,—говорилъ Марсъ—рѣдко склоняютъ къ себѣ сердца чрезъ волю и тревогу, а наша любезная самодержица умѣетъ своими щедрыми благодѣяніями надъ всеми сердцами быть царицею. Минерва, съ своей стороны, изъвивла, что въ одной только мудрости находится истинная утѣха и что токмо благополучна та юность, желаніями кою она управлять. «Самый наивеличайшій изъ императоровъ имѣлъ токмо мой свѣтъ за проводника, продолжала Минерва, а его щедролубивой дщери я всегда исполняла желаніе и теперь хочу удѣлить мою помощь». За симъ Любовь повторила за Минервою: да плещетъ вся вселенная силъ красоты, да гремитъ все небо желаніями услажденнаго народа. Здѣсь

музыка начала играть, игры и забавы совокупились на голось Брака и повели за собою все народы царствъ и провинцій, которые имѣють счастье быть подданными Ея Императорскаго Величества.

Они все сближались и дѣлали балетъ, который изъявлялъ радость, подаемую имъ отъ прошедшаго уже торжественнаго дня обрученія и долженствующаго наступить высокаго брачнаго союза.

Симъ самымъ театральное представленіе окончилось, времени было уже десять часовъ, и по семь начались танцы, общіе для зрителей. Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества не мало довольными представленіемъ остались и изъявили свое удовольствіе самимъ актерамъ, а многіе чужестранные послы и вельможи утверждали, что такого щегольскаго одѣянія, богатства театральныхъ атрибутовъ и актеровъ хорошей игры, въ самомъ Парижѣ на рѣдкость встрѣтити. Ея Императорское Величество милостиво разговаривала изволила съ г. де-Сериньи, г-жею Дюшальмонть, г-жею де-Префлори и танцовщицею Аксиньею, изображавшею въ «Балетѣ двѣтовъ» Розу, и по семь Ея Императорское Величество повелѣла г. Чулкову всехъ комедіантовъ платьемъ и деньгами наградить, а г. де-Сериньи за то, что онъ въ сочиненіи театральнаго увеселенія «Соединеніе Любви и Брака» наглавиѣйшимъ образомъ участвовалъ и за его отлѣнную игру, Ея Императорское Величество изволила сама вручить перстень золотой съ изумрудомъ дорогимъ. Ея Императорское Величество также не мало удовольствія участвовавшимъ въ театральномъ увеселеніи изъявила и танцовщицамъ Аграфенѣ и Аксиньѣ золотыя серьги подарила. Примѣтити надлежитъ, что французскіе комедіанты, часто Россійскій дворъ увеселяющіе, ни въ одинъ разъ, какъ въ сей, такого удовольствія не произвели. А во время перемѣны атрибутовъ музыка русскія пѣсни играла и пѣли илѣче пѣсни, а по семь танцовщицы Аграфена и Аксинья русскую илску танцовали, а устроено сіе было графомъ Михаиломъ Воронцовымъ и сіе весьма Ея Императорскому Величеству и Ихъ Высочествамъ пошривилось. А Ея Императорское Величество изволила сказать, что русское всегда болѣе на сердце русскаго дѣйствіе производитъ, чѣмъ чужестранное. Чужестранные послы замѣтили сами, что русскія пѣсни и пляски много хорошаго и вниманія достойнаго въ себѣ заключаютъ. Но и не токмо французы въ искусствѣ театральномъ преимуществу имѣють: надлежитъ примѣтити, что въ «Балетѣ двѣтовъ» и танцахъ, «Соединеніе Любви и Брака» окончившихъ, русскія танцовщицы, особливо Аграфена и Аксинья, великое искусство показали. А Аграфена сія, дочь придворнаго истопника, и г-жею Дюшальмонть съ г-номъ де-Сериньи съ другими русскими дѣвками, по своему великому дарованію, театральному искусству, пѣнію и пляскѣ научены были. А что русскія дѣвцы въ театральномъ увеселеніи участвуютъ, въ семь ничего порицанія достойнаго не зрится, да и дѣвцы сіи не дворянскаго происхожденія, а театральныя увеселенія не зрѣлица бѣсовскія суть, какъ многіе говорятъ, не изъ грѣховныхъ и развратительныхъ изображеній составлены; а сіи театральныя увеселенія удобны трогать сердце, возбуждать къ добродѣтели и пріятное и полезное времяпрепровожденіе образуютъ. А Ея Императорское Величество въ дни сіи, видя, что изгоняется невѣжество и торжественно просвѣщеніе, всеми силами къ процвѣтанію искусствъ въ странѣ Россійской ревнуетъ и русскіе таланты покровительствуетъ. Такъ, примѣтити надлежитъ: Ея Императорское Величество Духомину Петру, московскому посадекому человѣку, г-номъ Чулковымъ смысканому и

ко двору представленному, за его отменный ибнѣ, парчевый кафтанъ и деньги изволила подарить и при дворѣ до представленій будущихъ оставила, чтобы оны русскія ибснн пѣль и плясала. А у того Лухомина голосъ, по истинѣ, соловьиный...

Съ 1741 г., т. е. со вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, до 1750 г. русскаго драматическаго при дворѣ театра не было. Въ оперномъ домѣ,—такъ въ то время назывался театръ—давались, по-стоянно въ присутствіи Императрицы, французскія «трагедіи» и комедіи, и итальянскія оперы, содержаніе которыхъ было напечатано на русскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ и въ разныхъ богато-украшенныхъ образахъ раздавались, во время представленія, знатнымъ обоюго пола персонамъ.

Страстная любительница театральныхъ зрѣлищъ, Государыня оставалась недовольною, когда замѣчала отсутствіе зрителей во время представленія. «Въ оперномъ домѣ, записано въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ, отивалъясъ французская комедія, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества. Того жъ дня, во время оной комедіи, Ея Императорское Величество изволивъ усмотрѣть, что зрителей, какъ въ партерѣ, такъ и по этажамъ, весьма мало, Всемялостивѣйше указать соизволила: въ оперный домъ свободный входъ имѣть во время трагедій, комедій и интермедій обоюго пола знатному кунечеству, только бы одѣты были негнусно».

Въ другой разъ: «Ея Императорское Величество собственной своею персоною изволила усмотрѣть, что въ партерѣ статсъ-дамъ ни одной не имѣлось, указала къ нимъ, г-жамъ статсъ-дамамъ, послать отъ Высочайшей своей персоны спросить: не забыли онѣ, что сей назначенный день будетъ комедія? И съ онымъ Высочайшимъ соизволеніемъ къ статсъ-дамамъ посланъ ѣздовой конюхъ».

Въ концѣ 1749 г. оперный театръ сгорѣлъ. Театральныя представленія перенесены были въ парадныя комнаты Императрицы, въ которыхъ «поставленъ былъ театръ складной, который временно выносился и вносился», и живописному мастеру и театральному архитектору Валлеріани (8-го февраля 1750 г.) повелѣно было немедленно приступить къ постройкѣ новаго каменнаго опернаго дома, «между Анничковскаго дворца и саду, который лабиринтомъ именуется» ¹⁾ и окончить эту постройку неперемѣнно къ 25-му числу апрѣля, т. е. ко дню, въ который праздновалась коронація Императрицы. Канцелярія отъ Строеній разрѣшила Валлеріани братъ живописцевъ «сколько гдѣ въ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ есть: изъ Артиллеріи, Партикулярной верфи, Преображенскаго полка, Придворной конторы, Академіи Наукъ, Придворной шпалерной мануфактуры, Правительствующаго Сената, Кадетскаго корпуса, Конюшенной конторы, Главнаго магистрата; изъ домовъ: князя Александра Юрьевича Трубенкаго, графа Петра Борисовича Шереметева, Сергѣя Павловича Егужинскаго, оберъ-коменданта князя Мещерскаго» ²⁾. Московская гофъ-интендантская контора прислала своего живописца Калугина съ тремя живописцами и двумя иконописцами. «Бхать вамъ со великимъ поспѣшеніемъ», говорилось въ данной Калугину инструкціи, «и надъ оными живописцами и иконописцами имѣть тебѣ смотрѣніе, чтобы въ пути не пьянствовали и поспѣшили въ С.-Петербургъ со всякимъ поспѣшеніемъ и по прибытіи въ С.-Петербургъ

¹⁾ Документы архива Директ. Ими. театровъ.

²⁾ Ibid № 13.

явиться тебѣ и оныхъ объявить въ канцеляріи отъ Строеній немедленно»¹⁾. Не поступилась своими художниками только Правительствующаго Сената герольдмейстерская контора и на требованіе канцеляріи отъ Строеній отвѣтила: «тѣхъ требуемыхъ живописцевъ въ канцелярію отъ Строеній отослать невозможно, ибо при рисованіи Ея Императорскаго Величества лейбъ-компаніи дипломовъ и гербовъ, живописныхъ мастеровъ находится малое число»²⁾; да уклонился еще ни къ какому вѣдомству не принадлежащій, вольный художникъ, купецъ Иванъ Канатчиковъ, но его приказано г-ну полковнику Насонову «немедленно сыскать и безъ всякихъ его отговорокъ, отдать Валлеріани»³⁾. Такимъ образомъ, прикомандировано было къ Валлеріани сорокъ человекъ живописцевъ, да плотниковъ и другихъ рабочихъ, взятыхъ изъ разныхъ полковъ, триста пятьдесятъ три человекъ. Хотя къ назначенному времени, т. е. ко дню коронаціи, 25 апрѣля, театръ и былъ готовъ, но торжественное представленіе въ немъ оперы «Беллерофонтъ», — въ образѣ котораго авторъ ея Боннеки и имѣлъ намѣреніе показать образъ Ея Императорскаго Величества, «преславно низвергнувъ въ той же день всѣ препятствія, которые неправда и зависть сооружали, вступила на престолъ отеческій, славою всегда украшасмый, къ нему же добродѣтелями своими паче и паче дѣиоту приумножать», — состоялось лишь 28-го ноября 1750 г. Сначала оно предполагалось на 25 ноября, въ день восшествія на престолъ Императрицы; но потомъ особыми отъ двора повѣстками отмѣнено до 28 ноября, причѣмъ членамъ Святейшаго Синода была отведена особая ложа.

«Въ оперномъ Ея Императорскаго Величества домѣ, — записано въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ, — отправлялась, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императо, скихъ Высочествъ (Петра III и Екатерины), опера, именуемая «Беллерофонтъ», представленная для Высочайшаго торжества восшествія на Всероссійскій Императорскій престолъ, на которую для смотрѣнія пріѣздъ имѣли знатнѣйшіе и иностранные обою пола персоны и сидѣли въ партерахъ по классамъ, а въ первомъ и во второмъ этажахъ всякихъ чиновъ люди впускаемы были, за придворною конторскою печатю, по билетамъ. Оная опера, по пришествіи Ея Императорскаго Величества, началась въ девять, а окончилась въ первомъ часу пополудни. Въ этой оперѣ дѣйствующіе были, находящіеся при Императорскомъ дворѣ итальянцы: Кастратъ Лаврентій Саллетти, Филиппъ Джоржи съ женою, буфонъ Констанъ Компанси и буфонша мамзель Гаріатра, мадамъ Катерина Мазани и Ея Императорскаго Величества пѣвчій малороссійскій Марко Осодоровъ».

Во то время, когда Императрицу, ея дворъ и знатнѣйшихъ зрителей утѣшала иностранная комедія, восхищала трагедія и опера, когда театръ съ каждымъ днемъ становился необходимою потребностью, въ это время, въ стѣнахъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, зарождался русскій театръ.

Бывшій воспитанникъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, бригадиръ Александръ Петровичъ Сумароковъ, «россійскій господинъ Россинъ» (1749; образовываетъ изъ воспитанниковъ корпуса русскую драматическую труппу, въ составъ которой входятъ кадеты: Бекетовъ, Свистуновъ, Мелиссино, Остервальдъ, Разумовскій, Бухвостовъ, Рудановъ

¹⁾ Ibid № 14.

²⁾ Ibid № 19.

³⁾ Ibid № 11.

скій, Гиршенденъ, Гельмерсентъ, Каницъ, Гохъ¹⁾, разыгрываетъ съ ними въ кортисѣ первый свои трагедіи Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Гамлетъ и Артистона и переносить ихъ во дворецъ Императрицы.

Восьмого февраля 1750 г. ²⁾, въ новыхъ переднихъ покояхъ Зимняго дворца, гдѣ былъ поставленъ складной театръ, высокіе посѣтители впервые увидали русскую трагедію «Хоревъ», впервые услышали со сцены русскую рѣчь, русскіе звучные стихи:

О князь! Наслѣдникъ трона!
Жезлъ старости моеи! Страны сей оборона!
Примаи оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣщи тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ встань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай, и побѣди, и возвратися славно,
Какъ съ скиѣскія войны подъ лаврами недавно.

Трагедія произвела сильное впечатлѣніе на зрителей. Двадцать пятого марта ³⁾ она была повторена въ тѣхъ же парадныхъ комнатахъ, а тридцатаго мая ⁴⁾ уже отправлялась въ оперномъ домѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ съ некоторыми знатными придворными обоего пола персонами, а иностранцы не были.

Въ этотъ же вечеръ представлена была первая комедія Сумарокова Трисотиниусъ.

Въ теченіе 1750 г. кадетами былъ сыгранъ весь репертуаръ Сумарокова—(трагедіи Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Гамлетъ, Артистона; комедіи—Трисотиниусъ, Чудовище, Пустая ссора) и интересъ къ русскимъ спектаклямъ такъ возрасталъ, что 29 сентября последовало Высочайшее повелѣніе, чтобы профессорамъ Академіи Наукъ Ломоносову и Третьяковскому сочинить по трагедіи ⁵⁾. Оба профессора повелѣніе исполнили: Ломоносовъ написалъ трагедію о Мамаѣ (Тамира и Селимъ), которая и была представлена кадетами въ первый разъ перваго декабря того же года ⁶⁾, а Третьяковскій—трагедію «Дейдамія», которая не была играна, вѣроятно потому, что «сія трагедія есть наименѣе продолжительнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ драматическихъ сочиненій и въ ней находится двѣ тысячи триста тринадцать стиховъ двоестрочныхъ» ⁷⁾. Въ это же время разрѣшено было играть русскія комедіи и въ частныхъ домахъ, съ тѣмъ чтобы, «въ черническое и прочее, касающееся до духовныхъ персонъ, платье не наряжались и по улицамъ въ такомъ же и прочемъ комедіальномъ платьѣ ни въ какомъ не ходили и не ѣздили» ⁸⁾.

Разумѣется, частыя упражненія на репетиціяхъ и спектакляхъ отвлекали будущихъ государственныхъ сановниковъ отъ занятій науками, къ тому же судьбою имъ предназначались совсѣмъ другія роли въ жизни. Хоревъ—Бекетовъ, долженъ былъ, по выходѣ изъ корпуса,

¹⁾ Сочиненія Сумарокова, т. V, стр. 278.

²⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Матер. для біографіи Ломоносова. Бил.скій, стр. 143.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Драматическій словарь.

⁸⁾ Опытъ изученія русск. древн. Забѣлва, т. II, стр. 436.

въ одинъ годъ сдѣлаться полковникомъ; Осельда—Свистуновъ—дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ; Кій — Мелиссено — артиллерій генераль-поручикомъ. А русскій театръ сталъ насущной потребностью. Гдѣ взять актеровъ? Но если

Можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоповъ
Россійская страна рождать,

то отчего ей не рождать актеровъ? Вѣдь взяли же въ актеры, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, «сиротъ государевыхъ, подъячишку Васюку Мѣшалкина съ товарищи» и отослали ихъ къ иѣмчину для наученія комидійнаго дѣла¹⁾. И вотъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества именному указу (1752 г. марта 14) записали въ комедианты и отравили для обученія драматическому искусству въ Кадетскій корпусъ Ея Императорскаго Величества пѣвчихъ: Петра Власьева, Павла Иванова, Оедора Максимова, Луку Иванова, Григоря Емельянова, Кузьму Лукьянова и Евстафія Григорьева²⁾. Пѣвчіе были счастливѣе подъячихъ. Эти, находясь у иѣмчина въ наученіи комидійнаго дѣла, вопили къ царю: «корму намъ, холопямъ твоимъ, ничего не учинено, и мы, холопи твои, учася, платышкомъ ободрались и сапоженками обнослись, а пить-ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію»³⁾. Къ тому же они учились у иѣмца, вридь-ли говорившаго по-русски; а пѣвчіе отданы были «въ наученіе комидійному дѣлу» въ высшее въ то время учебное заведеніе, на руки людей излишнихъ и образованныхъ и вѣльно ихъ содержать во всемъ противъ кадетъ, только вмѣсто мундира сдѣлать изъ дикаго одинаковаго сукна платье того жъ цвѣта и подобя съ шелковыми и гарусными петлями и пуговицами, шляпы съ золотымъ позументомъ, да каждому по одной парѣ чулокъ гарусныхъ, съ двумя парами башмаковъ, а бѣлье и на рубаники и манишки онымъ давать противъ кадетъ, а шпагъ и прочей амуниціи не давать⁴⁾.

Но въ то время, когда кадеты начали давать спектакли въ своемъ корпусѣ, отецъ русскаго публичнаго театра уже народился: безвѣстной восемнадцати-лѣтній юноша, онъ стоялъ за кулисами итальянской оперы, изучая «комидійное дѣло», отдавшійся ему всей страстью души своей. Этотъ «быстрый разумомъ» юноша былъ ярославскій купеческій сынъ Оедоръ Григорьевичъ Волковъ.

Оедоръ Григорьевичъ Волковъ родился въ Костромѣ. Отецъ его былъ купецъ. Мать, одоувѣвши, вышла вторично замужъ за ярославскаго купца Оедора Полушкина, владѣльца селитряныхъ и сѣрныхъ заводовъ⁵⁾, и перѣехала съ нимъ въ Ярославль.

Точныхъ, несомнѣнныхъ свѣдѣній о Волковѣ, въ періодъ его юности, до отъѣзда его въ Петербургъ (1746 г.), мы не имѣемъ. На сказаніяхъ его биографовъ основываться нельзя, потому что они никакими достовѣрными документами не подкрѣпляются. Первая, ближайшая по времени къ Волкову, коротенькая біографія его написана Новиковымъ, въ книгѣ его «Опытъ историческаго словаря». Изъ нея мы узнаемъ, что Волковъ былъ своимъ отчимомъ отосланъ въ Москву для обученія музыкѣ и иѣмецкому языку (на которомъ году его отро-

¹⁾ Лѣтоп. Тихонравова. 7, 1, стр. 30.

²⁾ Карабановъ, стр. 104.

³⁾ Лѣтоп. Тихонравова. 7, 1, стр. 30.

⁴⁾ Карабановъ, стр. 104—105.

⁵⁾ Въ некоторыхъ біографіяхъ Волкова говорятъ, что у него былъ кожевенный заводъ.

чества и въ какое учебное заведеніе — неизвѣстно); живописи обучался самъ собой: «упражнялся въ рѣзномъ искусствѣ, по немъ осталось нѣсколько картинъ, имъ написанныхъ, грудная статуя Петра Великаго, имъ сдѣланная, и другіе знаки его разума и прилежанія; въ одну изъ церквей города Ярославля имъ сдѣланы рѣзныя царскія двери». (Къ сожалѣнію, никто этихъ вещественныхъ «знаковъ его разума и прилежанія» не выдалъ).

Это же говоритъ и Грець въ своей статьѣ «Взглядъ на русскій театр»¹⁾.

Митрополитъ Евгеній въ своемъ словарѣ повторяетъ, почти слово въ слово, статью Новикова.

Магаровъ²⁾ приписываетъ Волкову такія дѣянія, которыхъ онъ положительно совершать не могъ. «Когда мальчикъ подростъ, отчимъ его, — говоритъ онъ — не желая удущить его подъ корою невѣжества, отослалъ его учиться въ Москву. Юноша быстро выучился говорить по-нѣмецки, сталъ заниматься музыкою и живописью, рисовалъ карикатуры (!), копировалъ портреты, читалъ произведенія русскихъ извѣстныхъ писателей (какіе въ то время, до 1746 г., были извѣстные писатели?), заучивалъ наизусть сцены и разыгрывалъ ихъ одинъ, переводилъ съ нѣмецкаго драмы и комедіи и разыгрывалъ ихъ со своими пріятелями». Волкову въ это время было шестнадцать лѣтъ. И все онъ это дѣлалъ безъ помощи другого руководителя и достигалъ въ своихъ занятіяхъ возможнаго совершенства.

Князь А. А. Шаховской посылаетъ Волкова учиться въ Московскую Законопассекскую академію, въ которой онъ, «въ ученіи закону Божію, русской грамматики, нѣмецкому языку, математикѣ, рисованію и нотному ибнію, обогналъ своихъ товарищей и отличался на святкахъ въ представленіи духовныхъ драмъ и переводныхъ комедій, которыми издавна славилась законопассекскіе студенты»³⁾. Князь не указываетъ источника, изъ котораго почерпнулъ имъ эти свѣдѣнія; послѣдующіе биографы — Энциклопедическій словарь⁴⁾, Карабановъ, Араповъ, Касаткинъ⁵⁾ Родиславскій⁶⁾ безъ всякой провѣрки перенесли ихъ въ свои изслѣдованія о Волковѣ. Къ сожалѣнію, къ показаніямъ князя Шаховского, какъ въ послѣдствіи будетъ видно изъ нашего труда, нужно относиться съ величайшею осторожностію. Итъ сомнѣнія, что Полушкинъ готовилъ своего пасынка въ свои преемники по торговому дѣлу и не захотѣлъ бы отдавать его въ училище, въ которомъ нѣмецкій языкъ, нужный для торговаго человѣка, не преподавался, — въ немъ господствовали языки латинскій и греческій, да и учебная программа Славяно-Греко-Латинской академіи совсѣмъ не соответствовала нуждамъ торговаго человѣка.

Въроятнѣ предположеніе, что Волковъ первоначальнымъ своимъ образованіемъ обязанъ состоявшему при сосланномъ въ Ярославль курляндскомъ герцогѣ Биронѣ нѣмецкому пастору: у него онъ выучился нѣмецкому языку, у него же, въроятно, пристрастился и къ музыкѣ. Рисованію учился «самъ собою» и въ послѣдствіи, уже будучи въ Кадетскомъ корпусѣ, продолжалъ имъ заниматься, выписывая «изъ-за-моря» «проспективическія книги», что видно изъ прошенія его въ

¹⁾ Русская Талія, 1825 г., стр. 36.

²⁾ Журналъ драматическій, 1811 г., стр. 224.

³⁾ Репертуаръ. 1840 г., № 6. Лѣтопись русскаго театра.

⁴⁾ Энциклопедическій словарь Плюшара, т. XI, стр. 333.

⁵⁾ «Московскія Вѣдомости», 1858 г., №№ 44, 47, 48.

⁶⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1869 г., № 6.

капеллярію шляхетнаго кадетскаго корпуса¹⁾. Прибывши въ Петербургъ (1746), онъ въ первый разъ въ жизни увидалъ придворную итальянскую оперу. Роскошная сценическая обстановка, обольстительное пѣніе итальянцевъ, очаровательная музыка — сильно подѣйствовали на способнаго и впечатлительнаго юношу, и онъ все свое духовное существо отдаетъ театру: проникаетъ за кулисы, изучаетъ закулисную премудрость и возвращается въ Ярославль (предположительно въ 1749 г.) уже не конторщикомъ, не торговымъ человѣкомъ, а инициаторомъ перваго въ Россіи публичнаго драматическаго театра. Составилъ изъ своихъ сверстниковъ, посадскихъ молодыхъ людей Поновыхъ, Чулкова, Нарыкова, Соколова и братьевъ своихъ Григорья и Гаврилы, драматическую труппу, онъ открылъ представленія у себя въ домѣ. Отчиму, не имѣвшему никакого понятія о сценическомъ искусствѣ, зятя пасынка очень понравилась, ярославскіе обыватели тоже отнеслись къ ней весьма сочувственно. Наконецъ, помѣщеніе, въ которомъ давались спектакли, стало тѣсно, потому что интересъ къ дотолѣ невиданному зрѣлищу все увеличивался. Ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ новаго театра и беретъ его подъ свое покровительство, а ярославскій помѣщикъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ, Иванъ Степановичъ Майковъ, отецъ поэта Василія Ивановича Майкова, уступаетъ, для приспособленія къ театральнымъ представленіямъ, амбаръ, въ принадлежавшей ему, близъ самаго Ярославля, на берегу Волги, Полужкинской рощѣ²⁾. Вѣроятно, и другіе дворяне и богатые купцы не оставались чуждыми устройству театра и материальными средствами содѣйствовали его осуществленію. Волковъ создаетъ театръ. Онъ является въ немъ и архитекторомъ, и машинистомъ, и декораторомъ, и режиссеромъ, и первымъ актеромъ.

Когда открытъ ярославскій театръ? Карабановъ въ своей книгѣ «Основаніе русскаго театра» говоритъ, что театръ открытъ въ 1755 году. Это же говорить и Араповъ въ своей «Лѣтописи русскаго театра» и кн. Шаховской въ своей лѣтописи³⁾. Это совсѣмъ не вѣрно: въ этотъ годъ ярославскіе актеры учились уже въ Кадетскомъ корпусѣ, въ который помѣщены были въ 1752 году. Почти несомнѣнно, что первый русскій публичный театръ въ Ярославлѣ началъ свои представленія въ 1750 г. и продолжалъ ихъ до января 1752 г., въ который ярославскіе комедіанты вывезены были въ Петербургъ.

Какая пьеса была поставлена для перваго представленія пратцемъ русскаго театра?

Всѣ историки русскаго театра и біографы Волкова единогласно говорятъ, что первый русскій театръ открытъ былъ оперою «Титово милосердіе», переведенною съ итальянскаго самимъ Волковымъ. Трудно допустить, чтобы, хотя несомнѣнно способный и даровитый, Волковъ, проживши въ Петербургѣ около четырехъ лѣтъ (1746—1749), настолько изучилъ итальянскій языкъ, что могъ переводить съ него литературныя произведенія. Да и зачѣмъ ему было трудиться надъ переводомъ оперы, когда ужъ таковой былъ сдѣланъ въ 1742 году Иваномъ Меркурьевымъ и напечатанъ въ 1742 г. «Милосердіе Титово, опера съ прологомъ, представленная во время высокотождественнаго дня коронаціи Ея Императорскаго Величества Елизаветы Петровны всероссійской, въ Москвѣ, 1742 года, печатана въ Мо-

¹⁾ Карабановъ, стр. 106.

²⁾ Л. Н. Майковъ, Очерки изъ исторіи литературы, стр. 231.

³⁾ Репертуаръ, 1840 г., кн. 1.

сквѣ въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Поэзіи авторъ Г. П. Метастазій, музыку компоновалъ г. Мадонисъ, декорациі учреждалъ Жеронимъ Бончъ, балеты вымышлялъ балетъ-мейстеръ г. Ланде, рѣчи переводилъ съ итальянскихъ виршей на русскія переводчикъ Иванъ Меркурьевъ».

Вотъ что записано о первомъ ея представленіи въ Москвѣ: «въ изясненіе милосердыхъ сентиментовъ Ея Величества репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ римскомъ, и составленной на него конжюраціи чрезъ Спектуса и Лентулуса, съ наущенія Виттелии, дочери убійснаго Виталія, которымъ всѣмъ онымъ императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено декорациою лѣсовъ, площадей, облаковъ и проч., при превзрядномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ»¹⁾. Трудно допустить, чтобъ новорожденные драматическіе младенцы, при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыя были въ ихъ распоряженіи, могли справиться съ пьесой, требовавшей очень сложной постановки. Вѣроятно, они играли пьесы св. Дмитрія Ростовскаго — «Кающійся и грѣшникъ», и др., видѣнныя, можетъ-быть, Волковымъ въ исполненіи студентами Славяно-Греко-Латинской академіи.

Не болѣе двухъ лѣтъ пришлось просуществовать ярославскому театру. Сенатскій экзекуторъ Игнатьевъ, прѣзжавшій по дѣламъ службы въ Ярославль, по возвращеніи въ Петербургъ, разсказалъ генералъ-прокурору, князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, объ ярославскихъ актерахъ. Князь доложилъ объ этомъ Императрицѣ, которая повелѣла привезти немедленно всю труппу ко двору. Съ этимъ повелѣніемъ командированъ былъ въ Ярославль сенатскій чиновникъ Дашковъ. Труппа прибыла въ Петербургъ, вѣроятно, въ январѣ мѣсяцѣ, что видно изъ журнала Придворной канторы отъ 1 февраля 1752 г.: прибывшихъ изъ Ярославля актеровъ помѣстили «на Смоленскомъ дворѣ» и все довольствіе повелѣно было давать имъ отъ двора и назначенъ былъ къ нимъ одинъ «кофшпенскій помощникъ».

Восемнадцатаго марта 1752 г., въ среду на вербой недѣлѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, на раздвижномъ театрѣ, наши драматическіе прѣдотцы представили предъ очи великой Государыни. «18 марта, записано въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ, пополуудни, въ обыкновенное время, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и нѣкоторыхъ знатныхъ персонъ, а не публично, отправлялась ярославцами комедія «О покаяніи грѣшнаго челоуѣка», соч. св. Дмитрія, митрополита ростовскаго». Этимъ несомнѣннымъ источникомъ опровергаются показанія всѣхъ историковъ театра, изъ которыхъ одни говорятъ, что ярославцы выступили въ первый разъ на придворную сцену въ трагедіи Сумарокова «Хоревъ», другіе, что въ трагедіи того же автора «Синавъ и Триворъ». И являлись ли они въ этихъ пьесахъ передъ Императрицею до поступленія своего въ кадетскій корпусъ, — изъ Камеръ-фурьерскаго журнала не видно.

Вотъ изложеніе этой пьесы, записанное, будто-бы со словъ Дмитревскаго, княземъ Шаховскимъ:

«Три дѣйствующихъ лица, съ хорами, раздѣленными, какъ у древнихъ, на строфы и антистрофы занимаютъ сцену, представляющую пустынный видъ. Грѣшникъ, въ одеждѣ завѣшанной черными нашивками съ надписями его грѣховъ, представляется, во все время дѣйствія, между ангеломъ-хранителемъ и врагомъ рода челоуѣческаго. Имъ содѣйствуютъ хоры небесныхъ силъ и демоновъ; съ од-

¹⁾ Восемнадцатый вѣкъ, кн. II.

ной стороны земнородство грѣшника, поджигаемое геенскимъ огнемъ, воспламеняется до нестерпимой ярости; съ другой—боговдохновеніе, умилемое воплощеннымъ словомъ, предается унованію на всеобщее милосердіе. Но одежда, обличающая дѣла грѣшника, поражаетъ его ужасомъ, ввергаетъ въ смертное отчаяніе, и богохульный ропотъ уже на устахъ его. Адъ, радуясь своей добычѣ, готовъ увлечь его въ мрачную бездну, какъ вдругъ сладкозвучное пѣніе ангельскаго лика, напоминающее прошеніе разбойника, укрощаетъ буреваніе плоти. Страдалецъ, повергаясь на землю, возноситъ молитвой покаянія безсмертный духъ къ источнику благодати. Но мѣръ раскаянія и молитвы, надписи грѣховъ спадаютъ и, наконецъ, бѣлая одежда вполне проясняется. Ангелы оглашаютъ небеса побѣдною пѣснію. Грѣшникъ изнемогаетъ тѣломъ и предаетъ Господу очищенную покаяніемъ душу. Свѣтлыя облака опускаются на умирающаго и возносятся отъ бездыханнаго тѣла, при торжественномъ пѣніи небесныхъ силъ и отчаянномъ завываніи подземныхъ духовъ»¹⁾.

Десятого сентября 1752 г., по Высочайшему Ея Императорскаго Величества именному указу, ярославскіе комедіанты Иванъ Дмитревскій и Алексѣй Поповъ поступили въ кадетскій корпусъ «для обученія словесности, иностраннымъ языкамъ и гимнастикѣ»²⁾.

Братья Волковы, Федоръ и Григорій, поступили въ корпусъ гораздо позже, одинъ 26 февраля, а другой 21 марта 1754 г. и въ спискѣ комедіантамъ, обучавшимся въ кадетскомъ корпусѣ, почему-то названы не «ярославскими», а «москвитскими комедіантами»³⁾. Именъ Шумскаго, Гаврилы Волкова и Чулкова въ спискѣ не значится, стало быть, они не были въ корпусѣ, какъ до сихъ поръ всеми повторялось, а поступили на сцену при окончательномъ учрежденіи русскаго театра (1756 г.), а до тѣхъ поръ, вѣроятно, практиковались подъ руководствомъ кадетъ-артистовъ, вмѣстѣ съ Дмитревскимъ и др., въ домѣ Головина, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ былъ устроенъ для практики будущихъ актеровъ небольшой театръ, на которомъ они играли не публично⁴⁾. Въ документахъ архива Дирекціи Императорскихъ театровъ встрѣчаются имена только Дмитревскаго и Шумскаго, которые значатся состоящими на службѣ при театрѣ съ 1-го мая 1752 г., о братьяхъ Волковыхъ и о Чулковѣ свѣдѣній никакихъ нѣтъ. Также нѣтъ никакихъ свѣдѣній и о первыхъ драматическихъ актрисахъ — Зоринѣ, Авдотѣ Михайловѣ, Аграфейѣ Мусиной-Пушкиной, Марьѣ и Ольгѣ Ананьевыхъ, которыя поступили въ труппу при окончательномъ учрежденіи русскаго театра, а до того времени, вѣроятно, практиковались вмѣстѣ со своими товарищами, подъ руководствомъ Сумарокова, тоже на сценѣ головинскаго театра⁵⁾ и иногда въ нѣмецкомъ театрѣ на Большой Морской, что видно изъ собранія указовъ и повелѣній Придворной канторы 1752 г.: «когда имѣеть быть играна ярославскими жителями комедія на имѣющемся въ Большой Морской нѣмецкомъ театрѣ, тогда какъ свѣчи салныя и плошки съ саломъ, а во время присутствія Ея Императорскаго Величества не только свѣчи восковыя и плошки съ саломъ, а и дрова отпускать для тошенія театра отъ

¹⁾ Репертуаръ Песоцкаго, 1842 г., т. I, стр. 2. Обзоръ русской драматической словесности. Ст. кн. Шаховскаго.

²⁾ Карабановъ, стр. 27.

³⁾ Ibid., стр. 104.

⁴⁾ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“, 1779 г., ч. IV, стр. 92.

⁵⁾ Лонгиновъ, „Русскій театръ въ Петербургѣ и въ Москвѣ“, стр. 10.

Дворцовой канцеляріи». Волковъ и Дмитревскій страстно занимались драматическимъ искусствомъ; Волковъ даже закладывалъ свое платье на выписку изъ-за границы «театральныхъ и перспективныхъ книгъ»¹⁾, и оба вышли изъ корпуса образованными людьми и превосходнѣйшими по тому времени актерами.

Тридцатаго августа 1756 г. послѣдовать именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

«Повелѣли Мы нынѣ учредить русскій для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать головинскій каменный домъ, что на Васильевскомъ островѣ, близъ кадетскаго дома. А для онаго повелѣно набрать актеровъ и актрисъ: актеровъ изъ обучающихся пѣвчихъ и ярославцевъ въ кадетскомъ корпусѣ, которые къ тому будутъ надобны, а въ дополненіе еще къ нимъ актеровъ изъ другихъ неслужащихъ людей, также и актрисъ приличное число. Дирекція того русскаго театра поручается отъ насъ бригадиру Александру Сумарокову»²⁾.

24 октября 1756 г., Сумароковъ потребовалъ отъ канцеляріи шлехтеннаго кадетскаго корпуса, чтобы, во исполненіе Высочайшаго указа, «благовѣрно было обучающихся въ корпусѣ пѣвчихъ и ярославцевъ къ нему прислать для опредѣленія въ комедіанты, ибо они всѣ къ тому надобны». Канцелярія корпуса, 11 ноября, исполнила требованіе директора театра. Обучавшіеся въ корпусѣ пѣвчіе—Григорій Емельяновъ, Павелъ Ивановъ, Козьма Лукьяновъ, Оеодоръ Максимовъ, Евстафій Григорьевъ, Лука Ивановъ, Прокофій Приказной, ярославцы—Оеодоръ и Григорій Волковы, Иванъ Дмитревскій и Алексѣй Поповъ поступили въ вѣдѣніе Сумарокова. Къ нимъ присоединились Гаврило Волковъ, Яковъ Шумскій и Чулковъ, не обучавшіеся въ кадетскомъ корпусѣ, и актрисы—Зорина, Авдотья Михайлова, Марья и Ольга Ананьины и Аграфена Мусина-Пушкина. Такимъ образомъ составила первая драматическая труппа. Къ сожалѣнію, въ документахъ архива дирекціи Императорскихъ театровъ объ ней нѣтъ никакихъ свѣдѣній, встрѣчаются только имена Дмитревскаго и Шумскаго. Не осталось также въ дирекціи и театральныхъ, афишъ того времени, по которымъ бы съ достовѣрностію можно было судить о дѣятельности молодой труппы. Показанія современниковъ болѣею частью сбивчивы, вымышлены, ни на чемъ не основаны и противорѣчатъ одно другому. Несомнѣнно, что на первыхъ порахъ, до кончины Волкова, преобладающей репертуаръ новаго театра состоялъ изъ драматическихъ произведеній Сумарокова и Хераскова и изъ переводныхъ пьесъ Мольера, Дюшана и др. Прослѣдимъ по драматическому словарю названія пьесъ, игранныхъ съ учрежденія театра (1756 г.) до кончины Волкова (1763 г.).

Кромѣ трагедій и комедій Сумарокова представляемы были:

1757 г. Тартюфъ, ком. Мольера, переводъ Кропотова.

Скупой, ком. Мольера, переводъ Кропотова.

Школа мужей, ком. Мольера, переводъ Кропотова.

Скопиповы обманы, ком. Мольера, переводъ Теплова.

Мизантропъ, ком. Мольера, переводъ Елагина.

1758 г. Мѣщанинъ въ дворянствѣ, ком. Мольера, переводъ Свистунова.

Жоржъ Дандень, ком. Мольера, переводъ Чаадаева.

Венеціанская монахиня, трагедія Хераскова.

¹⁾ Карабановъ, стр. 106. Прошеніе Волкова въ канцелярію кадетскаго корпуса.

²⁾ „Полное собраніе законовъ“, т. XIV, стр. 613, № 10599.

1759 г. Новопріѣзжіе, ком. Леграна, переводъ А. Волкова.

Привидѣніе съ барабаномъ, ком. Дегуша или Пророчествующій женатый, переводъ А. Нартова.

1760 г. Генрихъ и Пернилла, ком. Гольберга, переводъ съ нѣмецкаго А. Нартова.

1761 г. Безбожникъ, героическая комедія М. Хераскова.

1763 г. Вольный домъ или шотландка, ком. Гума, переводъ Протасова.

Первенствующимъ актеромъ въ это время былъ Волковъ. Мы не имѣемъ возможности судить о степени сценическихъ дарованій только-что возникшей труппы до кончины Волкова, потому что литература того времени оставила намъ самыя скудныя свѣдѣнія даже и о самомъ праотцѣ русскаго театра. Изъ самыхъ ближайшихъ къ нему, по времени, источниковъ мы узнаемъ, что онъ былъ «мужъ глубокаго разума, наполненный достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ» ¹⁾. Державинъ называетъ Волкова «знаменитымъ по уму своему» ²⁾. Новиковъ повѣствуетъ: «сей мужъ былъ великаго обьычнаго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго разсужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенный многими ученіемъ и прилежаніемъ. Театральное искусство знать въ высшей степени» ³⁾.

Это отзывъ современниковъ о личныхъ его качествахъ. О сценическихъ достоинствахъ находимъ слѣдующее: «актеръ Осдоръ Волковъ съ равною силою игралъ трагическія и комическія роли, настоящій его характеръ былъ обьычнаго» ⁴⁾. «Говоря объ искусствѣ основателя русскаго театра, должно замѣтить, что онъ, не взирая на отнѣнительность игры своей, не зналъ искусства декламации, искусства нужнѣйшаго для актера, которое уже было приведено въ лучшее совершенство славнымъ нашимъ трагикомъ Иваномъ Аванасевичемъ Дмитревскимъ» ⁵⁾. Современные намъ историки театра говорятъ о Волковѣ такъ: «читая стихи своихъ ролей нѣсколько протяжно, на распѣвъ, Волковъ своимъ звучнымъ и гармоническимъ голосомъ и исполненною страсти игрою увлекалъ и соотечественниковъ и иностранцевъ» ⁶⁾. «Хотя Волковъ былъ актеръ-самоучка и не выдалъ великихъ образцовъ драматическаго искусства, но иностранцы, видѣвшіе его игру, отзывались объ немъ какъ о великомъ актерѣ» ⁷⁾.

По этимъ отрывочнымъ отзывамъ трудно составить какое-либо определенное понятіе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, какъ объ актерѣ.

Шестого января 1759 г., театръ перешелъ въ вѣдомство Придворной конторы, которой завѣдывалъ баронъ, впоследствии графъ, Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ, оберъ-гофмаршалъ, генералъ-лейтенантъ. Въ указѣ, данномъ Придворной конторѣ, сказано: «Ея Императорское Величество именнымъ своего Императорскаго Величества указомъ изволила указать русскаго театра комедиантамъ и прочимъ, кто при ономъ находится, которые до сего времени были въ одномъ бригадира Александра Сумарокова смотрѣніи, отнынѣ быть въ вѣдомствѣ Придворной конторы и именоваться имъ придворными» ⁸⁾.

¹⁾ Фонъ-Визинъ. Чистосердечное признаніе.

²⁾ Соч. Державина, ред. Грота. Т. VI, 436.

³⁾ Опытъ истор. словаря, 24—25.

⁴⁾ Штелинь. „С.-Петербургскій Вѣстникъ“, 1779 г. IV, 94.

⁵⁾ „Жур. Драматическій“ на 1811 г., т. I.

⁶⁾ Родиславскій. „Русскій Вѣстникъ“. 1869 г., № 6, 562.

⁷⁾ Арановъ. „Драмат. альбомъ“, XVII.

⁸⁾ Докум. № 59.

Въ томъ же году, Волковъ и Шумскій были отпращены въ Москву для устройства тамъ придворнаго театра.

Первое начало, зародившя драматическаго театра въ Москвѣ, положено было Московскимъ университетомъ въ 1756 г. 1). Подъ руководствомъ своего директора, Михаила Матвѣевича Хераскова, студенты въ воспитанники университетской гимназій давали представления въ стѣлахъ университета, на который было приглашаемо высшее московское общество. Императрица повелѣла награждать шагами тѣхъ актеровъ, которые окажутся достойными одобренія 2).

Въ 1758 г. апрѣля 27-го д., содержателю итальянской комической оперы при дворѣ Ея Императорскаго Величества Локателли дозволено было «имѣть въ Москвѣ оперный домъ изъ его кошту для представленія зрителямъ комическихъ его сочиненій оперъ», въ чемъ ему дана привилегія и отведено мѣсто для постройки театра 3). Это былъ первый публичный театръ въ Москвѣ. Кромѣ комическихъ оперъ, въ немъ давались и русскія драматическя представленія «вольной труппой». Театръ просуществовалъ всего три года, но въ раженію Штелина—«не дозголътень былъ». Волкову не удалось организовать придворную труппу, и лучшіе актеры локателлинскаго театра, въ томъ числѣ и знаменитая драматическая актриса, Татьяна Михайловна Троепольская, перешла на Петербургскую придворную сцену.

Въ августѣ 1762 г. Волковъ съ братомъ своимъ Григоріемъ, за личныя услуги, оказанныя ими Императрицѣ Екатерицѣ при вступленіи ея на престолъ, въ числѣ сорока лицъ, которые «по ревности, для поощренія народнаго, побудили самымъ дѣломъ Ея Величества сердце милосердное къ скорѣйшему припятию престола российскаго и къ спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожающихъ оному бѣдствій» 4),—возведены были въ дворянское достоинство, съ пожалованіемъ семи сотъ душъ крестьянъ. Мотивовъ къ такой высокой наградѣ мы нигдѣ найти не могли. Въ архивѣ департамента герольдіи, въ реестрѣ къ книгѣ рѣшенныхъ дѣлъ 1756—1767 гг. № 7 подъ 7-же номеромъ записано слѣдующее дѣло: «1762 г. Августа 7. Извѣстіе, отданное отъ Сената, о пожалованіи гардеробъ-мейстера Василя Шкурниа въ российскіе дворяне, да Осдора и Григорья Волковыхъ и касира Алексея Евреинаова въ дворяне и о пожалованіи ихъ деревнями». На восьми листахъ. Самого дѣла въ книгѣ нѣтъ, а въ реестрѣ противъ выписанной статьи такая замѣтка: «Здѣсь не числятся. Не рѣшенное. Выпуть оное. Взять въ герольдію секретарь Желѣзовскій».

Рядъ блестящихъ празднествъ, по случаю коронаціи Императрицы, закончился никогда не бывавшимъ въ Москвѣ громаднымъ уличнымъ маскарадомъ, устройствомъ котораго было поручено Волкову. Программа маскарада была написана стихами Херасковымъ, а хоры сочинены Сумароковымъ. Маскарадъ назывался «Горжествующая Минерва». Такъ какъ печатная брошюра съ описаніемъ этого маскарада составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость, то мы перепечатаемъ ее здѣсь вполнѣ.

«Сего мѣсяца 30, февраля 1 и 2, т. е. въ четвертокъ, субботу и

1) Ученыя записки императорскаго Московскаго университета 1834 г. часть IV, стр. 353.

2) Ibid.

3) Документы Архива. № 56.

4) „Русск. Архивъ“, 1864 г. стр. 303.

воскресенье по улицамъ Большой Нѣмецкой, по обѣимъ Басманнымъ, по Мясницкой, Покровиѣ съ 10 часовъ утра за полднъ, будетъ ѣздить болюной маскарадъ, названной Торжествующая Минерва, въ которомъ изъивятся гуслисть пороковъ и слава добродѣтели. По возвращеніи онаго къ горамъ, начнутъ кататься и на сдѣланномъ на то театрѣ представлять народу разныя игравница, иляски, комедіи кукольныя, гокусъ покусъ и разныя тѣлодвиженія; стануть доставать деньги своимъ проворствомъ; охотники бѣгаться на лошадицхъ, и прочее; кто оное видѣть желаетъ, могутъ туда собраться и кататься съ горъ во всю недѣлю масляницы, съ утра и до ночи въ маскѣ или безъ маски всякаго званія люди».

Описаніе большаго маскарада. Провозвѣстникъ маскарада съ своєю свитою.

Знакъ. На немъ куклы и колокольчикъ. Момусъ или пересмѣшникъ.

Надписъ. Упражненіе малоумныхъ.

Хоръ комической музыки.

Большіе литавры и два знака Момусовыхъ.

Театры съ кукольщиками, по сторонамъ оныхъ 12 человекъ на деревянныхъ коняхъ съ гремушками.

Флейтчики и барабанички въ кольчугахъ.

Родомандъ, забіяка, храбрый дуракъ верхомъ, за конемъ слѣдуетъ нахъ, поддерживая его кося.

Служители Пантолоновы одѣты въ комическое платье, и Пантолонъ пустохватъ въ портшезѣ, которой несутъ 4 человекъ.

Служители глухаго поданта, одѣты скарамушами.

Книгохранительница безумнаго враля.

Дикари съ ассистентами.

Мѣсто для арлекина.

Два человекъ ведутъ быка съ придѣланными на груди рогами ¹⁾, на немъ сѣдящей человекъ имѣетъ на груди оконницу, и держитъ модель вертящагося дома, предъ ними 12 человекъ въ шутовскомъ платьѣ съ дудками и гремушками.

Момусъ съ его свитою.

Бахусъ.

Знакъ. Козлиная голова и виноградныя лѣсти.

Надписъ. Смѣхъ и безстыдство.

Пещера Иана, окруженная иляшущими и поющими Нимфами.

Пляшущіе сатиры и баханты съ виноградными кольями, тамбуринами, бряцалками и корзинами виноградными.

Сатиры, ѣдущіе на козлахъ, другіе пересмѣхающіе ихъ.

Сатиры на свиньяхъ и 2 съ обезьянами.

Колесница Бахусова, заложенная тиграми, и сатиры съ тамбуринами и бряцалками.

Сатиры ведутъ осла, на коемъ сидитъ пьяной Селонъ и поддерживается сатирами.

Пьяницы тащатъ откушника, сѣдящаго на бочкѣ, корчемными прикованы къ ево бочкѣ, и шесть крьюковъ.

¹⁾ Момъ, видя человекъ, смѣялся, для чего боги не сдѣлали ему на груди око, сквозь которое бы въ ево сердце смотрѣть было можно.—быку смѣялся, для чего боги не поставили ему на груди роговъ, и тѣмъ лишили его болющей силы, а надъ домою смѣялся, для чего не можно ево, если у него худой сесѣль повернуть въ другую сторону.

Ціловальники съ мѣрками и насосами, и дѣй стойки съ питьемъ, на коняхъ посажены чумачи съ гудками, балалайками, съ рылами и волюнками.

Знакъ. Несогласіе: ястребъ терзаетъ голубя, паукъ спускается на жабу, кошечья голова съ мышью, лисица давить курицу.

Надпись. Дѣйствіе злыхъ сердець.

Хоръ музыки, гдѣ музыканты наряжены въ разные животныя.

Забіяки, борды и кулачные бойцы окружають Дискордію или несогласіе, бьются, борются, бѣгаютъ съ убійственными орудіями и зъ фурія.

Обманъ. Знакъ въ верху маска, а кругомъ змѣй, кроющіяся въ розахъ.

Надпись. Пагубная прелесть.

Цыгани и цыганки, кои поють и пляшуть.

Колдуны и колдуныи и нѣсколько дьяволовъ.

Обманъ, при коемъ проекторы.

Невѣжество. Знакъ петохвръ, черныя сѣти и ослова голога.

Надпись. Вредъ и непотребство.

Хоръ слѣпыхъ, кои ведутъ другъ друга, и 4 человѣка крѣють, отдувая, замерзлыхъ змѣй.

Невѣжество на ослѣ.

Праздноствіе и злословіе, за коими слѣдуютъ лѣнивые.

Мздоимство. Знакъ, на коемъ сидитъ Гарція, кругомъ крапива, крЮчки, мешки денежныя и переломленные вѣсы.

Надпись. Всесообщая пагуба.

Ябедники съ духами ябеды, крЮчковтворецъ.

КрЮчконописатели со знаменами, на коняхъ написана: *Завтре*.

Нѣсколько крЮчизей, зацѣпивъ, тащатъ за собою крЮчками же отягченныхъ и зараженныхъ акциденцію.

КрЮчконосцы и духи свѣтлетущіе опутываютъ сѣтми людей и ихъ стравливаютъ.

Хромая правда на костыляхъ, съ переломленными вѣсами, кою гонятъ плутнеисатели полными денегъ мѣшками.

Взятки, или акциденція, едидая на янцахъ и зъ вылушившіися изъ янцъ гарціи, и нѣсколько крЮчководчиковъ ассистентами.

Бдучи вмѣстѣ КрЮчководъ Обираловъ и Взятколюбъ Обираловъ бесѣдуютъ объ акциденціи, и при нихъ пакостники, развѣивающіе сѣмена крапивныя.

Обообраиные, съ пустыми мѣшками.

Провратный свѣтъ. Знакъ. Летающіе четвероногіе звѣри и внизъ оращенное человѣческое лицо.

Надпись. Непросвѣщенныя разумы.

Хоръ въ развратномъ платьѣ.

Два трубача на верблюдахъ и итаврщикъ на быкѣ.

Четверо идутъ задомъ.

Лакеи ведутъ открытую карету, въ коей посажена лошадь.

Вертошрахи везуть карету, въ коей сидятъ обезьяна.

Карлицы и гиганты.

Дюлька, въ коей спеленанъ старикъ, и при немъ кормящій его мальчикъ.

Дюлька, въ коей старуха играеть въ куклы и сосеть рожокъ, и при ней маленькая дѣвочка съ лозою.

Свишня съ розами. Оркестръ, гдѣ оселъ поеть, а позелъ играеть

въ скрипку; при нихъ нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ развратно. Химера, кою рисуютъ 4 худыхъ малыра и 2 риомача, фдуціе на коровахъ. Бочка, въ коей Диогенъ со свѣчою. Гераклитъ и Демокритъ съ глобусомъ, при конхъ 6 одѣтыхъ въ странное платье съ вѣтрянными мельницами.

Спѣсь. Знакъ. Павлинной хвостъ, кругомъ нарцисы, внизу зеркало, представляющее дурную рожу. Знакъ. Самолюбіе безъ достоинствъ. Хоръ, состоящій изъ невольниковъ. Трубачи и литаврички. Скороходы, лакеи, нажи и гайдуки предшествуютъ и окружаютъ карету спѣса.

Мотовство и бѣдность съ ихъ свитами. Знакъ. Внизъ обращенный рогъ изобилія, изъ коего сыплется золото, по сторонамъ курящаяся кадилыница. Падисъ. Безпечность о добрѣ. Хоръ обитыхъ картами. Два знамя изъ множества картъ. Винновой хланъ, король и краля. Желудовой хланъ, король и краля. Бубновой хланъ, король и краля. Слѣпая фортуна. Игроки съ выигришемъ. Игроки проигравшіеся и 12 человѣкъ нищихъ съ котомками. Картежники. Костырички. Колесница развращенной Венеры и Купидонъ, къ коей прикованы мужчины и женщины. Роскошь, при коей моты съ ассистентами. Хоръ бѣдныхъ поющихъ. Скупость съ ея послѣдователями.

Вулканъ. Четырнадцатъ человѣкъ кузнецовъ съ ихъ инструментами. Часть горы Этны, гдѣ Вулканъ съ циклопами готовитъ громъ. Юпитерь. Колесница Юпитера.

Златой вѣкъ. Хоръ пастуховъ съ флейтами. 12 пастушекъ. Хоръ отроковъ поющихъ съ оливными вѣтвями. 24 часа золотыхъ. Дни золотова времени колесница, въ коей Астрей.

Парнасъ и Миръ. Хоръ стихотворцевъ. Парнасъ съ музами и колесница для Аполлона. Земледѣльцы съ ихъ орудіями. Миръ въ облакахъ, пожигающій военныя орудія.

Минерва и добродѣтель съ ихъ послѣдователями. Трубачи и литаврички. Науки и искусства. Колесница добродѣтели, при коей старикъ, вѣнчанный лаврами, въ бѣломъ платьѣ. Герои верхами. Законодавцы. Философы. Хоръ отроковъ въ бѣломъ платьѣ съ зелеными вѣтвями и на головахъ вѣнцами. Колесница, въ коей торжествующая Минерва, вверху опыхъ викторія и слава. Хоръ музыки. Гора Діанна.

Хоры. Хоръ сатпиръ. Въ сыры дни мы примѣчали, три дня и три ночи на рынкѣ: никого мы не встрѣчали, ктобъ не коснулся хмѣля кричкѣ. Въ сыры дни мы примѣчали: шумъ блистаетъ, малъ мотаеъ, дуръ летаетъ, хмѣль шатаеъ, разумъ таеъ, зло хватаетъ. Паглы враки, слетни, драки и грызутся какъ собаки. Примиритесь! Рыла жалйте и груди! Пьяные, пьяные люди, пьяные люди, не деритесь! Хоръ пьяницъ. Двоенны водки, водки скляница! О Бахусъ, о Бахусъ, горькой пьяница. Просимъ, молимъ васъ, утѣшайте насъ. Отечеству служимъ мы болѣе всѣхъ, и болѣе всѣхъ достойны утѣхъ. Всякъ часъ возвращаемъ кобачкой мы зборъ. Протчи службы вздоръ.

Хоръ къ обману. Пусть маленьки шарить, не велико дѣло! Срѣзана машинка, государство цѣло. Къ ябедѣ приказной устремленъ догадой, правду гонитъ агито крочкотворецъ гадкой, отущищъ усердной на Руси народу, въ прибыль государству, откунаеть воду. Къ общу благоденству кто прерветъ дороги, ежели представить ко лбу только роги.

Хоръ невѣжества. То же все въ ученой рожѣ, то же въ мудрои

кожі: мы полезнова жемаемъ, а на предъ ученя лаемъ: прочъ и азъ и буки, прочъ и веѣ литера съ рядъ: грамота, науки вышли въ міръ изъ ада. Лучше жити безъ заботы, убѣгать работы, лучше ѣсть, и питъ, и спати, нежелѣ въ умѣ копати. Трудны къ тѣмъ хоромамъ въ гору отъ земли подѣзды, въ конхъ астрономамъ плытися на звѣзды.

Хоръ къ мздоимству. Есть ли староста бездѣльникъ, такъ и земскоій плутъ, и совѣкъ оиъ забыли, что ременный жукъ. Взятки въ жизни красота, слаще меда и сота. Такъ то крющотворецъ мелить, какъ на взятки крющомъ цѣлить; такъ то староста богатой, сельской насыщаясь платой, такъ ихъ весь содомъ. Крющотворцева жена такова же сатана, а отъ эдакой насѣднѣи таковыя же и дѣтки. Съ сими тварьми одинали батраки ихъ и собаки, весь таковъ ихъ домъ.

Хоръ къ превратному свѣту. Приплыла къ намъ на берегъ собака изъ за полночиова моря, изъ за холоднаго океана, прилетѣлъ отголъ и соловейка. Спрашивали гостю прѣзжу—за моремъ какіе обряды? Гостя прѣзжа отвѣчала: многое хулы тамъ достойно, и бы рассказать то умѣла, если бы сатиру ибѣ я смѣла: а теперь я ибѣти не желаю, только на пороки я полаю. Соловей, давай и ты оброки, просвици заморскіе пороки (свистъ). За моремъ хамъ, хамъ, хамъ, хамъ, хамъ.

Хоръ угроговъ. Подайте картежникамъ милостинку! Черви, бубны, вши, жлуди веѣхъ насъ расодили, и лишниѣ насъ пропитавѣ, гладомъ уморили.

Хоръ золотому вѣку. Блаженны времена настали и песни лучезръ Россію облистали. Подсолнениа, внемли! Астрея на земли, Астрел во странахъ росейскихъ водворилась, Астрея вопарилась. Рокъ цедрый река: настани россамъ ты златой желанній вѣкъ. И се струи росейскихъ рѣкъ, во удивленіе соѣздамъ, млекомъ текутъ и медомъ.

Хоръ къ Парнассу. Ледтесъ токн Инокрени вы съ Парнасскаія горы, орошайте вы долины и прекрасныя дуга. Пляойтесъ, росейце, тѣми сладкими струями, конъ Гречія шла, и имѣя на престолѣ вы аонскую богиню, будьте аоняни вы.

Хоръ къ Минервѣ. Ликовствуйте днесъ, ликовствуйте здѣсь, воздухъ и земля и воды! Веселитесъ народы: мать ваша, россы, тамъ затворила Яна храмъ. А Церера, и Помона, и прекрасна Флора получаютъ днесъ, получаютъ здѣсь безъ препятства даръ солнечнаго взора. О душевна красота, жизни сей утѣха, жизни сей отрада, разтвори врата храма своего, Паллада.

«Маскарадъ сей, пишетъ очевидецъ его, А. Т. Болотовъ, имѣлъ цѣлюю своею осмѣяніе веѣхъ обыкновеннѣйшихъ между людьми пороковъ, а особливо мздоимныхъ судей, угроговъ, мотовъ, пьяницъ и распутныхъ и торжество надъ ними наукъ и добродѣтели: почему и названъ былъ «Торжествующею Минервою». И процессія была превеликая и предлинная: везены были многія и разнаго рода колесницы и повозки, отчасти на огромныхъ саняхъ, отчасти на колесахъ, съ сидящими на нихъ многими и разнымъ образомъ одѣтыми и что-нибудь представляющими людьми и поющими приличныя и для каждаго предмета сочиненныя сатирическія пѣсни. Передъ каждою такою раскрашенною, распещренною и раззолоченною повозкою, везомою множествомъ лошадей, шли особые хоры—гдѣ разнаго рода музыкантовъ, гдѣ разнообразно наряженныхъ людей, поющихъ громогласно другія веселыя и забавныя особаго рода стихотворенія, а видѣ шли огромныя исполныя, а видѣ удивительныя карлы. И все сіе распоряжено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато и

всѣ пѣсни и стихотворенія пѣты были такими пріятными голосами, что пѣнноче, какъ съ крайнимъ удовольствіемъ на все то смотрѣть было можно ¹⁾. Волковъ былъ душой этой оригинальной процесіи. Сидя перхомъ на конѣ, онъ направлялъ сіе шествіе и дѣлалъ соответствующія распоряженія. Но этотъ маскарадъ стоилъ жизни его распорядителю: на немъ онъ простудился, и четвертаго апрѣля 1763 года, на тридцать пятомъ году отъ рожденія, скончался.

Напечатанныхъ литературныхъ трудовъ ни оригинальныхъ, ни переводныхъ послѣ Волкова не осталось, мы не находимъ ихъ ни въ каталогахъ Сошкова и Смирдина, ни въ драматическомъ словарѣ. Сочиненія Волкова по словамъ Новикова, имѣвшія «весьма много остроты», утратились послѣ его смерти уже во время Новикова, который говоритъ: «изъ сочиненій Волкова остались извѣстными мнѣ только двѣ пѣсни: «Ты проходишь мимо келья, дорогая», «Станемъ, братцы, пѣть старую пѣсню» и одна эниграмма». Биографъ Волкова приписываетъ ему переводы сіе пѣсенкаго: драму Эвоаръ, пастораль Эвмондъ и Бера, и съ итальянскаго—Титово милосердіе, но доказательства на это никакихъ не представляютъ, и пьесы эти уже были на русскомъ языкѣ до появленія Волкова. Въ библиографическихъ запискахъ ²⁾, въ статьѣ «Описаніе славянскихъ рукописей императорской парижской библіотеки», говорится, что въ библіотекѣ находится восемь переводныхъ комедій Мольера, въ томъ числѣ переводы Волкова — «Школа женщинъ, (1754 г.), *L'amour medecin, Georges Dandin* (1757) *Les précieuses ridicules, Le Sicilien* и *Danкура—Tuteur trompé, battu et content*. Но тамъ не сказано, что это переводы О. (т. е. Оедора) Волкова, а просто—Волкова. Трудно допустить, чтобы ярославскій самоучка, только что вступившій въ кепусть (1754), настолько владѣлъ французскимъ языкомъ, что могъ переводить Мольера. Въ это время былъ другой Волковъ—Александръ, которому принадлежитъ переводъ пьесы ле-Грана — «Новопрізжіе» и др. ³⁾ «Жоржъ Дандинъ или изъ смѣненіе приведенный мужъ» переведена Иваномъ Чадавскимъ и представлена въ первый разъ въ 1758 г. ⁴⁾. Остальные переводы пьесъ, приписываемые Волкову, значатся въ каталогѣ Смирдина безъ фамиліи ихъ переводчиковъ ⁵⁾. Что касается ненапечатанной комической оперы «Ташюша или счастливая встрѣча», въ которой Волковъ будто бы является первымъ русскимъ композиторомъ, то врядъ ли таковая опера когда-либо существовала. Биографъ Волкова Родиславскій ⁶⁾ почерпнулъ это свѣдѣніе изъ собраній старинныхъ афишъ актера Пусова, но афиши эти ничего общаго съ правдой не имѣютъ, а есть плодъ фантазіи собирателя и ссылаются на нихъ будущему историку театра нельзя советовать. Первая русская комическая опера называлась «Анюта» и значится въ драматическомъ словарѣ: «Анюта», комическая опера, въ одномъ дѣйствіи, стихами. Сочин. Михаиломъ Поновымъ, представлена въ первый разъ въ Царскомъ селѣ придворными пѣвцами, августа 26, 1772 г. Сія опера изъ первыхъ комическихъ на русіискомъ языкѣ играна ⁷⁾.

Наружность Волкова и душевныя его качества современникъ его, Николай Ивановичъ Новиковъ, описываетъ такъ: «фізіономію онъ

¹⁾ Болотовъ, т. II, стр. 390.

²⁾ Библиограф. записки 1859 г. № 7, стр. 238—209.

³⁾ Каталогъ Смирдина, № 7236.

⁴⁾ Драматическій словарь.

⁵⁾ Каталогъ Смирдина, №№ 7031, 7161, 7251, 7310.

⁶⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1869 г. № 6, стр. 571.

⁷⁾ Драмат. словарь, стр. 19.

имѣлъ важную, глаза быстрые, жаріе. Съ перваго взгляда казался нѣсколько суровъ и угрюмъ, но сіе исчезало, когда находился онъ съ хорошими своими друзьями, съ которыми умѣлъ онъ обходиться и улаживать бесѣду разумными и острыми путями. Житія была трезваго и строгой добродѣтели. Друзей имѣлъ не многихъ, но наилучшихъ и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомоцествовать»¹⁾.

Смерть его почтили элегіей къ Дмитревскому Александръ Петровичъ Сумароковъ.

Пролей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растреши власы:
Преставился мой другъ, прости, мой другъ любезный!
На вѣки Волкова тресѣклися часы.
Мой весь мятется духъ, тоска меня горзасть,
Цегасовъ подо мной вѣсточникъ замерзасть.
Расиновъ и театръ явиль, о россы, вамъ!
Богиня, и тебѣ поставилъ пышный храмъ!
Въ небытіе сей храмъ теперь переносится,
И основаніе его уже трисется.
Се смысла моего и тицанія плоды!
Се вѣка нѣлаго прилежность и труды!
Дмитревскій! что зачнемъ мы съ сей теперь судьбою!
Разстался Волковъ нашъ со мною и съ тобою,
И съ музами на вѣкъ. Возри на гробъ его,
Ондачь, ондачь со мной ты друга своего,
Котораго, какъ насъ, потомство не забудеть,
Переломи книжалъ, котора ужъ не будетъ,
Простись съ отторженнымъ отъ драмы и отъ насъ,
Простись съ Волковымъ уже въ послѣдній разъ,
Въ послѣднемъ какъ ты съ нимъ играніи прощайся,
И моляи, какъ тогда Оскольду извѣщался,
Пустьивъ днесъ горькія струи изъ смутныхъ глаза:
Колыкимъ горестямъ подвластны человекъ!
Прости, любезный другъ, прости, мой другъ, на вѣки!

Прахъ Волкова поконтея въ Москвѣ, въ Андроніевскомъ монастырѣ. Могила же, несмотря на самыя тщательныя розыски, не найдена.

II.

Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій.

(Род. 1734, ум. 1821).

Намъ неизвѣстно навѣрно, кто такой Дмитревскій, каковаго онъ происхожденія. Въ архивныхъ документахъ дирекція Императорскихъ театровъ нѣтъ на это никакихъ указаній. Показанія его біографовъ сбивчивы. Карабановъ говоритъ²⁾, что онъ сынъ Ярославскаго протоіерея; въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара — что онъ сынъ протоіерея Дьяконова, по прозванью Нарыкова; О. А. Кони — что онъ сынъ священника Дьяконова, готовившійся въ дячки, а фамилію Нарыковъ принялъ, по предразсудкамъ отца, при вступленіи на

¹⁾ Опытъ словаря Новикова.

²⁾ Основаніе русскаго театра. Карабановъ, стр. 35.

сцену 1); Н. И. Гречъ просто называетъ его Нарыковымъ 2) Родославскій—патріаршимъ дворинимъ Нарыковымъ 3).

По сказанію біографовъ, Дмитревскій онь былъ нареченъ Императрицею Елизаветою, по сходству его съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ. Одинъ изъ біографовъ говоритъ объ этомъ такъ: «Нарыкова (Елизавета) призвала въ свои покои, сама изволила наряжать его и наколола ему на голову богатую діадему, которую просила оставить у себя на память. Прелестная наружность семинариста столько же восхищала императрицу, сколько грубое, страшное имя «Нарыковъ» казалось ей неприятнымъ. Необыкновенное его сходство съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ поражало императрицу.—«Нѣтъ, говорила она, любяся юной Осельдой, ты не долженъ носить такого имени:—будь Дмитревскимъ; онь былъ графомъ въ Польшѣ, ты будешь царемъ на русской сценѣ». Съ этихъ поръ Нарыковъ въ третій разъ переимѣнилъ свою фамилію и сталъ называться Дмитревскимъ». Это повторили и другіе біографы, а Арановъ въ своемъ драматическомъ альбомѣ заставляетъ Императрицу наряжать въ роли Осельды сначала кадета Свистунова, а потомъ Дмитревскаго 4). Дмитревскій по игралъ роли Осельды и графа Дмитревскаго въ аристократическихъ польскихъ фамиліяхъ не существовало.

Гдѣ онь воспитывался, какъ протекло его дѣтство? Кто говоритъ—въ Ярославской семинаріи, кто говоритъ—у нѣмецкаго пастора, находившагося въ то время въ Ярославѣ при сосланномъ туда курляндскомъ герцогѣ Виронѣ. Достоверныя о немъ свѣдѣнія, по которымъ мы можемъ прослѣдить всю его сценическую и литературную дѣятельность, начинаются съ восемнадцатаго марта 1752 года, когда онь, девятнадцатилѣтній юноша, въ качествѣ ярославскаго комеданта, впервые выступилъ на сцену придворнаго театра, и съ перваго мая того же года сталъ числиться въ спискѣ придворныхъ актеровъ 5).

Послѣ перваго дебюта при дворѣ, въ пьесѣ «Кающійся грѣшникъ», 18 марта 1752 г., Дмитревскій 10 сентября того же года поступилъ въ илихотный кадетскій корпусъ одновременно съ Алексѣемъ Поповымъ 6); братья Волковы, Оедоръ и Григорій, поступили въ корпусъ гораздо позже—въ 1754 г., почти черезъ два года. Что дѣлали ярославскіе комеданты со дня дебюта до поступления въ корпусъ—неизвѣстно. Въ корпусѣ они пробыли—Дмитревскій и Поповъ четыре года, и братья Волковы два года съ мѣсяцами и 1-го ноября 1756 г., по учрежденіи русскаго театра, поступили въ вѣдѣніе перваго директора театра Александра Петровича Сумарокова. Съ этого момента начинается многообразное и многостороннее служеніе его сценическому искусству, продолжавшееся болѣе полулѣта.

За пять мѣсяцевъ до кончины Императрицы, безокобийный характеромъ директоръ придворнаго театра былъ, по собственному его желанію, отъ должности уволенъ, а «за установленіе русскаго театра» ему оставлено содержаніе, какое онь получалъ по службѣ, «чтобы пользоваться Высочайшею Ея Императорскаго Величества милостию, имѣи свободу отъ должностей, могъ усугубить свое прилежаніе въ сочиненіяхъ, которыя сколь ему честь, столь всѣмъ, любящимъ

1) Пантеонъ, 1810 г., т. I. Біогр. Дмитревскаго, стр. 80—80.

2) Альман. „Русская Газета“, 1825 г., стр. 32.

3) „Русскій Вѣстникъ“, 1869 г., стр. 554.

4) „Драмат. Альбомъ“, стр. XII, XVI.

5) Докум. архива дир. Им. театр. стр. 215.

6) Списокъ комедантамъ, обучавшимся въ кадетскомъ корпусѣ. Карабанова, стр. 104.

чтєніє, удовольствіє приносить будуть» ¹⁾. По увольненіи Сумарокова, театр оставался безъ директора, въ вѣдѣніи Придворной конторы, которую управляли графъ Сиверсъ и князь Николай Голицынь.

25 декабря 1761 г. Елизавета Петровна скончалась. Императрица Екатерина, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, послѣ коронаціи немедленно обратила свое особое вниманіе на русскій театръ и стала милостиво поощрять выдающіеся сценическіе таланты. Въ октябрѣ 1764 г., «танцовальщикъ Тимошей Бубликовъ, для лучшаго танцованію обученія», былъ отправленъ, на казенный счетъ, за границу, на два года ²⁾. Въ томъ же году, въ декабрѣ, «для лучшаго живописной и театральной наукъ обученія», отпущенъ былъ въ чужіе края живописецъ Иванъ Фирсовъ ³⁾, а въ слѣдующемъ, 1765 г. — Иванъ Аванасевичъ Дмитревскій, сдѣлавшійся послѣ смерти Волкова «первымъ русскаго придворнаго театра актеромъ».

По поводу этой поѣздки, біографы Дмитревскаго — Бантынь-Кампскій, Гречъ и Араповъ — говорятъ, что онъ, будучи въ Парижѣ, игралъ на сценѣ съ знаменитымъ въ то время французскимъ актеромъ Декеномъ. Князь А. А. Шаховской заноситъ въ свой «Обзоръ русской драматической литературы» объ этомъ слѣдующее: «П. А. Дмитревскій рассказывалъ мнѣ, что, во вторую поѣзду его въ чужіе края, Декенъ и другіе лучшіе французскіе актеры подружались съ нимъ и, желая услышать стихотворные звуки нашего языка, уговорили его сыграть съ ними, на частномъ театрѣ, переведеннаго на французскій языкъ «Спиана и Трувора», т. е., чтобъ онъ декламировалъ на своемъ языкѣ, а они на своемъ. Это странное зрѣлище привлекло знаменитѣйшихъ писателей и артистовъ. Они восхищались гармоніей нашего стихотворства и очень аллюдировали игрѣ Дмитревскаго, которая не была для нихъ одной мимикой, потому что они слѣдили за словами его по переводу, бывшему у всѣхъ въ рукахъ» ⁴⁾.

О. А. Кошн, самый восторженный біографъ Дмитревскаго, подробно другихъ описываетъ пребываніе его въ Парижѣ и Лондонѣ. «Декенъ похвалъ съ Дмитревскимъ въ Лондонѣ, чтобы познакомиться его съ другомъ своимъ, великимъ трагикомъ Гаррикомъ. Для Дмитревскаго его игра была академією искусства. Онъ уничтожался передъ нимъ, благоговѣлъ и плакалъ. Однажды, за обѣдомъ у Гаррика, рѣчь зашла о сценическомъ притворствѣ: Гаррикъ могъ краснѣть и блѣднѣть по желанію; велѣлъ за веселымъ смѣхомъ у него ливнись обильными слезы. Вдругъ Дмитревскій задрожалъ, зачлесталъ невинныя слова и блѣдный, какъ саванъ, безъ чувствъ, упалъ въ кресло. Вскочилъ ему помогать, но Дмитревскій вскопчилъ, захохоталъ и вывелъ ихъ изъ заблужденія. Этотъ случай поразилъ Гаррика, и онъ уговорилъ его сыграть что-нибудь на сценѣ и устроилъ нарочно домашній спектакль у одной герцогини... Дмитревскій выбралъ «Беверлея» ⁵⁾ и сыгралъ его съ такимъ совершенствомъ, что Гаррикъ совсемъ забылъ, что онъ на сценѣ и такъ пристально вишелъ въ нашего актера, что не обратилъ вниманія на столѣ свѣчку, зажегъ себѣ манжеты и насмѣялъ всѣхъ зрителей. Съ этой минуты онъ сдѣлался

¹⁾ Док. арх. дирекціи № 63.

²⁾ Ibid. № 83.

³⁾ Ibid. № 83.

⁴⁾ Репертуаръ русскаго театра 1812 г. Книжка 2, стр. 7.

⁵⁾ Трагедія мѣщанская, въ 5 дѣйствійхъ. Переводъ съ французскаго Дмитревскаго.

задушевнымъ другомъ Дмитревскаго. — «Ты для русской сцены», говорилъ онъ ему, «болѣе, чѣмъ Гаррикъ для англійской. Ты мнѣ равенъ по таланту и не играешь въ второніяхъ Шекспира!..»

«По позрашеніи въ Парижѣ, Лекенъ угосорилъ Дмитревскаго сыграть на театрѣ герцогини Валуа. Давали «Альзиру» Вольтера; Дмитревскій игралъ роль Замора, а Лекенъ Гусмана. Публичка драмъ у входа, чтобы посмотрѣть на русскаго медвѣди. Игра его всѣхъ уважала и восхитила. Зрители требовали повтореній.

«Зная легкомысліе своихъ соотчичей, Лекенъ послѣ раскаявался, что открылъ Дмитревскому помосты сцены. На слѣдующій спектакль Дмитревскій не хотѣлъ выйти въ той же роли; онъ выбралъ Османа въ «Заирѣ», Лекенъ взялъ себѣ Шатильона. Тутъ видимо обнаружилось нѣкотораго рода состязаніе между обоими артистами. Дмитревскій превзошелъ себя, ему бросили вѣнокъ на сцену. Лекенъ не былъ вызванъ. Два дня спустя Дмитревскій уѣхалъ въ Россію. Лекенъ проводилъ его до почтовой кареты и дружески пожалъ ему руку, но на сценѣ не видали его два мѣсяца послѣ этого происшествія»¹⁾.

Всѣ эти повѣствованія біографовъ основаны на неточныхъ свѣдѣніяхъ. Въ дѣйствительности было не такъ. С. П. Жихаревъ записать въ свой «Дневникъ чиновника» объ этомъ фактѣ слѣдующее: «1807 года, января 2-го, О. П. Львовъ, разсуждая съ Дмитревскимъ о его путешествіи въ Парижъ, спросилъ его, между прочимъ: справедливо ли, что онъ тамъ игралъ на театрѣ вмѣстѣ съ Гаррикомъ и Лекенюмъ? Никогда, отвѣчалъ онъ:—и не могъ играть съ Гаррикомъ, потому что не знаю англійскаго языка, а Гаррикъ необыкновенно дурно изъясняется по-французски. Съ Лекенюмъ же мнѣ играть не было возможности по той причинѣ, что наши амплуа были одинаковы, и если я зналъ нѣкоторыя роли изъ французскихъ трагедій, то это тѣ же самыя, которыя игралъ и Лекенъ. Впрочемъ, я не такъ былъ и самонадѣянъ, чтобы состязаться съ этими исполнителями театральнаго искусства и особенно съ Лекенюмъ, который былъ гений въ своемъ родѣ. Конечно, и Гаррикъ былъ великій человѣкъ, но скорѣе комедіантъ, чѣмъ актеръ, т. е. подражатель природы въ обыкновенной нашей жизни, между тѣмъ какъ Лекенъ создавалъ типы персонажей историческихкихъ»²⁾.

Съ Гаррикомъ онъ встрѣтился на званомъ ужинѣ у знаменитой французской актрисы Клеронъ, которая съ великимъ трудомъ упростила великаго артиста что-нибудь продекламировать. Гаррикъ продекламировалъ сцену съ привидѣніемъ изъ Гамлета. «Несмотря на то,—говоритъ Дмитревскій,—что многіе изъ присутствовавшихъ не знали по-англійски, онъ навелъ на нихъ ужасъ одною своею выимогою». Мамзель Клеронъ не осталась въ долгу у артиста и тоже продекламировала монологъ изъ Альзиры. «Не надивлюсь,—замѣчаетъ Дмитревскій,—какъ эти люди, безъ всякихъ пособій къ театральной иллюзии, могли производить такое невѣроятное впечатлѣніе на своихъ слушателей». Подъ конецъ ужина Клеронъ пожелала, чтобы Дмитревскій продекламировалъ что-нибудь изъ русской трагедіи. «И рѣшительно отказался, потому что чувствовалъ свое безсиліе, и только по неотступной ея просьбѣ далъ ей нѣкоторое понятіе о звукахъ и гармоніи русскаго языка, прочиталъ куплеты Сумарокова:

¹⁾ Пантеонъ русскихъ и всѣхъ европейскихъ театровъ 1840 г. т. I. Біографія Дмитревскаго, стр. 92—93.

²⁾ „Отечественныя записки“, 1855 г., май, стр. 159.

«Время проходить, время летить» и пр. Она слушала съ большимъ вниманіемъ, и когда я кончилъ, пресерьезно сказала: «Je n'y comprend rien, mais cela doit être charmant»¹⁾.

Осенью 1765 г. онъ возвратился въ Петербургъ. «Въ осень сего же года,—пишетъ Штедлингъ,—возвратился въ Россію г. Дмитревскій, который на государевомъ коштѣ посыланъ былъ въ Парижъ и Лондонъ посмотрѣть лучшихъ тамошнихъ актеровъ и тѣмъ дополнить свое искусство. «Дабы видѣть разность въ прежнемъ и настоящемъ его вкусѣ и искусствѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ представлена была при дворѣ русская трагедія «Синавъ и Труворъ», въ которой г. Дмитревскій доказалъ, что искусство его не безполезно для него было, ибо онъ игралъ неподражаемо. По прошествіи восьми дней пакы сія же трагедія на придворномъ театрѣ представлена была»²⁾.

Въ августѣ 1767 г. онъ совершилъ вторичную поѣздку за границу для приглашенія французскихъ актеровъ въ петербургскую труппу³⁾. На возвратномъ пути изъ этой поѣздки онъ отдалъ въ Лейпцигъ издателю журнала «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der Freien Künste», Вейсе, свои сочиненія: «Пѣвкѣ о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ» и «Исторію русскаго театра». Первое было напечатано въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, а второе осталось не напечатаннымъ⁴⁾. «У Вейсе есть рукописная исторія нашего театра,—пишетъ Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ русскаго путешественника»,—переведенная съ русскаго. Г. Дмитревскій, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее, а нѣкто изъ русскихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ университетѣ, перевелъ на нѣмецкій языкъ и подарилъ г. Вейсе, который хранитъ сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей библіотекѣ»⁵⁾.

Этой «Исторіи русскаго театра» не суждено было появиться и въ Россіи. Биографы Дмитревскаго говорятъ, что онъ работалъ надъ исторіею театра около двадцати лѣтъ (время, достаточное для написанія всемірной исторіи) и представилъ рукопись въ русскую академію, гдѣ она сгорѣла во время быванаго пожара. «Ревностный драматургъ перенесъ это несчастіе стойчески и снова привился за дѣло. Черезъ двѣнадцать лѣтъ онъ опять представилъ возобновленный трудъ свой въ академію. Но и новый экземпляръ пропалъ безъ вѣсти»⁶⁾. Вѣроятно объ этой же рукописи говорить и С. П. Жихаревъ. «Тетрадь, подаренная мнѣ Иваномъ Аонасьевичемъ,—отмѣчаетъ онъ въ своемъ «Дневникѣ чиновника», 1807 г. мая 25,—чрезвычайно интересна: въ ней, между прочимъ, заключаются и реестръ пѣсень, изданнымъ не только продолженіе всего сценческаго поприща, т. е. съ эпохи прибытія его изъ Ярославля въ Петербургъ, въ 1752 году, до увольненія отъ театра, въ 1787 г., но и до этого времени. Это драгоценный манускриптъ для исторіи нашего театра, и я не понимаю, какъ онъ могъ оставаться до сихъ норъ въ безгласности; а еще болѣе удивляюсь, какимъ образомъ рѣшился старикъ отдать его мнѣ и такъ легко, не придавая никакой важности своему подарку. Въ этой тетради любопытнѣе всего замѣтки объ

¹⁾ Ibid, стр. 180—181.

²⁾ «С.-Петербургскій Вѣстникъ» 1779 г., стр. 174.

³⁾ «Русскій Архивъ» 1867 г. стр. 93. Бумаги П. П. Шувалова.

⁴⁾ Евремовъ. «Матеріалы для исторіи русской литературы», 1867 г.

⁵⁾ Письма русскаго путешественника, 17 июля 1789 г.

⁶⁾ Журналъ «Русская сцена». Русскій театр, его судьбы и исторіи, кт. Ѡ. А. Кони.

успѣхѣ или неуспѣхѣ игранимыхъ пьесъ и о томъ дѣйстви, какое они производили на дворѣ и публику».

По возвращеніи изъ-за границы съ 1767 до 1783 года на Дмитревскомъ, какъ на первелствующемъ актерѣ, лежалъ весь тогдашній репертуаръ, у него не было ни соперниковъ, ни дублеровъ. Въ промежутокъ этого времени въ дирекціи перемѣнилось нѣсколько начальниковъ театра. Съ 12 декабря 1765 по 20 декабря 1766 года «имѣлъ дирекцію надъ российскими театрами» Василій Ильичъ Бибиковъ. 20 декабря учреждёнъ «Стать вѣсьмъ къ театру и камерной и къ бальной музыкѣ принадлежащимъ людямъ» и составитель этого стага, Иванъ Черфильевичъ Елагинъ¹⁾, назначенъ директоромъ театра. Онъ правилъ должность до 21 мая 1779 года и уволенъ въ отставку по собственному желанію, съ благоволительнымъ рескриптомъ Императрицы. Арановъ, въ своей «Летописи русскаго театра»²⁾, передаетъ за достовѣрный анекдотъ объ немъ, слышанный имъ отъ князя Александра Николаевича Голицына, что онъ «былъ большою поклонникъ пркраснаго пола. Однажды, прѣхавъ къ одной изъ извѣстныхъ танцовщицъ, онъ засталъ ее при повтореніи довольно трудныхъ на передъ зеркаломъ и въ любезныхъ разговорахъ съ нею вздумалъ самъ дѣлать ипрузты, но какъ-то оступился и повредилъ себѣ ногу такъ, что долго не могъ ступить на нее, почему и по бадилъ нѣкоторое время во дворцѣ. Императрица, узнавъ объ этомъ, разрѣшила ему имѣть при себѣ трость и даже, когда онъ прѣзжалъ во дворецъ, позволила ему садиться въ ея присутствіи. Спусти нѣсколько времени, въ Петербургъ прѣзжалъ Суворовъ. Все готовилось встрѣтить знаменитаго героя, и назначены были парадный выходъ во дворецъ. Всѣ высшіе сановники ожидали Суворова, чтобы отдать ему должную честь, и сама Императрица вышла его встрѣтить. Въ это время Елагинъ остался спокойно сидящимъ въ той же залѣ, на креслахъ и не тронулся съ мѣста. Суворовъ, проходя мимо, окинулъ его взглядомъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и государыня, замѣтивъ это, сказала Суворову: «Извините, графъ Александръ Васильевичъ, Иванъ Черфильевича; онъ получилъ рану, но не въ сраженіи, а у танцовщицы, выдѣльная па».

Здѣсь же мы приводимъ весьма курьезное письмо Елагина къ князю Григорію Александровичу Потемкину, рисующее нравы тогдашней золотой молодежи.

С.-Петербургъ мая 12, 1774 г.

«Вчера по прѣздѣ моемъ, странное произошло здѣсь приключеніе, которое за нужное почелъ я сообщить вамъ, любезный другъ, и для вашего свѣдѣнія, и для пресѣченія клеветы, еслибъ ее произошло стали. Вы знаете, что комедіантка была подъ карауломъ за оскорбленіе публики. Хотѣлъ я къ ночи вчера ее выпустить, но взыралъ на всѣ ея дерзости и непризнаніе. Но часу въ шестомъ пополудни прѣзжалъ ко мнѣ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій съ жалостнымъ привѣтствіемъ, что Дорсеваль изъ-подъ караула въ окно выбросилась, разбилась, окровавлена и конечно съ ума сошла, что ее съ грубостію опять потащили въ контору; что онъ, идучи мимо, былъ самъ тому свидѣтель и не сомнѣвается, что, по челоуѣчеству, я ее выпущу и дамъ ей всякую помощь. Услышавъ сіе, при немъ же послалъ я, чтобъ ее на квартиру ея отвезли и дали бы ей лѣкаря.

1) Матеріалы объ немъ см. „Русская Старина“, 1887. Кн. 2, стр. 320.

2) „Летопись русскаго театра“, стр. 83.

И всему повѣрилъ, зная жестокой ея характеръ. Но чрезъ минуту потомъ получилъ отъ команды советѣмъ противный тому рапортъ и отъ постороннихъ свидѣтельство. Дѣло такъ происходило: графъ Разумовскій съ Шевалье-Дашакомъ и съ другими французами сговорился насильно увести ее изъ-подъ караула. Подѣхавъ они въ каретѣ подъ окно, которое отъ земли невысоко, вышли изъ кареты. Графи подошли къ окну, разговаривали съ нею и пресовѣтовали ей спуститься. Она спустилась, а они, на руки ее къ себѣ принявъ, посадили въ карету и увести хотѣли. Караульные, то увидя, съ помощью полицейскихъ часовыхъ, карету ихъ остановили, убогую взяли, отвели опять подъ караулъ, а г-на похитителя между тѣмъ раздѣляли пощечину и солдатамъ, и кому ши пошло. Можетъ быть досталось бы имъ, но караульный сержантъ и солдаты узнали г. Разумовскаго и, для того не тронувъ ихъ никого, снесли получаемые удары. Вотъ каково отъ молодыхъ людей житье стаповится. Ни благоправіе, ни законъ, ни покой публичный на улицѣ не соблюдается. Чтеніе романовъ, сообщающее юному умишку похищеніе женщинъ, преодолѣваетъ и честь и воспитаніе. Не доволенъ былъ, что сдѣлалъ такую публичную шалость, да еще прѣхавъ вымышленною исторією и слезоточною лжею обманулъ человека, который и отцу его другъ, и его въ младенчествѣ на рукахъ своихъ носилъ. Вотъ до чего необузданность и надежда доводитъ! Сверхъ этого всего онъ былъ довольнымъ слушателемъ всѣхъ ругательствъ бшшнихъ комедіантки, которыя на него, яко на глупаго командира, и на Россію, на непросвѣщенное государство, отыграла купно съ французиками, его въ похищеніи товарищами. Теперь она въ ея домѣ и я притронуться къ ней за всѣ сіи дерзости не смѣю, боясь, чтобы не быть обнесу Ихъ Высочествамъ, и всемилостивѣйшей отъ нихъ Государыни. Впрочемъ, таковой поступокъ во всякомъ благоучрежденномъ государствѣ заслуживаетъ городскую тюрьму, по боюсь. Защищай меня, любезнѣйшій другъ; защищай истину во мнѣ, инаго я защищенія не требую, по чинъ и достоинство власти требуютъ обороны. Отенъ сего молодого человека будетъ у васъ. Вы, не сказывая, что я къ вамъ писалъ, скажите ему, что я изъ уваженія къ нему не прошу Ея Величества о защищеніи меня отъ дерзости его сына» ¹⁾.

Послѣ Елагина, въ управленіе театромъ вновь вступилъ Бибиковъ (21 мая 1779 г.) и оставался въ должности до учрежденія «для управленія зрѣлищами и музыкой особаго комитета» (17 іюля 1783 г.), въ который, подъ предѣвательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Адама Васильевича Олсуфьева, вошли членами камеръ-гетъ Адрианъ Ивановичъ Дивовъ, генераль-поручикъ Петръ Ивановичъ Мелленино, князь Николай Алексѣевичъ Голицынъ, генераль-маіоръ Петръ Александровичъ Соймоновъ и камеръ-юнкеръ Петръ Васильевичъ Мятлевъ, назначенный директоромъ. Для руководства въ управленіи театрами, комитету, за собствениоручнымъ подписаніемъ Императрицы, дана была инструкція, состоявшая изъ сорока четырехъ параграфовъ ²⁾. Комитетомъ (1783, августа 16) Дмитревскій, на тридцатъ первомъ году своей службы въ театрѣ, назначенъ былъ «въ надзиратели спектаклямъ къ Россійскому театру» ³⁾. 1 января 1784 г. комитетъ издалъ «узаконенія для принадлежащихъ къ при-

¹⁾ Библіогр. записки 1861 г. т. III, стр. 548.

²⁾ Документъ архива № 130.

³⁾ Ibid. № 136.

дворному театру», въ которыхъ до мельчайшихъ подробностей опредѣлялъ обязанности актеровъ. Особенно интересенъ въ этихъ законопленіяхъ параграфъ четырнадцатый. «Желательно, — говорится въ немъ, — чтобы всѣ члены театра, который долженъ быть училищемъ благоправія, вели себя съ такою благопристойностію, чтобы впечатлѣніе добродѣтели и благоправія, которыми возбудить старались авторы своими сочиненіями, не истреблились черезъ непорядочные ихъ поступки. Въслѣдствіе чего дирекція освобождается отъ своихъ обязательствъ противъ тѣхъ, которые дерзнутъ своими подлыми поступками причинить безчестіе театру, съ самой той минуты, когда они отъ кого послѣдуютъ»¹⁾. Въ этомъ же году, по архивнымъ документамъ, Дмитревскій значится «россійскихъ актеровъ инспекторомъ», а 7 марта 1784 года онъ назначается «обучать находящихся при театральной школѣ учениковъ и ученицъ декламации и дѣйствованію», а должности инспектора вѣрнется актеру Ивану Соколову, который не оправдалъ довѣрія къ нему начальства и «дерзнулъ учинить подлый поступокъ».

1785 года августа 27, въ засѣданіи комитета, управлявшаго зрѣлищами и музыкою, членъ его, артиллерій генералъ-поручикъ и кавалеръ Петръ Ивановичъ Мелиссино представилъ письменно, что правящій временно должность инспектора, актеръ Соколовъ выходитъ изъ повиновенія къ высшему начальству. Генералъ спросилъ его, почему принята къ русскому театру изъ Девичьяго монастыря (sic!) актриса, получающая жалованье около года, не появившаяся на сценѣ. Соколовъ отвѣчалъ, что «нѣкоторыя россійскія актрисы, а именно Елизавета Иванова, гнушаяся происходящей объ ней худой молвы, не желаютъ съ ней быть въ должности». Генералъ принялъ это за пустую отговорку и приказалъ дать ей роль въ трагедіи «Аристонъ» для того, чтобы комитетъ на респетиціи могъ судить о ея способностяхъ. Соколовъ приказаніе не исполнилъ и представилъ письмо отъ актрисы Ивановой, въ которомъ она, отговаривалась болѣзнію, отказывается отъ участія въ трагедіи. Посланный для освидѣтельствованія ея театральный дѣкарь не нашелъ ея дома. Генералъ именемъ комитета приказалъ Соколову, чтобы трагедія была играна и «если кто въ этомъ ослушаннымъ будетъ, то съ таковымъ, какъ съ некорректнымъ ослушаннымъ, поступлено будетъ». Соколовъ и тутъ не исполнилъ приказанія и, взявъ съ собою еще нѣкоторыхъ актеровъ, поѣхалъ скопомъ и кучею въ Царское Село утруждать «Священнѣйшую Особу Ея Императорскаго Величества жалобами на его, господина генералъ-поручика и кавалера». Въ чемъ состояла жалоба, — неизвѣстно, «но по дерзости поступка, можно примѣчать о какою-нибудь клеветѣ». При докладѣ, генералъ представилъ письмо къ нему графа Безбородко, «изъ котораго ясно видно, какую бывшій съ Соколовымъ актеры, въ противность всѣхъ законовъ, надѣлали въ Царскомъ Селѣ тревогу и безпокойство и непослушаніе установленной надъ ними власти учинили». Соколову были предложены вопросныя пункты, на которые онъ отвѣчалъ уклончиво. Комитетъ рѣшилъ: Соколова «за оный поступокъ изъ службы дирекція уволить, давъ приличныя характеру и поступкамъ аттестатъ»²⁾. Дмитревскій вновь былъ назначенъ инспекторомъ труппы, а черезъ четыре мѣсяца (7 января 1786 года) постановленіемъ комитета, по ходатайству флигель-адъютанта Александра

¹⁾ Докум. архива дир. № 176.

²⁾ Ibid. № 277.

Петровича Ермолова, «въ уваженіе его просьбы», принять на службу и совершившій «подлый поступокъ» актеръ Соколовъ¹⁾.

Но видно, не все члены труппы оставались довольными вновь назначеннымъ инспекторомъ. 27 октября 1788 г., члены комитета,—генерал-поручикъ и кавалеръ Петръ Ивановичъ Мелиссино и камергеръ князь Голицынъ разсматривали «прошеніе российской труппы актера Николая Маркова, коимъ объявляетъ, что онъ приглашенъ былъ той же труппы актеромъ Яковомъ Колмаковымъ къ вечернему столу, гдѣ отъ находящихся актеровъ же Ивана Петрова, Антона Крутицкаго, фигуранта Петра Петрова, безъ всякой причины, кромѣ, что онъ ихъ отъ поношенія ругательными словами инспектора Дмитревскаго и его, Маркова, урашивалъ,—былъ битъ и тасканъ за волосы, отчего имѣеть боевые знаки, чувствуетъ боль, просить объ учиненіи удовольствія»²⁾. Комитетъ сдѣлалъ удовольствіе обиженному: Крутицкаго «приказалъ держать въ конторѣ подъ стражею двое сутки», а фигуранта Петрова «отъ службы дирекціи, съ данными о непорядочныхъ его поступкахъ аттестатомъ, исключить».

Комитетъ просуществовалъ только два года и семь мѣсяцевъ. Въ первый годъ онъ ревностно исполнялъ свои обязанности по управленію театрами и собирался въ полномъ составѣ, но по смерти своего председателя Адама Васильевича Олзуфьева (26 іюня 1784), за отлучкою и увольненіемъ разныхъ членовъ, состоялъ только изъ трехъ особъ, которыя, подъ конецъ, стали испрашивать увольненія. Хозяйственныя дѣла дирекціи были запутаны.

Въ концѣ 1785 г. Императрица писала къ состоявшему при ея кабинетѣ, сенатору, тайному совѣтнику С. Ѳ. Стрекалову: «Указомъ нашимъ отъ 12-го іюля 1783 г., покойному дѣйствительному тайному совѣтнику Олзуфьеву даннымъ, предписали мы все то, что намъ удобнымъ и полезнымъ для устройства управленія разными зрѣлищами и музыкою при дворѣ нашемъ, учредили подъ председательствомъ его комитета, снабдили достаточными суммами и сверхъ того присвоили еще сему комитету доходъ съ даваемыхъ публичнъ зрѣлицъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ съ половиною не только не видимъ мы въ томъ направленіи, но въ общѣ вѣдаемъ, что публика имѣеть основательныя причины жаловаться на потерю денегъ ея на даваемые зрѣлица, большею частію того не стоящи; театръ національный приведенъ въ разстройство и упадокъ: служащіе по получаютъ принадлежащаго имъ жалованья черезъ многое время; несмотря на пособія, отъ насъ при заведеніи комитета учиненныя, вошли онъ въ большіи или, лучше сказать, неоплаченные долги; а при всемъ томъ еще означенный комитетъ самъ наноситъ ущербъ въ доходахъ его дирекціи, съ убыткомъ напраснымъ и для публики, дозволяемъ безъ разбора бенефисовъ или зрѣлицъ въ пользу частныхъ людей. Таковыя непорядки убѣждаютъ насъ преноручить вамъ войти въ подробное изысканіе и разсмотрѣніе. О всемъ томъ донесите намъ подробно съ вашими примѣчаніями и съ изысканіемъ средствъ къ поправленію всего онаго и ежели усмотрите, что издержки денегъ казенныхъ и собранныхъ за зрѣлица учинены были безъ соблюденія правилъ узаконенныхъ, или же съ крайнимъ небреженіемъ хозяйства, и что долги, въ противоположность упомянутому указу нашему, доведены до такой степени, что комитетъ не въ состояніи изъ доходовъ его вѣдомства заплатить, въ такомъ случаѣ, какъ взысканію сего убытка относится будетъ на

¹⁾ Докум. архив. дир. № 289.

²⁾ Ibid. № 284.

тѣхъ, кто оному впою, вы не упустите представить Сенату о положеніи севистра на имѣніа ихъ до разбора и рѣшенія дѣла» ¹⁾.

Четырнадцатаго февраля 1786 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя Стрекалова, въ которомъ говорится, что «комитетъ не предусѣлъ въ исполненіи возложеннаго на него указомъ отъ 12-го іюля 1783 г., по наче пріумножилъ долги и недостатки свои» и что ему, Стрекалову, препоручается «главное надзираніе и управленіе зрѣлищами и музыкою и всѣми тому принадлежащими людьми» ²⁾. А въ другомъ рескриптѣ, тоже на его имя, Императрица соизволяетъ, «чтобы россійскій театръ, со всѣми принадлежащими къ нему людьми, порученъ былъ въ поченіе тайному совѣтнику Бибикову, который и долженъ будетъ стараться о сохраненіи его въ порядкѣ и исправленіи» ³⁾.

Управленіе театра стало называться «Главною надъ зрѣлищами и музыкою дирекціею».

Стрекаловъ не былъ приготовленъ къ управленію очень сложнымъ и къ тому же совершенно разстроеннымъ театральнымъ хозяйствомъ. Онъ былъ очень разумный, распорядительный и свѣдущій начальникъ кабинета, но не страстный любитель театровъ, кромѣ итальянскаго, и не большой знатокъ въ театальной словесности и искусствѣ, при томъ же обремененный управленіемъ кабинета и всѣми его обширными завѣдываніями, не могъ долго переносить вѣршеннаго ему начальства надъ самыми неугомонными, капризными и проказными подчиненными. Въ вѣдомствѣ театальной дирекціи находились въ то время русскія трагедія, комедія и призракъ оперы, французская трагедія и комедія, итальянская опера серьезная и бѣффъ, балеты большіе пантомимные и маленькіе или гротескъ, со всѣми ихъ принадлежностями, начальствомъ, прислугою и расходами, давались вседневно разноязычныя представленія въ Большомъ и Маломъ театрахъ и два раза въ недѣлю при дворѣ— зимою въ Эрмитажѣ, а лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ. Надобно быть самому директоромъ театра, чтобы понять горькое положеніе почтеннаго старца, поставленнаго не по его страсти» ⁴⁾.

Въ продолженіе трехлѣтняго управленія театрами, онъ тоже «не предусѣлъ въ исполненіи возложеннаго на него», потому что, принявъ дирекцію, обремененную долгами, долженъ былъ дѣлать займы отъ своего имени у банкировъ и такъ запуталъ денежную часть, что, къ концу его управленія, долги дирекціи возросли до того, что актеры не получали жалованья.

Храповицкій 15-го октября 1788 г. отмѣчаетъ въ своемъ диспикчѣ: «Приказано въ послѣдній разъ спросить у Стрекалова, когда подасть театральные счета? Онъ былъ боленъ и не былъ въ совѣтѣ. Сидя дома пьетъ».

«Долго ли бытъ подобной срамотѣ,—писала Императрица Храповицкому отъ 6-го февраля 1789 г.,—что театральные люди не заплачены осьмой мѣсяць. Я думаю разстаться съ г. Стрекаловымъ вовеся, чтобы лишиться сего безпокойства, при всѣхъ прочихъ хлопотахъ. Прошу о семъ навѣдаться подробно» ⁵⁾.

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1870 г. стр. 548—549.

²⁾ Докум. архива № 231.

³⁾ Ibid. № 291.

⁴⁾ Лѣтопись рус. театр. ки. Шаховскаго. Репер. рус. театр., т. II, 1840 г.

⁵⁾ Письмо Екатерины II къ А. В. Храповицкому. „Русскій Архивъ“, 1872, XI, стр. 2086.

Соймоновъ и Храповицкій во всеподданнѣйшемъ докладѣ о состоянїи театровъ писали: «что не имущимъ выдаютъ изъ сбора съ публики, при каждомъ спектаклѣ, по два и по пяти руб. на человѣка, и они ходятъ толпами къ нынѣшнему директору»¹⁾.

Храповицкій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ 1789 г.:

«7-го февраля. Изъясненіе о безпорядкахъ театра.

8-го. Вѣлно заготовить повелѣніе объ отставкѣ Стрекалова.

15-го. Изъясненіе о театрахъ съ жаромъ.

19-го. Гнѣвъ за театры. Не хотятъ ассигновать годовой суммы.

2-го марта. Подписаны передъ самымъ обѣдомъ указы объ отпускѣ въ вѣдомство Соймонова и мое двѣсти тысячъ, и указъ г. Стрекалову—о сдачѣ намъ дирекціи.

3-го марта. Подписанъ по утру указъ Соймонову и мнѣ о театральномъ управленїи. Изъяснялось, что онъ останется между нами. Я просилъ покровительства и пофлоровалъ ручку».

Но благодущный сановникъ, возбуждавшій гнѣвъ Императрицы за пераспорядительность въ управленїи театрами, не лишенъ былъ ея милости: въ 1792 г. на него была возложена высокая и почетная миссія сопровождать изъ-за границы въ Россїю невѣсту великаго князя Александра Павловича²⁾.

Старый директоръ, при сдачѣ дирекціи вновь назначеннымъ правителями, сдалъ имъ болѣе пятисотъ тысячъ долговъ и недоимокъ по дирекціи³⁾.

Новые правители полныхъ двухъ лѣтъ по были у власти (12-го марта 1789—1791 февр. 12 го) и были Высочайше уволены за дѣянія, ничего общаго съ театральнымъ хозяйствомъ не имѣющія. Объ этомъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

12-го марта 1791 года директоромъ назначенъ былъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ.

5-го января 1787 г. російскаго театра инспектору Ивану Дмитревскому, по представленію управлявшаго зрѣлищами и музыкою С. О. Стрекалова, всемилоостивѣннѣе былъ пожалованъ пансіонъ, «какъ единому изъ начальныхъ основателей театра, служившему тридцать пять лѣтъ съ отгнѣннымъ достоинствомъ и усердіемъ» по двѣ тысячи руб. въ годъ (годовой окладъ его жалованья). Но это не прекратило его сперической дѣятельности: онъ остался на службѣ, только должность инспектора драматической труппы перешла отъ него къ актеру Правильникову. Вскорѣ по вступленїи въ должность директора, князь Юсуповъ облекъ Дмитревскаго тѣми полномочіями, которыми не пользовался ни одинъ актеръ. «Въ разсужденїи неотлучнаго порядка и благоустройства,—нищѣтъ онъ въ одноѣ своемъ приказѣ по дирекціи,—которые я при ввѣренной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества главпой надъ зрѣлищами дирекціи сохранить и учредить старалось, почелъ я нужнымъ назначить извѣстнаго знаніемъ и долговременною опытностью въ театральномъ искусствѣ господина Дмитревскаго главнымъ режиссеромъ во всѣхъ тѣхъ театральныхъ частяхъ, кои ему впредь отъ меня приказаны будутъ, а нынѣ преимущественно опредѣляю его: къ главному надзиранію надъ всеми російскими зрѣлищами, къ обученію всѣхъ тѣхъ, кои достаточно еще искусства въ представленїяхъ не имѣютъ, къ учрежденію второй російской дра-

¹⁾ Араповъ. Лѣтопись рус. театр. стр. 97.

²⁾ Дневн. Храпов., редакція Николая Барсукова, стр. 402, 403, 412, 36.

³⁾ Всепод. докладъ. Араповъ, стр. 97.

матической труппы изъ тѣхъ же самыхъ людей, кои нынѣ на службѣ находятся, такъ же къ надзору и порядочному учрежденію школы, какъ о томъ отъ меня предписано будетъ. Того ради, господа инспекторы, актеры и воспитанники имѣють отнестися къ господину Дмитревскому во всѣхъ случаяхъ, кои для блага российскихъ артели касаются, дабы національный нашъ театр, всеобщимъ со всѣхъ сторонъ усердіемъ и прилежностію подкрѣпленный, могъ приносить часъ отъ часу удовольствія Высочайшему двору и почтенной публикѣ ¹⁾. Въ другомъ: «какъ господину Дмитревскому, главному при артели режиссеру, препоручаю я для исполненія разныхъ комиссій, того ради приказываю: ежели онъ станетъ именемъ моимъ что объявлять, то опому вѣрить. Равнообразно, ежели, въ случаѣ нужды, потребуетъ онъ видѣть нѣкоторыя конторскія бумаги, книги или счета, то оныя ему безъ препятствія показывать, ибо все то исполнять онъ будетъ по моему приказанію» ²⁾.

Заслуги Дмитревскаго русскому театру не оцѣнимы. Волковъ былъ первый плугъ, взорозднвшій цѣлес, не тронутое поле; Дмитревскій воздѣлалъ это поле и былъ на немъ первымъ сѣятелемъ. Всѣ сценическія свѣтила того времени—Тропольская, Салдунова, Александра Дмитриевна Карагыгина, Шавильщиковъ, Шушеринъ, Яковлевъ, Крутицкій—всѣ ему обязаны развитіемъ своихъ природныхъ дарованій. Въ 1802 г. испрашивая за труды свои вознагражденія, въ письмѣ на имя старшаго члена театральной дирекціи Аполлона Александровича Майкова, онъ такъ излагаетъ свои заслуги сценѣ:

«Я лишь себя несомнѣнною надеждою, что требованіе мое 1.200 р. жалованья въ годъ и бенефисъ каждагодно же не покажется неизрешимымъ: 1) что я былъ учителемъ, наставникомъ и инспекторомъ российской труппы 38 лѣтъ; 2) что я отдалъ на театръ моихъ собственныхъ трудовъ—драмъ, оперъ и комедій, числомъ больше 40, которые донынѣ еще играютъ и доставляютъ дирекціи зрѣнію хорошихъ сборы; 3) во время дирекціи кн. Юсупова, кромѣ бенефиса собственно въ пользу дирекціи, представилъ и въ трагедіяхъ и комедіяхъ 62 раза, и слабымъ моимъ дарованіемъ доставилъ театральной кассѣ немало прибыли; 4) что я три раза подкрѣплялъ удающійся российский театръ новыми людьми, которыхъ ни откуда не выисывали, но самъ здѣсь съекали, научилъ и предъ публику съ успѣхомъ представилъ; 5) что не было, да и нѣтъ ни единого актера или актрисы, который бы не пользовался, болѣе или менѣе, моимъ ученіемъ и наставленіями; что не появлялась, во время моего правленія, на театрѣ никакая пьеса, въ которой бы я совѣтомъ или поправкою не участвовалъ; 6) что я за всѣ сіи труды, сверхъ должности моея понесенные (кромѣ особенныхъ подарковъ Великія Екатерина за Эрмитажный театр), по нѣкоторому фаталитету, отъ дирекціи никогда ничего, кромѣ благодарности, не получалъ, даже до того, что ни прежде, ни по увольненіи моемъ отъ актерства и инспекторства не имѣлъ я ни одного бенефиса, когда нѣкоторые изъ моихъ учениковъ—говорю сіе, божуся, безъ всякой зависти—и больше жалованья, и ежегодный бенефисъ получаютъ».

О манерѣ его игры на сценѣ очевидцы-современники его оставили намъ самыя скудныя свѣдѣнія. «Въ трагедіи лучшими ролями его,—пишетъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ,—почитались Самозванецъ, Ярбъ и Синавъ. Онъ постигалъ во всей силѣ характеръ пред-

¹⁾ Докум. архива дир. № 356.

²⁾ Ibid. № 359.

ставляемых имъ лицъ и дополняяя игрою своею недостатки автора. Напримеръ, въ Дмитрии Самозванцѣ онъ явился глазамъ зрителей облокотившимся на тронъ и закрытымъ мантиею: симъ мрачнымъ положеніемъ освѣщала онъ, такъ сказать, темныя мысли перваго монолога. Въ Синавѣ читала онъ длинный монологъ, когда ему представляется тѣнь брата, подвигаясь со стуломъ своимъ назадъ, какъ будто преслѣдуемый сю, и оканчивая приподнимаясь на цыпочки. Сіе простое движеніе производило удивительное дѣйствіе на зрителей: всѣ трепетали отъ ужаса. Многие современники Дмитревскаго полагаютъ, что въ драмахъ и комедіяхъ онъ былъ еще превосходнѣе, и съ восхищеніемъ вспоминаютъ, что въ Амфитрионѣ, переѣхавъ красный платокъ на бѣлый, онъ такъ измѣнился, что его не узнавали, и во все время поддерживалъ свое превращеніе»¹⁾.

Князь А. А. Шаховской видѣлъ Дмитревскаго на сценѣ въ роли Дмитрія Самозванца, въ 1795 г., когда почтенный артистъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

«Дмитрія представлялъ, въ бенефисъ Яковлева, престарѣлый его учитель Дмитревскій. Его опытность, замѣнявшая сколь возможно давно испарившійся жаръ вдохновеннаго дарованія, внушала мнѣ большаго жалости къ старику, чѣмъ удивленія къ его искусству. Онъ представлялъ Самозванца съ маленькими усиками, написанными тушью, въ пудрѣ пезавитыхъ волосъ, перевязанныхъ на затылкѣ черной лентой съ бантомъ, что называлось тогда queue de renard. На немъ была шапка, съ горностасовымъ околышемъ, съ висающею алою бархатною тузьею и съ большою бусовой кистью, и золотое глазетное полукафтанье, съ загнутыми полами, на маленькихъ бочечкахъ или фижмахъ. Всѣ актеры были напудрены. Борода тогда еще не смѣла появляться на сценѣ»²⁾.

«Предкамы наипимъ, не выдавшимъ лучшихъ образцовъ,—говоритъ Жихаревъ³⁾,—разумѣется, онъ могъ казаться чудомъ искусства, но истинные и просвѣщенные любители и покровители сценическихъ талантовъ находили, что Дмитревскій былъ превосходнымъ актеромъ въ комедіяхъ, особенно въ роляхъ резонеровъ, но въ трагедіяхъ былъ гораздо слабѣе и для нихъ, видѣвшихъ всѣ сценическія знаменитости того времени, далеко не безукоризненъ, напыщенъ и холоденъ. Это былъ актеръ умный, но увлекающійся, владѣвшій собою даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ; всегда кокетливъ, думалъ обо эффе́тѣ; единственная роль, въ которой онъ былъ дѣйствительно хорошъ, это роль Тита въ трагедіи того же названія и именно потому, что это роль холодная, вси изъ разсказа и разсужденій, немного напыщенныхъ».

Жихаревъ видѣлъ его на сценѣ одинъ только разъ въ 1812 году, въ патристической пьесѣ Висковатова «Всеобщее ополченіе» и отказывается судить объ его искусствѣ. Объ этомъ спектаклѣ записано у С. Т. Аксакова: «Въ 1812 г., Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій уже давно оставившій театръ, къ общему изумленію и восторгу петербургской публики, явился на сценѣ въ пьесѣ Висковатова «Всеобщее ополченіе», разумѣется, въ роли старика. И тогда уже Дмитревскій былъ такъ слабъ отъ старости, что его безпрестанно поддерживали другіе актеры и едва-ли кто могъ разслушать произноси-

¹⁾ Въ которыхъ разсужденія о началѣ русскаго театра. Соч. П. Сумарокова.

²⁾ Ресур. рус. театра, 1842 г. Обзоръ рус. драм. сл. Соч. князя Шаховскаго.

³⁾ Воспоминанія стар. театра. „Отч. зап.“, 1861 г., № 10, стр. 98.

мыя имъ слова; по восторгу зрителей быть общій, громъ рукоплесканій приветствовалъ каждый его выходъ и каждое удаление со сцены. По окончаніи драмы, разумѣется, его вызывали единодушно, единогласно. По замѣчательно то, что вызывали не просто «Дмитревскаго», а «господина Дмитревскаго». Такимъ особеннымъ знакомъ уваженія не быть почтень ни одинъ актеръ ни прежде Дмитревскаго, ни послѣ его. Въ этомъ спектаклѣ была его лебединая пѣсня на сценѣ, хотя онъ снова (1817), въbeneficіѣ, данный дирекціей въ пользу вдовы и дѣтей покойнаго актера Яковлева, желалъ выступить на сцену въ маленькой пьесѣ Шаховскаго «Встрѣча незваныхъ», но болѣзнь не допустила его исполнить свое великодушное намѣреніе».

Жихаревъ въ воспоминаніяхъ стараго театрала такъ характеризуетъ Дмитревскаго:

«Если Волковъ заслуживаетъ названіе основателя русской сцены, то Дмитревскому принадлежить не менѣе почетное званіе расширителя сценическаго искусства въ Россіи и дѣятельнаго и просвѣщеннаго исполнителя и совершителя намѣреній великой монархини во всемъ, что только могло относиться до внутренняго упрямленія и распоряженія театромъ, о которомъ прежде имѣли столь превратныя понятія. Ему, и ему только одному, обязаны мы, что русская сцена облагорожена, и существовавшее тогда на театрѣ гадерство въ конецъ истреблено и уничтожено. Онъ первый подалъ примѣръ, какъ долженъ себя вести настоящій артистъ и до какой степени уваженія можетъ онъ достигнуть при надлежащихъ познаніяхъ, неукоризненномъ поведеніи, проникнутой сознаніемъ своихъ обязанностей. Не говоря о его глубокихъ свѣдѣніяхъ въ классическо-драматической литературѣ—это было необходимою принадлежностію его званія,—но какими обширными познаніями въ области другихъ наукъ обладалъ этотъ человекъ—право, непостижимо! Какъ знать онъ исторію, географію, статистику—разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ въ его время существовали. А память, память! Онъ могъ разсказать біографіи всѣхъ замѣчательныхъ лицъ XVIII вѣка знать всѣ закулисныя тайны французскихъ и англійскихъ театровъ; знать характеры, привычки и связи принадлежащихъ къ нимъ артистовъ; знакомъ былъ съ Каліостро и Казановою: бесѣдовалъ со Сведенборгомъ и Поль Джонсомъ, словомъ: память его была непостижима, а мастерство и очаровательность разсказа въ дружеской бесѣдѣ съ людьми, которые были ему по сердцу и по его мѣркѣ, за станагомъ легкаго шунша, по-истинѣ необыкновеннымъ¹⁾.

Третьяго мая 1802 г., Дмитревскій былъ избранъ въ члены россійской академіи, по предложенію ея предѣдателя А. А. Нартова, и двадцать перваго іюня въ собраніи академіи произнесъ слѣдующую вступительную рѣчь:

«Милостивые государи.

«Благоволеніе ваше присоединить меня къ числу членовъ сей знаменитѣйшей академіи почитаю я счастливымъ въ моей жизни происшествіемъ, которымъ не только хвалиться, но и гордиться могу. Ташъ, гордиться наче всего тѣмъ, что имѣю честь и славу быть приобщенъ къ такому обществу, которое вмѣщаетъ въ себя достойнѣйшихъ и въ словесности искуснѣйшихъ мужей; такому обществу, котораго всѣ намѣренія къ пользѣ, всѣ желанія къ выщему просвѣ-

¹⁾ Воспомин. стар. театрала, „От. зап.“, 1831 г., № 10, стр. 100—101.

щенію, вся пѣль къ славі отечества клонятся; котораго всѣ подвиги стремятся къ тому, чтобы распространить въ отечествѣ нашемъ всѣ красоты и важности російскаго слова, утвердить негнанный вкусъ въ стихотворствѣ и краснорѣчїи, преподать полныя правила во всей словесности, и совершенное въ письменныхъ просвѣщенїи устроить. Похвальное, благородное и достойное сыновъ російскихъ усердіе. Смѣло сказать можно, что ваше бодрственное и неутомимое трудолюбіе скоро, скоро вѣдритъ въ блаженныхъ странахъ нашихъ не только превосходнѣйшую словесность, каковою гордится Франція, Англія и Германія, но вскрывъ еще всѣ сокровища прекраснаго нашего языка, возродитъ новыхъ Цицероновъ и Виргилїевъ, и возставитъ— о, собудется мое предвѣщанїе!— и возставитъ въ Россїи главнѣйшіе въ древности времени вѣкъ Перикловъ въ Аоніахъ и вѣкъ Августовъ въ Римѣ.

«Верхъ удовольствїя моего исполнится, когда при мудрыхъ вашихъ наставленїяхъ, подъ вашимъ руководствомъ, и я возмогу по мѣрѣ силъ моихъ достойно подвизаться на томъ же поприщѣ, на которомъ вы, къ чести академіи, къ собственной вашей похвалѣ, столь превосходно отличаетесь. Но гдѣ недостаточны будутъ мои знанїя, тамъ дополнить усердіе, которое никогда во мнѣ не оскудѣетъ. Такъ, мм. гг., ваше просвѣщенїе подастъ мнѣ способъ къ дарованїямъ; ваши разсужденїя послужатъ мнѣ правилами; вашъ вкусъ составитъ и мой вкусъ, и ваши рѣшенїя будутъ мои прощїатели».

«Боясь во зло употребить ваше вниманїе, и для того не смѣю теперь превозносить похвалами словесныя науки, во всѣ времена и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ уважаемая и почитаемая; умолчу о пользѣ, для всякаго пола, для всякаго возраста, для всякаго состоянїя, отъ изящныхъ письменъ проистекающей. Не буду теперь утверждать и того, что словесность устроитъ сердце, образуетъ разсудокъ, расширитъ и возвышаетъ самый разумъ, коротче сказать, она можетъ правильно наречїи воспитанїемъ всему человѣческому роду. Разсуждать о семъ съ вами предоставлю себѣ до другаго способнѣйшаго времени, а теперь спѣшу исполнить долгъ сердца моего, долгъ мой къ вамъ благодарности. Примите ее, милостивые государи, отъ одолженнаго вами человѣка, яко дань, изъ глубины души въ честь вашу подносимую; примите ее, и будьте увѣрены, что доставленную мнѣ почесть вашего сообщества умю цинить во всей полногѣ ея, почитаю ее, уважаю и драгоценнѣйшимъ прїемлю даромъ. И для того угодить вамъ приложу все старанїе; явлюсь достойнымъ вашего благоволенїя почту за счастье; возложенное на меня исполнить вмѣню въ священную должность, и трудиться съ вами для общей пользы поставлю всегда благомъ, честью и славою!»¹⁾

Несмотря на свои преклонныя лѣта (ему было въ то время около семидесяти лѣтъ), онъ съ особенною охотою принималъ на себя академическія работы, усердно посѣщалъ собранїя академіи и занимался разборомъ присылаемыхъ въ академію произведенїй, преимущественно драматическихъ. Такъ, по приглашенїю академіи, съ разсматривалъ трагедїи «Нума Помпиль» и «Демофонтъ», три трагедїи и три похвальныя слова, написанныя по вызову академіи; героическія драмы: «Россы на войнѣ» и «Марѣ Посадница»; оду Медера, пѣсню о дѣ графа Хвостова; принималъ участіе въ переводѣ «Пу-

¹⁾ «Исторїя російской академіи» М. П. Сухомлинова, выпуска VII, стр. 210—212.

тешествія Младшаго Анахарсиса по Греціи», предпринятаго членами академіи, и т. п. Онъ же разсматривалъ и произведенія другаго рода, какъ напримѣръ: «Россійскую грамматику», составленную Фатеромъ, и «Обозрѣніе малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдѣлившихъ сіе нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка»—трудъ Павловскаго ¹⁾).

Въ числѣ уцѣлѣвшихъ бумагъ Россійской академіи, встрѣчаются рукописи Дмитревскаго, написанныя дрожащею старческою рукою.

Въ 1807 г., по предложенію президента академіи, Дмитревскій сочинилъ похвальное слово Александру Петровичу Сумарокову. Слово это академія признала «весьма удовлетворительнымъ какъ по чистотѣ слога, такъ и по содержащимся въ немъ, весьма искусно обработаннымъ, предметамъ и мыслямъ» и, отдавая справедливость усердію Дмитревскаго въ отечественной словесности и ревностному участию въ трудахъ Россійской академіи, постановила выдать ему «за сей особенный и для славы нашей полезный трудъ» триста рублей и прочесть эту рѣчь въ предстоящемъ торжественномъ собраніи академіи 17-го декабря 1807 года и «все собраніе, по выслушаніи сего слова, изъявило еочинителю оного особенное свое удовольствіе».

Онъ помогалъ митрополиту Евгенію при составленіи имъ «Словаря писателей», онъ перевелъ и склонилъ на наши нравы комедіи: «Раздѣльный», «Демокритъ», «Лунатикъ» и другія нѣкоторыя; все онъ былъ многократно представляемъ на придворномъ россійскомъ театрѣ и всегда принималъ съ большою похвалою ²⁾. Ему же принадлежатъ переводы нѣсье:

«Честный преступникъ или дѣтская къ родителямъ любовь», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.

«Беверлей», трагедія мѣщанская, въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.

«Антигона», драма въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Марка Кольтелини, переводъ съ итальянскаго.

«Армида», опера въ 5 дѣйствіяхъ, Марка Кольтелини, переводъ съ итальянскаго.

«Дачино дерево или торжествующая любовь», опера въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ итальянскаго.

«Рѣдкая вещь», опера въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ итальянскаго.

«Четире времени года», Томеона, переводъ.

Янхаревъ такъ описываетъ наружность Дмитревскаго:

«Наружность Дмитревскаго чрезвычайно живописна: сѣдъ, какъ лунь, волосы зачесаны назадъ, черты лица имѣеть необыкновенно правильныя, фізіономію привлекательную и выразительную, глаза умные съ поволокою, движенія тихія и размѣренныя, ходитъ отъ старости сгорбившись. Онъ былъ чрезвычайно опрятно одѣтъ: въ суконнымъ кафтанѣ французскаго покроя, со стальными пуговицами, шитомъ шелковымъ жилетѣ, въ брижжахъ и манжетахъ, словомъ походилъ болѣе на царедворца, чѣмъ стараго актера. Жаль, что голова у него безпрестанно тряслется; но прожить семьдесятъ два года въ безпрерывныхъ трудахъ и опасеніяхъ за себя и за другихъ—не бездѣлица ³⁾».

¹⁾ Ibid. стр. 242.

²⁾ Словарь Новикова.

³⁾ Дневникъ чиновника, «Отечественныя записки», май 1835 г.

III.

Петръ Алексѣвичъ Плавильщиковъ ¹⁾.

(Род. 1760 г. марта 24-го. † 1812 г. октября 18-го).

Сынъ московскаго купца, въ 1768 году поступилъ въ гимназію Московскаго университета, а въ 1776 году «былъ произведенъ студентомъ». Служилъ лекціи знаменитыхъ въ то время профессоровъ—Шадена, Роста, Чеботарева и профессора краснорѣчія Барсова, «коихъ обширныя свѣдѣнія въ наукахъ и ревностное прохожденіе должностей останутся незабвенными въ лѣтописяхъ Московскаго университета». Своимъ нравственнымъ развитіемъ онъ обязанъ профессору логики и метафизики Дмитрію Сергѣевичу Аничкову, который, по дружбѣ съ отцомъ студента, взялъ его на своею особенномъ попеченіи.

Въ одно время съ Плавильщиковымъ былъ студентомъ знаменитый впоследствии профессоръ Петръ Ивановичъ Страховъ. Вместе они занимались литературой, читали Сумарокова и Княжнина и устроили въ университетѣ театръ, на которомъ въ первый разъ сыграли «Дмитрія Самозванца» Сумарокова, пьесу тогда, по малочисленности актеровъ, недоступную для публичнаго театра. Сценическія успѣхи расшевелили самолюбіе Плавильщикова. «Братъ и тезка Петре,—сказалъ онъ своему другу Страхову,—бросимъ всё эти физики и метафизики, восплащемъ и сотворимъ въ Москвѣ театръ, переронимъ англичанъ и иѣмцевъ, догонимъ французовъ!». Страховъ говорить, что онъ согласился и «подурачился — сыгралъ однажды на сценѣ Петровскаго театра, по какую роль не скажу, потому что все это мнѣ казалось неудачнымъ и потому наконецъ, что я, по моему мнѣнію, не умѣлъ догонять Плавильщикова» ²⁾.

По окончаніи курса въ университетѣ, на двадцатомъ году отъ рожденія, молодой Плавильщиковъ прибылъ въ Петербургъ и въ первый свой дебютъ на придворной сценѣ выступилъ въ роли Хорева, въ драмѣ того же названія Сумарокова, затѣмъ въ роли Секста, въ трагедіи Княжнина «Титово милосердіе». 8-го мая 1779 г. онъ былъ зачисленъ въ придворную драматическую труппу, въ которой въ то время «въ должности первыхъ ролей былъ Ив. Ао. Дмитревскій, творецъ театральнаго искусства въ Россіи», а изъ другихъ актеровъ—«ролями важныхъ стариковъ занимался Гаврила Григорьевичъ Волковъ (братъ Феодора Григорьевича Волкова), рѣзвыхъ любовниковъ, шалуновъ и повѣсь представляли Василій Михайловичъ Поповъ, забавныхъ стариковъ Иванъ Яковлевичъ Соколовъ, особенно отлич-

¹⁾ Источники:

Материалы для исторіи русскаго театра. М. Н. Макарова.

„Репертуаръ русскаго театра“, Песочнаго, 1811 г., т. II, стр. 14 и дальѣ.

Документы архива дирекціи Императорскихъ театровъ.

„Вѣстникъ Европы“, 1815 г. № 10, стр. 150, ст. Н. Ильина.

„Вчера и сегодня“, сборникъ гр. Салогуба, кн. 1, стр. 40, ст. Камекева.

Сочиненія Плавильщикова Сиб., 1816 г.

Труды общества любителей россійской словесности при Имп. Московскомъ университетѣ, кн. XI, ст. Побѣдоносцева.

Соч. С. Т. Аксакова (изд. Мартынова), т. III, стр. 98—103.

„Лѣтопись русскаго театра“, А. А. Шаховскаго, Пантеонъ.

Театръ при Медоковѣ. Пантеонъ, 1810 г., т. I, ст. 6. А. Кош.

„Русская Талія“, альманахъ на 1825 г. Булгарина.

„Лѣтопись русскаго театра“, П. Арпова.

„Отечеств. записки“, 1854 г. № 10. (Воспоминанія стараго театралы).

²⁾ М. Н. Макаровъ.

чави́йшій въ Бригадирѣ, Тарасѣ Скотини́и и во всѣхъ вообще гру- быхъ и грубыхъ лицахъ, и Яковъ Шумейи́, игравшій отлично слугу и Еромеевну въ «Недорослѣ» столь искусно, что многіе, принимая его за старуху, проигрывали заклады. Работая неутомимо на сценѣ, артистъ въ то же время занимался литературою, писалъ трагедіи, драмы, комедіи, оды, разсужденія и «преподавалъ въ академіи художествъ всѣ части словесности по собственному своему начертанію, и въ горномъ корнусѣ реторику собственного своего сочиненія»¹⁾, и правилъ должность инспектора российской труппы. Ни одна почти пьеса въ то время не проходила безъ участія въ ней Плавильщикова. Онъ игралъ героевъ и любовниковъ въ трагедіяхъ, драмахъ и комедіяхъ. Лучшими его ролями современники его считали—Секста въ трагедіи Княжнина «Титовъ милосердіе», Добросерда въ драмѣ «Отецъ семейства» П. Сандунова, Клердопа въ трагедіи «Безбожный», Димитрія въ трагедіи «Димитрій Самозванецъ» Сумарокова; Эдипъ и Леаръ (Король Лиръ) были торжествомъ его. Изъ собственныхъ его драматическихкихъ произведеній были поставлены на сцену трагедіи «Рюрикъ» и «Ермакъ, покоритель Сибири»,—эта пьеса была посвящена «превознесенному имени Александра»—и «Тахмасъ Кулыханъ». Авторъ «надѣялся, что не прикоснется мракъ забвенія тамъ, гдѣ сіяеть столь лучезарное имя, и не обманулся въ надеждѣ своей. Сія пьеса была принята съ Высочайшимъ благоволеніемъ: Плавильщикова имѣлъ счастье получить брилліантовый перстень»²⁾. Эти трагедіи, несмотря на участіе въ нихъ самого автора, особеннаго успѣха на сценѣ не имѣли. Побѣдоносцевъ отзываясь объ нихъ такъ: «Правда, въ сихъ сочиненіяхъ не вездѣ видно строгое наблюденіе драматическихкихъ правилъ, не вездѣ выдержаны характеры и строгій критикъ найдетъ въ нихъ разговоръ нѣсколько холодный и даже растянутый; за то главная цѣль трагедіи—чувство добра—не выпущена изъ виду; за то вездѣ возбуждается въ зрителѣ удивленіе къ геройству, состраданіе къ невиннымъ жертвамъ злости, негодованіе противъ угнетенія». Большимъ успѣхомъ пользовались его комедіи «Вобыль» и «Мельникъ и сбѣтешникъ соперники», особенно послѣдняя. «Сія малая комедія,—говорится въ предисловіи къ ней³⁾,—когда въ первый разъ играна на Эрмитажномъ театрѣ, то столько понравилась Екатеринѣ II, любившей и покровительствовавшей русскую словесность, что сряду четыре раза на ономъ была представлена къ неизяснимому восхищенію сочинителя». Плавильщикова получили за эту пьесу отъ Императрицы золотую табакерку. Дирекція тоже вознаградила автора за эту пьесу. «Мельникъ и сбѣтешникъ соперники»,—записано въ журналѣ дирекціи (1789 г. фев. 20),—представляемая нѣсколько разъ на вольныхъ театрахъ въ пользу дирекціи, была представлена троекратно въ Эрмитажѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, гдѣ въ каждое представленіе принимаема была съ отъѣнною похвалою и удовольствіемъ и за сію пьесу, въ поощреніе, выдать ему сто рублей»⁴⁾. Вообще дирекція съ большимъ благоволеніемъ относилась къ даровитому артисту и цѣнила его заслуги; такъ 1788 г. ноября 29-го Главою надъ зрѣлищами и музыкою дирекціею определено: инспектору российской труппы Петру Плавильщику къ получаемому имъ годовому окладу девяти стаъ

¹⁾ Побѣдоносцевъ.

²⁾ Въ первый разъ шла на сценѣ въ 1839 г. янв. 15.

³⁾ Побѣдоносцевъ.

⁴⁾ Док. арх. Имп. театр. № 329.

рублей въ годъ прибавить по триста рублей, какъ за инспекторскую должность, которую исправляя онъ съ давняго времени съ надлежащею исправностію, такъ и за то, что онъ съ сего времени обязанъ играть на театрахъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, кромѣ ролей характерныхъ и трагическихъ, кои получать долженъ изъ театральнаго гардероба; а на первый случай, оставить ему у себя два платья—черное бархатное и дикое съ шитьемъ¹⁾. За комедію «Добрый рождественникъ» ему выдано триста руб.—сумма по тогдашнему не малая.

1 июля въ 1793 г., прослуживши четырнадцать лѣтъ, Плавильщиковъ, поощряемый самой Императрицею, которая пожаловала ему двѣсти червонцевъ за оду на взятіе Очакова, любимецъ двора, инспекторъ русской трушны, любимецъ публики, вдругъ оставляетъ петербургскую сцену и переходитъ въ московскую. Причину этого намъ подсказываютъ архивные документы. Послѣ дубровъ бари, Стрекалова, Храповицкаго и Соимонова, въ управленіе театрами вступилъ богатѣйшій вельможа, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ—и въ театрѣ начались новые порядки, сокращеніе расходовъ и строгія отношенія къ артистамъ. Дни примѣра, приводимъ некоторые изъ его приказовъ.

«Россійскій актеръ Гамбуровъ вчерашняго числа актера же Воробьева, на улицѣ, безъ всякой причины, ударилъ палкою; за которое уличье и безчестье отъ его, Гамбурова, прибавочное при сей дирекціи жалованье, пять сотъ рублей, отъ сего числа производить ему Воробьеву, доколѣ не помирятся»²⁾.

«Ганцовальщицѣ Марьѣ Грековой, доколѣ она должности отиравать не будетъ, жалованье производить половинное, считая съ 1 числа сего мѣсяца; когда же оную, по-прежнему, исправлять станеть—выдавать полное изъ опредѣленнаго положенія»³⁾.

«Потнаго коюиста Якова Андреева, за отлучку отъ должности полтора мѣсяца, отослать на Фарфоровый заводъ въ черную работу, впередъ до моего повелѣнія»⁴⁾.

Къ актеру Плавильщикову, занимавшему въ трушнѣ первое амплуа и, вѣроятно, попросившему прибавки жалованья, онъ 1 мая 1793 года пригласилъ дублера, какого-то невѣдомаго актера, изъ Тульскаго намѣстничества, Трофима Константинова, который долженъ былъ, «какъ и актеръ Плавильщиковъ, играть по драматическому театру первыя роли и характеры въ трагедіяхъ, комедіяхъ и драмахъ и дѣлать оныя съ поманутымъ Плавильщиковымъ, а не въ бытность его, то всему ему, Константинову, играть, да сверхъ сего, если надобность потребуетъ, то долженъ онъ занимать трагическихъ царей и въ операхъ нѣтъ благородныхъ любовниковъ»⁵⁾. Не перенесъ оскорбленія Плавильщиковъ и оставилъ петербургскую сцену, а черезъ годъ и пять мѣсяцевъ (1794 г. октября 30) былъ уволенъ и актеръ Тульскаго намѣстничества. Приказано: «Россійскому актеру Трофиму Константинову объявить, что онъ, по прошествіи шести мѣсяцевъ, т. е., считая отъ наступающаго ноября 1-го числа, отъ службы будетъ уволенъ»⁶⁾. Генеральный писарь Напряскинъ объявилъ Констан-

¹⁾ Док. арх. Имш. театровъ № 223.

²⁾ Ibid. № 370.

³⁾ Ibid. № 401.

⁴⁾ Ibid. № 456.

⁵⁾ Ibid. № 378.

⁶⁾ Ibid. № 394.

тинову волю начальства, а тотъ написалъ князю письмо такого содержания:

«Святѣльный князь! Милостивый государь! Принявъ службу подъ начальствомъ Вашимъ и имѣя на дѣльное оной продолженіе всегда предъ глазами своими увѣрительныя Вашего Святѣльства письма, всеосвершено мня обезпечивающія въ моихъ правахъ, я всегда со стороны Вашей былъ доволенъ и сиюкоепъ. Въ семь счастливыхъ надѣлнн равно ласкалъ себя, что никогда не буду имѣть непріятнаго случая обезпокоивать Васъ моими прошениями, но теперь, сверхъ ожиданія моего, чувствуя невыгодность въ платежѣ только продолжительныя острочки, крайне разстраивающія мое состояніе, съ сердечнымъ сожалѣніемъ нашель себя принужденнымъ прибѣгнуть къ сей необходимости. Хотя Ваше Святѣльство благоволило поднискать опредѣленіе, чтобъ меня удовлетворить, но ужъ прошель годъ, какъ я, не взирая на всегдашнія мои прошения, по сию пору не вижу по онымъ исполненія и всегда мнѣ отвѣтствовали, что не могутъ къ тому приступить безъ особливаго Вашего приказанія. Почему, всепокорнѣйше прошу Ваше Святѣльство сдѣлать мнѣ милость и дать вторично контрольъ приказъ о непремѣнномъ меня удовлетвореніи, какъ за прошлый годъ—двухъ сотъ, равно и за сей трехъ сотъ одиннадцати рублей, отъ каждаго спектакля хотя по сту уплачивать, чѣмъ и весьма буду доволенъ и въ состояніи себя найду равно удовлетворить и моихъ должниковъ въ ихъ требованіяхъ. Относительно объявленія, сдѣланнаго мнѣ отъ имени Вашего Святѣльства г-номъ Напряскинымъ, то имѣю честь довести, что и онымъ весьма доволенъ, потому наиболѣе, что оное совершенно согласно съ моимъ желаніемъ. Въ продолженіи моей службы, я, опытно узнавъ невыгодность здѣшней жизни, не былъ намѣренъ болше ее продлить, какъ до 1-го мая будущаго года и заблаговременно желать о семъ довести Вашему Святѣльству, но какъ, къ моему счастью, Вы благоволили приказать въ ономъ меня благонадежить, то я и пріемлю его съ моимъ всепокорнѣйшимъ благодареніемъ»¹⁾.

Возвратясь на московскую сцену, Плавильщиковъ выступилъ для перваго дебюта въ трагедіи «Безбожный»²⁾, въ роли Клердона—«пылаго юноши, жертвы собственныхъ своихъ заблужденій, вовлеченнаго въ распуство, отпадшаго отъ вѣры, обогрившагося кровью певниаго друга. Москвичи съ восторгомъ встрѣтили своего земляка. «Многочисленное стеченіе зрителей, ихъ восторгъ, ихъ удивленіе превзошли его ожиданія»³⁾. Поселившись въ Москвѣ и неси на своихъ плечахъ огромный драматическій репертуаръ, онъ не оставилъ своей педагогической дѣятельности: преподавалъ въ какомъ-то училищѣ русскую исторію и училъ декламатію въ благородномъ пансіонѣ Московскаго университета, гдѣ ему «одолены были многіе воспитанники искусствомъ произносить рѣчи такъ, что ощущеніе души выражалось въ чертахъ лица, голосѣ и тѣлодвиженіяхъ»⁴⁾, и завѣдывалъ частными театрами тогдашнихъ московскихъ вельможъ—Петра Михайловича Волконскаго и Алексѣя Николаевича Дурасова въ его прелестномъ имѣніи Люблинѣ, гдѣ въ лѣтнее время московскіе жители наслаждались прогулками, зрѣлищами и уютеніемъ.

1) Документы, № 394.

2) Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Браве, переводъ съ нѣмецкаго И. П. Елагина.

3) Побѣдоносцевъ.

4) Сочиненія Плавильщикова, т. III.

Знатный вельможа умѣлъ цѣнить таланты Плавильщикова и всегда принималъ его, какъ любезнаго собесѣдника.

1811 г. сентября 29 дня, за годъ до его смерти, почтенный артистъ удостоился великой чести быть избраннымъ въ члены учрежденнаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ общества любителей русской словесности. Побѣдоносцевъ, представляя его обществу, говорилъ: «Отдавая должную справедливость талантамъ его, по которымъ онъ сдѣлался завѣстнымъ Талин и Мельпоменѣ, безпристрастно могу сказать, что и произведенія пера его заслуживаютъ вниманія. Сочиненія его, подъ названіемъ: «О врожденномъ свойствѣ россияни», «Театръ», «Передняя знатнаго барина», и многія пьесы въ стихахъ доказываютъ, сколь удачно умѣлъ онъ выразить свои мысли и чувства, дѣлающія честь россиянину».

1812 г. сентября 1 дня, при вступленіи въ Москву войскъ Наполеона, больной Плавильщиковъ, съ женой и малолѣтнимъ сыномъ, бѣжалъ изъ Москвы. Дорогою болѣзнь усилалась настолько, что онъ не могъ дальше продолжать путешествіе и долженъ былъ остановиться въ Тверской губерніи, Вѣжецкаго уѣзда, въ селѣ Хлоповѣ, гдѣ и скончался безъ врачебной помощи, 18 октября, на 53 году своей жизни и на 33 службы искусства. Императоръ Александръ I оцѣнилъ заслуги покойнаго артиста и пожаловалъ вдовѣ его пенсію въ тысячу двѣсти пятьдесятъ руб.

Вотъ какъ описываютъ наружность Плавильщикова современники его.

«Онъ имѣлъ привлекательную наружность, станъ видный и красивый, черты лица выразительныя, пріятныя и вмѣстѣ мужественныя, свѣтлый и благозвучный голосъ, крѣпость и силу въ груди»¹⁾.

«Плавильщиковъ имѣлъ отъ природы хорошей станъ, хотя круглое, но миловидное лицо, пріятные голубые глаза, прекраснѣйшій, свѣтлый, весьма звучный, но вмѣстѣ съ тѣмъ мягкій голосъ»²⁾.

«Плавильщиковъ былъ роста высокаго, широкоплечій, дородный мужчина. Лицо и глаза его были способны ко всемъ выраженіямъ. Часто заставлялъ онъ играть мускулы своего лица чрезвычайно удачно»³⁾.

А вотъ сводъ мнѣній объ немъ, какъ о драматическомъ художникѣ.

Знаменитый актеръ Яковъ Емельяпопичъ Шушеринъ рассказываетъ С. Т. Аксакову:

«Плавильщиковъ былъ удивительный чудакъ, человекъ умный, ученый, писатель, кончилъ курсы въ Московскомъ университетѣ, и начнеть, бывало, говорить о театральномъ искусствѣ, такъ ротъ разинешь. Читалъ мастерски, а лучше его чтеца не знаю, по всему слѣдовало бы быть знаменитымъ артистомъ, но онъ не былъ имъ; онъ конечно занималъ первыя роли и пользовался славой, по все по такой, какой могъ достигнуть. Причина состояла вотъ въ чемъ: у него было довольно теплоты и силы, по пылу, огня не было, а онъ именно ихъ хотѣлъ добиться, отчего впадалъ въ крикъ, въ утрировку и почти всегда сбивался съ характера играемой роли. Сколько разъ случалось мнѣ играть съ Плавильщиконымъ, условившись заранѣе, чтобы онъ не вскрикивать, не возвышалъ голоса безъ надобности. Я

¹⁾ Побѣдоносцевъ.

²⁾ Ильинъ.

³⁾ С. Н. Гашпка, Папт. 1840 г., ч. I, стр. 95.

даже прибѣгать къ хитрости: увѣрялъ его, что онъ динить мепт своимъ органомъ и что и отъ этого не могу хорошо играть и мѣшаю ему самому. Онъ соглашался. Передъ самымъ выходомъ на сцену, обѣщавъ взять тонъ слабѣе, ниже и вести всю роль ровнѣе и сначала исполнялъ свое обѣщаніе, такъ что иногда цѣлый актъ проходилъ очень хорошо, но какъ, бывало, скажетъ какую-нибудь річь или слово, хотя безъ крику, но выразительно, сильно, особенно если зрители похлопають—все пропало! Возьметъ цѣлой октавой выше, хватитъ себя кулакомъ въ грудь, заоретъ, закуситъ удила и валлетъ такъ до конца пьесы¹⁾.

Биографъ его П. В. Побѣдоносцевъ говоритъ:

«Трудно, чтобы кто-нибудь другой могъ съ такимъ искусствомъ подбирать свойственные тоны для словъ, кои надлежало отличить другіихъ выразить. Чтеніе его было мастерское, какого мы не слышимъ болѣе на театрѣ нашемъ. Но Плавильниковъ не всегда удерживалъ себя въ предѣлахъ умѣренности, давая излишнюю волю голосу, терять иногда равновѣсіе въ игрѣ своей. Если этия недостатки переходили въ немъ отъ излишней надежды на свои наружныя и внутреннія преимущества, то сія слабость—нельзя не признать—уменьшаетъ цѣну его достоинствъ».

Извѣстный драматическій писатель и знатокъ драматическаго искусства, князь А. А. Шаховской, дѣлаетъ такую характеристику артиста:

«Одаренный красвою наружностію, полнымъ и звучнымъ голосомъ и сильною грудью, портилъ нѣсколько свое истинное дарованіе противоположными крайностями, сперва предавшись сверхъестественности французскаго трагическаго актерства, онъ, отъ излишняго напряженія силъ, крикомъ и тѣлодвиженіемъ выходилъ изъ себя даже до безобразія, потомъ, пристрастясь къ нѣмецкой школѣ и желая, какъ онъ говорилъ, «поймать въ трагедіи природу», онъ до того нерестественно театральное дѣйствіе, что, представляя Эдипа въ Афинахъ, вздумалъ оцунью по землѣ некая отдалившюся отъ него Антигону. Жаль, что излишнее желаніе чрезвычайнаго успѣха долго удаляло этого просвѣщеннаго актера отъ того, что природа дала ему при рожденіи и чѣмъ онъ прославилъ послѣдніе годы своей жизни на театральномъ поприщѣ, съ котораго сошелъ въ могилу²⁾.

Драматическій писатель Ильинъ, авторъ драмы «Великодушіе или рекрутскій наборъ», отзывается о Плавильниковѣ такъ:

«Въ сильныхъ и ужасныхъ страстяхъ, онъ не могъ производить большаго впечатлѣнія: но въ изображеніяхъ души великой и твердой

¹⁾ Соч. Аксакова, т. III, стр. 98—100.

²⁾ Этотъ эпизодъ рассказываетъ Шумеринъ (соч. Аксакова, т. III, стр. 93), но С. П. Жихаревъ его отрицаетъ. Онъ говоритъ («Воспоминанія стараго театрала», «От. зан.» 1854 г. № 10, стр. 117): «Нѣдъ умѣли же впечатлѣть, что Плавильниковъ въ роли Эдипа *ползалъ на четвероногахъ*. Я видѣлъ Плавильникова въ Москвѣ въ роли Эдипа въ два первыхъ представленія этой трагедіи въ 1835 году и былъ свидѣтелемъ, какъ онъ восхитилъ всѣхъ простою и величественною игрою своею: да и могъ ли играть иначе единственный въ то время защитникъ простоты и естественности на театральній сценѣ». Вообще къ показаніямъ Шумерина надо относиться съ большою осторожностію. Такъ онъ говоритъ, что Плавильниковъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, предъ началомъ представленія пьесы, всегда старался подгорячить Троицкую и говаривалъ: «ну, матушка, Татьяна Михайловна, не ударите себя лицомъ въ грязь, сыграете сегодня на славу!» и оба доходили до такихъ излишествъ, что приводили публику въ смѣхъ (соч. Аксакова, т. III, стр. 103). Плавильниковъ не могъ играть съ Троицкой: Татьяна Михайловна скончалась въ 1774 году, когда Плавильниковъ учился еще въ гимназіи.

опъ былъ превосходенъ. Въ превосходныхъ изреченiяхъ, въ коптѣ изображается красота души, всегда были прекрасно Плавильниковымъ выражаемы, особенно же когда случалось ему играть съ актеромъ равныхъ ему достоинствъ. Какъ бы ни силенъ былъ актеръ, но если будетъ разыгрывать сцену съ слабымъ товарищемъ, то никогда не успеетъ произвести желаемого впечатлiвiя. Въ роляхъ царей, начальниковъ, чиновниковъ, разнаго рода людей здравомыслящихъ и уметвующихъ и кои называются ролями резонеровъ, Плавильниковъ былъ превосходенъ¹⁾.

Каменевъ, авторъ баллады «Громвалъ», записитъ въ свой дневникъ объ игрѣ Плавильникова слѣдующее:

«Плавильниковъ играетъ шило, отрываето. Въ сильныхъ мѣстахъ много кричитъ, хотя утверждаютъ здѣсь многіе, что голосъ его сильнѣе Шумерина, но мнѣ кажется напротивъ. Владислава (трагедія Книжнина) игралъ опъ безподобно. Г. Шумеринъ лишь показался на театрѣ, забилъ въ ладоши, при каждомъ монологѣ, кетати и не кетати; но Плавильникову аллодировали только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ опъ своей игрой принудилъ бы и безрукаго бить въ ладоши».

С. П. Глинка такъ относится къ Плавильникову:

«Плавильниковъ былъ рѣшительный сколокъ съ знаменитаго французскаго трагика Барона. Кто сравнивалъ того и другаго, не находилъ въ нихъ никакой разницы. Декламация его была высокопарна и пышна, какъ рѣчь народнаго трибуна римскаго. Часто опъ одушевлялся жаромъ и огнемъ, которые приводили въ трепетъ весь театръ и перѣдко оканчивались неистовымъ крикомъ. Благородная, величественная осанка, атлетическая красота—закрутали зрители въ его пользу съ перваго шага его на сцену. Лучшимъ доказательствомъ, что тогдашняя трагедія требовала неестественности, можетъ служить то, что Плавильниковъ, бывший въ трагедіи художникомъ просто пластическимъ, увлекался чувствомъ и приодоу въ драмахъ, которые тогда называли мѣщанскими трагедіями»²⁾.

Биографъ Плавильникова, М. П. Макаровъ, дѣлаетъ такую оцѣнку таланта артиста:

«Постигая законы мимики, артистъ нашъ измѣнялся въ лицѣ всегда кетати, игралъ глазами, владѣлъ искусно голосомъ; но въ послѣдніе годы жизни Плавильникова, въ голосѣ господствовало иногда нестерпимое излишество: опъ вскрикивалъ тамъ, гдѣ требовалось слово тихое; а иногда и самое лицо его измѣнялось въ ту минуту, когда оно должно было оставаться спокойнымъ. Это замѣчали Плавильникову многіе современныя ему журналы и особенно «Вѣстникъ Европы», гдѣ принималъ участіе въ театральной критикѣ знатокъ нашего театра, О. О. Коконкинъ³⁾, «Московский Курьеръ», редакторомъ котораго былъ С. М. Львовъ, знакомый съ театрами Германіи, Италіи и Франціи. Плавильниковъ хотя не читалъ, по словамъ его, этихъ критикъ, но явно сердился за нихъ на своихъ рецензентовъ. Слабость! И непростиительная слабость въ человѣкѣ умномъ, образованномъ и талантливомъ».

Наконецъ, «старый театраль» Степанъ Петровичъ Жлхарева (1788—1860 гг.), до конца своей жизни интересовавшійся судьбами русскаго театра, бывший первымъ предѣдателемъ при учрежденіи театрално-литературнаго комитета (съ 1856 по 1860 г.), въ своихъ

¹⁾ Театръ при Мелодкѣ. Пантеонъ, 1840 г. т. I.

²⁾ Впоследствии директоръ Московскаго театра.

«Воспоминаніяхъ стараго театрала» («Огоч. записки», 1854 г., № 10) о Плавильщиковѣ говорить:

«Я видѣлъ Плавильщикова въ первой моей молодости (съ 1805 по 1807 г.), видѣлъ его на сценѣ и въ обществѣ, и, по тогдашней моей страсти къ театру, изучалъ его, какъ человѣка и какъ актера такъ внимательно, что записывалъ его сужденія и разговоры, отмѣчая тѣ мѣста въ его роляхъ, въ которыхъ онъ мнѣ больше нравился. Въ то время казался онъ мнѣ актеромъ необыкновеннымъ, неподражаемымъ, и только впоследствии, при сравненіи игры его съ игрою другихъ актеровъ, нашихъ и иностранныхъ, я сталъ замѣчать, что иные роли онъ могъ бы исполнять съ большимъ чувствомъ и соображеніемъ—не говорю съ болышею силою и одушевленіемъ, потому что Плавильщиковъ обладалъ этими качествами даже въ излишней степени. Я видѣлъ его въ роляхъ: Ярба, Ростова, Тита, Эдипа, Беверлея, Ермака, Мейнау, Досажаева и купца Бота, и до сихъ поръ не забыть еще его произносимый звучнаго и яснаго, ни его тѣлодвиженій. Часто встрѣчался я съ нимъ у князя Михаила Александровича Д*, котораго онъ былъ задушевнымъ другомъ и за столомъ котораго занималъ всегда почетнѣйшее мѣсто. Плавильщиковъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный, серьезный, начитанный, основательно зналъ русскій языкъ, литературу и говорилъ мастерски. Физиономія его свободно и естественно выражала всѣ страсти и ощущенія души, кромѣ радости и удовольствія, которыхъ она никогда выразить не могла. Я замѣтилъ, что онъ былъ нѣсколько самолюбивъ и предубѣдлитель. Но развѣ актеръ можетъ быть не самолюбивъ и не имѣть предубѣжденій? Онъ не любилъ Яковлева и величалъ его неучемъ, не любилъ Пущерина, въ игрѣ котораго не находилъ чувствительности и увлеченія, и называлъ его, по игрѣ и характеру, школьникомъ Дмитревскаго. Несмотря на эти недостатки, до искусства не относящіяся, Плавильщиковъ былъ талантъ во всемъ смыслѣ слова и заслуживалъ вполнѣ свою репутацію и уваженіе, которое къ нему имѣли».

Изъ сопоставленія этихъ отзывовъ современниковъ артиста можно составить полное понятіе о его художественной дѣятельности.

Относительно его характера и душевныхъ качествъ біографъ его П. В. Побѣдоносцевъ говорить слѣдующее:

«Плавильщикова синалъ деньги со щедростію, свойственной богачу расточительному. Пылкость характера, который раздражался отъ упорныхъ противорѣчій, иногда отнимала у него власть управлять собою. Хотя оскорбленное самолюбіе пренятствовало ему обуздывать горячность свою; но онъ не долго оставался въ заблужденіи, скоро возстановлялъ равновѣсіе въ душѣ своей, порядокъ въ мысляхъ, спокойствіе въ сердцѣ, и обиду, неумышленно кому-либо нанесенную, готовъ былъ загладить съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ выгодъ. Онъ былъ столько добръ, что всякій забывалъ его слабости».

Сочиненія его, въ 4-хъ частяхъ, съ гравированнымъ портретомъ, изданы уже послѣ его смерти, въ 1816 году.

Чтобы имѣть понятіе о его слогѣ и взглядѣ на драматическое искусство, помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ его разсужденія о театрѣ.

КОМЕДИЯ.

Хотя комедія есть забавная картина приключеній и хотя главная цѣль ея—смѣшить зрителей дѣйствіемъ своимъ, однакожь много есть и такихъ комедій, которыя извлекаютъ и слезы, и въ которыхъ при-

мѣтно существенное различіе отъ трагедіи и драмы, какъ въ свойствахъ, такъ и въ самомъ родѣ письма. Таковы напримѣръ: «Тщеславный Наппина» и тому подобныя изъ переводныхъ.

Сколько ни производить намъ «Недоросль» смѣху, но есть мгновеніе въ четвертомъ дѣйствіи, въ которое у зрителя выступитъ слеза. И такъ, кажется, я справедливо замѣтилъ, что въ природѣ ни смѣхъ, ни плачь не могутъ быть въ одномъ положеніи двадцать четыре часа. Сколь много происшествій различныхъ ежедневно обращается въ наши глаза, столь много является и содержаній для комедіи, и сколь ни многоразличны ея содержанія, они такъ часты, что сочинителю потребно великое искусство и трудъ возбудить вниманіе къ тому, что всегда обращается передъ нами и обыкновенностью своею никакъ не въ насъ особеннаго впечатлѣнія не производитъ; а при томъ произвести такой смѣхъ, за который бы разумный зритель не удержалъ себя послѣ, есть дѣло великаго ума. И такъ не всякій смѣхъ и не всякая шутка пристойны комедіи: благопристойность, умъ и острота суть свойства Талія, которая въ шуткахъ своихъ столь же разборчива, сколько Мельпомена въ своемъ величествѣ. Талія осмѣиваетъ пороки и шутитъ надъ слабостями, но не меньше Мельпомены стремится прославлять добродѣтели.

«Смѣшить безъ разума даръ подъяи души», сказалъ Сумароковъ, и сей стихъ отъ росейскаго театра довольно силениъ, чтобы заградить уста тѣмъ кощунствующимъ писателямъ, которые полагаютъ первымъ достоинствомъ въ комедіи развратныя двузаченія, или по модному экивоки. Какъ всякое состояніе и свойство прилично дѣйствію комедіи, то равномерно всякое состояніе, полъ и возрастъ забавляются представленіемъ комедіи. Я не понимаю, какъ можно отважиться, чтобъ зритель въ позной надеждѣ на благопристойность зрѣлица могъ услышать слова, конхъ самое прикрытіе покростъ лицо краскою. Мать ведетъ дочь свою въ театръ, отецъ—юнаго сына, дабы они видѣли дѣйствующее училище благоправія; но естли вмѣсто того услышнть юнаи невинность что-то такое, что она не понимаетъ и чему отецъ ихъ смѣется съ отвращеніемъ, а мать закрывается онахаломъ: гдѣ убѣгутъ родители отъ раскаянія, что подали сами случай дѣтямъ ко вредному любопытству? Съ какимъ лицомъ примуть вопросы дѣтей и съ какимъ стыдомъ и замѣшательствомъ откажутъ они истолкованіе того, чего бы сами никогда слышать не хотѣли? Запрещенная тайна обыкновенно подстрекаетъ любопытство... Вотъ забава, которая надолго рождаетъ досаду; а можетъ быть и вредными сопровождается будетъ слѣдствіями; а комедія должна забавлять и просвѣщать вмѣстѣ... Смѣина говорить правду. Въ выраженіи: «смѣшнть съ разумомъ» замыкается обширное понятіе; ибо гдѣ нѣтъ благопристойности, тамъ нѣтъ и разума; шутки разума никогда не простираются до дерзости; разумъ полагаетъ весьма великое различіе между словами *осмѣить* и *обрунать*. Первое дѣйствіе, устыжая порочныя дѣйствія сердца и души, рождаетъ раскаяніе и твердую рѣшительность убѣгать впредь порока, а послѣднее ожесточаетъ сердце и рождаетъ злобу, которая обнаруживается мщеніемъ, какъ единственнымъ своимъ послѣдствіемъ; всякъ легко разсудитъ: остановится ли разумъ хотя на одно мгновеніе въ выборѣ перваго; разумъ и въ самомъ осмѣяніи избираетъ способъ, достойные себя. Всякая острота, если она одобрена имъ, становится приятною, а еднная колкость безъ благоразумія по заслуживаетъ быть помѣщаема въ комедіи. Не мудрено выдумать смѣшное для простаго народа, но трудно произвести улыбку на лицѣ

просвѣщенномъ; не мудро выдумать смѣшныя положенія, не мудро въ самомъ смѣхѣ показать блистательную нравственность; комедія «Жоржъ-Дандинъ» со всею искусствомъ Мольеровымъ, кромѣ смѣху и разврата, ничего не производитъ, и кажется, будто сочинитель хотѣлъ осмѣять простодушнаго Дандина, давая всегда торжествовать безвѣстной его женѣ... Миѣ все то не нравится, гдѣ порокъ торжествуетъ.

Комедія, трогая забавою сердца зрителей, включаетъ въ свое дѣйствіе отъ высшаго и до низшаго состоянія; она не осуждаетъ къ плачу монарховъ, какъ трагедія, и показываетъ, что на престолѣ, въ чертогахъ великодушныхъ, а равно и въ хижинѣ земледѣльца утѣхи существовать должны; только по различности состояній различныя свойства забавы представляютъ. Она изображаетъ намъ, что законодатель, творя блаженными подданныхъ своихъ, находитъ въ ихъ любви свое собственное блаженство, и часы отрады его столь же приятны его сынамъ, сколько труды его доставляютъ имъ отрады; земледѣлецъ, орошая землю своимъ потомъ, съ великою радостію пожинаетъ плоды со вѣренныхъ ей сѣмянъ; онъ восхищается, обогащая себя и многихъ соотечественниковъ своимъ доставляя пищу, разумѣется, за деньги; кузнецъ въ обращеніи своей торговли находитъ свое утѣшеніе; воинъ—въ побѣдахъ; судья—въ правосудіи; и такъ вездѣ комедія находитъ забаву и утѣшеніе; съ другой стороны входитъ она во все изгибы сердецъ и во все тайныя движенія души, и гдѣ бы ни крылся порокъ или слабость, она найдетъ и обнаружитъ забавнымъ своимъ образомъ.

Слогъ ея долженъ быть равенъ съ состояніемъ представляемыхъ лицъ: онъ есть тотъ, который всегда употребляется въ разговорахъ общества; по притомъ, сколько возможно, во всехъ правилахъ языка. Здѣсь-то отечественный вкусъ долженъ явиться во всемъ своемъ блистаніи, поколику обыкновенія россиянъ, ихъ нравы, ихъ свойства и всегда случающіяся происшествія представляются тѣмъ же самымъ россиянамъ, съ которыхъ дѣйствій срисованы дѣйствія комедіи (я неключаю тѣхъ гдѣ представляются чужестранныя содержанія), и чѣмъ ближе комедія подходитъ къ симъ образамъ, тѣмъ болѣе сочинитель долженъ имѣть искусства, чтобы сочиненіе его не отозвалось значестью, что ва театрѣ не терпимо и достойно презрѣнія, естьли не наказанія. Свойство комедіи срывать маску съ порока, такъ чтобы тотъ, кто и увидитъ себя въ семъ забавномъ зеркалѣ правоученія, во время представленія смѣялся бы самъ надъ собою, а возвратился бы домой со впечатлѣніемъ, возбуждающимъ въ немъ нѣкоторый внутренній судъ, за коимъ слѣдуетъ по стопамъ исправленіе ¹⁾.

IV.

Лковъ Даниловичъ Шумской.

Ея званіе, ни годъ рожденія перваго по времени русскаго придворнаго комика неизвѣстны. Князь Шаховской, въ своей Лѣтописи русскаго театра, называетъ его почему-то украинцемъ, Грочъ—цырюльникомъ; прочіе историки театра повторяютъ то же самое. Въ официальныхъ документахъ онъ названъ ярославскимъ комедиантомъ, который прибылъ въ Москву изъ Ярославля съ Волковымъ и Дав-

¹⁾ Сочин. Плавильщикова, т. IV, стр. 67—71.

тревскимъ и былъ вмѣстѣ съ ними зачисленъ въ придворную труппу 1 мая 1752 г. Въ 1785 г. онъ вышелъ въ отставку. «Россійскій актеръ,—значится въ документахъ,—Яковъ Шумской проситъ въ разсужденіи старости его лѣтъ и частыхъ болѣзненныхъ припадковъ, а наипаче въ худомъ зрѣніи глазъ и слабой памяти, отъ службы увольненія съ получаемымъ годовымъ окладомъ пенсіона».

По выравкѣ со спискомъ явствуеъ: «означенный актеръ Шумской продолжаетъ службу при театрахъ, изъ ярославскихъ комедіантовъ съ 1752 г., жалованья получаетъ въ годъ 950 р.»¹⁾

Комитетъ, управлявшій зрѣлищами, представилъ всеподданнѣйшій докладъ, который Императрица утвердила въ Царскомъ Селѣ 9 июля 1785 г.

Но и выйдя на пенсіонъ, онъ иногда появлялся на сценѣ. Въ журналѣ комитета 1791 г. января 13 записано: «состоящему на пенсіонѣ Якову Шумскому, игравшему роль Созія, отдать сборъ, полученный 12 января, при представленіи «Амфитріона», четыреста тридцать шесть руб., вслѣдствіе донесенія, Ея Величеству отъ Дирекціи сдѣланнаго».

Вѣроятно, роль Созія была изъ лучшихъ ролей его. Въ драматическомъ словарѣ читаемъ: «Амфитріонъ», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе славнаго французскаго комика Мольера. Она и шеса открывается прологомъ, въ которомъ машины великолѣпны; шеса все наполнена шутками и множествомъ острыхъ словъ. Бывшіе придворнаго театра актеръ г. Шумской и московскаго вольнаго г. Базилевичъ, первые комики, въ роли Созія составили себѣ славу».

Датѣ драматическій словарь отмѣчаетъ комедію Ренъярда «Игрокъ», переведенную съ французскаго. «Шеса сія представляемая на театрахъ повсюду, не выходящая никогда изъ виду. Дѣйствія четвертаго въ десятомъ явленіи читаніе Сенекки довольно замѣчено всѣми любителями драматическихъ сочиненій, даже именитые наши придворные актеры г. Дмитревскій и Шумской напечатаны въ тетамѣ въ ономъ положеніи».

Но сценическимъ торжествомъ Шумскаго было исполненіе имъ роли Еремеевны, въ комедіи Фонъ-Визина «Недоросль», которая шла въ 1 разъ на счетъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго; «въ которое время несравненно театръ былъ наполненъ, и публика аплодировала пьесу метаніемъ кошелевъ. Характеръ Мамы игралъ придворный актеръ Шумской къ несравненному удовольствію зрителей»²⁾.

Фонъ-Визинъ упоминаетъ объ немъ въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи»:

«Ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, въ который я попалъ въ первый разъ въ жизни. Играли комедію «Гейрихъ и Первила». Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы».

С. Т. Аксаковъ видѣлъ Шумскаго, когда уже тотъ былъ въ глубокой старости (въ 1811 г.).

«Я нашелъ его (Шумскаго) въ залѣ, очень радушно угощающаго завтракомъ какого-то сѣденькаго, худенькаго, маленькаго, но бодрата старичка. Это былъ актеръ Шумской, современникъ обоимъ Волко-

¹⁾ Докум. Арх. Имп. Театр. № 204.

²⁾ Др. Словарь.

выхъ и Дмитревскаго. Шушеринъ мнѣ говорилъ, что Шумской старше ихъ всѣхъ и что ему тогда было за сто лѣтъ. Находясь очень давно на пенсіи, онъ жилъ у кого-то на седьмой верстѣ по Петровской дорогѣ и каждый мѣсяць приходилъ за своимъ мѣсячнымъ пенсиономъ; этого мало: не знаю, по какимъ причинамъ, только онъ обыкновенно бралъ двадцатипятирублевый мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и относилъ его на плечѣ домой, никогда не напимая извощика. Въ этотъ разъ такъ же былъ съ нимъ мѣшокъ, который и стоялъ въ углу». Надобно вспомнить, что въ шестнадцати рубляхъ тогдашней мѣдной монеты находилось ровно пудъ вѣсу; и такъ, съ Невскаго проспекта до своего жилища, слѣдовательно, верстъ десять, ему надо было перенести на плечѣ слишкомъ полтора пуда. Онъ нѣсколько разъ въ годъ захаживалъ на перенутьѣ къ Шушерину, чтобъ отдохнуть и позавтракать, а какъ это всегда случалось довольно рано поутру, то я его никогда и не видывалъ. Шушеринъ утверждалъ, что Шумской былъ необыкновенный актеръ на роли слугъ (прежде это было важное амплуа), молодыхъ повѣсь и весельчаковъ изъ простаго званія. Я былъ очень радъ, что мнѣ удалось видѣть Шумскаго. Я съ любовью и уваженіемъ смотрѣлъ на этотъ славный обломокъ нашего первоначальнаго театра, замѣчательнаго сильными талантами, такъ чудно пощаженный временемъ. Шумской былъ веселъ, живъ и словоохотелъ. Онъ проговорилъ со мною часа два. Безъ сомнѣнія, его талантъ былъ чистый инстинктъ, или, пожалуй, вдохновеніе. Вѣрный почти общему свойству долго зажившихся стариковъ—находитъ все прошедшее хорошимъ, а все настоящее дурнымъ,—Шумской утверждалъ, что нынѣшній театръ въ подметки не годится прежнему, и доказывалъ это, но его мнѣнію, неопровержимыми доказательствами. «Да вотъ не далеко ходитъ (онъ говорилъ живо и отрывисто), Яковъ Емельяновичъ, ча-тъ помнишь, али нѣтъ? Или былъ еще молодой? Какъ бывало Орфенъ въ Заирѣ, въ роли Оросмана скажетъ: «*Zaige vous pleurez?*»—Такъ полчася хлопаютъ, и дамы и кавалеры плачутъ! А нынче что? Ничего. Ну, да вотъ ты, Яковъ Емельяновичъ, вѣдь и ты хорошо игрывалъ Оросмана и тоже, бывало, какъ скажешь: «*Zaira, плачешь ты?*»—тоже бывало долго хлопаютъ, а нынче что? Ничего. Никто и платочка не вынетъ, чтобъ глаза утереть. Нынче все шумъ, лобять, да крикъ. Я ходилъ вашего Яковлева смотрѣть. — Ну что? Ничего. Мужикъ рослый, голосъ громкій, а задушевнаго нѣтъ ничего». Въ такомъ родѣ былъ весь разговоръ»¹⁾.

Вотъ и всѣ скудныя свѣдѣнія, которые мы могли собрать о первомъ русскомъ комикѣ.

У.

Татьяна Михайловна Троепольская.

Объ этой замѣчательной, по своему времени, первой трагической артистѣ придворнаго театра не имѣется никакихъ официальныхъ свѣдѣній. Въ архивныхъ документахъ Дирекціи Императорскихъ театровъ фамилія ея не встрѣчается. Историки театра полагаютъ, что она начала свою сценическую дѣятельность въ Москвѣ, въ «вольной труппѣ» театра Локателли, потому что другого театра въ Москвѣ въ то время не было, и по закрытіи его перешла на петер-

1) Соч. Алексова, с. III, стр. 113.

бургскую придворную сцену. Это могло случиться въ 1759 году, когда Дмитревскій и Шумской были посланы въ Москву для устройства тамъ придворнаго театра. Извѣстно, что эта миссія имъ не удалась, и лучшіе актеры театра Локатели были приглашены ими на петербургскую сцену.

Скончалась она (въ 1774 г.), сыгравши въ послѣдній разъ роль Ольги въ послѣдней (девятой) трагедіи Сумарокова «Мстиславъ».

Смерть ея была невознаградиной потерей для Сумарокова, репертуаръ котораго былъ весь въ ея рукахъ.

А ты, мой вѣрный другъ, игравши намъ Мстислава, обращается онъ въ элегій Дмитревскому:—

Кѣмъ днесъ умножилась моя въ Россіи слава,
Старайся, чтобы нашъ театръ не палъ во вѣкъ,
А такъ какъ жалостный и добрый человекъ,
Восплачь, восплачь о той со мной и воспечались,
Которой роли всѣ на свѣтъ окончались.

По недостатку современныхъ о ней литературныхъ отзывовъ, нельзя составить понятія о ея сценическомъ дарованіи и манерѣ игры; извѣстно только, что она была перваго придворнаго театра актрисою трагической, которая, какъ увѣряютъ знатоки, имѣвшію удовольствіе ее видѣть, соединяла красоту и благородство съ пріятнѣйшимъ голосомъ и рѣдкою чувствительностію¹⁾.

VI.

Яковъ Емельяновичъ Шумеринъ.

(Род. 1753 † 1813).

«Я родился въ Москвѣ—разсказываетъ онъ свою біографію С. Т. Аксакову—бѣднякомъ, отъ родителей низкаго происхожденія и мало ихъ помню, особенно мать, которой я лишился въ ребячествѣ. Отецъ мой былъ приказнаго званія и меня назначалъ къ тому же, для чего и былъ я выученъ грамотѣ, хотя на мѣдныя деньги, но по-тогдашнему лучше другихъ». Въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ Макарову: «приходскій дячекъ показалъ мнѣ письмо неправильное, крючкотворное, но моему отцу этотъ почеркъ нравился: онъ самъ занимался приказнымъ порядкомъ и, не слушая выходокъ покойнаго Александра Петровича Сумарокова (котораго онъ читывалъ одинакожь), съ радостію бы отдалъ меня въ любую восводскую канцелярію. Не имѣя прописей, онъ заставлялъ меня копировать драматическіе опыты св. Дмитрія Ростовскаго, не знаю, гдѣ-то онъ пріобрѣлъ ихъ въ рукописи правильной, некрючководственной, и вотъ эти-то святія рукописи дали мнѣ первое понятіе о театрѣ»²⁾. Значитъ, это было первое зерно, упавшее на добрую землю.

На восемнадцатомъ году онъ лишился отца, скончавшагося во время знаменитой московской чумы. Смерть отца не произвела на него никакого впечатлѣнія, и появленіе чумы нисколько его не испугало. Онъ самъ хоронилъ отца, прикасаясь къ нему голыми руками и упростили полицейскихъ не сжигать его платья и вещей, а поддерживая надъ дымою зажженнаго навоза, взявъ ихъ къ себѣ и употреблялъ

¹⁾ «Драмат. Вѣстникъ». Часть I, стр. 523.

²⁾ М. Н. Макаровъ, Паптеопт. 1841, т. 2.

безъ всякаго вреда. Начавши свою служебную карьеру писцомъ въ присутственномъ мѣстѣ, т. е. обратившись, выражаясь языкомъ того времени, «въ приказную строку», «въ крѣпочка», «въ крапинное сѣмя», онъ со своими товарищами-писцами повелъ разгульную жизнь. «Все свободное время мы пьянствовали и буянили. Я шилъ не меньше ихъ, а буянилъ втрое больше; но пьянъ бывалъ рѣже, потому что былъ необыкновенно крѣпокъ и вообще имѣлъ чертовское здоровье. Любимое мое удовольствіе составляли кулачные бои, на которыхъ я имѣлъ репутацію сильнаго и ловкаго бойца. Въ церковь ходилъ рѣдко, говорилъ черезъ нѣсколько лѣтъ». «Стыдно вспомнить,—восклицаетъ онъ,—какая я былъ скотина и какую жизнь велъ!» Но сѣмя, оставленное въ душѣ его «святыми рукописями», понемногу росло. Дикую, необузданную патуру начинаютъ привлекать театръ. «Забава эта,—говоритъ онъ,—мнѣ понравилась и отчасти измѣнила мое поведеніе», и, наконецъ, овладѣла имъ до того, что ему самому захотѣлось поиграть на театрѣ. За смертью какого-то мелкаго актера онъ занимаетъ его мѣсто и дѣлается нужнымъ лицомъ въ театрѣ Медокса: переписываетъ роли, исполняетъ иногда, за нетрезвенностію суфлера, его обязанности, играетъ небольшие роли и играетъ, по его признанію, такъ скверно, что публика начинаетъ ругать его безпоощадно и «онъ слышитъ своими ушами, стоя на сценѣ, какъ потчивали его въ первомъ ряду кресель»; но эта брань и равнодушіе публики не отнимаютъ у него бодрости духа: онъ догрывается «до маленькаго аплодисмента», до ролей болѣе значительныхъ, до прибавки жалованья и наконецъ влюбляется въ знаменитую актрису, занимавшую амплуа первыхъ любовницъ въ драмахъ и комедіяхъ—Марью Степановну Синаевскую. Но въ дѣлѣ любви, если не главную, то весьма не маловажную роль играетъ фізіономія, а черты лица Шустерина были не хороши: носъ небольшой, нѣсколько вздернутый кверху, широкія скулы и маленькіе сѣрыя глаза, хотя и выразительные, умные, даже хитрые. Все лицо для сцены было невыгодно, потому что не имѣло рѣзкихъ чертъ, лишено было подвижности фізіономіи. Онъ повелъ атаку съ другой стороны. «Достигнуть до предмета той любви,—говоритъ онъ,—было одно средство: сдѣлаться хорошимъ актеромъ, чтобы играть съ ней любовниковъ. Публика принимала ее съ восхищеніемъ, а между ею и мной лежала дѣлая морская бездна. Я не задумавшись бросился въ нее и выплылъ на другой берегъ. Прошедшее и даже настоящее тогдашнее мое поведеніе опротивѣли мнѣ. Я не перемѣнился, а переродился».

Онъ сталъ искать расположенія тогдашнихъ актеровъ, пользоваться ихъ совѣтами, вмѣсто дутежей и поносокъ съ утра до вечера читалъ или писалъ, чтобы зарабатывать деньги, вечера проводилъ въ театрѣ; чтобы одѣваться щегольски и пріобрѣтать книги, отказывалъ себѣ во всемъ—пилъ воду, ѣлъ щи да кашу. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, работая, какъ лошадь, онъ уже сталъ считаться хорошимъ актеромъ и игралъ роли вторыхъ любовниковъ, а иногда и первыхъ. Роль арапа Ксури, въ комедіи Конецку «Попугай», выдвинула его на первый планъ и помогла ему окончательно перейти на роли первыхъ любовниковъ. Онъ былъ осыпанъ за эту роль аплодисментами и въ первый разъ въ жизни вызванъ. «Право, я думаю,—говоритъ онъ,—что прапорщикъ не такъ бы обрадовался генеральскому чину, какъ я этому вызову». Съ этого времени все перемѣнилось: ему назначили жалованье въ высшемъ размѣрѣ, назначили роли первыхъ любовниковъ, даже въ трагедіяхъ, и спустя два года онъ сдѣлался любимцемъ публики и первымъ актеромъ московскаго театра.

— А что же любовь?—спрашивать его Аксаковъ.

— Любовь, братъ? Выдохлась, или, вѣрнѣе сказать, переняла въ любовь къ театру. Притворные любовники въ драмахъ и комедіяхъ убѣли настоящаго.

Слава его, какъ даровитаго актера, все росла и росла. Къ нему, бывши въ Москвѣ, благосклонно отнесся Дмитревскій, объ немъ стало извѣстно въ Петербургѣ, и Комитетъ, упралывшій въ то время зрѣлищами и музыкою, «имѣя (1785 г. октября 27) разсужденіе о недостающемъ количествѣ при российскомъ театрѣ актеровъ и актрисъ, также для оперъ пѣвицъ, въ коихъ при всѣхъ онаго театра зрѣлищахъ настоятъ необходимая надобность, постановилъ: для приведенія національнаго театра въ совершенство людьми, имѣющими въ ономъ достойные таланты, принять въ службу къ российскому здѣшнему театру, по желанію, находящагося нынѣ при московскомъ российскомъ же театрѣ актера Якова Шушерина съ жалованьемъ въ годъ по семисотъ рублей (а Шушеринъ говорилъ, что ему предложили 2.000 руб. асс. и полный бенефисъ въ зимній карнавалъ)¹⁾ съ тѣмъ, чтобы онъ игралъ здѣсь всякія роли, до его амплуа принадлежащія, или какія ему, по нуждѣ, для блага театра, приказаны будутъ, сверхъ того дать ему квартиру казенную, а на дрова деньгами противу прочихъ российскихъ актеровъ. И для того онаго актера Якова Шушерина причислить въ службу театральн. Дирекціи, въ труппу российскихъ актеровъ». Это постановленіе было исполнено въ мартѣ 1786 г. вмѣстѣ съ нимъ были ангажированы съ московской сцены на петербургскую—актеръ Померанцевъ, съ женою Анною, пѣвица Соколовская, актрисы Ульяна Сипявская и Надежда Каллиграфова²⁾.

Хотя дебюты его на петербургской сценѣ были и удачны, но онъ не скоро могъ завладѣть симпатіями публики, у которой, по его словамъ, всегда было какое-то предубѣжденіе и даже презрѣніе къ московскимъ актерамъ Медокова театра, и онъ снова (3 августа 1791 года) перешелъ на театръ Медокса.

Ангажированный вновь на петербургскую сцену (1800 г. ноября 30), онъ долженъ былъ вступить въ соперничество съ Яковлевымъ, на котораго вполнѣтвѣн горько жаловался Аксакову.

«Онъ и теперь ничего не смыслить въ театральномъ искусствѣ, а тогда былъ совершенный мужикъ, сидѣлецъ изъ-за прилавка. Я не хочу заираться и увѣрять, что успѣхъ Яковлева не былъ мнѣ досаденъ. Скажу откровенно, что онъ чуть не убилъ меня. Публика, начинавшая меня цѣнить и любить, вдругъ ко мнѣ охладѣла, такъ что, еслибъ не надежда на пенсію, на кусокъ хлѣба подъ старость, то я не остался бы ни одной недѣли въ Петербургѣ. Стыдно было играть! Въ той самой роли, въ которой, за двѣ недѣли, встрѣчали и провожали меня аплодисментами — никто ни разу не хлопнетъ, да еще не слушаютъ, а шумятъ, когда говоришь. Положимъ, Яковлевъ талантъ, да за что же оскорблять меня, который уже нѣсколько лѣтъ доставилъ публикѣ удовольствіе. И добро бы это былъ истинный артистъ, а то вѣдь одна только паружность. Все думали, что я не выдержу такого афронта и возвращусь въ Москву, которая нѣкогда послала меня на рукахъ, но Богъ подкрѣпилъ меня. Много почей провелъ я безъ сна, думалъ, соображалъ и рѣшилъ — не уступать. Сдѣлалъ плаги, какъ вести себя, и крѣпко его держался». Плаги былъ очень простой: уступивши нѣкоторыя молодыя роли Яковлеву,

¹⁾ Аксаковъ, стр. 111.

²⁾ Документы Архива №№ 285, 296.

который въ то время велъ невоздержную жизнь и лишился покровительства Дмитревскаго, онъ сталъ крѣпче держаться за тѣ роли, въ которыхъ его искусство могло соперничать съ дарованіемъ и выгодной наружностію Яковлева. Онъ постоянно изучалъ эти роли и довелъ ихъ до возможнаго совершенства и этимъ снова расположилъ къ себѣ охладѣвшую къ нему публику.

Впослѣдствіи Шушеринъ измѣнилъ нѣсколько свой взглядъ на Яковлева, и отдалъ должному должное.

Въ 1811 году онъ получилъ пенсію, вышелъ въ отставку и перѣхалъ на постоянное жительство чѣ своей родной городъ—Москву, гдѣ купилъ себѣ небольшой домикъ и поселился въ немъ со стариннымъ и неизмѣненнымъ своимъ другомъ—актрисой Надеждой Оедоровной Каллиграфовой. «Домикъ былъ премиленькій, — пишетъ Аксаковъ:—отдѣланъ съ большимъ вкусомъ; петербургская мебель, шкапы съ книгами и фарфоромъ, картины, часы, все это устлано такъ ловко, такъ уютно, что точно было сдѣлано нарочно по стѣнамъ этого дома. Шушеринъ былъ радъ своему дому, буквально какъ ребенокъ, который радъ игрушкѣ, у него не бывало!» «Понимаешь ли ты это счастье: имѣть на старости лѣтъ свой уголъ, свой собственный домъ, кушанный на деньги, нажитыя собственными трудами?» Но не долго пришлось ему насладиться спокойствіемъ. Осенью 1812 г. «во время торжественнаго жертвоприношенія Москвы на алтарь русскаго патриотизма», по выраженію С. Н. Глинки, домъ его сгорѣлъ со всемъ имуществомъ. По возвращеніи изъ Рязани, куда онъ удалился на время пребыванія войска Наполеона въ Москвѣ, онъ нашелъ отъ своего дома одиѣ развалины и вскорѣ, заразившись тифозной горячкой, скончался. Велѣды за нимъ скончалась и другъ его — Надежда Оедорова Каллиграфова.

Вотъ отзывы о его сценической дѣятельности его современниковъ.

М. Н. Макаровъ пишетъ «о незабвенномъ своемъ знакомцѣ артистѣ».

«Репертуаръ Шушерина принадлежалъ къ числу самыхъ огромныхъ репертуаровъ. Въ «Беверлѣ» (на петербургской сценѣ) онъ игралъ Беверлея, въ Москвѣ въ той же трагедіи друга семейства Беверлесея и любовника сестры его Генриетты. Въ «Донскомъ» и «Пожарскомъ» трагедіяхъ Озерова и Крюковскаго, онъ занималъ, съ отличнымъ успѣхомъ, роли Дмитрія и Пожарскаго. Въ «Безбожномъ», въ лицѣ благороднаго Гранвиля, онъ отличался въ сценахъ съ Плавильниковымъ. То же можно сказать объ игрѣ его въ Озерова «Одиѣ» и особенно въ Княжнина «Рославѣ»; кто не видалъ въ этихъ трагедіяхъ Шушерина, тому никакъ не растолкуешь, что такое значила наша русская «классическая» трагедія».

Перейдемъ теперь къ драмѣ и скажемъ нѣсколько словъ о чисто-драматической игрѣ Шушерина. Его торжествомъ были: «Бѣдность и благородство души» (роль Цедерптрема), «Эйялали», Мейнау, «Евгенія», «Эмиля Галотти» (по переводу П. М. Карамзина); «Клейнсбергъ», «Лаперузъ», «Душою правъ, а на дѣлѣ виноватъ», «Неправда къ людямъ и раскаяніе», «Честный преступникъ», «Велизарій», «Генералъ Шлейнегеймъ», «Отцѣ семейства», и проч. Во всѣхъ драмахъ, гдѣ только игралъ Шушеринъ (на московскомъ театрѣ) съ Плавильниковымъ, съ Померанцевымъ и съ Сахаровымъ — наша драма русская шла неподражаемо. Въ «Понугѣ», занимая роль негра «Ксури», актеръ нашъ единодушно названъ былъ удивительнымъ!»

Старинный репертуаръ, составленный изъ всѣхъ трагедій «Сумарокова», во всѣхъ его главныхъ роляхъ, принадлежалъ собственно Шушерину и Плавильщикову; ими только онѣ держались елишкомъ долго на сценахъ нашихъ театровъ. Съ другими актерами давно бы это сумароковскій репертуаръ опустили въ Лету.

Отъ трагическаго и драматическаго репертуара Шушерина обращаясь къ безчисленному множеству игранныхъ имъ комедій, вотъ имена ихъ: «Неслыханное диво или честный секретарь» (Судовицкова). Тутъ секретарь бывалъ въ лицѣ Шушерина именно «неслыханнымъ» дивомъ. «Лебедянская ярмарка» (Копьева); «Ошибки» (Муравьева); «Походъ подъ шведа». Чуденъ въ этой пьесѣ бывалъ Шушеринъ Екатериносинскимъ гвардейцемъ-аристократомъ! Каждый разъ въ немъ угадывали то того, то другого воина. Громя въ пьесѣ: «Братомъ проданная сестра» (Еопмьева) также представлялъ лицо, составленное великимъ артистомъ именно по мѣркѣ своего вѣка; франтъ-негодий тѣхъ дней, живопись необыкновенная, и особенно при добрыхъ достоинствахъ сердца этого франта-негодая, при егс аристократизмѣ, нынче, для насъ, почти нечто неумовное, а безъ примѣровъ даже непонятное! За симъ слѣдуютъ по репертуару Шушерина: «Что наше, того намъ и не надо» (Копьева); какъ тутъ безподобенъ Шушеринъ-Причудникъ! Далѣе: «Сибирикъ» (Плавильщикова); «Только шесть блюдъ», «Чудаки и хвастуны» (Княжнина); но перескажешь ли все о достоинствахъ Шушерина?

Коцебу, весь безъ изытїя, былъ у насъ только въ двухъ рукахъ: у Померанцева и у Шушерина, они были причиною необыкновеннаго его успѣха и—Коцебу, довольный Шушеринымъ, писалъ ему два или три раза благодарность¹⁾.

С. Н. Глинка въ своихъ запискахъ: «Шушеринъ въ искусствѣ превосходилъ даже Плавильщикова. Въ трагедїи онъ всегда былъ на ходуляхъ. Онъ рассчитывалъ не только каждый шагъ, каждое движеніе, но, кажется, и каждую паузу между словами. Всѣ свои роли твердилъ онъ передъ зеркаломъ и до тѣхъ поръ повторялъ ихъ такимъ образомъ, пока извѣстный жестъ, или выраженіе лица, при извѣстномъ словѣ, обращались ему въ машинальную привычку. Онъ, такъ сказать, не игралъ, но повелѣвалъ надъ собою на сценѣ (*il se gouvernait*). Голосъ, осанка, движенія, — все было въ немъ до такой степени трагико-вычурное, что часто переходило не только за предѣлы природы, но даже и правдоподобїя. И при всѣхъ недостаткахъ, Шушеринъ былъ великій артистъ. Да, великій! потому что его недостатки были неотъемлемою потребностью вѣка, который во всемъ искалъ одного наружнаго проявленїя, а надъ глубинами души человѣческой скользилъ съ французскою легкостью и безотчетностью. Въкъ этотъ родился во Франціи, въ блестящее царствованїе Людовика XIV, и оттуда жилы его разлились по цѣлой Европѣ. Шушеринъ, какъ и Плавильщиковъ, дѣлался человѣкомъ только тогда, какъ сбрасывалъ тогу и переходилъ въ мѣщанство, т. е. въ драму. Въ «Сынѣ любви» Коцебу—онъ очаровывалъ зрителей глубиною чувства и простою выраженїемъ; въ роли негра Ксури, въ «Попугаѣ» — того же Коцебу, онъ былъ неподражаемъ. Въ улыбка Шушерина скрывалась какал-то извѣстная насмѣшка, много хитрости и лукавства. Въ комнатѣ онъ былъ нехорошъ собою, на сценѣ—красавецъ. Глаза его походили на огнедышащїя жерла. Часто вмѣсто

¹⁾ Пяптовичъ, 1811, часть 2.

словъ — онъ отвѣчалъ однимъ взглядомъ, одной улыбкой, и выно этого краснорѣчія не могла стать ни одна классическая фраза. Такія минуты были блистательнѣйшими въ его игрѣ. Характеръ Шушерина отличался пылкостью и рѣшительностью. Съ московской сцены онъ перешелъ на петербургскую, гдѣ блистательно началъ свое поприще. Здѣсь лучшими его ролями почитались — Христіана, Ярба, Варуцкаго; а игра его въ «Царѣ Единѣ» и «Королѣ Лирѣ» (въ то время еще Деарѣ), была вѣчнымъ торжествомъ для художника. Никто изъ знаменитѣйшихъ актеровъ того времени не смѣлъ взяться за эти двѣ роли, почитая Шушерина — неподражаемымъ».

С. П. Жихаревъ съ большой похвалой отзывается о Шушеринѣ въ роли Эдипа и говоритъ, что Озеровъ всемъ успѣхомъ своей трагедіи обязанъ единственно ему ¹⁾.

По возвращеніи въ Москву, Шушеринъ два раза появлялся на московской сценѣ (въ 1812 г.). Въ первый разъ въ роли арапа Кеури («Почугай», ком. Коцебу) въ бенефисъ московскихъ актеровъ Мочалова (отца знаменитаго трагика) и Злова; второй — въ роли Ярба (трагед. «Дидона»), по предложенію дирекціи. Вся Москва собралась смотрѣть, какъ шестидесятирѣх-лѣтній старикъ сыграетъ восемнадцати-лѣтняго арапа.

«Громъ рукошасканій, пишетъ С. Т. Аксаковъ, продолжался нѣскольکو минутъ, когда показался на сценѣ Кеури. Сина устала у бѣднаго Шушерина отъ поклоновъ на всѣ стороны; онъ же раскланивался по-старинному. Съ жадностью глоталъ и каждое его слово, ловилъ каждое движеніе, и вотъ что скажу объ его мастерскомъ исполненіи этой весьма незначительной роли. Начну съ того, что Шушерина нельзя было узнать. Голосъ, движеніе, произношеніе, фигура — все это принадлежало совершенно другому человѣку; разубѣтся, чернота лица и костюмъ помогали этому очарованію. Передо мною бѣгалъ не старикъ, а проворный молодой человѣкъ; его звучный, но еще какъ будто неустановившійся молодой голосъ, котормъ свободно выражались удивленіе, досада и радость дикаря, перенесеннаго въ Европу, раздавался по огромному театру, и его робкій шопотъ, къ которому онъ такъ естественно переходилъ отъ громкихъ восклицаній — были слышны въездѣ. Какая-то ребяческая невинность, искренность были видны во всѣхъ его тѣлодвиженіяхъ и хваткахъ! Какъ мастераки подрисовалъ онъ себѣ глаза, сдѣлалъ ихъ большими и на выкатѣ. Какъ онъ умѣлъ одѣться и стянуться! Ни малѣйшей полноты его лѣтъ не было замѣтно. Всѣ видѣли здороваго, крѣпкаго, но молодого негра. Однимъ словомъ, это было какое-то чудо, какое-то волшебство, и публика вполнѣ предалась очарованію. Увидѣвъ на сценѣ Шушерина въ роли Кеури, и понявъ, отчего за тридцать лѣтъ передъ симъ онъ имѣлъ такой блистательный успѣхъ, отчего ничтожная роль составила ему тогда первоначальную славу».

Объ исполненіи роли Ярба Аксаковъ говоритъ:

«Что сказать о цѣломъ исполненіи этой, по истинѣ, нелѣпѣйшей роли. Цѣльное исполненіе ся невозможно. Ярбъ долженъ буквально обсытись всѣ четыре акта, на что, конечно, не достанетъ никакою огня и чего никакія человѣческія силы вынести не могутъ, а потому Шушеринъ, для отдыха, для избѣжанія однообразія, нѣкоторые мѣста игралъ слабѣе. О цѣльности характера, о драматической истинѣ

¹⁾ Воеп. ст. театрала. «От. Зап.» 1854, № 10.

представляемого лица тутъ не было и помину. И такъ можно сказать, что всѣ тѣ мѣста ярости, бѣшенства и жажды мщенія, въ которыхъ Шюсеринъ давалъ себѣ полную свободу, были превосходны, страшны и увлекательны. Я былъ пораженъ изумленіемъ отъ начала до конца пьесы, восхищаясь и увлекаясь искусствомъ, которое, властвуя непостижимымъ огнемъ души артиста, умѣло вливаться въ эти варварскіе стихи, въ эту бессмысленную дребедень какихъ-то страстей и чувствъ. Только великій артистъ могъ производить въ этой пьесѣ такое впечатлѣніе, какое производилъ Шюсеринъ»¹⁾.

Князь А. А. Шаховской, въ своей Лѣтописи русскаго театра, дѣлаетъ такую оцѣнку Шюсерину:

«Онъ пользовался совѣтами Дмитревскаго и заимствовалъ театральныя приемы у французскихъ актеровъ, отчего пріобрѣлъ довольно ловкости въ высокой комедіи и благовидности въ трагедіи. У него не было недостатка въ чувствительности; но онъ часто затемнялъ сердечный жаръ, по его мнѣнію—искусствомъ, а по словамъ Дмитревскаго—мишурствомъ, которое однакожъ, хотя уже подъ старость, превратилось въ чистое золото, когда, возбужденный истинно трагическимъ даромъ Озерова, онъ создалъ роли Эдина и Старна и былъ хорошъ въ король Диръ. Особенно въ одно представленіе онъ восхитилъ меня необыкновенною простотою, естественностью игры и умиленностью говора»²⁾.

VII.

Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ.

(Род. 1773 † 1817).

Сынъ костромскаго купца. Родился въ Петербургѣ. На второмъ году отъ рожденія лишился отца, а на седьмомъ матери, которая оставила ему небольшое состояніе, поручивши его попечительству своего зятя, купца Шапошникова. Учился онъ грамотѣ у просвирии Вознесенской церкви, а потомъ былъ отданъ въ народное училище, изъ выходѣ изъ котораго, тринадцати лѣтъ отъ роду, по купеческому обыкновенію, пристроенъ былъ въ лавку сидѣльцемъ. Здѣсь онъ сдружился съ сосѣдомъ по лавкѣ, тоже сидѣльцемъ, торговавшимъ шляпнымъ товаромъ—Жебелевымъ, и вмѣстѣ они стали ходить въ театръ. У Яковлева необыкновенно быстро развилась страсть къ драматическому искусству, и товарищи начали «въ молодцовской»³⁾ разыгрывать трагедіи и читать оды. Опекуну, разумѣется, это не нравилось. Придя въ совершеннолѣтній возрастъ, молодой сидѣлецъ взялъ у своего опекуна деньги, оставленные ему его матерью, и сталъ торговать самостоятельно галантейнымъ товаромъ, сначала въ зеркальной линіи Гостиного двора, а потомъ снявъ «шкапникъ» на Биржѣ и открылъ торговлю мелочнымъ товаромъ и картинками. Случайно услышавъ декламирующаго какую-то трагедію торговца любителъ російской словесности, чиновникъ казенной палаты, Николай Иваловичъ Перенечинъ, авторъ комической оперы «Торжество добронравія надъ красотою», съ которымъ вмѣстѣ служилъ писцомъ безсмерт-

¹⁾ Полн. собр. соч. Аксакова, III, стр. 117, 121.

²⁾ Реперт. русскаго театра, 1810, т. 2.

³⁾ «Молодцовской» въ купеческихъ домахъ называется комната, гдѣ живутъ прикащики и сидѣльцы.

ный Иванъ Андреевичъ Крыловъ ¹⁾. Онъ познакомился съ нимъ, сталъ приглашать его къ себѣ, руководилъ его въ правилахъ стихотворства, и первымъ плодомъ этого руководства была пьеса, написанная Яковлевымъ, «Отчаянный любовникъ, трагическое происшествіе» (напечатана въ 1793 г.); Переченный представилъ его и старцу Дмитревскому. Пораженный его прекрасной наружностью и звучнымъ голосомъ, Дмитревскій убѣдилъ его поступить на сцену и сталъ заниматься съ нимъ драматическимъ искусствомъ.

Послѣ трехъ дебютовъ (1794 г.): 1 іюня, въ роли Оскольда (траг. Сумарокова «Семиръ»), 2 іюля въ роли Доранта (комед. «Ревнивый») и 20 іюля, въ роли Синава, Яковлевъ былъ принятъ въ число придворныхъ актеровъ. «С.-Петербургскаго купца Алексѣя Яковлева, — говоритъ въ опредѣленіи, подписанномъ княземъ Юсуповымъ, — какъ онъ желаніе имѣеть служить при театрѣ и, по предварительному испытанію, актеромъ быть можетъ, въ театральную Дирекцію принять. Въ продолженіи бытности его, Яковлева, актеромъ, доколѣ въ службѣ сей Дирекціи существовать будетъ и отъ купчества къ другимъ занятиямъ не выберутъ, играть ему безпрекословно въ трагедіяхъ и комедіяхъ первыя и вторыя роли, которыя отъ Дирекціи приказаны ему будутъ» ²⁾.

Всѣ біографы Яковлева единогласно говорятъ, что онъ былъ любимѣйшимъ ученикомъ Дмитревскаго. Жихаревъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ тѣмъ и другимъ, отрицаетъ это. Онъ говоритъ: «Яковлевъ не былъ не только ученикомъ Дмитревскаго, но даже подражателемъ его, потому что, по своей своеобразной натурѣ, онъ съ самаго вступленія на сцену не хотѣлъ слушать Дмитревскаго». «Хорошо или дурно буду играть, говорилъ онъ, о томъ пусть рѣшаетъ публика, а ужъ обезьяной никогда не буду».

Дмитревскій и Яковлевъ были совершенные антиподы въ отношеніи къ дарованіямъ, мыслямъ, чувствованіямъ и воззрѣніямъ на искусство.

Яковлевъ явился на сценѣ звѣздою первой величины и съ самаго почти появленія на сценѣ затмилъ своего предшественника — Шушерица, перешедшаго на московскую сцену, и заставилъ почти забыть самого Дмитревскаго. Чрезвычайный успѣхъ новаго актера, какъ ни несогласенъ былъ съ видами Дмитревскаго, однакожъ умный старикъ, рассчитывая, что съ расположеніемъ публики къ молодому артисту шутить не безопасно, принялся ему покровительствовать изо всѣхъ силъ, и своеюравнаго двадцатитрехлѣтняго юношу провозгласилъ подъ рукою лучшимъ и любимѣйшимъ ученикомъ своимъ, присвоивъ шивъ, однакожъ, къ тому, что онъ упрямецъ и большій «неслухъ» ³⁾.

Лучшими его ролями современники его считали Синава, въ трагедіи Сумарокова «Синавъ и Труворъ»; Рослава, въ трагедіи Княжнина; Тангрета, въ трагедіи Вольтера, пер. Гнѣдича; Гамлета и Отелло, князя Пожарскаго, траг. Крюковскаго; но вѣдкомъ его сценической славы была роль Димитрія Донскаго — въ трагедіи Озерова. Вотъ что о первомъ представленіи этой трагедіи занесъ въ свой «Дневникъ чинovníка» С. П. Жихаревъ:

«15 января 1807 г. Вчера, по возвращеніи изъ спектакля, я такъ былъ взволнованъ, что не въ силахъ былъ приняться за перо; да, признаться, и теперь еще ономигнется не могу отъ тѣхъ ощущеній,

¹⁾ Л. И. Майковъ „Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ“

²⁾ Докум. архива, № 389.

³⁾ Воспом. стар. театр. „От. Зап.“, 1854, № 10, стр. 99—100.

которыя вынесъ съ собою изъ театра. Боже мой, Боже мой! Что это за трагедія «Дмитрій Донской» и что за Дмитрій-Яковлевъ! Какое дѣйствіе производилъ этотъ человѣкъ на публику — это неистовство и невѣроятіе! Я сидѣлъ въ креслахъ и не могу отдать отчета въ томъ, что со мною происходило. Я чувствовалъ стѣсненіе въ груди, меня душили спазмы, была лихорадка, бросало то въ ознобъ, то въ жаръ; то я плакалъ навзрыдъ, то аплодировалъ изо всей мочи — словомъ, безумствовалъ, какъ безумствовала, впрочемъ, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить блока. Въ ложахъ сидѣло человѣкъ по десяти, а партеръ былъ набитъ биткомъ съ трехъ часовъ пополудни; были любопытные, которые, не успѣвъ добыть билетовъ, платили по десяти рублей и болѣе за мѣсто въ оркестрѣ между музыкантами. Всѣ особы высшаго общества, разубранныя и разукрашенныя, какъ будто на какое-нибудь торжество, помѣщались въ ложахъ бельэтажа и въ первыхъ рядахъ кресель, и, несмотря на обычное свое равнодушіе, увлекались общимъ восторгомъ.

«Яковлевъ открылъ сцену. Съ перваго произнесеннаго имъ стиха: «Россійскіе князья, бодрѣ и пр.», всѣ обратились въ слухъ, и общее вниманіе напряглось до такой степени, что никто не смѣлъ пошевеливаться, чтобъ не пропустить ни одного слова, по при стихѣ:

Вѣды платить врагамъ настало нынѣ время!

вдругъ раздались такія рукоплесканія, что Яковлевъ принужденъ былъ остановиться. Въ послѣдней сценѣ трагедіи, когда, послѣ побѣды надъ татарами, Дмитрій, израненный и поддерживаемый собравшимися вокругъ его князьями, становится на колѣни и произноситъ молитву:

Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:
Прославь и утверди и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменику могъ:
Языки! Вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!

Яковлевъ превзошелъ себя. Какое чувство и какая истинна выраженія. Я думалъ, что театръ обрушится отъ ужасной суматохи, произведенной этими послѣдними стихами».

Если отзывъ Жихарева можно считать пристрастнымъ и преувеличеннымъ, то ужъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастїи къ Яковлеву его завистливаго соперника по искусству—Якова Емельяновича Шумерина, который самъ участвовалъ въ этомъ спектаклѣ и разсказывалъ С. Т. Аксакову такъ:

«Я игралъ ничтожное лицо князя Бѣлозерскаго, а Яковлевъ — Дмитрій Донской. Эта роль была его триумфъ; она возстановила его нѣсколько поматувинуюся славу, и восторгъ публики выходилъ изъ всякихъ предѣловъ. Много способствовало блестятельному успѣху Яковлева то, что тогда были военныя обстоятельства: всѣ сердца и умы были настроены патриотически, и публика съжала прѣмѣніе Куликовской битвы къ ожидаемой битвѣ нашихъ войскъ съ французами. Когда, благодаря за побѣду, Дмитрій Донской становится на колѣни и, простирая руки къ небу, говорить:

Но первый сердца долгъ и пр.,

такой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, что нѣтъ словъ описать его. Я ду-

малъ, что стѣны театра развалятся отъ хлопанья, стука и крика. Многие зрители обнимались, какъ оныященныя, отъ восторга. Сдѣлалось до тѣхъ поръ неслыханное дѣло: закричали «фора» въ трагедіи. Наконецъ, изъ первыхъ рядовъ креселъ начали кричать: «повторить молитву», и Яковлевъ вышелъ на авансцену, всталъ на колѣни и повторилъ молитву. Восторгъ былъ такой же, и надо сказать правду, что величественная фигура Яковлева въ древней воинской одеждѣ, его обнаженная отъ плеча голова, прекрасныя черты лица, чудесные глаза, устремленные къ небу, его голосъ громозвучный и гармоническій, сильное чувство, съ какимъ онъ произносилъ эти превосходныя стихи—были точно увлекательны¹⁾.

Съ восторгомъ тоже отзываются современники объ исполненіи имъ роли Мейнау, въ драмѣ Кодебу «Независть къ людямъ и раскаяніе».

«Чѣмъ больше вижу Яковлева,—отмѣчаетъ Жихаревъ въ «Дневникѣ чиновника», тѣмъ больше удивляюсь этому человѣку. Сегодня онъ поразилъ меня въ роли Мейнау, въ драмѣ «Независть къ людямъ и раскаяніе». Какой талантъ! Какъ мастерски игралъ онъ нѣкоторыя сцены, и особенно ту, въ которой Мейнау обращается къ слезамъ, неволью выкатившимся изъ глазъ его при воспоминаніи объ измѣнѣ жены и объ уtratѣ вмѣстѣ съ нею блаженства всей своей жизни! Съ какимъ неизъяснимымъ и неподдѣльнымъ чувствомъ произнесъ онъ эти немногія слова: «милости просимъ, давно не бывалые гости!»—слова, которыя заставили плакать навзрыдъ всю публику; а нѣмая сцена внезапнаго свиданія съ женою, когда, только-что перешагнувъ порогъ хозяйскаго кабинета, онъ неожиданно встрѣчаетъ жену и вдругъ, затрепетавъ, бросается стремглавъ назадъ—эта сцена вверхъ совершенства! Я никогда не воображалъ, чтобъ актеръ, безъ всякой театральной иллюзіи, безъ параднаго костюма, одною силою таланта могъ такъ сильно дѣйствовать на зрителей. Одно, въ чемъ упрекнуть его можно—это въ совершенномъ пренебреженіи своего туалета. Городской костюмъ ему не дался, и всякій итѣмецкій сапожникъ одѣтъ лучше и приличнѣе, чѣмъ былъ на сценѣ онъ, знаменитый любимецъ Мельпомены».

Другой его современникъ пишетъ: «Независть къ людямъ и раскаяніе» была любимѣйшею пьесою публики и превосходнѣйшею ролью Яковлева. Никакое каменное сердце не могло противустать послѣдней сценѣ свиданія супруговъ. Безъ риторической фигуры можно было сказать, что это былъ ручей слезъ, исторгаемый у зрителей прекрасною игрою Яковлева и Каратыгиной. Тутъ Яковлевъ впервые былъ настоящимъ актеромъ, потому что, глубоко проникнутый своей ролью, онъ передалъ зрителю всѣ свои чувства и мысли. Онъ уже былъ не въ живописномъ костюмѣ, уже не расцѣвлять шестистопные стихи, не рисовался къ приготовленнымъ эффектамъ: онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ и говорилъ просто и трогательно²⁾.

Шушеринъ, ужъ будучи въ отставкѣ, говорилъ, что съ Яковлевымъ начинается новая эра въ трагедіи. «Предчувствуется, что «вольность» Яковлева, актера, какого у насъ не было, скоро пообѣтаетъ національ всѣхъ нашихъ заслуженныхъ трагиковъ! Моя современница трагедія жива, но жива жизнью подъ искусною кистью на полотнѣ, тутъ она не натура, а только картина, славная по расположенію тѣ-

¹⁾ Полн. собр. С. Т. Аксакова, т. III, стр. 107.

²⁾ Біографія актера Яковлева, реперт. Цесоцкаго на 1842 г., кн. 1.

пей въ краскахъ, но несбыточная на дѣлѣ жизни. Иначе же безъ «натуры» все на нееніонъ, какъ и насъ грѣшныхъ».

Бурная, невоздержная жизнь, безнадежная любовь къ одной замужней женщинѣ, постоянное возбужденіе нервовъ довели Яковлева сначала до меланхоліи, а потомъ до прістубовъ бѣлой горячки, въ одинъ изъ которыхъ онъ покुсился на самоубійство, порѣзавъ себя шее бритвой. Это было двадцать четвертаго октября 1813 г.

«Эта грустная катастрофа, — пишетъ въ своихъ запискахъ П. А. Каратыгина, — въ тотъ же день сдѣлалась извѣстна всему Петербургу. Всѣ классы общества были проникнуты горячимъ участіемъ и собо-лѣзпованіемъ къ своему любимому артисту. Старшіе воспитанники театральнаго училища, днемъ и ночью, поочередно дежурили у него на квартирѣ въ продолженіе шести недѣль, и я помню, по рассказамъ моего отца, что когда, по выздоровленіи, Яковлевъ вышелъ въ первый разъ на сцену (2 декабря того же года) въ роли Ярба («Дидона» трагедія Книжинна), то восторгъ публики дошелъ до изступленія: театральная зала дрожала отъ рукоплесканій и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ему невозможно было начать своей роли. Наконецъ крики и рукоплесканія умолкли; всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали услышать снова знакомые звуки голоса своего любимца. Онъ силится произнести первый стихъ и не могъ. Растроганный до глубины души артистъ, можетъ-быть, въ эту торжественную минуту вполне сознавалъ свою вину. Голосъ его оборвался, крупныя слезы показались по его щекамъ, и онъ безмолвно опустилъ голову. Снова раздалась рукоплесканія и крики, и, наконецъ, кое-какъ собравшись съ силами, онъ началъ свою роль. Въ этотъ вечеръ, по словамъ его современниковъ, онъ превзошелъ себя, и восторгъ публики былъ безпредѣленъ»¹⁾.

Но ужъ геній началъ оставлять его: появилась синота въ голосѣ, вдохновеніе стало посѣщать его рѣже и рѣже, меланхолія возобновилась съ новою силою, роли его стали переходить къ молодому актеру Брянскому.

15 августа 1815 года, онъ неожиданно женился на дочери придворнаго музыканта, Екатеринѣ Ивановнѣ Ширяевой, воспитывавшейся въ театральномъ училищѣ, на сценѣ стала появляться рѣдко, и былъ случай, что по его болѣзни не могла быть доиграва трагедія «Отелло». 4 октября 1817 г., онъ въ послѣдній разъ явился въ роли Тезея, въ трагедіи «Эдипъ въ Аоннахъ».

«Никогда артистъ нашъ, — говоритъ одинъ изъ его биографовъ, — не былъ такъ великъ и совершененъ, какъ на этотъ разъ. Зрители дышали его жизнью, жили его душой, чувствовали его сердцемъ; такъ было сильно очарованіе его игры и таланта... сладкіе звуки лебединой пѣсни задрожали въ металлическихъ переливахъ подъ сводами театра. Алексѣй Семеновичъ былъ весь проникнутъ своею ролью; рука его, казалось, замерла на карающемъ кинжалѣ ревноваго мавра, глаза обливались кровью метателя; по сердцу волнивалось въ печальный звукъ, высказывавшій все предчувствіе души, угадавшей свое страшное будущее. Вдругъ синеватая блѣдность покрыва лицо артиста... шатаясь, съ номутившимся взоромъ, хотѣлъ онъ приступить къ послѣдней сценѣ, но ноги его задрожали, кровь прилила къ головѣ и онъ, безъ чувствъ, рухнулъ на полъ... Почти полумертваго его отнесли домой».

¹⁾ Записки П. А. Каратыгина, стр. 45—46.

Яковлевъ слегъ и уже не вставалъ болѣе. 3-го ноября 1817 года онъ посѣтилъ Дмитревскій, но больной не узналъ своего учителя и благодѣтеля: онъ былъ въ бреду. Въ тотъ же день онъ скончался,— на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія.

Ровно за два мѣсяца до его кончины, какъ бы на смѣну ему, на сценѣ московскаго театра, 4 сентября 1817 года, вошла новая драматическая звѣзда: въ роли Поллиника, въ трагедіи «Эдипъ въ Аоніахъ», дебютировалъ величайшій трагическій актеръ Павелъ Степановичъ Мочаловъ.

Всѣ біографы Яковлева, его современники ¹⁾, преклоняясь предъ величіемъ его таланта, вскрываютъ скорбную страницу его жизни и ставятъ ему въ урекъ его разгульную жизнь и недостаточность образованія.

С. П. Жихаревъ беретъ его подъ свою защиту. Онъ говоритъ: «Мы не имѣемъ права входить въ частную жизнь актера, слѣдить за его поступками и разбирать ихъ внѣ театальной залы. Но ужъ если мы рѣшились на такой подвигъ, то будемъ разбирать его какъ человѣка, всего, стараясь указывать не на одни только его слабости и недостатки, безъ которыхъ не рождаются люди, но и на добрыя его качества, которые также болѣе или менѣе свойственны всѣмъ людямъ. Правда, Яковлевъ имѣлъ пристрастіе къ крѣпкимъ наиткамъ, или, вѣрнѣе, къ тому состоянію самозабвенія, которое производитъ оьяненіе (онъ не зналъ никакого вкуса въ винѣ и не пилъ его, какъ пьютъ другіе—понемногу, какъ говорится, смакуя—но выпивалъ налитое вдругъ, залпомъ, какъ бы желалъ залить снѣдающій его пожаръ); но за то какими прекрасными и возвышенными качествами души и сердца искупалъ онъ эту слабость. Онъ былъ уменъ (не говорю: разсудителенъ), добръ, чувствителенъ, честенъ, благороденъ, справедливъ, щедръ, набоженъ, одаренъ пылкимъ воображеніемъ и—трезвый—задумчивъ, скромнень и простъ, какъ дитя. Не имѣя Яковлевъ этой слабости, онъ, кажется, былъ бы совершеннымъ. Да не подумаютъ, что всѣ нечисленные мною качества были съ моей стороны произвольнымъ и ни на чемъ не основаннымъ панегирикомъ—нѣтъ, я могу сослаться въ томъ на многихъ живыхъ еще людей, которые вмѣстѣ со мною были свидѣтелями его христіанскихъ подвиговъ. Отдать послѣдній грошъ нуждающемуся человѣку, пристроить бѣднаго сироту, похоронить на свой счетъ бѣднягу, взять на попеченіе подкидыша и обезпечить существованіе ребенка, защитить въ извѣстномъ обществѣ пріятеля отъ клеветы и все это стараться дѣлать, по писанію, въ тайнѣ—вотъ весь Яковлевъ. Почитаю обязанностью честнаго человѣка удостовѣрить примѣрами, что этотъ артистъ думалъ ипогда о чемъ-нибудь важнѣйшемъ, чѣмъ о стаканѣ крѣпкаго пунша. Яковлевъ можетъ быть единственнымъ исключеніемъ изъ того правила, чтобъ актера не смѣшивать съ человѣкомъ: онъ въ совокупности былъ актеромъ и человѣкомъ превосходнымъ».

Въ своемъ «Дневникѣ чиновника» Жихаревъ такъ описываетъ наружность Яковлева:

«Ему не болѣе тридцати лѣтъ (въ 1807 г.). Онъ очень статенъ, лицо выразительное, фізіономія задумчивая, голосъ очаровательный, говорить—вовсе бы нехотя, кажется—вовсе не думаетъ о томъ, о чемъ говорить; во всемъ существѣ его есть что-то особенное, но привлекательное, и я увѣренъ, что, несмотря на угрюмость его, онъ дол-

¹⁾ С. Т. Аксаковъ, Н. П. Гречъ, Ф. В. Булгаринъ, Р. М. Зотовъ.

женъ быть одаренъ прекрасными качествами души и сердца. Онъ, кажется, вовсе не занимается своимъ туалетомъ: волосы вклочены, галстукъ завязанъ кое-какъ, черный сюртукъ какъ будто сшитъ не по его мѣркѣ: узокъ и рукава очень коротки—точно онъ изъ него выросъ; изъ кармана торчатъ, вмѣсто носового платка, какая-то ветошка. Словомъ, въ костюмѣ его замѣтна чрезвычайная небрежность и даже отсутствіе приличія. Открытый лобъ, глаза свѣтлые и выразительные, ротъ небольшош, улыбка плѣнительная.

«Въ нормальномъ состояннн своемъ Яковлевъ никогда не смѣялся, всегда былъ задумчивъ и любилъ уединеніе. Бывало сидитъ себѣ на диванѣ и читаетъ Библію, всемірную исторію Плутарха или прескнпн сочиненія Державина, которыя любилъ страстно и называлъ свнне вдохновенными. Но если трезвый онъ былъ скромнъ и молчаливъ, то подъ вліяніемъ пуншевыхъ паровъ чрезвычайно былъ эксцентриченъ. Однажды онъ пришелъ къ Державину, остановился въ дверяхъ его кабинета и громовымъ голосомъ пропнзнесъ: «умри, Державинъ! Ты переживаешь свою славу». Великій поэтъ не зналъ, что подумать объ этой выходкѣ, и, приглашая Яковлева садиться, просилъ его объяснить, въ чемъ дѣло? «Дѣло въ томъ,—отвѣчалъ комедіантъ,—чтобъ ты, великій мужъ, слава Россіи, не писалъ больше стиховъ: будетъ съ тебя!» И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, началъ:

О ты пространствомъ безконечный и т. д.

«Окончивъ чтеніе оды, онъ сказалъ: «Ну, теперь прощай!» И уѣхалъ»¹⁾).

Вдохновенный поэтъ на сценѣ, онъ былъ слабый стихотворецъ въ литературѣ. Оды Яковлева напыщены, стихъ тяжелый и неуклюжій. Впрочемъ, есть одно шутивное стихотвореніе, не вошедшее въ собраніе его сочиненій, это посланіе къ С. П. Жихареву:

Но побрезгуй, Атрей,
Вечеринкой моею,
Я прошу.

Да кутни хоть слегка:
Я для васъ индюка
Потрошу.

Выпить пуншу стаканъ
Аоанасьичъ Иванъ
Тутъ какъ тутъ.

И Сергій молодецъ,
И Григорій отецъ—
Оба ждутъ.

Но брюзгу ты оставь
И себя поисправь:
Въ этотъ день.

Чуръ моя не корить,
Свысока городить
Дребедень.

Если по льду скользя
Не упасть намъ пельзя —
Какъ же быть?

¹⁾ Воспоминанія стараго театрала. „Отеч. Зап.“, 1854 г., т. II.

Чтоб съ страстями человекъ,
Не споткнувшись, всея вѣкъ
Могъ прожить?

Поневолѣ кутнешь,
Иногда и запьешь,
Какъ змѣя

Злая сердце сосеть,
И сосеть, и грызеть...
Вѣдный я!.

Сочиненія Яковлева изданы послѣ его смерти отдѣльной книжкой, съ его портретомъ и краткой биографіей, подъ заглавіемъ «Сочиненія Алексѣя Яковлева, придворнаго Россійскаго актера. Сиб., въ типографіи Александра Смирдина».

УШ.

Сила Николаевичъ Сандуновъ.

(Род. 1756 † 1810).

Свѣдѣнія о происхожденіи Сандунова, о его сценической дѣятельности мы заимствуемъ изъ драматическаго альбома П. Н. Аранова, который передаетъ ихъ со словъ его родственниковъ.

Отецъ Силы Николаевича происходилъ отъ благородной грузинской фамиліи, жилъ въ Москвѣ, имѣлъ помѣстье и достаточное состояніе и нѣсколько сыновей. Сила Николаевичъ, въ ранней молодости, поступилъ на службу въ мануфактуръ-коллегію, а другой его братъ, Николай Николаевичъ, былъ внослѣдствіи оберъ-секретаремъ сената и профессоромъ гражданскаго права въ Московскомъ университетѣ. Посѣщеніе вольнаго Россійскаго театра Медока, знакомство и общеніе съ даровитыми того времени артистами Шуперинымъ, Померанцевымъ и др. воздѣйствовали на молодого человека, — ему было тогда не болѣе двадцати лѣтъ — и возбудили въ немъ желаніе посвятить себя драматическому искусству. Это происходило въ періодъ времени между 1776—1783 гг., но въ какомъ именно году онъ выступилъ на сцену, — съ достовѣрностью опредѣлить трудно. Сценическія его способности развились довольно скоро, потому что въ 1783 г. онъ былъ замѣченъ предѣдателемъ Комитета для управленія зрѣлищами и музыкою А. В. Олсуфьевымъ и приглашенъ имъ на петербургскую придворную сцену, съ обязанностию «играть перваго слугу и другія приличныя ему роли въ комедіяхъ и операхъ»¹⁾. Престарѣлый актеръ придворной сцены Шумской долженъ былъ раздѣлить съ нимъ свое амплуа.

Появленіе Сандунова на петербургской сценѣ совпало съ тѣмъ временемъ, когда на ея подмостки начала проникать опера-буффа, «развратительница цѣломудрія русскаго театра», по выраженію лѣтописца его кн. А. А. Шаховскаго²⁾, въ которой появились «типы слова», принуждавшія «безчиннымъ хохотомъ и рукоплесканіями скромность — красить, а невинность — любопытствовать», противъ которой возставала и сама Императрица. Такъ Храповицкій заноситъ въ свой дневникъ:

¹⁾ Архивъ дирекціи. Отд. II, № 169.

²⁾ Лѣтопись русскаго театра. Ревен. 1840 г., т. II.

«Разговор о дѣлакахъ театральныхъ. Отъ того погибла Франція, qu'on tombe dans la stupide et les vices: опера-буффа всѣхъ перековеркала. Смотрите за правами» ¹⁾).

Театральная критика того времени строго охраняла общественные права. Такъ, отдавая отчетъ о драмѣ «Юлія или слѣдствіе оболъщенія», одинъ изъ критиковъ говоритъ: «одно названіе: «слѣдствіе оболъщенія» мнѣ даже неприятно. Что за удовольствіе выводить на позорницѣ молодую дѣвушку, которую въ старину запирали въ монастырь, а нынѣ отвозятъ въ деревню, пропустивъ слухъ, что она скончалась. На что сзывать насъ смотрѣть такую, отъ которой должно покраснѣть или отворотиться? Милостивые государи! можетъ быть, это покажется вамъ и строго, не сердитесь: у меня дочь пѣвста. Что доброе перейметъ она, посмотрѣвъ на оболъщенную, которая кончитъ свой романъ тѣмъ, что батюшка ея, несчастный проstackъ, попутитъ, покричитъ, поплачетъ, да выдастъ послѣ за обманщика. Изъ этого и выходить, что такъ или сякъ, честнымъ образомъ, или безчестнымъ, но дочка поставила на своемъ. Не хорошо! Мы привыкли смотрѣть на такихъ, которыя могутъ насъ павнять, занять собою и которыхъ можно поставить въ примѣръ своимъ дѣтямъ. Да и какая умная актриса согласится дѣброю волею представлять такую женщину, на которую зрители смотрятъ, съ насмѣшливою улыбкою разбирая, сходенъ ли ставъ ея съ представляемою ею особою. Можетъ ли она побѣдить врожденный стыдъ, который есть свойство всѣхъ женщинъ — онѣ съ нимъ рождаются, съ нимъ и умираютъ. Господа иныиы наводнили нашу театръ оболъщенными героинями, или, лучше сказать, мамзелями, а наши молодые сочинители ползутъ за ними!» Воздавая хвалу комедіи «Пообда невинности», тотъ же критикъ говоритъ: «Казалось бы лучше, ежели бы Вѣтромысла была не матерью Миланѣ, а теткою или крестною матерью, отъ которой бы зависѣла участь Миланы, а то нечувствительность ея къ дочери выходитъ иногда изъ должныхъ границъ благопристойности, напримѣръ, тогда, когда она съ Добросердой разспрашиваетъ, гдѣ она видѣлась съ Постоиноми:

Вѣтромысла. Что же вы съ нимъ дѣлали?

Милана (*потупя глаза*). Цѣловались, матушка...

Вѣтромысла. Только?

Милана. Ахъ! неужели вы думаете, что я гласъ обманываю? и что же намъ болше дѣлать?

Вѣтромысла. И вы ударились объ закладъ, что этотъ малой...

Добросерда. Ахъ! сестрица, неужели думаетъ...

Вѣтромысла. И ничего не думаю, сударыня, ничего не думаю, только этотъ мужчина никогда бы не былъ моимъ мужемъ.

Можно бы эти слова совсѣмъ выкинуть изъ комедіи».

Вотъ до какой неестественности охранялись общественные права тогдашней театральной критикой, которая скорбѣла, что «счастливымъ пріемомъ разнратныхъ пьесъ удерживалъ усѣхъ театральнаго искусства, вредилъ нравственности и имѣлъ вліяніе на образованіе сердца молодыхъ людей». Легкая французская комедія, съ своимъ нескромнымъ остроуміемъ, нашла себѣ русскихъ подражателей въ лицѣ А. П. Клушина и П. О. Эмина. Эти доморощенные драматурги «разрили тогда нашу театральную словесность и искусство до совершеннаго безстыдства, и страсть нагличать перешла и къ актерамъ.

¹⁾ Дневн. Храповицкаго. Ред. П. П. Барсукова, стр. 317.

Сандуновъ и подражатель его Сторожевъ объясняли зрителямъ взглядомъ и усмѣшкой и даже жестами грязную замысловатость авторовъ, а иногда и свою собственную, и принудили дирекцію употребить строгія мѣры для удержанія ихъ послѣдователей отъ такого безциннаго промысла рукоилесканій»¹⁾. Какъ-то страшно, что одинъ изъ заразителей театральнѣйшей словесности, А. И. Клушинъ былъ въ то время цензоромъ и инспекторомъ русскаго театра и за поправку и приведеніе въ порядокъ драматическихъ сочиненій получалъ особую плату²⁾, хотя собственныя его пьесы должна была иногда цензуровать сама Кошторя. Такъ она доносила главному директору А. Л. Нарышкину: «Кошторя находитъ въ сочиненныхъ имъ (Клушинныхъ) пьесахъ слѣдующія обстоятельства: 1) «Худо быть близорукимъ», наполненную въ мѣстахъ неирриличными выраженіями, которыя къ усмотрѣнію Вашего Высочайшесходительства подложены. 2) Вновь сочиненной оперы «Американцы» въ предисловіи выраженіе бранное, противное поставленнымъ узаконеніямъ»³⁾.

Крѣпкія и лѣтописцы того времени мало оставили намъ свѣдѣній о свойствахъ таланта Сандунова, т. е. такихъ свѣдѣній, которыя оставлены ими о Дмитревскомъ, Шунеринѣ, Яковлевѣ и др. Первоисточникомъ этихъ свѣдѣній для современныхъ намъ историковъ русскаго театра служили Записки С. Н. Глинки, Лѣтопись русскаго театра кн. А. А. Шаховскаго и устные рассказы старожиловъ, записанные Ф. А. Кони. На этомъ матеріалѣ утверждались всѣ писаніе о старомъ театрѣ. О. А. Кони передаетъ о Сандуновѣ слѣдующее: «Сандуновъ дѣйствительно былъ актеръ необыкновенный по уму глбному и просвѣщенному, по таланту сценическому и по стойкости характера. Все то, что влияло нась въ Бомарше, досталось въ удѣлъ Сандунову: та же пылкость души, тотъ же пламень воображенія, та же язвительная острота и изворотливость ума. На сценѣ онъ былъ, какъ дома — смѣлъ, развязенъ и ловокъ. Сандуновъ былъ en vogue, т. е. актеръ модный. Ему старались подражать въ обществѣ, такъ приемы его были благородны и пріятны. Необыкновенный умъ Сандунова пріобрѣлъ ему столько же друзей въ свѣтѣ, и преимущественно между знатью, сколько талантъ завоевалъ сердець съ помостовъ сцены. Онъ былъ роста небольшого, но прекрасно сложенъ; говорилъ прищуривая глаза, но сквозь эти щелки вѣкъ вырывались язвительныя молвіи; онъ высматривалъ каждое движеніе того, съ кѣмъ говорилъ и, казалось, проникалъ его наизвозъ. Сандуновъ каждой роли давалъ свой колоритъ и превосходно отбѣлялъ характеры. Онъ былъ веселъ, живъ, игривъ, разсыпаясь мелкими бисомъ и всегда былъ въ движеніи на сценѣ. Онъ такъ глубоко вникалъ въ характеръ своей роли, что совершенно отдавался своему увлеченію; во время игры весь міръ для него не существовалъ: онъ зналъ только людей, которыхъ авторъ поставилъ для него на сценѣ»⁴⁾. Очевидно Сандунова на сценѣ занесли въ комедіи-фарсѣ Мольера «Скашенныя обманы», въ которой онъ игралъ роль Скашена. Онъ былъ тогда ужъ не молодецъ, но въ игрѣ его была живость юности. Лишь только вышелъ онъ на сцену, оглянулся, потеръ руки и пожалъ плечами, то, не сказавъ еще ни слова, уже ха-

¹⁾ Лѣтопись русскаго театра, кн. Шаховскаго. Реп. 1840, т. II.

²⁾ А. хвѣя дѣл. Им. т. Отд. III, стр. 31, № 36.

³⁾ Ibid. Отд. II, № 552.

⁴⁾ Памят. 1840 г., т. I. Театръ при Медоксѣ, ст. Ф. А. Кони.

рактировали свою роль: нельзя было не догадаться, что это тотъ Скапенъ — плутъ. Какая имитация въ голосѣ, какая естественность въ движеніяхъ, что за плутовские взгляды и хватки! Мольеръ расцѣловалъ бы нашего Скапена, еслибъ даже не понималъ по-русски»¹⁾. С. П. Жихаревъ, видѣвшій Саудунова въ комедіи «Алхимистъ», отмѣчаетъ въ своемъ «Дневникѣ чиновника»: «Онъ являлся въ семи разныхъ персонажахъ и очень смѣнилъ публику. Это настоящій Протей: удивительно, какъ ловко и скоро переобмѣняетъ онъ костюмы и мастерски гримируется. Конечно, при помощи другихъ, переобмѣнить кафтанъ и парикъ можно и скоро; но какимъ образомъ изъ молодого, румянаго парня превратиться въ дряхлаго старика, съ морщинистымъ лицомъ, а еще болѣе изъ мужчины въ женщину — я, право, не знаю».

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда талантъ Саудунова былъ уже въ полномъ расцвѣтѣ, въ театральномъ училищѣ, въ классѣ пѣнія итальянца Мартини, готовилась къ сценѣ воспитанница Елизавета Семенова. По тогдашнему обыкновенію, называлась она просто — Лиза Уранова. Она участвовала въ операхъ, дававшихся въ оригинальномъ театрѣ въ присутствіи Императрицы, которая выражала ей свое благоволеніе. Такъ Храповицкій записываетъ въ своемъ дневникѣ: «29 января 1790 г. Играли «Диаволо дерево». Лиза и музыка похвалены». Саудуновъ и Уранова полюбили другъ друга и предложили скрѣпить эту любовь узамъ брака, на что и получили разрѣшеніе отъ своего начальства. Императрица, узнавши объ этомъ, замѣтила Храповицкому: «Pourquoi les empêcher de se marier?» пожаловала ей перстень въ триста руб. и при отдачѣ приказала сказать, «что вчера съ пѣла о мужѣ, то бы иному, кромѣ жениха, перстня не отдавала». Но вдругъ, по выраженію самой Урановой, «открылись непредвидѣнныя дѣйствія». На воспитанницу обратилъ благосклонное вниманіе свѣтлѣйшій князь, государственный канцлеръ Александръ Андреевичъ Безбородко и вступилъ въ соперничество съ ея женихомъ. Соперничество это для Саудунова было крайне опасно, потому что правители театра, Храповицкій и Соймоновъ, стали на сторону опаснаго соперника. Юная художница, осыпанная алмазами вельможи, позабыла своего жениха, который былъ уволненъ отъ службы безъ прошенія и безъ аттестата. Обиженный артистъ обратился въ дирекцію съ просьбой, въ которой писалъ: «Прoslужа при театрѣ семь лѣтъ съ усердіемъ и безпорочно, и зная, что Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно актёрамъ, прослужившимъ двадцатилѣтнее время при театрѣ, давать пенсію, полное жалованье составляющую; пробывшимъ же десятилѣтіе — выдавать половинное, просить награждать его за все время службы единовременно годовымъ жалованьемъ или бенефисомъ и дать ему аттестатъ, съ прописаніемъ въ ономъ, что онъ служилъ при театрѣ безпорочно семь лѣтъ». Въ награжденіи бенефисомъ отказано, аттестатъ же выданъ, но безъ прописанія въ ономъ о безпорочности, а просто: «свѣдѣтію прошенія, отъ него поданнаго, отъ службы онъ уволенъ и, по его желанію, данъ ему сей аттестатъ»²⁾. Оскорбленный такой несправедливостью, Саудуновъ жестоко отомстил своимъ притѣснителямъ. Передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, игралъ въ свой бенефисъ на городскомъ театрѣ, въ пьесѣ Клушина «Смѣхъ и

1) Ibid. Театральная воспоминанія Бундгарппа, стр. 61—62.

2) Арх. Дир. Отд. II, № 340.

горе», слугу Семена (онъ славился исполненіемъ ролей слугъ), онъ обратилъ къ публикѣ съ рѣчью: «Сегодня,—сказать онъ,—въ послѣдній разъ имѣю честь служить моимъ усердіемъ здѣвшему обществу. За долгъ почитаю, мм. гг., излить мою чувствительную благодарность за благосклонность, оказанную мнѣ вашимъ посѣщеніемъ во все время пребыванія моего при театрѣ». Потомъ онъ прочиталъ стихи:

Служа комическимъ и важнымъ господамъ,
Не имъ я былъ слугою, а былъ я вамъ,
Терпѣлъ пощечины отъ нихъ, нападки брани—
Усердья моего къ вамъ были это данн.
Я вздоры разные свосилъ колико могъ!
Заплатить, говорилъ, за это мнѣ мой Богъ.
Хотя и видѣлъ онъ, что мнѣ немного тѣсно,
Но миловану имъ быть, право очень лестно.
Кто жъ этотъ царь мнѣ былъ? Кто знаетъ, что актеръ,
Тотъ вѣдаетъ и то, что царь мнѣ былъ партеръ.
О ты, талантовъ царь, душа дѣлій славныхъ,
Который требуетъ всегда жрецовъ исправныхъ!
Прости, что твой алтарь оставить долженъ я,
Межъ мной и баръ моихъ будь самъ ты суди.
Служилъ я рабски, былъ я гибокъ, какъ слуга;
Но что жъ я ввслужилъ? Пль брани иль рога.
А дѣвушки мои, пренѣжныя служанки,
Любили вѣрность такъ, какъ истину выгнанки.
Въ угодность авторовъ, забывши страшный столъ,
Понудивать меня рогами Купидонъ.
Хоть силой авторовъ то сдѣлано певольно,
Но, право, оттого мнѣ было очень больно,
И я, не вытерпѣвъ обидныхъ столь досадъ,
Рѣшился броситься отсель хотябъ во адъ.
Моя чувствительность меня къ отставкѣ клонить,
Вотъ все, что вонъ меня отсель съ театра гонить.
Теперь иду искать въ комедіяхъ господъ,
Мнѣ бъ кои за труды достойный дали плодъ,
Гдѣ бъ театральные и графы и бароны
Не сыпали моимъ Лизетамъ милліоны
И ко сердцамъ златой не дѣлали бы мость,
На то, чтобъ щегольскимъ Кристономъ сдѣлать ростъ.
Сыну ли это я, пль понекъ мой напрасень,
Но знаю, но со мной вещь будетъ въ томъ согласень,
Что въ драмѣ той слуга не годенъ никуда,
Гдѣ денегъ не даютъ, да гонить лишь всегда.

Въ театрѣ произошло волненіе. Объ этомъ пр. ислествіи должно до свѣдѣній Императрицы. Храновникъ и отмѣтилъ его въ своемъ дневникѣ. «1791 г. января 10 дня Сандуновъ говорилъ рачею на счетъ дирекціи, играя въ свой сепефисъ на городовомъ театрѣ... Велѣно у Сандунова черезъ полицію взять рачею, имъ говоренную. 12-го. Гибъ Императрицы на Сандунова. «Voilà ce que fait l'injustice». Храновникъ при этомъ случаѣ намекнула на небезупречное поведение Сандунова относительно разныхъ актрисъ и матери Лизы. «Принято сухо и графу Брюсу ¹⁾ велѣно это дѣло оставить «comme

¹⁾ С. Петербургскій оберъ-комендантъ.

поп avenue». Скопфуженный, онъ не бѣдиль во дворецъ 13-го и 14-го числа. «Сираживали и на отвѣтъ, что болеть, улыбулись, сказави: знаю отъ чего болеть»¹⁾. Ровно черезъ мѣсяцъ метельный Саудуновъ учинилъ въ театрѣ новый скандалъ, печально окончившійся для начальниковъ театральной дирекціи. 11 февраля 1791 г. въ Эрмитажѣ, въ присутствіи Императрицы, шла опера ея сочиненія «Осудль съ дѣтьми», и Елизавета Семеновна подала ей покаянное письмо, съ позволеніемъ обстоятельности, обившихъ ее съ пути праведнаго. Письмо, разумѣется, было редактировано Саудуновымъ. Вотъ оно:

«Всемилюствѣйшая Великая Государыня!

«Сердце мое и слухъ удостовѣряють меня въ вашемъ безпредѣльномъ милосердіи, а совѣтъ и раскаяніе принуждають меня изъяснить предъ вами всѣ страданія души моея. Прости, Великая Государыня, что я дерзнулъ потревожить священный вашъ покой, но и къ, оубо Бога и васъ никого не имѣю къ защитѣ и успокоенію моего раскаянія. Вотъ все положеніе моего сердца и дѣль. Я увѣрена, что ты, милосердая мать, выслушаешь оное съ такимъ же обыкновеннымъ своимъ милосердіемъ, съ какимъ чистосердочіемъ и признательностію я осмѣляю оное начертать. Я, Государыня, имѣла жениха, который своею ко мнѣ привязанностію стоить всей моея гордости и любви и была разна съ нимъ состояніемъ и чувствіями. Я рѣшилась раздѣлить съ нимъ судьбу мою, на что онъ и я получили отъ директоровъ и позволеніе и ничѣмъ другимъ я не была занята, кромѣ моея должности и привязанности къ человѣку, въ которомъ я полагаю всѣ мои благополучія; но вдругъ открылись хитрости и, по молодости мною не предвидѣнныя, дѣйствія, которыя неволью отогнали меня отъ моего жениха. Я увидѣла, но поздно, что нужно было только меня разстроить въ душѣ моея и воспользоваться моею неопытностію. Прости, Государыня, что я всего того не могу начертать, что со мной происходило и что за угроженію ощущала въ душѣ моея, заслужа и справедливое отвращеніе жениха моего и любовника и все оное время я не имѣла свободнаго часа отъ моего раскаянія—и ужасъ и стыдъ попеременно царствовали въ душѣ моея. Но теперь, къ совершенному моему счастью, я вижу моего жениха толь великодушно, что онъ, претерпя за меня дако всѣ гоненія, рѣшился отдать вамъ и Богу на судъ всю принужденную погрѣшность. И такъ, милосердая Государыня, какъ обыкновенное твое свойство облегчать судьбу несчастныхъ, то позволъ прекратить мое раскаяніе и учини счастливой, совокупя меня вѣчно съ моимъ любезнымъ женихомъ, которому я клянусь взглянуть совершенно неопытностію моея молодости, а васъ, Государыня, иначе я не могу тогда признавать, какъ за воскресительницу моея невинности и моего покоя. Государыня, въ тебѣ одной вся моя надежда или я вѣчно несчастливѣйшая. Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданная Елизавета Уранова».

Императрица приняла сердечное участіе въ судьбѣ талантливой воспитанницы и строго взыскала съ ея воспитателей.

«Въ вечеру (11 февраля 1791 г.)—заигать въ своей дневникъ Храповицкій, —играли въ Эрмитажѣ «Осудла», и Лизка подала на насъ просьбу. Въ тотъ же вечеръ прислана записка къ Троицкому,

¹⁾ Дневникъ Храповицкаго, стр. 354

чтобъ заготовить указъ для увольненія насъ отъ управленія театрами. 12 февраля, какъ встали, спросили Троиинскаго и подписали у него указы. Разсказывали всѣмъ, даже и Турчанинову ¹⁾, что насъ уволили. 13-го. Графъ Безбородко прѣхалъ передъ полуднемъ, но во Дворцѣ не былъ. 14-го. Въ малой придворной церкви вѣчали Дизку и Сандунова. 16-го. Въ первый разъ я позвалъ днъ принятія почты, уже прочитанной. 19-го. Такимъ же образомъ принялъ почту. 24-го. Продолженіе прежней холодности».

Наконецъ, «холодность» минопала. Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ вступилъ, въ качествѣ главнаго директора надъ зрѣлищами и музыкой, въ управленіе театрами. а 18 марта 1791 г. ²⁾ Сандуповъ, вмѣстѣ съ молодой женою, вновь былъ принятъ на придворную сцену. Первымъ движеніемъ его души, по вступленіи въ бракъ, было—преехать въ ломбардъ, въ пользу бѣдныхъ, всѣ полученные женою его подарки отъ ея поклонника, «какъ цѣну безчестія и обиды». Этого поступокъ не понравился почему-то князю Николаю Борисовичу и между нимъ и непокорнымъ подчиненнымъ началась вражда, продолжавшаяся три года и умиротворить которую пришлось самой Императрицѣ. Три года супруги Сандуповы терѣли притѣсенія и угнетенія отъ своего директора и, наконецъ, доведенные до отчаянія, въ мартѣ 1794 г., совокушно подали Императрицѣ просьбу такого содержанія:

«Всеавгустѣйшая Монархиня
Всемилостивѣйшая Государыня.

«Благодетель и правосудіе, окружающія освященной Вашѣ Престолъ, подають смѣлость повергнуться къ столамъ Вашего Императорскаго Величества гонимымъ и бѣдствующимъ супругамъ, не имѣющимъ на всей земной поверхности кромѣ Васъ, Всеавгустѣйшая мать, иного себѣ покровительства. Воззри, Всемилостивѣйшая Государыня, на слезы и бѣдствіе наше окомъ милосердія, съ каковымъ пріемлешь всѣхъ несчастныхъ, приобѣгающихъ подъ кровъ благодетельности твоея. Три года наслаждалась мы блаженствомъ, дарованнымъ намъ отъ Вашего Величества, три года злоба сильныхъ удручала меня и жену мою различностію поражений, не гнушалась противъ насъ употребить ни бѣднаго злословія, ни все очерняющихъ насквильей и всего того, что могло содѣйствовать къ совершенной нашей пагубѣ; три года вообразали мы, обожли тебя, нашу благотворительницу, что злобствующіе имѣть могутъ услажденіе и конецъ въ гоненіи ненавидимыхъ, но событіе не отвѣчало нашему чаянію: но мѣръ нашего совершеннаго терпѣнія, возрастая совершенными угнетенія, и наконецъ увидѣли мы разрушеннымъ покоемъ нашимъ до основанія. Директоръ нашъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, угнетая насъ различными притѣсеніями, довелъ до совершеннаго отчаянія, которое, превзойдя всѣ мѣры нашего терпѣнія, принуждаетъ противъ воли нашей безпокоить Ваше Императорское Величество, льстясь надеждою, что Вы, яко милосердная мать, вопль и просьбу чадъ своихъ милостиво принять соизволите. Такъ, Великая Государыня, и съ женою моею обоготворяя Васъ, признаваемъ за истинную мать, устроившую намъ блаженство, а потому и осмѣливаемся горести, удручающія сердца наши, изымить Вамъ:

¹⁾ Петръ Ивановичъ, генералъ-поручикъ, состоялъ при собственныхъ дѣлахъ Императрицы и у принятія прошеній.

²⁾ Архивъ дирекціи, отд. 1, стр. 77.

«Нынѣшняго генвари 21 дня, жена моя, прѣхавъ въ каменный театръ, съѣла въ ложу, артистамъ всегда отводимую, по итальянцемъ Казасемъ ¹⁾ изъ оной была самымъ грубымъ образомъ вынодима въ параднѣе, и на вопросъ ея—кто ей назначилъ тамо сидѣть? оны отвѣтствовали, что князь ему приказалъ всѣхъ русскихъ актеровъ и актрисъ сажать тамо. Жена моя, не пошедъ въ параднѣе, поѣхала домой, и на другой день отвосилась о томъ письмомъ къ его сятельству, но вмѣсто часамаго нами на итальянца удовольворенія (ибо мы никакъ не ожидали, чтобъ оны не сдѣлать его самовольно, такъ какъ князь предоставилъ ему совершенное распоряженіе всего театра), но вмѣсто разобранія сей обиды, письмо ея принято княземъ за письмо ругательное, и не изслѣдовавъ ни оного, ни существа дѣла, приказалъ насъ обоихъ, не пріемли никакихъ оправданій, по и не видя насъ, взять въ контору подъ карауль. Вдругъ приходитъ театральнѣи командъ офицеръ съ вооруженными солдатами, возицаетъ намъ вменомъ его сятельства, что мы беремъ подъ стражку. Жена моя и я, не имѣя никакой за собой вины, кромѣ правды честности, сѣдудя оной по силѣ нашей возможности, мы были оба тѣмъ поражены совершенно, а особливо бѣдная же. а моя, которая за мѣсяць передъ симъ пронешествіемъ, бывъ беременна, выкинула; се столько сіе поразило, что едва осталась жива. Я, не хоти вѣрить видѣнному мною, и спрашиваю отъ присланнаго офицера, какъ преступникъ, почти со слезами, чтобъ мнѣ позволено было видѣть князи. узнать причину вины нашей, съ великимъ его упростиомъ, получилъ на то позволеніе. Тенерь сонзвольте, милосердая матери, замѣтить, что несчастная моя жена въ совершенно истерическѣи болѣзни, лежащая на постелѣ, окруженная и тащимаи солдатами, противу всякой благопристойности, безъ сумнѣнія, по особому на то приказанію. Я чувствительности сердца Вашего Величества представано судить, сколь разительна была сія картина для мужа, обожающаго свою жену, жену, которой все преступленіе въ томъ, что любить своего мужа и не хотеть сдѣлаться, въ угодность честолюбцамъ, развратною женщиной. Я прѣзжаю къ его сятельству, прошу позволенія его видѣть, но мнѣ отвѣтствуютъ, что оны нигдѣ видѣ не хотеть меня и жену мою слушать, какъ въ Конторѣ. Я прѣзжаю въ Контору, куда тоже прѣхалъ его сятельство—спрашиваетъ меня, гдѣ моя жена? Я ему отвѣтвую, что послѣ поеступленнаго съ нею она тенерь больна, и затѣмъ сюда не прѣхала, да она же, по его приказанію, содержится ужъ подъ стражею дома, потомъ спрашиваю его сятельство—за что столь непоимѣрная жестокость съ нами происходитъ? Оны отвѣтвуетъ, что за письмо ея, которое оны признаетъ для себя ругательнымъ. Я отвѣтвую, что оное таковымъ ни почему почестъ нельзя, и просилъ по оному отъ меня выпросятъ и что и не премину его объяснить и оправдать, и чтобъ позволить мнѣ его сятельство оное при себѣ прочестъ. Князь мнѣ возражаетъ, что оны мнѣ его не дасть, и никакія мои оправданія не дѣйствительны, когда оны находятъ его предосудительнымъ. Я вынимаю копію и, читая, испрашиваю на оное обвинительныхъ вопросовъ, получаю, отвѣтвую, объясняю и совершенно оправдываю оное, и даже до того оправдалъ, что самъ его сятельство, не находя достаточныхъ причинъ ни возражать на письмо, ни обвинить за оное, выускаетъ меня изъ Конторы и изъ-подъ караулу. Но симъ не кончи-

1) Театральнѣи контролеръ. Арх. Дир. № 321.

лось. Отъѣжая, приказываетъ жену мою, въ какомъ бы положеніи она ни была, не взирая ни на что, притащить въ Контору подъ караулъ. Слабы мои слезы смягчить жестокое сіе приказаніе, не принимаются ни просьбы мои, ни доказательства; онь отъѣзжаетъ, даже восхищаясь моимъ отчаяніемъ. Приѣзжаю домой, вижу выполняемыя приказанія: пренесчастную мою жену оять принимаются тащить, но уль съ угрозами, съ разными грубостями и насмѣшками. Государыня! судите еще теперь мое состояніе и сколь должно быть растерзано бѣдное мое сердце и къ чему я могъ тутъ прибѣгнуть, какъ развѣ къ одной моей правотѣ и чувствованію оной; но сколь слабый помощникъ правота, когда она подавляется насильствомъ. Къ жалобамъ? Но отъ меня оная никто не приметъ, потому что я и жена моя едва не во всемъ здѣсь городѣ описаны самыми черными красками, и злословіе вездѣ усилью, въ угодиство злбобствующихъ исполнимо, превратитъ насъ въ сущихъ изверговъ. Мы остановились на томъ, что влекутъ насильно съ постели мою жену—вдругъ приходитъ отъ его сіятельства повелѣніе—въ Контору ее не брать, но заррестовать насъ обонхъ дома, не давать намъ ничего кромѣ воды и хлѣба, не допускать къ намъ никого сторонне-приходящихъ, а пришедшихъ не выпускать. И такъ всё ко мнѣ пришедшіе, такъ же, какъ и я съ женою, безвинно были заррестованы. Мы первую ночь (дай, Боже, чтобъ и послѣднюю) препроводили при четырехъ вооруженныхъ солдатахъ и одномъ сержантѣ, который не преминулъ вездѣ осмотрѣть и разспросить, безъ сомнѣнія, то же по приказанію, нѣтъ ли гдѣ потаенныхъ выходовъ. Наконецъ проведена нами ночь. Слабо перо мое излеститъ точности моихъ тогдашнихъ чувствованій! Потомъ приходитъ утро и начинается, по полученію отъ него приказанію, приступъ брать оять жену мою въ Контору и на отвѣтъ мой, что я еще по одѣяся и что двумя наказаніями одна вина не наказывается—мнѣ кричать караульнико, чтобъ я отперъ двери и къ нимъ вышелъ. Караульный офицеръ сказываетъ, что сейчасъ князь приказалъ оять взять ее въ Контору и если она станетъ отговариваться, то они будутъ брать ее какъ бы ушедшую колодницу. Я проишу, чтобъ хотя часа три или два погодили до тѣхъ поръ, пока ей хоть мало будетъ полегче, ибо она, не съевъ всю ночь, получила отъ огорченія и безпокойства, сверхъ истерики, горячку. Офицеръ ѣдетъ о семъ его сіятельству докладывать, и потомъ возвратясь объявляетъ мнѣ, что будто и хотѣлъ его и команду стрѣлять, о чемъ-де я князю докладывалъ и онь-де позволилъ послать вѣдніе къ г. оберъ-полиціймейстеру за городовою ротою для взятія тѣбѣ и жены (которая по приказанію г. оберъ-полиціймейстера и была отъмандирована и собрана). Я, видя столь вредной для себя, на лжи составленной ковѣ, а насильство и несправедливость доведенныя до совершенства, убѣждало всевозможно любезную и несчастную мою жену, хотя черезъ крайнюю слабость, ѣхать въ Контору и повиноваться угнетающему насъ року. Окучивало ее, сажаю въ карету, приѣзжаемъ оять въ Контору. Появляется князь, вдругъ, подходя съ свѣрѣзностью къ женѣ моей, спрашиваетъ: «ты ли писала это писмо?» Она отвѣтствуетъ: «я, ваше сіятельство». «Читай». Она, почтяя строки три, была имъ спрошена: «какія ты имѣешь неудовольствія?» На что она возразила, что ихъ очень много она отъ его сіятельства имѣла, и стала оная объяснять, по оны, вырвавъ у нея писмо, говоритъ съ суровою жестокостію: «прямая ты русская Фетинья, пошла отсюда вошь, ты свободна». И такъ она для того столь ругательски вскома

была въ Контору, чтобъ услышать, что она—Фетянья. «А ты, оборотись ко мнѣ, говоришь: ты оставайся подъ карауломъ, я тебя здѣсь заморю на водѣ и хлѣбѣ». Я спрашиваю: «чѣмъ и оное заслужилъ?» Она отвѣтствуетъ: «я такъ хочу—и знаю, что дѣлаю. И ты же хотѣлъ стрѣлять караульныхъ». Я хочу доказать, что это истинная неправда, и удивляюсь съ чего взята столь грубая ложь; но она, по внимая никакимъ оправданіямъ, стала мнѣ ужаснѣйшимъ образомъ угрожать. Жена моя, причина моего страданія и за меня равно мучимая, составляющая все мое насильство, и для утѣшенія моего и любя меня, хочеть со мною остаться, но она съ жестокостью приказываетъ ее изъ Конторы вытащить, говоря, что здѣсь не квартира, чтобъ мужья съ женами могли сидѣть, но памятуя того, что за нѣсколько минутъ предъ симъ самъ насъ тутъ посадить приказывалъ. Наконецъ тронулся она слезами жены моей, позволилъ ей остаться со мной и, выходя, почти выѣ себя, сказалъ мнѣ: «ты у меня будешь мягокъ и сговорчивъ на все». Она уходитъ. Но маломъ времени, появляются солдаты съ обнаженными шпагами для стереженія меня. Жена моя, видя сіе, пришла въ отчаяніе; я, съ моей стороны, сколько ни мужался, но слеза, положенный вѣстникъ угнетеннаго сердца, открыла слабость души моей, и мы имѣли только то утѣшеніе, что, соединя слезами омытими наши руки, простирали ихъ къ прощенію отъ Бога и тебѣ, великая наша благодарительница, защити. Въ вечеру умножившаяся слабость и горячка жены моей принудили меня просить ее со слезами, чтобъ она возвратилась домой, на что съ великимъ затрудненіемъ получила ей согласіе, остался одинъ препровождать другую ночь подъ обнаженными шпагами, и во все время ареста никого ко мнѣ, какъ къ величайшему злодѣю, пропускать не велѣно, подъ жестокимъ наказаніемъ, и кромѣ самаго малаго куска хлѣба и воды, чтобъ ничего мнѣ не давали, такъ приказано отъ его сіятельства, что и исполнено въ точности. На другія сутки, въ десять часовъ ночи, приказано офицеру меня освободить, не объяви ничего, за что я былъ столь строитивно взятъ и содержанъ и чего мнѣ остерегаться должно, чтобъ не заслужить въ другой разъ подобнаго истязанія. Теперь воззри, великая наша благодарительница, съ снисхожденіемъ на сіи строки: еслибъ писалъ жены моей и въ подлинно показалось странно его сіятельству, какъ писанное отъ разгориченнаго человѣка, еслибъ и всѣ вводимыя имъ на насъ обвиненія были справедливы, то не имѣть ли власти и способвъ командиръ наказать подкомандующихъ, по присовокупляя къ тому ни жестокости, ни столь унижительныхъ поступковъ? Къ чему тутъ было помѣщать, что писалъ ругательное и предосудительное? Къ чему насильственно два раза тащить съ постели истинно больную женщину? Къ чему, освобождая меня въ первый разъ изъ Конторы, потомъ заарестовать дома и жену, и меня? А продержавъ сутки, къ чему опять брать ее въ Контору? Къ чему, взявши ее въ оную съ столь жестокимъ унеліемъ, опять освободить и, оставя меня подъ карауломъ, опять возъ ее тащить? Почему, къ чему вводить на меня офицеру напраслины о стрѣляннѣ, еслибъ не былъ поощренъ на сію командиромъ? Къ чему, для взытій мужа съ женою, наживать цѣлую роту вооруженныхъ городовыхъ солдатъ, когда у театра ихъ есть въ его командѣ болѣе нятидесяти человекъ? Къ чему обнаженные шпаги и неоднократно слышанныя мною отъ него страшныя угрозы, начатыя съ того времени, какъ его сіятельство заирещало мнѣ препровождать въ домъ

барды, на пользу бѣдныхъ, какъ цѣну безчестія и обиды, гнусныя для меня алмазныя вещи, карету и разныя платья. Съ того времени онъ мнѣ открыто сказалъ изволилъ, что если я вещи назадъ къ ломбарда не возьму, то онъ и другіе, не знаю, кто, открытые мнѣ будутъ враги. И какъ я ни полагался на мою правоту, Бога и на ваше, Государыни, высокое покровительство, по вижу съ того времени дѣйствіе обѣщанныхъ угрозъ, устремленныхъ на меня и мою жену подъ разными предлогами. Къ чему все сіи жестокости, если не къ тому, чтобы унести совершенно бѣднаго человѣка? И какая жъ постыжъ можетъ быть употреблена съ истиннымъ уголовнымъ преступникомъ? Когда съ нами столь мучительныя оказаны постыжки и не должно ли, взирая на спасительныя твои, Государыни, наказанія, всего соразмѣрять съ преступлениями, а гдѣ первый употребленъ со излишней жестокостію и безъ принятія оправданій, то не доказывать ли сіе очевидную несправедливость и наклоненіе къ одному только погубленію? И послѣ всего вышеописаннаго, соизвольте, Государыни, усмотрѣть, можно ли спокойно и въ безопасности быть намъ при такомъ мѣстѣ, гдѣ самъ командиръ угнетаетъ открыто и не щадитъ никакихъ на то способств. Вотъ, Великая Государыни, причины, побуждающія обременять Ваше Величество вѣрноподданнической просьбою объ увольненіи отъ театра насъ обоихъ. Мы умалчиваемъ здѣсь о тѣмъ численныхъ намъ обоимъ умышленныхъ обидахъ и поношеніяхъ, которыя, сколько для насъ обиды и чувствительны, столько унижительно и гнусны для злодѣевъ, насъ угнетающихъ, и да не потревожатъ они своимъ мерзостнымъ численіемъ сострадательной души вашей. Наконецъ, его сіятельство, совершая открытое свое къ намъ неблаговоленіе, по неоднократной нашей просьбѣ, увольняетъ отъ театра меня одного, а жену мою, подъ предлогомъ, что она воспитанница театральн. школы, удерживать въ службѣ, не ламитяя того, что Ваше Императорское Величество, обработавши Россію, учредили корпусы, монастыри и училища, не прикрѣпляя къ онымъ обучавшихся, но, чтобы, воспитанные подъ кровомъ вашего милосердія, были полезныя сыны и дщери отечества, предоставляя на ихъ волю избраніе должностей и службъ. И такъ, всемилоостивѣйшая Государыни! сжалость надъ горестнымъ нашимъ состояніемъ, благовольте насъ обоихъ уволить отъ русскаго театра, а за одиннадцати-лѣтнюю мою службу удостоить меня, изъ милосердія своего, хотя сама малѣйшимъ пенсіономъ, дабы я могъ имѣть, съ бѣдною моею женою, хотя дневное пропитаніе. По лѣтамъ моимъ и бы не осмѣливался онаго испрашивать, но предвижу, что метаніе мнѣ сластолюбцы нигдѣ не оставятъ меня въ покоѣ, если не буду имѣть вѣрнаго куска хлѣба. Всемилоостивѣйшая Государыни! Безпредѣльная благодѣяніа и великодушное чудотвореніе, я уповаю, что не оставитъ умереть отъ крайности съ голоду, уволитъ насъ отъ такого мѣста, гдѣ одни угнетеніи слѣдуютъ за другими, и благовольте несчастнымъ подать руку помощи, которая съ толикою щедротою разсѣваетъ милости на прострапныя твои владѣнія, а инако мы будемъ жертва сильныхъ и нища злобствующихъ. При семь дерзавемъ донести, что память благодѣяній вашихъ, милосердая матеръ, во всю нашу жизнь пребудетъ намъ драгоцѣнна, и какую бы участь судьба намъ ни предопредѣлила, мы всегда блаженствомъ поставимъ будемъ—обожать нашу великую благотворительницу. Всеавгустѣйшамъ монархини! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданная Сила Сандуновъ, Елизавета Сандунова».

Изъ слѣдующаго за симъ письма Сандуновыхъ къ Императрицѣ видно, что просьба ихъ не была оставлена безъ вниманія.

«Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть черезъ Дмитрія Прокофьевича ¹⁾ объявить всѣ неудовольствія, оказанныя мнѣ и женѣ моей княземъ Николаемъ Борисовичемъ.

«Всемилоостивѣйшая Государыня! Пріемля сіе со всеподданнѣйшею благодарностію, какъ новый знакъ щедроты, два сердца, соединенныя и движимія тобою, открываютъ смѣло ангелу-охранителю и матери своей притѣсенія. И какъ ты удостоила даровать намъ жизнь благотворною своею десницею, такъ удостой покровомъ своимъ и будь спаситель намъ. Благоговѣя къ тебѣ, Государыни, душами, просимъ по увольненіи удостоить насущнымъ, хотя малѣйшимъ пропитаніемъ, или мы погибнемъ. Истина водить перомъ нашимъ. И вѣщаютъ ли ложь своему божеству и при прагѣ бездны?»

1) Со дня брака нашего, но безпримѣрному вашему милосердію утвержденного, при чувствованіи любви и совершенной къ намъ, Всемилоостивѣйшей Государыни, благодарности, усугубили мы оба старанія наши по должности, и на сей конецъ съ превеликою разительностію играли во всѣхъ тѣхъ пьесахъ, которыя были по нашему амплуа; вида же, что у театра новаго нѣтъ ничего, а все старое, для оказанія оному услуги и выгоды, и чтобъ жена моя не могла потеряться отъ единообразности игры четырехъ или пяти оперъ, мы рѣшились на свой кониѣ заказать парочіую оперу, которая бы конечно заслужила вниманіе публики, и которая сочиненіемъ своимъ стоила намъ двѣсти рублей, да для сочинителей музыки дѣлаемые три перевода тоже двѣсти рублей, итого онаи опера обошлась въ четыреста руб. Но съ 1791 г., съ октября мѣсяца, не видя на всѣ наши у князи старанія, оставалася она у капельмейстера Марини два года съ половиною не только непродолжаемою, но и не пачатою, а дабы оная совѣтъ отъ времени не утратилась, мы принужденными намѣлись взять оную назадь и убытокъ чрезъ то сдѣлался намъ невозвратимъ. Къ яснѣйшему уразумѣнію его къ намъ неблаговоленія можеть служить доказательствомъ опера «Флейта», гдѣ его сіятельство, графъ Платонъ Александровичъ ²⁾, именно приказалъ имѣть роль женѣ моей, но она также была обойдена въ ней, какъ и въ другихъ, для того единственно, чтобъ отдалить ее отъ всякой новости.

2) Такъ, жена моя, играя большія и трудныя роли, отъ расщеплявшихся экипажей и полтинныхъ на день шари лошадей, послѣ спектакля неоднократно простужалась, то мы много разъ утруждали князи о замѣнѣ онаго хога наемнымъ, но ничего успѣть тѣмъ не могли, кромѣ открытыхъ и лживыхъ издѣвокъ. Наконецъ, прошлаго 1792 г. ноября 24 дня, жена моя, вѣдучи изъ театра востѣ представленія оперы «Рядкой вещи», остановлена была дряхлостію лошадей, и простоявъ на улицѣ часъ съ четвертью, принуждена дойти домой пѣшкомъ по мокрой тогдашней ногдѣ, а дошедъ почувствовала ужаснѣйшую горячку, которой сколь ни мучительны были для насъ слѣдствія, но все несравненно сноснѣе тѣхъ слуховъ, которые объ насъ были распушены по всему городу и даже самимъ княземъ и съ прибавкою, что мы оба очень развратную жизнь ведемъ, и потому

3) ихъ должно до непременно развести, и еслибы кто могъ въ томъ успѣть, и бы се пощадила на то десяти тысячъ руб. Это истина

¹⁾ Тромпееваго.

²⁾ Зубовъ.

ное раздраженіе князя и другія ему подобныя всюду имъ же самими разглашаемыя.

4) Не давъ отъ болѣзни совсѣмъ оправиться, князь принуждалъ жену мою, со всевозможнымъ устрашиваніемъ, играть подъ тѣмъ предлогомъ, что будто она больна не истинно, но притворно, и играть не то, что бы она, по слабости, могла, но именно «Венеціанскую армарку»¹⁾, гдѣ роль жены моея нитрудифійшая. Наконецъ, играть ею сей спектакль, по такъ, что послѣ каждой почти сцены, отъ слабости, она едва стоять могла, и тутъ открылось теченіе изъ горла крови и ломъ въ груди. Но оиъ, по окончаніи пьесы, взошедь къ ней въ уборную съ посторонними, види ея разстроенное здоровье, не только не тронулся тѣмъ ни мало, но чрезъ день еще опять оную жь играть приказывалъ. Тутъ одиѣ просьбы и устыженія стороннихъ убѣдили его отмѣнить жестокое сіе приказаніе, исполненіе котораго ей не только невозвратною потерей здоровья прозило, но и самой жизни стоить могло.

5) По времени, жена моя, получа свободу отъ болѣзни, начала продолжать ученіе пѣнія, и какъ ей для музыки надобенъ былъ учитель (которыхъ у театра есть довольное число), но я сколько князя о дачѣ оная ни просилъ, доказывалъ, что жена моя должна необходимо безъ практики потеряться, но все осталось безполезно, и мы принуждены были напимать для того постороннихъ учителей, плати отъ трехъ до пяти руб. за визитъ, и такъ на сіе изъ жалованья нашего выходило въ годъ до шестисотъ рублей.

6) По неоднократной моей просьбѣ, послѣ болѣзни, приключившейся жонѣ моея, получилъ я наконецъ для ней карету, купи къ тому своихъ лошадей, которыхъ содержаніе и кормъ мнѣ стоить въ годъ до шестисотъ руб., что вмѣстѣ съ заплатою музыкальнымъ учителямъ составляетъ тысячу двѣсти руб., за вычетомъ конихъ изъ двухъ тысячъ руб. годоваго нашего жалованья останется намъ на все наше содержаніе восемьсотъ рублей. Еслибы князь благоволилъ уважить хотя мало мою о семь представленія, то конечно бы мы не дошли до того состоянія, въ которомъ мы безъ постороннихъ пособій едва могли пропитаніе имѣть.

7) А какъ я получа отъ Вашего Императорскаго Величества съ женою въ награжденію три ста руб. и по два куса гарнитуру и атласу, употребилъ все сіе на заведеніе моего малаго хозяйства и за вышеописанными расходами, види себя въ совершенной нуждѣ и долгахъ, рѣшился просить князя о вспомоствованіи намъ бенефиномъ и пѣльмъ годъ едва былъ достаточно къ исполненію нашей просьбы. Наконецъ получилъ послѣ многихъ другихъ бенефиесъ. Но оиъ былъ новымъ поводомъ къ обидамъ, ибо ни одного не узншено случая, гдѣ бы мнѣ и жонѣ не было отъ него снѣгъ вспоможеніемъ упрекасмо до поношенія.

8) Порываемы будучи должностію и признательностію къ тебѣ, нашей благотворительницѣ, просили мы князя неоднократно о доставленіи чести показаться жонѣ моея передъ Вашимъ Величествомъ въ тѣхъ новыхъ оשרахъ, въ которыхъ она отъ публики удостоенаеъ вниманія; но въ теченіе пѣльмъ трехъ лѣтъ, кромѣ оперы «Феудла» и двухъ разъ «Школы злословія», по всей усиленной просьбѣ ходатайства отъ князя получить не могли, а мы осмѣливаемся думать, что всемилостивѣйшая наша Императрица, милосердно извиня недостатокъ,

¹⁾ Опера съ хорами и балетамп, муз. Антонио Сальери.

возрѣла бы на единое усердіе и удостоила бы своего вниманія, что бы и составило намъ удовольствіе несовершеннѣйше и поревнованіе къ трудамъ.

9) Князь высочайшимъ именемъ Вашего Величества приказывалъ чрезъ меня записать женѣ моей въ Эрмитажъ роль актрисы Софроновой и давъ на сіе письменный мнѣ ордеръ, послѣ, по претензій о семъ оной Софроновой, отъ онаго формально отозвался, сказавъ, что я о семъ его просилъ для своей жены, а приказаній на то отъ Вашего Величества никакого не было, и тѣмъ разстроены стали со мною въ товариществѣ.

10) Не было ни однихъ по театру раскиданныхъ вздорныхъ и безумственныхъ стиховъ, коихъ бы сочиненіе князь не выдавалъ на счетъ моего сочиненія и, призывая неоднократно, угрожалъ мнѣ Степаномъ Ивановичемъ¹⁾.

11) Жена моя, получа охоту къ дѣйствованію въ драмахъ и трагедіяхъ, избрала трагедію «Сорену» и, выуча оную, хотѣла играть, а тѣмъ болѣе, что актрисы къ занятію сихъ ролей у театра не имѣютъ; трагедія хотя и печатная и все излишнее изъ нея со тщаніемъ вычервено и выброшено, но оную играть княземъ не позволено. Сямъ бы и дозможно было все окончиться, и намъ, за усердіе наше къ театру, если не награжденіемъ, то по крайности обычнымъ спокойствіемъ воспользоваться надлежало, но князь, по принятымъ противу насъ поступкамъ и силѣ, воспользоваться не преминулъ и обратилъ оное въ чувствительнѣйшее мнѣ пораженіе, утверждая открыто, что выборъ сей трагедіи непременно мой единственно, хотя мы вѣдь театромъ оную выбрали и все вообще чернили оную.

12) Пунктъ очень малой, но притомъ и замѣтной: при всякомъ разѣ, увиди мою жену, князь говорилъ, чтобъ она меня, какъ злобынаго и дурнаго поведенія человека, не слушалась и остерегалась.

13) Такъ какъ я упражняюсь во обученіи къ партикулярнымъ театрамъ актеровъ и актрисъ и получаю сямъ пособіе въ моемъ пропитаніи, то князь и сего предмета сѣзъ обзорнѣе не упустилъ и предлагалъ все сіи старанія на то, чтобъ вывести меня изъ довѣренности всѣхъ тѣхъ, кои или уже отдали мнѣ своихъ учениковъ, или отдать намѣревались, употребляя на сіе убѣдительное доказательство, что если тѣхъ ученики станутъ у меня обучаться, то оны, яко директоръ театра, лишитъ сихъ людей входа въ оный.

14) Въ бытность здѣсь въ С.-Петербургѣ его свѣтлости покойнаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго и при представленіи комедіи «Братомъ проданной сестры», я имѣлъ счастье заслужить его благоволеніе до того, что угодно ему было броситъ мнѣ на театрѣ вѣсколько сотъ червонныхъ. Князь, будучи тутъ же въ ложѣ, и изъ сего дѣстнаго для меня благоволенія и чести составилъ чувствительнѣйшую обиду и поношеніе, сказавъ его свѣтлости: первое, что сіе здѣсь не въ употребленіи, а второе, что я не достоинъ сего знака отличія, пѣо я, при весьма дурномъ поведеніи, нѣница и гордецъ. И такъ, мало для него казалось лишитъ меня знака милости его свѣтлости, нужно было и обнести до совершенства.

15) Теперь пристуваю къ описанію того, что совершенно открыто все неблаговоленіе, какое князь противъ меня имѣетъ, и что все мнѣ употребляетъ къ истинной моей пагубѣ. Во время объясненія въ Конторѣ шельма жены моей, я оправдывалъ упомянутой въ ономъ

¹⁾ Шешковскій, начальникъ тайной экзекуціи.

паемъ лопъ, что хотя бы за деньги жена моя имѣла мѣсто и не была бы таинма въ парадись, князь съ величайшимъ презоретвомъ возразилъ: «ужь и ты можешь за деньги носить ложу?» Я отвѣтствовалъ, что, любя жену мою, могу для нея напимать, и почему можно лишить насъ права имѣть за деньги мѣста? Когда портной, слесарь, сапожникъ и самый послѣдній мѣщанинъ вправъ имѣть оное, то и, будучи такой же, какъ и они, гражданинъ, могу ласкаться за деньги тамъ имѣть себѣ мѣсто, гдѣ всѣ имѣютъ за оныя. Сие слово «гражданинъ» принято за слово казистой дерзости и всюду разславлено, что и произнесъ оное съ правилами бушта и ими уносенъ до совершенства. Судите, Всемилостивѣйшая Государыня, сколь притѣснительны должны быть дѣйствія, когда съ успаемъ обращаютъ въ злоумышленіе слово самое невинное, слово по всюду употребительное, слово, изложеное въ самомъ богоподобномъ начертаніи нашего Наказа, гдѣ именно сказано: «слова никогда не имѣются въ преступленіе, развѣ оныя приуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствию незаконному.

«Здѣсь я все заключу тѣмъ, что чувствительное только сердце и великая душа могутъ зрѣть, сколь убивственны сн ухищренія для того, кто обожаетъ свою монархію, для того, кто всѣмъ своимъ патетичнымъ и будущимъ блаженствомъ обязанъ ея милосердію. Уповая на оное, льщусь, что сонзволито удостоить покровительствомъ своимъ чету, хотящую жить единственно для обоготворенія тебя, великой благодѣтельницы.

«Неблаговоленіе къ намъ князя открылося съ самой нашей женитбы и вступленія подъ его команду, а усугубилсъ съ самаго того времени, какъ и отказался по его предлогамъ изъ ломбарда обратно взять вещи, о чемъ я въ письмѣ Вашему Величеству имѣлъ честь допести. Всемилостивѣйшая Государыня! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанные и всѣ обожаящіе Сила Сандуновъ. Елизавета Сандунова».

Императрица уважила просьбу Сандуновыхъ. Письмомъ отъ 1 мая 1794 г., Дмитрій Прокофьевичъ Троицкій увѣдомилъ князя Юсупова, что «Ея Императорское Величество Высочайше указати сонзволила актеровъ Силу Сандунова и жену его Елизавету Сандунову, по желанію ихъ, отъ придворнаго театра уволить»¹⁾.

Князь Николай Борисовичъ, отдѣлавшисъ отъ ненавистнаго ему грузина, немедленно предписалъ Конторѣ: «Россійскаго актера Силу Сандунова и съ женою, по желаніямъ ихъ, отъ службы театральной дирекціи, съ удовольствіемъ по сіе число жалованьямъ и причиннымъ аттестатамъ, уволить, причемъ объявить гардеробмейстеру Отто, какія у нихъ находятся казенныя платья, отобрать, рашпортно и карту, кому слѣдуетъ, отобрать же»²⁾.

Получивши отставку, Сандуновы переселились въ Москву и продолжали тамъ спеническую дѣятельность на больномъ театрѣ Медока. За періодъ времени, отъ 1794 по 1810 гг., въ который Сандуновъ окончательно сошелъ со сцены, мы мало имѣемъ свѣдѣній о немъ, какъ о драматическомъ художникѣ, хотя онъ былъ любимецъ московской публики и душой театра Медока. Остроумный, веселый, обаятельный въ обществѣ, онъ былъ безупречный человѣкъ въ семейной жизни: считая жену свою неотъемлемою своею собственностію,

¹⁾ Арх. Дир. Импер. театр. Отд. II, № 385.

²⁾ Ibid.

собственностію своею считалъ и ея трудовое достоиніе и не считалъ безправственнымъ поступкомъ имъ воспользоваться. «У Сандуновыхъ между собою начинаютъ быть пеладно,—записывать Жихаревъ въ въ своемъ дневникѣ:—подъ предлогомъ обоюдной невѣрности, по что постоянная причина ссоры заключается въ томъ, что мужъ, выстроивъ на общій капиталъ бани¹⁾, записалъ ихъ на свое имя. По сему случаю жена прибѣгла къ покровительству Юрія Владиміровича Долгорукова и просила его посредства. Любопытно знать, чѣмъ все это кончилось, а вѣдь они женились по страстной любви».

Кончилось это весьма печально: супруги навсегда покинули другъ друга, а въ началѣ 1810 г. Сандуновъ покинулъ и сцену. Въ бенефию его должна была идти пастушеская оперетта «Клориди и Милонъ», но, по болѣзни одного актера, ее замѣнили драмой Ильина «Семейство Старичковыхъ». Лишь показавъ бенефициантъ на сценѣ, раздосадованная публика встрѣтила его пикашемъ и свистками. Обиженный Сандуновъ, по своему обыкновенію, обратился къ партнеру съ рѣчью, въ которой оправдывалъ себя въ пережитіи спектакля, напомнилъ о своемъ тридцатилѣтнемъ служеніи искусству и объявлялъ, что онъ поплясаетъ на сценѣ въ послѣдній разъ.

Онъ скончался въ Москвѣ въ 1820 г. марта 27 дня, и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ. На надгробномъ его памятникѣ находится слѣдующая эпитафія:

«Я былъ актеръ, жрецъ Талии смѣливой,
И кто меня въ семь жрецествъ видалъ,
Тотъ мнѣ всегда рукоплескалъ.
Но я не зналъ надменности кичливой!
Въ смыслъ падшии, прохожий, проникай,
Тщеславья жизнию, но знай,
Что міра этого актеры и актрисы,
Какъ я, уйдутъ все за кулисы.
Кто ролю выдержать умѣетъ до конца,
Тотъ воздаяніе получитъ отъ Творца».

«Прошло какихъ-нибудь четверть вѣка, — говоритъ одинъ изъ его біографовъ²⁾—и что же? Кто помнить, кто знаетъ теперь Сандунова? Известны одні Сандуновскія бани. Бани, выстроенныя актеромъ, оказались памятникомъ болѣе прочнымъ, чѣмъ то искусство, которымъ онъ волновалъ сердца, благодаря которому, можетъ быть, многимъ изъ зрителей открылась тайна пониманія изищнаго, возможность тѣхъ высокихъ, прекрасныхъ наслажденій, выше которыхъ нѣтъ наслажденій».

¹⁾ Бани эти существуютъ до-нынѣ и плаваютъ Сандуновскими.

²⁾ Сироткинъ. Истор. Вѣстникъ. Сент. 1883.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ XVIII—XIX СТОЛѢТІИ.

Черезъ два года по учрежденіи придворнаго театра въ Пестербургѣ (30-го августа 1756 года), «находящемуся при дворѣ Ея Императорскаго Величества итальянской комической оперы содержателю Локателли, Всемилостивѣйно дозволено имѣть въ Москвѣ оперный домъ пзъ его кошту для представленія зрителямъ комическихъ его сочиненія оперъ». Для построения того опернаго дома отведено ему пристойное мѣсто и при томъ, для свободнаго тому дому содержанія и представленія въ ономъ помянутыхъ оперъ, дана ему привилегія, въ поощреніе его предпріятія; ему сдѣланы различныя льготы: онъ оставленъ на придворной службѣ съ жалованьемъ, ему разсроченъ числившійся на немъ казенный долгъ и выдано десять тысячъ рублей впередъ, безъ процентовъ, «на выписываніе комедіантовъ» и «на прочее»¹⁾.

Въ это время, 1758 г., въ Москвѣ уже существовала при Московскомъ университетѣ драматическая школа, учрежденная директоромъ университета П. П. Мелленино, въ которой воспитанники изъ разночинцевъ обучались пѣнію, музыкѣ и драматическому искусству. Въ школу эту приглашались даже женщины. Такъ въ «Московскихъ Ведомостяхъ» (27 іюля 1757 г.) объявлено Сило: «женщинамъ и дѣвкамъ, имѣющимъ способность и желаніе представлять театральныя дѣйствія, такъ же пѣть и обучать тому другихъ, явиться въ канцелярію Московскаго Императорскаго университета». Не откликнулись ли на этотъ зовъ Московскаго университета наши драматическія прабабки, первый женскій персоналъ русскаго театра, Марья Анааньина (впоследствии была замужемъ за Григорьемъ Волковымъ), Ольга Анааньина (за Шумекимъ), Аграфена Михайловна Муенин-Пушкина (за Дмитревикимъ), Авдотья Михайловна Зорина и знаменитая Татьяна Михайловна Троспольская? Основатель и кураторъ университета П. П. Шуваловъ особенно покровительствовалъ театру и хотѣлъ построить свой театръ, на что дозволили выдать замоскворазно изъ университетскихъ суммъ десять тысячъ рублей, но это предложеніе не осуществилось²⁾.

Мѣсто, отведенное Локателли для постройки театра, находилось —

¹⁾ Архивъ дирекціи. Отд. II, № 56, 62.

²⁾ Ист. Импер. Моск. унив. Шевырева, стр. 83.

по однимъ указаніямъ, гдѣ-то у Красныхъ воротъ¹⁾, а по другимъ— у Краснаго пруда, гдѣ теперь вокзалъ Николаевской дороги. Черезъ восемь мѣсяцевъ, по полученіи разрѣшенія, театръ былъ уже готовъ, и 19-го января 1759 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано: «черезъ сіе объявляется, что г. оперистъ Локателли начеть свои представленія на будущей недѣлѣ, а день объявленъ будетъ особыми печатными листами»²⁾. Труппу вновь открытаго театра, кромѣ музыкантовъ и танцоровъ, составляли пѣвцы — Андреасъ Еліасъ, Эргардъ, Кастратъ Масси; пѣвицы—Стелла и Комати. Потомъ къ нимъ присоединились знаменитые въ то время артисты — Кастратъ Манфредини и Монтованини.

Послѣ первыхъ же представленій, Локателли встрѣтился съ равнодушіемъ публики и къ концу года обратился къ правительству за разрѣшеніемъ дозволить ему давать маскарады, «такъ какъ онъ, издержавъ знатную сумму денегъ на выписываніе людей, въ разсужденіи малаго числа зрителей, не имѣетъ почти надежды возвратитъ употребленный свой капиталъ». На эту просьбу воспоследовало Высочайшее соизволеніе.

Въ 1760 г. на помощь Локателли пришелъ съ своими питомцами актерами Московскій университетъ. Въ этомъ году, сверхъ ста учениковъ университетской гимназіи, восемнадцать учениковъ изъ разночинцевъ составляли труппу московскаго театра и содержимы были на иждивеніи Локателли, который завѣдывалъ русскимъ театромъ и итальянской оперой. Изъ этихъ восемнадцати—десятеро должны были учиться музыкѣ вокальной и инструментальной, двое — театальной живописи и шестеро—танцамъ. Они состояли подъ дирекцію М. М. Хераскова, которому поручено было смотрѣть за театромъ по контракту, заключенному съ Локателли. Достояннѣйшимъ изъ актеровъ дозволялось носить шпаги³⁾.

Шпага должна была внушать юношамъ къ себѣ уваженіе и ограждать ихъ отъ дурныхъ поступковъ. Ношеніемъ шпаги она сравнивалась со студентами, она давала имъ *благородство*. Бывали случаи, что ученики гимназіи принимали участіе въ кулачныхъ бояхъ на Неглинной или на Никольской около Заиконоспасскаго монастыря. Ученики семинаріи или академіи вступали въ бой съ гимназистами. Это бывало среди бѣлаго дня. Къ гимназистамъ присоединялись и служители столовой, куда ходили ученики обѣдать. Студентъ, получившій шпагу, долженъ вести себя благородно и избѣгать подобныя игрища.

Одинъ разъ молодая труппа, черезъ нарочную эстафету потребована была въ Петербургъ, со своимъ лучшимъ театральнымъ платьемъ.

Изъ объявленій при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени видно, что репертуаръ молодой труппы составляли комедіи Мольера: «Скапеновы проказы», «Скупой», «Школа мужей», «Тартюфъ или Лицемеръ», «Жоржъ Дандинъ», Сумарокова: «Синавъ и Труворъ» и разныя небольшія комедіи. Что касается до «зрителей», то бывали случаи, что они вели себя неприлично. Такъ при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1760 г. іюня 2) приложено было такое объявленіе. «Сего іюня, 4 числа, т. е. въ будущее воскресенье, на оперномъ театрѣ представлена будетъ переведенная на російскій языкъ комедія, сочиненія господина Мольера, называемая «Скапа-

¹⁾ Н. Ег. Забѣлицъ. Опыты изученія рус. древн., часть II, стр. 461.

²⁾ Ibid. стр. 462.

³⁾ Истор. Моск. Импер. ун-в. Шевырева.

новы обманы», послѣ которой также будетъ малая комедія, называемая «Криспинъ слуга, драгунъ и нотаріусъ», при чемъ будутъ и балеты. Для происшедшаго жъ въ прошлое воскресенье непорядка, въ которомъ у нѣкоторыхъ откупленныхъ уже ложь ключи отбивали и входили въ оныя насильно, учиненно такое распоряженіе» и т. д.

Въ началѣ 1761 г. дѣло Локателли стало приходить въ упадокъ. «На Локателлевомъ театрѣ, — пишетъ графиня Воронцова своей дочери, графинѣ Строгановой, — было представлено два спектакля, первая русская комедія и съ балетомъ «Пустыхъ божествъ», а послѣ того была опера итальянская «Консерсаціоне» и балетъ «Фоксанъ», а входъ въ оперу платили по два рубля. Наша опера въ худомъ состояніи. Танцовщики сбѣсались и не хотятъ танцевать, только одна Монтуанини соли танцуетъ. А сегодня будутъ маслиньки ребята придворные (?) танцовать и Локателли въ худыхъ обстоятельствахъ. А наконецъ, я думаю, что и вовсе опера наша исчезнетъ»¹⁾.

И не одни итальянскіе танцовщики сбѣсались: русскіе комедіанты тоже вызвали своимъ поведеніемъ строгія замѣчанія высшаго начальства. Такъ, въ томъ же 1761 г., Шуваловъ въ orderѣ директору Хераскову пишетъ:

«Я слышалъ, что наши комедіанты, когда хотятъ — играютъ, а когда не хотятъ, то изъ половины начатой комедіи или трагедіи перестаютъ и такъ недокончивъ оставляютъ, причиною представляя холодъ, съ каковыхъ непорядковъ нельзя ожидать ни плода, ни прибыли, и тѣмъ самымъ отгоняютъ охотниковъ къ спектаклямъ, почему народу събѣгается гораздо прежняго менѣе, слѣдственно и денежный сборъ противъ дѣлаемыхъ во время спектакля издержекъ гораздо недостаточенъ; того ради извольте приказать, чтобы въ оныхъ спектакляхъ должность комедіантовъ исправляема была съ лучшимъ порядкомъ»²⁾.

Срокъ данной Локателли на содержаніе театра привилегіи кончался въ 1766 г., но театръ его «рушился» ранѣе этого срока. Въ концѣ 1762 г. онъ обратился вновь за помощію къ правительству, и ему Всемилостивѣйше было дозволено дать пять маскараровъ, съ подтвержденіемъ, «чтобы ни что при себѣ не имѣлъ никакого оружія, т. е. сабель, кинжаловъ и т. п.»³⁾. Но это нисколько не поправило его обстоятельства, и онъ объявилъ себя банкротомъ и покинулъ сцену навсегда. Въ архивныхъ документахъ дирекціи Императорскихъ театровъ мы встрѣчаемся съ нимъ послѣ описаннаго происшествія черезъ двадцать два года: въ 1784 г. онъ былъ опредѣленъ въ театральное училище «для обученія воспитанниковъ итальянскому языку, а при томъ нужному понятію и французскаго», а въ 1785 г. скончался⁴⁾.

Вмѣстѣ съ Локателли прекратили свою сценическую дѣятельность и университетскіе актеры — разночинцы, и только черезъ пятнадцать лѣтъ (въ 1777 г.) московскій университетъ вновь принимаетъ участіе въ судьбахъ русскаго театра. Въ этомъ году, въ стѣнахъ университета возникаетъ вновь театръ. 28-го апрѣля студенты представляли передъ публикою трагедію Сумарокова «Синавъ и Труворъ» и «Нечаянное возвращеніе». Въ 1778 г., на другой день послѣ акта, января 13-го,

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, книга 4, стр. 462, 468.

²⁾ Ист. Импер. Москов. унив. Шеншерева, стр. 85.

³⁾ Арх. дир. Имп. театр. отд. II, № 67.

⁴⁾ Ibid. Отд. II, №№ 185, 256.

было также представление на студенческомъ театрѣ. Зимой, особенно на святкахъ, во время ваканцій, театръ составлялъ общее удовольствіе студентовъ и гимназистовъ.

Домашній театръ университета имѣлъ полный запасъ кулисъ и гардероба, прибрѣтенныхъ или пожертвованіями знатныхъ лицъ, доброжелателей университета, или складчиною участниковъ въ удовольствіи. О святкахъ или на масляную давали обыкновенно два—три представленія, съ своею музыкою. Женскія роли исполнялись обыкновенно учениками. Шесы были — комедіи: «Недоросль», «Скупой»; оперы: «Мельникъ» Аблесимова, «Добрые солдаты» Хераскова. Изъ талантливыхъ исполнителей, между прочимъ, выдѣлялся особенно студентъ Петръ Васильевичъ Зловъ, бывшій впоследствии отличнымъ актеромъ на Императорской сценѣ.

Въ 1766 г., по окончаніи срока привилегіи, данной Локателли. содержаніе русскаго театра принялъ на три года полковникъ Титовъ. а содержаніе маскарадныхъ представленій—итальянцы Бельмонти и Чути, по привилегіи, выданной имъ на пять лѣтъ, на слѣдующихъ условіяхъ: «давать имъ однимъ балы, публичные маскарады, комедіи и оперы; приглашать свободныхъ и несвободныхъ людей обучать танцамъ; балы и представленія производить на всѣхъ языкахъ, на какихъ они разсудятъ. Полиціи предписано отвести имъ мѣсто для постройки новаго театра, который они обязывались выстроить. Черезъ три года (1769), Титовъ отъ содержанія русскаго театра отказался, Бельмонти и Чути приняли на себя его содержаніе съ продолженіемъ данной имъ привилегіи еще на пять лѣтъ. Такъ какъ мѣсто, отведенное полиціею итальянцамъ для постройки театра—между Цокровскими и Мясницкими воротами, гдѣ была стѣна Вѣлаго города и лѣсной дворъ—было сыро и низко, то, чтобы актеры безъ платы, а общество—безъ удовольствія не оставалось, имъ разрѣшено было давать представленія въ наемномъ домѣ генераль-поручика, графа Романа Илларионовича Воронцова, на Знаменкѣ, гдѣ теперь домъ Бутурлиной, противъ Александровскаго военнаго училища.

Наступилъ страшный 1771 годъ: чума заступила всю Москву, было не до театра. Бельмонти скончался. Въ это время проживалъ въ Москвѣ въ крайнемъ убожествѣ «установитель русскаго театра», Александръ Петровичъ Сумароковъ, съ тремя новыми комедіями и трагедіей, которая не только не шла на сценѣ, но и переписать ихъ было некому. «Комедій у меня три готовы, — пишетъ онъ къ секретарю Екатерины, Григорью Васильевичу Казинскому, — и одна трагедія, но переписывать ее некому, а которые были пограбленныя изъ студентовъ въ Сласскомъ училищѣ, тѣ нынѣ всѣ поны, ибо поны и церковники въ Москвѣ всѣ вымерли». Споря о судьбѣ русскаго театра, о своемъ дѣтншѣ, онъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ императрицѣ.

«Всемиловѣйшая Государыня. Въ Москвѣ былъ театръ на самомъ худомъ основаніи, какъ и все было худо; да и ждати добра, видя во всемъ, и кромѣ театра непорядки, было миѣ по театру успѣха невозможно. Бельмонти, покутивъ во время своего содержанія множество итальянскихъ крющковъ и подостей, денегъ собралъ съ народа много, думалъ о единомъ сборѣ и своихъ доходахъ и всѣ сборы промотавъ, въ бѣдности умеръ.

«Атеры, для бывшія язвы, ничего не представляли и пришли въ крайнюю бѣдность и чуть было всѣ не разошлись, однако князь М. И. Волконскій, Д. В. Волковъ и г. оберъ-полиціймейстеръ нынѣ стара-

ются имъ подписками ради пропитанія нѣчто собрать, и чаю, что ими сіе дѣло исполнится. Здѣсь многія разсужденія о театрѣ отъ людей партикулярныхъ происходить, какъ бы его установить. Когда о мастерствѣ портныхъ столяры разсуждаютъ, такъ платья хорошаго никогда не будетъ, а театръ по крайней мѣрѣ лучше, почтеннее, полезнее и лучше учреждая быть долженъ, нежели мастероваго изба портныхъ. Все будетъ худо, если плотники будутъ строить палаты, а каменщики хоромы. А всего хуже, ежели, какъ говорятъ, Мелиссино ввяжется въ сіе дѣло, ибо онъ давно уже съ Суккинымъ и двумя братьями Пушкиными театральный проеякъ узаконилъ. Si Poushkin et son frère ont fondé les principes de théâtre, Votre Majesté peut déjà faire une conclusion, quelle honnêteté était la source de leurs projets. Voilà les conseillers de Melissino touchant le théâtre!—et je ne voudrai lier une étroite amitié avec Poushkin et même avec Melissino pour tous les biens du monde ¹⁾. Желалъ бы и видѣть въ Москвѣ основательный и порядочный театръ, а особливо, что здѣшніе нравы великой поправки требуютъ. Если угодно Вашему Императорскому Величеству видѣти въ Москвѣ театръ, и что бъ можно было приступить особливо къ исправленію здѣшнихъ развратныхъ нравовъ, а я бы удобнѣе могъ и охотнѣе сочинити драмы, такъ Ваше разсужденіе лучше всѣхъ моихъ представленій помощь и руководство Мельпоменѣ и Таалін подать можетъ. А если невѣжи располагать будутъ, не спрося знающихъ людей, такъ все перепортятъ, а особливо ежели l'orgueil lieux et homme le plus intéressé Melissino selon le projet de deux Poushkins, de ces deux les très fameux honnêtes hommes, aura la direction. ²⁾—Ваше Величество примѣтили, что бы я когда нѣчто говорилъ. J'aime la vérité plus que ma vie et tous les biens du monde, et je ne cherche d'autre chose qu'à me recommander à mon Dieu, à mon Impératrice et à la sincérité de mon ame et de ma raison ³⁾».

По повелѣнію императрицы, на это письмо отвѣчалъ Сумарокову статскій-секретарь ея, Гр. В. Казницкій.

«Ея Величество изволила приказать къ вамъ написать, что бъ вы проеякъ къ учрежденію Театра московскаго представили, отъ котораго бы и представляющіе и зрители могли имѣть пользу».

Сумароковъ немедленно, въ двухъ письмахъ къ императрицѣ, изложилъ свое мнѣніе относительно этого проекта:

1) Отъ 19-го апр. 1772 г. «Всемилюбвиѣйшая Государыня. По благоволенію Вашего Императорскаго Величества объ установленіи и о хорошемъ основаніи московскаго театра проеякъ и планъ составляю, дабы театръ былъ, какъ говорится, не на живую нитку положенъ и что бы основаніе онаго было непремѣнно и не слабо, но твердо и вѣчно. А потому, что я кромѣ моихъ авторскихъ сочиненій къ оному и причастенъ быть не хочу, что касается до управленія, такъ я и не для себя оное основаніе положу и не для короткаго времени, но навсегда. Расположивъ оное учрежденіе и какъ скоро въ немъ буду го-

¹⁾ Если Пушкинъ и его братъ составили правила относительно театра, то Ваше Величество можете уже сдѣлать выводъ, какава честность была источникомъ ихъ проеяктовъ. Вотъ совѣтники Мелиссино касательно театра! И я не хотѣлъ бы связать себя тѣсною дружбой съ Пушкинымъ и даже съ Мелиссино ни за какія блага въ мірѣ.

²⁾ Горделивый и человекъ самый корыстный Мелиссино, согласно проекту двухъ Пушкиныхъ, этихъ двухъ весьма извѣстныхъ честныхъ людей, получить управленіе.

³⁾ Я люблю истину больше жизни, болѣе всѣхъ благъ въ мірѣ, не ищу ничего другого, какъ вручить себя моему Богу, моей императрицѣ и ея искренности отъ всей души и отъ моего разсудка.

товъ, ради разсмотрѣнія и ради утверждѣнія пришлю въ Петербургъ и о семъ ясно представлю, сколько умѣю.

2) Отъ 30-го апрѣля того же года. «Всемилоостивѣйшая Государыня. Изготовляя планъ театра, стараюсь я о хорошемъ онаго основаніи, зная то, что хотя мое стараніе о установленіи театровъ было велико, но чрезъ болѣе двадцати лѣтъ, не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ никакому твердаго къ тому основанію ни мало не положено, и естли Дмитревскаго когда театръ лишится, такъ и все зданіе развалится. А я думаю, что комедіи мои не меньше поправки сдѣлать могутъ, сколько увеселенія и смѣха, а комедіи въ Москвѣ и ради прогнанія невѣжества премудрому Вашему правленію всеконечно много плода принесутъ. А естли время увядающей моей жизни и ослабѣваюція мои силы Вашею монаршею милостію подкрѣпляемы будутъ, такъ я еще четыре года потрудиться уповаю, и театру, а особливо комедіями услужить уповаю, ибо мнѣ прозаическія комедіи сочиняти, имѣя и теорію и практику и видя ежедневныя новыя въ невѣжахъ глушости и заблужденія, очень легко».

Но въ то время, когда Сумароковъ страстно занимался составленіемъ проекта объ установленіи русскаго театра, Мелиссино свой проектъ уже начиналъ понемногу приводить въ исполненіе, и Дмитревскій простиралъ свои виды на судьбы московскаго театра: чрезъ какого-то своего любезнаго друга Григорія Васильевича онъ обратился къ московскимъ актерамъ съ письмомъ такого содержанія: «я имѣю вамъ донести и всемъ вамимъ товарищамъ, что, можетъ быть, въ непродолжительномъ времени, я сдѣлаюсь вашимъ содержателемъ и вашимъ товарищемъ. Я ласкаю себя надеждою, что вы будете мною весьма довольны, а я обнадеживаю васъ, что я все способы употреблю къ удовольствію вашему и ежели въ скорости сдѣлается рѣшеніе сему дѣлу, то въ самой скорости и товарищъ мой къ вамъ прійдетъ для произведенія вамъ хотя нѣкотораго жалованья, несмотря на то, что спектакли можетъ быть долго еще начаться не могутъ. И для того имѣйте немного терпѣнія и не давайте слова никому для вступленія въ обязательство. Между тѣмъ увѣдомьте меня по первой почтѣ, все ли вы въ Москвѣ и что съ вами происходитъ, дабы я могъ помочь вамъ чѣмъ-нибудь изъ денегъ. Но увѣдомьте обстоятельно, а я обнадеживаю васъ, что я все по-дружески, какъ съ братьями, съ вами раздѣлю».

Письмо это попало въ руки Сумарокова, и онъ, при весьма рѣзкомъ письмѣ, препроводилъ его въ подлинникъ къ императрицѣ. «Всемилоостивѣйшая Государыня,—писалъ онъ,—я въ сочиненіи проекта о театрѣ тружуся, соображая все обстоятельства, но сіе мое стараніе пресѣклось и понудило меня всеижайше пріяти дерзновеніе и представить Вашей священной особѣ. Въ самое сіе время Мелиссино призываетъ актеровъ къ себѣ, объявляя, что онъ имѣетъ повелѣніе разсмотрѣть и уставить театръ, которому быть подъ главнымъ его смотрѣніемъ, а содержателемъ избираетъ вмѣсто Сукнина и Пушкина, которые прежде содержателями отъ него назначены были, нѣкого князька Долгорукова, свою родню, человека глупова и мота, который недавно былъ отданъ подъ началь, помнится, въ Соловецкій монастырь. за дѣла, о которыхъ и вспомнить гнусно. Въ сіе время актеры получили отъ Дмитревскаго письмо, вмѣсто истолкованія, кое я при семъ въ подлинникъ приобщаю. Если бы Дмитревскій отъ придворнаго театра былъ уволенъ, тогда бы это еще нѣсколько уважено быть могло; но что бы только доходы онъ получалъ, а я бы ради его тру-

дился и тратилъ время—это моему разсудку непонятно. Довольно и того, что и никакова отъ театра дохода имѣти не хочу, кромѣ новыхъ моихъ драмъ, но обыкновенію всѣхъ театровъ, а я российскому театру трудился больше Расина и Вольтера, но еще и понинѣ изъ крайняго убожества не выбился. И не лучше ли, что бы доходъ былъ при театрѣ казенный, нежели кому партикулярно моими особенно трудамъ обогащаться. Самъ въ театрѣ ввязываться не хочу, слѣдовательно не пишу и своей пользы, которая должна быть казенною, а правительствовать или на хорошемъ основаніи содержателемъ должно быть не глупому и честному, а потому что я въ доходахъ и правленіи, кромѣ плана и моихъ драмъ, участія не беру, такъ равно имѣю—кто бы правителемъ ни былъ, только былъ бы человекъ хорошій, безъ того и порядка быть не можетъ».

Казницій успокоилъ его: «О проектѣ, вами сочиненномъ,—писалъ онъ ему,—Государыня изволила всеиндустивѣйше отозваться, что бы оный продолжали и что московскій театръ еще ни кому не поручить».

Накопецъ, проектъ конченъ, и составитель его обращается съ письмомъ къ императрицѣ:—«По благоволенію Вашего Императорскаго Величества, я проектъ и планъ о театрѣ сдѣлалъ и оный сообщилъ читая Д. В. Волкову и г. оберъ-полиціймейстеру. Они во всемъ со мною согласны крайне. А князю М. П. Волконскому я оный сообщать нужды не имѣю, но смыскавъ кониета и подписавъ купно съ Д. В. Волковымъ представляю высочайшей Вашего Величества апробаціи. Главная нужда въ томъ состояла, что бы была при театрѣ институція, чего прежде не было и отчего были непорядки, а могло бы быть и болѣ: что бы не было никакого митсжа и шуму, отчего безпокойства и всякія худыя слѣдствія быть могли и потребна типшина, а особливо, что бы не было своевольства ни отъ господъ, а наче отъ такихъ холопей, безъ чего ни одно представленіе не проходило. Наче всего я такъ опасался, что бы театръ не былъ порученъ Мелиссино, qui veut remplir sa bourse. Онъ твердилъ, обманывая людей, что каменный театръ будетъ, и подалъ дерзкое доношеніе въ Сенатъ, гдѣ точно видно, чего онъ хочетъ, и нищетъ предвратительно, что онъ за свои труды часть казеннаго отъ Вашего Величества награжденія; но и Д. В. Волковъ и г. Архаровъ, будучи разумны, этому посмѣялись. Театръ каменный быть можетъ и послѣ, но ожидая онаго суетно, не камни, но хорошія драмы и хорошія акціи потребны. А Мелиссиново стремленье—себя обогатить и требовать еще за то непомѣрнаго вознагражденія».

Хотя ни Мелиссино, ни Дмитревскій не получили антрепризы московскаго театра, но и труды Сумарокова по составленію порученнаго ему проекта пропали даромъ: не окончившаяся еще привилегія на содержаніе театра, данная покойному Бельмонти, перешла къ иностранцу Гроту, который сталъ распорядиться драматическими произведеніями российскаго господина Расина, какъ своей собственностию: не только не приглашалъ его на репетиціи, но даже не испрашивалъ у него разрѣшенія на постановку его пьесъ на сценѣ. Сумароковъ снова обращается съ письмомъ къ императрицѣ. «Всеиндустивѣйшая Государыня. — нишетъ онъ отъ 31-го января 1773 г., — трагедіи мои играютъ скаредно, никто актеровъ не учитъ, а я извѣщая досады въ театрѣ не ѣзжу, да и выпускать новыя драмы не можно, ибо такъ разсуждаютъ: когда-де пьесы играны при Дворѣ и напечатаны, такъ играть можно. Съ Бельмонти сдѣланные кон-

тракты и до другихъ содержателей касаются, я не работникъ на московскую публику, а наче на содержателя. На что бы мнѣ и трудиться, если бы мои труды тщетны были? Возможно ли поощрять себя къ театральнымъ сочиненіямъ, когда пьесы мои, тщательно сочиненныя, всемірно безобразятся и за которыя почти при каждомъ представленіи по тысячѣ рублей собирается, а со мною сбивается древняя русская поговорка: «я имянинникъ, да мнѣ и пирога иѣтъ». Ни покойная Императрица, ни Ваше Величество моихъ драмъ, какъ монарха власть ни велика, никогда безъ особенной милости представлять не повелѣвали, и всегда я отличнымъ пріятіемъ, питающимъ мое любочестіе, отъ Вашихъ Высочайшихъ Особъ пользовался. Говорять, будто философы презирають и иочестъ и доходъ. Это неправда, потому что и философы ѣдятъ и пьютъ и презрѣнія не любятъ. Не прикажите, Государыня, моихъ піесъ, игранныхъ только предъ очами Двора, представлять противъ всѣхъ театальныхъ учрежденій въ Москвѣ, обезображивая меня и отнимая мой авторскій доходъ. А игранныя пускай играютъ, я имъ не спорю, но не должно ли мнѣ несмысленныхъ актеровъ поучить. И въ Петербургѣ безъ моего показанія мои драмы играны не бывали. Я за старыя піесы дохода не требую, а требую только достойнаго представленія. Не лишите, Государыня, меня оставшей охоты къ театальному сочиненію! Развѣ мнѣ, поработавъ ради славы, принятыя за сочиненіе романовъ, которые мнѣ дохода довольно принести могутъ, ибо Москва до такихъ сочиненій охотница; но мнѣ романы ли писать пристало, а особливо въ дни царствованія премудрыя Екатерины, у которой, я чаю, ни единого романа во всей библіотекѣ не същется. Когда владѣеть Августъ, тогда ишутъ Виргилій и Овидій, и въ почтеніи тогда Енеиды, а не Бовы королевичи. А я и Бовою, выданнымъ отъ себя, не обезчещуся, хотя и не много чести присовокуплю!»¹⁾

Исслѣдованія Л. Н. Майкова рисуютъ намъ театральные нравы времени Екатерины II, которые очень болѣзненно отразились на «установителѣ русскаго театра» Сумароковѣ, по утонченность нравовъ дѣлаетъ все-таки замѣтные усилѣи въ русскомъ обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивается и любовь къ театральнымъ зрѣлищамъ, и даже начинаютъ устраиваться, при дворѣ и въ высшемъ обществѣ столицы, такъ-называемые благородные спектакли. По рядомъ съ этимъ сознательнымъ увлеченіемъ искусствомъ, примѣръ которому были поданы императрицей и ея приближенными, появляются неуемные подражатели, для которыхъ посѣщеніе театра становится модою. «Наши дворяне и большая часть молодыхъ людей,—замѣчаютъ по этому поводу сатирической журналъ 1769 года «Всякая Всячина»,—обыкновенно увѣрютъ, что они большіе охотники до театральнаго представленія, и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. Едва услышатъ они о новой драмѣ, то уже толпами собираются въ театръ и съ нетерпѣливостію дожидаются примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры, ими представляемые. Они болѣе берутъ участія въ небольшихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они намъ являются. Какъ Дмитревскій, Ле-Сажъ, или Троепольская, Мартеньша и пр. одѣты были, ихъ голоса, движенія, осанка составляютъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ. Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любовницу и его самого,—Гарпагопова гнусная

¹⁾ Лѣтоп. Тихонравова, т. III.

скудость, Магометово злодѣйство и ложью ослѣпленное суевѣріе, ополчающія руки чады на родителя,—исправленіе мота, словомъ, всё сія живо изображенные характеры, вымышленные стихотворцами, возбуждающіе въ насъ благородныя чувства, исправляющіе наши нравы... предаются молчанію и столь мало внимаются, будто бы никакого примѣчанія не заслуживаютъ. Иные принуждаютъ себя казаться знающими въ драматическихъ сочпненіяхъ и любителями оныхъ и говорятъ, что больше только отъ скуки смотрятъ: но со всёми тѣмъ можно видѣть, что ничто имъ больше онаго нравится».

До какой степени наивны были сужденія тогдашней русской публики объ игрѣ актеровъ,—объ этомъ мы находимъ нѣсколько современныхъ извѣстій. Воспринимасное русскимъ обществомъ европейское образованіе подавляло самостоятельность его понятій до того, что оно не умѣло объективно цѣнить возникшіе въ средѣ его дарованія ¹⁾.

Прибавимъ къ этому, что въ тогдашнее время занятія актера считались вообще неблагородными, а знакомство съ комедіантами—упи-зительнымъ для порядочнаго человѣка. Вслѣдствіе того, дружба нѣкоторыхъ писателей изъ дворянъ: А. П. Сумарокова, Н. П. Новикова, В. П. Майкова съ знаменитыми русскими актерами Ф. Г. Волковымъ и П. А. Дмитревскимъ оказывалась даже нѣкоторымъ протестомъ противъ господствовавшихъ въ обществѣ предрасудковъ.

Неудивительно, что при такихъ понятіяхъ русская публика обнаруживала крайнее неумѣнье вести себя въ театрѣ, и особенно въ такомъ, гдѣ играли русскіе актеры. Въ «Вечерахъ», сатирическомъ журналѣ 1770—1771 годовъ, находимъ слѣдующее любопытное письмо одной дамы: «Господа издатели. Усерднѣйше прошу васъ дать пристойно восчувствовать нашимъ согражданамъ, въ чемъ состоитъ цѣль и установленіе театровъ, и что на таковыя позорища, какъ комедія и трагедія, ѣздить, чтобы слушать, а не только глядѣть или себя казать и смотрѣть другихъ. и что благоразумное воспитаніе учить въ собраніяхъ, гдѣ чего бы то ни было и какое-либо сообщество собралось слушать, если самъ слушать не хочешь, то другимъ не мѣшать. Миѣ случилось быть въ театрѣ, когда русскаго «Беверлея» представляли; истинно съ крайнею прискорбною слышала: во-первыхъ, что не умолкали говорить; многія дамы для прохладженія между изъ караульни посылали просить, другія—кушали; наконецъ, въ театрѣ хотали, на что, конечно, другой причины тѣмъ забывшимъ людямъ не было, какъ только названіе комедіи, въ которую, по ихъ мнѣнію, надлежало смѣяться. Молчаніе и тихость не прежде возстановились, когда въ самомъ дѣлѣ только глазами, а не слухомъ, вниманіе имѣть должны, то-есть, въ балетѣ. Размышляя о семъ, миѣ пришла на умъ и та неутѣшная мысль, что намъ предъ чужестранными и тѣмъ извиниться не можно, что параднсь или, въ другихъ мѣстахъ, партеръ всякаго состоянія людьми въ вольныхъ позорищахъ наполняется, потому что въ Императорскій театръ, кромѣ благородныхъ, положено не впускать, почему титулованныя особы суть одни въ немъ зрители» ²⁾.

Особенно безцеремонно вела себя театральная публика въ Москвѣ. Картину ея поведенія оставилъ Сумароковъ въ слѣдующихъ строкахъ предисловія къ своему «Димитрію Самозванцу»: «Непристойно

¹⁾ «Всякая Вѣщина», ст. 120—123.

²⁾ «Вечера», ч. II, стр. 67—28.

събъжавшимся видѣть «Семиру» сидѣтъ возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думать, что когда за вхоть заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывать исторіи своей недѣли громогласно и грызть орѣхи... Многие въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорища ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты; а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе публики автору; ево служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы, путешественники, бывшіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите: грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи, и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, събгуть ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра?»¹⁾

Эти дикія черты театральныхъ нравовъ могли бы казаться невѣроятными и изобрѣтенными горячимъ воображеніемъ раздражительнаго Сумарокова, если бы не находили себя подтвержденія въ нижеслѣдующемъ объявленіи отъ московскихъ актеровъ труппы антрепренеровъ Бельмонти и Чути, которое было тогда же напечатано и раздавалось, вѣроятно, вмѣстѣ съ афишами.

ОТЪ АКТЕРОВЪ РОССІЙСКАГО ТЕАТРА.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Декабря 22-го дня представлена будетъ «Семира», на собственный зборъ актеровъ. Авторъ оной драмы покорнѣйше проситъ публику о благоволительномъ слушаніи, дабы могъ оны давати свои драмы и впредь, ради удовольствія зрителей. Онъ бы тиетно давалъ на представленіе свои сочиненія, ежели бы оны чаялъ то, что не для слушанія ево драмъ, но ради единого собесѣдованія и разговоровъ въ театральныи домъ собираются; ибо трудолюбно написанныя имъ сцены мѣшали бы собирающимся разговаривать. Автору кажется, что сіе ево размышленіе основательно и требованіе справедливо: о чемъ и актеры никакъ не просятъ. А въ противномъ случаѣ, ни одной трагедіи и ни одной комедіи сего автора, безъ присутствія Двора, при жизни авторовой, въ Москвѣ представлено не будетъ. А содержатели театра съ нимъ письменно обязались, чтобъ безъ ево согласія ево сочиненій не представлять, чевъ они и безъ обязательства дѣлать не могутъ. Представленіе начнется по обыкновенію въ 6 часовъ пополудни».

Главнокомандующій въ Москвѣ графъ П. С. Салтыковъ (1700—1772) былъ человекъ довольно добрый, не склонный къ грубому обращенію, если сердился или когда бывалъ навеселѣ, что случалось съ нимъ, по увѣренію Сумарокова, чуть ли не каждый день...

Главнымъ помощникомъ графа Салтыкова по управленію столицей былъ московскій оберъ-полиціймейстеръ графъ Василій Ивановичъ Толстой (ум. 1785 г.), родной внукъ знаменитаго графа Петра Андреевича Толстого (1645—1729), женатый на Аннѣ Яковлевнѣ Протасовой (ум. 1786 г.).

Одинъ изъ разгульныхъ москвичей, графъ Михаилъ Федоровичъ Апраксинъ, женатый на дочери статскаго совѣтника Алексѣя Михайловича Еропкина (ум. 1764 г.), принадлежавшаго къ числу главныхъ пособниковъ въ возведеніи на престолъ Екатерины II, увезъ къ себѣ

¹⁾ Сочиненія, ч. VI, стр. 63.

въ деревню еще лѣтомъ 1770 г. первую московскую актрису Елизавету Иванову. Они вели разгульную жизнь, и Апраксинъ спонлъ ее съ кругу. О побѣгѣ ея дали знать въ полицію, которая ее разыскала и выслала обратно въ Москву, а за нею явился туда опять ея похититель, и оба стали вести прежнюю жизнь. Иванова безпрестанно ругалась на сценѣ съ своими товарищами, а Апраксинъ такъ зель себя, что оберъ-полиціймейстеръ, опасаясь отъ него какихъ-нибудь несчастій, не разъ вынужденъ бывалъ дѣлать ему выговоры и угрозы. Несмотря на свое поведеніе, Иванова сумѣла какъ-то заслужить расположеніе старика графа Салтыкова, который сталъ публично не скрывать своего ей покровительства и вообще хлопотать о ней, такъ что, въ половинѣ января, самъ прѣѣзжалъ съ своимъ сыномъ къ Сумарокову, прося ея поговорить съ Бельмонти и Чуги о томъ, какъ бы удерживать Иванову отъ худого поведенія.

Недоброжелатели Сумарокова задумали осрамить его публично именно тамъ, гдѣ онъ считалъ себя законодателемъ, то-есть въ театрѣ. Для этого лучше всего, казалось, устроить уродливое представленіе одной изъ его пьесъ и произвести во время онаго какой-нибудь скандалъ. Дѣло повели ловко. Княгинѣ В. П. Голицыной и княжѣ Куракиной внушили, не говоря ничего о цѣли, съ которою это дѣлается, чтобы онѣ выразили Сумарокову отъ себя и отъ имени высшаго московскаго общества желаніе видѣть на сценѣ передѣланную недавно авторомъ трагедію «Синава и Труворъ», еще не игранную въ Москвѣ, и комедію его «Три брата-совѣстники». Сумароковъ, очень любившій этихъ дамъ, которыя были къ нему всегда любезны, охотно далъ свое согласіе, необходимое для этого на основаніи контракта его съ Бельмонти, и сталъ учить актеровъ. По репетиціи шли дурно, и даже роли не были разучены, хотя день представленія уже наступалъ. Наканунѣ Иванова, будучи пьяна, не могла ѣхать на репетицію. Сумароковъ обратилъ къ графу Толстому, прося его немедленно выслать ее туда; но Толстой, доживши о томъ графу Салтыкову, получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ самъ будетъ раздавать роли и учить актеровъ; а потому графъ Толстой и совѣтовалъ Сумарокову самому переговорить съ главнокомандующимъ, который благоволилъ къ автору. Сумароковъ поскакалъ къ графу Салтыкову, но, не заставши его дома, зашелъ съ визитомъ къ его сыну, у котораго сидѣли: сестра его княгиня Голицына, зять графъ Шуваловъ и самъ графъ Толстой. Вскорѣ вошелъ туда и воротившійся домой главнокомандующій, уже разсерженный тѣмъ, что Сумароковъ хлопоталъ о высылкѣ укрывавшейся Ивановой. Онъ съ гнѣвомъ и крикомъ бросился прямо на Сумарокова, спрашивая: «для чего ты вилетаешься въ представленія драмъ?» Сумароковъ отвѣтилъ, что жадеетъ, чтобы онѣ были хорошо разыграны. На вопросъ графа Салтыкова: «для чего же въ полицію указы посылаешь?»—онъ отвѣчалъ, что не дѣлалъ этого и сослался въ томъ на графа Толстого. Тогда графъ Салтыковъ закричалъ: «нѣтъ тебѣ дѣла до представленій и актеровъ, не учи ихъ; какъ играть—я приказываю», и вышелъ.

На другой день представляли какую-то комедію вмѣсто объявленнаго «Синава», котораго рѣшительно нельзя было играть, въ чемъ соглашался съ Сумароковымъ и самъ Бельмонти, ссылаясь на то, что актеръ, которому дана была роль Гостомысла, никогда не игралъ еще въ трагедіяхъ, и пьеса не была разучена. Графъ Салтыковъ, увидя въ театрѣ Сумарокова, спросилъ, для чего представляютъ не «Синава» и не онъ ли запретилъ играть его? На отвѣтъ, что роли не

выучены, главнокомандующій закричалъ: «я на зло тебѣ велю играть «Синава» послѣзавтра»—и приказалъ объявить о томъ. Сумароковъ, избѣгая дальѣйшихъ непріятностей, ухалъ, а графъ Салтыковъ, вѣроятно подгулявшій, взялъ случившуюся тутъ актрису Иванову и вышелъ съ нею изъ-за кулисъ на сцену во время представленія, отъ чего вся публика захохотала.

На другой день Сумароковъ, болѣвшійся «васю», ожидавшаго его пьесу, а вѣроятно и предвѣдннй о кабалѣ, готовившіися по сн поводу, рѣшился еще разъ при графѣ Толстомъ попытаться передъ главнокомандующимъ объ отгнѣи представленія «Синава», назначенномъ на 31-е января. Онъ соедался на явленный въ полиціи контрактъ съ Бельмонти, обязывавшій его не играть пьесъ Сумарокова безъ согласія автора и на отзывъ самихъ содержателей театра о томъ, что пьеса не готова. Но графъ Салтыковъ закричалъ: «я контракты передеру». Тогда Сумароковъ объявилъ, что пожалуетсн государынѣ, а графъ Толстой доложилъ, что о нарушении контракта должно писать въ главную полицію, въ Петербургъ, на что графъ Салтыковъ сказалъ: «пишите, куда хотите». Между тѣмъ, онъ непремѣнно приказалъ играть «Синава» 31-го января. Сумароковъ заболѣлъ съ горя и не могъ выходить изъ дому, когда 30-го января принесли ему афишу «Синава», назначеннаго къ представленію на слѣдующій день. Онъ тотчасъ же написалъ къ Бельмонти записку, упрекая его въ нарушении контракта, грозя денежнымъ за то взыскаиіемъ и заявляя, что приказаніе графа Салтыкова не обязательно, потому что оно противно законамъ, стоящимъ выше, нежели воля главнокомандующаго. Иванова, однако, по болѣзни отказалась выучить роль Ильмены и играть ее. Но главнокомандующій, подозрѣвая, что она дѣлаетъ это въ угоду Сумарокову (что полагали, впрочемъ, сами содержатели театра и актеры), велѣлъ держать ее въ театрѣ, какъ бы подъ арестомъ. Приневоленная Иванова въ самый день представленія писала Сумарокову, что ей дѣлаютъ насиліе, что играть она какъ слѣдуетъ не можетъ и сдѣлаетъ это только во избѣжаніе для него непріятностей, хотя роль будетъ испорчена. Между тѣмъ, строптиваго характера графа Салтыкова такъ опасались, что дочь Сумарокова перестала ѣздить въ свою ложу, потому что она была рядомъ съ ложею графа Салтыкова. Съ другой стороны, рассказываютъ, будто Сумароковъ около этого времени былъ въ такомъ гнѣвномъ расположеніи, что выбѣжалъ однажды на сцену во время представленія и выбросилъ за кулисы какую-то актрису.

Сумароковъ нѣскольکو дней лежалъ въ постели и его лѣчилъ докторъ его гонителя графа Салтыкова, но онъ не дожидался не только окончанія позорнаго для него представленія, но и окончательнаго приказанія графа Салтыкова дать оно, чтобы на него пожаловаться. Отъ 28-го января онъ отправилъ въ Петербургъ, съ возвращавшимся туда изъ Москвы извѣстнымъ актеромъ Шумскимъ, письмо къ статсъ-секретарю Козицкому съ приложеніемъ для передачи другого письма на имя самой императрицы.

Козицкаго Сумароковъ просилъ представить немедленно императрицѣ его письмо къ ней.

Императрицѣ Сумароковъ описать все, что рассказано выше и что происходило до 28-го января, то-есть до выхода на сцену графа Салтыкова съ Ивановой включительно, объясняя при томъ причины, руководившія его поступками при столкновеніяхъ съ графомъ, и несправедливости послѣдняго. Къ этому Сумароковъ, прося защиты госу-

дарыни, прибавлялъ доказательства необходимости покровительства для писателей; затѣмъ онъ ссылаясь на письмо къ нему Вольтера, говорилъ, что четыре дня, какъ боленъ съ горя, и что поступки графа Салтыкова помѣшаютъ ему кончить новую трагедію «Дмитрій Самозванецъ», сочинить новую комедію и вообще заниматься писаніемъ разныхъ сочиненій, особенно комедій. на что хотѣлъ бы онъ посвятить еще четыре года своей жизни.

Между тѣмъ, наступилъ роковой для Сумарокова вечеръ—31-го января. Въ театрѣ играли «Синава», а авторъ его, сидя дома, страдалъ отъ физической болѣзни и отъ мученій оскорбленнаго самолюбія; онъ зналъ, что трагедія будетъ изуродована и подастъ случай врагамъ жестоко обижать его.

Несомнѣнно, что во время спектакля 31-го января происходилъ большой беспорядокъ. Шумъ, шиканье и свистъ раздавались во все время представленія: актеры искажали роли, играли дурно и нѣкоторые, какъ говорятъ, нарочно въ угоду начальству и антрепренерамъ, льстившимъ графу Салтыкову. Словомъ, позоръ для Сумарокова былъ полный.

Пока Сумарокова срамили въ театрѣ, самъ онъ въ отчаяніи сидѣлъ у себя и, исполненный горя и негодованія, написалъ извѣстную элегію, въ которой изображаетъ свое ужасное положеніе въ эти тяжкія минуты, воспоминаетъ о своихъ заслугахъ, награжденныхъ такою неблагодарностью, взываетъ къ тѣни Елисаветы, къ Екатериинѣ и другу своему Вольтеру.

Сумароковъ не могъ удержаться отъ того, чтобы, не дожидаясь отвѣта на письмо свое къ императрицѣ отъ 28-го января, не пожаловаться ей на происшедшее. Онъ сдѣлалъ это на другой же день послѣ представленія, написавши къ ней второе письмо, помѣченное 1-мъ числомъ февраля. Въ немъ онъ отчасти повторилъ, отчасти дополнялъ прежде описанныя имъ обстоятельства дѣла, обвинялъ жестоко графа Салтыкова, выставлялъ какъ свои заслуги и похвалы имъ, воздававшіяся за границу, такъ и безукоризненность своей прежней службы и поведенія. Все это такъ же, какъ и первое письмо его, было изложено несвязно и самымъ запальчивымъ тономъ. Въ заключеніе онъ просилъ у императрицы правосудія и разрѣшенія черезъ Козицкаго напечатать приложенную къ письму вышеупомянутую элегію, написанную наканунѣ, во время позорнаго представленія «Синава».

Отъ 1-го же февраля Сумароковъ просилъ Козицкаго поднести императрицѣ его второе письмо отъ этого числа, не ожидая отвѣта на первое отъ 28-го января, и напечатать препровожденную къ ней элегію, а также вручить ей записку къ нему актрисы Ивановой, уже извѣстную читателямъ и должествовавшую, по мнѣнію Сумарокова, доказать, что «Синава» точно нельзя было играть и что, слѣдовательно, онъ правъ.

Императрица, прочитавши письма Сумарокова къ ней отъ 28-го января и 1-го февраля, писанныя самымъ неприличнымъ для подданнаго образомъ, написала на записочкѣ Козицкаго, при которой онъ подалъ ей присланную имъ элегію: «Сумароковъ безъ ума есть и будетъ».

Козицкій отъ 15-го февраля писалъ Сумарокову, что означенные стихи не отданы ему императрицею для печатанія и жалавъ ему успѣха въ сочиненій новой трагедіи, то-есть «Дмитрія Самозванца», но ничего не говорили о судьбѣ его писемъ къ императрицѣ.

Великодушная и мудрая императрица, посмотря на мѣнѣе ея о безумномъ нравѣ Сумарокова, рѣшилась, однако, сама отвѣчать на два его письма. Она хотѣла дать ему урокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ смягчить этотъ урокъ отправленіемъ отвѣта отъ нея самой и формою, въ которую онъ былъ облеченъ, изъ уваженія къ литературнымъ заслугамъ Сумарокова и въ знакъ памяти о случаяхъ, гдѣ онъ выказалъ ей истинную преданность.

Екатерина писала Сумарокову, что удивляется его письмамъ; все дѣло въ томъ, что Бельмонти исполнили приказаніе графа Салтыкова, желавшаго видѣть трагедію Сумарокова, что только дѣлаетъ честь автору, которому слѣдовало исполнить желаніе перваго лица въ Москвѣ, заслуживающаго, по лѣтамъ и славѣ своей, полнаго уваженія. Поэтому она совѣтуетъ ему избгать впредь подобныхъ ссоръ, чѣмъ сохранитъ онъ спокойствіе духа, необходимое для литературныхъ занятій, а ей всегда пріятнѣе будетъ видѣть выраженіе страстей въ его трагедіяхъ, нежели въ его письмахъ.

Настроеніе Сумарокова выразилось въ слѣдующемъ его стихотвореніи:

«Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада;
 Ступайте, фурин, ступайте вонъ изъ ада,
 Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
 Въ сей часъ, въ который я терзаюсь, вопію,
 Въ сей часъ, среди Москвы «Синава» представляють,
 И вотъ какъ автора достойно прославляють:
 «— Играйте, говорятъ, во мзду его уму,
 Играйте пакостно за трудъ на зло ему!»—
 Сбираются ругать меня враги и други,—
 Сіе ли за мои, Россія, мнѣ услуги?
 Отъ странъ чужихъ во мзду имѣю не сіе:
 Слезами я кроплю, Вольтеръ, письмо твое!
 Лишенный музъ, лишусь, лишусь я свѣта!
 Екатерина, зри! Проснись, Елисавета!
 И сердце днесъ мое внемлите вмѣсто словъ!
 Вы мнѣ прибѣжище, надежда и покровъ.
 Отъ гроба зреть одна, другая зреть отъ трона,—
 Отъ пихъ и съ небеси мнѣ будетъ оборона...
 Я суетно на васъ, о музъ, уповалъ!
 За трудъ мой ты, Москва, меня увидишь мертва:
 Стихи мои и я—наукъ злодѣвъ жертва».

Въ 1776 г. въ товарищи къ Гроти по содержанію театра вступилъ московскій губернскій прокуроръ, князь Петръ Васильевичъ Урусовъ, которому Гроти, въ томъ же году, передалъ всѣ свои права и обязанности, только не сдалъ гардероба, не заплатилъ актерамъ жалованья, не разсчитался съ кредиторами и «не извѣстно, куда отлучился». Оставшійся полнымъ хозяиномъ театра, князь пригласилъ къ себѣ англичанина Медокса — сначала въ товарищи, а когда театръ, въ которомъ давались представленія, сгорѣлъ (1780 г.), то передалъ ему свою привилегію, до конца которой оставалось еще шесть лѣтъ, въ полную его волю. Войдя въ большіе долги и обязательства, Медоксъ черезъ пять мѣсяцевъ построилъ, по плану архитектора Розберга, каменный театръ на Петровкѣ (на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ и донынѣ), въ приходѣ церкви Спаса, что на Коппѣ (церковь эта разобрана послѣ 1812 г.). Начальникъ столицы, князь Василій Михай-

ловичъ Долгоруковъ-Крымскій, изъявилъ Медоксу свое особое благоволеніе и предписалъ полиціймейстерской канцеляріи «имѣть къ нему всѣмъ чинамъ полиціи особенное почтеніе и уваженіе и охранять его отъ всѣхъ непріятностей, какія могли случиться при его званіи, за то, что онъ, стараясь о доставленіи публикѣ всевозможныхъ удовольствій, употребилъ весь свой капиталъ на построеніе огромнаго театра и еще обременилъ себя черезъ то великимъ долгомъ» ¹⁾, и по окончаніи его привилегіи, до конца которой оставалось еще пять лѣтъ, продолжать оную ему и наслѣдникамъ его еще на десять лѣтъ. Заручившись такой выгодной привилегіей, Медоксъ сталъ расширять свое предпріятіе, сталъ покупать на чужое имя крѣпостныхъ людей для своего театра, купилъ деревню и все болѣе и болѣе увеличивалъ свои долги. Вдругъ дѣла его приняли совсѣмъ неожиданный для него оборотъ. Главный начальникъ воспитательныхъ домовъ, Иванъ Ивановичъ Бецкой, заблагоразсудилъ учредить публичный театръ при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Въ Петербургѣ уже существовалъ театръ, на которомъ практиковались питомцы Бецкаго, онъ помѣщался на Царицыномъ лугу, завѣдывалъ имъ чиновникъ воспитательнаго дома Книперъ, а руководителемъ былъ Ив. Аѳ. Дмитревскій. Театръ этотъ, со всѣмъ имуществомъ, въ 1783 г., перешелъ въ собственность театральной дирекціи ²⁾, а актеры-питомцы перевезены были въ Москву. Въ предпріятіи Бецкаго Медоксъ увидалъ опасную для себя конкуренцію и нарушеніе дарованныхъ ему привилегій. «Прострите, ваше сіятельство,—писалъ онъ къ начальнику Москвы, графу Захару Григорьевичу Чернышеву,—руку помощи чужестранцу, который всю свою надежду возлагаетъ на правосудіе Всемилостивѣйшей Государыни и на васъ, яко усерднаго исполнителя Высочайшей и щедрой ея воли. Войдите въ несчастное положеніе моей семьи и тѣхъ людей, которые доверили мнѣ свой капиталъ. Я совершенно увѣренъ, что Ея Величество не соизволитъ на мое разореніе. Если вы благоволите представить Ея Императорскому Величеству весь ужасъ, которымъ угрожаетъ мнѣ заведеніе театра въ воспитательномъ домѣ, то, конечно, милосердая монархиня благоволитъ оное уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, вознаградитъ меня за убытокъ, который я въ истекающіе годы моей привилегіи неминуемо понести долженъ» ³⁾.

Императрица повелѣла разрѣшить этотъ вопросъ тому судебному мѣсту, къ которому онъ по существу относиться можетъ. Бецкій претензію Медокса отнесъ къ дурному съ его стороны поступку и писалъ графу Чернышеву: «Я весьма удивляюсь, что всякій пріѣзжій иностранецъ допускается приводить въ замѣшательство права сего государственнаго учрежденія (воспитательнаго дома), кои должны быть свято къ пользѣ общества сохраняемы и всѣ вышнія и нижнія присутственные мѣста, во всемъ государствѣ, имѣютъ оному показывать всякое защищеніе и вспомошествованіе. А какъ вы имѣете обязанность удерживать всякія противу правъ и преимуществъ воспитательнаго дома попомощенія, то я несомнѣнно надѣюсь, что въ семь случаевъ, противу оказанныхъ со стороны Медокса дурныхъ поступковъ, изволите подать такой примѣръ, чтобы и впредь никто не осмѣлился покушаться».

Медоксъ подалъ прошеніе въ Верхній земскій судъ, который рѣ-

¹⁾ Гостевъ—матеріалы для срав. стат. Москвы, стр. 197.

²⁾ Архивъ дир. Отд. II, № 136.

³⁾ Гостевъ, стр. 176.

шилъ споръ въ пользу воспитательнаго дома, на томъ основаніи, что привилегія, данная Медоксу, обязательна только въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, а не къ такому учрежденію, какъ воспитательный домъ. Медоксъ долженъ былъ прекратить свой искъ и помириться съ воспитательнымъ домомъ на слѣдующихъ условіяхъ: онъ обязался принять на свое жалованье питомцевъ обоаго пола, которые привезены были въ Москву изъ С.-Петербургскаго театра при воспитательномъ домѣ; дать имъ то же самое жалованье и содержаніе, какія они получали и, сверхъ того, употребить все свое стараніе о выгодахъ тѣхъ изъ нихъ, которые не желаютъ искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ; содержать на своемъ иждивеніи и жалованьи учителей музыки, танцевъ, декламаци и проч. для опредѣленнаго числа питомцевъ воспитательнаго дома; принять отъ воспитательнаго дома за четыре тысячи рублей весь театралный гардеробъ, и, кромѣ того, пятьдесятъ питомцевъ для балетовъ, двадцать четыре для декламаци и тридцать для музыки, которыхъ онъ долженъ былъ обучать театралному искусству, содержаніе же ихъ и обученіе ихъ другимъ предметамъ воспитательный домъ принималъ на свой счетъ. За это Опекунскій Совѣтъ уступалъ Медоксу театръ, устроенный въ воспитательномъ домѣ, въ большой залѣ главнаго корпуса; обязывался построить еще другой театръ, внѣ главнаго корпуса, и дозволить Медоксу производить въ нихъ публичныя представленія, во все время его привилегій. питомцами и своей труппой, когда и сколько онъ заблагоразсудитъ; доходы съ обоихъ театровъ предоставлялъ собирать Медоксу съ тѣмъ, чтобы онъ вносилъ десятую часть изъ нихъ въ воспитательный домъ; обязывался своего театра не открывать и никому другому, кромѣ Медокса, содержаніе публичнаго театра въ Москвѣ не дозволить». Условіе это подписано 1784 г. ноября 20-го дня.

Тотчасъ по заключеніи контракта. Медоксъ распустилъ всю труппу, принятую имъ отъ Опекунскаго Совѣта, и своихъ крѣпостныхъ танцовщиковъ, оставивъ при себѣ только свою бывшую труппу, и, имѣя въ виду постройку театра отъ воспитательнаго дома, рѣшилъ свой театръ продать. Покупщиковъ не нашлось. Между тѣмъ Бенцкій отмѣнилъ постройку новаго каменнаго театра при воспитательномъ домѣ и не дозволилъ своимъ питомцамъ танцовать на публичномъ театрѣ. Медоксъ этимъ воспользовался и испросилъ себѣ замѣстообразно у Опекунскаго Совѣта сто десять тысячъ рублей, представивши въ обезпеченіе свой театръ и строившійся имъ въ Таганкѣ, на Алексѣевской улицѣ, вокзалъ и, отказавшись отъ своихъ правъ требовать, въ силу контракта, заключеннаго съ Опекунскимъ Совѣтомъ, постройки новаго театра. Но этотъ заемъ не поправилъ его расшатанныхъ дѣлъ. Кредиторы требовали уплаты и ему грозило личное задержаніе. Медоксъ придумалъ отчаянное средство, онъ подалъ въ 1789 г. въ Опекунскій Совѣтъ такое заявленіе: «такъ какъ я долговъ своихъ выплатить уже никакимъ образомъ не могу, то въ удостовѣреніе воспитательнаго дома, равно и партитулярныхъ моихъ кредиторовъ, въ вѣрной имъ уплатѣ, не нахожу другаго средства, какъ предать—и предаю я—самъ себя, со всѣми моими заведеніями и со вступающими отъ нихъ доходами въ полную волю и управленіе почтеннаго Опекунскаго Совѣта». Совѣтъ на это предложеніе согласился и постановилъ: «Совѣту собирать доходы съ театралныхъ представленій; расходы по театру, въ годъ двадцать семь тысячъ, отдать въ распоряженіе Медокса; выдавать ему жалованья по пяти тысячъ рублей въ годъ; предоставить ему ту же квартиру, которую онъ за-

нимать, при сборахъ быть приставамъ отъ Совѣта и отъ Медокса». Сдѣлавшись казенной вещью, Медоксъ, разумѣется, тотчасъ же изъбавился и отъ докучливыхъ кредиторовъ и отъ личнаго задержанія. На первый годъ весь сборъ отъ театральнахъ представленій составилъ только десятую часть положенной въ воспитательный домъ платы.

1791 г. января 1-го Медоксъ просилъ Опекунскій Совѣтъ сложить съ него взносъ десятой части сбора съ представлений, ссылаясь на пункты обязанностей Опекунскаго Совѣта, «изображающіе состраданіе къ угнетеннымъ». Въ этомъ ему отказано.

1792 г. марта 30-го онъ обратился съ просьбою къ главному начальнику Москвы, князю Александру Александровичу Прозоровскому, въ которой прописывалъ свои услуги публикѣ: построеніе театра, флигеля, круглой залы, вокзала, маскарадной залы, которая стоила ему сто тысячъ, заведеніе декорацій и гардероба, учрежденіе при театрѣ школы для тридцати мальчиковъ и дѣвочекъ, устроеніе русскихъ комическихъ оперъ, баетовъ т. н., и просилъ князя войти въ его положеніе и оказать ему содѣйствіе. На эту просьбу князь положилъ слѣдующую резолюцію: «фасадъ вашего театра дурень: нигдѣ нѣтъ въ немъ архитектурной пропорціи — онъ представляетъ скорѣе груду кирпича, чѣмъ зданіе. Онъ глухъ, потому что безъ потолка, и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и зимой въ немъ бываетъ течъ сквозь худую кровлю; вездѣ вѣтеръ ходитъ, и даже окна не замазаны; вездѣ пыль и нечистота. Онъ построенъ не по данному и Высочайше конфирмованному плану: внизу нѣтъ сводовъ; нѣтъ определенныхъ входовъ; въ большую залу одинъ входъ и выходъ; въ верхній этажъ лѣзъ — одна деревянная лѣстница; вверху нѣтъ бассейна, отчего можетъ быть большая опасность, въ случаѣ пожара. Кругомъ театра, вмѣсто положенной для разѣзда улицы, деревянное мелочное строеніе, внутреннее же убранство театра весьма посредственно, декораціи и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно: въ ней нѣтъ резонанса; зимой ее не топятъ, оттого всѣ сидятъ въ шубахъ; когда топятъ, угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть два или три старыхъ; нѣтъ ни пѣвца, ни пѣвицы хорошихъ, ни посредственно танцующихъ, ни знающихъ музыку. Повѣрить нельзя, что у васъ капельмейстеръ глухой и баетмейстеръ хромой, изъ школы вашей не вышло ни пѣвца, ни пѣвицы, ни актера, ни актрисы порядочныхъ. Въ выборѣ пьесъ вы неудачны». А ужъ потребность въ театральнахъ представленіяхъ въ то время развилась настолько, что многіе московскіе бары, недовольные спектаклями Медокса, стали заводятъ собственные театры, на которыхъ представляли ихъ крѣпостные люди.

21-го апрѣля 1797 г., черезъ двѣ недѣли послѣ коронаціи императора Павла, московскій военный губернаторъ Архаровъ затребовавъ отъ оберъ-полиціймейстера свѣдѣній о количествѣ московскихъ частныхъ театровъ.

«Съ полученіемъ сего извольте, — писалъ онъ ему, — какъ невозможно скорѣе мнѣ довести, сколько дѣйствительно находится здѣсь театровъ и коликоѣ число при каждомъ изъ нихъ есть актеровъ, и другихъ людей. Иванъ Архаровъ».

На третій же день, 23-го апрѣля 1797 года, частныя прѣстава всѣхъ 20 частей, на которыя тогда раздѣлялся городъ Москва, а именно: Арбатской, Басманной, Городской, Лефортовской, Мѣщанской, Мясницкой, Новинской, Покровской, Пречистенской, Прѣсененской, Пятницкой, Рогожской, Серпуховской, Срѣтенской, Сушевской, Таганской,

Тверской, Хамовнической, Якиманской и Лужской—рапортовали: «Высокородному и высокопочтенному господину московскому оберъ-полиц-местеру и кавалеру Павлу Никитичу Каверину, на основаніи собранныхъ ими свидѣній чрезъ «квартиль» ихъ офицеровъ», что частные театры находятся:

1. Въ *Арбатской части*. Въ домѣ артиллеріи капитана Ивана Яковлевича Блудова имѣлся небольшой театръ, но онъ «назадъ тому пять лѣтъ» (т. е. съ 1792 года) находится безъ дѣйствія. Изъ состоявшихъ въ то время изъ крѣпостныхъ людей Блудова труппы въ 1797 году находились при немъ, при разныхъ по дому должностяхъ, три актера, три музыканта и двѣ актрисы. Остальныя же лица труппы разосланы были Блудовымъ по разнымъ его деревнямъ для исполненія хозяйственной службы.

2. Въ *Городской части*. Въ домѣ графа Николая Петровича Шереметева былъ театръ, при комъ находилось актеровъ и актрисъ человекъ до 50, да музыкантовъ человекъ до 30. Театръ этотъ нынѣ (въ 1797 г.) уничтоженъ.

3. Въ *Мясницкой части*. Въ домѣ тайнаго совѣтника и кавалера князя Петра Михайловича Волконскаго находится театръ изъ дворовыхъ его сіятельства людей. Актеровъ 4, музыкантовъ и пѣвчихъ 18 человекъ.

4. Въ *Мясницкой части*. Въ домѣ полковника князя Николая Ивановича Одоевскаго въ домѣ ставятся ширмы и вынимаются для забавы. Играютъ собственные его люди, какъ-то: афисканты (офиціанты), писарь, поваровъ сынъ и мальчики, съ ними женщины, ихъ сестра и жены. Играютъ для Одоевскаго въ зиму раза два, послѣ чего всѣ эти актеры, актрисы и музыканты возвращаются къ своимъ прежнимъ должностямъ при домѣ, какаѣ кому препоручена.

5. Въ *Премищенской части*. Въ домѣ бригадира Андрея Ивановича Давыдова былъ театръ, просуществовавшій только одинъ годъ и закрытый лѣтъ пять тому назадъ (слѣдов., опять около 1792 г.). При театрѣ были музыканты и пѣвчіе, актеры и актрисы и все это изъ собственныхъ крѣпостныхъ людей и дѣвокъ г. Давыдова. Музыкантовъ и пѣвчихъ было 15 человекъ, актрисъ 8. Всѣ они нынѣ (въ 1797 году) находятся московской губерніи, коломенской округѣ, въ вотчиннѣ г. Давыдова, въ селѣ Ульяновѣ при разныхъ должностяхъ или въ замужествѣ.

6. Въ домѣ генераль-маіора и кавалера Гаврилы Ильича Библикова былъ театръ назадь тому шестой годъ, въ которомъ находилось музыкантовъ и пѣвчихъ 25 человекъ изъ крѣпостныхъ г. Библикова. Въ томъ числѣ актрисы—двѣ дѣвки и актеровъ 6 мальчиковъ. Нынѣ же дѣйствій въ ономъ никакихъ не имѣется, а музыканты, пѣвчіе, актеры и актрисы остались при своемъ господинѣ въ услуженіи.

7. Въ домѣ покойнаго тайнаго совѣтника и кавалера князя Алексея Ивановича Гагарина былъ театръ, который и уничтоженъ въ 1796 году. Въ немъ представленій не было, а собственные «свои» 4 дѣвки пѣли концерты и забавлялись книжны между собою. Нынѣ же въ ономъ ничего не имѣется.

8. Въ *Рогожской части*. Въ домѣ его превосходительства г-на дѣйствительнаго камергера Николая Никитича Демидова былъ театръ, при комъ изъ собственныхъ его людей было: актеровъ 9, актрисъ 7, музыкантовъ 25 человекъ. Съ 12 мая 1796 года театръ уничтоженъ, актеры и актрисы распределены по разнымъ должностямъ, а оставлены одни музыканты.

9. Въ *Серпуховской части*. Въ домъ князя Николая Григорьевича Шаховского театръ только-что вновь устроенъ, а «дѣйствія въ немъ еще не производилось». Актеры и актрисы приготовлены изъ крѣпостныхъ его сятельства людей. Актрисъ 9, актеровъ и музыкантовъ 12 человекъ, мастеровыхъ 6 человекъ.

10. Въ домъ майора Ивана Кузьмича Замятина хотя и былъ театръ, но въ немъ играли прѣзжавшія къ нему знакомыя ему благородныя особы, а настоящихъ при ономъ театрѣ какъ актеровъ, такъ и актрисъ не имѣется.

11. Въ *Тверской части*. При домѣ генераль-лейтенанта и кавалера Степана Степановича Апраксина былъ театръ, при коемъ состояло: музыкантовъ 17 человекъ, актеровъ 10 и актрисъ 8.

12. При домѣ бригадира Алексѣя Семеновича Степанова существовалъ театръ съ 8 актерами и 4 актрисами.

13. При домѣ майора Дмитрія Емельяновича Столыпина былъ театръ, при коемъ состояло: актеровъ 9, актрисъ 9, музыкантовъ 20 и пѣвчихъ 16 человекъ.

14. При домѣ вдовы майора Прасковьи Кольчевой имѣлся театръ съ 5 актерами, 3 актрисами и 10 музыкантами.

15. Въ *Яузской части*. Въ домѣ дѣйствительнаго камергера князя Ивана Дмитриевича Трубецкого былъ театръ, на которомъ назадъ тому года два играли одні благородныя особы, а какъ своихъ, такъ и вольныхъ актеровъ не было. Музыкантовъ при театрѣ, духовой музыки 30 человекъ, да инструментальной тоже 30 человекъ изъ крѣпостныхъ его сятельства людей.

Такимъ образомъ, изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что въ концѣ прошлаго столѣтія, по преимуществу въ Екатерининское время, въ Москвѣ въ 9 частяхъ города: Арбатской, Городской, Мѣщанской, Мясницкой, Пренистенской, Рогожской, Серпуховской, Тверской и Яузской существовало 15 частныхъ театровъ со 160 актерами и актрисами и 226 музыкантами и пѣвчими. Но къ началу царствованія императора Павла число это уменьшилось почти на половину; новый театръ былъ устроенъ вновь только однимъ княземъ Шаховскимъ, проживавшимъ въ Серпуховской части. При императорѣ Павлѣ всѣхъ частныхъ театровъ было 8 съ 95 актерами и актрисами и 118 музыкантами и пѣвчими. Знатные вельможи и богатые бары Екатерининскаго времени считали какъ бы обязанностью своею имѣть у себя свой собственный театръ съ труппою, оркестромъ и пѣвчими изъ своихъ собственныхъ крѣпостныхъ людей. Восьма не многіе, и именно двое: Замятинъ и кн. Трубецкой—держали театръ для игры знакомыхъ имъ благородныхъ особъ.

По наибольшему количеству музыкантовъ первое мѣсто занималъ оркестръ князя И. Д. Трубецкого, состоявшій изъ 60 человекъ духовой и инструментальной музыки; за нимъ слѣдовалъ гр. Н. П. Шереметевъ, у котораго была составлена труппа изъ 30 актеровъ и актрисъ и хоръ музыкантовъ изъ 30 человекъ. Оба они—и кн. И. Д. Трубецкой и гр. Н. П. Шереметевъ—такъ же, какъ и другія лица: Блудовъ, Давыдовъ, Бибииковъ и кн. Гагаринъ и Замятинъ, закрыли свои театры къ началу царствованія императора Павла. Въ 1797 году держали еще свои театры: кн. П. М. Волконскій, кн. П. И. Одоевскій, Н. П. Демидовъ, С. С. Апраксинъ, А. С. Степановъ, Д. Е. Столыпинъ и П. Кольчева. Въ этой оставшейся половинѣ театровъ по количеству актеровъ и музыкантовъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ театръ Д. Е. Столыпина съ 9 актерами, 9 актрисами, 20 му-

зыкантами и хоромъ пѣвчихъ изъ 16 человекъ; за нимъ слѣдуетъ театръ Н. Н. Демидова съ 9 актерами и актрисами, и хоромъ музыки изъ 25 человекъ. Вновь устроенъ въ 1797 году театръ, какъ мы уже говорили, кн. Н. Г. Шаховскимъ.

Замѣчательна патриархальность нравовъ тогдашняго времени, сквозящая въ привнесенныхъ нами полицейскихъ донесеніяхъ. Актеры, актрисы, музыканты и пѣвчіе—эти артисты, создавшіеся барскою прихотью тогдашняго времени, будучи артистами и исполнителями въ спектакляхъ, не переставали въ то же время исполнять свои хозяйственныя должности при домѣ: официантовъ, лакеевъ, поваровъ, писарей, горничныхъ и проч. Если же театры закрывались, то ихъ отправляли въ деревню.

Громкую стяжалъ славу у современниковъ и образованнѣйшихъ почитателей отличныхъ исполненіемъ богатаго репертуара и счастливымъ выборомъ главныхъ исполнителей театръ графа Шереметева, подъ Москвой, въ селѣ Кусковѣ.

Изъ частныхъ театровъ это былъ самый старшій и лучшій, не уступавшій петербургскимъ придворнымъ и далеко превосходившій устройство тогдашняго московскаго, содержавшагося Медоксомъ. Деревянный, вырубленный изъ дѣльныхъ, громадныхъ и отличныхъ брусевъ, превосходно расположенный внутри, по своей акустикѣ, сценѣ и локамъ въ три яруса, съ партеромъ, онъ объемомъ зрительной залы равнялся нынѣшнему московскому Малому театру, но, разумѣется, удобствомъ, вкусомъ, изяществомъ и богатствомъ отдѣлки превышалъ его. Вышедши изъ рукъ знаменитаго въ то время архитектора Валли (по его плану), «обрисовавшіеся» рисунками даровитаго декоратора Гонзаго, онъ очень напоминалъ подобныя сооруженія Западной Европы.

Обиліе и красота декорацій, гардероба, занавѣсовъ и прочей обстановки отвѣчали всѣмъ требованіямъ. Лѣтомъ, въ избранные дни, спектакли давались на «Воздушномъ театрѣ», помѣщавшемся въ Большомъ саду, подъ открытымъ небомъ, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣли слѣды его существованія, деревянный же театръ разобранъ въ семидесятыхъ годахъ. На этихъ театрахъ давались трагедіи, драмы, комедіи, балеты и особенно оперы. Пныя пьесы своимъ появленіемъ упреждали здѣсь дворъ и эрмитажъ, другія были единственными для своего времени, почти все было лучшимъ по исполненію.

О развитіи музыкальной части для исполненія оперъ свидѣтельствуеъ свѣдѣніе, что въ 1810 году изъ Кускова въ Москву отправлено было «3 сундука съ нотами, 113 папюкъ съ симфоніями, увертюрами, русскими партіицими, сонатами, дуэтами, концертантами и трио, коихъ числомъ 1062 партій».

Изъ печатнаго каталога бібліотеки гр. С. Д. Шереметева видно, что въ бібліотекѣ кусковскаго театра было оперъ «письменныхъ» и печатныхъ семьдесятъ двѣ, трагедій—тридцать шесть, драмъ—тридцать одна, комедій сто семьдесятъ четыре. Изъ описи театрального имущества видно, что въ театрѣ было восемь занавѣсей, сто девяносто четыре декораціи, пятьдесятъ двѣ кулисы и шестьдесятъ восемь мелкихъ декоративныхъ ассесуаровъ. Та же опись свидѣтельствуеъ о полнотѣ и роскоши театрального гардероба парчеваго, бархатнаго, шелковаго, суконнаго, шерстянаго, котораго при описи оказалось семнадцать большихъ сундуковъ; кромѣ того обуви, уборовъ и бутфорскихъ вещей—военныхъ оружіи, бичуковъ, знаменъ, звѣриныхъ

кожь, бандуръ, масокъ, разноцвѣтныхъ перьевъ, занавѣсокъ и т. п.— семьдесятъ шесть сундуковъ, ящичковъ и картоновъ.

Исполнители, т. е. пѣвцы, музыканты, актеры и актрисы, танцовщицы и танцовщицы, всё, за рѣдкими исключеніями, были крѣпостные графа. Въ старшихъ музыкантахъ было много и иностранцевъ, изъ которыхъ, по своему искусству, особенно выдѣлялся скрипачъ Фееръ и виолончельистъ Фауцусъ; балетмейстеромъ былъ флорентинецъ Чіанфанелли, перешедшій вмѣстѣ съ женою съ придворной сцены. При театрѣ былъ свой крѣпостной декораторъ Иванъ Аргуновъ и свой переводчикъ съ иностранныхъ языковъ—Василій Вроблевскій¹⁾.

Графъ Сегюръ заноситъ въ свои записки о спектаклѣ, данномъ въ Кусковѣ, въ присутствіи императрицы Екаторины (1787).

«На прекрасномъ его театрѣ сыграли большую русскую оперу «Самнитскіе браки». Всё, кто понималъ ея содержаніе, находилъ, что она была очень занимательна и хорошо написана. Я только могъ судить о музыкѣ и танцахъ, и меня удивило изищество мелодій, богатство нарядовъ, легкость и ловкость танцовщиковъ и танцовщицъ. Но больше всего меня поразило, что авторъ словъ и музыки оперы, живописецъ, который расписывалъ театр, актеры и актрисы, кордебалетъ и самые музыканты оркестра—все были крѣпостные люди гр. Шереметева»²⁾.

Одинъ очевидецъ такъ описываетъ спектакль, данный на кусковскомъ театрѣ 1-го августа 1792 г.

«Какъ скоро гости вышли на балконъ, то вдругъ отдѣлилось отъ толпы нѣсколько пѣсенниковъ съ искуснымъ рожечникомъ, которые тотчасъ начали пѣть и плясать со всеми ухватками и ужимками, свойственными народной нашей пляскѣ. Когда гости позабавились симъ зрѣлищемъ, то предложили хозяинъ идти въ садъ къ открытому театру, гдѣ играны были двѣ оперы, сперва «Роза и Коласть», а послѣ «Говорящая картина». Простолюдины при каждомъ забавномъ словѣ помирали со смѣха. всему давали свой толкъ, и чрезъ то представляли изъ себя другое очень занимательное зрѣлище. Оттуда пошли въ настоящій театр. Дѣйствіе началось переводною съ итальянскаго оперою: «Два Сильфа». Какъ достоинство ея пѣсы составляла музыка, то пѣвцы и пѣвицы и имѣли случай оказать превосходныя дарованія свои въ пѣніи, а особливо первая пѣвица приводила всѣхъ въ восхищеніе чистотою и пріятностію своего голоса. Послѣ оперы данъ былъ трагическій балетъ «Писсъ де Кастро» называемый. Основаніе оного заимствовано изъ португальской исторіи, а содержаніе есть слѣдующее: португальскій король, желая наградить за одержанную надъ маврами побѣду любимца своего, предлагаетъ ему въ супружество дочь свою, но узнаетъ, что онъ давно уже тайными узамъ сопряженъ съ одною изъ придворныхъ дѣвицъ и имѣетъ отъ нея дѣтей. Сіе неожиданное препятствіе крайне раздражаетъ короля, а королева не полагаетъ границъ своей злобѣ за нанесенное отказомъ безчестіе дочери ся. Они повелѣваютъ дерзновенную заключить въ тюрьму, но отважный супругъ вооруженною рукою открываетъ себѣ путь въ мрачное заключеніе и приспѣваетъ туда въ самое то время, какъ она готова была выпить присланный отъ королевы ей ядъ. Между тѣмъ, какъ они предаются взаимной радости неожиданнаго избавленія, король врывается въ темницу съ другими воинами. Первое

¹⁾ Архивъ дир. Им. т. Выпускъ 1, т. III, стр. 93.

²⁾ Записки гр. Сегюра (въ русскомъ переводѣ) стр. 236.

движеніе любимца его было защищаться и избавить гонимую,—но, будучи упрощенъ ею, онъ покорствуетъ и, упавъ съ нею и съ двумя дѣтьми къ ногамъ государя своего, преклоняетъ его на милость и получаетъ прощеніе. Королева, притворно одобривъ сей поступокъ и скрывъ снѣдающую злобу, во время торжества во дворцѣ отравляетъ обоихъ супруговъ ядомъ, отчего они и умираютъ. За такое вѣроломство раздраженный король умерщвляетъ королеву—и тѣмъ балетъ оканчивается.

«Появленіе на сценѣ балетмейстера г. Чианфанелли въ великолѣпной торжественной колесницѣ, везомой побѣжденными, съ предшествующимъ и замыкающимъ отрядомъ воиновъ, поразительно въ разсужденіи пышности и распорядка, а отмѣнное его искусство въ танцованіи и въ пантомимѣ приобрѣли ему всеобщее одобреніе. Г-жа Чианфанелли, представлявшая и на театрѣ супругу его, также много интересовала зрителей, а особливо, когда свидѣлась она въ темницѣ съ мужемъ.

«Первымъ она при семъ движеніи не радость изъяснила, но мрачное изумленіе и недовѣріе къ зрѣнію своему, а потомъ уже мало-по-малу, обнаружилась она въ всей своей силѣ. Чувствительное прощаніе супруговъ при ощущеніи терзательныхъ дѣйствій яда всѣхъ растрогало до слезъ. Лицо злобной королевы поразительно измѣнялось, когда она оказывала притворное доброжелательство прощенымъ супругамъ, имѣя сердце, непримиримымъ мщеніемъ противъ ихъ налитанное. Благопристойность вида и дѣвическою стыдливостію удерживаемое прискорбіе управляли движеніями униженной королевской дочери и дѣлали ея на сценѣ очень интересною».

Главный начальникъ Москвы, князь Ю. В. Долгорукій, представилъ свои соображенія относительно частныхъ театровъ на воззрѣніе Его Императорскаго Величества и 23-го ноября 1797 г. получилъ отъ Государя слѣдующій рескриптъ:

«По представленію вашему о начавшихся въ Москвѣ въ партикулярныхъ домахъ спектакляхъ, запрещать ихъ никакой надобности не нахожу, а замѣтить нужнымъ почитаю: первое, чтобы не были представляемы пьесы, которыя не играны на большихъ театрахъ и которыя чрезъ цензуру не прошли; второе, для таковыхъ собраній, дабы въ нихъ сохраняемъ былъ настоящій порядокъ, а равно и для наблюденія за исполненіемъ предыдущимъ пунктомъ предписуемаго, быть всегда частному приставу, который за то и отвѣчать долженъ».

Къ концу привилегіи Медокса, Опекунскій Совѣтъ поступилъ въ вѣдѣніе императрицы Маріи Феодоровны, которая обратила милостивое вниманіе на тяжкое положеніе антрепренера и, чтобы не оставить его семейство безъ пропитанія, повелѣть соизволила выдавать ему жалованья по три тысячи рублей по смерти.

Въ 1805 году, по Высочайшему повелѣнію, долги Медокса были уплачены, и русскій театръ поступилъ въ вѣдѣніе вновь учрежденной театральнѣй дирекціи, директоромъ которой назначенъ былъ дѣйствительный камергеръ, князь Михаилъ Петровичъ Волконскій.

Послѣднее театральное представленіе въ 1812 году въ Москвѣ давали 30-го августа, во вновь построенномъ театрѣ у Арбатскихъ воротъ.шла драма С. И. Глинки «Наталья, боярская дочь». Главную роль въ этой драмѣ игралъ пожаръ. Представленіе это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Театръ не простоялъ и двухъ мѣсяцевъ, и съ

первых же дней представленія онъ неохотно посѣщался публикой и сборами едва окупалъ ежедневные расходы. Графъ Ростопчинъ, тогдашній генералъ-губернаторъ Москвы, по открытіи его сказалъ: «чтобъ поддержать его, нужно купить двѣ тысячи душъ крестьянъ и приписать ихъ къ нему, такъ какъ на одну публику надѣяться нельзя». Въ этомъ театрѣ шли спектакли на русскомъ и французскомъ языкѣ— послѣдніе, впрочемъ, уже очень неохотно посѣщались. Были даже такіе ненавистники французовъ, которые публично выражали свое неудовольствіе французскимъ актерамъ. Въ числѣ такихъ былъ нѣкто Гусятниковъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, изъ купеческаго сословія, но вращавшійся въ лучшемъ московскомъ обществѣ. Онъ былъ большой театралъ и поклонникъ извѣстной пѣвицы Лизаньки Сандуновой, допѣвавшей уже свои арии. Въ то время, о которомъ говоримъ, пріѣхала изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько представлений извѣстная французская пѣвица Филисъ Андриѣ. Русскіе театралы взволновались и вооружились противъ французженки. Поклонникъ Сандуновой и всего отечественнаго, Гусятниковъ, сталъ во главѣ недовольныхъ, и въ первый же спектакль садится въ первый рядъ кресель, и только-что начинать Филисъ дѣлать свои рулады, онъ затыкаетъ себѣ уши, встаетъ съ кресель и съ заткнутыми ушами торжественно проходитъ всю залу, кидая направо и налѣво взгляды презрѣнія и негодованія на всѣхъ франдузюльбцевъ, какъ ихъ тогда уже называли, съ легкой руки патріота С. Н. Глинки.

При вступленіи Наполеона въ Москву, ни одного уже театра не существовало. Префектъ двора императора, генералъ Боссе, искалъ театра для придворныхъ представлений. Во время занятія Москвы французами, уцѣлѣлъ отъ пожара, но не отъ разграбленія, одинъ только частный театръ Позднякова, на Никитской улицѣ, гдѣ теперь домъ Юсупова. Этотъ театръ славился въ старой Москвѣ своею роскошью, своимъ зимнимъ садомъ и своими затѣями вельможъ XVIII вѣка. Его спектакли привлекали массу посѣтителей. Крѣпостная труппа Позднякова была вполне прекрасная. Вся Москва такъ и рвалась смотрѣть ее. Самъ хозяинъ очень любилъ важно расхаживать на своихъ маскарадахъ наряженнымъ не то персіанномъ, не то китайцемъ. Про него сказалъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи:

«На лбу написано: театръ и маскарадъ».

У него же находился садовникъ, бородачъ, который во время баловъ и маскарадовъ, прячется въ кустахъ и померанцевыхъ деревьяхъ, шелкалъ и заливался соловьемъ.

«Пѣвецъ зимой—погоды лѣтней».

Этотъ-то домъ Позднякова и избралъ генералъ Боссе для представлений уцѣлѣвшей французской труппы во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ.

Нѣсколько лѣтъ еще до вступленія Наполеона, въ Москвѣ существовала труппа французскихъ актеровъ, подъ управленіемъ даровитой г-жи Бюрсей. Забытая всѣми во время всеобщаго бѣгства изъ Москвы, семья этихъ артистовъ пріютилась въ огромномъ домѣ князя Гагарина въ Басманной, въ части города, совершенно противоположной той, куда должна была вступить армія.

Вотъ какъ описываетъ актриса Фюзи свое пребываніе въ то время въ Москвѣ: «Начался пожаръ Москвы; отъ сильнаго вѣтра огонь разливался съ необычайною быстротою. Ночью мы не зажигали свѣчъ, потому что было гораздо свѣтлѣе, нежели днемъ. По временамъ раздавались взрывы, въ родѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Домъ, въ которомъ

мы думали найти безопасное убежище, загорѣлся, и мы съ трудомъ успѣли вынести нужнѣйшія изъ своихъ вещей въ садъ. Мы хотѣли искать убежища въ Петровскомъ, гдѣ жилъ Наполеонъ, но безъ военнаго конвоя не смѣли туда отправиться. Блуждая изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, мы вездѣ находили слѣды грабежа и опустошенія. Между тѣмъ, приказано было отыскать артистовъ, жившихъ въ Москвѣ, изъ которыхъ одни должны были ѣхать во дворцѣ, другіе играть комедіи. Исполненіе такого приказа казалось весьма затруднительнымъ въ городѣ, начисто страшеннымъ: гдѣ было найти нужные костюмы, декораціи, свѣчъ, масла для лампъ и т. д. Короли кулись утратили свои пурпуровыя мантіи, и облеклись въ одежды сермяжныя. Лапти замѣнили имъ державныя сандаліи. Въ такомъ печальномъ положеніи напелъ питомцевъ музъ генераль Боссе. Онъ доложилъ императору о печальной участи артистовъ. Императоръ приказалъ немедленно имъ выдать значительную сумму денегъ.

Г-жа Бюрсей представила генералу Боссе всѣхъ членовъ своей труппы, которая состояла изъ гг. Анде, перваго трагика парижскаго театра Сень-Мартенъ, Перу, Госсе, Лефевра и г-жъ Андре, Шеригюи, Лекенъ, Фюзи, Ламираль и Анде.

Но въ какомъ жалкомъ видѣ предстали эти артисты передъ взоромъ своего начальника?!—первый трагикъ явился въ фризовой шинели и шалкѣ ополченій; первый любовникъ въ семинарскомъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ, благородный отецъ безъ сапогъ и съ дырявыми локтями; злодѣй безъ необходимѣйшей части туалета—безъ штановъ, въ коротенькомъ испанскомъ плащѣ. Дамы были еще скуднѣе одѣты. Вся труппа была разряжена, какъ будто шла въ маскарадъ нищихъ и бродягъ. Одна только директриса, г-жа Бюрсей, была одѣта въ красной душегрѣйкѣ на залчьемъ мѣху и въ головномъ уборѣ Маріи Стюартъ съ чернымъ страусовымъ перомъ и въ чалмѣ, въ которой нѣкогда играла въ «Трехъ султанахъ» и «Заирѣ».

Полуразрушенный театръ Позднякова былъ приведенъ въ порядокъ. Его очистили, выбѣлили, ложи одѣли драпировкою, занавѣсы сшили изъ цѣльной парчи, которой довольно нашлось въ золотокружныхъ рядахъ, спасенныхъ отъ разграбленія. Повѣшено было стосемидесятимѣстное паникадило, изъ чистаго серебра, которое нѣкогда украшало храмъ Божій. Сцена была убрана съ роскошью. Богатѣйшая мебель, драгоценныя украшенія, мраморы, бронза, явились въ изобиліи. Ихъ извлекали изъ подъ пепла и изъ погребовъ, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевскія палаты, галлерей Чудова монастыря и колокольни Ивана Великаго были биткомъ набиты всевозможными сокровищами и драгоценностями.

Графъ Дюма, которому Наполеонъ поручилъ надзоръ за Кремлемъ, все это отрылъ въ подземельяхъ и радушно открылъ эти богатства передъ новымъ директоромъ театра, который и обратилъ ихъ въ бутфорныя и гардеробныя вещи. Гардеробъ наполеоновскаго театра могъ щегольнуть богатствомъ и роскошью невиданною и неслыханною. Здѣсь не было ничего мишурнаго, все было чистое золото и серебро. Фюзи рассказываетъ: «нельзя себѣ представить той жадности, съ которою обворованные, почти нагіе артисты бросились вскрывать тяжелые сундуки бояръ московскихъ. Мужчины дѣлили дѣдовскіе кафтаны русскихъ, женщины отнимали другъ у дружки старинные атласные робонды бабушекъ и т. д. Въ порывѣ восторга актеры и не замѣчали, что подъ пышною одеждою у нихъ педоставало самаго

необходимѣйшаго—бѣля». Наконецъ, театръ былъ открытъ для военной публики. Вотъ афиша, перваго спектакля:

Théâtre Français à Moscou.

Les comédiens français auront l'honneur de donner mercredi prochain Une première représentation du «Jeu de l'amour et de hasard», comédie en 3 actes et en prose de Mariveau suivie de «L'amant auteur» comédie en 1 acte et en prose de Céron.

Dans le «Jeu de l'amour»: M-rs Andet, Perroud, S-t Clair, Belcour, Bertrand, M-mes André, Fusil.

Frrix de places:

Premières galeries	5 roubles on 5 francs
Parquet	3 roubles on 3 francs
Seconde galerie	1 roubles on 1 francs.

On commencera à 6 heures precises.

La salle du spectacle est dans la grande Nikitskaia, maison de Posniakoff.

Первый спектакль прошелъ блистательно, зрители не переставали аплодировать и кричать bravo. Весь партеръ былъ занятъ солдатами, изъ которыхъ старые драбанты гвардіи сидѣли въ первыхъ рядахъ въ полной формѣ, съ крестами почетнаго легіона на груди. Оба ряда ложъ были наполнены чиновниками штаба и офицерами всѣхъ войскъ и націй. Публика при всякой вѣрной оказіи кричала.

Не много женщинъ можно было насчитать въ театрѣ; изъ присутствовавшихъ женщинъ почти всѣ были обитательницы Кузнецкаго моста—модистки и нѣсколько гувернантокъ безъ мѣстъ. Оркестръ состоялъ изъ лучшихъ музыкантовъ гвардіи и былъ вполне превосходный. Между тѣмъ, какъ солдаты аплодировали и кричали bravo артистамъ, товарищи ихъ поочередно охраняли театръ. Кой-гдѣ разложены были огни, и чрезвычайное множество бочекъ съ водою и ведеръ стояло около самага театра. По всей же Никитской и по бульварамъ тянулись сторожевые кордоны и пикеты; такія строгія мѣры предпринимались на случай пожара, могущаго произойти на сценѣ.

За все время пребыванія французовъ въ Москвѣ дано было одиннадцать представлений. Пьесы, имѣвшія особенный успѣхъ, повторялись нѣсколько разъ; такъ давали: «Три султана».

Но не весело было актерамъ и актрисамъ. Вотъ что говоритъ Фюзи: «Когда намъ велѣли играть комедію, мы думали, что надъ нами шутятъ. У насъ не было ни платья, ни бѣлья, ни башмаковъ. Однако, ленты и цвѣты посыпались на насъ градомъ; ихъ находили въ казармахъ нашей гвардіи; къ стыду французовъ—эти казармы гвардіи, гдѣ развѣвались ленты, были святые соборы Кремлевскіе—Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій». По преданію, самъ Наполеонъ не удостоилъ своимъ присутствіемъ ни одного представленія. Впрочемъ, Фюзи въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что онъ заходилъ однажды въ спектакль, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора префектъ Боссе устроилъ совершенно другаго рода удовольствие: между иностранцами, жившими въ Москвѣ и увлѣвшимися при общемъ погромѣ, нашли итальянца-пѣвца Тарквинію. Онъ пользовался извѣстностью въ Москвѣ, какъ преподаватель пѣнія. Къ нему въ помощь добыли пианиста Мартини-сына, автора оперы «Рѣдкая вещь» и «Дяблы въ дровя». Еще звали пѣвцу романсовъ и

аріетокъ г-жу Фюзі. Артисты были представлены ко двору и каждый вечеръ составляли Наполеону концертъ изъ пьесъ любимыхъ имъ авторовъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ концертовъ г-жа Фюзі:

«Я пѣла романсъ, которымъ прославила себя въ московскихъ гостининыхъ. Въ присутствіи Наполеона зрители не аплодировали; но романсъ, никому неизвѣстный, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Наполеонъ, разговаривая съ кѣмъ-то во время пѣнія, не слышалъ романса; однакожъ, шумъ въ залѣ заставилъ его спросить о причинѣ графа Боссе. Мнѣ приказано было повторить романсъ. Съ тѣхъ поръ меня безпрестанно мучили этимъ романсомъ. Король неаполитанскій выпросилъ у меня музыку. Романсъ былъ написанъ въ рыцарскомъ духѣ...»

Въ театрѣ также привлекалъ особенное вниманіе военной публики родъ балета или разнохарактернаго дивертисмента, который дѣликомъ былъ взятъ французскими актерами у русскихъ. Онъ состоялъ изъ разныхъ танцевъ и преимущественно изъ русской пляски, которую превосходно плясали двѣ сестры Ламираль — по рожденію русскія.

«Седьмого октября, — рассказываетъ графъ Боссе въ своихъ воспоминаніяхъ: — императоръ призвалъ меня и началъ разспрашивать объ улучшеніяхъ касательно театра. Онъ началъ перечислять артистовъ, которыхъ можно взять изъ театра Большой Комедіи въ Парижѣ, не вредя его составу. Отмѣчая имена ихъ карандашомъ на лоскутѣ бумаги, онъ говорилъ о мѣрахъ, которыя нужно принять для скорѣйшаго доставленія ихъ въ Москву. Списокъ не былъ еще конченъ, какъ наши занятія были прерваны неожиданнымъ пріѣздомъ адъютанта Мюрата. — Что новаго? — спросилъ императоръ, все еще разсматривая свой списокъ... — «Государы! Мы разбиты!» — отвѣчалъ посланный. Наполеонъ ждалъ отъ русскаго Императора мирныхъ переговоровъ, онъ писалъ къ нему. Отвѣтъ этотъ былъ — пораженіе короля неаполитанскаго подъ Тарутиннымъ войсками Беннгсена».

Въ тотъ же вечеръ былъ отданъ приказъ выступить изъ города и строиться за Калужскою заставою. Эта внезапная вѣсть изумила все войско. Графъ Боссе поспѣшилъ уведомить объ ней свою труппу, предоставляя на волю актеровъ, оставаться въ разграбленной Москвѣ, или слѣдовать за войскомъ.

Выступленіе французозъ изъ Москвы продолжалось нѣсколько дней сряду. Сперва выступили команды съ заграбленными сокровищами, потомъ пошли обозы, лазареты, наконецъ, потянулись и самые полки въ разныя заставы. Девятаго октября маршалъ Мортье вывелъ изъ Москвы послѣдній остатокъ войска.

Очень не многіе изъ актеровъ Наполеона вернулись на родину.

Выѣхали артисты изъ Москвы довольно забавно — первый любовникъ поѣхалъ верхомъ, трагики и комики помѣстились въ лазаретную фургоны. Первая любовница г-жа Андре, вмѣстѣ съ директоршей, г-жей Бюрсей, раздобыли лядо — и выѣхали на тройкѣ лошадей, подаренныхъ имъ префектомъ. До Смоленска еще кое-какъ они дотацились, но уже въ Смоленскѣ обрушились на нихъ всевозможныя несчастія. Пероне, первый любовникъ, потерялъ тамъ своего буфѣала и отморозилъ ноги, при выѣздѣ же изъ Смоленска въ лазаретной фурѣ, онъ былъ безжалостно брошенъ на большой дорогѣ и умеръ съ голоду. Анде — первый сюжетъ труппы — тоже скоро извѣдалъ всю превратность судьбы человѣческой. Въ Смоленскѣ онъ забылъ записаться

рукавицами и валенками и на пути отморозилъ себѣ руки и ноги, а при пересравѣ черезъ Березину, утопилъ свою коляску и жену. Г-жи Андре и Бюрсей—долго путешествовали на одной хромой канальерійской лошади въ старомъ зырадномъ ящикѣ, но, подъ конецъ, на одномъ изъ приваловъ, во время партизанскаго наѣзда, ядро раздробило ихъ колесницу и тяжело ранило г-жу Андре, отъ чего первая любовница скоро на пути и умерла. Самъ директоръ, графъ Боссе, долго путешествовалъ верхомъ на цуикѣ, отморозилъ себѣ ноги и какъ добрался до Франціи. Одна водевильная актриса Фюзз, послѣдовательница этого скорбнаго путешествія, благополучно и безъ особенныхъ приключеній добралась до предѣловъ родины и еще ознаменовала свой походъ дѣломъ человеколюбія: во время входа французскихъ войскъ въ Вильну, въ суматохѣ, какіе-то родители потеряли ребенка—Фюзз взяла его подъ свою защиту—и при всей своей бѣдности, дѣлалась съ пріемышемъ послѣднею кроху и воспитала дѣвочку, которую франгузы прозвали «виденской сироткой». Впослѣдствіи ея исторія дала поводъ Скрибу написать драму «Ольга, русская сирота».

По выходѣ французовъ, первый посѣтилъ придворный театръ императора Наполеона—извѣстный драматическій писатель кн. А. А. Шаховской. Вотъ какое печальное зрѣлище онъ увидѣлъ: на сценѣ валялись дохлыя лошади и падалъ дѣстиница, коридоры и зала были загромождены мебелью, зеркалами, инструментами. Въ уборныхъ валялись обрѣзки парчевыхъ и бархатныхъ матерій, изъ которыхъ артисты выкраивали себѣ кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и спенсеры и т. п.

Въ ожиданіи возрожденія Москвы и московскаго театра, нѣкоторые изъ московскихъ артистовъ жили въ Петербургѣ, хотя и считались москвичами.

Это были: Зловъ, Толченовъ и Сандунова — всѣ они подъ конецъ перешли на Петербургскую сцену; только передъ смертью Сандунова покинула Петербургъ и умерла въ Москвѣ.

Театръ московскій возродился только въ 1814 году. Одна изъ первыхъ пьесъ, имѣвшая на московской сценѣ большой успѣхъ и игранная болѣе тридцати разъ къ ряду, была драма Бориса Федорова «Крестянинъ-офицеръ или извѣстіе о прогнаніи французовъ изъ Москвы».

Въ 1814 году въ Москвѣ первоначально театральныя представленія давали въ домѣ Апраксина на Знаменкѣ. Спектакли открылись 30-го августа любимою въ то время оперою: «Старинныя святки», затѣмъ, помимо названной нами пьесы, имѣли большой успѣхъ драмы: «Храбрые кириловцы при нашествіи враговъ», соч. Вронченки. Затѣмъ «Освобожденіе Смоленска», «Всеобщее ополченіе», и комедія Бориса Федорова «Прасковья Борисовна Правдухина».

Даже балеты были примѣняемы къ обстоятельствамъ того времени и имѣли чисто патріотическій характеръ: вотъ они: «Любовь къ отечеству», «Русскіе въ Германіи», «Русскіе въ Парижѣ», «Казакъ въ Лондонѣ», «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій».

Позднѣе, въ 1815 году, большой успѣхъ производилъ дивертисментъ «Семикъ или гулянье въ Марьиной рошѣ».—Въ этомъ дивертисментѣ русскіе солдаты ставили подвиги русскаго оружія, лучшие пѣвцы и пѣвицы пѣли патріотическія пѣсни, и балетныя артистки рисовались въ русскій пляскѣ въ богатыхъ національныхъ костюмахъ. Здѣсь же знаменитый въ то время пѣсельникъ Лебедевъ пѣлъ со своимъ хоромъ. Этотъ семикъ былъ перенесенъ балетмейстеромъ

Глушковскимъ на сцену Останкинскаго театра, гдѣ и давался во время пребыванія тамъ короля прусскаго.

Одною изъ блестящихъ эпохъ театра въ Москвѣ, конечно, должно считать и ту пору, когда онъ состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Дмитрія Владиміровича Голицына, просвѣщеннаго покровителя, памятнаго московской столицѣ пользою общественною и благодѣлїями.

При немъ храмъ искусствъ закипѣлъ новою жизнью. Директоромъ театра назначенъ былъ любитель-драматургъ Ф. Ф. Кокоркинъ ¹⁾. Князь Дмитрій Владиміровичъ исходатайствовалъ, отъ щедротъ государя, новыя средства въ пособіе театру; сдѣланы значительныя улучшенія, нанятъ былъ нарочно отстроенный домъ купца Вѣргина и устроенъ въ немъ Малый театръ, который существуетъ и донынѣ. Для обновленія его (14-го октября 1824 года), представляли драматическое зрѣлище «Лїлія Нарбонская» или «Обѣтъ рыцаря», и анакреонтической балетъ «Зефиръ». При немъ, наконецъ, возведенъ былъ отъ самаго основанія вновь и значительно увеличенъ противъ прежняго, архитекторомъ Бове, Большой Петровский театръ. Въ немъ, для открытія (6-го января 1825 года), два дня къ ряду представляли прологъ въ стихахъ «Торжество Музъ» (М. А. Дмитриева) и великолѣпный балетъ «Салдрильона», и оба раза театръ съ верха до низа былъ полонъ.

Въ 1842 году московскіе и с.-петербургскіе театры поступили подъ одно управленіе, и директору ихъ присвоенъ титулъ директора Императорскихъ театровъ. Первый директоръ театровъ въ обѣихъ столицахъ, назначенный въ этомъ году, былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Геденовъ.

Большой Петровскій театръ существовалъ до пожара, происшедшаго 11-го марта 1853 года, истребившаго декорации, костюмы, машины, бібліотеку, собранныя огромными трудами и десятками лѣтъ, и оставившаго только одиѣ голыя стѣны.

Вскорѣ послѣ пожара, отъ министра Императорскаго двора, по Высочайшему повелѣнію, поручено было нѣкоторымъ нашимъ художникамъ-архитекторамъ заняться составленіемъ проектовъ возобновленія театра и представить ихъ на разсмотрѣніе особой комисіи, учрежденной для этой цѣли при главномъ, управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій. Изъ числа представленныхъ проектовъ, 2-го іюня 1853 года выбранъ былъ проектъ главнаго архитектора Императорскихъ театровъ, г. Кавоса. 3-го мая 1855 года онъ былъ Высочайше утвержденъ, 17-го уже состоялось предписаніе начать работы. Онѣ начались подъ главнымъ руководствомъ г-на Кавоса, а также подъ наблюденіемъ архитектора московскихъ театровъ, г-на Никитина и архитектора Стельпа. Работа шла успѣшно, и къ 20-му августу 1856 года все было готово и театръ открылся для представленій, которыя въ немъ начались оперою Беллини «Нуритане».

Государь Императоръ, посѣтивъ театръ 30-го августа, въ день торжественнаго спектакля, изволилъ выразить свое удовольствіе главнымъ исполнителямъ своей мысли.

До сихъ поръ первое мѣсто по величинѣ занимали театры: Саль-Карло въ Неаполѣ, де-ла-Скала въ Миланѣ и ла-Фениче въ Венеци.

¹⁾ Послѣ Ф. Ф. Кокоркина директоромъ московскихъ театровъ назначенъ былъ знаменитый популярный романистъ того времени, М. Н. Загоскинъ, который и занималъ эту должность до 1842 года, т. е. до того времени когда московскіе и с.-петербургскіе театры поступили подъ одно управленіе.

Но зало московскаго театра (опредѣляя величину ея діаметромъ потолка) на $3\frac{3}{4}$ аршина больше зала неаполитанскаго театра; миланскій же театръ онъ превосходить вышиною на 4 аршина слпш-комъ, а венеціанскій на $5\frac{1}{2}$ аршинъ.

Варвара Николаевна Асенкова.

(1817—1841).

В. Н. Асенкова была дочерью актрисы начала текущаго столѣтія (дебютировала въ 1814 г.) Александры Егоровны Асенковой, объ которой старыя театралы относятся такъ: «Александра Егоровна была неподражаема въ роляхъ служанокъ. Она была прелестна собой, удивительно ловка и умѣла сохранить въ игрѣ естественность. Плутовскіе взгляды, хитрая улыбка, притворство и все продѣлки служанокъ она изображала такъ превосходно, что въ самомъ Парижѣ, отечествъ субретокъ, ей бы отдали справедливость».

Красота, быстрый огненный взглядъ, чистая и живая дикція, расторопность, лукавство — все соединилось въ ней, чтобы сдѣлать изъ нея отличнѣйшую субретку, а наставленія кн. А. А. Шаховскаго вполнѣ развили ея дарованіе, и Асенкова блистала истиннымъ, неподдѣльнымъ дарованіемъ.

Варвара Николаевна сначала была отдана матерью въ театральное училище, но способностей къ сценическому искусству никакихъ не оказывала и, по совѣту директора театровъ князя Гагарина, взята была обратно и помѣщена въ пансіонъ г-жи Кругляковой. Однако, скрытое природное драматическое дарованіе влекло ее на театральные подмостки: черезъ три года она убѣжала изъ пансіона и объявила матери, что желаетъ поступить на сцену. Мать уступила настояніямъ дочери и выбрала ей въ руководители знаменитаго въ то время актера Ивана Ивановича Сосницкаго. Долго не поддавалось скрытое дарованіе будущей артистки своему учителю, терявшему уже надежду на успѣхъ своихъ трудовъ, — долго оно не выходило наружу, но наконецъ, проявилось во всемъ блескѣ и наставникъ съ гордостью выпустилъ на сцену свою ученицу въ свой бенефисъ (24-го января 1835 г.) въ комедіи Фавара «Три султанши или Солпмалъ II», и въ водевилѣ — «Лорнетъ или правда глаза колетъ».

«При первомъ появленіи ея на сцену, — говоритъ очевидецъ этого дебюта, — публика привѣтствовала ее громкими и продолжительными аплодисментами, и едва она заговорила, едва рѣшилась поднять свои потупленные прекрасные глаза, въ которыхъ было столько блеска и огня, партеръ еще громче, еще единодушнѣе изъявилъ свое удивленіе шумными, восторженными криками «браво».

Успѣхи дебютантки были самый блестящій. Покойный императоръ Николай Павловичъ, по окончаніи спектакля, удостоилъ ее милостивымъ своимъ вниманіемъ и сказалъ ей, что такой удачный дебютъ ручается за будущіе ея успѣхи на сценѣ.

Съ перваго дебюта юной актрисы и до конца ея жизни успѣхи ея на сценѣ были непрерывны. Она вступила въ царство водевиля, царемъ котораго былъ Дюръ. Асенкова, Дюръ и водевилъ слились въ нѣчто цѣлое и нераздѣльное. Въ водевилѣ «Малъ да удалъ» она сыграла роль юнкера. Въ мужскомъ костюмѣ она очень понравилась публикѣ. Тотчасъ явился другой водевилъ «Гусарская стоянка», тоже съ юнкеромъ. Въ этой пьесѣ она имѣла успѣхъ блистательный. Тутъ

искусство доведено было до совершенства: никто не сказалъ бы, что это скромная и даже робкая дѣвушка; нѣтъ—это былъ мальчикъ, повѣса въ полномъ смыслѣ этого слова: всѣ движенія, всѣ ухватки принадлежали мальчику, и если бы не афиша, никто не повѣрилъ бы такому чудному, неестественному перерожденію. Этотъ престелный юнкеръ, въ бѣломъ кителѣ и красной фуражкѣ вскружилъ голову множеству нашихъ гвардейцевъ—отъ генераль-маіора до корнета включительно; эта роль была одною изъ триумфальныхъ ролей Асенковой. Водевиль особенно нравился покойному великому князю Михаилу Павловичу. «По пьесѣ, этотъ юнкеръ-шалунъ и повѣса; я ихъ не жаду, — сказалъ какъ-то великій князь Асенковой, — но къ Лелеву я былъ бынисходителен... Ай-да дѣвица-кавалеристъ».

Вслѣдъ за «Гусарскою стоянкою» Асенкова вышла въ мужскомъ костюмѣ въ водевилѣ «Пятнадцатилѣтній король» и такъ пристрастилась къ этимъ костюмамъ, что неохотно появлялась въ своихъ собственныхъ. Критика того времени стала замѣчать ей, что мужскія роли губятъ артистку, что узкіе панталоны суживаютъ ея таланты. Но что же было дѣлать артисткѣ, когда театръ стоналъ при появленіи ея на сценѣ въ мужскихъ роляхъ, и онѣ удавались ей болѣе, чѣмъ роли серьезнаго репертуара, которыхъ у нея было несомненно много, потому что водевилъ поглотилъ всѣ ея силы и способности.

Изъ драматическихъ ролей, ею игранныхъ, критика и театральныя лѣтописцы того времени указываютъ на роли Офеліи въ «Гамлетѣ» и «Парали Сибирячки». О послѣдней пьесѣ Каратыгинъ заноситъ въ свои записки:

«Въ 1839 году Полевой написалъ для бенефиса Асенковой драму «Параша Сибирячка», но цензура не одобрила ее къ представленію. Авторъ и бенефициантка были въ отчаяніи; оставалось одно средство—просить высочайшаго разрѣшенія. Асенкова рѣшилась на эту крайнюю мѣру и, выбравъ удобную минуту, лично, въ театрѣ, просила Государя объ этой милости. Онъ потребовалъ къ себѣ пьесу. времени до бенефиса оставалось уже немного, но отвѣта на просьбу Асенковой не было. Она томилась въ мучительномъ ожиданіи, однакожъ, утруждать Государя вторичной просьбой, разумѣется, не осмѣливалась. Въ одно изъ представленій знаменитой танцовщицы Тальони, Государь былъ въ Большомъ Театрѣ и во время антракта вышелъ изъ своей ложи на сцену; увидя меня, онъ подозвалъ къ себѣ и спросилъ:

«—Когда назначенъ бенефисъ Асенковой?»

«Я ему отвѣчалъ, что черезъ двѣ недѣли. Государь съ обычной своей любезностью сказалъ мнѣ:

«— Я почти кончилъ представленную мнѣ драму Полевого и не пахожу въ ней ничего такого, за что слѣдовало бы ее запретить; завтра я возвращу пьесу, повидай Асенкову и скажи ей объ этомъ. Пусть она на меня не пеняетъ, что я задержалъ ея пьесу, что жъ дѣлать? у меня, въ это время, были дѣла нѣсколько поважнѣе театральныхъ пьесъ».

Успѣхъ «Парашы» былъ блестящій. Императоръ смотрѣлъ пьесу и награждалъ бенефициантку драгоценнымъ подаркомъ.

Объ исполненіи этой роли Асенковой Бѣлинскій говоритъ:

«Отличительный характеръ ея состоялъ въ смѣлости, свободѣ, непринужденности, и если бы, при всемъ этомъ, видно было болѣе нѣжности и теплоты, то мы не нашли бы довольно словъ для выраженія нашего восторга».

Восторженно отзываются помнящіе ее въ роли Офеліи, въ кото-

рой она доказала, что въ ея дарованіи рѣшительно былъ драматическій элементъ. Въ Офелія Асенкова была поэтически-хороша, особенно въ сценѣ безумія. Это была именно Офелія Шекспира, грустная, безумная, но тихая и потому трогательная, а не какаѣ-то бѣспующаяся, какъ того требовали отъ нея нѣкоторые критики и какою навѣрно представила бы ее всякая другая актриса, у которой на умѣ только одно: произвести эффектъ, а какимъ образомъ, до того дѣла нѣтъ. Блѣдная, съ неподвижными чертами лица, съ распущенными волосами и съ пристально устремленнымъ внизъ взглядомъ, душу раздирающимъ голосомъ пѣла Асенкова:

И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами...

Здѣсь очарованіе, на зло разсудку, доходило до высшей степени, и невольныя слезы были лучшею наградою артистки. Роль Офелія была одною изъ любимѣйшихъ ея ролей вообще.

Варвара Николаевна была вообще права веселаго и одушевленнаго; сердце у нея было добрейшее, и она никогда не помнила обидъ и зла, которые ей подчасъ дѣлали. Не бывъ сентиментальною, она была чувствительна и душою понимала все высокое и прекрасное, хотя и не показывала того другимъ. Преданная вполне любимому ея искусству, она была готова принести ему въ жертву все, и единственно только для того, чтобы никогда не разставаться съ театромъ. Она не разъ отказывалась отъ блистательныхъ предложеній, чѣмъ, впоследствии удержала многихъ отъ искательства ея руки, хотя нашлись бы, можетъ-быть, люди, которые и не подумали бы потребовать отъ нея невозможной и безчеловѣчной жертвы—разлуки со сценою. Самолюбія она почти не знала и не только не отвергла ничьихъ совѣтовъ, но даже часто сама настоятельно требовала ихъ, и если она находила ихъ въ правду полезными, то всегда слѣдовала имъ, чей бы то совѣтъ ни былъ. Людей она умѣла отличать мастерски, и, несмотря на врожденное женское самолюбіе и на толпу *обожателей* никогда не вѣрила она страсти всѣхъ этихъ господъ, всегда дѣлая видъ, какъ будто ихъ не замѣчаетъ и даже не знаетъ объ ихъ существованіи. До сцѣтной и закулисныхъ интригъ она была неохотницею и, по возможности, старалась ихъ всегда избѣгать, отчего, несмотря ни на какія сцѣтныя, всегда пользовалась всеобщіею любовью и уваженіемъ всѣхъ своихъ товарищей, для пользы которыхъ во всякое время готова была дѣлать все, что только отъ нея зависало. Къ роднымъ своимъ она была привязана пламенно. Не зная корыстолюбія, предоставляла своему многочисленному семейству все, оставляла себѣ только самое необходимое для туалета на сценѣ, гдѣ лучше ее, и съ большимъ вкусомъ ни одна изъ русскихъ актрисъ пока еще не одѣвалась. Послѣ смерти открылись тайны, которыхъ не зналъ никто, даже изъ ближнихъ Варвары Николаевны—тайны благоговѣнія, раскрытыя слезами сиротъ и бѣдныхъ, пришедшихъ ко гробу ея.

Что же касается до наружности Асенковой, то для того, кто хоть одинъ разъ ее видѣлъ, трудно было вообразить себѣ что-нибудь милѣе и привлекательнѣе. Высокая ростомъ, стройная, нѣсколько худощавая, она была чрезвычайно граціозна и всѣ движенія ея, быстрыя, небрежныя, никогда не лишеныя благородства и живописности, были прелестны. Цвѣтъ лица ея былъ блѣдъ и блѣденъ, но оживленъ; волосы темные, руки маленькія. Главное очарованіе Асенковой находилось въ глазахъ, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, темно-голубова-

таго, непрерывно блиставшихъ, какъ два огонька, и взглядъ которыхъ могъ изобразить по волѣ все, что хотѣлъ; а также и въ улыбкѣ, въ которой было много ума и какая-то особенная прелесть. Наконецъ, голосъ Асенковой, при самомъ чистомъ и внятномъ выговорѣ, имѣлъ что-то мелодическое, и, невольно проникая до самой глубины сердца, довершалъ очарованіе, отъ котораго тому, кто разъ подъ него подпалъ, освободиться совершенно было и невозможно и не хотѣлось...

Но любимца публики, достаиваемая вниманіемъ государя, царской фамилии и всего двора, Асенкова бывала, однакоже, жертвою гнусныхъ интригъ и пошлыхъ выходокъ и некоторыхъ великосвѣтскихъ господъ, метившихъ артисткѣ за ея презрѣніе къ ихъ некачествамъ. Въ запискахъ Каратыгина есть разсказъ о томъ, какъ какой-то офицеръ бросилъ замкнутую шутку въ окно театральной кареты, въ которой сидѣла Асенкова. Его разыскали и отправили на Кавказъ, откуда, впрочемъ, онъ благополучно возвратился года черезъ два.

Другіе, подобные ему, подсаживали пикальщикова въ спектакли, въ которыхъ участвовала Асенкова. Бывали случаи присылки артисткѣ по почтѣ безыменныхъ пасквилей и карикатуръ. Съ другой стороны обожатели докучали ея признаніями въ любви—въ стихахъ и въ прозѣ. Гордое молчаніе Асенковой было постояннымъ ея отвѣтомъ, какъ ненавистникамъ, такъ и обожателямъ. Ей представлялись самыя блестящія партіи; богачи и знатныхъ фамилій люди искали ея руки, но пламенная любовь къ роднымъ и къ неумѣю приковывала Асенкову къ театральнымъ подмосткамъ крѣпче цѣпей Гимenea, хотя бы и золотыхъ. Почти ежедневно видимая на сценѣ, эта благородная артистка въ театрѣ была невидимкою; жила безукоризненно скромно, довольствуясь кругомъ родныхъ и весьма немногихъ знакомыхъ изъ среды артистовъ и литераторовъ. Самымъ дорогимъ гостемъ въ домѣ Асенковой былъ ея учитель П. П. Сосницкій; послѣ него, она искренно уважала П. А. Каратыгина; была дружна съ Максимовымъ, Григорьевымъ, — и заскова ко всѣмъ товарищамъ и подругамъ по театру. Не охотница до нарядовъ, одѣвалась въ частной жизни очень скромно, да и куда было ей рядиться? Въ гости она выѣзжала очень рѣдко, а большею частію къ людямъ, которые встрѣчали ее не по платью, а по уму. Раннихъ утромъ, эта милая, добрая дѣвушка хаживала въ церковь, вмѣстѣ со своей старой няней; дѣтски добродушная она была младенцемъ въ своихъ релігіозныхъ вѣрованіяхъ.

«Не говоря уже о прекрасномъ и разнообразномъ дарованіи Асенковой,—говоритъ въ своихъ запискахъ Каратыгинъ:—я не могу умолчать о ея миломъ и любовномъ характерѣ; добродушіе и кротость ея доходили до дѣтской наивности. Я не замѣчалъ, чтобы она кому-нибудь завидовала; не слыхалъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь повздорила, что такъ обыкновенно въ нашемъ закулисомъ муравейникѣ. Если она не получила блестящаго воспитанія, то природный ея умъ и тактъ заставляли забывать въ ней этотъ недостатокъ. Собою она хотя не была красавицей въ строгомъ смыслѣ, но миловидность ея была до того симпатична, что собирала около нея толпу поклонниковъ и вздыхателей изъ такъ-называемыхъ театраловъ».

Ея отношенія къ своему учителю П. П. Сосницкому лучше всего характеризуются слѣдующимъ письмомъ ея:

«Милый и добрый Иванъ Ивановичъ.

«Съ удовольствіемъ слышу сообщить вамъ пріятную для васъ новость. Вчера вечеромъ и была въ царскомъ садѣ, и его высочество

Михаилъ Павловичъ почти два часа говорилъ со мною, болѣе все объ васъ, расхваливалъ васъ до небесъ, говорилъ, что онъ ужасно васъ любитъ, что вы прекраснѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ, чрезвычайно умны, и что онъ всегда находитъ особенное удовольствіе говорить съ вами. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ было приятно слышать всѣ эти похвалы человѣку, котораго я привыкла любить и уважать и всегда считать за благороднаго, умнаго, честнаго и добраго. Послѣ этого разговора я просто боготворю его высочество, вида, что онъ прекрасно умѣетъ отличать людей. Потомъ спросилъ онъ у меня: были ли вы на охотѣ? Я отвѣчала, что нѣтъ, потому что не прислали билета. Онъ ужасно разсердился на несправность Майкова и въ заключеніе всего просилъ меня дать вамъ знать, что онъ въ четвергъ прїѣдетъ въ Ориѣнбаумъ съ маневровъ и желалъ бы очень васъ видѣть. Ахъ, какъ я рада за васъ, милый Иванъ Ивановичъ, потому что такое вниманіе и любовь должны быть для васъ очень лестны».

Неустанные труды и слабое здоровье не дали вполнѣ расцвѣсть юному таланту. Она прослужила искусству только пять лѣтъ. 19-го апрѣля 1841 года она скончалась и похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ. Только-что начинавшій въ то время свое литературное поприще поэтъ Некрасовъ почтилъ ея память стихотвореніемъ, въ которомъ горячо воспоминаеть о безвременно погибшей артисткѣ.

«... Я помню: занавѣсъ взвилась,
Толпа угомонилась—
И ты на сцену въ первый разъ,
Какъ свѣтлый день, явилась.
Театръ гремѣлъ: и дилетантъ,
И скептикъ хладнокровный
Твое искусство, твой талантъ
Почтили данью равной.
И точно, мало я видаль
Красивѣе головокъ;
Твой голосъ ласково звучалъ,
Твой каждый шагъ былъ ловокъ;
Дышали мιλыя черты
Счастливымъ дѣтскимъ смѣхомъ..
Но лучше-бъ воротилась ты
Со сцены съ неуспѣхомъ!
Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы—
Ты благородно поняла
Призваніе актрисы:
Исканья старыхъ богачей
И молодыхъ нахаловъ,
Куплеты блѣдныхъ рюмачей
И вздохи театраловъ—
Ты все отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной—
И вся искусству предалась
Душою неподкупной.
И что-жь? Обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить рѣшились клеветой

Бездушные невѣжды!
Переходя изъ уста въ уста
Коварна и безчестна,
Крылатымъ змѣемъ клевета
Носилась повсемѣстно—
И все заговорило вдругъ...
Посыпались упрёки,
Стихи и письма, и подругъ
Не тонкіе намеки...
Ихъ говоръ лишь тогда затихъ,
Какъ смерть тебя сразила...
Ты до послѣднихъ дней своихъ
Со сны не сходила.
Въ сознаньи свѣтлой красоты
И творческаго чувства,
Восторгъ толпы любила ты,
Любила ты искусство,
Любила славу... Твой закатъ
Былъ страненъ и прекрасенъ:
Горѣлъ огнемъ глубокой взглядъ,
Пронзителенъ и ясень;
Пылали щеки; голосъ сталъ
Богаче страстью нѣжной...
Увы! театръ рукоплескалъ
Съ тоскою безнадежной!
Сама ты знала свой удѣлъ,
Но до конца, какъ прежде,
Твой голосъ, погасая, пѣлъ
О счастьѣ и надеждѣ.
Не такъ ли звѣздочка въ ночи,
Срываясь, упадаетъ,
И на лету свои лучи
Послѣдніе рождаетъ?...

Товарищъ по искусству, извѣстный московскій артистъ Дмитрій
Левскій посвятилъ памяти Асенковой слѣдующія строки:

«Гдѣ ты—душа души, роскошная краса?
Съ тобой дни счастья пропали!
Увы! Тебя ужъ нѣтъ! Ужели небеса
Завидовать земному стали?
Какъ свѣтлая струя и въ чистомъ хрусталѣ,
Она была чужда презрѣннаго, людского,
И какъ же было ей жить долго на землѣ,
Когда въ ней не было земного?!»

«Простите, мой добрый,—писалъ онъ Соснищкому: — будемъ жить
попрежнему, въ ожиданіи другой жизни, гдѣ, можетъ-быть, встрѣ-
тимся съ ангеломъ, который здѣсь гостилъ подъ видомъ актрисы и
подъ именемъ Варвары Николаевны Асенковой».

Отзывъ современника о первомъ представленіи оперы „Жизнь за Царя“.

Въ библиотекѣ Императорскихъ театровъ хранятся афиши. Онѣ обыкновенно наклеиваются на большіе листы александрійской бумаги и перецелуются въ книгу. На поляхъ бумаги режиссеры иногда отмѣчаютъ особыя событія, случившіяся во время спектакля. Теперь это дѣлается крайне рѣдко, но прежде, въ началѣ 30-хъ годовъ, А. В. Храповицкій, «инспекторъ російскаго репертуара» или, какъ онъ самъ себя называлъ, главнокомандующій російскимъ репертуаромъ, дѣлалъ каждодневно и собственноручно на поляхъ отмѣтки, въ которыхъ излагалъ свое мнѣніе о пьесахъ, объ игрѣ актеровъ, о чрезвычайныхъ событіяхъ, даже объ такихъ, напр.: «спектакль начался десятью минутами позже обыкновеннаго, по причинѣ одному мнѣ извѣстной», и т. п. Вотъ что имъ оставлено на память потомству о первомъ представленіи оперы великаго композитора: «1836 г. Въ пятницу, 27 ноября, въ Большомъ театрѣ. Для открытія послѣ перестройки. Въ первый разъ «Жизнь за Царя». Оригинальная большая опера.

«При семь открытіи театра изволили присутствовать Государь Императоръ со всею августѣйшею фамиліею.

«Объ оперѣ ничего сказать не могу: въ сей день я былъ дежурнымъ въ Александринскомъ театрѣ».

«Воскресенье, 29. То же во второй разъ.

«Скажу про оперу правду-матку, какъ я понимаю: вздоръ и галиматья! Глинка отъ русскаго отсталъ и къ иностранному не присталъ и вышла чепуха. Петровъ, Степановъ и Воробьева дѣлали свое дѣло какъ нельзя лучше, Леоновъ же куда не годится. Вызывали: Глинку, Петрова, Воробьеву и Степанову».

Sapientia sat.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

OTPIBKN HEP BOCHOMI/NOE

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ.

I.

Въ началѣ декабря 1849 г. на письменномъ столѣ, въ кабинетѣ покойнаго учителя моего Н. В. Берга, я увидѣлъ четыре тетрадки, сложенныя въ четверку, писанныя разными почерками. На обложкѣ первой было крупно написано «Банкротъ». Это слово зачеркнуто и подъ нимъ тоже крупно: «Свои люди сочтемся, комедія въ 4 дѣйствіяхъ, соч. А. Островскаго».

«Какое пріятное занятіе, эти танцы! Что можетъ быть восхитительнѣе!..» — началъ читать я.

Этотъ монологъ охватилъ все мое существо, я прочиталъ всю піесу, не вставая съ мѣста.

— Позвольте списать. Николай Васильевичъ! — обратился я къ Бергу.

— Сегодня я долженъ отдать назадъ. Островскій будетъ читать ее у М. Г. Попова (университетскій товарищъ Алек. Инк.). Піеса врядъ ли будетъ напечатана.

Въ тотъ же день, въ обѣдъ, я пришелъ къ Матвѣю Григорьевичу Попову и предложилъ ему свои услуги переписать піесу съ тѣмъ, чтобы одинъ экземпляръ оставить у себя. Писалъ я въ то время отлично.

Вѣроятно авторъ намъ это позволить, — отвѣчалъ Матвѣй Григорьевичъ и тотчасъ же усадилъ меня въ своемъ кабинетѣ, далъ мнѣ какую-то необыкновенную глянцевитую бумагу, на которой писать такъ же было трудно, какъ на стеклѣ, тѣмъ болѣе, что и перья тогда употреблялись болѣе гусинья.

Около восьми часовъ вечера, въ кабинетъ вошелъ бѣлокурый, стройный, франтовато одѣтый (въ коричневомъ, со свѣтлыми пуговицами, фракѣ и — по тогдашней модѣ — въ необыкновенно пестрыхъ брюкахъ) — молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти. Набилъ трубку табаку, выпустилъ два-три клуба дыму и съ боку, мелькомъ взглянулъ на мое чистописаніе.

Это былъ А. Н. Островскій.

— Позвольте васъ спросить, — робко обратился я къ нему: — я не разберу вотъ этого слова.

— «Упаточилась», — отвѣчалъ онъ, посмотрѣвъ въ тетрадку: — слово русское, четко написанное.

Спросилъ я, впрочемъ, не потому, что не разобралъ этого слова, а просто и горѣлъ нетерпѣннѣе услышать его голосъ.

Въ 8 часовъ въ залѣ началось чтеніе. Мы съ братомъ Матвѣя Григорьевича слушали изъ кабинета. До конца, до мельчайшихъ подробностей вѣдомый мнѣ мѣръ, изъ котораго взята піеса, изумительная передача въ чтеніи характера дѣйствующихъ лицъ произвели на меня неизгладимое до сихъ поръ впечатлѣніе.

Въ теченіе декабря и января я переписалъ піесу три раза и выучилъ ее наизусть. Она была напечатана въ мартовской книгѣ «Москвитянина» 1850 г., но играть ее на сценѣ не дозволили. Авторъ былъ взятъ подъ надзоръ полиціи.

— Это вамъ больше чести,—сказалъ ему графъ Закревскій, лично объявляя Островскому распоряженіе высшаго начальства. Графъ Закревскій любилъ произведенія Островскаго. Піесы: «Свои люди сочтемся» и «Вѣдность не порокъ» авторъ читалъ у него въ домѣ.

Надзоръ былъ снятъ по всемілостивѣйшему манифесту при вступленіи на престолъ императора Александра II.

— Позвольте васъ поздравить! — съ улыбкою сказала Александру Николаевичу кварталный надзиратель, объявляя ему о снятіи съ него надзора.

— Васъ тоже позвольте поздравить съ окончаніемъ безпокойствъ и поблагодарить, что вы меня здрава и невредима сохранили.

Кварталный расшаркался.

— Кажется, мы васъ не безпокоили и доносили объ васъ, какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Не скрою, однако, что мнѣ одинъ разъ была за васъ нахлобучка.

Эта встрѣча съ Александромъ Николаевичемъ повліяла на всю мою дальнѣйшую судьбу. Я жилъ въ то время на окраинѣ Москвы, въ захолустьѣ, и давалъ уроки въ небогатыхъ купеческихъ домахъ.

Я былъ страстный любитель театра. Съ однимъ пріятелемъ мы ходили въ Малый театръ чуть не каждый день, и сидѣли всегда въ райкѣ. У насъ были тамъ свои привилегированныя мѣста, которыя занимать никто не могъ, потому что мы забирались въ театръ до спуска средней люстры. Сосѣдями нашими были большею частью студенты Московскаго университета и одинъ почтенный учитель русской словесности Андрей Андреевичъ, всегда ходившій въ синемъ форменномъ фракѣ и обломѣ галстукѣ. Онъ постоянно вступалъ со студентами въ споръ о піесѣ и ея исполнителяхъ.

Въ залѣ пусто и темно, лишь въ оркестрѣ мелькаютъ нѣсколько огоньковъ. Посреди мрака и тишины вдругъ близнула скрипка, ей отвѣчаетъ другая, третья... Смолкли. Огоньки начинаютъ прибывать. Маленькую трель испустила флейта; дали знать о своемъ существованіи литавры... Свѣту въ оркестрѣ все больше и больше. Дружатся между собою скрипки; грякнулъ контрабасъ; ибжнюю, сладенькую нотку далъ виолончель... Въ оркестрѣ начинается полная жизнь: всѣ инструменты пришли въ движеніе. Люстра медленными порывами выходитъ изъ отверстія. Раскъ съ шумомъ и крикомъ наполняется зрителями. Мѣста берутся съ бою.

— Нѣтъ, вы позвольте! Мы тоже деньги заплатили.

— И я въ креслахъ могу сидѣть.

— Ну такъ туда и пожалуйста по вашему чину.

— Что вы,—въ баню что ли пришли?

— Послушайте, тутъ дамы.

— Что-жъ, мы ничего такого не говоримъ.

— Поберегите ваши слова для Таганки.

— Мы въ Тверской-Ямской живемъ, а не на Таганкѣ.

— Оно и видно.

Успокоились, усѣлись.

— Какая игра?

— «Левъ Гурычъ Синичкинъ».

— Живописи дѣйствуютъ?

— Дѣйствуютъ.

— Ублажить! Намедни онъ на кровати съ господиномъ Васильевскимъ ¹⁾ разыгрывали маленько.

— Почтенный, подвиньтесь маленько.

— Не забывайся!

— Ухъ, какъ страшно!

— Въ шубѣ-то, пожалуй, сопрѣешь, а дѣвать ее некуда.

— Въ шубѣ совсѣмъ невозможно—растаетъ: жара, какъ въ кузницѣ.

— Квасокъ малиновой!

— Что ты тутъ топчешься? Еще игра не начиналась, а ужъ онъ съ квасомъ!

— Ты приходи по третьему поту, а теперь пока рано: къ твоему квасу еще расположенія нѣтъ.

— Въ купонахъ сидѣть превосходнѣе, а для дамъ даже очень... А здѣсь такъ намучтъ...

— Кто же это позволить?

— Да тутъ, тетенька, и позволенія вашего не будутъ спрашивать, потому—тѣснота. Видите, какъ народъ претъ.

Подобныя перемолвки продолжаютъ и во время антрактовъ.

Купцы, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось бывать, были неохотливы до театра.

— Живемъ мы въ тѣхъ же направленіяхъ, какъ наши старики жили. И слава Богу,—лучше намъ не надо!—говорили они.

На сценѣ Большого московскаго театра знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ. Москва преклонялась предъ ея талантомъ. Въ книжныхъ и музыкальных магазинахъ выставлены ея портреты; рестораторъ Шевалье готовить котлеты а la Fanni Elsler; въ табачныхъ магазинахъ папироски Fanni Elsler; модистки мастерятъ шляпки Fanni Elsler. Имя Фанни Эльслеръ у всѣхъ на языкѣ. Балетоманы на верху блаженства; поэты бряцаютъ на лирахъ. Увлеченіе дошло до того, что одинъ союзный чиновникъ, занимавшій видный служебный постъ, въ порывѣ восторга, вскопчил на козлы кареты артистки и прослѣдовалъ съ нею до ея отеля. Были очень почтешные люди, считавшіе за счастье получить отъ нея на память башмаки, въ которыхъ она танцевала. Поэты привѣтствовали ея восторженными стихами. Н. В. Бергъ выходилъ изъ себя; все ему въ ней нравилось.

Да, мнѣ милы и за то вы,
Что, любя Москву мою,
Полюбили горы Воробьевы,
Что гуляли по Кремлю.

Описывая поѣздку артистки на Поклонную гору, поэтъ восклицаетъ:

На горѣ у насъ Поклонной
Положили вы поклонъ,—
На горѣ, откозъ, въ дни оны,

¹⁾ Водевиль: „Комната съ двумя кроватями“.

Подопли къ стѣнамъ Москвы,
Распустивъ свои знамены,
Грозныхъ Галловъ легіоны—
Бонапартовскіе львы.

Тамъ,—свои покинувъ дрожки,
Вы смотрѣли на Москву,
Тамъ и ваше чудо — ножки,
Пропорхнувши вдоль дорожки,
Смяли нашу мураву.
И слегка напечатлѣнный
Вашихъ ножекъ нѣжный слѣдъ,
Вашей славой озаренный,
Прирастетъ къ горѣ Поклонной,
Прирастетъ на много лѣтъ.

Андрей Андреевичъ былъ въ восторгѣ отъ Фанни и, во время антрактовъ, читалъ намъ лекціи «О мастерствѣ и художествѣ».

— Это—художница! Это—великая художница! Это—предѣлъ хореографическому искусству: дальше ужъ тамъ нѣтъ ничего. Всѣ наши танцовщицы передъ ней только большія мастерицы и больше ничего! Мнѣ жалко смотрѣть на прыгающихъ мужчинъ, на кружащихся дѣвушекъ и дѣвочекъ, но я съ благоговѣніемъ смотрю на выдвигающуюся изъ толпы художницу.

А въ захоlustѣ у насъ такъ понимали Фанни Эльслеръ:

— Боже мой, какъ она превосходно танцуетъ! — говорилъ въ семействѣ своего дяди, богатаго фабриканта, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ коммерческомъ училищѣ.

— Затаицуюсь, какъ пить и ѣсть захочешь, — и на дудкѣ заиграешь, — замѣчаетъ дядя.

— Помилуйте, развѣ можно про Фанни Эльслеръ такъ говорить?

— Что она тебѣ кума, что ли? Ты бы объ дунѣ своей больше подумалъ...

— Душа тутъ не при чемъ, душа цѣла будетъ, если я въ театрѣ пойду.

— Ну, не скажите! — возражаетъ тетка.

— Что съ дуракомъ разговаривать, — заключаетъ дядя, — въ церковь съехали придеть — одному святому кивнуть, другому моргнуть, третій самъ догадается, а вотъ по театрамъ — наше дѣло!

Такое возрѣніе на театрѣ все-таки не удерживало захоlustы отъ желанія иногда посѣтить его. Это обыкновенно бывало на масляницѣ. Въ эти дни театральнымъ начальствомъ и репертуаръ приносивался ко вкусамъ захоlustы: давали обыкновенно «Парашу Сибирячку», «Наполеоновскій генералъ или мужъ двухъ женъ», «Идіотъ или Рейльбергское подземелье», «Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ» и другія, подобныя этимъ, пьесы, въ которыхъ Живокини и Никифоровъ клали, какъ говорится, въ лоскъ почтеннѣйшую публику. Непрерывный смѣхъ и взвизгиванье раздавались сверху до низу.

— Положимъ, это смѣшно, но вѣдь это балаганъ! Тутъ нѣтъ ничего эстетическаго, — говорилъ нашъ менторъ Андрей Андреевичъ.

Я восхищался игрой Живокини, и такой приговоръ объ немъ мнѣ не нравился.

— Вы возьмите по сравненію: смѣхъ, которымъ васъ даритъ Садовскій, и смѣхъ, который вынуждаетъ изъ васъ Живокини.

И онъ читалъ намъ лекцію о смѣхѣ

Съ появленіемъ на сценѣ комедіи Островскаго «Не въ свои сани не садись» на московской сценѣ начинается новая эра. Я былъ на первомъ представленіи этой комедіи. Она была дана въ бенефисъ Косицкой. Взвился занавѣсъ, и со сцены послышались новыя слова, новый языкъ, до того неслыханный со сцены; появились живые люди изъ замкнутаго купеческаго міра, люди, на которыхъ или плевать съ высоты своего невѣжества петербургскій драматургъ Григорьевъ «съ товарищи», заставляя ихъ говорить несуществующимъ, сочиненнымъ, дурацкимъ языкомъ,—или изображать ихъ такими приторными патріотами, что тошно было смотрѣть на нихъ.

Напримѣръ въ одномъ водевилѣ изъ народнаго быта мужикъ поетъ:

Русскихъ знаетъ цѣлый свѣтъ,
Не съ руки намъ чванство...
Правду молвилъ я, иль нѣтъ,

(Обращаясь къ публикѣ): Пусть рѣшить дворянство.

Посреди глубокой тишины публика прослушала первый актъ и восторженно, по нѣскольку разъ, вызвала исполнителей. Въ коридорахъ, въ фойе, въ буфетѣ пошли толпы о піесѣ. Восторгу не было конца! Во второмъ актѣ, когда Бородинъ поетъ піесню, а Дунюшка останавливаетъ его:

— «Не пой ты, не терзай мою душу», а тотъ отвѣчаетъ ей:

— Помни, Дуня, какъ любилъ тебя Валя Бородкинъ...

Театръ зашумѣлъ, раздалися аплодисменты, въ ложахъ и креслахъ замелькали бѣлые платки.

Восторженный менторъ нашъ Андрей Андреевичъ отбѣръ выступившія на глазахъ его слезы и произнесъ:

— Это—не игра. Это—священнодѣйствіе! Поздравляю васъ, молодые люди, вамъ много предстоитъ въ жизни художественныхъ наслажденій. Талантъ у автора изумительный. Онъ сразу всталъ плечо о плечо съ Гоголемъ.

Подъ бурю аплодисментовъ, безъ апломба, застѣнчивый, какъ дѣвушка, въ директорской ложѣ показался авторъ и низко поклонился пріѣхавшей его публикѣ.

Таланты Васильева (Бородкинъ) и Косицкой (Дуняша) проявились въ этихъ роляхъ во всю мѣру. Совершеннѣе сыграть было невозможно. Это была сама жизнь.

Въ это время изъ московскихъ актеровъ я былъ знакомъ только съ однимъ — Петромъ Гавриловичемъ Степановымъ, игравшемъ въ піесѣ «Не въ свои сани не садись» роль Маломальскаго, трактирщика.

Петръ Гавриловичъ былъ человекъ крайне оригинальный. Несмотря на свои почтенныя лѣта, онъ часто продѣлывалъ ребяческія шутки. Актеръ онъ былъ, какъ говорится—на вторыхъ роли, но былъ необыкновенный и замѣчательный гримъ. Онъ мнѣ рассказывалъ, что императоръ Николай Павловичъ приказалъ вызвать его въ Петербургъ для исполненія только одной роли князя Тугоуховскаго въ «Горѣ отъ ума». Эту нѣмую роль своимъ исполненіемъ и гримировкой онъ выдвинулъ на первый планъ. Императрица Александра Федоровна, при появленіи его на сцену, признала въ немъ одного московскаго сановника (князя Юсупова) и очень смѣялась.

Вскорѣ послѣ перваго представленія «Не въ свои сани», онъ пригласилъ меня пить чай въ трактиръ Пѣгова, гдѣ теперь ресторанъ

«Эрмитаж» Оливье. Вышли мы «четыре царя» (такъ въ то время опредѣлялась порція чаю).—Петръ Гавриловичъ отдалъ деньги положивому, который черезъ минуту принесъ ихъ обратно и положилъ на столъ.

— Что значить?—съ удивленіемъ спросилъ Петръ Гавриловичъ.

— Приказчикъ не беретъ,—съ улыбкою отвѣчалъ половой.

— Почему?

— Не могу знать, не беретъ. Ту причину пригоняютъ...

— Извините, батюшка, мы съ хозяевъ не беремъ,—сказалъ почтительно кланяясь, подошедшій приказчикъ.

— Развѣ я хозяинъ?

— Ужъ такой-то хозяинъ, что лучше требовать нельзя! Въ точности изволили представить. И господинъ Васильевъ тоже: ...«кипяточку!»... На удивленіе!

— За комплиментъ благодарю сердечно, а деньги все-таки возьми.

II.

Постомъ, 11-го марта 1853 года, сгорѣлъ Большой московскій театр. Пожаръ начался утромъ. Шелъ маленький снѣжокъ. Я былъ на этомъ пожарѣ. Смѣлаго и великодушнаго подвига кровельщика Марина, взобравшагося по водосточной трубѣ подъ самую крышу для спасенія театральнаго плотника—не видалъ. Зрѣлище пожара было внушительное. Странно было смотрѣть, какъ около этого, обятаго пламенемъ, гиганта вертѣлись пожарные съ своими спринцовками. Брантъ-майоръ, брантмейстеры, пожарные неистово кричали ослеплыми звѣринными голосами.

— Мѣщанская, качай!

Труба Мѣщанской части начинаетъ пускать изъ своего рукава струю, толщиною въ указательный палецъ. Двѣ-три минуты покачасть—воды нѣтъ.

— Воды! — кричитъ брантмейстеръ. — Слдоренко! Въ гробъ заплочу!..

Слдоренко, черный, какъ уголь, вылупивъ глаза, поворачиваетъ бочку.

— Срѣтенская!.. Берегись!..

— Публика, осадите назадъ! Господа, осадите назадъ!—кричитъ частный приставъ.

Никто не трогается съ мѣста, да и некуда было тронуться: всѣ стоятъ у стѣны Малаго театра. Частный приставъ это такъ скомадовалъ, для собственнаго развлеченія. Стоялъ, стоялъ, да и думаетъ: дай крикну. И крикнулъ... Все лучше...

— Назадъ, назадъ! Осадите назадъ!—презрительнымъ тономъ покригиваетъ, принимая на себя роль полицейскаго, взявшаго одѣтый адъютантъ графа Закревскаго. Всѣ стоятъ молча. Адъютантъ начинаетъ сердиться.

— Я прикажу сейчасъ всѣхъ водой заливать!—горячится онъ.

— Вода-то теперича сто цѣлковыхъ ведер! Клятру лучше прикажите заливать,—слышится изъ толпы, вызывая хохотъ.—Два фантала поблизости, изъ нихъ не начерпаетесь. На Москва-рѣку за водой-то гоняютъ. Скоро ли такой огонь убогаторворишь.

— Смотри, смотри! Ухъ!

Крыша рухнула, подививъ къ верху мириады искръ.

А гигантъ все горит и горитъ, выставляя изъ оконъ огромные пламенные языки, какъ бы подраживая московскую пожарную команду съ ея спринцовками. Къ 8 часамъ вечера и начальство, и пожарные, и лошади—все выбились изъ силъ и стояли.

Лѣтомъ послѣдовала война съ Турціей. Къ осени съ береговъ Дуная стали приходять извѣстія о небольшихъ стычкахъ нашихъ войскъ съ турецкими. Расположенный въ Москвѣ войска, наутруемыея благословеніемъ московскаго первосвятителя Филарета, выступали на брань. «Московскія Вѣдомости» становились съ каждымъ днемъ интереснѣе. Патриотическій духъ Москвы поднимался все выше и выше. Загудѣли московскіе колокола при извѣстїи о синоскомъ боѣ; возликовала Москва отъ побѣды Бebutova надъ сераскиромъ эрзерумскимъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», чуть не въ каждомъ №, стали появляться патриотическія стихотворенія дотолъ невѣдомыхъ поетовъ—Вл. Павлова, Вѣры Головиной, Е. Колопановой, князя Цертелева, Василія Побудгина; потомъ пошли извѣстныя литераторы М. А. Стаховичъ и Ѳ. Б. Миллеръ, наконецъ, стало по рукамъ ходить стихотвореніе Хомякова «Тебѣ призвать на брань святую»,—«Гласъ Божій! Сбирайтесь на праведной судъ» и знаменитое въ то время стихотвореніе «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ», положенное на музыку двумя композиторами—Бавери и Дюбюкомъ и иллюстрированное П. М. Боклевскимъ. Б. Н. Алмазовъ написалъ стихотвореніе «Крестоносцы»⁴⁾. Ликованія продолжались, а съ Запада шли къ намъ грозныя тучи, чувствовалось, что ликованію наступаютъ конецъ. У Иверской, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ и на Воздвиженкѣ, въ казенной палатѣ, раздавались стоны и рыданія рекрутскихъ женъ и матерей.

«Наборъ!» Боже, что это за страшное слово было въ то время! Что за страшныя сцены совершались въ рекрутскихъ присутствіяхъ!

— Годенъ въ команду! — раздается голосъ предсѣдателя рекрутскаго присутствія.

— Богъ съ тобой, Микита Митричъ! Задаромъ ты нашу семью разоряешь,—говоритъ, вежливая, рекрутъ сдатчику-міробду:—твоему плюмяшнику идти слѣдовать.

— Ваше сятельство,—вырываясь изъ рукъ солдата, говоритъ обращающа къ присутствію, рекрутъ:—Я могу! Нужды нѣтъ, что пьный! Ежели мнѣ теперика еще поднести—я куда угодно!

— Ежели онъ деревню спалилъ—ему въ Сибири мѣсто, а ты его въ некрута царскіе привезь,—говоритъ старикъ-крестьянинъ барскому прикащику.—Которые на очереди, ты тѣхъ не отдаешь!

— Тятенька, голубчикъ! Затылочекъ зачистить приказали, — радостно вскрикиваетъ молодой красивенькой паренъ, выскакивая изъ дверей присутствія.—Расширеніе жилы!

— Тебѣ какъ затылокъ-то брить: по модному, что ли? — острить цырюльникъ.

— Намъ все одно,—отвѣчаетъ за сына старикъ-отецъ: — стыда въ этомъ нѣтъ. Садись, Петруша, садись. Мать-то ужъ чай тамъ до-сыта навлясь!

— Въ госпиталь на пепытаніе!—раздается голосъ предсѣдателя.

— Въ госпиталь на воспитаніе!—кричитъ солдатикъ, выпроваживая изъ присутствія «сомнительнаго» рекрута.

— Я человекъ ломаный! Мнѣ сорокъ годовъ. У меня ужъ скрозь

⁴⁾ Впервые напечатано въ Русскомъ Архивѣ за 1863 г безъ имени автора.

ребръ кишки видно, а моя въ солдаты! Какой же это порядок! Какой я солдат! Мало ли нашего брата мѣщанина путается. Которые непутные сами продаются въ охотники. Я живописецъ, образа писать, никого не трогаю,—говорить, трясаю всёю тѣломъ, блѣдный, худой, посадской мѣщанинъ.

— Мастеровщина ваша такъ теперь и летитъ!—замѣчаетъ одинъ изъ сдатчиковъ.—Портныхъ очень начальство обожаетъ: какъ сейчасъ портной, такъ и пожалуйте!

— Портной теперь человекъ нужный.

— Ну, положимъ портной,—вмѣшивается кто-то:— а ежели сайками кто торгуетъ—тѣхъ за что? На Яузскомъ мосту вчера одного такъ съ лоткомъ въ приемъ и потащили.

Сердце надрывалось,—болно было смотрѣть на новыхъ рекрутковъ, препровождаемыхъ вечеромъ въ крутицкія казармы. Толпа, стоявшая нѣсколько часовъ безъ портока въ рекрутскомъ присутствіи, ожидая своей очереди, обезображенная жидомъ-пырюльникомъ: это было переселеніе душъ на 25 лѣтъ въ иной міръ, въ міръ розогъ, шницрутевоу, фухтелей, линьковъ, зуботычинъ.

III.

Въ театрѣ въ это время дѣла шли своимъ порядкомъ. Изъ Петербурга прислана была для постановки новая пѣса актера Григорьева «Подвигъ Марина». Изъ уваженія ли къ подвигу, или по другимъ причинамъ, эту недѣлю сыграли, и успѣха она никакого не имѣла.

Въ одинъ изъ спектаклей я узналъ отъ моего пріятели, что Островскій написалъ новую пѣсу «Вѣднѣсть не порокъ». На другой же день я пошелъ къ Александрѣ Николаевичу. Онъ жилъ тогда у Николая въ Воробинѣ, подъ горой, на берегу рѣки Яузы, въ собственномъ небольшомъ деревянномъ домикѣ. Домикъ этотъ стоитъ и понынѣ. Но... тамъ, въ этомъ домикѣ, гдѣ великій художникъ свои «вѣщи преты на живые струны вскладаше» и эти струны пророкотали «Свои люди сочтемся», «Грозу», «Восводу»,— тамъ теперь увеселительное заведеніе съ «распѣтомъ на мѣстѣ».

Александръ Николаевичъ принялъ меня крайне ласково, и я сталъ перелистывать пѣсу у него въ кабинетѣ. На другой день его достѣнилъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Не придавая никакого значенія своимъ разговорамъ— у меня ихъ въ то время было три: «Сцена у квартальнаго надзирателя», «Сцена у пушки» и «Мастерой»—я рассказалъ сначала одну сцену, потомъ другую, потомъ третью, Аполлонъ Александровичъ затребовавъ продолженія, но у меня больше не было. Александръ Николаевичъ сдержанно, а Аполлонъ Александровичъ восторженно похвалили меня. «Вы нашъ!»—воскликнулъ онъ, ударяя меня по плечу.

Для черезъ два Александръ Николаевичъ читалъ пѣсу у себя. Собрались се слушать: Н. А. Рамазановъ, П. М. Боглевскій, А. А. Григорьевъ, Евг. Н. Эдельсонъ, В. Н. Алмазовъ, А. Н. Дюбокъ и другіе; ждали П. М. Садовскаго, но онъ не былъ. Всѣмъ присутствовавшимъ пѣса была уже извѣстна: они слушали се во второй разъ. Послѣ чтенія Александръ Николаевичъ предложилъ мнѣ разсказать мои сцены. Успѣхъ былъ полный. Съ этого вечера я сталъ въ этомъ высокоталанливомъ кружкѣ своимъ человекомъ. Евг. Н. Эдельсонъ сталъ мнѣ давать небольшія книжки для рецензій въ «Москвитяиннѣ», а Аполлонъ Александровичъ настоятельно требовалъ, чтобы я напи-

саль, что-нибудь для журнала. Я написал небольшую сцену «Просто случай», помѣщенную потомъ въ «От. Запискахъ» 1855 года.

Александръ Николаевичъ меня выводилъ въ свѣтъ до Погодина включительно. Мы были нѣсколько разъ у гр. Е. П. Раstopчиной, у С. А. Пановой. Она жила на Собачьей площадкѣ. Сынъ ея Николай Дмитриевичъ, страстный любитель музыки и литературы, устраивалъ у себя спектакли. Въ одномъ изъ спектаклей участвовалъ Александръ Николаевичъ въ роли Маломальскаго, а я вышелъ въ первый разъ на сцену въ роли полового.

На этомъ спектаклѣ я въ первый разъ познакомился съ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ. Онъ остался очень доволенъ рассказами, и я несказанно былъ счастливъ, что вызвалъ смѣхъ у царя смѣха.

— Приходите ко мнѣ каждый день, — сказали мнѣ на прощанье Провъ Михайловичъ.

И сталъ я къ нему ходить каждый день и привязался я къ этому рѣдкому человѣку и гениальному артисту всей душой, и пользовался его взаимной любовью до конца его дней. Онъ тоже полюбилъ меня, и поручилъ мнѣ обученіе своего сына Миши грамотѣ. Мальчикъ оказался чрезвычайно способнымъ, и мнѣ не стоило никакого труда заниматься съ нимъ.

Принимала также участіе въ спектакляхъ Н. Д. Панова графиня Раstopчина, сама писавшая для себя небольшія пѣски, обыкновенно въ два-три лица, и разыгрывала ихъ съ И. В. Самаринымъ, актеромъ московскаго театра. Режиссерскую часть принимали на себя: П. А. Рамазановъ и П. И. Шаповаловъ. Спектакль заключался divertissementомъ, въ которомъ участвовали А. И. Дюбюкъ, П. М. Садовскій и я.

Гостеприимныя двери Ап. Ал. Григорьева радушию отворялись каждое воскресенье. Молодая редакция «Москвитянина» бывала вся на лицo: А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, Е. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ, очень остроумно полемизировавшій въ то время въ «Москвитянинѣ» съ «Современникомъ» подъ псевдонимомъ Ераста Благоврова. Шли разговоры и споры о предметахъ важныхъ, прочитывались авторами новыя ихъ произведенія. Такъ Б. Н. въ описываемое мною время въ первой разъ прочиталъ свое стихотвореніе «Крестноносцы»; Ал. Ант. Потѣкинъ, только что выступившій на литературное поприще, свою драму: «Судъ людской — не Божій», А. Ф. Писемскій, ѣхавшій изъ Костромы въ Петербургъ на службу, устно изложилъ планъ задуманнаго имъ романа «Тысяча душъ». За душу хватала русская пѣсня въ неподражаемомъ исполненіи Т. И. Филиппова; ходенемъ ходила гитара въ рукахъ М. А. Стаховича; сплошной смѣхъ раздавался въ залѣ отъ рассказовъ Садовскаго; Римомъ вѣяло отъ итальянскихъ пѣсенокъ Рамазанова.

Бывали на этихъ собраніяхъ: Алексѣй Стенановичъ Хомяковъ, Никита Ив. Крыловъ, Карлъ Францовичъ Рулье. Изъ музыкально-артистическаго міра: А. И. Дюбюкъ, И. К. Фришманъ, пѣвецъ Бантышевъ и др. Не пренебрегали а тотъ кружокъ и дикимъ сыномъ степей, кровнымъ цыганомъ Антономъ Сергѣевичемъ, необыкновеннымъ гитаристомъ, и купцомъ «изъ русскихъ» Михайломъ Ефремовичемъ Соболевымъ, голосъ котораго не уступалъ пѣвцу Марію.

Чуть не каждый день Александръ Николаевичъ увѣзжалъ куда-нибудь читать свою новую пѣсу. Толковъ и разговоровъ объ ней по Москвѣ было много. Наконецъ, она назначена къ представленію.

Роли были розданы, и авторъ прочелъ ее артистамъ въ одной изъ уборныхъ Малаго театра.

Часто посѣщая Прова Михайловича за кулисами во время репетицій и спектаклей, я перезнакомился со всѣми артистами. Московская труппа того времени сияла своими талантами. Маститый ветеранъ сцены Щепкинъ, хотя и готовился къ празднованію своего пятидесятилѣтняго юбилея, но талантъ его не пропалъ. Городничій, Фамусовъ, Угѣшительный являлись на сценѣ все тѣми же нестарѣющими созданіями. Колоссальный талантъ Садовскаго, послѣ исполненія пмѣ купца Русакова въ «Не свои сани не садись» Островскаго, выросъ во всю мѣру; молодое дарованіе Сергѣя Васильева проявилось во всемъ блескѣ. Самаринъ, въ своемъ неблагоустроенномъ репертуарѣ молодыхъ людей, стоялъ очень высоко: Шумскій, вернувшійся изъ Одессы, сразу занялъ въ труппѣ почетное мѣсто. А какіе были первоклассные актеры: Живокинъ, Никифоровъ, Степановъ!.. Женскій персоналъ, хотя сравнительно и бѣдный по количеству, — не отставалъ отъ мужского по качеству. Какія слезы извлекала у зрителей Л. П. Косицкая, какими живыми лицами являлись на сценѣ Агр. Гим. Сабурова, С. П. Акимова и сестры Бороздины — Варвара и Евгения; съ какой художественной правдой передавала свои роли Екат. Николаевна Васильева!

Мнѣнія въ труппѣ относительно новой пьесы раздѣлились. Хитроумный Щепкинъ, которому была назначена роль Коршунова, рѣзко порицалъ пьесу. Онъ говорилъ: «Бѣдность — не пороки, да и пьянство — не добродѣтели». Шумскій слѣдовалъ за нимъ. Онъ говорилъ: «вывести на сцену актера въ поддевкѣ да въ смазныхъ сапогахъ — не значитъ сказать новое слово». Самаринъ, принадлежавшій къ партіи Щепкина, хотя и чувствовалъ, что роль (Мити) въ новой пьесѣ ему не по силамъ — молчалъ. А Петръ Гавр. Стенановъ говорилъ: «Михайлу Семеновичу съ Шумскимъ Островскій поддевки-то не по плечу носить, да и смазные сапоги узко дѣлаетъ» — вотъ они и сердятся. Точно: ни ветерану русской сцены, ни блестящему первому любовнику Самарину, ни прекрасному (водевильному въ то время) актеру Шумскому, новые, невѣдомые имъ типы Островскаго не удавались. «Новое слово» великаго писателя застало ихъ врасплохъ. Для этого «слова» выдвинулись свѣжія, молодые силы въ лицѣ: С. В. Васильева и Л. П. Косицкой, и, соединившись съ Садовскимъ и Степановымъ, поставили репертуаръ Островскаго такъ высоко, что онъ на долгое время сдѣлался господствующимъ на московской сценѣ.

Михаилъ Семеновичъ долженъ былъ посторониться, и, мнѣ кажется, въ этомъ и вся причина его нерасположенія къ пьесамъ новаго писателя. Не возможно, чтобы величайшій изъ русскихъ артистовъ, выдавшій на своемъ вѣку всякіе виды, жившій духовною жизнью въ самомъ ученномъ и образованномъ кругу, 50 лѣтъ прослужившій драматическому искусству, — могъ не понять такихъ созданій, какъ «Свои люди — сочтемся», «Бѣдная невѣста», «Не въ свои сани не садись»... а онъ прямо говорилъ, что онъ ихъ не признаетъ, а объ «Грозѣ» отзывался съ отвращеніемъ. Въ спорѣ объ этой пьесѣ онъ до того разгорячился, что стукнулъ кулакомъ и со слезами сказалъ:

— Простите меня! Или я отъ старости поглупѣлъ, или я такой упрямый, что меня съчъ надо.

Садовскій объяснилъ это по своему:

— Ну, положимъ, Михайло Семеновичъ можетъ дурить на старости

лѣтъ: онъ западникъ: его Грановскій насprinцовываетъ,—а какой же Шумскій западникъ?

Объясняли эти еще тѣмъ, что кругъ, въ которомъ вращался Михайлъ Семеновичъ, такъ называвшіеся въ то время «западники» (Грановскій, Кудрявцевъ, Катковъ), непривѣтливо смотрѣлъ на новаго автора, который, за принадлежность къ «молодой редакціи» «Москвитинина» сопричтенъ былъ къ лику славянофиловъ.

Мы участвовали на литературномъ утрѣ въ московской четвертой гимназій, въ домѣ Пашкова. Читали: А. Н. Островскій, П. М. Садовскій, М. С. Щепкинъ, С. В. Шумскій, П. В. Самаринъ и я. Блестящая публика собралась на наше чтеніе тѣмъ болѣе, что сборъ съ него поступалъ въ одно изъ благотворительныхъ заведеній, и раздачу билетовъ принесли на себя дамы высшаго свѣта.

Вышелъ на эстраду Михайло Семеновичъ. Долго неумолкавшимъ громомъ рудоплесканій встрѣтила его публика. Кончился восторженный приѣмъ. Мих. Семеновичъ стоитъ молча... Аплодисменты раздаются снова... Молчаніе.

— Старикъ забылъ,—говоритъ Шумскій.

Гробовое молчаніе.

— Столбикъ нашель! Надо выйти подсказать,—говорятъ.

На меня палъ жребій идти на эстраду.

Что подсказать? Кажется, на афишѣ не было назначено, что онъ будетъ читать. Кто говорить—«Полководецъ» Пушкина; кто говорить—про «Жакартовъ Станокъ» — стихотвореніе, которое онъ читалъ часто.

Нашъ Щепкинъ по разъ про Жакартовъ станокъ
Разказывалъ намъ со слезами,—
И самъ я отъ слезъ удержаться не могъ,
И плакали Корши всѣ съ нами..

Я вышелъ на эстраду и сказалъ совсѣмъ растеряншемуся Михайлу Семеновичу, первый стихъ:

Честь и слава всѣмъ трудамъ..

Старикъ воспрянулъ и съ страстнымъ одушевленіемъ прочиталъ стихотвореніе (это было за два года до его смерти).

— Что съ вами, Михайлъ Семеновичъ?—оружили его, когда онъ вошелъ въ залу, изъ которой выходили на эстраду.

— Да уягъ, должно-быть, къ праотцамъ пора! А тебѣ большое спасибо!—обратился онъ ко мнѣ:—я думаю, тебѣ конфузіе было выходить, чѣмъ мнѣ молча стоять.

— Мы не знали, что вы хотите читать: мы думали подсказать вамъ «Полководца»,—сказалъ Самаринъ.

— Совсѣмъ бы зарѣзали! «Полководца» ужъ я давно не читалъ, а это-то сегодня раза три пробѣжалъ,—отвѣчалъ Щепкинъ.

Съ потокомъ слезъ обнялъ онъ меня и въ то же время Островскаго. Сцена была чувствительная. Не помню словъ, какія говорилъ Щепкинъ, но помню, что Александръ Николаевичъ очень растрогался.

— Какой счастливый Александръ Николаевичъ,—сказалъ Садовскій, когда мы пошли домой.

— Чѣмъ?

— Какъ чѣмъ? Михайлъ Семеновичъ-то «приндите поклонимся» ему сдѣлать.

Въ театрѣ также были славянофилы и западники. Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ были западники; Садовскій былъ славянофилъ.

— Любовь, ты западница или славянофилка?—обратился раз Садовскій къ Л. П. Косицкой.

— Я, милый мой, на всякое дѣло гожусь, лишь бы правда была. Ты какой вѣры—славянофилъ? Ну, я съ тобой на край свѣта пойду. А вотъ Шумскій западникъ,—можетъ, его вѣра и лучше твоей, только отъ насъ подальше,—отвѣчала веселая Любовь Павловна.

Знаменитая актриса Аграфена Тимофѣевна Сабурова называла театральныхъ западниковъ «хлыстами».

— Сережа,—говорила она С. В. Васильеву:—ты не вздумай въ ихъ компанію перейти,—я съ тобой играть не стану.

Садовскому отъ западниковъ сильно доставалось. Ленскій писалъ на него грубыя эпиграммы и вообще на его счетъ острословилъ: какъ актеръ, онъ стоялъ далеко не на первомъ планѣ, хотя и игралъ Хлестакова, но зналъ французскій языкъ, хорошо переводилъ и передѣлывалъ водевили, писалъ гладко стихи, что въ то время ставилось въ заслугу, образованіе былъ невысокаго. Эпиграмма его не была «хохотунья», и часто обличала въ ея авторѣ отсутствіе литературнаго вкуса, ни для алафиста ему, ни для печатнаго станка не годилась, но въ своемъ кружкѣ, въ веселой компаніи, въ Купеческомъ клубѣ, въ Кофейной Московскаго трактира цѣна ей была высокая. Оставшіеся въ живыхъ уже убѣжденные сѣдинами, бывшіе бражники и весельчаки до нынѣ вспоминаютъ веселыя бесѣды съ участіемъ Д. Т. Ленскаго, чертовѣка нервнаго и раздражительнаго. Пословица говоритъ: «для краснаго словца не пожалѣть роднаго отца». Такъ и онъ: поздравляя, со слезами на глазахъ, М. С. Щепкина съ предстоящимъ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ, онъ ту же минуту изрекъ:

Занграеть оркестръ Сакса,
И запѣнится Ал,
Зарыдаеть старый плакса,
А съ нимъ денежки мои.

Приглашенный на одинъ роскошный обѣдъ въ какомъ-то ресторанѣ въ качествѣ гостя, онъ даетъ такой отчетъ объ этомъ обѣдѣ:

Обѣдъ намъ былъ весьма негоденъ,
Немного было и ума:
Намъ рѣчи говорилъ Погодинъ,
А деньги заплатилъ Кузьма.¹⁾

IV.

Мы всѣ ждали съ нетерпѣніемъ перваго представленія «Бѣдность не порокъ». Начались репетиціи и мы съ Александромъ Николаевичемъ бывали на сценѣ каждый день. Наконецъ пьеса 25-го января 1854 была сыграна и имѣла громаднѣйшій успѣхъ. Садовскій въ роли Любима Торцова превзошелъ самаго себя. Театръ былъ полонъ. Въ первомъ ряду кресель сидѣли: гр. Закревскій и А. П. Ермоловъ, большой почитатель Садовскаго.

— «Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ!»—воскликнулъ по окончаніи пьесы сидѣвшій съ нами учитель російской словесности, на дѣвая пальто.

¹⁾ Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ.

— Что же вы этим хотите сказать? — спросил студент: — я не вижу въ Любимѣ Торцовѣ идеала. Пьянство—не идеаль.

— Я правду вижу!—отвѣтилъ рѣзко учитель:—да съ, правду. Шире дорогу! Правда по сценѣ идетъ. Любимъ Торцовъ—правда! Это—копѣя спеническимъ пейзажамъ, конецъ Кукольникову: воплощенная правда выступила на сцену.

«Московскія Вѣдомости», единственная тогда газета, не обмолвились ни однимъ словомъ о новой пьесѣ; лишь Н. О. Щербина почтилъ втора злостной эпиграммой.

Вплоть до масляницы пьеса не сходила съ репертуара, несмотря на то, что ее загоразживала гостившая въ то время въ Москвѣ знаменитая Рашель. Москва чествовала ее по-московски: въ послѣдній спектакль на масляницѣ, въ воскресенье, ей поднесенъ былъ отъ публики серебряный кубокъ съ изображеніемъ московскаго герба; М. С. Щепкинъ поднесъ ей каллиграфическую рукопись «Сцены изъ скупаго рыцаря». Къ рукописи были приложены картинки, заимствованныя изъ содержанія сценъ, два вида Москвы и французскіе стихи, «мастерски написанныя женщиной—поэтомъ», какъ сказано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Говорили, что стихи писала гр. Растищѣина. Западники были въ полномъ увлеченіи отъ Рашели, а славянофилы воздавали «коемуждо по дѣламъ его». Ап. Алек. Григорьевъ отвѣтилъ Щербинѣ тоже эпиграммой и написалъ стихотвореніе «Рашель и правда». Злоба Щербина не имѣла границъ. Онъ кромѣ своей эпиграммы, поддерживалъ еще клевету на Александра Николаевича въ плагиатѣ первой комедіи. Клевета эта печатно поднималась два раза, пока не вызвала протеста А. Н., напечатаннаго въ «Современникѣ». Клеветники приписывали пьесу купеческому сыну Гореву, который написалъ ужаснѣйшую дребедень подъ заглавіемъ «Сплонъ да рядомъ», напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ». Одинъ актеръ хлопоталъ о пробускѣ ея въ театральнo-литературномъ комитетѣ. Комитетъ, будучи послѣдователемъ въ притѣсненіи Островскаго, эту пьесу пропустилъ и вскорѣ «ничто же сумняся» забраловалъ предѣстнѣйшую комедію Островскаго «Свои собаки грызутся». Спустя годъ, министръ двора гр. Влад. Оед. Адлербергъ велѣлъ пьесу пересмотрѣть вновь,—другими словами—пропустить. Пьеса была слграна съ большимъ успѣхомъ и долго оставалась на репертуарѣ, а членъ театральнo-литературнаго комитета Ротчевъ, послѣ перваго представленія, написалъ въ «Инвалидѣ» о неуспѣхѣ пьесы и окончательномъ паденіи таланта Островскаго. Изъ четырехъ членовъ театральнo-литературнаго комитета, подавшихъ голосъ противъ пьесы, остались неизвѣстными для потомства три: четвертый этотъ, заявилъ себя печатно (А. В. Ротчевъ), отзывавшись крайне неодобрительно и съ чувствомъ озлобленія. Я написалъ противъ его отчета нѣсколько словъ въ «Съверной Пчелѣ» и дорого за это заплатился. Миѣ было сдѣлано отъ начальника репертуара строгое внушеніе, что, состоя на службѣ и т. д. Сколько я ни оправдывался, что это дѣло частное, нѣсколько до службы моея не относящееся, но начальство стояло на своемъ. *De mortuis... no Rотчевъ не былъ въ театрѣ и пьесы не видать, и былъ въ этомъ уличенъ.* Подобные отчеты бывали прежде перѣдью. Писались даже отчеты заблаговременно. Такъ директору Сабурову одна русская княгиня за границей рекомендовала принять на службу въ русскую оперу соотечественника, обладаващаго, по ея словамъ, необыкновеннымъ голосомъ. Въ самомъ же дѣлѣ у этого пѣвца голосу было только на пятнадцатинной. Директоръ исполнилъ просьбу и за-

ключая съ пѣвцомъ контрактъ. Газеты зашумѣли: пѣз-за границы ѣдетъ необыкновенный пѣвецъ, беретъ «уть-дѣзъ» чище Тамберляка, будетъ дебютировать въ «Отелло» и т. п. Явился этотъ пѣвецъ. То былъ Кравцовъ. На репетиціи дебютантъ проявилъ всѣ данныя ему Богомъ голосовыя средства: оказалось очень мало. Но этому по повѣрили: одни отнесли къ застычивости, другіе къ желанію дебютанта показать себя во всемъ блескѣ на первомъ представленіи. Петръ Ильичъ Юркевичъ, членъ театральнаго литературнаго комитета, принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Ѣдучи въ театръ, онъ завезъ въ типографію одной газеты, въ которой былъ постояннымъ сотрудникомъ, нѣсколько прочувствованныхъ словъ о первомъ дебютѣ: «При появленіи пѣвца-феномена зала задрожала отъ рукоплесканій. «Уть-дѣзъ» поразилъ всѣхъ, какъ громомъ. Весь фешенебельный Петербургъ присутствовалъ на торжествѣ молодого дебютанта. Подробности завтра». Дѣйствительно въ залѣ Маринскаго театра весь фешенебельный Петербургъ былъ въ этотъ вечеръ. Дѣйствительно раздались аплодисменты при появленіи новаго пѣвца, но не только уть-дѣза, даже никакого голоса фешенебельному Петербургу пѣвецъ не предъявлялъ, обезююкнулъ только почтеннѣйшаго Юркевича, который, во время антракта, долженъ былъ съѣздить въ типографію и взять у наборщика свой восторгъ обратно.

Въ одну изъ поѣздокъ по Волгѣ, — въ Казани я познакомился съ Горевымъ: онъ былъ актеромъ въ казанской труппѣ. Это былъ настоящій Любимъ Торцовъ: оборванный, обдерганный пьяница, неоднократно подвергавшійся припадкамъ бѣлой горячки, человекъ буйный. Передъ моимъ съ нимъ знакомствомъ онъ только что вышелъ изъ больницы, гдѣ его лѣчили отъ нанесенной ему какимъ-то трагикомъ въ животъ раны той же самой посудой, изъ которой они вмѣстѣ пили. Да не подумайте, что я кладу очень густыя краски на эту личность для того, чтобы выставить ее рельефнѣе, — нѣтъ! — это есть истинная правда. Въ дни оны подобные люди представляли типъ. Они обыкновенно выходили изъ разореннаго купческаго гнѣзда. Разорился, напримеръ, купецъ, и побрели розно всѣ родственники, составившіе домъ: «купческіе братья», «купческіе племянники», тетки, и т. п. Безсильныя и драхмыя, становившіяся на паперти церковной, тетки распозаюсъ по пустынямъ и монастырямъ, въ которыхъ онѣ прежде считались благодѣтельницами. Молодежь, вкусившая на дядинъ капиталъ всѣхъ прелестей прежней нижегородской ярмарки съ ея историческимъ селомъ Кузавинымъ, съ трактирами Никиты Егорова, Барбатенки, и т. п. пугались по Москвѣ безъ всякаго дѣла. Иные пристраивались къ какому-нибудь пѣвческому хору, другіе продавались въ солдаты, а нѣкоторые поступали въ актеры. Такихъ актеровъ прежде въ провинціи можно было встрѣтить много. Горевъ происходилъ именно изъ разореннаго купческаго гнѣзда. Я не могу понять, какимъ образомъ литературнымъ людямъ, бесѣдовавшимъ съ Горевымъ, могло придти въ голову, что онъ могъ написать такую высокую комедію, какъ «Свои люди сочтемся»? Вѣдь это былъ человекъ необразованный, даже мало развитой. Съ особеннымъ чувствомъ эта клевета поддерживалась въ одномъ петербургскомъ литературномъ кружкѣ. Въ 1846 году Тертіи Ів. Фялиновъ познакомился съ Островскимъ и засталъ піесу черною. Самъ онъ третій актъ переписывалъ съ Ник. Вас. Кидошенковымъ.

Вѣроятно эту сплетню распустилъ самъ Горевъ, потому что не на одного Островскаго онъ посягнулъ: Горевъ впоследствии присваивалъ

себѣ піесу Чернышева «Не въ деньгахъ счастье», но эта сплетня дальше актерскаго кружка не пошла.

Горевъ, въ разговорѣ со мною, уклонялся разъяснить мнѣ эту гнусную исторію, но назвалъ лицъ, которые ему покровительствовали въ Москвѣ. Это были несчастный человѣкъ, страдавшій галлюцинаціями. Онъ умеръ, подавившись рыбной костью.

Вслѣдъ за Островскимъ попробовали свои силы въ изображеніи купеческаго быта: актеръ Красовскій, написавшій комедію «Женихъ изъ ножовой лѣни», Михаилъ Николаевичъ Владыкинъ, написавшій піесу «Конецъ Лабазникъ». Она и до сихъ поръ играется въ провинціи, но въ Москвѣ была снята послѣ нѣсколькихъ представленій по распоряженію гр. Загrevскаго, и вотъ почему. Владыкинъ былъ военный инженеръ; написалъ свою комедію въ Петербургѣ. Главное дѣйствующее лицо въ піесѣ былъ купецъ Голяшкинъ. Эту роль въ Москвѣ игралъ Садовскій. На несчастье автора въ Москвѣ отыскался не вымышленный, а настоящій купецъ Голяшкинъ. Пошелъ по купечеству разговоръ. Заходили слухи, что племянникъ Голяшкина, по злобѣ на дядю, заказали написать піесу, чтобы «напустить на него мораль». Хотя въ піесѣ никакихъ намековъ на настоящаго Голяшкина не было, но все-таки она была снята въ уваженіе заслугъ его по благотворительнымъ учрежденіямъ. Запрещеніе мотивировали тѣмъ, что въ піесѣ унижается благородное сословіе.

За Владыкинымъ выступилъ ходатай по судамъ отъ купечества Н. З. Захаровъ, котораго купцы звали Сахаръ Сахарычемъ. Не помню названія его піесы. Она успѣха не имѣла и дана была только одинъ разъ. Затѣмъ написалъ піесу купецъ Солодовниковъ. Этому творенію не суждено было восхищать публику: оно остался въ конторкѣ у автора. Оба эти произведенія кружились около «Свои люди» и «Не въ свои сани». Далѣе принесъ на рецензію къ Ал. Николаевичу піесу изъ купеческаго быта Осиповъ: ее не играли, но внослѣдствіи она была напечатана въ «Отч. Запискахъ».

Въ теченіе трехъ лѣтъ три піесы новаго автора («Бѣдная невѣста», «Не въ свои сани» и «Бѣдность не порокъ») сдѣлали крупной поворотъ драматическаго репертуара на новую дорогу. Затребовались бытовыя піесы. Этому повороту помогли одновременно съ первой піесой Островскаго появившіяся на сценѣ піесы: Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинскаго», драма «Разставанье» Родиславскаго, потомъ піесы изъ народнаго быта: «Судъ людской не Божій» А. А. Потѣхина и другія. Полевой, Кукольникъ, Ободовскій и вся французская мелодрама сошли со сцены. Мелодраму впрочемъ изрѣдка поддерживалъ М. С. Щепкинъ, неподражаемо исполняя роль «Матроса» въ піесѣ того же названія. Шекспиръ, немножко сконфуженный Самаринимъ въ роли Гамлета, тоже посторонился и далъ дорогу новому репертуару, тѣмъ болѣе, что Леонидъ Львовичъ Леонидовъ, лучший представитель Каратыгинскихъ традицій, вызванный въ Москву для замѣщенія Мочалова, былъ снова вызванъ въ Петербургъ для замѣщенія скончавшагося Каратыгина.

Каратыгинъ не высоко стоялъ во мнѣніи нашихъ учителей: онъ отличный актеръ, но не Павелъ Степановичъ (Мочаловъ), — до него ему далеко.

— Да-съ, батюшка, далеко,—говоритъ Садовскій.—Вотъ Аполлонъ чудесно сказалъ:

Мы Веронику съ нимъ любили.

За честь сестры мы съ Гюгомъ мстили.

И,—человѣкъ ужъ былъ таковъ:
Мы терпѣливо выносили,
Какъ въ драмѣ хвасталъ Ляпуновъ ¹⁾.

— Позвольте вамъ доложить,—запоспѣво возразили, бывшій въ Москвѣ, молодой петербургскій актеръ:—Бѣлинскій сказалъ о Каратыгинѣ въ «Велизаріѣ»...

— Это для васъ,—обидѣлся Садовскій,—для санктпетербургскихъ—Вѣлинскій—евангеліе, а для насъ оныя ничего не значить. Мы сами кое-что понимаемъ и безъ Вѣлинскаго. Вѣлинскій намъ не указъ. Мы своимъ умомъ живемъ. Да что тутъ и играть-то въ Велизарію? Всякій московскій протодьяконъ сыграетъ Велизарія. Кричи громче—вотъ тебѣ и Велизарій! А вотъ «Гамлета» вашъ Каратыгинъ сыграетъ очень хорошо, а Павелъ Степанычъ... Да вотъ что!—разгорячился Садовскій:—я игралъ съ нимъ въ Гамлетѣ Гильденштерна.

«Сыграй мнѣ что-нибудь,—говорилъ онъ, подавая мнѣ флейту...

«Я не умѣю играть...—отвѣчалъ я, взглянувши на него... Чувствую по всему тѣлу ознобъ, губы у меня задрожали. Съ этой минуты я и постыжъ, что значить актеръ.

— Значить вы находите, что у Мочалова было больше, какъ говорить французы... чѣмъ у Каратыгина?

Садовскій ехидно улыбнулся, потому, что спорившій щегольнулъ французской фразой, не зная французскаго языка.

— Не знаю, что французы говорятъ, а вотъ у насъ говорятъ, что Мочалова съ вашимъ Каратыгинымъ ровнять нельзя. Мочаловъ—геній!

— Нельзя же отказать Каратыгину...

— Да мы и не отказываемъ, а сажаемъ всякаго на свое мѣсто. Мартыновъ у васъ—вотъ актеръ! Чудеснѣйшій актеръ! Ну, какой Каратыгинъ Гамлетъ, какой онъ Чапкій? Это какой-то директоръ департамента... Отнимите у него роль, что онъ съ однимъ своимъ басомъ сдѣлаетъ? Онъ холодный актеръ, дѣланный: ему только и играть Кукольника да Ободовскаго...

— А Вѣлинскій...—вскочилъ актеръ.

— Ну, что Вѣлинскій? И Вѣлинскій говорить, что онъ Гамлета играть не умѣетъ.

V.

Прекрасно сыгранная Л. Л. Леонидовымъ въ Москвѣ роль была въ пьесѣ «Бенвенуто—Челлини», и чуть ли она была не послѣдняя въ его огромномъ репертуарѣ. Мнѣ кажется, что послѣ этой пьесы, пародируя стихъ поэта:

Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Рядъ ролей своихъ,
Шалку на брови надвинулъ,
И на вѣкъ затихъ.

И много тогда затихало актеровъ!

Не безъ сожалѣнія разсталась съ Леонидовымъ Москва, привыкшая любить его. Съ грустью разстались съ нимъ друзья его: А. Н. Островскій и П. М. Садовскій и всѣ товарищи по искусству. Въ

¹⁾ Стихотворный прологъ А. А. Григорьева «Рашель и правда».

моемъ собраніи автографовъ есть письмо знаменитой въ тѣ дни актрисы М. Д. Львовой—Синецкой къ О. А. Кони:

«Вы, я думаю, уже слышали новость театральную, что къ вамъ въ Петербургъ берутъ отъ насъ Леонидова. Признаюсь, это — потеря для нашего театра: онъ сдѣлался замѣчательнымъ артистомъ».

Домъ Леонида Львовича былъ открытъ для представителей всѣхъ родовъ искусства: актеры, литераторы, художники, пѣвцы, всѣ были его дорогими гостями. Читали, играли на бильярдѣ, пѣли, спорили. Больше всѣхъ, по своей горячей натурѣ, спорилъ самъ хозяинъ. Въ числѣ его друзей чаще всѣхъ можно было встрѣтить А. Н. Дьякова. Прекрасный каллиграфъ, равнаго которому не было въ Москвѣ (его прописи для юношества были въ употребленіи почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ), рисовальщикъ перомъ, подражатель Мочалова въ чтеніи стиховъ, самъ стихотворецъ, другъ поэта Полежаева, страстный любитель театра, самъ пробовавшій свои силы на императорской сценѣ въ драмѣ «Жизнь игрока», — этотъ человекъ велъ бездомную, скитальческую жизнь и кончилъ дни свои въ больницѣ. Ни одного его стиха не было напечатано, но въ рукописи они были распространены. Особенно нравилось его посланіе къ друзьямъ изъ больницы. Привожу нѣсколько стиховъ:

За безгрѣшность житья
На больничную я
Попалъ койку,—

Гдѣ смекають умомъ
Въ организмъ моемъ
Перестройку.

И ударъ былъ, друзья,
Отъ хмѣльнаго питья—
Съ перепоею.

День и ночь я, друзья,
Былъ свиньею свинья
Отъ настою.

Больше всѣхъ экономъ
За больничнымъ столомъ
Смотрить строго.

Съ нимъ инструкція есть,
Чтобъ по формѣ всѣмъ ѣсть,
Ѣсть немного.

А ужъ сколько сортовъ
Мнѣ втирають спиртовъ,
Все снаружи.

Но ихъ въ тѣло втирать,
Чѣмъ въ утробу вливать
Много хуже.

И т. д.

Переводъ Леонидова въ Петербургъ не былъ особымъ счастьемъ для артиста, а скорѣе окончаніемъ его артистической карьеры. При полномъ развитіи своего таланта и сценической опытности, онъ не нашелъ себѣ (на петербургской сценѣ) репертуара (напр., въ новомъ

произведеніи Кукольника «Ермилъ Костровъ» первенствовать В. В. Самойловъ, который сталъ также играть Шекспира). Со смертью Каратыгина и Брилскаго репертуаръ Шекспира заглохъ, давали одного Гамлета, котораго игралъ А. М. Максимовъ. Блестящая роль Людовика XI («Заколдованный домъ»), въ которой былъ великъ Каратыгинъ, хотя была по плечу и въ средствахъ возвратившемуся «во своя» артисту, но свои его не пріишъ: эту роль тоже и крайне неудачно сыгралъ А. М. Максимовъ, который изъ водеvilнаго актера и любимаго перваго любовника превратился въ неудачнаго трагика ¹⁾. Почтенному артисту пришлось дождать объѣдки, оставшіеся отъ «многопестротной трапезы» Каратыгина, т. е. съѣсть на старый, совершенно заглупанный репертуаръ («Жизнь игрока», «Параша Сибирячка», «Скопипъ-Шуйскій» и т. п.),—репертуаръ, который быстро вытѣснялся новымъ бытовымъ репертуаромъ. Были уже сыграны: «Бѣдная невѣста», «Не въ свои сани», «Бѣдность не порокъ»; потомъ явилась пьеса изъ новаго быта А. А. Потѣхина «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», въ которой Мартыновъ проявилъ всю силу гениальнаго таланта. А тутъ появился гр. Соллогубъ со своимъ благороднымъ чиновникомъ, крикнувшимъ со сцены на всю Россію, что пришла пора «искоренить зло съ корнями!»—потомъ чиновникъ Львова («Свѣтъ не безъ добрыхъ людей») простоналъ: «Тяжела жизнь бѣднаго чиновника!» Публикѣ такъ понравились эти пьесы, что послѣднюю изъ нихъ она посмотрѣла болѣе двадцати пяти разъ сряду. Затѣмъ явились пьеса Чернышева «Не въ деньгахъ счастье»; затѣмъ «Гроза» Островскаго, въ которыхъ Мартыновъ окончательно убилъ всѣ приемы старой каратыгинской школы, и каратыгинскому репертуару отведено было мѣсто въ воскресныхъ спектакляхъ, въ бенефисы инвалидамъ, даваемыхъ военнымъ кавалерамъ.

VI.

Послѣ трехъ пьесъ А. Н. Островскаго на сценѣ сдѣлался крутой поворотъ въ другой репертуаръ. Этотъ поворотъ тотчасъ отразился и на провинціи, гдѣ дарилъ и переводная и доморощенная трагедія и драма. Въ знаменитой «Бѣдой залѣ» (въ гостиницѣ Барсова противъ Малаго театра), въ которую великимъ постомъ съѣзжались актеры со всего лица земли Русской, антрепренеры стали искать между сценическими дѣтелями уже не Гамлета, а Любима Горцова, отстранили Симона Сиротинку, а требовали Бородинна.

Вслѣдъ за послѣдней пьесой, Александръ Николаевичъ съѣзъ за

¹⁾ Петербургъ любилъ этого артиста. Въ водевилахъ онъ игралъ необыкновенно весело и развязно, зато эту веселость и развязность онъ переносилъ и на серьезные роли. напр., Хлестакова, который являлся въ его исполненіи лицомъ водеvilнымъ, даже съ примѣью шаржа. Въ роляхъ первыхъ любовниковъ онъ являлся необыкновеннымъ франтомъ, и недостатокъ одушевленія возмѣщалъ часто крикомъ. И это франтовство онъ переносилъ на роли, которыя этого совсѣмъ не требовали, напр., въ роли Чацкаго онъ выходилъ во фракѣ, фалды котораго были подбиты бѣлымъ атласомъ, а крикъ его въ послѣднемъ актѣ «Горя отъ ума», и увѣреніе, видѣвшіе его въ этой роли, до сихъ поръ помнятъ.

Бѣгу ите... оглянусь, пойду искать ппа-свѣту, и т. д.
— Не играешь, а реветъ,—сказалъ одинъ разъ про него А. Ф. Инсемскій.
Впрочемъ я, можетъ, ошибаюсь, мѣряя на свой московскій аршинъ. Миѣ много казалось нехорошо, чему публика рукоплескала.

Критика того времени не замѣчала почтенному артисту этихъ недостатковъ, а, можетъ-быть, это было во вкусѣ времени: рѣдко кого такъ радушно и весело встрѣчала и одобряла публика.

повую—«Не такъ живи, какъ хочется». Писаль онъ ее долго, съ большими перерывами. Въ то время я жилъ у него и ~~сидѣть~~ за процессомъ его творчества. Писаль онъ обыкновенно ночью, — не знаю, какъ впоследствии. На полулистѣ бумаги было сначала небрежно написано что-то въ родѣ конспекта. Привожу его въ точности.

Божье крѣпко, а вражье лѣпко.

Это зачеркнуто, а сверху написано:

Не такъ живи, какъ хочется.

Лица:

Старикъ.

Старуха.

Чуетъ мое сердце, не доброе оно чуетъ.

Монастырь.

Пастали дни страшные. Опомнись!

Широкая масляница.

Груша

Дѣвушки.

Вася.

Ну, пій! ты меня пійть хочешь.

Еремка—олицетвореніе дьявола.

Ужь я ли твоему горю помогу,

Помогу, могу, могу.

Ночь.

Прорубь на рѣкѣ. Ударъ колокола.

(Входитъ старикъ).

(Балагайка).

Сирота ты моя, сиротинушка!

Ты запой, сирота, съ горя пѣсенку.

Посѣтившему его артисту Корнилию Николаевичу Полтавцеву, Александръ Николаевичъ разсказалъ пространно, съ мельчайшими подробностями, содержаніе пьесы, но изъ-подъ пера вышло не то, что онъ разсказывалъ (по разсказу сюжетъ былъ гораздо шире), — можетъ-быть отъ того, что въ это время онъ очень болѣлъ глазами, а пьесу нужно было окончить къ бенефису.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть писать, Александръ Николаевичъ обыкновенно долго ходилъ по комнатѣ, или раскладывалъ пасьянсъ, который онъ раскладывалъ и во время писанья.

— Надо освѣжить голову, — говорилъ онъ: — потруднѣ какой-нибудь пасьянсъ разложить.

Но если вообще онъ писалъ долго, то бывали пьесы, которые онъ справлялъ очень скоро. Напримѣръ «Воспитанницу» онъ написалъ, гостивши въ Петербургѣ, въ три недѣли; «Василісу Мелентьеву» тоже въ Петербургѣ въ сорокъ дней. Процессъ писанія этой пьесы онъ называлъ «искушеніемъ отъ Гедеонова». Директоръ Императорскихъ театровъ С. А. Гедеоновъ передалъ написанную пьесу Александру Николаевичу, который, оставивши въ неприкосновенности сюжетъ, написалъ собственную пьесу, не воспользовавшись ни одной сценой, ни однимъ стихомъ изъ творенія Гедеонова.

VII.

Лѣто 1854 г. въ политическомъ отношеніи было мрачно. Извѣстія въ Москвѣ съ театра войны получались въ то время не съ такой быстротой, какъ теперь, т. е. извѣстія официальные. «Столбовые» англійскаго клуба знали все, и «дверѣмъ затвореннымъ» разсуждали, не стѣсняясь, о военныхъ неудачахъ, «алминскомъ побощѣ», порицали главнокомандующаго князя Меншикова. Разсужденія ихъ урывками попадали въ уши клубной прислуги, та переносила въ трактиръ, а трактиръ распространялъ ихъ по всей Москвѣ.

— Измѣна!—заговорило захоудустье,—и пошло!

Въ Сыромятники пришло извѣстіе, что французъ уже тронулся и идетъ къ Бородину. Въ Рогожской стали говорить, что какихъ-то двухъ значительныхъ англичанъ, скованныхъ, провели ночью черезъ рогожскую заставу въ Сибирь; что какой-то купецъ одѣлялъ сопровождавшію ихъ команду калачами, чтобъ не упустили. На улицѣ стали попадаться раненые офицеры. Прошелъ слухъ о новомъ наборѣ, о государственномъ ополченіи, которое поведетъ въ бой «испытанный трудами бури боевой» старый генералъ Ермоловъ. На сценѣ появилась патріотическая пьеса петербургскаго актера Григорьева «За вѣру, царя и отечество». Уличныя шарманки и валы трактирныхъ органовъ и оркестріоновъ заиграли пѣсню Лейброка, положенную на музыку капельмейстеромъ петербургской русской оперы Константиномъ Ядовымъ, объ англичанинѣ, разорившемъ лапю бѣднаго чухонца. Пѣсню эту съ огромнымъ успѣхомъ исполняли въ то время на сценѣ александринскаго театра В. В. Самойловъ.

Знаменитая кофейная Печкина продолжала еще существовать. Я въ ней бывалъ. Постоянными посѣтителями ея были: профессоръ Рудько, А. И. Дюбюкъ, П. М. Садовскій и многіе другіе. Темою разговоровъ и споровъ была, разумеется, война. Провъ Михайловичъ, патріотъ до мозга костей, спорилъ до слезъ.

— Побьютъ насъ!—сказалъ Рамазановъ.

Провъ Михайловичъ вскопчалъ, ударилъ кулакомъ по столу и съ паеосомъ воскликнулъ:

— Побьютъ, но не одолѣють.

— Золотыми литерами надо напечатать вашу фразу, — произнесъ торжественно П. А. Максинъ: — побьютъ, не одолѣють. Превосходно сказано. Семень, дай мнѣ рюмку водки и на закуску что-нибудь патріотическое, напримѣръ малосольный огурецъ.

— Извольте видѣть, Иванъ Федоровичъ, — сказалъ Провъ Михайловичъ мнѣ послѣ: — какъ татары-то разсуждаютъ...

— Какіе татары?

— А Рамазановъ-то! Вѣдь онъ татаринъ, хоть и санктпетербургскій, а все-таки татаринъ... Рамазанъ!..

Московскіе кунцы, посѣщавшіе кофейную, все группировались около Прова Михайловича и слушали его страстные рѣчи.

Петръ Алексѣевичъ Максинъ былъ отставной актеръ и былъ въ кофейной Печкина каждый день съ утра до ночи. Онъ служилъ предметомъ шутокъ и пасмѣшекъ, которыя вызывалъ самъ. Напримѣръ, зходитъ онъ въ залу:

— Откуда, Петръ Алексѣевичъ?

— Съ печальной церемоніи: былъ на погребеніи.

— У кого?

— Признаться сказать, въ настоящее время я не знаю. Я былъ

неожиданно приглашенъ къ столу знакомымъ мнѣ отцемъ дьякономъ. Сидѣлъ рядомъ съ прекраснѣйшимъ и ученѣйшимъ протоіереемъ отъ Сергія въ Рогожской и подучилъ отъ него совѣтъ насчетъ моего ревматизма. Относительно связей шкры могу сказать, что она нарочно была выписана изъ Нижняго. Необыкновенная!—Поставь пирамиду и подай рюмку водки!

— Эхъ, Петя, сразилъ тебя рижскій бальзамъ!—воскликнулъ онъ, потеревши равновѣсіе и падая на диванъ.

— Бальзамъ принадлежитъ къ числу сильно дѣйствующихъ средствъ. Петръ Алексѣевичъ. Неужели вы этого не знали, — сказалъ Карлъ Францовичъ Рулье.

— Не зналъ, потому что его всегда отпускаютъ изъ ренсковыхъ погребковъ безъ рецепта, — отвѣчалъ Максимъ, тотчасъ обращаясь къ Бабаеву, очень талантливому ученику Дюбука, но тоже человеку, отъ хмѣля невоздержному, и весьма серьезно и торжественно произнесъ:

— Бабковъ, брось ты свою пьяную компанію, — перейди въ нашъ благородный кругъ!

Я уже не засталъ кофейную въ лучшее ея время, когда она была центромъ представителей литературы, сцены и другихъ искусствъ. Она въ то время падала, и ее посѣщали немногіе.

Въ это время репертуаръ моихъ разсказовъ значительно расширился. Александръ Николаевичъ поощрялъ меня и двигалъ впередъ. Я сталъ постояннымъ его спутникомъ всюду, куда онъ ни выѣзжалъ. Разказы мои сдѣлались извѣстными въ Москвѣ: объ нихъ заговорили. Провъ Михайловичъ, самъ превосходный разсказчикъ, которому я не достоинъ былъ разрѣшить ремень сапога, относился ко мнѣ съ величайшею нѣжностію и выводилъ меня, какъ онъ выражался «на показъ».

— Мы завтра, Пв. Фед., будемъ васъ показывать у Боткина.

Домъ Боткиныхъ принадлежалъ къ самымъ образованнымъ и интеллигентнымъ купеческимъ домамъ въ Москвѣ. Въ немъ сосредотачивались представители всѣхъ родовъ художествъ, искусства и литературы, а по радушію и пріятности хозяевъ ему не было равныхъ. Всякій чувствовалъ себя, какъ бы въ своемъ домѣ. Сергій Петровичъ Боткинъ, нѣжный, ласковый, молоденькій студентъ собирался въ то время ѣхать врачомъ въ Севастополь. Одинъ изъ братьевъ Боткиныхъ, Иванъ Петровичъ, любилъ Садовскаго до обожанія, и мы съ Провомъ Мих. бывали у него каждую субботу. Александръ Ник. тоже бывалъ часто. Добрѣйшее существо былъ этотъ Иванъ Петровичъ, а съ покойнымъ Павломъ Петровичемъ мы были связаны узами самой тѣсной и крѣпкой дружбы. Этотъ, хотя и не выдѣлялся, какъ братья его, какими-либо талантами, но Богъ далъ ему одинъ талантъ—году-биную чистоту. До сихъ поръ я питаю къ этому дому мою сердечную привязанность и сохранилъ объ немъ лучшія мои воспоминанія.

Потомъ мы бывали у Алексія Александровича Корзинкина. Жилъ онъ въ своемъ домѣ на Покровскомъ бульварѣ. У него собирались музыкальные художники и составлялись квартеты. Самъ хозяинъ былъ артистическая натура, игралъ на скрипкѣ и былъ другомъ Александра Николаевича по рыбной ловлѣ (Александръ Николаевичъ былъ въ то время страстный рыболовъ и зналъ всѣ подмосковные рѣчки и ручейки). М. С. Щепкинъ бывалъ на корзинкинскихъ собраніяхъ каждый разъ; рассказывалъ малороссійскіе анекдоты и читалъ стихи.

Бывали мы также у С. В. Перлова, у котораго былъ свой оркестръ,

составленный изъ его приказчиковъ и мальчиковъ. Оркестръ этотъ на тѣхъ же пачалахъ существуетъ и понынѣ. Его поддерживаетъ сынъ покойнаго Перлова, Василій Семеновичъ.

Бывали на скромныхъ интимныхъ собраніяхъ у К. Т. Солдатенкова, которые посѣщались художниками и профессорами Московскаго университета.

Бывали на вечернихъ бесѣдахъ у А. П. Хлудова, составителя рѣдчайшей въ Россіи старовѣрческой библіотеки.

И много въ то время были купеческихъ домовъ, двери которыхъ широко отворялись для пріятія съ почетомъ всякой умственной и художественной силы.

Бывали и такіе дома, которые «для сатирическаго ума» представляли обильный матеріалъ для наблюденія.

Я зналъ одинъ домъ, гдѣ хозяинъ въ музыкѣ ничего не смыслилъ, но въ домѣ у него иногда бывали квартеты, которые ему устраивали извѣстный въ то время въ Москвѣ скрипачъ П. К. Фришманъ и канцельмейстеръ Саксъ. Разъ участники квартета сѣли ужинать за отдѣльнымъ столомъ въ гостиной. Во время ужина входитъ въ столовую лакей и очень развязно говорить хозяину:

— Музыканты шампанскаго требуютъ: прикажете подавать?

Хозяинъ вскочилъ:

— Да развѣ это музыканты?! Что ты одурѣлъ что-ли?... По свадьбамъ что-ли они играютъ?... Дуракъ! На поминкахъ тебѣ служить, а не въ такихъ домахъ.

Мѣстный полиціймейстеръ былъ его другомъ, катался съ нимъ часто въ коляскѣ и присутствовалъ у него на всѣхъ пирушкахъ. Мой кузнецъ относился къ нему съ почтительною нѣжностью.

— Полковникъ, ты бы стакалчикъ выкушалъ.

Или:

— Г. полковникъ, вамъ за столомъ первое мѣсто, какъ вы есть начальникъ всей нашей округности. Пожалуйста!

Штатъ-физикъ Гульковскій былъ постояннымъ его докторомъ и прописывалъ ему цѣлительные порошки, имъ самимъ изобрѣтенные.

— Порошки эти цѣлительные,—говорилъ онъ:—я ихъ и въ практикѣ употребляю и семейству своему даю, и самъ принимаю, когда мнѣ скучно, потому—цѣлительные.

Изъ артистовъ у него бывали: Садовскій и Живокини. Уваженіе къ нимъ было великое.

— Вѣрите, Провъ Михайловичъ, я плакалъ,—говорилъ онъ по поводу Любима Торцова.—Ей Богу плакалъ! Какъ подумалъ я, что со всякимъ кунцомъ это можетъ случиться... страсть! Много у насъ по городу ихъ такихъ ходить,—ну, подать ему, а чтобы это жалѣть... А васъ я пожалѣлъ, пменно, говорю. Думаю: Господи, самъ я этому подверженъ былъ, ну, вдругъ! Вѣрите Богу, страшно стало. Домъ у меня теперь пустой, одинъ въ немъ существую, какъ переть. И чудится мнѣ, что я ужъ и на паперти стою и руку протягиваю... Спасибо, голубчикъ, многіе которые изъ нашихъ, можетъ, почувствуются. Я теперь, братъ, ничего не пью, будетъ! Все выпилъ, что мнѣ положено!.. Думаю такъ,—богадѣльно открытъ... которые теперича старики въ Москвѣ... много ихъ... пуцай грѣются. Вотъ именно мнѣ эти ваши слова: «какъ я жилъ, какія я дѣла выдѣлывалъ!» Ну, честное мое слово!—слезы у меня пошли.

А на богатаго купца «изъ русскихъ» Ивана Васил. Н. Садовскій въ роли Тита Титыча такъ подѣйствовалъ:

— Ну, Провь Михайловичъ, такое ты мнѣ, московскому первой гильдіи купцу Ивану Васильеву Н—ву уваженіе сдѣлать, что въ ноги и тебѣ долженъ кланяться. Какъ вышелъ ты, я такъ и ахнулъ! Да и говорю женѣ—увидишь, спроси ее—смотри, и говорю: словно бы это я!.. Борода только у тебя покорооче была. Ну, все какъ есть, вотъ когда я пьяный. Это говорю, на меня критика. Даже стыдно стало. Ну, само собой, пьяный и ударишь, кто подъ руку подвернется, и покричишь... Вотъ намедни въ Московскомъ трактирѣ полового Гаврилу оттаскалъ,—двѣ красненькихъ отдалъ. Да ты что! Сіжу въ ложѣ-то, да кругомъ и озираюсь: не смотреть ли, думаю, на меня. Ей Богу!.. А ужъ какъ заговорилъ ты про тарантасъ, я такъ и покотился! У меня тоже у Макарья случай съ тарантасомъ былъ...

И онъ рассказалъ, какъ онъ, съ Нижегородской армарки возвращаясь въ Москву, три дня не выѣзжалъ изъ тарантаса.

По субботамъ часть нашего кружка собиралась у Константина Александровича Булгакова, сына московскаго почтъ-директора, внука знаменитаго Якова Ивановича Булгакова, екатерининскаго посла, который былъ заключенъ въ Константинополь въ Семибашенный замокъ. Контр. Алекс. былъ отставной гвардеецъ. Въ Петербургѣ ходили цѣлыя легенды объ его шалостяхъ, на которыя тогдашнее начальство, даже самъ великій князь Михаилъ Павловичъ смотрѣли снисходительно. Я не буду объ нихъ рассказывать здѣсь, не буду поминать грѣхи его юности и невѣдѣнія. Больной тѣломъ (онъ не могъ ходить и передвигался по комнатѣ въ креслѣ на колесахъ), но бодрый и здоровый духомъ, отлично образованный, прекрасный рисовальщикъ, музыкантъ, безъ голоса обаятельно передававшій суть страстныхъ романсовъ Глинки, онъ заставлялъ любить и жалѣть себя; любить—за необыкновенно доброе сердце, жалѣть—за растрату Богомъ данныхъ ему даровъ. Въ Петербургѣ, по художественной части, онъ принадлежалъ къ обществу Брюлова, Глинки, Кукольника и Янненко, или, какъ онъ выражался, къ обществу «невоздержныхъ».

Онъ жилъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ въ почтамтѣ. Стѣны небольшого кабинета его были сплошь увѣшаны портретами бывшихъ и настоящихъ его друзей; стояли небольшое пианино, диванъ, столъ и нѣсколько стульевъ. Садовскій посѣщалъ его чуть не каждый день, а Максимъ иногда пребывалъ у него отъ зари и до зари: придетъ, справится о здоровьѣ и уйдетъ; потомъ опять появится, опять уйдетъ,—и такъ цѣлый день.

Субботніе посѣтители назывались «субботниками». Для нихъ былъ заведенъ альбомъ, въ которомъ они, при поступленіи въ субботники, собственноручно вписывали свои фамиліи (у меня одинъ альбомъ сохранился). Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій значится въ числѣ субботниковъ. Проѣздомъ черезъ Москву онъ бывалъ у Булгакова. М. Н. Лонгиновъ, остроумный Борисъ Алмазовъ, Рамазановъ и Дюбюкъ были постоянными субботниками и оставили въ альбомѣ много стиховъ. Каждый изъ субботниковъ непременно долженъ былъ что-нибудь написать въ альбомъ. Вечера были веселые. Живой, остроумный разговоръ, музыка, пѣніе и застольныя бесѣды часто до утра. Нерѣдко Мих. Сем. Щепкинъ являлся сюда что-нибудь прочесть.

Большимъ утѣшеніемъ для общества служилъ Максимъ. Иногда онъ, среди оживленнаго разговора, вдругъ задавалъ вопросъ, совершенно не вытекающій изъ темы бесѣды. Напримеръ:

— Карлъ Францовичъ Рулье вчера въ кофейной говорилъ,—

какой-то Фейербахъ написалъ замѣчательное сочиненіе, сколько я могъ понять, противъ религіи...

— Ну, а тебѣ что за дѣло?—спокойно замѣчалъ Булгаковъ.

— Странно, какъ цензура могла пропустить, — важно отвѣчалъ Максимъ.

— А васъ религія, Петръ Алексѣичъ, интересуетъ?

— И очень даже!

Прерванный разговоръ продолжался снова.

Во время музыки или чтенія Максимъ становился въ важную позу, дѣлалъ серьезную мину и являлъ изъ себя видъ знатока, прерывая иногда чтеніе замѣчаніемъ.

Одинъ разъ собралось насъ нѣсколько человекъ у Булгакова въ воскресенье утромъ. Въ этотъ день отецъ его былъ именинникъ. Мардарій (слуга Булгакова) докладываетъ, что у Александра Яковлевича сидитъ графъ Загребскій.

— А мнѣ, чортъ его возьми!—отвѣчалъ Булгаковъ:—не ко мнѣ онъ, старый бз..., прѣхалъ.

Только что онъ произнесъ послѣднюю фразу, въ дверяхъ показался графъ. Мы всѣ вскочили, Максимъ прилипъ къ стѣнѣ, опустил руки по швамъ, вперилъ глаза въ графа и замеръ... замеръ, какъ замираетъ воинъ во фронтѣ, когда раздается команда: «смирно!»

Графъ едва замѣтнымъ движеніемъ головы отвѣтилъ на наши почтительные поклоны.

— Здравствуйте, ваше сіятельство, — встрѣтилъ его Булгаковъ, слегка двинувшись въ креслѣ.

— Сиди, сиди, не беспокойся, — предупредилъ его графъ, опуская свое тучное тѣло на подвинутый ему Мардаріемъ стулъ.

— А ты все боленъ?—обратился графъ.

— Напротивъ очень здоровъ!—весело отвѣтилъ Булгаковъ.

Визитъ продолжался не болѣе трехъ минутъ. Графъ посоветовалъ хозяину вести себя осторожно, слушаться наставленія врачей, — и всталъ. Булгаковъ снова ерзалъ колесами кресель; графъ опять попросилъ его не беспокоиться — и вышелъ.

— Однако, я въ первой разъ имѣлъ счастье такъ близко видѣть его сіятельство господина московскаго военнаго генераль-губернатора, — произнесъ Максимъ, по уходѣ графа.

— Что же тебѣ лучше стало?—засмѣялся Булгаковъ.

— Не лучше, а все-таки... высшее правительственное лицо въ государствѣ... и съ бланками.

— Съ какими бланками?

— Бланки имѣеть. Одинъ только генераль-губернаторъ во всей Россіи ихъ и имѣеть.

— Зачѣмъ ему бланки?—загорячился Булгаковъ.

— А вотъ зачѣмъ, — внушительно и авторитетно отвѣчалъ Максимъ:—по этимъ бланкамъ онъ можетъ въ Сибирь сослать.

— Такъ онъ тебя и безъ бланковъ сошлетъ! Скажеть: Петръ Алексѣичъ, надоѣлъ ты всѣмъ въ Москвѣ, — ступай ко всѣмъ чертямъ. Ты и пойдешь...

— Ну, не говорите!

— Да и у Иверской есть такое заведеніе, такъ тамъ безъ всякихъ бланковъ сошлютъ.

— Вѣрно, сошлютъ! Но тамъ съ проволочкой судить будутъ, а этотъ подмахнетъ бланкъ, — завтра ты ужъ и на этапѣ. Мнѣ одинъ

знакомый чиновник из управы благочинія сказывалъ, что недавно такой случай былъ...

Кончается вечеръ. Сонный лакей Мардарій провожаетъ гостей и въ «субботникъ» заносятся слѣдующіе стихи (Б. Н. Алмазова):

У Щученко въ домѣ,
Въ часъ заката звѣздъ,
Въ память по Содомѣ
Былъ великій сѣздъ.

Трезвый и степенный
Собрался людъ,
Былъ тутъ Келль почтенный,
Максинъ и Шервудъ.

Петя Безобразовъ,
И толстякъ Борисъ,
И Борисъ Алмазовъ —
Всѣ перепились.

Лонгиновъ Михайла
Капли не бралъ въ ротъ,
Видно онъ...
По тихоньку пьетъ.

А Алмазовъ Борька
И Садовскій Провъ
Водки самой горькой
Выпили полштофъ.

Костя ключъ отъ шкафа
Часто доставалъ,
И издѣля Яффа
Пилъ и одобрялъ.

Максинъ отъ коньяку
Вовсе не былъ пьянъ, —
Спиртового лагу
Требовалъ стаканъ...

Михаилъ Ефремычъ,
Русскій соловей,
Врачевалъ ихъ немочъ
Пѣсенкой своей.

И подъ звуки арій,
Отягченъ виномъ
Между тѣмъ Мардарій
Спалъ глубокимъ сномъ.

Очень жаль, что стихи изъ «субботника», какъ имѣющіе частный характеръ, не могутъ быть напечатаны, а есть прекрасные.

Къ осени Островскій окончилъ новую піесу «Не такъ живя, какъ хочется» и прочелъ ее въ первый разъ кружку у себя дома. Этотъ вечеръ останется мнѣ памятенъ до конца моихъ дней. Послѣ чтенія Провъ Михайловичъ мнѣ сказалъ, что получено изъ Петербурга разрѣшеніе дебютировать мнѣ въ его бенуфисъ, въ сіеѣ М. Н. Влады-

кина «Образованность». Не только поступленіе на сцену, но и дебюты были тогда обставлены большими затрудненіями, и если мнѣ позволяли дебютировать, то только во вниманіе къ просьбѣ Прова Михайловича.

Я думаю ни одинъ дебютать не въ состояніи отчетливо передать тѣхъ чувствъ, которыя овладѣваютъ имъ при первомъ выходѣ на сцену. Какой-то особенный страхъ рябитъ въ глазахъ, руки дѣлаются совершенно лишними,—лучше, когда бы ихъ на этотъ разъ не было. Все это я испыталъ въ полной мѣрѣ, несмотря на то, что роль зналъ какъ «отче нашъ», и говорилъ ее подъ руководствомъ всего нашего кружка.

— Что это у васъ, милый человѣкъ, лихорадка, что ли?—подошла ко мнѣ Софья Павловна Акимова, игравшая въ пьесѣ мою мать.— Смѣлѣй, голубчикъ.

— Жутко, дружокъ! У насъ съ тобой тоже поджилки тряслись...— замѣтилъ С. В. Васильевъ.— Съ Богомъ.

Александръ Николаевичъ въ самый моментъ выхода пожалъ мнѣ руку и пожелалъ счастья.

Я на сценѣ. Дѣйствительно затряслись поджилки, задрожали губы... трудно передать то ощущеніе, которое я испыталъ въ этотъ вечеръ. Такъ юница, трепетно стоявшая подъ вѣнцомъ, не можетъ въ день своей золотой свадьбы, передать подробности совершавшагося надъ нею торжественнаго акта; а надо мною тоже совершился торжественный актъ—я вступилъ въ новую жизнь, исвѣдуюмую мнѣ сферу дѣятельности, о которой я никогда не мечталъ и къ которой не былъ приготовленъ.

Къ дебютантамъ въ то время публика относилась очень благосклонно; благосклонно отнеслась она и ко мнѣ, вызвавши въ продолженіе пьесы пять разъ. За кулисами меня привѣтствовали, но я чувствовалъ вполне свое одиночество.

— Окунулся, дружокъ. Теперь плыви смѣло,—сказалъ мнѣ С. В. Васильевъ.

— Поплывешь, Богъ милостивъ!—сердечно улыбаясь, поддакнулъ Провъ Михайловичъ.

Газетныхъ отзывовъ дебютантамъ тогда нечего было бояться, да и газета то была одна, которая почти не занималась театромъ, хоть и имѣла для экстренныхъ отзывовъ репортера, князя Назарова. Князь былъ человѣкъ образованный и чистоплотный, не похожій на большинство современныхъ репортеровъ, часто мѣшающихъ сценическимъ дѣятелямъ и спокойному отношенію къ ихъ обязанностямъ. Бояться тогда можно было строгихъ приговоровъ самихъ артистовъ.

Въ теченіе моей долгой службы въ театрѣ, я неоднократно былъ свидѣтелемъ слезъ, истерикъ и перваго раздраженія у своихъ товарищъ и товарищей, вызванныхъ площадными ругательствами газетныхъ репортеровъ, не имѣющихъ за собою ни нравственнаго, ни образовательнаго ценза. Что, ежели бы собрать воедино все то сквернословіе, которому подвергался русскій театръ въ продолженіе четверти вѣка въ разныхъ листахъ и газетахъ?! Богатѣйшій матеріалъ для будущей исторіи театра! Одно время отзывы о театрѣ и его дѣятеляхъ въ одной газетѣ доходили до бѣшенства и изступленія ума. Начальника репертуара и жену его печатно называли взяточниками; актрисамъ придавали эпитетъ: «нюня, плакса, горничная»; про актеровъ и говорить нечего. На нѣкоторыхъ изъ нихъ наложена была печать проклятія, другихъ просто оскорбляли кучерской бранью. На-

конец первый русскій театръ былъ лишень своего почетнаго наименованія «Императорскій Александринскій театръ». Его стали называть печатно «Казеннымъ театромъ» или «Александринкой». Давай намъ частные театры! Сначала, потихоньку, подъ клубными флагами, завелись эти театры, а потомъ послѣдовало разрѣшеніе строить частные театры. Много недоучившихся мальчиговъ побросалось со школьных скамеекъ на зовъ клубной Мельпомены; много милыхъ дѣвницъ вскочили на театральные подмостки. Появились лекціи по драматическому искусству, руководства для изученія драматическаго искусства. Первое руководство предложили режиссеръ русскаго драматическаго театра Вороновъ—книжечку въ два вершка длины и два миллиметра толщины. За нимъ послѣдовали и другіе—тоже руководства! Наконецъ парикмахеръ отъ Пяти Угловъ обнародовалъ для актеровъ «Правила Гримировки»

VIII.

Это было въ 1857 году. Давать въ то время великимъ постомъ публичные литературные вечера не позволялось, хотя первенствующіе тогда артисты М. С. Щепкинъ и К. Н. Полтавцевъ почитывали въ залѣ купеческаго клуба, но безъ афишъ, да и при выборѣ пьесъ для чтенія комическій элементъ изгоняли. Такъ Щепкинъ читалъ изъ «Полтавы» Пушкина, Полтавцевъ «Клермонтскій соборъ» Майкова и т. п., даже комикъ-буффъ В. П. Живокинъ и тотъ долженъ былъ читать «Свѣтлану» Жуковскаго, что выходило, помимо его воли, ужасно смѣшно.

Въ Москвѣ гостилъ знаменитый французскій компкъ Левассеръ. Давалъ онъ представленія въ Маломъ театрѣ. Графиня Л. А. Несселъ-роде, дочь графа А. А. Загревскаго, пригласила меня на одинъ изъ своихъ интимныхъ вечеровъ, на которомъ былъ и Левассеръ. Репертуаръ моихъ разсказовъ былъ въ то время очень не великъ и выступать на турниръ съ Левассеромъ мнѣ казалось страшнымъ. П. М. Садовскій, флегматически понюхавъ табаку, ободрилъ меня: «ничего-съ, Иванъ Ѳедоровичъ, валийте смѣло! Графъ, если онъ тамъ будетъ, такъ онъ этого Левассера и не пойметъ... А вы ему изобразите квартальнаго надзирателя (сцена въ канцеляріи квартальнаго надзирателя, первый по времени мой разсказъ), и чудесно будетъ!.. Очень доволенъ останется».

Въ назначенный часъ я вошелъ въ гостиную графини и былъ ей представленъ М. П. Лирскимъ, блестящимъ гвардейскимъ полковникомъ.

— Очень рада,—сказала мнѣ графиня.—Вы его слышали?

— Слышалъ въ Петербургѣ.

— Я очень рада!.. Онъ прекрасно!.. Онъ сейчасъ будетъ Вон пошпе пѣть... А вы поете?

Живая, бойкая, молодая, веселая графиня Лидія Арсентьевна засыпала меня вопросами и представила меня своей графинѣ матери, которая привѣтствовала меня съ величайшей любезностью.

— Много я слышала объ васъ, батюшка,—сказала она:—жалко, что графъ не можетъ быть сегодня, ну да вы послѣ доставите ему удовольствіе васъ слышать.

Мысленно я огорчился, что графъ былъ въ отсутствіи. Мнѣ очень

хотѣлось поближе посмотреть сподвижника Александра Благословеннаго, покрытаго

Славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Цвѣтъ московскаго высшаго общества занимал гостиную графини. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ левассеровскихъ куплетовъ. Левассеръ исполнялъ ихъ превосходно и гримъ былъ необыкновенный, чему не мало способствовала подвижность его личныхъ мускуловъ. Онъ оставилъ у насъ по себѣ много подражателей, былъ, такъ сказать, насадителемъ у насъ куплета.

Изъ мужчинъ первенствовали въ гостиной графини М. Н. Лонгиновъ, А. Л. Потаповъ, тогда флигель-адъютантъ, и Б. М. Маркевичъ, камеръ-юнкеръ.

Отворилась дверь изъ сосѣдней съ гостиною комнатою, вышелъ съ сияющей улыбкой Маркевичъ, а за нимъ Левассеръ, загримированный старичкомъ, въ камлотовой шинели, въ клугленькой шляпѣ, подъ зонтикомъ, это—*Воп hotte*. Сдержанный хохотъ раздался въ гостиной.

Левассеръ имѣлъ полный успѣхъ. Восторгу не было конца. Наступила моя очередь. Неуклюже и застѣнчиво вышелъ я на средину гостиной и началъ рассказывать—М. Н. Лонгиновъ передалъ Левассеру по-французски суть моихъ рассказовъ. Я тоже имѣлъ успѣхъ. Особенно рассказы мои понравились графинѣ-матери.

— Отъ души, я, батюшка, посмѣялась,—сказала она мнѣ при прощаньи:—французъ хорошъ, а вы лучше...

Угрюмый А. Л. Потаповъ вторилъ графинѣ, Лонгиновъ наговорилъ мнѣ много любезностей, а Маркевичъ прочиталъ мнѣ поученіе.

— Та среда,—говорилъ онъ,—изъ которой вы берете ваши рассказы, для гостиной не годится. Замѣтили вы,—Левассера всѣ поняли, а васъ нѣтъ, хотя вы очень хорошо передаете. Согласитесь сами—напримѣръ, княгиня Щербатова никогда не бывала въ канцеляріи квартальнаго надзирателя... Какой ей интересъ въ вашемъ рассказѣ? Вы въ Петербургѣ сдѣлались салоннымъ рассказчикомъ, и въ Москвѣ вамъ предстоитъ то же... Я слышалъ, что васъ хотѣтъ приглашать многіе. Мы съ вами поговоримъ. Я вамъ подскажу, что нужно для гостиной. Вамъ нельзя идти на хвостъ у Садовскаго—онъ свою пѣсню спѣлъ... Вамъ нужно... мы съ вами поговоримъ... Отчего вы не обратитесь къ Тарновскому (переводчику водевилей)? Онъ для васъ напишетъ, наконецъ,—я вамъ напишу... Мы поговоримъ...

Левассеръ такъ взглянулъ на мои рассказы: онъ сравнилъ меня съ своимъ соотечественникомъ *Henry Monnier* и сказалъ, что если онъ моихъ рассказовъ не понялъ, то прочувствовалъ, и, крѣпко пожавши мою руку, назвалъ меня *samarad'omъ*.

Графиня Нессельроде спросила меня, отчего я не прочту своихъ рассказовъ въ Маломъ театрѣ.

Я отвѣчалъ, что это постомъ запрещено.

— А какъ же Левассеръ?

— Иностранцамъ позволено.

— Какой вздоръ? Графъ вамъ разрѣшитъ. Я ему скажу.

На другой день я получилъ записку, которую прочитать, выразумѣлъ, что я долженъ явиться къ графу Захревскому въ восемь часовъ утра, и не съ главнаго подъѣзда, а со двора.

По узкой лѣстницѣ взобрался я во второй этажъ и очутился въ длинной передней. Передняя проявляла кичливую дѣятельность. Нѣ-

сколько паръ сапогъ со шпорами отражали отъ себя ослѣпительный блескъ, а одна пара готовилась къ воспринятію блеска. Казачокъ-лакей смазывать ее ваксой, ходить по ней густой щеткой, дышала на нее и т. п. Сюртукъ съ густыми бѣлыми эпюлетами гордо распростерся на длинной вѣшалкѣ, около него стоялъ длинный лакей съ вѣшникомъ. На диванѣ сидѣлъ въ вицъ-мундирѣ чиновникъ со Стапиславомъ на шеѣ, рядомъ съ нимъ какой-то гулецъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ меня толстенькій старичокъ въ сюртукъ и бѣломъ жилетѣ.

— Мнѣ нужно къ графу.

— По какому дѣлу?

— Графу извѣстно, что я къ нему приду.

— Этого невозможно!—возразилъ старичокъ, осматривая меня съ ногъ до головы.—Если прошеніе какое...

— Нѣтъ, вы просто доложите. Я назвалъ свою фамилію.

— Все это я очень хорошо понимаю и фамилію вашу мнѣ сказать не трудно, но только этого никакъ нельзя. Иванъ Дмитріевичъ,—обратился онъ къ чиновнику:—объявите имъ.

Чинovníкъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ.

— У васъ, можетъ, письмо есть?

— Нѣтъ.

— Трудно!

— Да вы отчего же сказать не хотите?—спросилъ меня снова старичокъ.

— Можетъ, живописецъ,—профѣдилъ сквозь зубы лакей, стоявшій у мундира.

Нѣсколько секундъ раздумья.

— Извольте, я доложу, только бы... чего не случилось. Извольте снять пальто.—Я снялъ. Вѣшникъ ерзалъ по мундиру, щетка сверкала по сапогу. Чинovníкъ пристально смотрѣлъ на дверь, въ которую ушелъ старичокъ.

— Пожалуйте!—послышалось изъ двери, но уже тономъ ласковыми.—Пожалуйте! Графъ сейчасъ выйдетъ.

Мы вошли въ обширную комнату, въ которой стояло два огромныхъ письменныхъ стола.

— Вотъ вы обождите здѣсь...—заговорилъ старичокъ шопотомъ.—Графъ вонъ оттуда выйдетъ... Вы ему и доложите, что вамъ нужно. Онъ добрыйишій человекъ и любитъ, чтобъ съ нимъ смѣло говорили.

Въ дверяхъ показалась въ халатѣ крупная, важная, плѣшивая, величавая фигура графа Закревскаго.

— Здравствуй!—сказалъ онъ рѣзкимъ хриловатымъ голосомъ.

Я почтительно поклонился.

— Да ты совсѣмъ молодой... Ты мальчикъ... Очень радъ для тебя слышать все... Мнѣ графиня объ тебѣ говорила. Садись. Что тебѣ нужно?

Я изложилъ свою просьбу, что желаю прочесть свои рассказы передъ публикой.

— Хорошо. Подожди здѣсь. Придетъ Ѳеодоръ Петровичъ, онъ тебя устроитъ¹⁾.

Съ этими словами графъ вышелъ и воротился черезъ полчаса въ сюртукѣ безъ эпюлетъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ Ѳеодоръ Петровичъ.

— Вотъ, Ѳеодоръ Петровичъ, въ чемъ его просьба. Онъ проситъ...

¹⁾ Ѳ. П. Корниловъ, правитель канцеляріи московскаго генералъ-губернатора. Сочиненія И. Ѳ. Горбунова. Т. II.

— Мнѣ графиня говорила, ваше сіятельство... Я думаю, можно въ частной залѣ, а не въ театрѣ... Вѣдь это рѣшительно все равно... Графиня ужъ и зало нашла.

— Прекрасно. Только ты, обратился онъ ко мнѣ, съѣзди къ Веретовскому (управляющему Москов. театровъ) и скажи ему, что и согласенъ.

Маститый маэстро Веретовскій изъявилъ полное свое согласіе и пожалѣлъ, что онъ не можетъ дозволить въ театрѣ.

Первый мой литературный вечеръ данъ былъ на Тверской, въ залѣ А. А. Волкова. Вся московская знать почтила меня своимъ присутствіемъ.

На другой день я былъ приглашенъ къ графу на вечеръ, на которомъ должны были участвовать Левассеръ и М. С. Щенкинъ. Вечеръ былъ блестящій. Михайло Семеновичъ съ чувствомъ и одушевленіемъ прочелъ стихотвореніе Пушкина «Полководецъ» и произвелъ на участниковъ двѣнадцатаго года сильное впечатлѣніе. Старецъ, комендантъ Стааль, прослезился. Левассеръ поправился барынямъ и молодому поколѣнію. Антрактъ. Подали мороженое. Графъ подозвалъ меня къ себѣ и шутливо-повелительнымъ тономъ произнесъ: зарѣжь его! (т. е. Левассера). Я вышелъ на эстраду и имѣлъ большой успѣхъ, даже удостоился рукопожатія отъ графа и отъ древняго старика Стаалья.

— Вѣдь онъ нашъ, Михайлъ Семеновичъ, здѣшній... московскій, — обратился графъ къ Щенкину.

Михайлъ Семеновичъ прослезился и поцѣловалъ меня въ лобъ.

IX.

По прїѣздѣ моемъ въ Петербургъ, 9-го апрѣля 1855 года, я въ тотъ же день отправился къ Алексѣю Теофилактовичу Писемскому, съ которымъ познакомился въ Москвѣ. Я засталъ его за работою: онъ писалъ свой романъ «Тысяча душъ». Душевная моя любовь и привязанность къ Островскому и Алексѣю Потѣхину—его землякамъ—расположили его ко мнѣ, онъ полюбилъ меня и сталъ мнѣ «въ отда мѣсто». Я просиживалъ у него цѣлые дни, и весь его романъ написалъ на моихъ глазахъ, и нѣсколько главъ первой черновой рукописи находятся у меня. Онъ писалъ очень скоро, но передѣлывалъ написанное очень долго; инныя главы переписывались имъ по нѣскольку разъ.

Черезъ день или два по моемъ прїѣздѣ, Д. В. Григоровичъ и онъ вывезли меня въ литературный свѣтъ, на вечеръ къ А. А. Красевскому, гдѣ Писемскій долженъ былъ читать свой рассказъ «Плотничья артель». Здѣсь я встрѣтилъ всѣхъ свѣтилъ тогдашней русской литературы, которыхъ я зналъ только по хрестоматіи Галахова. Мнѣ въ первый разъ приходилось услышать чтеніе Писемскаго, теща, которому въ то время не было равныхъ, хотя отличныхъ чтецовъ было и не мало. За круглымъ столомъ, доска котораго была расписана рукою знаменитаго художника Орловскаго, размѣстились слушатели: Жихаревъ, Лажечниковъ, Никитенко, Е. П. Ковалевскій, Пв. А. Гончаровъ, только что вернувшійся изъ кругосвѣтнаго плаванія, Мей, Дружининъ, Григоровичъ, Галаховъ, Майковъ.

Писемскій развернулъ тетрадь, испещренную какими-то каракулями (покойникъ писалъ отвратительно, хуже его никто не писалъ, и надъ пишущими хорошо всегда подшучивалъ), и предсказавъ нѣ-

нѣсколько словъ о своемъ разсказѣ, начать читать. Это было не чтение, а высокая сценическая игра; каждое лицо выходило, какъ живое, съ своимъ тономъ, съ своимъ жестомъ, съ своей индивидуальностью. Художественное наслажденіе было полное, всё было въ неопысанномъ восторгѣ, кромѣ одного словесника, которому не только чтение не понравилось, но онъ намекнулъ, что такихъ шаршавыхъ мужиковъ нельзя пускать въ литературу. а при изображеніи такихъ, нужно брать за образецъ мужиковъ, написанныхъ Гибдиномъ въ его идилліи «Рыбакъ».

Послѣ Писемскаго я въ первый разъ выступилъ въ качествѣ разсказчика сценъ изъ народнаго быта и былъ привѣтствованъ литературнымъ ареопагомъ.

Въ то время былъ трауръ по покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ; театры были закрыты; лѣто жаркое; война; скука невыносимая. Алексѣй Теофилактовичъ каждое утро пересматривалъ, что написалъ вчера, читалъ мнѣ исправленное и знакомилъ съ будущимъ изложеніемъ романа.

— Ну что, А. Ѳ., на чемъ остановились?—спрашиваю я.

— А я теперь князя Ивана въ острогъ посадилъ. Теперь онъ у меня со зрителемъ разговариваетъ. Вотъ я сейчасъ прочту.

И начиналъ изображать. Иногда и днемъ мы отправлялись съ нимъ куда-нибудь на чтеіе. Мы сдѣлались известными чтецами и вошли въ моду, насъ приглашали въ самое высшее общество.

— Мы съ тобой точно дьячки,—сказалъ онъ одинъ разъ:— намъ бы попросить митрополита, чтобы разрѣшилъ стихари надѣть.

Разъ, въ началѣ іюня, я, по обычаю, пришелъ къ Писемскому и засталъ его встревоженнымъ.

— Что съ вами?—обратился я къ нему.

— Какъ, братецъ, развѣ не знаешь? Посмотри.

И онъ указалъ мнѣ на письмо отъ князя Д. А. Оболенскаго. Изъ него я узналъ, что мы завтра въ два часа должны съ нимъ прибыть на казенный пароходъ, стоявшій на Невѣ, который насъ доставитъ на фрегатъ «Юриикъ», къ великому князю Константину Николаевичу.

— Такъ что же?—сказалъ я.

— Какъ—что? По морю-то плыть—не по Волгѣ!

— Да далеко ли тутъ!

— У тебя нервы нѣтъ! Въ шхерахъ-то тамъ налетитъ...

— Да какія тамъ шхеры!..

Цѣлый день онъ волновался, а вечеромъ мы отправились на пароходъ, на которомъ должны были плыть въ Кронштадтъ, и намъ дозволили войти на него и осмотрѣть. Писемскій успокоился.

— Это пароходъ серьезный,—утѣшалъ онъ себя, хотя пароходъ былъ очень маленький.

Въ назначенное время мы были на пристани и ровно въ два часа отошли въ Кронштадтъ. Черезъ полчаса А. Ѳ. освѣдился съ моремъ, боиться пересталъ, а интересовался только знать—виденъ ли будетъ неприятельскій флотъ.

Вотъ показался Кронштадтъ... Все ближе... ближе... Авѣсе... вотъ наши суда.

— «Стопъ машина»,—раздалась команда. Подъ пароходомъ забурлило. Съ фрегата «Юриикъ» донесли черезъ рупоръ какія-то слова, отвалилъ катеръ и направился къ нашему пароходу; взявъ насъ, пошелъ обратно къ фрегату. На фрегатѣ мы были предста-

влены начальствующимъ лицамъ. Великій князь находился въ каютѣ: у него былъ докладъ.

— Неудобно ли вамъ осмотрѣть фрегатъ,—обратился командиръ, капитанъ Баженовъ.

Писемскій молча повиновался и пошелъ, я последовалъ за нимъ. Намъ показали орудія, ядра, картечи и наконецъ пригласили на марсъ, откуда простымъ глазомъ видны были мачты непріятельскаго флота, а посредствомъ трубъ мы узнали, что непріятель сунуть бѣлье. Новость впечатлѣній была очень сильна. Писемскій съ уваженіемъ смотрѣлъ на пушки, но подходитъ къ нимъ близко не рѣшался и даже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, когда я внимательно осматривалъ одно орудіе.

— Отойди,—замѣтилъ онъ строго.

При входѣ въ каюту мы были представлены молодому великому князю, который такъ милостиво и любезно встрѣтилъ насъ, что заставилъ позабыть всякое смущеніе.

— Я съ удовольствіемъ читалъ ваши сочиненія,—сказалъ онъ Писемскому,—и очень радъ, что услышу ваше чтеніе. Мнѣ говорили, что вы мастерски читаете.—Потомъ обратился ко мнѣ:

— А вы еще юноша...

— Только что начинается,—замѣтилъ Писемскій нѣжнымъ отеческимъ тономъ.

Сѣли на палубѣ за длинный столъ, подали чай, началось чтеніе. Писемскій сначала зачиталъ робко, вилло, но скоро возобладать надъ собой и полился «изъ устъ его рѣчи сладчайшія меда». Его высочество неоднократно останавливалъ чтеніе и выражалъ автору свое удовольствіе. Разказъ былъ уже близокъ къ концу, вдругъ... глухой пушечный выстрѣлъ!.. Писемскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, другой... третій... четвертый!..

— Начали?!—произнесъ онъ простодушно, робко окинувъ всѣхъ глазами. Ему представилась бомбардировка.

— Это салютъ. Къ непріятелю идетъ пароходъ съ моря,—успокоили его.

Нальба продолжалась, и Писемскій не раньше ея окончанія приступилъ къ чтенію, но началъ читать двумя тонами ниже, такъ его поразила эта неожиданность. Послѣ чтенія я разказалъ весь бывший тогда у меня репертуаръ. Обласканные вниманіемъ великаго князя, въ 11 часовъ вечера мы поплыли тѣмъ же порядкомъ обратно. На пути насъ встрѣтилъ туманъ, и мы ощупью шли до Петербурга. Писемскій всѣхъ истерзалъ. Ему представлялись подводные камни, мели, а въ устьѣ Невы померещились мины.

— Туманъ, братецъ,—говорилъ онъ мнѣ: —наткнешься и поле-тишь.

Однако Богъ насъ помиловалъ: мы пришли благополучно.

Г И Т А Р А.

Говори хоть ты со мной,
Душка семиструнная!
Грудь моя полна тоской..
Ночь такая луная.

Видишь, я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую!
Ты допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую.

Доскажи миѣ, что другой
Было недосказано,
И о чемъ лихой судьбой
Поминать заказано.

Въ головѣ моей больной
Все мечты мятежныя,
Сердце дразнить миѣ порой
Полувзгляды нѣжныя.

Что играть ей было мной!
Знаеть безъ того она,
Что какой-то властью злой,
Къ ней душа прикована.

Такъ допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую.
Видишь я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую.

18-го февраля 1855 г.

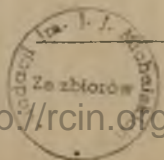

19 271

Оглавление

II ТОМА.

	стр.	стр.
Очерки и рассказы.		
Канунъ Рождества	5	
Ночь на новый годъ	11	
Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ.	14	
Въ дорогѣ	21	
Купеческое житье	30	
Дьявольское навожденіе	39	
Медвѣдь	43	
Птицеловъ	60	
Изъ деревни.		
I. На лугу	68	
II. На рыбной ловлѣ	77	
III. Рыболовъ	110	
IV. Уѣздный городъ	117	
V. Жанъ Бургесъ	130	
VI. Елизавета Петровна	139	
Милая дѣвушка	155	
Отжившіе тишы	175	
Записная тетрадь стараго москвича	180	
Записная книжка	186	
Мысли велухъ на парадномъ подъездѣ	190	
Дневникъ дворецкаго	196	
Царь Петръ Христа славить	208	
О ѣвкторомъ зайцѣ	216	
Драматическіе этюды		
Утро холостого человѣка	221	
Деревенскія сцены	231	
Подражаніе старинной письменности.		
Письмо изъ Эмса	249	
Челобитная XVII—XVIII столѣтій	250	
Изъ челобитной по судеб- ному дѣлу	250	
Челобитная скomorоха по- тѣшнаго приказа	251	
Донесеніе царскаго вое- воды о боѣ съ Афган- скимъ мурзою	251	
Указъ окольникъему	253	
Грамота московскимъ лю- дямъ	254	
Письма	254	
Проектъ челобитной	256	
Роспись столовому кушанію	256	
Очерки изъ исторіи театра.		
Первые русскіе придворные комедіанты.		
I. Федоръ Григорьевичъ Волковъ	259	
II. Иванъ Аванасовичъ Дмитревскій	279	
III. Петръ Алексѣевичъ Плавельщиковъ	295	
IV. Яковъ Даниловичъ Шумской	304	
V. Татьяна Михайловна Тропольская	306	
VI. Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ	307	
VII. Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ	313	
VIII. Сила Николаевичъ Сандуновъ	320	
Московскій театръ въ XVIII—XIX столѣтіяхъ	336	
Варвара Николаевна Асен- кова	364	
Отзывъ современника о опер- номъ представленіи оперы «Жизнь за царя»	370	
Отрывки изъ воспоминаній.		
Отрывки изъ воспоминаній	373	
Стихотвореніе «Гитара»	403	

F

24.107

4-2